ISSN 2078-8975 (print)
ISSN 2078-8983 (online)

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2016 № 2 (66)

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Просеков А. Ю. – д-р техн. наук, профессор, профессор РАН, и. о. ректора КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.

Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Барбараш Л. С. – д-р мед. наук, профессор, академик РАМН, Председатель КНЦ СО РАМН (г. Кемерово, Россия).

Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).

Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Welttrends» (Потсдам, Германия).

Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН. Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).

Милошевич Х. – д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).

Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Пихица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).

Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).

Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).

Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).

Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Просеков А. Ю. – д-р техн. наук, профессор, профессор РАН, и. о. ректора КемГУ, гл. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Клочко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).

Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИРПО (Кемерово, Россия).

Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

ISSN 2078-8975 (print)
ISSN 2078-8983 (online)

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2016 № 2 (66)

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

A. Y. Prosekov – Dr. of Technical Science, Prof., RAS Prof., Acting Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.

A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Phililogy of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

L. S. Barbarash – Dr. med. Sciences, professor, academician of the Academy of Medical Sciences, the President of KSC SB RAMS (Kemerovo, Russia).

Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).

R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

H. Milosevic – Dr of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).

V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).

V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).

Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

A. Y. Prosekov – Dr. of Technical Science, Prof., RAS Prof., Editor-in-Chief, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).

V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).

V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).

S. T. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Кемеровского государственного университета.

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
http://vestnik.kemsu.ru

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). http://elibrary.ru

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

© Кемеровский государственный университет, 2016
© Авторы научных статей, 2016

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
http://vestnik.kemsu.ru

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" http://elibrary.ru.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

© Kemerovo State University, 2016
© The authors of scientific articles, 2016

СОДЕРЖАНИЕ | CONTENTS

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

7 ***Бахитов С. Б.*** Авангард и капитализм в зеркале философии истории

13 ***Боброва Л. Ю., Ширин Ю. В.*** Егозовский клад

25 ***Кимеев В. М.*** Проблемы создания историко-культурного и природного музея-заповедника «Шестаковский комплекс»

31 ***Леонтьева Д. С., Рахимжанова С. Ж.*** Андроновская керамика поселения Большой Лог-I на юге Западной Сибири

41 ***Полевод В. А.*** История формирования энтомологических коллекций в музеях Кемеровской области

50 ***Протасов А. Д.*** Опыт периодизации отечественной историографии дореволюционного страхования рабочих в первые десятилетия советской власти (конец 1917 – середина 1941 гг.)

57 ***Щукина Т. В., Воскобойников С. Г.*** Донские меньшевистские организации в условиях Первой мировой войны: источниковедческий обзор материалов

62 ***Юрганова И. И.*** Якутия в составе Камчатской епархии (1856 – 1869 гг.): особенности церковного управления

ПСИХОЛОГИЯ

68 ***Андронникова О. О.*** Типология и мотивационно-установочные характеристики виктимного поведения в обществах с разной культурной ментальностью

73 ***Бучек А. А., Ермоленко А. В.*** Акмеологические инварианты профессионализма: к постановке проблемы

76 ***Гунзунова Б. А.*** Психокоррекция эмоционального выгорания и развитие навыков саморегуляции у педагогов

81 ***Загузина Н. Н., Невзоров Б. П., Боков А. В.*** Возможности психолого-педагогической поддержки и сопровождения профориентации с использованием информационно-компьютерных и дистанционных технологий

89 ***Задоенко А. Л.*** Динамика формирования толерантности будущих социальных работников в процессе высшего профессионального образования

93 ***Капустина Т. В.*** Психодиагностика личностных характеристик с помощью методики К. Пирсон и Х. Марр «12 архетипов»

HISTORY AND ARCHEOLOGY

7 ***S. B. Bakhitov.*** Avant-gardism and capitalism in the mirror of philosophy of history

13 ***L. Yu. Bobrova, Yu. V. Shirin.*** Egozovo Buried Treasure

25 ***V. M. Kimeev.*** Problems of creation of the historical and cultural museum “Shestakovo complex”

31 ***D. S. Leontieva, S. Zh. Rakhimzhanova.*** Andronovo ceramics of Bolshoy Log-I settlement in the south of Western Siberia

41 ***V. A. Polevod.*** The history of formation of entomological collections in the museums of Kemerovo region

50 ***A. D. Protasov.*** Periodization of the Russian historiography of pre-revolutionary workers’ insurance in the first decades of the soviet authority (late 1917 – mid 1941)

57 ***T. V. Shchukina, S. G. Voskoboynikov.*** The Don Mensheviks organizations in the conditions of World War I: the source study review of materials

62 ***I. I. Yurganova.*** Yakutia as a part of the Kamchatka diocese (1856 – 1869): features of church management

PSYCHOLOGY

68 ***O. O. Andronnikova.*** Typology and motivation-setting characteristics of victim behavior in societies with different cultural mentality

73 ***A. A. Buchek , A. V. Ermolenko*** Acmeological invariants of professionalism: statement of the problem

76 ***B. A. Gunzunova.*** Psychological correction of the emotional burnout and developing the skills of self- regulation in teachers

81 ***N. N. Zaguzina, B. P. Nevzorov, A. V. Bokov.*** Resources of psychological and educational support and career counseling based on ICT and distance learning technologies

89 ***A. L. Zadoenko.*** Dynamics of forming future social workers’ tolerance in the process of higher professional education

93 ***T. V. Kapustina.*** Psychological diagnostics of personality characteristics using K. Pearson and H. Marr’s “12 archetypes” test

102 ***Люкшина Д. С.*** Ценностные ориентации профессионалов особых условий труда (на примере сотрудников пограничной, полицейской и таможенной служб)

109 ***Мазеина О. Н.*** Скрининговые обследования в образовательных организациях федеральной службы исполнения наказаний России

114 ***Маслова О. В., Джидарьян И. А.*** Представления о любви и культура: результаты эмпирического исследования

120 ***Морозова И. С., Воронова Е. В.*** Динамика содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности студентов к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в вузе

126 ***Мурзина О. П., Вербина Г. Г.*** Методы развития мелкой моторики детей с синдромом Дауна

131 ***Николовская Н. А., Невзоров Б. П. , Фадеев Ю. А.*** Анализ психологической устойчивости сотрудников МЧС стандартизированным многофакторным методом исследования личности (СМИЛ)

136 ***Фризен М. А.*** Субъектность формирующейся личности в плане саморазвития

140 ***Холодцева Е. Л., Портнова А. Г.*** Детерминанты личностной зрелости в позднем возрасте

146 ***Шабанов Л. В., Сметанкина Л. В., Лычагина С. В.*** Феномен любви в ментальном отражении современного социального пространства

151 ***Юдин С. А.*** Взаимосвязь показателей самоорганизации учебной деятельности студентов вуза и временной перспективы личности

ФИЛОЛОГИЯ

156 ***Воронец М. В.*** Выбор глагола в условиях конкуренции модусных значений видов

160 ***Губик С. В., Шакирова Э. Р.*** Особенности выражения авторской интенции в экономическом медиадискурсе (на материале журнала «The Economist»)

166 ***Джонич В.*** Русские и сербские фразеологизмы: опыт сопоставительного анализа

171 ***Евтушенко С. Я.*** Особенности обучения деловому общению иностранных студентов в аспекте русского языка как иностранного

176 ***Звада О. В., Позняк Л. П.*** К вопросу языковых репрезентаций морального дискурса

182 ***Костомаров П. И., Косенчук А. В.*** Гипержанр в речи представителя российских немцев Сибири

187 ***Кузьмина С. Г.*** Формирование национально-культурного контекста в мнемоническом дискурсе

102 ***D. S. Lyukshina.*** Value orientations of the professionals working in special conditions (the example of Border, Police and Customs services staff)

109 ***O. N. Mazeina.*** Screening inspections in educational organizations of the Russian Federal Penitentiary Service

114 ***O. V. Maslova, I. A. Dzhidaryan.*** Concepts of love and culture: the results of an empirical study

120 ***I. S. Morozova, E. V. Voronova.*** The dynamics of the substantive characteristics of the value-motivational component of students' psychological readiness for professional activity at various stages of studying at the university

126 ***O. P. Murzina, G. G. Verbina.*** Methods of developing fine motor skills in children with the Down syndrome in modern conditions

131 ***N. A. Nikolovskaya, B. P. Nevzorov, Yu. A. Fadeyev.*** Analysis of the EMERCOM staff's psychological stability with standardized multifactor method of personality research (SMPR)

136 ***M. A. Frizen.*** Subjectivity of the formed personality in respect of self-development

140 ***E. L. Kholodtseva, A. G. Portnova.*** Determinants of personal maturity in older ages

146 ***L. V. Shabanov, L. V. Smetankina, S. V. Lychagina.*** The phenomenon of love in the mental reflection of the contemporary social topics

151 ***S. A. Yudin.*** Correlation between university students' self-educational activity and the time perspective of the individual

PHILOLOGY

156 ***M. V. Voronets.*** Verb choice in competition of aspectual modus meanings

160 ***S. V. Gubik, E. R. Shakirova.*** The author's communicative intention in economic media discourse (based on «The Economist» materials)

166 ***V. Dzonic.*** Russian and Serbian phraseological units: experience of comparative analysis

171 ***S. Ya. Evtushenko.*** Features of training foreign students in business communication in the aspect of Russian as a foreign language

176 ***O. V. Zvada, L. P. Poznyak.*** On the question of language representations of moral discourse

182 ***P. I. Kostomarov, A. V. Kosenchuk.*** Hypergenre in the speech of the representative of the Russian Germans of Siberia

187 ***S. G. Kuzmina.*** Formation of the national and cultural contexts in the mnemonic discourse

193 ***Левицкая Н. Е.*** Субъектная организация пейзажного дискурса лирики Олега Чухонцева

200 ***Осадчая Т. Ю.*** Роль межкультурной коммуникативной компетентности в профессиональной подготовке специалистов сферы бизнеса

205 ***Родикова О. В.*** Стихотворения «Стриж» и «Сонет» из писем Л. И. Аверьяновой к А. И. Корсуну

210 ***Сипкина Н. Я.*** «Военные» баллады в поэзии Р. Рождественского и В. Высоцкого (сравнительная поэтика стилей поэтов) в контексте литературного процесса 1970-х гг.: основные тенденции развития

216 ***Цебровская Т. А.*** Методология исследования дерогативно маркированных этнонимов современного английского языка

223 *Правила для авторов журнала*

225 *Подписка на «Вестник КемГУ»*

193 ***N. E. Levitskaya.*** Subjective organization of the landscape discourse in Oleg Chukhontsev's lyrics

200 ***T. Yu. Osadchaya.*** The role of cross-cultural communicative competence in the Business specialists' professional training

205 ***O. V. Rodikova.*** The poems «Swift» and «Sonnet» from L. I. Averianova's letters to A. I. Korsun

210 ***N. Ya. Sipkina.*** War ballads genre in the poetry of R. Rozhdestvensky and V. Visotsky (comparative poetics of the poets' styles) in the context of the literary process of 1970s: basic trends of development

216 ***T. A. Tsebrovskaya.*** The methodology of research of the derogatory-marked ethnonyms in modern English

223 *Information and instructions for authors*

225 *Subscribe to the Bulletin of KemSU*

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ | HISTORY AND ARCHEOLOGY

УДК 930.1.1

АВАНГАРД И КАПИТАЛИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

С. Б. Бахитов [1, @]

[1] *Сургутский профессиональный колледж русской культуры им. А. С. Знаменского*
[@] *baxitova@mail.ru*

Статья посвящена исследованию роли авангардизма в капиталистическом обществе в работах философов, прежде всего М. А. Лифшица и М. Кантора. Цель статьи – сравнить позиции данных авторов, выявить в их критике модернизма историко-мировоззренческую составляющую. В статье рассматривается также проблема влияния отчуждения на сферу культуры в отражении философских сочинений XX – начала XXI вв. Современное вырождение культуры есть результат этого отчуждения, причиной же является отчуждение труда. Одним из проявлений данного вырождения стал как раз авангардизм, эволюционировавший от «неопасного бунта» к доходному бизнесу. Затрагивается также проблема отношений авангардизма и фашизма. Основные методы исследования в статье – историко-генетический и сравнительный. Сравнение критических позиций М. А. Лифшица и М. Кантора показывает, что главная причина различий в их взглядах заключается в разном понимании мирового исторического процесса. Это различие отражает мировоззренческие и социальные отличия советской и постсоветской гуманитарной интеллигенции.

Ключевые слова: отчуждение труда, модернизм, авангард, перформанс, абстракционизм, поп-арт.

Для цитирования: Бахитов С. Б. Авангард и капитализм в зеркале философии истории // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 7 – 12.

Отец скептицизма Пиррон советовал избегать суждений, касающихся прекрасного и безобразного, справедливого и несправедливого, т. к. они мешают достижению высшей невозмутимости, апатии. Релятивизм ныне в моде. Так, для Т. Бинкли и Леонардо да Винчи, и М. Дюшан, пририсовавший репродукции «Джоконды» усы и бороду, – в равной степени художники [1, с. 291]. К сожалению или к счастью, историк не может быть апатичным, т. к. его исследование всегда основано на соотнесении исследуемого со своим личным опытом и с общим видением исторического процесса. Наша статья посвящена восприятию такого элемента культуры XX – начала XXI вв., как авангард (модернизм), двумя критиками данного явления, один из которых – М. А. Лифшиц – был марксистом и писал в 60-х гг. XX в., второй – М. К. Кантор – наш современник. При всех различиях между ними много общего. Оба связывают авангард с развитием капитализма и с попыткой эстетического бунта против него. Оба пишут о практически полном включении авангарда в капиталистический бизнес после 1945 г. Оба отмечают условность противоречий между авангардом и фашизмом. Оба считают авангард явным симптомом вырождения искусства. Тем интереснее различия. Ведь это различия между стоящими на позиции гуманизма представителями двух разных поколений отечественной интеллигенции.

Что касается М. А. Лифшица, то его кредо – диалектический материализм, предполагающий восприятие современного капитализма в качестве способа производства, переходного к обществу более совершенного типа – социалистическому. Может быть, правда, диалектики во взглядах М. А. Лифшица было несколько больше, чем у многих его коллег.

Позиция М. Кантора иная. По его мнению, XX век стал эпохой перехода к демократии, эпохой борьбы различных «демократий» (английской, американской, «гитлеровской», советской и т. д.), борьбы, в которой после многомиллионных жертв среди населения Земли победила демократия американская – мироуправляющая. Но победа этой демократии отнюдь не означала победы равенства, наоборот, она стала основой для закрепления неравенства между народами, между классами, между народом и правящей от его имени номенклатурой, лидеры которой стали «воплощением демократии» [6, с. 21 – 48]. С утверждением управляемых номенклатурой массовых демократий утверждаются массовое холуйство и репрессии, аморализм, коррупция, засилье посредственности [6, с. 58 – 85]. Как пишет М. Кантор: «Великое демократии противопоказано – общество равных инстинктивно опасается проявления гения, вдруг это приведет к ущемлению амбиций рядовых граждан» [6, с. 95]. Воплощением победы посредственности в искусстве, по мнению М. Кантора, и стал авангард.

Если мы рассмотрим судьбы таких представителей раннего русского авангарда, как К. С. Малевич, М. Ф. Ларионов, В. В. Кандинский, то увидим нечто, что объединяет этих непохожих людей. Все отличались повышенным честолюбием и пропагандировали изобретенные ими стили как наивысшее достижение искусства (чего стоит название – «супрематизм»). Все первоначально отдали дань импрессионизму, что, думается, отчасти было данью мещанской моде. Как иронично пишет об импрессионизме М. Кантор: «Для

каждого адвоката, дантиста, риэлтора невозможно нарисовать «Взятие крестоносцами Константинополя», и не всякому дантисту это событие интересно. Но пейзаж с ракитой нарисовать можно, рынок на ракиты немереный» [6, с. 453]. Автор статьи и сам поклонник импрессионизма, но признать долю истины в рассуждениях М. Кантора стоит. Яркая черта модернизма тех лет – желание быть современным и актуальным в будущем, для чего собственно и придумывались новые стили. Однако, по мнению М. Кантора, путь сопротивления «актуального искусства» мещанству был путем не вверх, а вниз. Утверждение авангардизма привело, по его мнению, к легитимации посредственности: «Теперь всякий может быть художником, всякий может стать потребителем искусства, а стоимость произведения складывается из оборота общих интересов» [6, с. 453]. Данное мнение полностью подтверждает дальнейшая история авангардизма. Достаточно вспомнить появление такого направления, как арт брют, изначально ориентированный на «интуитивное» искусство непрофессионалов [3, с. 173]. Описывая нравы русских авангардистов начала XX в., М. Кантор отмечает, что они ревностно толкались локтями, не пуская соседа в будущее [6, с. 390]. При этом в борьбе использовалась порой не только революционная фраза, но и власть. Всем известна хрестоматийная история, как К. Малевич выгнал из Витебска М. Шагала, так что можно предположить, что главным двигателем «развития» новых стилей была конкуренция за «актуальность».

Но, вероятно, особо важным здесь было тотальное отрицание гуманистической традиции искусства, находившей воплощение в образности. М. Кантор обращает внимание на интересный факт: в написанном К. Малевичем манифесте «Супрематическое зеркало» тот перечислил важнейшие ценности в истории человечества (Бог, Душа, Дух, Жизнь, Религия, Техника, Искусство, Наука и т. д.), обвел их скобкой и поставил рядом ноль [6, с. 397]. Сам М. Кантор видит тут в первую очередь войну против христианского гуманизма [6, с. 417]. На наш взгляд, не стоит настаивать на христианском содержании гуманизма, гуманизм присутствует во всех религиях, ведущих родословную от «осевого времени», равно как и в связанных с ними философских системах, включая атеистические, например марксизм. Модернизм в данном случае просто эксплуатировал разрушительные стороны массовой культуры, воспринятые глазами радикала-нигилиста [6, с. 420]. Главным, однако, по мнению М. Кантора, было то, что авангард – это искусство Мировой демократической (на наш взгляд, скорее буржуазно-бюрократической) войны 1914 – 1991 гг., ведомой за демократическим (на наш взгляд – капиталистическим) обезличиванием: «От художника-авангардиста в России, как и от члена рексистского союза в Бельгии, требовалось немного – ни особых умений, ни талантов, ни знаний – только истовая вера в великую силу современности, в новую реальность, новый порядок» [6, с. 411].

Проблема вырождения культуры становится актуальной на Западе в период между двумя мировыми войнами. Так, О. Шпенглер в своем опубликованном в 1922 г. втором томе «Заката Европы» рассматривал подобное вырождение как общий удел всех приходящих в упадок цивилизаций: «Вновь и вновь во всех мировых столицах всех цивилизаций повторяется переход от напряженнейшей практической мыслительной работы к ее противоположности, сознательно вызываемому расслаблению, духовное напряжение заменяется телесным, спортивным напряжением, телесное – чувственным «наслаждением» и духовным «возбуждением» посредством игры и пари, чистая логика повседневной работы замещается сознательно употребляемой музыкой» [11, с. 106]. В конечном счете, пишет О. Шпенглер, исчезает целая пирамида пригодных для культуры людей [11, с. 109]. Развитие культуры останавливается, замещается борьбой денег и власти, которая заканчивается победой крови и деспотизма [11, с. 538 – 539].

К. Ясперс в 1931 г. незадолго до прихода к власти Гитлера пытался найти причины кризиса культуры в организации общества: «Там, где мерой человека является средняя производительность, индивид, как таковой, безразличен <…> Создается впечатление, что мир попадает под власть посредственности, людей без судьбы, без различий и без подлинной человеческой сущности» [12, с. 42]. Всеобщее господство посредственности в рамках массового порядка создает условия для упадка искусства: «В качестве развлечения оно, правда, освобождается от принудительности трудовой деятельности, но не может предъявлять требования к самобытию человека» [12, с. 120]. Без элемента трансцендентного искусство обречено на превращение в коммерческое шоу, художник остается без направляющей его жизнь идеи. Массовая бюрократизация жизни вместе с капиталистической конкуренцией становятся основой отчуждения, корень которого, как выявил еще К. Маркс, – в отчуждении труда. В условиях капитализма деятельностное саморазвитие, по мнению К. Маркса, превращается в свою противоположность – в самоотчуждение. Чем больше трудится наемный работник, продавая свою рабочую силу, тем более он превращается в узкоспециализированный винтик бизнес-процесса, тем более он зависим от чуждых и враждебных ему сил капитала, тем более труд из творческого процесса превращается в простое добывание средств к существованию [9, с. 91].

Естественно, деятели культуры эпохи капитализма всегда протестовали против приравнивания их к пролетариям умственного труда. Авангардистский теоретик Х. Ортега-и-Гасет в 1925 г. призывал к созданию элитарного искусства, очищенного от проблем обыденности, трансцендентности и традиции [10, с. 237]. Новое искусство, согласно испанскому философу, должно полностью отрицать старое, быть сродни спортивной игре или развлечению и одновременно содержать в себе мальчишескую насмешку над одряхлевшим миром, надоевшей трансцендентностью и самим собой [10, с. 255 – 260].

Дальнейшее развитие этих мыслей можно найти в книге американского философа П. Тиллиха «Мужество быть» (1952 г.), весьма оригинально превозносившего авангардизм в противовес реализму: «Создатели <…> современного искусства смогли увидеть отсут-

ствие смысла в нашем существовании; они соучаствуют в присущем ему отчаянии» [10, с. 191]. Сейчас, через полвека, мы можем сказать, что бегство от реальности оказалось неудачной стратегией. Идейное развитие протестного абстракционизма в живописи, думается, закончилось на «Черном квадрате» К. Малевича, проповедуемое Х. Ортегой-и-Гасетом выпячивание на передний план мельчайших жизненных деталей [10, с. 250] привело в своем развитии к поп-арту, «мыльным» сериалам и «Дому-2», а изыски сюрреалистов – к мрачным триллерам и ирреальным детективам. Отказ от традиции привел того же Ж. Дюбюффе к поиску вдохновения в искусстве душевнобольных [3, с. 173]. Что же касается «элитарной» культуры, то она давно превратилась в снобистскую. По мнению современного отечественного философа А. Н. Ильина: «Привлекательность арт-рынка состоит в его недоступности широким слоям населения, в его элитарности, статусе “вотчины исключительно для обеспеченных меньшинств, для VIP-ценителей”» [5, с. 45].

Отношения модернизма с так называемыми тоталитарными режимами 1930-х, подробно исследованные советским философом М. А. Лифшицем, складывались по-разному. Муссолини в 1920-х – начале 30-х вполне ладил с итальянскими футуристами, да и они его поддерживали [8, с. 164 – 200]. Гитлер боролся с «дегенеративным искусством», но отнюдь не во имя гуманизма [8, с. 201 – 275]. Кстати, гонения на авангард в Германии вызвали критику со стороны итальянских футуристов и даже обвинения в сторону Гитлера в измене делу фашизма [8, с. 180]. Особыми симпатиями к тоталитаризму и одновременно беспринципностью отличился испанский художник-сюрреалист С. Дали, который в 1939 г. рассорился с другими художниками из-за своих симпатий к Франко, но жить с 1940 г. по 1948 г. предпочел в США, где заработал много денег, после чего вернулся во франкистскую Испанию [3, с. 176]. Явно преувеличенными противоречия между авангардом и фашизмом считает и М. Кантор. Большинство авангардистов, как отмечает М. Кантор, никакого сопротивления фашизму не оказывали (автора «Герники» и «Девочки на шаре» М. Кантор авангардистом не считает), воевать они не собирались и предпочли эмигрировать в Швейцарию или США [6, с. 414]. Правда, соцреализм М. Кантор считает прямым продолжением авангарда, с чем трудно согласиться. Конечно, большинство соцреалистов нельзя назвать нонконформистами, но многие с оружием воевали против нацизма. Кроме того, в самом соцреализме содержался пусть не всегда реализованный гуманистический заряд, направленный на освобождение простого человека, достаточно вспомнить «Будущих летчиков» А. А. Дейнеки. Но даже в отношении к соцреализму, если говорить об эстетической стороне, между М. Кантором и М. А. Лифшицем нет абсолютного противоречия, оба протестуют против обезличивания. Как пишет тот же М. А. Лифшиц: «Когда, например, вы видите однообразно склоненные головы, покорные глаза, иератические жесты людей, наряженных в рабочие комбинезоны или крестьянские куртки, вам ясно, что хочет сказать художник. Он соблазняет вас растворением индивидуального самосознания в слепой коллективной воле, отсутствием внутренних терзаний, счастливой бездумностью…» [8, с. 55].

Но вернемся к нашим героям – авангардистам. Автору статьи бунт модернистов против культуры напоминает расправу над кошками, учиненную юными французскими учениками печатника в конце 1730-х гг., описанную одним из участников этого зверства в качестве очень «веселой» истории и исследованную американским медиевистом Робертом Дарнтоном: «Вынеся кошке приговор, ее соборовали, а затем вздергивали на импровизированной виселице. На взрывы смеха явилась хозяйка, которая закричала при виде болтающейся в петле окровавленной жертвы» [4, с. 94]. Сам Р. Дарнтон считает, что в избиении проявилась прежде всего ненависть учеников к буржуа, т. е. к мастерам, хозяевам типографии [4, с. 96]. Как писал участник «кошачьего побоища»: «Хозяева обожают кошек, значит, работники должны их ненавидеть» [4, с. 124]. Условия жизни самих учеников, да и других работников, действительно были крайне тяжелые [4, с. 91]. Но при этом в условиях, когда мастера свободно могли уволить любого работника, до конца XIX века эти работники в своих протестах не шли дальше символического уровня [4, с. 122]. Символический протест подменил собой реальный, а жертвой стали беззащитные кошки.

Подлинный расцвет авангарда на Западе наступил после Второй Мировой войны, когда он превратился в доходный бизнес. М. Кантор подробно исследует эту бизнес-систему. Важной фигурой здесь является куратор, приводящий «творческие поиски» художника в соответствии с требованиями рынка, выступающий в качестве «контролера качества» и одновременно «менеджера по маркетингу». Далее идет бизнесмен-галерист, который создает подборку картин (покупая в добавление к авангардистским «шедеврам» литографию Пикассо или офорт Дали), заручается поддержкой какого-нибудь директора музея и ищет покупателей среди банкиров и чиновников, боящихся оказаться несовременными [6, с. 460]. В этом искусстве, отмечает М. Кантор, одна лишняя фигура – художник. Он нужен только для представительства. В остальном художник – такой же наемный работник, подчиненный машине отчуждения труда, едва найдя слегка оригинальный жест, он готов воспроизводить этот жест всю жизнь, каждый день, в конвеерном режиме [6, с. 426]. Здесь можно вспомнить приводимые М. А. Лифшицем слова идола поп-арта, богатого и знаменитого Энди Уорхола: «Машины не заняты таким количеством проблем, как человек. Я хотел бы стать машиной, а вы?» [8, с. 111]. Трудно найти более яркое воплощение отчуждения.

С признанием современного производства и распространения авангардистской художественной продукции разновидностью большого бизнеса М. А. Лифшиц был бы полностью согласен. Еще в 1966 г. он писал, что произошедшая в первой половине 1960-х победа поп-арта над абстракционизмом была прежде всего победой американского бизнеса в сфере культуры над французским [8, с. 91 – 96]. При этом активно ис-

пользовались все силы: «Венецианская выставка 1964 г. резко столкнула между собой абстрактное искусство и поп-арт, а международное соперничество разогрелось при этом до настоящего шовинизма. С американской стороны были введены в бой превосходящие силы. Кроме специального выставочного павильона посольство Соединенных Штатов предоставило своим художникам здание бывшего консульства» [8, с. 396]. Капитализация авангарда, таким образом, шла по нарастающей, выходя на международный уровень. Суммируя изложенное, можно сказать, что новым центром культуры стал не автор, но и не зритель или читатель, как привиделось в свое время Р. Барту, а бизнесмен: куратор, издатель, продюсер, галерист и т. д.

При этом ориентация авангарда на сиюминутное, его отрицание классики, на наш взгляд, отражает процессы, происходящие как в способе производства, так и в общественном сознании. Как отмечает британский социолог З. Бауман, современное общество разрушает связь индивидуального и социального [2, с. 7]. Ощущение единства пролетариата, возникшее в начале XX в., все более исчезает [2, с. 93]. Важнейшим орудием социального разъединения стала угроза безработицы, нестабильность трудовой карьеры: «Лозунгом дня стала “гибкость”, что применительно к рынку труда означает конец трудовой деятельности в известном и привычном для нас виде, переход к работе по краткосрочным, сиюминутным контрактам либо вообще без таковых, к работе без всяких оговоренных гарантий, но лишь до “очередного уведомления”» [2, с. 29 – 30]. Вместе с ощущением принадлежности к социальному пропадает и ощущение причастности к чему-то выходящему за пределы собственной жизни, к историческому времени. В рамках общего тренда искусство также перестает рассматриваться в качестве традиционного моста в вечность: «Самые известные художественные артефакты наших дней высмеивают бессмертие или обнаруживают к нему полное равнодушие» [2, с. 314]. Классическим примером, на наш взгляд, здесь мог бы быть боди-арт (родоначальником которого, кстати, был русский авангардист, основатель лучизма М. Ларионов), сводящийся обычно к разрисовыванию тела на срок от дня до трех недель.

По мнению М. Кантора, авангард отвечал ряду важнейших требований победившей западной буржуазной демократии:

– он обеспечивал «демократичность» (*кавычки здесь и далее в предложении мои – прим. автора*) искусства за счет отсутствия гениальности и предоставления толпе необходимых ей элементов балагана [6, с. 95 – 97];

– создавал неопасных капиталу «социально полезных бунтарей» [6, с. 185];

– воспитывал в людях важную для «демократии» способность воодушевляться без повода [6, с. 378];

– создавал иллюзию свободы [6, с. 410];

– формировал жестокость, аморальность и безответственность [6, с. 414].

Он оказался идеально подходящим для обывателя: «Когда обыватель, глядя на дерзновенные кляксы и свободолюбивые какашки, говорит, что и сам так бы смог – в его словах содержится глубокая правда. Он не только смог бы так, он так ежедневно и делает, обсуждая начальство у себя на кухне, но исправно выполняя все, на него обществом возложенное» [6, с. 426]. Позиция М. А. Лифшица здесь более сложная: «…среди активных участников этого движения есть немало активных деятелей, тесно связанных с реакционными классовыми силами современности, но есть также много других людей, настроенных против старого, капиталистического порядка и ненавидящих общественную несправедливость, особенно в таких ее зверских проявлениях, как война, полицейщина, расовое неравенство» [8, с. 148]. Среди европейских мыслителей конца XX в. также есть сторонники идеи революционности авангарда, правда не современного, а прошлого. Французский философ Жан Бодрийар склонен искать истоки современного кризиса культуры не в политике правящей элиты, а в особенностях масс, на которые он возлагает ответственность за провал авангардизма: «Прославленное движение современности привело не к трансмутации всех ценностей, как мы мечтали, но к рассеиванию и запутанности ценностей» [12, с. 248]. Думается, однако, что глупо пенять на зеркало, когда в самом авангардизме, демонстративно отрицающем гуманистическую традицию, были заложены причины краха.

В России разгул авангардизма, по М. Кантору, наступил вместе с капитализмом с 1990-х гг.: «О, какие отчаянные перформансы и эпатажные инсталляции увидели потрясенные москвичи. Один новатор мастурбировал на вышке в бассейне, а искусствоведы стояли внизу и аплодировали, другой изображал животное и кусался, кто-то наложил кучу в музее у картины Ван Гога, кто-то зарубил топором козленка, а некий джентльмен привязал к члену газовую горелку и – с риском опалить детородный орган – бегал по выставочному залу» [6, с. 424]. При этом среднестатистические произведения российских нонконформистов были до неразличимости похожи на творения западных коллег [6, с. 424]. Был здесь, конечно, и бунт, но как и ранее – неразумный и неопасный. К сожалению, назвать неопасными идеи авангарда, связанные с культом безобразного, внедряющиеся в массовую культуру, нельзя. Классический пример приводит С. Г. Кара-Мурза, цитируя рассказ либерала Б. Бинаева о восприятии его (Б. Бинаева) сыном мультфильма о черепашках-ниндзя, живущих в канализации: «Мой шестилетний сын спросил: пап, а канализация ведь – это где какашки плавают? И глаза его весело блестели… Оказывается и там можно жить!» [7, с. 556].

На наш взгляд, приведенный материал показывает, что главную ответственность за современный кризис культуры несет приходящий в упадок глобальный капитализм. Что касается демократии, то здесь вопрос остается открытым: возможна ли демократия без капитализма? Но переведем проблему в практическую плоскость. Где же выход? Думается, из сказанного выше нетрудно заметить, что в основе вырождения культуры и победы авангарда лежит рост отчуждения, в том числе и в среде самих художников, стержнем которого, как отмечал еще К. Маркс, выступает отчу-

ждение труда. Согласно М. Кантору, в современной России намечается схватка вороватых либералов и националистов-славянофилов, но выиграет в этой схватке начальство, готовое использовать завезенные либералами западные технологии для укрепления власти, а славянофилов – для обуздания либералов [6, с. 234 – 235]. С кем же быть? По мнению М. А. Лифшица, с человеком труда [8, с. 141]. Конечно, человек труда в массовом порядке – далеко не ангел. Он коммунален до откровенной завистливости, часто сверхпатриотичен до национализма, подвержен влиянию рекламы и СМИ. Но такова реальность. Лишь постоянная борьба за ослабление отчуждения труда во всех сферах способна вывести общество из кризиса, и лишь союз человека труда с высокой культурой может спасти нас от черносотенства. Именно различие в понимании пути выхода из тупика авангардизма и капитализма и является главным различием между позициями М. Кантора и М. А. Лифшица. К сожалению, это различие в значительной степени является и различием между современной гуманитарной интеллигенцией и лучшей частью интеллигенции 1960-х. М. Кантору реального выхода из тупика не видно, его противостояние капитализму и авангардизму имеет моральный характер. Для М. А. Лифшица такой выход есть и на личном, и на историческом уровне. Он заключается в диалектической поддержке тех сил, которые в конкретный исторический период объективно способствуют освобождению человека труда.

Литература

1. Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века – антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология / пер. с англ; под ред. Б. Дземидока и Б. Орлова. При участии издательства Уральского государственного университета (г. Екатеринбург). Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. 320 с.

2. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.

3. Большая иллюстрированная энциклопедия. Мастера живописи. 1000 художников от Возрождения до модернизма. Вильнюс: ИАВ «Bestiary», 2012. 208 с.

4. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / пер. Т. Доброницкой (Введение, гл. 1 – 4), С. Кулланды (гл. 5 – 6, Заключение). М.: Новое литературное обозрение, 2002. 384 с.

5. Ильин А. Н. Культура общества массового потребления: критическое осмысление: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. 208 с**.**

6. Кантор М. К. Медленные челюсти демократии. Статьи и эссе. М.: АСТ: Астрель, 2008. 495 с.

7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2003. 832 с.

8. Лифшиц М. А. Почему я не модернист? М.: Искусство – XXI век, 2009. 606 с.

9. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Соч. Изд. 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 42. С. 41 – 174.

10. Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Политиздат, 1991. 366 с.

11. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.

12. Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.

Информация об авторе:

Бахитов Станислав Борисович – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель истории и общественных дисциплин Сургутского профессионального колледжа русской культуры им. А. С. Знаменского, baxitova@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 11.02.2016 г., принята к печати 23.03.2016 г.

AVANT-GARDISM AND CAPITALISM IN THE MIRROR OF PHILOSOPHY OF HISTORY

Stanislav B. Bakhitov[1, @]

[1] *Surgut Professional College of Russian Culture named after A. S. Znamenskiy*
[@] *baxitova@mail.ru*

The paper investigates the role of the avant-gardism in a capitalist society in the works of philosophers, especially M. A. Lifshitz and M. Cantor. The purpose of the paper is the comparison of the positions of these authors, to reveal their criticism of modernism historical and ideological component. The paper also addresses the problem of estrangement in the sphere of influence of culture in the reflection of the philosophical works of the 20th – early 21st centuries. Modern culture is the result of the degeneration of this estrangement, the cause of the alienation of labor. One of the manifestations of this degeneration has become the avant-garde, which has evolved from a "non-threatening rebellion" to the profitable business. The paper also addresses the problem of the correlation between fascism and avant-garde. Basic research methods in the paper are the historical-genetic and historical-comparative methods. Comparison of the critical positions of M. A. Lifshitz and M. Cantor shows that the main reason for the differences in their views is a different understanding of the world historical process. This difference reflects the ideological and social differences between the Soviet and post-Soviet humanitarian intelligentsia.

Keywords: alienation of labor, modernism, avant-gardism, performance art, abstract art, pop-art.

For citation: Bakhitov S. B. Avangard i kapitalizm v zerkale filosofii istorii [Avant-gardism and capitalism in the mirror of philosophy of history]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 7 – 12.

References

1. *Amerikanskaia filosofiia iskusstva: osnovnye kontseptsii vtoroi poloviny KhKh veka – antiessentsializm, pertseptualizm, institutsionalizm* [The American philosophy of art: the basic concept of the second half of the twentieth century – antiessentsia-ism, pertseptualizm, institutionalism]. Ed. Dzemidok B., Orlov B. Ekaterinburg: Delovaia kniga; Bishkek: Odissei, 1997, 320.

2. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Ed. Inozemtseva V. L. Moscow: Logos, 2002, 390.

3. *Bol'shaia illiustrirovannaia entsiklopediia. Mastera zhivopisi. 1000 khudozhnikov ot Vozrozhdeniia do modernizma* [Large Illustrated Encyclopedia. Masters of painting. 1000 artists from the Renaissance to modernism]. Vilnius, AWI «Bestiary», 2012, 208.

4. Darnton R. *Velikoe koshach'e poboishche i drugie epizody iz istorii frantsuzskoi kul'tury* [Great cat massacre and other episodes in the history of French culture]. Transl. Dobronitskoi T. (Vvedenie, chapters 1 – 4), Kullandy S. (chapters 5 – 6, Conclusion). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 384.

5. Il'in A. N. *Kul'tura obshchestva massovogo potrebleniia: kriticheskoe osmyslenie* [Culture of mass consumption society: critical thinking]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2014, 208.

6. Kantor M. K. *Medlennye cheliusti demokratii. Stat'i i esse* [Slow jaws of democracy. Articles and essays]. Moscow: AST, Astrel, 2008, 495.

7. Kara-Murza S. G. *Manipuliatsiia soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow: Eksmo, 2003, 832.

8. Lifshits M. A. *Pochemu ia ne modernist?* [Why am I not a modernist?]. Moscow: Iskusstvo – XXI Century, 2009, 606.

9. Marx K., Engels F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Marx K., Engels F.]. 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, vol. 42 (1974): 41 – 174.

10. *Samosoznanie evropeiskoi kul'tury XX veka: mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshchestve* [The self-consciousness of European culture of the twentieth century thinkers and writers of the West about the place of culture in the cotemporary society]. Comp. Gal'tseva R. I. Moscow: Politizdat, 1991, 366.

11. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [Decline of the West. Essays on the morphology of world history. Vol. 2. The world-historical per-prospects]. Trans. and notes Makhan'kova I. I. Moscow: Thought, 1998, 606.

12. Jaspers K., Baudrillard J. *Prizrak tolpy* [Ghost crowd]. Moscow: Algoritm, 2007, 272.

Received 11.02.2016, accepted 23.03.2016.

УДК 903-03; 903.2

ЕГОЗОВСКИЙ КЛАД

Л. Ю. Боброва[1, @1, *], *Ю. В. Ширин*[2, @2, *]

[1] *Кемеровский государственный университет*
[2] *Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета*
[@1] *chaika@kemsu.ru*
[@2] *shirin_a@mail.ru*

[*] ***Работа выполнена при поддержке Программы «Научный фонд им. Д. И. Менделеева Томского государственного университета»***

Егозовский клад – один из первых, обнаруженных в Кузнецкой котловине. В статье рассмотрены условия выявления этого культового комплекса, дана детальная характеристика находок и их современная историко-культурная интерпретация. Рассмотрена вероятность принадлежности этих находок финальному этапу верхнеобской культуры в процессе её ассимиляции со сросткинской. Анализ комплекса еще раз позволил предположить, что находки связаны с ритуалом. Впервые представлена в полном объеме уже частично утраченная коллекция.

Ключевые слова: клад, эпоха средневековья, верхнеобская культура, сросткинская, бронзовые зеркала, ритуал, культовая пластика.

Для цитирования: Боброва Л. Ю., Ширин Ю. В. Егозовский клад // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 13 – 24.

Географическая и археологическая характеристика местонахождения

Район, где был случайно обнаружен описываемый комплекс, расположен в центре Кузнецкой котловины, которая представляет собой слаборасчлененную равнину с общим уклоном с юга на север и небольшими колебаниями высот – от 230 до 600 м над уровнем моря. Преобладающий ландшафт района – степной, с редко разбросанными березовыми колками. Главная водная артерия района – р. Иня – берет начало с южного склона Тарадановского увала, сильно меандрируя принимает северо-западное направление и впадает в верхнее течение р. Оби. На р. Ине наблюдаются террасы, иногда высокие, как по левому, так и по правому берегам. Административно в XIX в. эта часть Кузнецкой котловины входила в Касьминскую волость Кузнецкого округа Томской губернии. В настоящее время местность у д. Егозово принадлежит Демьяновскому сельскому поселению Ленинск-Кузнецкой районной администрации Кемеровской области (рис. 1 – *1 – 3*).

Деревня Егозово находится в 2 км севернее г. Ленинска-Кузнецкого. Район, прилегающий к ней в археологическом плане начали изучать сравнительно недавно, в середине XX в. В 1955 г. У. Э. Эрдниевым были найдены пять курганов в 1,5 км около дороги в с. Хмелево, относящиеся к раннему средневековью. Памятнику присвоено имя Егозово I. Один курган был раскопан. Место хранения материалов неизвестно. В 1977 г. В. В. Бобровым и Ю. М. Бородкиным был открыт еще один памятник раннего средневековья Егозово II, в 1,5 км к западу от одноименного села. Высота насыпи кургана достигала 1,6 м, на ней были видны два провала от грабительских шурфов [17, с. 70].

История археологического изучения Егозовского клада

С момента поступления клада в фонды музея ТГУ прошло уже более ста тридцати лет, но до сих пор в литературе отсутствует информация о точном количестве найденных предметов, нет и современной археологической интерпретации коллекции.

Первые относительно подробные сведения о Егозовском кладе представлены в первом издании каталога Археологического музея Томского университета [27, с. 64 – 66, 120 – 125, 134 – 137; 28]. В каталоге дано описание самих предметов, а в отдельных главах – интерпретация «идолов в форме птиц и животных», а также «зеркал с дисками». Анализ материалов позволил В. М. Флоринскому отметить, что большинство «мистических крылатых существ» имеют аналогии далеко за пределами Томской губернии – на северном Урале, в Прикамье и Поволжье [27, с. 120 – 121]. Далее он приводит развернутую семантическую интерпретацию предметов клада, обосновывая своё мнение об их скифском происхождении, а также их вероятное религиозное значение [27, с. 124, 134, 135]. Свидетельством того же времени (возможно, единственным) можно считать фотографию из архива Финляндии, запечатлевшую почти всю коллекцию в первоначальном виде. Эта фотография предметов, закрепленных на планшете, была обнаружена среди прочих снимков, сделанных в конце 1880-х гг. финскими учеными, побывавшими в музее Томского университета. В настоящее время она хранится в секторе «Архив и археологические коллекции» Museovirasto (Музейное ведомство) Финляндии. На планшете, помимо предметов Егозовского клада, в центральной его части, представлена случайная находка из с. Спасского Каинского округа Томской губернии (рис. 1 – *4*). Оказавшись на одном планшете с предметами Егозовского клада, Спасская находка и в Книге поступлений музея ТГУ перечислена между ними (под № 1227).

Рис. 1. ***Месторасположение Егозовского клада: 1 – схема расположения Ленинск–Кузнецкого района на территории Кемеровской области; 2 – предполагаемое место находки клада на берегу р. Ини; 3 – фрагмент карты Алтайского горного округа, 1864 г.; 4 – фотография планшета с предметами Егозовского клада 1889 г. из архива Финляндии*** (фото Е. А. Миклашевич).

Fig. 1. ***Location of Egozovo buried treasure: 1 – the location of Leninsk-Kuznetsky area in the territory of Kemerovo Region; 2 – the place on the bank of the Inya River where the buried treasure is believed to have been discovered; 3 – a fragment of the map of the Altai Mining District, 1864; 4 – photo of the tablet with the item of Egozovo buried treasure discovered in 1889 and kept in the archive in Finland*** (photo by Elena A. Miklashevich)

В начале XX в. в одной из работ А. А. Спицына были даны первые прорисовки отдельных предметов Егозовского клада, отнесённые исследователем к шаманским изображениям. Своеобразность предметного комплекса не позволила определить их культурную принадлежность, но комплекс был датирован X – XI вв. [23, с. 68]. С момента выхода статьи А. А. Спицына до середины XX в. о Егозовском кладе никаких упоминаний в археологических публикациях больше не было.

Лишь спустя почти столетие с момента обнаружения Егозовского клада о нем вновь вспомнили археологи. Так, в конце 1960-х гг. в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета работал А. И. Мартынов, занимавшийся систематизацией и составлением каталога археологических предметов лесостепной тагарской культуры для будущей докторской диссертации. В результате проведенной им работы в Научный архив музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета поступает информация о предметах из фонда МАЭС ТГУ в виде описей, фотографий и негативных пленок [14; 15; 29]. Среди многочисленных вещей скифского облика фигурируют «зеркала» и некоторые «бронзовые фигурки птиц» из Егозовского клада [29, л. 47, 55].

В 1980-х гг., занимаясь историей изучения археологических памятников в Кемеровской области, А. М. Кулемзин в двух строках упоминает о существовании «большой коллекции», в которой есть «две дисковидные бляхи и двенадцать человекоподобных фигурок из светло-серого сплава» [16, с. 108]. В дальнейшем, работая в соавторстве с Ю. М. Бородкиным над составлением первого выпуска материалов к Своду памятников истории и культуры Кемеровской области, в одном из его разделов – «Клады и случайные находки» – вновь упоминаются предметы Егозовского клада, но уже без зеркал – только 12 бляшек с изо-

бражением человеческих фигур. Гипотез о датировке и культурной принадлежности предметов комплекса не высказывалось [17, с. 7, 137].

В 1990-х гг. Егозовский клад был упомянут в нескольких совместных работах, коллективы авторов которых во всех случаях возглавлял А. М. Илюшин. Показательно, что в этих статьях отсутствуют ссылки на наиболее полные публикации предметов клада. Возможно, что именно плохое знакомство авторов с опытом изучения Егозовского комплекса привело к тому, что они датировали его ранним железным веком и связали с носителями кулайской культуры [12, с. 63; 11, с. 16]. Впрочем, А. М. Илюшин в дальнейшем скорректировал свою экстравагантную интерпретацию культурно-хронологического места Егозовского клада, признав, что обнаружение этих артефактов является одним из самых ранних археологических открытий средневековой эпохи на территории Кузнецкой котловины [9, с. 136]. Кроме этого, следует отметить, что в отдельных работах, посвященных средневековой археологии Кузнецкой котловины, при перечислении кладов, найденных на этой территории, вообще не находилось места Егозовским находкам [21, с. 71].

В 2011 г. Ю. И. Ожередов уточняет дату обнаружения Егозовского клада и дополняет сведения о количестве предметов в коллекции. По стилистическим особенностям художественного литья автор относит предметы к позднему этапу одинцовского времени (что соответствует финалу верхнеобской культуры в иной терминологии) и датирует их весьма широко – второй половиной I тыс. н. э. [19, с. 77].

Представленная история изучения Егозовских находок свидетельствует о том, что до настоящего времени эти предметы в полном объеме так и не введены в научный оборот.

Условия находки предметов

Егозовский клад – одна из первых археологических коллекций, которая была передана по поручению Томского губернатора в Археологический музей Императорского Томского университета. Он случайно найден местными жителями в начале 1880-х гг. при оползании почвы с крутого левого берега р. Ини, в одной версте от д. Егозовой (иначе называлось с. Касмолинское [27, с. 120]). При обнаружении предметы будто бы находились в вертикальном положении, одной кучкой, на глубине полуаршина (35,5 см) и были обращены лицевой стороной на север [Цит. по: 19, с. 77].

Точной даты обнаружения Егозовского клада в известных архивных источниках не указано. Установлено только то, что в октябре 1883 г. большая часть из найденных предметов была изъята окружным исправником Поршенниковым у священника Гурьева из с. Кольчугинское Кузнецкого округа, который в свою очередь, приобрел эти вещи за два рубля [19, с. 77].

Судя по всему, единичные изделия могли быть куплены и другими любителями древностей. Вполне вероятно, что именно с описываемым комплексом следует связывать информацию, указанную в коллекционной описи предметов древностей, доставленных С. М. Чугуновым из раскопок 1896 г., произведенных им близ с. Спасского, в Усть-Тартасской волости Каинского округа Томской губернии [13, л. 72]. Среди прочих находок, перечисленных С. М. Чугуновым, числится «бронзовый диск с кружковым орнаментом», купленный в с. Спасском у отставного военного писаря Андрея Никифоровича Кошелева, который и предоставил сведения о месте обнаружения предмета. Со слов А. Н. Кошелева, бронзовый диск был «*найден в 1890 г. близ д. Егозовой Касминской волости Кузнецкого округа, при обвале левого берега р. Ини (вместе с диском были найдены идолы в форме птиц)*» [22, с. 138 – 139]. Судя по рисунку, опубликованному в Отчете Императорской Археологической Комиссии, этот диск – бронзовое зеркало с петлевой ручкой в центре (рис. 3 – *3*). Сведения о времени нахождения описываемого зеркала, как видно, не точны. Впрочем, и в опубликованных В. М. Флоринским сведениях, значится 1884 г. Важно то, что диск из описи С. М. Чугунова имеет аналог среди предметов Егозовского клада, поступивших в ТГУ.

В заключении заметим, что ни в одном документе датой обнаружения находок не указан 1881 г., который без ссылок на источники некоторые исследователи воспроизводят из публикации в публикацию [17, с. 137; 12, с. 64].

Описание предметов Егозовского клада

Самые подробные описания предметов Егозовского клада были выполнены В. М. Флоринским. Они вошли в Книгу поступлений музея ТГУ [19, с. 77; 27, с. 64 – 66, 69]. Из уважения к исследователю представляемый в данной работе изобразительный ряд мы сопроводим описанием, в котором частично сохраним именно этот текст описания (*выделен курсивом*), дополнив его необходимыми уточнениями.

В состав клада входило не менее четырех бронзовых зеркал (если учесть экземпляр из ГИМ), три из которых имели орнамент из сгруппированных глазковых проточек, и две ажурные круглые бляшки. Вместе с ними найдено 14 бронзовых зоо-орнитоморфных фигурок, целых и во фрагментах. На груди девяти из орнитоморфных фигурок имелись личины. Всего в кладе на сегодняшний день учтено 20 бронзовых изделий.

ТГУ, КП 1225. *Бронзовая пластина*, *представляющая* человекоподобное существо (*идола) с птичьей головой и торчащими кверху* подтреугольной формы *ушами животного*. Утрачена часть левого уха. *На груди туловища, имеющего человеческое очертание, представлено круглое человеческое лицо. Руки похожи на раскрытые крылья птицы. Передняя поверхность идола покрыта продольными, а на крыльях поперечными полосками. Нижняя часть туловища оканчивается четырехугольною пластинкой, без обозначения ног.* При детальном рассмотрении четко фиксируются руки, согнутые в локтях и упирающиеся в бока. Прочерченные линии, переходя от плеч к предплечьям, усиливают передачу формы рук. По бокам – сквозные отверстия неправильной округлой формы. Ниже пояса трапециевидная пластина с вертикально прочерченными линиями, снизу ограниченными горизонтальной полоской. *Длина 12,0 см*, ширина 8,8 см, ширина подола 4,4 см (рис. 2 – *1, 1а*).

Рис. 2. ***Зоо-орнитоморфные предметы из Егозовского клада: 1, 2, 3, 4, 5, 9, 10, 14 – фотографии предметов с планшета из сектора «Архив и археологические коллекции» Museovirasto Финляндии; 1а, 2а, 3а, 4а, 5а, 11а, 12а, 14а – прорисовки предметов по А. А. Спицыну*** [23, с. 122, рис. *299*; с. 123, рис. *305 – 310*; с. 136, рис. *433*]; ***2б, 6, 7, 8, 11, 12, 13 – фотографии предметов из архива музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета*** [29]

Fig. 2. ***Zoo-ornoto-morphic items from Egozovo buried treasure: 1, 2, 3, 4, 5, 9, 10, 14 – photo of the items from the tablet kept in the sector "Archive and archaeological collections" of Museovirasto, Finland; 1a, 2a, 3a, 4a, 5a, 11a, 12a, 14a – drawings of the items done in A. A. Spitsyn method*** [23, P. 122, Fig. *299*; P. 123, Fig. *305 – 310*; P. 136, Fig. *433*]; ***2б, 6, 7, 8, 11, 12, 13 – photos of the items kept in the Museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of Kemerovo State University*** [29]

ТГУ, КП 1226. *Такой же идол с изображением на груди человеческого лица. В крыльях и в нижней части пластинки оставлены большие треугольные прорези. Часть правого крыла обломана. Голова птичья, на верхней части головы большие уши* округлой формы с обозначением ушных раковин. По кромкам крыльев прочерчен елочный орнамент. Нижняя часть пластины трапециевидной формы с треугольной прорезью, разделяющей пластину на две части, которые похожи на ноги. Прочерченные вертикально спускающиеся линии усиливают подобие нижних конечностей. *Длина 9,0 см, ширина 8,0 см,* ширина основания 4,5 см, диаметр круглых отверстий 0,7 см (рис. 2 – *2, 2а*). К 1960-м гг. у фигурки утрачено второе крыло (рис. 2 – *2б*).

ТГУ, КП 1228. *Пластина из двух фрагментов, средняя часть утрачена. Голова птичья с торчащими кверху большими ушами, крылья опущены вниз. На груди идола представлено человеческое лицо. Орнамент крыльев и нижней части пластины продольными полосками.* На фото планшета В. М. Флоринского и на прорисовке А. А. Спицына представлена целая фигура с незначительными утратами по контуру. Пластина зооморфная, вырезана в виде фигурки хищной птицы. *Длина 9,5 см, ширина 9,0 см,* ширина основании хвоста 3,8 см, ширина размаха крыльев 10,2 см (рис. 2 – *3, 3а*).

ТГУ, КП 1229. *Бронзовая пластина, представляющая идола с птичьей головой и торчащими кверху ушами животного. Руки похожи на раскрытые крылья птицы. Орнамент полосками, а по верхнему краю крыльев треугольными зубчиками (по 10 на каждой стороне). Нижняя часть туловища оканчивается* трапециевидной *пластинкой, без обозначения ног.* Руки с обозначением пальцев сходятся на боках, образуя сквозные округлые отверстия большого диаметра. От предплечья в разные стороны отходят подтреугольные «крылья» с продольными прочерченными линиями, над которыми проходит зигзагообразный орнамент. На верхней кромке крыльев есть два небольших отверстия для подвешивания. Прочерченные вертикальные линии на трапециевидной пластине подчеркнуто передают расставленные ноги. *Длина 12,0 см,* ширина 11,8 см, ширина основания 3,3 см, длина ног 4,0 см, размеры головы 2,5 на 3,2 см (рис. 2 – *4*).

ТГУ, КП 1230. *Идол того же типа, но в небольшом размере. Голова птичья с торчащими ушами, крылья опущены вниз; на груди изображено человеческое лицо* треугольной формы*; орнамент полосками. Длина 6,0 см, ширина 3,5 см,* ширина основания 1,8 см, размеры головы 1,0 на 1,3 см (рис. 2 – *7*).

ТГУ, КП 1231. *Пластина из желтой бронзы. Голова неизвестного животного, с прижатыми назад ушами, от нее идет расширение пластинки в виде крыльев, но без всякого орнамента. Нижняя часть пластинки узкая,* вытянутой, прямоугольно-сужающейся книзу формы, с закругленным основанием. Фигура плоская, голова объемная. В средней части пластины, у основания крыльев, сделаны 2 отверстия. На верхних контурах крыльев стоят фигурки двух животных, обращенные к голове существа. *Длина 9,0 см, ширина 7,0 см*, длина хвоста 5,0 см, диаметр отверстий 0,7 см (рис. 2 – *12*).

ТГУ, КП 1232. *Бронзовый идол с птичьей головой. Крылья обломаны.* Личина на груди слабо читается (различимы выемки двух глаз). Поверхность на нижней трапециевидной пластине орнаментирована прочерченными линиями, имитирующими оперение хвоста. *Длина 8,0 см,* ширина талии 1,0 см, ширина основания 2,5 см (рис. 2 – *8*).

ТГУ, КП 1233. *Пластина из желтой бронзы. Голова, по-видимому, человеческая. Раскрытые крылья (руки с широкими рукавами?) и широкий подол украшены продольными и косыми полосками.* Фертообразная фигура, стилизация упрощенная. Нижняя часть пластины трапециевидной формы, украшена вертикальными прочерченными линиями, усиливающими подобие нижних конечностей. *Длина 6,5 см, ширина 5,5 см,* ширина талии 1,1 см, ширина основания 3,3 см (рис. 2 – *14*).

ТГУ, КП 1234. *Идол с птичьей головой и ушами животного. На груди представлено круглое человеческое лицо, крылья опущены вниз.* Уши обозначены мелкими выступами. В полукруглом верхнем контуре крыльев, ближе к шее фигурки сделаны сквозные отверстия для подвешивания. По нижнему контуру крыльев выделены отдельные перья – по три с каждой стороны (частично обломаны), украшенные резным елочным орнаментом. Нижняя часть утрачена. *Длина 6,5 см, ширина 7,0 см,* размеры головы 1,7 на 2,2 см (рис. 2 – *11*).

ТГУ, КП 1235. *Идол с птичьей головой и торчащими ушами. На груди круглое человеческое лицо. Крылья в виде эллиптических полосок.* Плоская фертообразная фигура с треугольными прорезями на крыльях и объемной головой. *Нижняя часть пластинки оканчивается двумя широкими расходящимися полосками как расставленные ноги. Орнамент пластинки полосатый. Длина 7,0 см, ширина в крыльях 8,0 см,* ширина талии 1,8 см, ширина основания 3,5 см, размеры головы 1,0 на 1,0 см (рис. 2 – *5*).

ТГУ, КП 1236. *Идол с головой животного (морда тупая) без изображения человеческого лица на груди. Крылья украшены перистым орнаментом (полоски сходящиеся к средней линии.* Форма крыльев и хвоста асимметричная. Нижняя часть с нечетким резным орнаментом в виде прочерченных вертикальных линий. На верхнем контуре крыльев два сквозных круглых отверстия для подвешивания. *Длина 8,0 см, ширина 8,0 см,* ширина основания 2,7 см, диаметр отверстий 0,2 см, размеры головы 1,0 на 0,8 см (рис. 2 – *6*).

ТГУ, КП 1237. *Идол такой же точно величины и формы как № 1226, но с отломанным левым крылом и левой половинкой нижней части.* Длина 8,0 см, ширина 6,0 см, диаметр круглых отверстий 0,7 см (рис. 2 – *9*).

ТГУ, КП 1238. *Фрагмент (средняя часть) третьего такого же экземпляра* как № 1226. Утрачены голова, оба крыла и нижняя трапециевидная часть с треугольной прорезью. На оставшейся части хорошо видна личина. *Длина фрагмента 5,0 см, ширина 3,0 см,* диаметр круглого отверстия 0,7 см (рис. 2 – *10*).

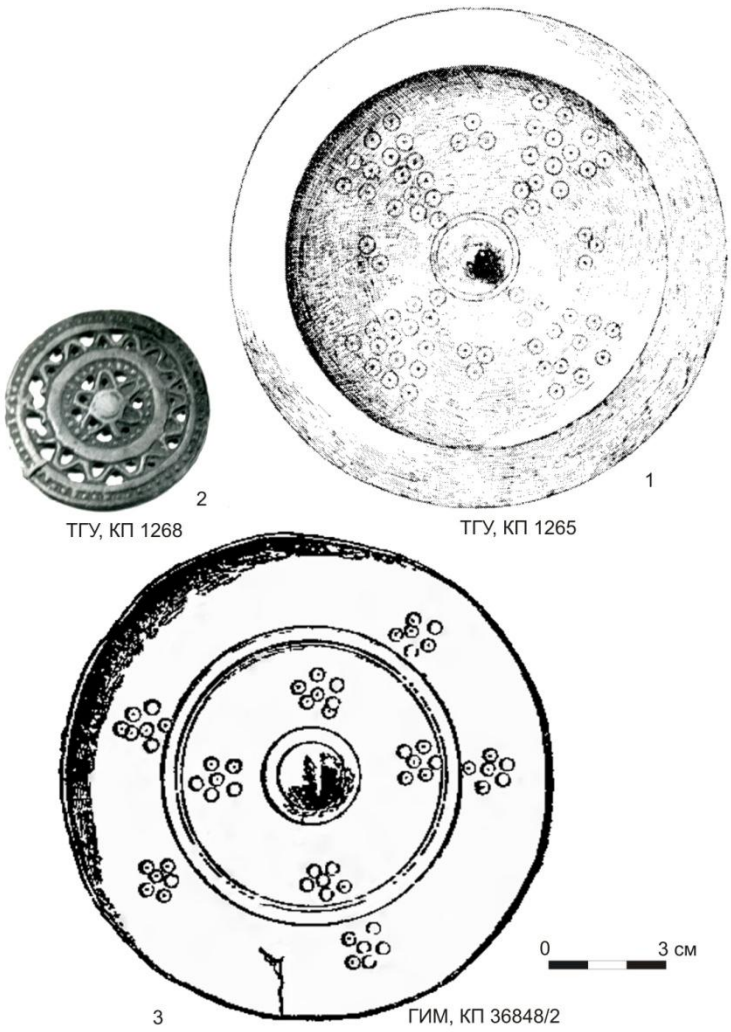


Рис. 3. ***Зеркала и ажурная бляшка из Егозовского клада: 1 – зеркало, прорисовка по А. А. Спицыну*** [23, с. 85, рис. *18*]; ***2 – бляшка ажурная, фотография из архива музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета*** [29]; ***3 – зеркало, бронза, прорисовка из Отчета Императорской Археологической комиссии*** [22, с. 138, рис. *486*].

Fig. 3. ***Mirrors and an open-worked metal plate from Egozovo buried treasure: 1 – mirror, the drawing done in A. A. Spitsyn method*** [23, P. 85, Fig. *18*]; ***2 – open-worked metal plate, photo from the archive of the Museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of Kemerovo State University*** [29]; ***3 – bronze mirror, drawing from the report of the Emperor's Archaeological Commission*** [22, P. 138, Fig. *486*].

ТГУ, КП 1239. *Найденный вместе с теми же идолами обломок неизвестного предмета более грубой отливки.* Представлен предмет тремя обломками, составляющими ажурную пластину, центральная часть которой ромбической формы с вогнутыми сторонами. Сохранившиеся части напоминают стилизованные трехпалые конечности зверя. *Длина 8,0 см, ширина 5,0 см* (рис. 2 – *13*).

ТГУ, КП 1265. *Бронзовая круглая плоская тарелочка (диск). На лицевой стороне, в центре, находится ушко или шишечка со сквозным отверстием.* Одна сторона зеркала гладкая, оборотная, с широким выпуклым бортиком, вокруг петельки сделано две концентрических проточки. *Поле диска покрыто кружковым орнаментом. Кружки расположены в пирамидальные группы* (по 14 – 16 глазков), *сходящиеся вершинами к центру тарелочки и в общем образующие фигуру креста. В промежутках между пирамидками (ветвями креста) помещается, кроме того, по три кружка. Диаметр 12,5 см,* ширина бортика 1,7 см (рис. 3 – *1*).

ТГУ, КП 1266. *Тарелочка такого же размера и формы, также с кружковым орнаментом на лицевой стороне, но группировка кружков здесь несколько иная. Форма креста также соблюдена.* Зеркало круглое со слегка выгнутым краем со стороны центральной петельки для крепления. Вокруг петельки две прочерченных окружности, поверх внутренней прочерченной линии проходит орнамент из глазков. От второго круга в четыре стороны проходят линии, состоящие из таких же глазков. На окончаниях этих линий – концентрация таких же глазков, не образующих

никаких фигур. Между лучами креста нанесены группы из трех глазков. Полоска из глазков проточена и вдоль выгнутого бортика. Диаметр 12,5 см.

ТГУ, КП 1267. *Круглая металлическая ажурная пластинка (колесо), с круглой центральной дырочкой величиною в карандаш и двумя концентрическими ободками, соединяющимися многочисленными тонкими пластинками, между которыми остаются треугольные открытые промежутки. Диаметр 6,0 см.*

ТГУ, КП 1268. *Такая же ажурная круглая пластинка с двумя концентрическими ободками. Вместо центральной дырочки здесь круглая площадка, и орнамент другой, чем на предыдущем кружке.* В центре ажурная фигура в виде цветка, обрамленная по кругу псевдозернью. Затем проходят два концентрических кольца, между которыми зигзагообразный орнамент. По краю ажурной бляхи обрамление псевдозернью. *Диаметр 5,0 см,* диаметр цетральной бляшки 0,7 см (рис. 3 – *2*).

ТГУ, КП 1269. *Плоская круглая тарелочка с центральным ушком, подобная № 1265 и 1266, но без кружкового орнамента.*

ГИМ, КП 36848/2. Зеркало металлическое круглое с незначительным бортиком, одна сторона гладкая, оборотная – с остатками обломанной петельки в центре. Вокруг петельки две группы парных концентрических проточек, разделенных широким полем. Поле, вдоль края зеркала украшают 5 равномерно распределенных группы из 6 – 7 глазков, ещё 4 радиально расположенных таких же групп глазков украшают поле между двух парных концентрических проточек (рис. 3 – *3*).

Культурно-историческая интерпретация предметного комплекса Егозовского клада

Мы полагаем, что все найденные предметы клада относятся к одной эпохе. Впрочем, как было показано выше, исследователи по-разному оценивали культурно-хронологическое место этого времени. Так А. А. Спицын с опорой на уральские аналогии с плоскими схематичными фигурами и грубым рельефом, прочерченным линиями [23, с. 39, рис. *286*, *289, 301*], относил предметы клада к X – XI вв. [23, с. 68]. Сходные «идолы» из Предуралья иногда датировались С. А. Спицыным и более поздним временем – XII – XIV вв. [23, с. 40, рис. *298*]. Следует отметить, что предложенные им датировки до сих пор принципиально не изменились [18]. Среди изделий X – XI вв., приведенных в работе А. А. Спицына, представляет интерес бронзовая птица из Глазовского уезда Вятской губернии (рис. 4 – *7*) [23, рис. *289*], имеющая прорезные крылья с резными косичками по их кромкам, как у нескольких изделий из Егозовского клада. По стилистическим особенностям художественного литья большинство исследователей также относят Егозовскую коллекцию к позднему этапу верхнеобской (по иной терминологии – одинцовской) культуры, хотя из осторожности и датируют более широко – второй половиной I тыс. н. э. [9, с. 136; 19, с. 77].

Действительно, зоо-орнитоморфные изделия Егозовского клада значительно отличаются от аналогичных изделий верхнеобской культуры VII – VIII вв. Для ранних изделий характерна более декоративная проработка оперения птиц, использование зернистых и шнуровых окантовок, наличие выпуклой рельефности отдельных частей фигурок, а также крепежных петель на тыльной стороне. Несколько аналогий Егозовским «идолам» известны среди случайных находок Бийского округа Томской губернии (рис. 4 – *4*) и в Новосибирском Приобье [26, рис. *19*]. Но в закрытых комплексах Западной Сибири VI – VIII вв. при достаточно большой серии находок орнитоморфных изделий нет ни одной отливки со стилистическими особенностями предметов Егозовского клада. А вот в захоронениях более позднего периода стилистически близкие изделия известны. Так в погребении из кургана 1 могильника Ваганово I, датированном IX в. н. э., найдена бронзовая орнитоморфная отливка с характерными для егозовских изделий контуром, округлыми вырезами под крыльями и желобчатым рельефом в оформлении оперения (рис. 4 – *6*) [6, с. 17 – 18, рис. *8 – 1*; 5, с. 25 – 53]. Вагановский могильник А. В. Васютин связывал с финальным этапом одинцовской (верхнеобской) культуры.

Определенный интерес для датировки комплекса могла бы представлять уникальная ажурная отливка, но она представлена невыразительными обломками. Они напоминают остатки зооморфного изображения того типа, который характерен для раннего средневековья Предуралья – задние ноги лося. Подобную стилизацию конечностей можно видеть на некоторых культовых изделиях из Предуралья IX в. [23, рис. *99, 100, 152*].

Ажурные бронзовые диски из Егозовского клада (рис. 3 – *2*) имеют отдаленное сходство с изделием из Лебединского клада VII – VIII вв. (рис. 4 – *3*) [4, рис. 1 – *16*], что скорее указывает на культурную, чем на хронологическую близость этих комплексов.

Датировку Егозовского клада позволяют уточнить бронзовые зеркала. К сожалению, по неясным причинам после В. М. Флоринского зеркала из Егозовского клада остались вне поля зрения специалистов, несмотря на то, что зеркалам из коллекции МАЭС ТГУ недавно было посвящено особое исследование [20].

Зеркала тех типов, которые представлены в Егозовском кладе, распространены достаточно широко. Среди случайных находок они известны в Казахстане, на юге Тюменской области и в Зауралье. В Казахстане и Алтайском крае такие зеркала были встречены и при исследовании курганов. Одно из них было обнаружено на древнем кургане на берегу р. Елек, у г. Актобе, в Западно-Казахстанской области [2, с. 248]. Оно хранится в Центральном государственном музее Республики Казахстан - КП № 22425 (рис. 4 – *1*). Зеркало такого же типа, сильно затертое, так, что не ясно, был ли на нем характерный глазковый узор, но с руническою надписью, найдено в кургане 146 Зевакинского могильника. Оба зеркала исследователи датируют IX – X вв. [3, с. 226, 229, 230, табл. II].

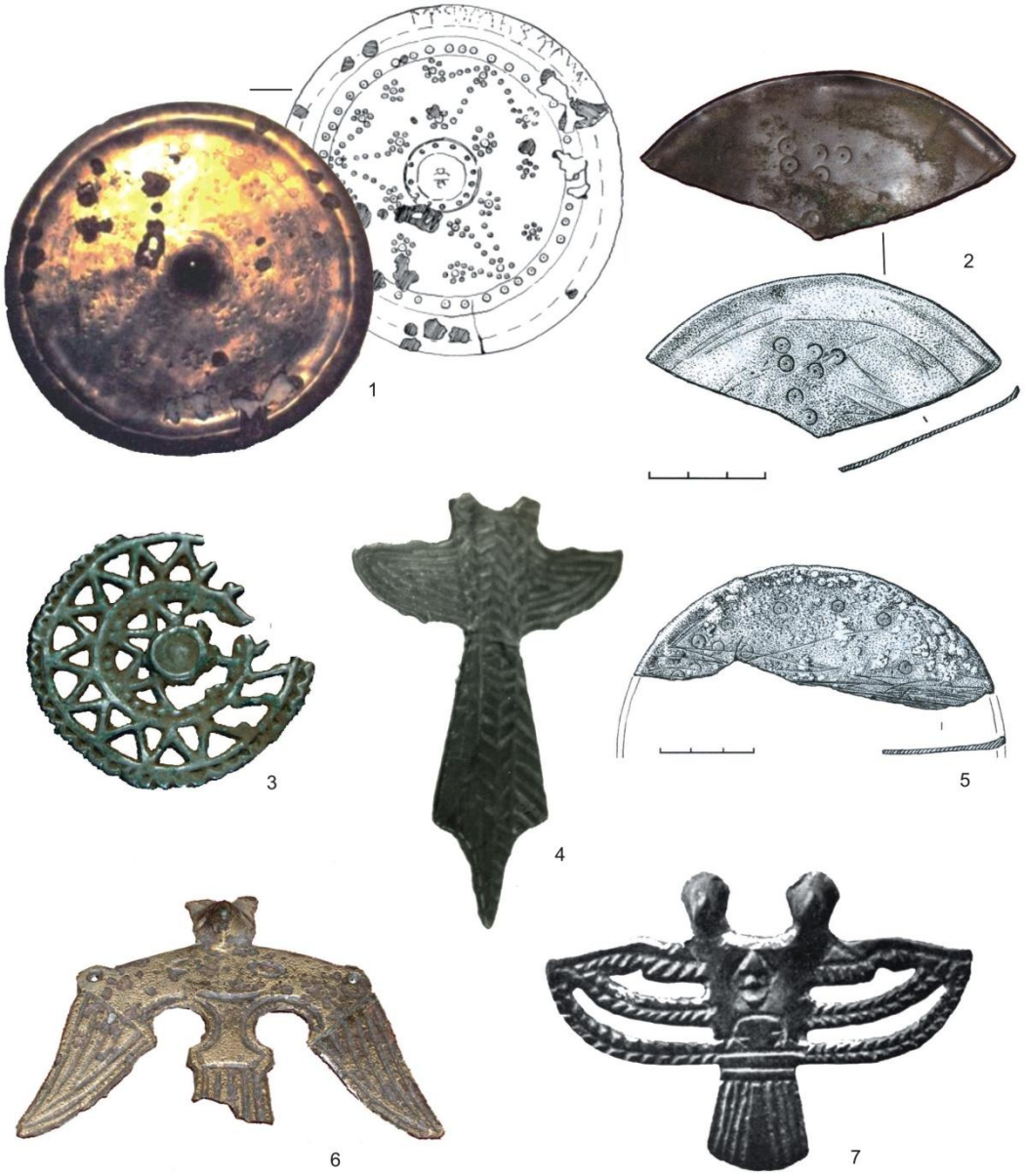


Рис. 4. ***Аналогии Егозовскому кладу: 1 – зеркало, фотография и прорисовка, р. Елек, у г. Актобе, в Западно-Казахстанской области, хранится в Центральном государственном музее Республики Казахстан - КП № 22425*** [2, с. 248]; ***2 – зеркало, фрагмент, фотография и прорисовка, памятник Рогозиха – 1, курган 10*** [25, с. 54]; ***3 – бляшка ажурная, Лебединский клад, Кемеровский областной краеведческий музей, КП 8906/43; 4 – орнитоморфная фигурка из случайных сборов Бийского округа Томской губернии, хранится в музее ТГУ, КП № 4497, фотография из архива музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета*** [29]; ***5 – зеркало, фрагмент, памятник Ближние Елбаны – XVI, могила 9*** [25, с. 51]; ***6 – орнитоморфная подвеска, из фондов музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, ВА 76/41; 7 – подвеска, фотография по А. А. Спицыну*** [23, с. 120, рис. *289*].

Fig. 4. ***Analogues to Egozovo buried treasure: 1 – mirror, photo and drawing, the Elek River near Aktobe town, West-Kazakhstan Region, kept in the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan – KP № 22425*** [2, P. 248]; ***2 – mirror, fragment, photo and drawing, Rogozikha – 1 site, mound 10*** [25, P. 54]; ***3 – open-work metal plate, Lebedino buries treasure, Kemerovo Region Museum of Local History, KP 8906/43; 4 – ornotomorphic figure from random collections, Biysk District of Tomsk Province, kept in the Museum of Tomsk State University, KP № 4497, photo from the archive of of the Museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of Kemerovo State University*** [29]; ***5 – mirror, fragment, Blizhnie Elbany –XVI site, burial 9*** [25, P. 51]; ***6 – ornitomorphic pendant, funds of of the Museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of Kemerovo State University, BA 76/41; 7 – pendant, photo done in A. A. Spitsin method*** [23, P. 120, Fig. *289*].

В Павловском районе Алтайского края в 1985 г. исследовался археологический комплекс Рогозиха – 1. В кургане 10 найден фрагмент металлического зеркала с небольшим бортиком и глазковым орнаментом (рис. 4 – *2*). Комплекс из этого кургана отнесен к шандринцевскому этапу сросткинской культуры и датирован второй половиной X – первой половиной XI вв. н. э. [24, с. 56]. В 1993 – 1994 гг. в Топчихинском районе исследовался памятник Ближние Елбаны – XVI, где в могиле 9 также найден фрагмент зеркала с бортиком и глазковым орнаментом (рис. 4 – *5*). Первоначально захоронение было причислено к одинцовской культуре и хронологически определено в рамках V – VII вв. н. э. [1, с. 244]. Получив данные абсолютного датирования и обнаружив аналогии в памятниках среднеазиатского региона, алтайские исследователи пересмотрели прежние датировки на более поздние – VIII – IX вв. н. э. [25, с. 24].

Исходя из приведенных данных, полагаем, что нижним хронологическим рубежом для формирования Егозовского комплекса может быть принят IX в., а время сокрытия клада не выходит за X в.

На рубеже IX – X вв. в культуре населения Кузнецкой котловины наблюдается явная трансформация, связанная с миграциями на эту территорию кочевых групп из степей Алтая и Прииртышья [7, с. 12]. Не отрицая определенного вклада в этот процесс носителей более ранней автохтонной культурной традиции, следует признать, что принципиально меняются поселенческие комплексы, а также погребальный обряд и культовые практики – распространяются комплексы сросткинского типа. С учетом этого Егозовский клад можно воспринимать, как одно из последних проявлений угасающей культовой практики верхнеобской традиции в новых условиях доминирования носителей сросткинской культуры.

Авторы выражают благодарность старшему преподавателю кафедры археологии КемГУ Елене Александровне Миклашевич, любезно предоставившей фотографию Егозовского клада отличного качества, переснятую в архиве Финляндии и сотрудникам Museovirasto Финляндии за предоставленную возможность опубликовать архивные материалы.

Литература

1. Абдулганеев М. Т., Горбунов В. В., Казаков А. А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н. э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: КемГУ, 1995. С. 243 – 252.

2. Аманжолов А. С. Руническая надпись на бронзовом зеркале (Западный Казахстан) // История и теория древнетюркского письма. Алматы: Мектеп, 2003. С. 247 – 248.

3. Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 224 – 230.

4. Бобров В. В. Атрибуты шаманского костюма из клада у села Лебеди (Кузнецкая котловина) // Клады: состав, хронология, интерпретация: материалы тематической научной конференции, Санкт-Петербург, 26 – 29 ноября 2002 года. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 206 – 212.

5. Бобров В. В., Васютин А. С., Онищенко С. С. Вагановский курганный некрополь IX в. н. э. в Присалаирье. Кемерово: ИНТ, 2010. 276 с.

6. Васютин А. С. Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V – IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 5 – 35.

7. Васютин А. С. Кузнецкая котловина в раннем средневековье (VII – IX вв.) // Краеведение Сибири. История и современность: материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея. Кемерово, 1999. С. 10 – 12.

8. Илюшин А. М. История и историография исследований по средневековой археологии Кузнецкой котловины: учебное пособие. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 74 с.

9. Илюшин А. М. Культовые памятники средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. Вып. 6. С. 135 – 144.

10. Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Мга В. В. Древности Касьминского археологического микрорайона в Кузнецкой котловине (по полевым сборам) // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово – Гурьевск, 1998. С. 107 – 121.

11. Илюшин А. М., Калиничева Н. И., Красильникова Л. И., Ткаченко К. И., Хорошевский С. Н. 60 лет Ленинск-Кузнецкому району. Очерки истории. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. 216 с.

12. Илюшин А. М., Ковалевский С. А. Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 60 – 64.

13. Императорская Археологическая комиссия за 1898 год // Архив Государственного Исторического музея, дело № 62.

14. Коллекция музея истории материальной культуры ТГУ // Архив негативного фонда музея КемГУ. Кемерово, 1968. № 0393.

15. Коллекция тагарских материалов музея Томского университета // Научный архив музея КемГУ. Кемерово, 1968. № 177. 108 с.

16. Кулемзин А. М. История изучения археологических памятников в Кемеровской области // Археология Южной Сибири (сборник научных трудов). Кемерово: Кемеровский полиграфкомбинат, 1985. Вып. 13. С. 107 – 115.

17. Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1989. Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Вып. I. 158 с.

18. Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1988. 184 с.

19. Ожередов Ю. И. Археологические коллекции с территории Среднего Притомья в собраниях музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета: материалы Международной научной конференции (10 – 12 ноября 2011 г., Кемерово). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 76 – 81.

20. Ожередов Ю. И., Плетнева Л. М., Масумото Т. Металлические зеркала в Музее археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского ТГУ: формирование и исследование собрания // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. Томск: Томский гос. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 136 – 157.

21. Окунева И. В. Кузбасс в эпоху раннего средневековья // Альманах современной науки и образования. 2007. № 2(2). С. 169 – 174.

22. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 год. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1898. С. 138 – 139.

23. Спицын А. А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1906. Т. 8. Вып. 1. С. 29 – 145.

24. Тишкин А. А., Горбунов В. В. Археологические памятники эпохи средневековья в Павловском районе // Павловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул – Павловск: Б.И., 2000. С. 54 – 63.

25. Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Металлические зеркала как исторический источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.

26. Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

27. Флоринский В. М. Археологический музей Томского университета. Томск: Типография Михайлова и Макушина, 1888. 276 с.

28. Флоринский В. М. Предметы религиозного значения: птицевидные идолы, идолы в форме человеческого лица или солнца, диски и кружки религиозного значения, идолы в человеческой форме // Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни (опыт славянской археологии). Томск: Типо-Литография П. И. Макушина, 1894. Гл. 5. 300 с.

29. Фотографии тагарской культуры из музея материальной культуры Томского университета // Научный архив музея КемГУ. № 182. Кемерово, 1968. 180 с.

30. Фотография «Кузнецкий округ, деревня Егозовая, на берегу р. Ини» // Сектор «Архив и археологические коллекции» Museovirasto (Музейное ведомство) Финляндии. Папка: Tomsk 1890 – 1891. Valokuvia. P. I. VIII: 64.

Информация об авторах:

Боброва Лариса Юрьевна – магистрант кафедры археологии КемГУ, руководитель отдела археологии Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, chaika@kemsu.ru.

(**Научный руководитель: *Китова Людмила Юрьевна* –** доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, lyudmila.kitova@mail.ru).

Ширин Юрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, философии и социальных наук, руководитель Археологической лаборатории историко-филологического факультета Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета, shirin_a@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 21.03.2016 г., принята к печати 25.04.2016 г.

EGOZOVO BURIED TREASURE

Larisa Yu. Bobrova [1, @1], ***Yuriy V. Shirin*** [2, @2, *]

[1] *Kemerovo State University*
[2] *Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University*
[@1] *chaika@kemsu.ru*
[@2] *shirin_a@mail.ru*
[*] ***The research was supported by the Tomsk State University Academic D.I. Mendeleev Fund Programme***

Egozovo buried treasure was one of the first buried treasures found in Kuznetsk Depression. The paper deals with the conditions of this cult complex, a detailed characteristic of findings and their modern historical and cultural interpretation. A possible attribution of these findings to the final stage of Upper Ob culture during its assimilation with Srostki culture is considered. The analysis of the complex allowed supposing that the findings are associated to a ritual. For the fist time, the partly missing collection is presented in its entirety.

Keywords: buried treasure, Middle Ages, Upper Ob culture, Srostki culture, bronze mirrors, rite, cult sculptures.

For citation: Bobrova L. Yu., Shirin Yu. V. Egozovskii klad [Egozovo Buried Treasure]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 13 – 24.

References

1. Abdulganeev M. T., Gorbunov V. V., Kazakov A. A. Novye mogil'niki vtoroi poloviny I tysiacheletiia n. e. v urochishche Blizhnie Elbany [New Burial Mounds of the Second Half of the I Millinery in the Area Blizhniye Elbany]. *Voennoe delo i srednevekovaia arkheologiia Tsentral'noi Azii* [Art of War and Medieval Archaeology in Central Asia]. Kemerovo: KemGU, 1995, 243 – 252.

2. Amanzholov A. S. Runicheskaia nadpis' na bronzovom zerkale (Zapadnyi Kazakhstan) [Runic Inscription on a Bronze Mirror (Western Kazakhstan)]. *Istoriia i teoriia drevnetiurkskogo pis'ma* [History and Theory of Old Turkic Writing]. Almaty: Mektep, 2003, 247 – 248.

3. Arslanova F. X., Kliashtornyi S. G. Runicheskaia nadpis' na zerkale iz Verkhnego Priirtysh'ia [Runic Inscription on a Mirror from Upper Irtysh Region]. *Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtysh'ia* [Essays on Medieval Archaeology in Upper Irtysh River]. Astana: Izdatel'skaia gruppa filiala Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana, 2013, 224 – 230.

4. Bobrov V. V. Atributy shamanskogo kostiuma iz klada u sela Lebedi (Kuznetskaia kotlovina) [Shaman's Outfit Attributes from a Buried Treasure Near Lebedi Village (Kuznetsk Depression)]. *Klady: sostav, khronologiia, interpretatsiia: materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii* [Burial Treasures: Contents, Chronology, Interpretation: Proc. Special Sc. Conf. (November 26 – 29 2002), Saint-Petersburg)]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2002, 206 – 212.

5. Bobrov V. V., Vasiutin A. S., Onishchenko S. S. *Vaganovskii kurgannyi nekropol' IX v. n. e. v Prisalair'e* [Vaganovo Kurgan Necropolis IX century AD in Salair Region]. Kemerovo: INT, 2010, 276.

6. Vasiutin A. S. Osobennosti kul'turogeneza v istorii rannego srednevekov'ia Kuznetskoi kotloviny (V – IX vv.) [Peculiarities of the Cultural Genesis in the Early Middle Age History of Kuznetsk Depression (V – IX centuries)]. *Pamiatniki rannego srednevekov'ia Kuznetskoi kotloviny* [Early Middle Age Findings in Kuznetsk Depression]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 5 – 35.

7. Vasiutin A. S. Kuznetskaia kotlovina v rannem srednevekov'e (VII – IX vv.) [Kuznetsk Depression in the Early Middle Age (VII – IX centuries)]. *Kraevedenie Sibiri. Istoriia i sovremennost': materialy Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu Kemerovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia.* [Regional Study of Siberia. History and Modernity: Proc. Reg. Sc.-Prac. Conf. Dedicated to 70th Anniversary of Kemerovo Regional Museum]. Kemerovo, 1999, 10 – 12.

8. Iliushin A. M. *Istoriia i istoriografiia issledovanii po srednevekovoi arkheologii Kuznetskoi kotloviny* [History and Historiography of the Researches on the Middle Age Archaeology of Kuznetsk Depression]. Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 1999, 74.

9. Iliushin A. M. Kul'tovye pamiatniki srednevekovogo naseleniia Kuznetskoi kotloviny [Cult Findings of the Middle Age Population of Kuznetsk Depression]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Kuzbass State Technical University,* no. 6 (2006): 135 – 144.

10. Iliushin A. M., Suleimenov M. G., Mga V. V. Drevnosti Kas'minskogo arkheologicheskogo mikroraiona v Kuznetskoi kotlovine (po polevym sboram) [Archaeological Findings of an Archaeological Micro-region in Kuznetsk Depression (according the field results)]. *Voprosy arkheologii Severnoi i Tsentral'noi Azii* [Issues of Archeology od Northern and Central Asia]. Kemerovo – Gur'evsk, 1998, 107 – 121.

11. Iliushin A. M., Kalinicheva N. I., Krasil'nikova L. I., Tkachenko K. I., Khoroshevskii S. N. *60 let Leninsk-Kuznetskomu raionu. Ocherki istorii* [60 Year Anniversary of Leninsk-Kuznetsk District. Historian essays]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, 216.

12. Iliushin A. M., Kovalevskii S. A. Itogi issledovaniia drevnostei rannego zheleznogo veka Kuznetskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsiei [The Results of the Research of the Early Iron Age Findings of the

Kuznetsk Complex Archaeologic and Ethnographic Expeditions]. *Itogi izucheniia skifskoi epokhi Altaia i sopredel'nykh territorii* [Results of the Research of the Scythian Period of Altai and contiguous Territories]. Barnaul, 1999, 60 – 64.

13. Imperatorskaia Arkheologicheskaia komissiia za 1898 god [Emperor Archaeological Commission for 1898]. *Arkhiv Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia* [Archives of State Historical Museum]. File 62.

14. Kollektsiia muzeia istorii material'noi kul'tury TGU [Collection of the Museum of Material Culture History of TSU]. *Arkhiv negativnogo fonda muzeia KemGU* [Archives of Negative Collection in the KemSU Museum]. Kemerovo, 1968, no. 0393.

15. Kollektsiia tagarskikh materialov muzeia Tomskogo universiteta [Tagar Materials Collection in the Tomsk University Museum]. *Nauchnyi arkhiv muzeia KemGU* [Scientific Archives of the KemSU Museum]. Kemerovo, 1968, no. 177, 108.

16. Kulemzin A. M. Istoriia izucheniia arkheologicheskikh pamiatnikov v Kemerovskoi oblasti [History of Studies of Archaeological Findings in Kemerovo Region]. *Arkheologiia Iuzhnoi Sibiri – Archaeology of South Siberia*, Kemerovo: Kemerovskii poligrafkombinat, no. 13 (1985): 107 – 115.

17. Kulemzin A. M., Borodkin Iu. M. *Arkheologicheskie pamiatniki Kemerovskoi oblasti. Materialy k Svodu pamiatnikov istorii i kul'tury SSSR* [Archaeological Findings of Kemerovo Region. The materials for the Arch of monuments of history and culture of the USSR]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izd-vo, issue 1, 1989, 158.

18. Oborin V. A., Chagin G. N. *Chudskie drevnosti Rifeia. Permskii zverinyi stil'* [Chudskoe Lake Archaeological Findings of Rihean Stage Perm Animal Style]. Perm': Permskoe kn. izd-vo, 1988, 184.

19. Ozheredov Iu. I. Arkheologicheskie kollektsii s territorii Srednego Pritom'ia v sobraniiakh muzeia arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Archaeological Collections from the Territory of Middle Ob Region in the Collections of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Siberian Tomsk State University]. *Muzei i nauka: k 35-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (10 – 12 noiabria 2011 g., Kemerovo).* [Museum and Science: For 35th Anniversary of the Museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of Kemerovo State University: Proc. Intern. Sc. Conf. (November 10 – 12 2011, Kemerovo)]. Kemerovo: Kuzbassvuziz-dat, 2011, 76 – 81.

20. Ozheredov Iu. I., Pletneva L. M., Masumoto T. Metallicheskie zerkala v Muzee arkheologii i etnografii Sibiri im. V. M. Florinskogo TGU: formirovanie i issledovanie sobraniia [Metallic Mirrors in the V. M. Florinskyi Museum of Archaeology and Ethnography: Creation and Study of the Collection]. *Kul'tury i narody Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniia: sb. Muzeia arkheologii i etnografii Sibiri im. V. M. Florinskogo* [Cultures and Peoples of Northern Asia and Ethnography Territories in the Context of an Interdisciplinary Research: Collection of Florinskyi V. M. Museum of Archaeology and Ethnography]. Tomsk: Tomskii gos. un-t, issue 2 (2008): 136 – 157.

21. Okuneva I. V. Kuzbass v epokhu rannego srednevekov'ia [Kusbass in the Early Middle Age]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia – Anthology of the Modern Science and Education*, no. 2(2) (2007): 169 – 174.

22. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1896 god* [Report of the Emperor Archaeological Commission for 1896]. Saint-Petersburg: Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov, 1898, 138 – 139.

23. Spitsyn A. A. Shamanskie izobrazheniia [Shaman Representations]. *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Russian and Slave Archaeology Department of the Imperial Russian Archaeology Society]. Saint-Petersburg: Tipografiia I. N. Skorokhodova, 8, issue 1 (1906): 29 – 145.

24. Tishkin A. A., Gorbunov V. V. Arkheologicheskie pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Pavlovskom raione [Archaeological Findings in Middle Age in Pavlovsk District]. *Pavlovskii raion: Ocherki istorii i kul'tury* [Pavlovsk District: Assays of History and Culture]. Barnaul – Pavlovsk, 2000, 54 – 63.

25. Tishkin A. A., Seregin N. N. *Metallicheskie zerkala kak istoricheskii istochnik po drevnei i sred-nevekovoi istorii Altaia (po materialam Muzeia arkheologii i etnografii Altaia Altaiskogo gosudarstven-nogo universiteta)* [Metallic Mirrors as a Historical Source of the Ancient History of Altai (on the Materials of Middle Age History of Altai of Altai State University)]. Barnaul: Azbuka, 2011, 144.

26. Troitskaia T. N., Novikov A. V. *Verkhneobskaia kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [Verkhneobskaya Culture in Novosibirsk Ob Region]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1998, 152.

27. Florinskii V. M. *Arkheologicheskii muzei Tomskogo universiteta* [Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk: Tipografiia Mikhailova i Makushina, 1888, 276.

28. Florinskii V. M. Predmety religioznogo znacheniia: ptitsevidnye idoly, idoly v forme chelovecheskogo litsa ili solntsa, diski i kruzhki religioznogo znacheniia, idoly v chelovecheskoi forme [Religious Objects: Bird Form Idols, Human Face or Sun Form Idols, Discs and Rounds of Religious Purpose, Human Form Idols]. *Pervobytnye slaviane po pamiatnikam ikh doistoricheskoi zhizni (opyt slavianskoi arkheologii)* [Prehistoric Slaves According to the Findings and Their Prehistoric Life (Slave Archaeology Experience)]. Tomsk: Tipo-Litografiia P. I. Makushina, 1894, 300.

29. Fotografii tagarskoi kul'tury iz muzeia material'noi kul'tury Tomskogo universiteta [Photographs of Tagar Culture from the Museum of Material Culture of Tomsk University]. *Nauchnyi arkhiv muzeia KemGU* [Scientific Archives of the KemSU Museum]. Kemerovo, 1968, no. 182, 180.

30. Fotografiia «Kuznetskii okrug, derevnia Egozovaia, na beregu r. Ini» [Photograph "Kuznetsk District, Egozovaya Village on the side of the River Inya"]. *Sektor «Arkhiv i arkheologi-cheskie kollektsii» Museovirasto (Muzeinoe vedomstvo) Finliandii. Papka: Tomsk 1890 – 1891* [Sector Museovirasto "Archives and Archaeological Collections" (Museum Administration) Finland. Directory: Tomsk 1890 – 1891]. Valokuvia, P. I. VIII: 64.

Received 21.03.2016, accepted 25.04.2016.

УДК 902.7 (575.17)

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ШЕСТАКОВСКИЙ КОМПЛЕКС»

В. М. Кимеев [1, @, *]

[1] *Кемеровский государственный университет*
[@] *kimeev@mail.ru*

[*] ***Работа выполнена по гранту РГНФ № 15-11-42003***

В статье рассматриваются история открытия и различные проектные предложения по сохранению и использованию уникального естественно-природного и историко-культурного комплекса для дальнейшего создания историко-природного заповедника или историко-культурного и природного музея-заповедника «Шестаково» или природного национального парка.

В Кузбассе с 1998 г. накоплен большой опыт разработки таких проектов и создания музеев-заповедников «Томская писаница», «Красная Горка», «Мариинск-исторический», «Тюльберский городок», «Кузнецкая крепость», экомузей «Тазгол» в составе музея-заповедника «Трехречье». Проектировались и создавались заповедники профессиональными архитекторами и историками-музейщиками на основании многолетних исследований.

Однако последний печальный «ударный» опыт создания музея-заповедника «Трехречье» в п. Усть-Кабырза Таштагольского района с главным и единственным экспозиционным объектом – тюрьмой «Гулаг» – требует тщательной разработки научной концепции и архитектурного проекта музея-заповедника «Шестаково», намеченного к созданию в Чебулинском районе по заданию высшего руководства Администрации Кемеровской области. Наиболее перспективным может считаться проект музея-заповедника, предложенный археологом А. М. Кулемзиным. Завершающим этапом перед созданием музея-заповедника должен стать проект зон охраны и генеральный план, выполненный лицензированной мастерской с учетом имеющихся исследований палеонтологов, историков, музейщиков и биологов.

Ключевые слова: Шестаково, динозавры, памятники археологии, музей-заповедник.

Для цитирования: Кимеев В. М. Проблемы создания историко-культурного и природного музея-заповедника «Шестаковский комплекс» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 25 – 30.

В Кузбассе в рамках Года культуры и туризма департамент культуры и национальной политики АКО совместно с Кемеровским областным краеведческим музеем (КОКМ) разработал историко-культурный познавательный проект «Золотое кольцо Кузбасса» с целью повышения туристической привлекательности богатств Кузбасса, популяризации памятников историко-культурного наследия, сохранения исторической памяти, патриотического и нравственного воспитания молодого поколения. В маршрут «Золотого кольца» были включены как отдельные памятники природы, архитектуры и монументального искусства, православные храмы, мемориальные краеведческие музеи, так и все шесть музеев-заповедников, активно создаваемых с 1988 г. Это историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница» в Яшкинском районе в 55 км вниз по Томи от г. Кемерово, экомузей-заповедник «Тюльберский городок» в Кемеровском районе в 55 км вверх по Томи от Кемерово, историко-архитектурные музеи-заповедники «Красная горка» в областном центре, «Мариинск исторический» в г. Мариинск и его окрестностях, «Кузнецкая крепость» в старой части г. Новокузнецка, а также «Трехречье» с его филиалом – экомузеем «Тазгол» в Таштагольском районе [3, с. 101 –106]. Эти достижения, видимо, подвигли музееведов и высшее руководство Кузбасса начать активную подготовительную работу по созданию седьмого музея-заповедника в окрестностях с. Шестаково Чебулинского района.

Впервые идею сохранения и музееефикации комплекса археологических памятников выдвинул еще в 1980 г. кемеровский археолог А. М. Кулемзин после многолетних раскопок в этих местах вместе с академиком А. П. Окладниковым и профессором А. И. Мартыновым [5, с. 95; 13; 14]. Впоследствии в 1995 г. он выдвинул идею создания «Чумайско-Шестаковского историко-природного заповедника», но обошелся без каких-либо экономических расчетов и картопланов выделением нескольких комплексом предполагаемого заповедника»: Шестаковский и Чумайский археологический комплекс от палеолита до средневековья; исторический комплекс в с. Чумай, включавший памятники гражданской войны и захоронений репрессированных Сиблага; архитектурный комплекс в виде деревянных крестьянских домов и церкви XIX – XX вв. в с. Чумай и с. Шестаково; природный комплекс, включавший потухший вулкан, карстовые провалы и пещеры, водопад на реке Кия и местонахождение «останков вымерших динозавров и палеолитической фауны». Предлагалось им также обустройство нескольких маршрутов: автомобильный, конный, пеший и водный, но без их картографирования, создание археолого-палеонтологический музей в с. Шестаково, расчистить входы в карстовые пещеры и подготовить их к посещению туристами, а также поставить вопрос о реставрации памятников народной и культовой архитектуры в с. Шестаково.

В тот же год биолог-охотовед Н. И. Белоусов разработал фантастический даже для тех времен бизнес-план создания и развития «Опытно-экспериментального охотничьего хозяйства». По плану предполагалось создание в окрестностях поселка Чумай на реке

Кия на территориях Тисульского и Чебулинского районов такого охотхозяйства с круглогодичной центральной базой-кордоном в виде двух срубных домов и бани. На маршрутах предполагалось строительство пяти охотничьих избушек, трех солонцов и четыре подкормочных площадок. Создание охотхозяйства намечалось в два этапа до 1998 г. и оценивалось в 100 млн руб. в ценах 1995 г. Доход ожидался почти в 700 млн руб. в год. Однако этот прожект по разным причинам так и не осуществился.

Следует отметить, что первооткрывателем Шестаковского палеонтологического местонахождения считается палеонтолог А. А. Масаковский, работавший под руководством известного палеонтолога, писателя-фантаста И. А. Ефремова [17, с. 165]. Впоследствии работы на палеонтологическом местонахождении проводил в 1995 г. томский геолог С. В. Лещинский, зафиксировавший три местонахождения: Шестаково-I, -II. -III. Начиная с 1996 г. сотрудники кафедры палеонтологии ТГУ стали проводить полноценные раскопки, привлекая для исследований палеонтологов Московского института палеонтологии РАН и Музея естественной истории Северной Аризоны США [12, с. 83; 1, с. 491 – 493]. Отмечены находки фрагментов скелетов на местонахождении участниками экспедиций зоологов КемГУ [2].

Самостоятельны раскопки в 1995 г. по лицензии № КЕМ 00371, якобы выданной Южсибгеокомом, провел И. Е. Гребнев – директор т. н. новосибирского передвижного «Музея естественной истории». Он извлек и незаконно вывез с территории Кемеровской области один полный и три неполных скелета динозавров мелового периода и предположил нахождение у с. Шестаково «целого кладбища динозавров». Согласно письму Председателя Южсибгеолкома Г. Н. лицензию И. Е. Гревневу никто не выдавал, а сами его раскопки названы «варварскими» [8, с. 87]. Только стараниями в те годы заведующего отделом по охране памятников департамента культуры АКО А. М. Кулемзина были остановлены эти грабительские раскопки.

В 2001 г. научным коллективом биологов, географов и археологов (А. А. Васильченко, Т. Н. Гагина, Н. В. Скалон, С. Д. Тивяков, А. М. Кулемзин) был подготовлен проект организации Шестаковского природного парка с включением его в действующий природный заповедник «Кузнецкий Алатау» [8, с. 28]. Однако при согласовании в Администрации Кемеровской области проект не был поддержан и больше к нему официально никто не возвращался.

В 1998 – 2006 гг. А. М. Кулемзин значительно усовершенствовал свои проектные предложения, анализировав весь накопленный опыт создания музеев-заповедников Сибири, разработал новый проект создания комплексного историко-культурного и природного музея-заповедника и опубликовал несколько научных статей [6, с. 37 – 45; 7, с. 206 – 230], а также издал методическое пособие «Восьмое чудо Кузбасса. Шестаковский музей-заповедник: концепция создания и развития» [8].

Новаторством в самостоятельных разработках А. М. Кулемзина стало более четкое обоснование своей гипотезы создания «Шестаковского музея-заповедника» с конкретизацией целей, задач, перспектив и возможных неблагоприятных обстоятельств при создании музея и развитии туризма. Впервые в его книге дается подробная история открытия, изучения, а также панорама идей музеефикации памятников археологии, палеонтологии и природы. Кроме того на картопланах им были впервые обозначены границы зоны охраны всех типов памятников (археологических, палеонтологических, исторических и уникальных объектов природы) и зоны охраняемого природного ландшафта. Отсутствовала только профессиональная архитектурно-этнографическая экспертиза памятников народной архитектуры для дальнейшей реставрации и музеефикации в селах Чебулинского района.

Стремясь наверстать упущенное время, сотрудники КОКМ ускоренными темпами принялись за разработку другой концепции создания музея-заповедника, опираясь на финансовую поддержку департамента культуры и национальной политики, районных властей и свой, не совсем удачный опыт проектирования и создания музея-заповедника «Трехречье» в Горной Шории.

Игнорируя музееведческую науку и накопленный опят создания средовых музеев в Кузбассе (Томская писаница, Тазгол, Тюльберский городок), сотрудники КОКМ в 2013 г. выдвинули инициативу организации «научно-исследовательских работ», разработали т. н. Программу научных исследований «Палеонтологическое изучение ископаемых остатков из палеозойских и мезозойских отложений территории Кемеровской области». При этом музей добился лицензии на «право пользования недрами с целью сбора минералогических, палеонтологических и других геологических коллекционных материалов на севере Кемеровской области». Это было подкреплено мощной пиар-компанией, развернутой в прессе и сборниках конференций по развитию внутреннего туризма, а также летом 2015 г. у с. Шестаково был проведен областной фольклорный фестиваль «В гостях у Динозавра» [11, с. 56 – 59; 4, с. 47 – 48; 9, с. 57].

На начальном этапе (2013 – 2015 гг.) директором КОКМ были проведены переговоры и привлечены специалисты-палеонтологи из ТГУ, Зоологического института РАН (Санкт-Петербург), Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН (г. Москва). С последним учреждением КОКМ на хоздоговорных условиях, оплаченных департаментом культуры АКО и администрацией Чебулинского района, в 2014 – 2015 гг. были проведены раскопки на участке местонахождений Шестаково-1 и Шестаково-3 в окрестностях с. Шестаково. Были найдены фрагменты костей млекопитающих мамонтовой фауны позднего плейстоцена – позвонков, конечностей, ребер шерстистого мамонта и носорога, бизона, древних лошадей и фрагменты позвоночных начала мелового периода – костей, черепа гигантских растительноядных динозавров. Исследователи предположили, что причиной гибели пситтакозавров был селевой поток в русле временного водотока. После камеральной обработки в самом КОКМ была оформлена выставка «Вглубь времен за динозаврами», в ДК с. Шестаково открыт небольшой музей с находками в витринах и фотовыставкой, а также развернута временная выставка в Чебулинском краеведческом музее. Более того, сотрудниками КОКМ с департаментом культуры АКО было организованы несколько выездных экскурсий непосредственно на исследуемые палеонтологические и археологические памятники, а

также разработан экскурсионный маршрут «Шестаковский парк мелового периода» с рекреационными площадками [18, с. 25 – 28; 15; 16]. Жаль, что при оборудовании смотровых площадок и подъездных путей были повреждены несколько стоящих на государственном учете археологических памятников. Проблематичными также выглядят планы КОКМ и местных властей по дальнейшей музеефикации памятников и созданию туристической инфраструктуры. И уже совсем непонятными выглядят идеи осуществить «экономическое моделирование туристического продукта, выбор и формирование набора маркетинговых схем взаимодействия с потенциальными потребителями» при отсутствии неподготовленных памятников для использования в туристских целях и специалистов в КОКМ по экономике и туризму [18, с. 28]

Руководителем рабочей группы, образованной в марте 2015 г. приказом ректора КемГУ, А. М. Кулемзиным была разработана, утверждена Научно-техническим советом КемГУ (№ 22 от 16 апреля 2015 г.) и официально передана в Администрацию Кемеровской области «Концепция создания природного парка и музея-заповедника регионального значения у с. Шестаково в Чебулинском районе Кемеровской области РФ», а также представлен проект Постановления коллегии Администрации Кемеровской области «О создании особо охраняемой территории «Шестаковский историко-природный музей-заповедник» регионального значения в Чебулинском районе Кемеровской области. Однако эта концепция так и не была рассмотрена квалифицированными экспертами и практически была похоронена.

Осенью 2015 г. сотрудник Кузбасского ботанического сада доктор биологических наук Ю. А. Манаков на заседании Общественной палаты Кемеровской области озвучил новый план рекреационного развития территории Чебулинского района в форме природного парка «Кийские просторы», видимо стремясь перехватить инициативу и получить финансирования через новый Департамент экологии и сельского хозяйства АКО. Довольно поверхностный текст предложенной «стратегии и плана» будущего парка требует значительной доработки с привлечением специалистов – историков, архитекторов и музееведов – и дальнейшей всесторонней экспертизы. Удивительно, но в его «плане рекреационного развития» были полностью проигнорированы концептуальные положения группы КемГУ. В частности не включены меры по сохранению и использованию в научных и просветительских целях памятники археологии, истории и народной архитектуры. С другой стороны многообразие идей и проектов может вновь на многие годы затормозить создание музея-заповедника как единственной организованной структуры, способной спасти богатейшее историко-культурное и природное наследие севера Кузбасса.

Опыт создания музеев-заповедников в Кузбассе требует для начала специального Распоряжения коллегии АКО по созданию музейно-туристического комплекса в Чебулинском районе с определением суммы проекта, генподрядчиков и перечня конкретных участников проекта (по примеру музеев-заповедников «Томская писаница» и «Трехречье»). Затем отделу культуры администрации Чебулинского района через департамент культуры и национальной политики АКО разумно заключить договор с ближайшим лицензированным институтом «Сибспецпроектреставрация» Министерства культуры Российской Федерации (г. Томск).

В основу научной концепции для архитектурного проектирования целесообразно положить концепцию Шестаковского музея-заповедника, предложенную археологом А. М. Кулемзиным [10]. В его методическом пособии дается подробная историческая справка о памятниках историко-культурного наследия у с. Шестаково, включая палеонтологические местонахождения и история их изучения. Требуется только продумать и предложить более совершенную методику демонстрации подлинных памятников с возможными вариантами их реконструкций и музеефикаций для большей их привлекательности и информативности для обычных туристов. Следует доработать разделы научной экспертизы и музеефикации архитектурно-этнографических памятников, а также актуализации нематериального культурного наследия и организации туристических маршрутов. Специалисты-биологи КемГУ и Ботанического сада способны подготовить анализ природной и рекреационной составляющей будущего музея-заповедника и разработать тематическую структуру будущих экспозиций.

Отработанная в России методика создания средовых музеев предполагает выполнение нескольких обязательных этапов. При выделении предполагаемых границ будущего музея-заповедника по заказу администрации Чебулинского района необходимо: принять выполнить лицензионными топографами топосъёмку масштаба 1:1000 участков с памятниками историко-культурного и природного наследия и участков, предполагаемых для комплекса предполагаемых турбаз. Только после передачи топографических карт и разработанной творческим коллективами КемГУ, Институтом человека СО РАН и КОКМ научной концепции, архитектурно-проектный институт сможет изготовить проект зон охраны и генеральный план со всеми чертежами сметами, а также предложить генеральную схему развития будущего музея-заповедника.

После всесторонней экспертизы и утверждения генплана департамент культуры и национальной политики АКО сможет определиться с генподрядчиком, который поэтапно начнет реставрацию и вместе с сотрудниками созданного музея-заповедника произведет музеефикацию памятников, строительство инфраструктуры с инженерными и дорожно-тропиночными сетями для дирекции и туристических баз.

Только после этого Кемеровский областной музей совместно с турфирмами и департаментами культуры, молодежной политики, спорта и туризма может организовать и обслуживать полноценный туристический маршрут, издать буклет и заказать сувениры. Для привлечения туристов кузбасские и российские СМИ смогут правдиво освещать этапы формирования музейного комплекса и реконструкции объектов, снять серию видеофильмов. Народная мудрость гласит, что телега не может бежать впереди лошади, но часто об этом забывают!

Научная концепция любого музея-заповедника нужна для определения основополагающих аспектов: *цели и задачи* создания музея-заповедника; *архитектурно-планировочная организация* экспозиционной территории, основанная на комплексе мероприятий по

сохранению, реставрации и реконструкции для экскурсионного показа воссоздаваемых историко-культурных комплексов; максимальное *сохранение и воспроизводство* ценного окружающего природного ландшафта, *основные направления деятельности* (фондохранительская, экспозиционно-музейная, культурно-образовательная, природоохранная, туристско-рекреационная и реставрационно-хозяйственная).

Комплексная программа организации музея-заповедника должна предусматривать выявление потенциала культурного и природного наследия округи и анализ сохранившихся недвижимых памятников археологии, народной архитектуры, истории, природы, а также выявление новых объектов. Выявляются основные исторические этапы формирования поселений и их архитектурно-планировочная структура, топонимика, исторические формы природопользования, традиционно-бытовая культура и религиозно-мифологическая система местного населения. После составления тематической структуры и уточнения границ зон охраны музея-заповедника в обязательном порядке специализированной лицензионной мастерской разрабатывается историко-архитектурный опорный план.

Проектные предложения по комплексу реставрационных работ, реконструкций воссоздаваемых объектов для подготовке их к экскурсионному показу базируются на научной концепции музея-заповедника, конкретных проектах реставрации и реконструкций отдельных построек, основных положениях проекта зон охраны. Генеральной схемой развития музея-заповедника по специальным проектам производится приспособление зданий, сооружений и территории для современного использования, совместимого с эксплуатационными параметрами памятников.

В научной концепции определяются также: основные направления научно-экспозиционной, культурно-образовательной, эколого-рекреационной, реставрационно-хозяйственной и экономической деятельности, рассматриваются вопросы инженерной инфраструктуры и инженерной подготовки территории музея-заповедника; основные объемы и организации работ с укрупненными показателями капитальных вложений.

Планировочная схема музея-заповедника и его функциональное зонирование (архитектоника) должны быть ориентированы на максимальное воссоздание исторического облика, взаимосвязей археологических, природных и других памятников с культовыми, общественными и жилыми сооружениями. Проект организации музея-заповедника должен предусматривать восстановление исторической сельской среды – традиционных заборов-заплотов, оконных и дверных наличников, ворот, калиток, деревянных тротуаров, беседок, колодцев, посадка деревьев кулисной посадки для нейтрализации восприятия производственной зоны поселений.

Проект зон охраны предусматривает проектные предложения: по составу *историко-культурных и природных объектов* как в пределах музея-заповедника, так и на смежных территориях. Определяются и наносятся на генплан *границы* и *режим содержания* территории. *Охранная зона* – это территория, непосредственно окружающая объект охраны, предназначенная для обеспечения сохранности как самого объекта, так и окружающей среды, а также для ее благоприятного зрительного восприятия. *Зона регулирования застройки* – это территория, окружающая охранную зону памятника, необходимая для сохранения или восстановления исторической планировки, пространственной структуры, своеобразия архитектурного облика населенного пункта, предназначенная для закрепления значения памятника в застройке или ландшафте, для обеспечения архитектурного единства новых построек с исторически сложившейся средой.

Зона охраняемого природного ландшафта устанавливается на территории, не вошедшей в состав охранных зон и зон регулирования застройки, для сохранения ценного ландшафта – водоемов, рельефа, определивших местоположение господствующих в композиции зданий и сооружений, влияющих на целостность исторического облика населенного пункта или памятника, расположенного в населенном пункте или вне его, в природном окружении. Режим этой зоны ориентирован, прежде всего, на решение ландшафтно-эстетических задач и далеко не исчерпывает природоохранительную тематику.

В создавшихся условиях для разработки проекта музея-заповедника необходимо объединение всех заинтересованных специалистов: биологов, археологов, музееведов, этнографов, палеонтологов, архитекторов и краеведов,

Будущий музей-заповедник должен быть не муниципальным бюджетным учреждением Чебулинского района, а областным автономным учреждением по примеру музея-заповедника «Томская писаница» в Яшкинском районе. Дирекция и фондохранище музея-заповедника могут находиться как в г. Кемерово, так и в с. Шестаково, в непосредственной близости к экспозициям под открытым небом [10, с. 72].

Литература

1. Алифанов В. Р., Ефимов М. Б., Новиков И. В., Моралес М. Новый пситтакозавровый комплекс тетрапод из нижнемелового местонахождения Шестаково (Южная Сибирь) // Доклады Академии наук. 1999. Т. 369. № 4. С. 491 – 493.

2. Калягин Ю. С., Ефремова Г. В., Зубко К. С. Некоторые проблемы охраны природного и историко-культурного наследия северной лесостепи Кузнецкой котловины // Степи Северной Евразии: материалы VI Международного симпозиума. Оренбург, 2012.

3. Кимеев В. М. Музеи-заповедники Кузбасса как ресурс регионального туризма // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2014. С. 101 – 106.

4. Кудрина Е. Л., Кулемзин А. М., Пономарев В. Д. Феномен Шестаковского комплекса объектов культурного наследия и возрождения традиционной культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 33-2. С. 44 – 51.

5. Кулемзин А. М. Шестаковский археологический комплекс // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980. С. 95 – 106.

6. Кулемзин А. М. Шестаковский историко-природный комплекс: концепция создания музея-заповедника // Музей-заповедник «Томская писаница». Кемерово, 1998. Вып. I: Природа. С. 37 – 46.

7. Кулемзин А. М. Проект музеефикации Шестаковского комплекса объектов историко-культурного и природного наследия // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. ст. Кемерово: КемГУКИ, 2006. С. 206 – 230.

8. Кулемзин А. М. Восьмое чудо Кузбасса. Шестаковский музей-заповедник: концепция создания и развития: методическое пособие. Кемерово: Кемеровский университет культуры и искусств, 2015. 107 с.

9. Кулемзин А. М. Наследие и туризм: что первично? // Внутренний туризм как основа устойчивого развития регионов России. Кемерово: КемГУКИ, 2015. С. 54 – 64.

10. Кулемзин А. М. Перспективы сохранения и использования Шестаковского комплекса объектов исторического, культурного и природного наследия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2. Т. 6. С. 71 – 75.

11. Лейсле Е. Богатство села Шестаково // Кузбасс XXI век. 2014. № 33. С. 56 – 59.

12. Лещинский С. В., Воронкевич А. В., Файнгерц А. В., Шиховцева Л. Г. Некоторые аспекты тафономии и стратиграфического положения Шестаковского комплекса раннемеловых позвоночных // Вопросы геологии и палеонтологии Сибири: сборник трудов. Томск, 1997. С. 83 – 90.

13. Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы. Кемерово, 1971. 248 с.

14. Мартынов А. И. Шестаковский историко-культурный и природный комплекс как основа развития туризма на севере Кемеровской области // Внутренний туризм как основа устойчивого развития регионов России. Кемерово: КемГУКИ, 2015. С. 38 – 48.

15. Мащенко Е. Н., Лопатин А. В., Воронкевич А. В. Первые находки псевдотрибосферских млекопитающих в мезозое России и новые данные о разнообразии фауны раннемеловых млекопитающих юго-востока Западной Сибири // Биоразнообразие в истории Земли: тез. докл. XLVII сессии палеонтологического сообщества. СПб., 2001. С. 59 – 61.

16. Мащенко Е. Н., Феофанова О. А., Демиденко Н. В., Кузьмина Е. А. В поисках сибирского динозавра // Наука и жизнь. 2014. № 11. С. 74 – 80.

17. Рождественский А. К. Местонахождение нижнемеловых динозавров в Кузбассе // Палеонтологический журнал. 1960. № 2. С. 165.

18. Феофанова О. А., Демиденко Н. В., Кузьмина Е. А. Организация палеонтологических научных исследований Шестаковского комплекса Кемеровским областным краеведческим музеем // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2. Т. 7. С. 24 – 28.

Информация об авторе:

Кимеев Валерий Макарович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета, kimeev@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 09.03.2016 г., принята к печати 27.04.2016 г.

PROBLEMS OF CREATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL MUSEUM "SHESTAKOVO COMPLEX"

Valeriy M. Kimeev[1, @, *]

[1] *Kemerovo State University*
[@] *kimeev@mail.ru*
[*] ***The work was supported by the RFH Grant No. 15-11-42003***

The paper discusses the history of the discovery, the various project proposals for the conservation and use of the unique natural and historical complex for the further creation of the historical and natural reserve or the historical-cultural and natural museum-reserve "Shestakovo" or natural national park.

Since 1998, Kuzbass has a long experience in the development of such projects and the creation of "Tomskaya Pisanitsa", "Krasnaya Gorka", "Historical Mariinsk", "Tyulbersky town", "Kuznetsk fortress" museums-reserves, ecomuseum "Tazgol" as part of "Trekhrechye" reserve. The reserves were designed and built by professional architects and historians, museum workers on the basis of many years of research.

The most promising may be considered a museum-reserve project proposed by archaeologist A. M. Kulemzin. The final step before the creation of the Museum-Reserve is approving a project of protection zones and a master plan made by licensed laboratory, taking into account the available data of paleontological research and the opinions of historians, museum staff and biologists.

Keywords: Shestakovo, dinosaurs, archaeological site, museum-reserve.

For citation: Kimeev V. M. Problemy sozdaniia istoriko-kul'turnogo i prirodnogo muzeia-zapovednika «Shestakovskii kompleks» [Problems of creation of the historical and cultural museum "Shestakovo complex"]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 25 – 30.

References

1. Alifanov V. R., Efimov M. B., Novikov I. V., Morales M. Novyi psittakozavrovyi kompleks tetrapod iz nizhnemelovogo mestonakhozhdeniia Shestakovo (Iuzhnaia Sibir') [New Psittacosaurus complex tetrapod from the lower Cretaceous of localities Shestakovo (South Siberia)]. *Doklady Akademii nauk – Reports of the Academy of Sciences*, 369, no. 4 (1999): 491 – 493.

2. Kaliagin Iu. S., Efremova G. V., Zubko K. S. Nekotorye problemy okhrany prirodnogo i istoriko-kul'turnogo naslediia severnoi lesostepi Ruznetskoi kotloviny [Some problems of protection of natural and historical-cultural heritage of the Northern forest-steppe Кузнецкой depression]. *Stepi Severnoi Evrazii: materialy VI Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Steppes of Northern Eurasia: Proc. VI Intern. Symp.]. Orenburg, 2012.

3. Kimeev V. M. Muzei-zapovedniki Kuzbassa kak resurs regional'nogo turizma [Museums-reserves of the Kuzbass as a resource for regional tourism]. *Sovremennye tendentsii v razvitii muzeev i muzeevedeniia: materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern tendencies in development of museums and museology: Proc. II all-Russian Sc.-Prac. Conf.]. Novosibirsk, 2014, 101 – 106.

4. Kudrina E. L., Kulemzin A. M., Ponomarev V. D. Fenomen Shestakovskogo kompleksa ob"ektov kul'turnogo naslediia i vozrozhdeniia traditsionnoi kul'tury [The phenomenon of Shestakovsky complex of cultural heritage and the revival of traditional culture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of the Kemerovo state University of culture and arts*, no. 33-2 (2015): 44 – 51.

5. Kulemzin A. M. Shestakovskii arkheologicheskii kompleks [The shestakovsky archaeological complex]. *Arkheologiia Iuzhnoi Sibiri* [Archaeology Of Southern Siberia]. Kemerovo, 1980, 95 – 106.

6. Kulemzin A. M. Shestakovskii istoriko-prirodnyi kompleks: kontseptsiia sozdaniia muzeia-zapovednika [The shestakovsky historical and natural complex: the concept of creation of the Museum-reserve]. *Muzei-zapovednik «Tomskaia pisanitsa». Vyp. I: Priroda* [Museum-reserve "Tomsk Pisanitsa". Vol. I: Nature]. Kemerovo, 1998, 37 – 46.

7. Kulemzin A. M. Proekt muzeefikatsii Shestakovskogo kompleksa ob"ektov istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediia [The project of museumification of the Shestakovsky complex of objects of historical-cultural and natural heritage]. *Muzeevedenie i istoriko-kul'turnoe nasledie* [Museology and historical-cultural heritage]. Kemerovo: KemGUKI, 2006, 206 – 230.

8. Kulemzin A. M. *Vos'moe chudo Kuzbassa. Shestakovskii muzei-zapovednik: kontseptsiia sozdaniia i razvitiia* [The eighth wonder of the Kuzbass. The shestakovsky Museum-reserve: the concept of creation and development]. Kemerovo: Kemerovskii universitet kul'tury i iskusstv, 2015, 107.

9. Kulemzin A. M. Nasledie i turizm: chto pervichno? [Heritage and tourism: what comes first?]. *Vnutrennii turizm kak osnova ustoichivogo razvitiia regionov Rossii* [Domestic tourism as basis for sustainable development of Russian regions]. Kemerovo: KemGUKI, 2015, 54 – 64.

10. Kulemzin A. M. Perspektivy sokhraneniia i ispol'zovaniia Shestakovskogo kompleksa ob"ektov istoricheskogo, kul'turnogo i prirodnogo naslediia [Prospects of preservation and use of the Shestakovsky complex of objects of historical, cultural and natural heritage]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University,* 6, no. 2 (2015): 71 – 75.

11. Leisle E. Bogatstvo sela Shestakovo [The wealth of the village Shestakovo]. *Kuzbass XXI vek – Kuzbass XXI century*, no. 33 (2014): 56 – 59.

12. Leshchinskii S. V., Voronkevich A. V., Faingerts A. V., Shikhovtseva L. G. Nekotorye aspekty tafonomii i stratigraficheskogo polozheniia Shestakovskogo kompleksa rannemelovykh pozvonochnykh [Some aspects of taphonomy and stratigraphic position of the Shestakovsky complex is of early Cretaceous vertebrates]. *Voprosy geologii i paleontologii Sibiri* [The Geology and paleontology of Siberia]. Tomsk, 1997, 83 – 90.

13. Martynov A. I., Martynova G. S., Kulemzin A. M. *Shestakovskie kurgany* [Shestakovskoe mounds]. Kemerovo, 1971, 248.

14. Martynov A. I. Shestakovskii istoriko-kul'turnyi i prirodnyi kompleks kak osnova razvitiia turizma na severe Kemerovskoi oblasti [The shestakovsky historical and cultural and natural complex as a basis for the development of tourism in the North of the Kemerovo region]. *Vnutrennii turizm kak osnova ustoichivogo razvitiia regionov Rossii* [Domestic tourism as basis for sustainable development of Russian regions]. Kemerovo: KemGUKI, 2015, 38 – 48.

15. Mashchenko E. N., Lopatin A. V., Voronkevich A. V. Pervye nakhodki psevdotribosferskikh mlekopitaiushchikh v mezozoe Rossii i novye dannye o raznoobrazii fauny rannemelovykh mlekopitaiushchikh iugo-vostoka Zapadnoi Sibiri [The first finds psevdoholinesterzoy mammals in the Mesozoic of Russia and new data on the diversity of the fauna of the early Cretaceous mammals of the South-East of Western Siberia]. *Bioraznoobrazie v istorii Zemli: tez. dokl. XLVII sessii paleontologicheskogo soobshchestva* [Biodiversity in the history of the Earth: abstr. of papers XLVII session of the palaeontological community]. Saint-Petersburg, 2001, 59 – 61.

16. Mashchenko E. N., Feofanova O. A., Demidenko N. V., Kuz'mina E. A. V poiskakh sibirskogo dinozavra [In search of a Siberian dinosaur]. *Nauka i zhizn' – Science and life*, no. 11 (2014): 74 – 80.

17. Rozhdestvenskii A. K. Mestonakhozhdenie nizhnemelovykh dinozavrov v Kuzbasse [The location of lower Cretaceous dinosaurs in Kuzbass]. *Paleontologicheskii zhurnal – Paleontological journal*, no. 2 (1960): 165.

18. Feofanova O. A., Demidenko N. V., Kuz'mina E. A. Organizatsiia paleontologicheskikh nauchnykh issledovanii Shestakovskogo kompleksa Kemerovskim oblastnym kraevedcheskim muzeem [The organization of paleontological research complex Shestakovsky in the Kemerovo regional local history Museum]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University,* 7, no. 2 (2015): 24 – 28.

Received 09.03.2016, accepted 27.04.2016.

УДК 903.01

АНДРОНОВСКАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ЛОГ-I НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

***Д. С. Леонтьева*[1, @1, *], *С. Ж. Рахимжанова*[1, @2, *]**

[1] *Алтайский государственный университет*
[@1] *nba-if@mail.ru*
[@2] *saule-rahim@inbox.ru*

[*] ***Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», и в рамках базовой части государственного задания Алтайского государственного университета, код проекта: 1006, тема «Использование естественнонаучных методов в реконструкции историко-культурных процессов на Алтае в древности»***

В работе рассматривается андроновская керамика поселения Большой Лог-I. Представлены данные технико-технологического анализа, проводившегося в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А. А. Бобринским. Выявлено, что на поселении гончарами использовалось несколько видов исходного пластичного сырья: илистые глины и природные ожелезненные глины в сочетании с разными естественными примесями. Установлены рецепты составления формовочных масс. Наиболее распространенным был рецепт «исходное сырье + шамот + органика» и «исходное сырье + шамот + органический раствор».

В ходе изучения морфологии сосудов, выявлено две формы – банки и горшки. Орнамент на горшки наносился в основном в технике штампования, на банки протаскиванием. Наиболее употребляемыми бордюрами для сосудов памятника стали: вертикальная елочка, канелюры и горизонтальные линии. Меандровые узоры и различные треугольники в орнаментации малочисленны, что отличает данную посуду от погребальной. Орнаментация и технология изготовления сосудов Большого Лога находит ближайшие аналогии в керамическом материале поселения Каргат-6 Барабинской Лесостепи. Высказано предположение о миграции андроновского населения оставившего памятники Каргат-6 и Большой Лог-I с территории Притоболья.

Ключевые слова: бронзовый век, керамика, андроновская культура, памятник, поселение, юг Западной Сибири.

Для цитирования: Леонтьева Д. С., Рахимжанова С. Ж. Андроновская керамика поселения Большой Лог-I на юге Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 31 – 40.

Гончарство андроновской культурно-исторической общности (АКИО) юга Западной Сибири стало объектом исследования лишь в последние десятилетия. Изучение технологии изготовления сосудов ведется пока на уровне отдельных археологических памятников. К настоящему времени опубликованы результаты технико-технологических исследований 11 андроновских поселений и некрополей. На территории Южной Кулунды изучался памятник – Рублево-VIII [11]; в Барабинской лесостепи – Каргат-6 [22; 25; 27], Венгерово-1,7 [19]; Преображенка-3 [19]; Абрамово-4 [19]; в Кузнецкой котловине – Дегтяревка, Чудиновка-1, Красная Горка-1 [5]; в Мариинско-Ачинской лесостепи – Тамбарское водохранилище [5]; в Лесостепном Алтае – Чекановский Лог-3 [5] и в Томском Приобье – Еловский-2 [5].

Целью настоящего исследования стал анализ андроновского керамического материала поселения Большой Лог-I. В ходе исследования проведен технологический анализ коллекции, статистика орнаментальных элементов и приемов орнаментации, а также определение места памятника в системе андроновских древностей.

Поселение Большой Лог-I находится на левом берегу р. Большая Калманка Калманского района Алтайского края. Оно исследовалось под руководством Ю. Ф. Кирюшина и С. Ю. Лузина в 1981, 1982 и 1986 гг. [4; 18]. За время работ вскрыто 192 м^2 площади поселения. В ходе раскопок зафиксированы очаги слабой мощности, одно кострище, несколько хозяйственных ям. Кострище является уникальной находкой, так как сохранились следы керамического производства. Вокруг него найдено большое количество кусков гончарной глины, иногда со следами пальцев, сжимавших ее. В пользу существования на поселении мастерской говорят и находки костяных штампов для орнаментации керамики, которые редко встречаются на поселениях [18]. К керамическому производству наверняка относятся глиняные изделия, напоминающие шайбу диметром от 7 до 17 см. Территория памятника заселялась неоднократно, о чем свидетельствует керамический материал, относящийся к нескольким историческим эпохам – от бронзового до раннего железного века [18].

Технологический анализ коллекции Большой Лог-I. *(Авторы выражают благодарность Н. Ф. Степановой за консультации в процессе технологического изучения керамики).*

Для технологического анализа керамики были отобраны фрагменты 34 сосудов этого поселения. Исследование проводилось в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А. А. Бобринским [1; 2] и его последователями [7; 8; 24; 30].

Выбранные образцы анализировались по ступеням гончарной технологии, относящимся к подготовительной стадии производства:

1) отбор исходного сырья,

2) обработка исходного сырья,

3) составление формовочной массы.

Наблюдения велись по свежим изломам черепков с помощью микроскопа МБС-10. Для определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья (ИПС) применялся дополнительный обжиг небольших обломков, каждого сосуда в муфельной печи при температуре 850°С. После обжига черепки сравнивались по цвету с экспериментальной шкалой ожелезненности глин [29].

Анализ исходного пластичного сырья. При изучении навыков отбора и подготовки исходного сырья было зафиксировано использование гончарами Большого Лога двух видов исходного пластичного сырья – илистой глины (88,24 %) и природной ожелезненной глины (11,76 %).

Применявшиеся гончарами илистые глины (ИГ) [3] характеризуются наличием следующих естественных компонентов:

1) пылевидный (менее 0,5 мм) и мелкий (0,5 – 0,9 мм) песок в различной концентрации;

2) раковина мелкая (0,5 – 0,9 мм) и средняя (1,0 – 1,9 мм), некалиброванная;

3) единичные включения бурого железняка мелкого (0,5 – 0,9 мм) и среднего (1,0 – 1,9 мм) размера в концентрации 1:6;

4) редкие окатанные комочки чистой глины (отличаются ожелезненностью).

Использовавшиеся ожелезненные глины (ОГ) содержат:

1) пылевидный песок (менее 0,5 мм) в концентрации 1:3 – 1:5;

2) единичные включения бурого железняка мелкого (0,5 – 0,9 мм) и среднего (1,0 – 1,9 мм) размера в концентрации 1:6.

Во всех случаях исходное сырье использовалось в состоянии естественной влажности.

Илистые глины характеризуются высокой – ИГ 1 (26,48 %), средней – ИГ 2 (52,95 %) и низкой – ИГ 3 (8,81 %) пластичностью. Ожелезненные глины также делятся на эти три группы, но соотношение их иное – глины высокой пластичности ОГ 1 составляют 2,94 %, средней пластичности – ОГ 2 – 5,88 % и низкой пластичности – ОГ 3 – 2,94 %. Для определения степени пластичности глины по обожженному черепку в настоящее время используются наблюдения за размерностью и концентрацией примеси естественного песка. В данной работе использованы критерии глин разной пластичности, предложенные Е. В. Волковой [8].

Таблица 1. **Виды исходного пластичного сырья, число сосудов и %**
Table 1. **Types of initial plastic raw material, number of vessels and %**

Степень пластичности глины	***Характерные естественные примеси в глинах***							
	Раковина	***Бурый железняк + раковина***	***Бурый железняк***	***Песок пылевидный+ раковина***	***Песок мелкий+ раковина***	***Песок пылевидный+ бурый железняк+ раковина***	***Песок мелкий + бурый железняк***	***Песок пылевидный***
Гл. 1. Высокая	6	3	1					
Гл. 2. Средняя				9	5	4		2
Гл. 3. Низкая					1	2	1	
Всего, число сосудов	6	3	1	9	6	6	1	2
%	**17,64**	**8,82**	**2,94**	**26,47**	**17,64**	**17,64**	**2,94**	**5,88**

Выявленные по степени пластичности и составу естественных примесей особенности глин позволяют предположить, что местные гончары использовали не менее 10 условных «мест» добычи (или вариантов) исходного пластичного сырья.

Минеральные и органоминеральные компоненты формовочной массы. В качестве компонентов формовочной массы использовались искусственно введенные: минеральные (шамот, дресва), органоминеральные (кость) и органические (органика, органический раствор, навоз, выжимка) примеси.

Шамот (Ш) некалиброванный: крупный (2,0 – 2,9 мм) и средний (1,0 – 1,9 мм) встречен во всех образцах (85,29 % без дополнительных минеральных компонентов в формовочной массе). Концентрация шамота варьируется от 1:3 до 1:5. Кальцинированная кость (К) (11,77 %), представлена обломками молочно-белого цвета, некалиброванная и мелкая, фиксируется в незначительной концентрации 1:6 – 1:7, использовалась в сочетании с примесью шамота. Дресва (Д) среднего размера (1,0 – 1,9 мм) в виде добавки встречена в одном образце, в концентрации 1:5, помимо дресвы в состав формовочной массы входил шамот, в котором также зафиксировано наличие дресвы (2,94 %).

Органические добавки. В изломах некоторых сосудов обнаружен искусственный органический раствор (ОР). Он характеризуется наличием черного «жирного» блеска на поверхности минеральных включений и аморфным пустотам, стенки которых

также покрыты налетом. Другой органической добавкой была выжимка (В) из навоза животных, которая отмечается по наличию в изломах небольшого количества измельченных остатков стеблей растений, а также маслянистых пленочек и потеков. Третий вид органической добавки в формовочную массу – навоз (Н) животных во влажном состоянии, представленный растительными отпечатками в виде хаотично расположенных пучков, пор овальной и аморфной формы с потеками на стенках. Четвертый вид, органика (О) – органические добавки неясного происхождения.

Обобщая информацию о составе искусственных примесей, использовавшихся гончарами поселения Большой Лог-I, представляется возможным выделить 7 разных культурных традиций составления формовочных масс керамики. Наиболее массовым являются рецепты: «ИПС + Ш + О» (35,29 %), «ИПС + Ш + ОР» (35,29 %), реже использовались рецепты: «ИПС + Ш + Н» (14,72 %), «ИПС + Ш + К + О» (5,88 %). Рецепты «ИПС + Ш + К + Н» (2,94 %), «ИПС + Ш + К + В» (2,94 %), «ИПС + Ш + Д + О» (2,94 %) представлены в единичных случаях.

Из всего выше сказанного можно заключить, что гончары, обитавшие на поселении, использовали для изготовления посуды два вида исходного пластичного сырья: илистую глину (88,24 %) и легкоплавкую ожелезненную глину (11,76 %); по особенностям исходного пластичного сырья и состава естественных минеральных примесей в нем предварительно выделено 10 разных «мест» его добычи. Это может указывать на бытование здесь нескольких гончаров или групп гончаров, использовавших разные источники этого сырья. Наиболее широко использовались три залежи: илистая глина в сочетании с песком пылевидным и раковиной (26,47 %), илистая глина с раковиной (17,65 %) и илистая глина с мелким песком и раковиной (14,71 %); анализ состава искусственных добавок указывает на применение гончарами разных рецептов составления формовочных масс. Наиболее распространенным был рецепт «ИПС + Ш + О» (35,29 %) и «ИПС + Ш + ОР» (35,29 %). Высокое сходство двух традиций, которые различаются только видом органической добавки, указывает на значительную культурную близость их носителей. Зафиксированные на поселении более редкие рецепты составления формовочных масс: «ИПС + Ш + К + О» (11,76 %), «ИПС + Ш + Д + О» (2,94 %) – отражают смешение носителей массовых традиций составления формовочных масс с носителями каких-то иных традиций в этой области.

Особенностью комплекса можно считать присутствие в исходном сырье естественной примеси раковины моллюсков, так как в литературе неоднократно отмечалось отсутствие раковины в керамике неолита и доандроновской бронзы Зауралья, Северного Казахстана и Сибири [25]. Для памятников андроновского времени территории юга Западной Сибири известно всего несколько случаев, где в керамических сериях зафиксирована раковина: поселение Каргат-6 (искусственная примесь), Рублево-VIII и Большой Лог-I (естественная примесь в ИПС). На андроновском могильнике Рублево-VIII илистая глина в качестве ИПС использовалась в 5,2 % [11], а на поселении Большой Лог-I – в 88,24 %, что говорит о разных субстратных навыках отбора сырья сравниваемых памятников. Таким образом, выбор илистой глины в качестве ИПС гончарами Большого Лога демонстрирует новые особенности гончарных традиций на рассматриваемой территории.

Описанные в литературе минеральные и органоминеральные компоненты формовочных масс андроновских памятников юга Западной Сибири характеризуют следующие основные традиции ИПС + Шамот (Рублево-VIII, Венгерово-1,7; Преображенка-3, Абрамово-4, Дресвянка, Красная Горка-1, Чудиновка-1), ИПС + Дресва (Чекановский Лог-3, Еловский-2), ИПС + Дресва + Шамот (Тамбарское водохранилище), ИПС + Шамот + Раковина (толченая) (Каргат-6). Шамотная традиция является преобладающей на памятниках юга Западной Сибири. К данной традиции относится и рассматриваемый памятник Большой Лог-I.

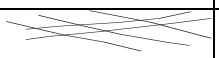
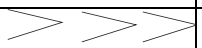
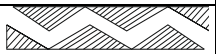
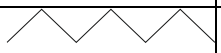
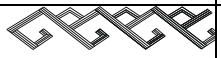
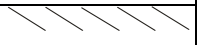
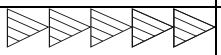
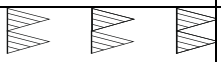
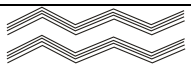
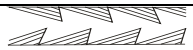
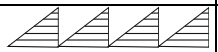
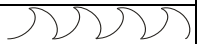
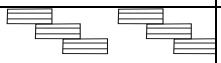
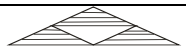
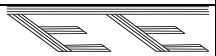
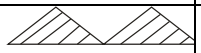
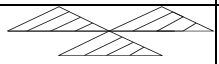
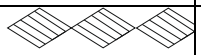
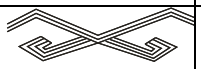
Орнаментация сосудов. Для характеристики декора андроновских сосудов поселения Большой Лог-I использовались все орнаментированные фрагменты (684 экз.). Отдельно рассматривались приемы нанесения и виды орнамента. За орнаментальную единицу был принят бордюр (второй уровень орнаментальной композиции), который обычно занимает горизонтальную полосу какой-то из зон сосуда и состоит из одной простой или сложной повторяемой фигуры [23]. Затем проводилось сопоставление орнаментации и форм сосудов. Методической основой исследования орнаментации стали работы И. В. Рудковского [23], Н. А. и А. А. Ткачевых [26] и И. Г. Глушкова [9].

При декорировании одного сосуда нередко использовалось несколько различных приемов нанесения орнамента. Поэтому на 684 экз. было учтено 909 единиц (100 %) бордюров. Преобладающими приемами были штампование – 62,0 % (564 ед.) и протаскивание – 30,1 % (274 ед.). Иногда орнаменты наносили накалыванием – 4,4 % (40 ед.), качалкой – 2,3 % (21 ед.), в резной технике – 0,6 % (5 ед.), вдавлениями – 0,6 % (5 ед.).

Для декорирования сосудов использовали несколько видов инструментов. Преобладал орнаментир с гладкой рабочей поверхностью – 37,3 % (339 ед.). Палочку или уголок лопатки, которые оставляют уголковые, каплевидные и ямочные округлой формы вдавления, немного реже выбирали для нанесения орнамента – 33,1 % (301 ед.). Инструмент с гребенчатым рабочим краем использовался меньше остальных – 29,6 % (269 ед.), он оставлял крупно- и мелкозубчатые оттиски.

На основе керамической коллекции Большой Лог-I было выявлено 29 бордюров. Наиболее распространенным бордюром является вертикальная елочка – 38,9 % (бордюр № 7). Часто на сосуды наносили: канелюры – 26,5 % (№ 1), разделительные горизонтальные линии – 7,2 % (№ 13) и горизонтальные ряды косоугольных штрихованных треугольников – 6,2 % (№ 5).

Таблица 2. **Бордюрные композиции керамики поселения Большой Лог-I**
Table 2. **Edge compositions of Bolshoy Log-I settlement ceramics**

№	*Бордюр*	*Горшок 81 ед. – 100 %*	*Банка 212 ед. – 100 %*	*Всего (банка + горшок + стенки) 909 ед. – 100 %*	*№*	*Бордюр*	*Горшок 81 ед. – 100 %*	*Банка 212 ед. – 100 %*	*Всего (банка + горшок + стенки) 909 ед. – 100 %*
1		29/35,8	132/62,3	**241/26,5**	**16**		-	-	**8/0,9**
2		-	-	**4/0,4**	**17**		-	-	**1/0,1**
3		-	15/7,1	**31/3,5**	**18**			-	**1/0,1**
4		-	5/2,4	**11/1,3**	**19**		-	-	**2/0,2**
5		29/35,8	4/1,9	**57/6,2**	**20**		-	-	**6/0,7**
6		-	2/0,8	**11/1,2**	**21**		3/3,9	-	**3/0,3**
7		2/2,5	39/18,9	**352/38,9**	**22**		1/1,2	-	**7/0,8**
8		2/2,5	-	**34/3,7**	**23**		1/1,2	-	**2/0,2**
9		1/1,2	-	**5/0,5**	**24**		2/2,5	-	**3/0,3**
10		-	-	**21/2,3**	**25**		1/1,2	-	**2/0,2**
11		-	-	**2/0,2**	**26**		-	-	**1/0,1**
12		1/1,2	1/0,5	**17/1,9**	**27**		-	-	**5/0,6**
13		8/9,8	14/6,6	**66/7,2**	**28**		1/1,2	-	**4/0,4**
14				**1/0,1**	**29**		-	-	**1/0,1**
15		-	-	**10/1,1**					

Поселенческие сосуды редко декорировали геометрическими орнаментами, на памятнике Большой Лог-I их доля составила 13,9 %, хотя они весьма разнообразные. Выявлено 18 видов бордюров, которые представлены: меандрами – 2,3 % (№ 15, 20, 26, 28); «уточками» – 0,1 % (№ 18); «В-образными» фигурами, состоящими из двух треугольников, поставленных на ребро, – 0,8 % (№ 22); лесенками, выполненными из трех поставленных друг на друга заштрихованных прямоугольников – 0,2 % (№ 25). Зафиксировано многообразие бордюров с треугольниками: равнобедренные – 2,1 % (№ 12, 23), ряды косоугольных треугольников, направленные вершинами друг к другу, – 0,5 % (№ 9), ряды равнобедренных треугольников, направленные вершинами друг к другу, – 0,1 % (№ 17), пирамида из заштрихованных треугольников – 0,2 % (№ 11) и 0,6 % (№ 27), цепочка равносторонних треугольников – 0,3 % (№ 21), ряд не сомкнутых треугольников – 0,1 % (№ 29). Редкими бордюрами на поселении Большой Лог-I были: горизонтальный зигзаг – 3,7 % (№ 8), ямочные вдавления – 3,5 % (№ 3), гладкая и гребенчатая качалка – 2,3 % (№ 10) и горизонтальная елочка – 0,4 % (№ 2).

На основе имеющихся в коллекции венчиков (153 экз.) были восстановлены две формы сосудов, бытовавших на памятниках: горшки (24,2 %) и банки (75,8 %). Проведена корреляция формы сосудов и орнамента.

Банки (116 экз.). Сосуды с плоским, относительно узким дном, слегка выпуклыми боками, открытым или закрытым устьем, без выраженного венчика. В рассматриваемой группе учтено 212 ед. орнамента (100 %). Приемы нанесения бордюров на сосуды баночных форм имеют несколько вариантов, однако преобладает протаскивание – 65,6 % (139 ед.). В меньшей степени использовали такие приемы, как штампование – 26,4 % (56 ед.) и накалывание – 8,0 % (17 ед.). Основным орнаментиром выступали палочка / уголок лопатки – 73,1 % (155 ед.), реже использовался инструмент с гладким рабочим краем – 20,3 % (43 ед.) и гребенка – 6,6 % (14 ед.). Наиболее распространенными бордюрами в орнаментации банок были: каннелюры – 62,3 % (№ 1), вертикальная елочка – 18,9 % (№ 7) и ямочные вдавления – 7,1 % (№ 3).

Горшки (37 экз.). Сосуды с узким дном, максимальное расширение тулова которых приходится на середину или верхнюю треть изделия. Имеется оформленная шейка и отогнутый наружу венчик. В данной группе была учтена 81 ед. орнамента (100 %). Для декорирования горшков использовали всего два приема нанесения орнамента: штампование – 63,0 % (51 ед.) и протаскивание – 37,0 % (30 ед.). Основным орнаментиром служил гребенчатый штамп – 58,1 % (47 ед.), реже палочка / уголок лопатки – 37 % (30 ед.) и инструмент с гладким рабочим краем – 4,9 % (4 ед.).

Бордюры, которыми декорировали горшки, существенно отличаются от тех, которые наносились на банки. Основные бордюры: «косые» треугольники, направленные вершинами вверх с косой штриховкой, – 35,8 % (№ 5) и горизонтальные каннелюры – 35,8 % (№ 1). Достаточно часто использовались горизонтальные разграничительные линии – 9,8 % (№ 13).

Другие бордюры использовались мало: горизонтальные зигзаги – 2,5 % (№ 8), вертикальная елочка – 2,5 % (№ 7), различные геометрические элементы (№ 9, 12, 21 – 25, 28) редки и учтены по 1 – 2 ед. Всего бордюров с геометрическими фигурами или меандрами на горшках зафиксировано 49,4 %.

В ходе анализа форм сосудов и орнаментации керамической коллекции поселения Большой Лог-I были получены следующие выводы. На поселении бытовали сосуды двух форм – банки (75,8 %) и горшки (24,2 %). Банки преобладали. Орнамент на горшки наносился в основном в технике штампования, на банки – протаскиванием. Наиболее употребляемыми бордюрами для сосудов памятника стали: вертикальная елочка, канелюры и горизонтальные линии. Меандровые узоры и различные треугольники на памятнике в орнаментации малочисленны, что отличает данную посуду от погребальной. Иногда использовался редкий прием для андроновской орнаментации – качалка.

Орнаментация андроновских сосудов Большого Лога-I в целом имеет сходства с поселенческими комплексами Верхнего Приобья (Коровья Пристань-III [20], Фирсово-XV [10], Ляпустин Мыс [21], Манжиха-2 [12], Переезд [28] и т. д.), однако имеется ряд различий. Для сравнения используются четыре керамические серии поселений Верхнего Приобья (статистические данные по орнаментации поселений Фирсово-XV, Ляпустин Мыс, Коровья Пристань-III, Шляпово опубликованы ранее). Прием протаскивание в орнаментации Большого Лога-I использовался в 30,1 % (сравниваемые андроновские комплексы – 8,6 % до 20,2 %). Прием вдавление, в свою очередь, использовался крайне редко – 0,6 % (от 6,7 % до 18,7 %).

Отличие орнаментации керамики поселения Большой Лог-I выявлены также в использованных бордюрах. Редко на сосуды наносили ямочные вдавления – 3,5 % (от 13,7 – до 20,9 %); чаще обычного наносились каннелюры – 26,5 % (от 5,9 до 20,1 %). Количество геометрических элементов на поселенческих сосудах не велико (от 2,6 % до 8,1 %), но на памятнике Большой Лог-I их использование больше обычного – 13,9 %.

Таким образом, поселение Большой Лог-I отличается от территориально близких поселений Верхнего Приобья, причем есть основания полагать, что различия имеют культурный, а не хронологический характер. Выбор илистой глины в качестве ИПС гончарами Большого Лога-I демонстрирует новые особенности гончарных традиций на рассматриваемой территории. Традиции отбора в качестве сырья илистых глин известны на территории Притоболья в комплексах бронзового века в алакульской (Нижнеингалькое-3 [14], УК-3 [15]) и федоровской (Курья-1 [16], Щетково-2 [17]) культурах АКИО. Весьма схожи традиции составления формовочных масс на андроновских памятниках Притоболья и Большого Лога-I. К кругу аналогий относится поселение Каргат-6 Барабинской лесостепи. Однако гончары поселения Каргат-6 использовали раковину в качестве добавки, а на памятнике Большой Лог-I – это естественная примесь исходного сырья.

Поиск аналогий орнаментации поселения Большой Лог-I приводит нас к поселению Каргат-6. Часть орнаментальных схем на памятниках абсолютно идентичны. О. В. Софейков, рассматривая керамическую коллекцию Каргат-6, выделил два типа орнаментации, один из которых «редко встречается на андроновской посуде Западной и Южной Сибири» [25]. Ближайшие аналогии О. В. Софейков видит в алакульской орнаментальной традиции и связывает население памятника Каргат-6 с территорией Курганского Притоболья.

По мнению одного из авторов (Д. С. Леонтьевой), поселения Большой Лог-I и Каргат-6 могли быть оставлены родственными группами населения. Данный вывод основан на большом сходстве керамики, как по технологии изготовления сосудов, так и в особенностях орнамента. Обращает на себя внимание схожесть сосудов Большого Лога в орнаментации и технологии изготовления сосудов с группой Притобольских андроновских памятников, несмотря на их значительную территориальную удаленность. Скорее всего, территория Притоболья – центр, откуда выдвинулось население оставившее памятники Каргат-6 и Большой Лог-I. На сегодняшний день известно всего два памятника, имеющих аналогии с притобольскими мате-

риалами, что говорит о переселении небольшой группы населения. Данный маршрут является одним из возможных путей проникновения андроновцев на территорию юга Западной Сибири. В целом гипотеза нуждается в дальнейшей проверке массовым материалом.

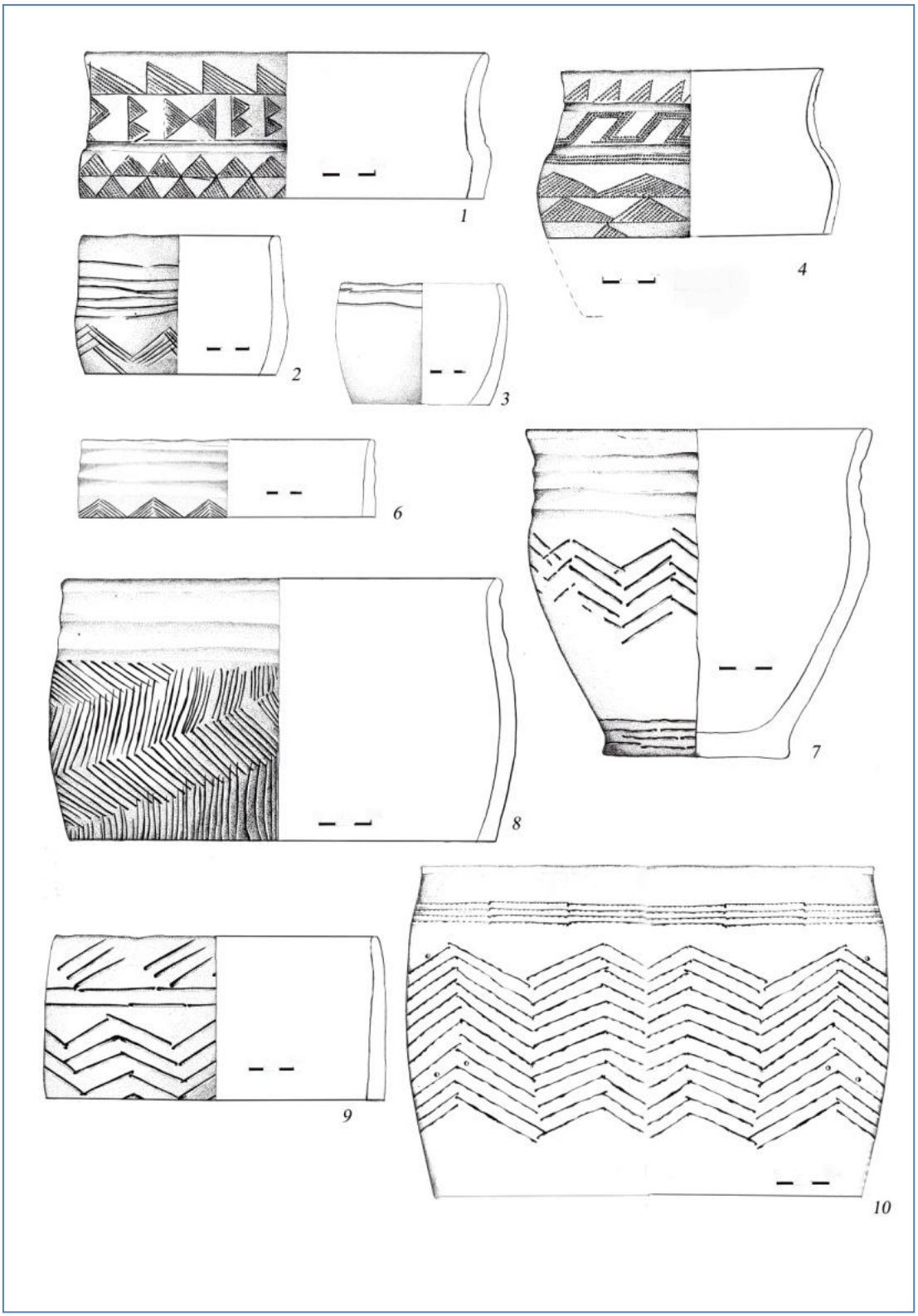


Рис. 1. ***Андроновские сосуды. Большой Лог-I***
Fig. 1. ***Andronovo vessels, Bolshoy Log-I site***

Рис. 2. ***Андроновская керамика. Большой Лог-I***
Fig. 2. ***Andronovo ceramics, Bolshoy Log-I site***

Литература

1. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.

2. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: Изд-во Самарского ГПУ, 1999. С. 5 – 109.

3. Бобринский А. А., Васильева И. Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: Изд-во СамГТУ, 1998. С. 194 – 218.

4. Бородаев В. Б., Газенкампф В. И., Кокшенев В. В. Разведка в Верхнем Приобье // АО 1979 г. М.: Наука, 1980. С. 191 – 192.

5. Борисов В. А. Опыт разработки и применение экспериментальных методов исследования керамики (по материалам эпохи бронзы Верхнего Приобья). Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2013. 254 с.

6. Васильева И. Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. № 4. С. 426 – 439.

7. Васильева И. Н., Салугина Н. П. Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Самар. гос. ун-та, 1999. С. 234 – 257.

8. Волкова Е. В. Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука, 1996. 116 с.

9. Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

10. Грушин С. П., Леонтьева Д. С. Андроновский керамический комплекс с поселения Фирсово-XV в Верхнем Приобье // Известия Алт. ун-та. 2014. Вып. № 4(84). С. 74 – 81.

11. Гутков А. И., Папин Д. В., Федорук О. А. Культурные особенности андроновской керамики из могильника Рублево-VIII // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 311 – 320.

12. Демин М. А., Ситников С. М. Новые материалы андроновской культуры из Целинного района // Полевые исследования в Верхнем Алее и на Алтае. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. С. 66 – 78.

13. Зах В. А., Рябогина Н. Е., Илюшина В. В., Иванов С. Н., Мурзина Е. И. Федоровский поселок Курья 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. Вып. № 1(20). С. 10 – 23.

14. Илюшина В. В. Технология гончарного производства населения алакульской культуры поселения Нижнеингальское-3 в Нижнем Притоболье // Самарский научный вестник. 2015. Вып. № 4(13). С. 47 – 59.

15. Илюшина В. В. Керамический комплекс алакульской культуры поселения Ук-3 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. Вып. № 2(17). С. 41 – 50.

16. Илюшина В. В. Керамика федоровской культуры поселения Курья-1 в Нижнем Притоболье // Российская археология. 2014. Вып. № 3. С. 24 – 36.

17. Илюшина В. В. Керамика федоровской культуры поселения Щетково-2 в Нижнем Притоболье (результаты технико-технологического анализа) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. Вып. № 4(31). С. 38 – 47.

18. Кирюшин Ю. Ф., Лузин С. Ю. Поселение Большой Лог-I – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 42 – 56.

19. Ламина Е. В., Лотова Н. Н., Добрецов Э. В. Минералогия древней керамики Барабы. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии, 1995. 126 с.

20. Леонтьева Д. С. Андроновский керамический комплекс поселения Коровья Пристань-III на оз. Иткуль // Известия Алт. ун-та. 2015. Вып. 4/2(88). С. 106 – 111.

21. Леонтьева Д. С. Андроновский керамический комплекс поселения Ляпустин Мыс на оз. Иткуль // Научный Альманах. 2015. № 10/4(12). С. 247 – 251.

22. Молодин В. И., Новиков А. В., Софейков О. В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 224 с.

23. Рудковский И. В. Комбинаторика бордюрных симметрий в андроновских орнаментальных комплексах // Известия Алт. ун-та. 2010. № 4/1(68/1). С. 213 – 222.

24. Степанова Н. Ф. Предварительные итоги исследования исходного сырья и формовочных масс керамики неолита-бронзы Горного Алтая и его предгорий // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. 2008. № 7. С. 23 – 31.

25. Софейков О. В. Андроновская керамика поселения Каргат-6 и некоторые вопросы технологии // Древняя керамика Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. С. 89 – 99.

26. Ткачева Н. А., Ткачев А. А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.

27. Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 184 с.

28. Удодов В. С. О некоторых особенностях керамического комплекса Переезд // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 74 – 76.

29. Цетлин Ю. Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. 2006. № 4. С. 421 – 425.

30. Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Информация об авторах:

Леонтьева Дарья Сергеевна – аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, nba-if@mail.ru.

(**Научный руководитель: *Грушин Сергей Петрович*** – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, gsp142@hist.asu.ru).

Рахимжанова Сауле Жангельдиевна – аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, saule-rahim@inbox.ru.

(**Научный руководитель: *Кирюшин Юрий Федорович*** – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета).

Статья поступила в редколлегию 03.03.2016 г., принята к печати 20.04.2016 г.

ANDRONOVO CERAMICS OF BOLSHOY LOG-I SETTLEMENT AT IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA

Darya S. Leontieva [1, @1, *]***, Saule Zh. Rakhimzhanov*** [1, @2, *]

[1] *Altai State University*
[@1] *nba-if@mail.ru*
[@2] *saule-rahim@inbox.ru*

[*] ***The work was supported by the RF Ministry of Education and Science Grant (decree № 220), received by Altai State University, agreement № 14.Z50.31.0010, project title «Ancient Settlement in Siberia: Formation and Dynamics of Cultures in Northern Asia», and by the basic part of the Altai State Universitry government order, project code 1006, project title «Use of Natural Science Methods in Reconstructing the Historical and Cultural Processes in the Altai in Ancient Time»***

The paper analyzes ceramics from Bolshoy Log-I settlement, located in the south of Western Siberia. The data of technical and technological analysis are presented. The research revealed the use of different material sources and different kinds of feedstock: silty and natural ferruginated clays. The recipes for molding masses were identified. The most common recipe was «feedstock + chamotte + organics» and «feedstock + chamotte + organic solution».

During the study of vessels morphology, two forms were revealed – jars and pots. Vessels were ornamented mainly by stamping or dragging. The most common frieze types are vertical herringbone, flutes and grooves. Meander and triangle patterns are less common, which distinguishes these vessels from funeral vessels. Ornamentation and technology of Bolshoy Log-I ceramics are similar to the ceramics from Kargat-6 settlement near Barabynsk, which leads to the suggestion about Adronovo population migration from Tobolsk region, and their leaving the Kargat-6 and Bolshoy Log-I sites.

Keywords: Bronze Age, ceramics, Andronovo culture, site, settlement, South of Western Siberia.

For citation: Leontieva D. S., Rakhimzhanova S. Zh. Andronovskaia keramika poseleniia Bol'shoi Log-I na iuge Zapadnoi Sibiri [Andronovo ceramics of Bolshoy Log-I settlement in the south of Western Siberia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 31 – 40.

References

1. Bobrinskii A. A. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochnikii metodyi zucheniiam* [Eastern Europe pottery. Sources and study methods]. Moscow, 1978, 272.

2. Bobrinskii A. A. Goncharnaia tekhnologiia kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniia [Pottery technologyas historical and cultural study object]. *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia)* [Topical problems of ancient pottery study (collective monograph)]. Samara: Izd-vo SamGPU, 1999, 5 – 109.

3. Bobrinskii A. A., Vasil'eva I. N. O nekotorykh osobennostiakh plastichnogo syr'ia v istorii goncharstva [Some plastic raw materials features in the history of pottery]. *Problemy drevnei Istorii Severnogo Prikaspiia* [Northern Caspian ancient history problems]. Samara: Izd-voSamGTU, 1998, 194 – 218.

4. Borodaev V. B., Gazenkampf V. I., Kokshenev V. V. Razvedka v Verkhnem Priob'e [Exploration of the Upper Ob]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1979 g.* [Archaeological Discoveries in 1979]. Moscow: Nauka, 1980, 191 – 192.

5. Borisov V. A. *Opyt razrabotkii primenenie eksperimental'nykh metodov issledovaniia keramiki (po materialam epokhi bronzy Verkhnego Priob'ia)* [Development and application of ceramics study experimental methods (Bronze Age materials of the Upper Ob)]. Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2013, 254.

6. Vasil'eva I. N. K voprosu o zarozhdenii goncharstva v Povolzh'e [To the issue of the pottery origin in the Volga region]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ia – Issues of the Volga archeology*, Samara, no. 4 (2006): 426 – 439.

7. Vasil'eva I. N., Salugina N. P. Raboty ekspeditsii po eksperimental'nomu izucheniiu drevnego goncharstva [Ancient pottery experimental expedition study works]. *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ia* [Volga and Ural region archeological issues]. Samara: Samar. gos. un-t, 1999, 234 – 257.

8. Volkova E. V. *Goncharstvo fat'ianovskikh plemen* [Fatyanovo tribes pottery]. Moscow: Nauka, 1996, 116.

9. Glushkov I. G. *Keramika kak arkheologicheskii istochnik* [Pottery as an archaeological source]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1996, 328.

10. Grushin S. P., Leont'eva D. S. Andronovskii keramicheskii kompleks s poseleniia Firsovo-XV v Verkhnem Priob'e [Andronovo ceramic complex from Firsovo-XV settlement in the Upper Ob]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai state university*, no. 4(84) (2014): 74 – 81.

11. Gutkov A. I., Papin D. V., Fedoruk O. A. Kul'turnye osobennosti andronovskoi keramiki iz mogil'nika Rublevo-VIII [Cultural features of Andronovo burial ceramics from Rublevo –VIII]. *Ariistepei Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepiakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriiakh* [The Eurasian steppes aria: The Bronze and Early Iron Agein the Eurasian steppes and adjacentterritories]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2014, 311 – 320.

12. Demin M. A., Sitnikov S. M. Novye materialy andronovskoi kul'tury iz Tselinnogo raiona [New materials of Andronovo culture from the Tselinny district]. *Polevyye issledovaniya v Verkhnem Priob'ye i na Altaye* [Field studies in the Altai and Upper Ob]. Barnaul: Izd-vo BGPU, 2005, 66 – 78.

13. Zakh V. A., Riabogina N. E, Iliushina V. V., Ivanov S. N., Murzina E. I. Fedorovski iposelok Kur'ia 1 [Kurya 1 Fedorovo settlement]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography,* no. 1(20) (2013): 10 – 23.

14. IliushinaV. V. Tekhnologiia goncharnogo proizvodstva naseleniia alakul'skoi kul'tury poseleniia Nizhneingal'skoe-3 v Nizhnem Pritobol'e [Alakulculture pottery technology of Niznyeingalskoye-3 Lower Tobol settlement]. *Samarskii nauchnyi vestnik – Samara Scientific Bulletin,* no. 4(13) (2015): 47 − 59.

15. Iliushina V. V. Keramicheskii kompleks alakul'skoi kul'tury poseleniia Uk-3 [The Uk-3 Alakulcilture settlement ceramic complex]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography,* no. 2(17) (2012): 41 − 50.

16. Iliushina V. V. Keramika fedorovskoi kul'tury poseleniia Kur'ia-1 v Nizhnem Pritobol'e [Fedorovo Culture ceramicfromthe Kuria-1, Lower Tobol settlement]. *Rossiiskaia arkheologiia – Russian archeology,* no. 3 (2014): 24 – 36.

17. Iliushina V. V. Keramika fedorovskoi kul'tury poseleniia Shchetkovo-2 v Nizhnem Pritobol'e (rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza) [Fedorovo culture ceramics from Shchetkovo-2 settlement in the Lower Tobol (the results of the technical and technological analysis)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, no. 4(31) (2015): 38 − 47.

18. Kiriushin Iu. F., Luzin S. Iu. Poselenie Bol'shoi Log-I – novyi pamiatnik andronovskoi kul'tury Verkhnego Priob'ia [Bolshoy Log-I settlement – new Andronovo culture monument of the Upper Ob]. *Problemy arkheologii I etnografii Iuzhnoi Sibiri* [Issues of Archeology and Ethnography of South Siberia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1990, 42 – 56.

19. Lamina E. V., Lotova N. N., Dobretsov E. V. *Mineralogiia drevnei keramiki Baraby* [Mineralogy of Baraba ancient ceramics]. Novosibirsk: Izd-vo institute arkheologii I etnografii, 1995, 126.

20. Leont'eva D. S. Andronovskii keramicheskii kompleks poseleniia Korov'ia Pristan'-III na oz. Itkul' [The Andronovo ceramic complex of the Korovya Pristan-III settlement on Itkul lake]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta – The news of Altai state university*, no. 4/2 (2015): 106 – 111.

21. Leont'eva D. S. Andronovskii keramicheskii kompleks poseleniia Liapustin Mys na oz. Itkul' [Andronovo ceramical complex of the settlement Lyapustin Mys on the lake Itkul]. *Nauchnyi Al'manakh – Science Almanac*, no. 10/4(12) (2015): 247 – 251 p.

22. Molodin V. I., Novikov A. V., Sofeikov O. V. *Arkheologicheskie pamiatniki Zdvinskogo raiona Novosibirskoi oblasti* [Archaeological monuments of Novosibirsk Region Zdvinsky District]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2000, 224.

23. Rudkovskii I. V. Kombinatorika bordiurnykh simmetrii v andronovskikh ornamental'nykh kompleksakh [Combinatorics curb Symmetryin Andronovo ornamental complexes]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta – The news of Altai state university*, no. 4/1(68/1) (2010): 213 – 222.

24. Stepanova N. F. Predvaritel'nye itogi issledovaniia iskhodnogo syr'ia i formovochnykh mass keramiki neolita-bronzy Gornogo Altaiai ego predgorii [Preliminary results of the raw material and molding compounds study of Neolithic, Bronze Age pottery from the Altai Mountains and its foothills]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediia narodov Iuzhnoi Sibiri – Thestudy of South Siberia historical and cultural heritage*, no. 7 (2008): 23 – 31.

25. Sofeikov O. V. Andronovskaia keramika poseleniia Kargat-6 I nekotorye voprosy tekhnologii [Kargath-6 Andronovo settlement ceramics and some technology issues]. *Drevniaia keramika Sibiri* [Ancient ceramics of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1990, 89 – 99.

26. Tkacheva N. A., Tkachev A. A. *Epokha bronzy Verkhnego Priirtysh'ia* [The Upper Irtysh Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka, 2008, 304.

27. Troitskaia T. N., Molodin V. I., Sobolev V. I. *Arkheologicheskaia karta Novosibirskoi oblasti* [Novosibirsk Region archaeologic almap]. Novosibirsk: Nauka, 1980, 184.

28. Udodov V. S. O nekotorykh osobennostiakh keramicheskogo kompleksa Pereezd [Some features of Pereezd ceramic complex]. *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamiatnikov Iuzhnoi Sibiri* [The issues of Southern Siberian archaeological monuments chronology and periodization]. Barnaul, 1991, 74 – 76.

29. Tsetlin Iu. B. Ob opredelenii stepeni ozheleznennosti iskhodnogo syr'ia dlia proizvodstva glinianoi posudy [Determining the extent of ferruginous raw material for the production of pottery]. Voprosy *arkheologii Povolzh'ia – Questions of archeology of the Volga*, no. 4 (2006): 421 – 425.

30. Tsetlin Iu. B. *Drevniaia keramika. Teoriia i metodyi storiko-kul'turnogo podkhoda* [Ancient ceramics. Theory and methods of historical- cultural approach]. Moscow: IA RAN, 2012, 384.

Received 03.03.2016, accepted 20.04.2016.

УДК 93/94

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЯХ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

***В. А. Полевод*[1, 2, @]**

[1] *Кемеровский государственный институт культуры*
[2] *Кемеровский государственный университет*
[@] *polevod@mail.ru*

В статье актуализируются вопросы выявления и сохранения музейных коллекций насекомых как части природного наследия на территории Кемеровской области, описывается история энтомологических исследований в регионе, ставится проблема противоречий в сравнительном аспекте между изучением литературных источников по сбору энтомологического материала и изучением музейных энтомологических коллекций.

Впервые обобщается история комплектования энтомологических коллекций в музеях области, выявлено 6 таковых музеев, а также изучены материалы кафедры зоологии и экологии Кемеровского государственного университета и ряд частных собраний. Подробно описаны (история комплектования, количественный и качественный состав) энтомологические коллекции Кемеровского государственного университета (в музее, на кафедре зоологии и экологии) и Кемеровского областного краеведческого музея. Показано неизбежное слияние частных собраний с музейными фондами в историческом развитии. Доказано, что Кемеровский государственный университет обладает наиболее крупными энтомологическими коллекциями, активно вовлеченными в научный, образовательный и экспозиционно-выставочный процесс в жизни университета и региона.

Ключевые слова: история энтомологии, коллекции насекомых, естественноисторические музеи, биологические вредители.

Для цитирования: Полевод В. А. История формирования энтомологических коллекций в музеях Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 41 – 49.

Процесс становления и развития музеев в Сибири недостаточно изучен, хотя музейная деятельность в России стала объектом исторических исследований еще в конце XIX в.; в дореволюционный период большинство работ было посвящено Минусинскому музею [29, с. 6]. Между энтомологическими исследованиями на определенной территории и содержанием энтомологических коллекций в музеях того же региона может быть как прямая связь (в случае краеведческих изысканий), так и вовсе не существовать никакой связи, так как одна часть коллекторов оставляла сборы (часто далекие от мест проживания) в своей частной коллекции (особенно любители), другая часть передавала их в крупные центральные музеи. При этом многие ученые, особенно в период освоения Сибири, изначально направлялись в отдаленные районы с целью изучения природы и пополнения коллекций главных столичных зоологических кабинетов и музеев. Коллекционирование предшествовало музеефикации энтомологических материалов. Большинство частных коллекций со временем путем дарения или закупок поступают в фонды музеев, а в последних часто уничтожаются биологическими вредителями или происходят повреждения, утери в случае форс-мажорных обстоятельств. Актуальность сохранения природного наследия в настоящее время только повышается (в том числе энтомологических собраний, очень уязвимых в плане сохранения целостности). Путаницу могут создать многие виды насекомых, чьи латинские названия (видовых и других таксонов) неоднократно претерпели ревизии, а ошибочно изначально определенные в свое время виды проблемных в плане детерминации групп требуют пересмотра заново самих музейных коллекций. Поэтому изучение вопроса хранения энтомологических коллекций (в каком музее находятся, в каком таксономическом составе и количестве единиц хранения) по литературным источникам представляет собой огромную проблему: к сожалению, несмотря на огромное количество работ по энтомофауне того или иного региона, указаний на то, в чьем ведении находится собранных материал, почти не существует. Целью настоящей работы является выявление музейных энтомологических коллекций на территории Кемеровской области, их истории и состава. Выполнение задач этой цели – процесс длительный и кропотливый, требующий изучения архивов, фондов (коллекций) музеев, музейных и фаунистических изданных работ, материалов, размещенных в Интернете, уточнений путем переписки и бесед с коллегами.

Сегодня естественноисторическая музеология – одно из самых динамично развивающихся направлений в музейной науке [27, с. 296]. Однако в современных трудах музееведов С. И. Сотниковой, О. Н. Труевцевой, О. Н. Шелегиной в работах по музеям Сибири информация об энтомологических коллекциях музеев Кемеровской области практически отсутствует. Во всей литературе от первооткрывателей Сибири до Великой Отечественной войны также не существует подобной информации, поскольку наши музеи появились уже в XX в., а достаточно многочисленные энтомологические сборы, проведенные на территории области, до этого времени хранились за ее пределами. Получается, что изучение энтомологической литературы и изучение энтомологических коллекций музея – это по сути два совершенно разных исследования.

Прежде чем насекомое станет экспонатом музея, его необходимо добыть. Работа с энтомологическими материалами начинается с полевых сборов насекомых. Зарождение интереса к чешуекрылым в России

происходит в начале XVIII в. В Западной Сибири (фрагментарно и в Кемеровской области) изучение насекомых началось одновременно с зоологическими исследованиями, проводимыми в XVIII в. академическими экспедициями А. Ф. Миддендорфа и многих других натуралистов. Среди руководителей экспедиций по Сибири был ботаник, академик И. Г. Гмелин, который в течение 10 лет (1733 – 1743) изучал флору и фауну Сибири. Во время путешествия по Сибири он собирал на земле Кузнецкой коллекции растений и насекомых. В 1736 г. во время зимовки в Якутске в его квартире случился пожар, в котором сгорели книги, коллекции, записи, рисунки, инструменты; позже сгоревшее было частично заново восстановлено [11, с. 26 – 28]. В экспедициях участвовали также натуралисты-путешественники С. П. Крашенинников, Г. В. Стеллер и др. В результате Петербургская Кунсткамера получила много сибирских видов насекомых [10]. Вклад в изучение природы Кузбасса внесли еще первые ученые-путешественники: П. С. Паллас, Д. Г. Мессершмидт, И. П. Фальк и др. [11, с. 126]. По мере накопления фактического материала стали появляться и публикации. Самые ранние работы такого плана создавались в 20-е гг. XIX в. Фаунистические работы В. И. Мочульского, А. Фальдерманна, В. М. Шодуара содержат также сведения о насекомых Кузнецко-Салаирской горной области. Данные о жесткокрылых содержатся также в ряде других работ (A. Semenov, T. Tschitscherine и т. д.) [8]. Сведения о чешуекрылых для территории нашей области содержатся в работах С. М. Чугунова, В. В. Внуковского и др. Томский зоолог М. Д. Рузский описал много новых видов муравьев, в том числе из Кузбасса [11, с. 136].

Большинство краеведческих музеев, существующих в старых городах Сибири (Минусинск, Красноярск, Барнаул, Иркутск, Чита), появилось в 70 – 90-е гг. XIX в. [14, с. 4]. В связи с изучением природных богатств, развитием производительных сил Кузбасса, необходимостью пропаганды современных технологий возникли музеи, имеющие производственный характер: Прокопьевский (основан в 1923 г.), Новокузнецкий (1927), Кемеровский областной краеведческий (1929). В 1931 г. в Западно-Сибирском крае было 22 музея, большинство из них имели естественно-исторические отделы, включая палеонтологию, ботанику, зоологию, энтомологию [30, с. 103 – 105].

Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета – один из крупнейших вузовских музеев Южной Сибири. В настоящее время его фонды насчитывают около 310000 единиц хранения. Основные виды деятельности музея – учебная, научно-исследовательская и культурно-образовательная. Благодаря высокому профессионализму сотрудников этот музейный центр хорошо известен также и за рубежом [3, с. 18]. Музей имеет довольно сложную историю. Основы музея зоологии были заложены доктором биологических наук, профессором В. Н. Скалоном и доктором биологических наук, профессором Т. Н. Гагиной. В 1981 г. на первом этаже Кемеровского государственного педагогического института музей зоологии был открыт (а по соседству с ним – и музей археологии). Эти музеи стали структурами отдельных соответствующих кафедр, которые пополняли музеи в результате своей научно-практической деятельности [13, с. 5]. Хотя начальный этап музея приходится еще на 1976 год: при кафедрах зоологии и археологии молодого университета появились первые экспозиции на базе собранного материала: они используются для учебного процесса и популяризации наук. Ректорат выделил в 1980 г. освободившиеся помещения библиотеки для создания первых полноценных экспозиций зоологического музея и музея археологии и этнографии Южной Сибири. Первым заведующим зоологическим музеем был Н. И. Белоусов [2, с. 13 – 17]. В результате большой работы были созданы в зоологическом музее сотрудниками и привлеченными специалистами новые (диорамные) экспозиции, имеющие ландшафтно-экологическую направленность; открытие залов состоялось в 1994 г. Ряд лет заведующим музеем была Л. А. Какоткина. За время реконструкции много материалов и коллекционных экспонатов было утрачено, в том числе часть препаратов, ценная коллекция морских беспозвоночных. В 1997 г. произошло объединение двух музеев в один; музей кафедры зоологии сменил статус на экологический отдел музея археологии, этнографии и экологии Южной Сибири, а директором назначена Н. А. Белоусова [25, с. 33], ныне кандидат культурологии.

С появлением в штате музея энтомолога и художника-анималиста В. А. Полевода был выделен кабинет под хранение большой энтомологической коллекции, доставленной в музей из г. Прокопьевска в начале 1999 г. Краткая история коллекции следующая. Первые экземпляры были собраны в 1978 – 1981 гг. в окрестностях г. Прокопьевска, затем в 1986 – 1990 гг. на территории Европейской части России (преимущественно в Московской обл.) и в экспедициях, возглавляемых кандидатом биологических наук А. В. Алексеевым, кандидатом биологических наук Н. Б. Ниитским, в Туркмению (1987), на Северный Кавказ (1988, 1990), в Приморский край (1989). 1991 – 1997 гг. – вновь сборы в Прокопьевском районе, Таштаголе (1997), а также в Киргизии и Узбекистане (1992), Ставропольском и Краснодарском краях (1993), Казахстане (1994, 1996), на Алтае (1995, 1996). Инвентаризация всей коллекции проводилась В. А. Полеводом единственный раз (в конце 1993 – начале 1994 г., при подготовке к персональной энтомологической выставке в Прокопьевском краеведческом музее: определение и систематизация материала, оформление будущей экспозиции). В то время только в состав экспозиции (56 больших коробок под стеклом) вошло 5360 экземпляров 2285 видов жесткокрылых, чешуекрылых, перепончатокрылых и других отрядов с различных территорий; всего в коллекции (сырьевой фонд) имелось более 12500 экземпляров. Представители экзотической энтомофауны также имелись в коллекции. Первая небольшая серия бабочек из Африки была получена в коллекцию еще во время учебы в вузе: по предложению преподавателя-энтомолога В. И. Бенкевича, заведующего тогда Зоологическим музеем Орехово-Зуевского педагогического института (ОЗПИ, затем – МГОПИ, а с недавних пор МГОГИ) была расправлена партия тропических бабочек и других насекомых для музея; также был сделан в то время ряд рисунков (насекомые, ракообразные) в авторской методике для экспозиции отдела беспозвоноч-

ных животных зоологического музея ОЗПИ, сохранившихся и до настоящего времени.

Часть материала описанной коллекции насекомых была передана в дар музею КемГУ (в том числе в экспозиции) – это несколько сотен экземпляров жесткокрылых и чешуекрылых из следующих пунктов сбора: Московская область (г. Орехово-Зуево, 1986 – 1988 гг.; г. Лыткарино, 1998), Тамбовская область (с. Карпели Мордовского района, 1987), Туркмения (Ташаузский, Ашхабадский и Бахарденский районы, 1987), Краснодарский край (Майкопский, Краснодарский районы, 1988), Приморье (заповедники Уссурийский и Кедровая Падь, 1989), Ставропольский край (г. Железноводск, Туапсе, 1993), Алтайский край (Белокуриха, 1995), Казахстан (г. Алматы, побережье оз. Капчагай, 1996), Кемеровская область (Прокопьевский район, 1991 – 1997). О вкладе других лиц в пополнение энтомологических коллекций музея было написано несколько ранее [16, с. 28]. С лета 1999 г. начинаются поездки В. А. Полевода с целью сбора насекомых для создания и пополнения уже музейных энтомологических коллекций отдела зоологии (основной акцент в сборе энтомологических материалов был поставлен на бабочек-пядениц Кузнецко-Салаирской горной области). А пока часть частной коллекции использовалась в экспозициях музея, организации и проведении энтомологических выставок, ярмарок в Кемерово и других городах области, в методической работе с преподавателями, учителями школ. В дальнейшем были сборы насекомых из Приморского края (2003), Хакасии (2005, 2006), Алтая (2007), Иркутской области (берег Малого моря оз. Байкал, 2008), Крыма (Севастопольский район, 2012).

Крупную энтомологическую коллекцию единственный специалист-энтомолог курировать не в состоянии, нужен коллектив специалистов. Здесь частью помогает межмузейная коммуникация с передачей серий экземпляров разным специалистам. По результатам изучения коллекции опубликована серия работ, описаны некоторые новые для науки виды жесткокрылых [12; 32].

Ежемесячные заседания Кемеровского отделения Русского энтомологического общества, базирующегося на кафедре зоологии и экологии КемГУ, с 1999 г. ряд лет проводились в зоологическом зале музея. Вскоре количество членов общества возросло, были приняты в действительные члены обладатели частных энтомологических коллекций (коллекционер А. К. Иванов, энтомолог-любитель А. В. Коршунов). Энтомологические коллекции, собранные в музее КемГУ, послужили материалом для написания ряда статей в музейные сборники, Красную книгу Кемеровской области (первого и второго издания), выпуски Трудов Кемеровского отделения Русского энтомологического общества (КемРЭО), издающиеся с 2003 г. (серия выпусков «Энтомологические исследования в Западной Сибири»). Большинство работ Трудов раскрывает фаунистический состав насекомых различных отрядов и семейств, обитающих в Кузнецко-Салаирской горной области. Лишь одна работа описываемой серии посвящена собственно истории энтомологических исследований в Кузнецко-Салаирской горной области [8]. Далее, лишь в некоторых статьях указывается источник хранения собранных энтомологических сборов, коллекций. Чаще это ссылка на попутную обработку в изучаемой группе коллекций, хранящихся в том или ином учреждении. Из работ кемеровских авторов можно узнать о наличии следующих энтомологических материалов, имеющихся на кафедре зоологии и экологии Кемеровского государственного университета: жесткокрылые – жужелицы, златки, мягкотелкообразные, чернотелки; перепончатокрылые – коллетиды, пчелы; двукрылые – слепни; чешуекрылые – пяденицеобразные, булавоусые.

Как видно из вышеизложенного, энтомолог, занимающийся фаунистикой, находится в гораздо более выигрышном положении, чем музейный энтомолог: первый может воспользоваться данными музейных коллекций и выписать все необходимые для себя сведения с этикеток экземпляров насекомых или изданных музейных работ (однако таковых для Кемеровской области найдется немного), а второй не найдет в фаунистической работе чаще всего вообще ничего полезного (где хранится собранный материал и в каком количестве). Такое отношение можно с полным правом назвать безответственным (как для настоящего времени, так и для будущих поколений). Необходимо установить для авторов правило обязательного указания локализации хранения собранного материала, будь то хотя бы личная коллекция. В последнее время наблюдается положительная тенденция: во многих статьях указывается место хранения собранного в природе материала (музея или личной коллекции), однако пока так чаще поступают авторы статей, работающих в энтомологических отделах музеев.

Полностью же музейным материалам на основе сборов насекомых, хранящихся в музее КемГУ, посвящены работы в Каталоге коллекций (Выпуски 1 – 3) музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ [17; 18; 21; 23], а также по редким видам пяденицеобразных чешуекрылых Кемеровской области, хранящимся в музее университета: выявлены в природных биотопах редкие виды пядениц, таковых в коллекции музея КемГУ насчитывалось на тот момент 59 видов; для всех экземпляров приводятся точки сбора, дата, фамилия сборщика [22]. Информация, данная в каталогах для разных коллекций, размещена также на сайте и CD-дисках музея.

В последние годы акцент в сборе насекомых музея КемГУ уделяется изучению синантропных вредителей энтомологических коллекций: собрана справочная коллекция жуков-кожеедов (обследованы природные биотопы, городские и музейные условия, экземпляры вредителей собраны в энтомологических коллекциях), обнаружены новые для Кемеровской области виды, появились публикации результатов [20 и др.]. В настоящее время фондовые энтомологические коллекции музея КемГУ (более 2500 экземпляров) представлены 5 коллекциями: чешуекрылые, пяденицеобразные чешуекрылые, жесткокрылые, насекомые других отрядов и членистоногие дальнего зарубежья. В экспозиции музея ввиду ограниченности экспозиционной площади представлен 291 экземпляр основного фонда 236 видов, размещенных в 11 энтомологических коробках под стеклом: насекомые г. Кемерово, входящие в блок «Насекомые Алтае-Саянской горной страны» (имеются виды, включен-

ные в Красную книгу Кемеровской области), бабочки Южного Приморья, Казахстана, Северного Кавказа и Средней Азии, а также экзотические членистоногие [19, с. 85]. В ближней перспективе – создание и оформление в экспозицию новой коллекции «Следы жизнедеятельности насекомых», включающей образцы и фотографии повреждений растений, ходы стволовых вредителей, гнезда, галлы, домики ручейников и т. п.

Благодаря созданию учебно-научного центра экомузея «Тюльберский городок» на юге Кемеровского района (под руководством кандидата исторических наук В. М. Кимеева) расширилась база проведения летних практик и научных исследований. В процессе комплектования фондов экомузея-заповедника «Тюльберский городок» В. А. Полеводом была сформирована в экспозицию энтомологическая коллекция: 67 единиц хранения основного фонда [4, с. 103]. Коллекция оформлена в две коробки: чешуекрылые, жесткокрылые, в том числе собранные В. А. Полеводом на территории экомузея в 2001 г.

История зоологических материалов на кафедре зоологии и экологии биологического факультета КемГУ имеет свою историю. Они начали формироваться на базе определительной научной коллекции птиц Т. Н. Гагиной, привезенной ею в 1974 г. из Иркутска (В. Н. Скалон и Т. Н. Гагина были приглашены в наш вуз из Иркутского сельскохозяйственного института). Кроме птиц, имелись также небольшие коллекции зверей, рептилий, амфибий, рыб и беспозвоночных животных, собранных уже в первые годы существования кафедры. Изначально коллекция размещалась по кабинетам, после выделения специального помещения перемещалась в музей; лишь коллекция насекомых осталась в учебной аудитории зоологии беспозвоночных [26, с. 192].

Студенты 1 курса биологического факультета изучают зоологию беспозвоночных, выезжая на практику в полевые условия (д. Подъяково, биостанция «Ажендарово» и другие полевые стационары). В первые годы ими руководила А. П. Баранник, затем (и по настоящее время) – доктор биологических наук Н. И. Еремеева. По результатам практик на кафедре зоологии и экологии собралась довольно богатая коллекция насекомых из Кузнецкой степи, Горной Шории, Кузнецкого Алатау. Т. Н. Гагина проводила работу на практиках по зоологии позвоночных, а также по изучению некоторых групп насекомых (шмели, стрекозы). В 1999 г. В. А. Полеводом была определена и систематизирована коллекция пядениц кафедры зоологии и экологии, хранящаяся в картонных коробках с закрывающимися крышками. Однако куратора коллекции насекомых на кафедре нет, как нет и хотя бы приблизительной цифры единиц хранения (в основном это бумажные матрасики со сборами на слое ваты). Серьезная часть этих материалов не используется и пропадает [26, с. 194].

До недавнего времени имелась возможность работать с большой частной энтомологической коллекцией бывшего сотрудника кафедры зоологии и экологии А. В. Коршунова. В коллекции (преимущественно российские и экзотические чешуекрылые и жесткокрылые) имеются редкие виды и паратипы. Все же после сокращения А. В. Коршунова осенью 2014 г. в собственности кафедры остался значительный фрагмент его коллекции: несколько сотен экземпляров местных, приморских и частью тайских бабочек (пядениц, огневок, молей, листоверток, парусников, бражников, орденских лент, вариации махаона Маака, брамеи дальневосточной, павлиноглазки Ямамаи), а также жуков (жужелицы рода *Carabus*, пластинчатоусые рода *Onthophagus* и другие). Коллекция оформлялась за время работы на кафедре под руководством кандидат биологических наук С. С. Онищенко, оказавшему содействие в снабжении монтируемой коллекции энтомологическими коробками, организации серии поездок по сбору материала; кандидат биологических наук В. Б. Ильяшенко оказывал помощь в организации поездок на стационар в Ажендарово, разработке стандарта каталогизации коллекции.

На кафедре хранится также коллекция беспозвоночных животных, которые пока не каталогизированы. Кандидат биологических наук, доцент кафедры Ю. С. Калягин изучал эктопаразитов (иксодовых клещей). В помещении музея (в орнитологическом кабинете, где хранились тушки птиц) хранились его сборы и препараты [6, с. 11], проходили занятия. В настоящее время этот кабинет уже несколько лет занимает «Лаборатория биоэкологии», закрепленная за кафедрой зоологии и экологии биологического факультета КемГУ. В лаборатории содержатся как позвоночные животные (рыбы, амфибии, рептилии, птицы, млекопитающие), так и меняющиеся культуры беспозвоночных (пауки, многоножки, насекомые: жуки-чернотелки и из личинки, бронзовки, палочники, тараканы). Некоторые линочные шкурки пауков-птицеедов и погибшие жуки в дальнейшем могут пополнить коллекцию экзотических членистоногих музея.

Кемеровский краеведческий музей был открыт 6 октября 1929 г. во Дворце труда и по сути поначалу влачил свое жалкое существование. Уже через месяц (8 ноября) случился пожар, уничтоживший часть экспозиции с документами к экспонатам. Это потребовало инвентаризации уцелевшего материала, разработки нового плана экспозиции и пополнения недостающими экспонатами (под руководством в то время директора Р. П. Митусовой). Зоологическая экспозиция включала в то время чучела птиц, кости ископаемых животных, насекомых [9, с. 8 – 10]. В 1941 г. в краеведческом музее (то есть в здании Дворца труда) разместились эвакуированные предприятия, а экспонаты музея переведены были в здание кинотеатра «Москва», далее – в школы города, тир, квартиры (коллекции переезжали семь раз). Переезды, а также холод и сырость способствовали гибели или утери почти всех экспонатов от плохого хранения [31, с. 255 – 256]. В 80-х гг. XX в. в музее второй раз появились энтомологические материалы: А. П. Баранник передавала студенческие сборы насекомых с летней практики по зоологии беспозвоночных. Однако эти сборы существовали недолго – полностью были уничтожены биологическими вредителями коллекций.

Коренной перелом произошел в конце 2008 г.: Кемеровскому областному краеведческому музею (КОКМ) подарил основную часть своей энтомологическую коллекции (814 экземпляров) А. К. Иванов,

житель г. Кемерово, действительный член КемРЭО [16, с. 28]. А. К. Иванов не являлся коллектором: собрание пополнялось путем закупок сувенирных экземпляров; на 95 % комплектование коллекции осуществлялось В. А. Полеводом (состав, доставка, определение, этикетаж; в оформлении большое участие принимала также Н. И. Алехина). Данная коллекция интересна в экспозиционно-выставочном плане: экзотические (Африка, Южная Америка, Юго-Восточная Азия; ряд экземпляров из Европы и Северной Америки) паукообразные, стрекозы, палочники, богомолы, цикады, клопы, осы, бабочки родов *Ornithoptera*, *Papilio*, *Morpho*, крупнейшая совка агриппина (*Thysania agrippina*) и т. д.; из жуков – *Dynastes hercules*, *Megasoma acteon*, *Megasoma elephas*... Кроме того, в коллекции имеется научно этикетированный материал (Приморский край, Северный Кавказ, Казахстан, Средняя Азия, Кемеровская, Тамбовская, Московская области) из экспедиционных сборов В. А. Полевода и некоторых московских энтомологов: парусники рода аполлон (*Parnassius*), белянки рода желтушка (*Colias*), пяденицы (Geometridae) Кузбасса, Казахстана и Приморья, жуки родов *Carabus*, *Cicindela*, много усачей, бронзовок и др. В начале 2009 г. коллекция Иванова (ставшая собственностью музея КОКМ) по просьбе администрации музея была подготовлена В. А. Полеводом для экспонирования (проведена химическая обработка, реставрация поврежденных экземпляров и материала энтомологических коробок, определен ряд неподписанных видов), а в феврале в музее открылась совместная выставка: энтомологическая коллекция и художественные работы Полевода (графика, фотография). В таком составе в дальнейшем выставка экспонировалась и в других городах области.

Энтомологические выставки своих крупных частных коллекций начиная с 1990 г. неоднократно устраивали в КОКМ В. И. Федин (кемеровский коллекционер), В. А. Полевод, Владимир Ефременко (красноярский энтомолог и коллекционер), А. В. Коршунов (приведены в хронологическом порядке).

Небольшие энтомологические коллекции имеются также в некоторых других музеях области. Основанный в 1988 г. музей-заповедник «Томская Писаница» сформировал три основных направления своей деятельности, одно из которых – природа (другие: история, культура). Причем изначально концепция заповедника была ориентирована на охрану и изучение природы, использование окружающей среды как объект экологического воспитания. Сотрудниками отдела, кроме коллекции лишайников, гербария, гнезд птиц, создана также небольшая энтомологическая коллекция из видов, обитающих на территории заповедника. Работа осуществляется в этом направлении при участии преподавателей и студентов биологического факультета Кемеровского государственного университета; музей-заповедник является также базой студенческих практик [15, с. 180 – 182]. На «Томской Писанице» разнообразен мир беспозвоночных животных. Изучено более 50 видов дневных бабочек. Из них махаон, аполлон внесены в Красную книгу [1, с. 79].

В 1952 г. в г. Прокопьевске основан городской краеведческий музей [28, с. 263]. В 1991 г. музеем через А. Панченко (г. Новокузнецк) приобретена энтомологическая коллекция (жесткокрылые, чешуекрылые, стрекозы) из сборов С. Тинта (окрестности г. Новокузнецка, Красноярский край). Коллекция «Насекомые юга Кузбасса» была определена и оформлена в отделе экспозиций «Природа» Прокопьевского краеведческого музея В. А. Полеводом в 1992 г.; включает 237 единиц хранения и входит в число наиболее ценных коллекций музея [24].

Естественнонаучная коллекция музейных фондов Гурьевского городского краеведческого музея состоит из двух частей: природа и минералы Салаирского кряжа (всего около 700 единиц хранения). Коллекция природы – чучела животных (многие виды которых являются редкими и занесены в Красную Книгу) и насекомые, среди которых встречаются необычные экземпляры [7].

Таким образом, впервые было проведено обобщающее исследование энтомологических коллекций в музеях Кемеровской области по местонахождению, истории, количественному и качественному составу. Установлено, что наиболее крупными энтомологическими коллекциями среди музеев любого типа в Кемеровской области однозначно обладает музей «Археология, этнография и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета. С учетом немузейных, но значительных энтомологических коллекций кафедры зоологии и экологии биологического факультета Кемеровского государственного университета, а также использования частных энтомологических коллекций в научно-образовательном и экспозиционно-выставочном пространстве весь совокупный и, соответственно, более богатый материал можно назвать «энтомологические коллекции Кемеровского государственного университета». На втором месте (по количеству единиц хранения и значимости) стоит энтомологическая коллекция Кемеровского областного краеведческого музея (бывшая коллекция А. К. Иванова). Все вышеперечисленные коллекции имеют свою интересную богатую историю. Остальные имеющиеся энтомологические материалы (в других музеях области) имеют фрагментарный характер представленности местной энтомофауны.

Зоологические исследования, связанные с систематикой, фаунистикой, морфологией и т. п., предполагают сбор и хранение зоологических коллекций. Сохранение коллекций насекомых – процесс трудоемкий и более сложный, чем сохранение коллекций позвоночных животных, поскольку они очень хрупкие, мелкие и легко повреждаются вредителями коллекций. Необходимо специальное оборудование: специальные шкафы, герметично закрывающиеся коробки, периодическая заморозка или протравка химикатами. Потому, например, на кафедре зоологии и экологии КемГУ специалистами, заинтересованными в определенных группах насекомых, сохранялась лишь небольшая часть сборов [25, с. 30 – 31]. Научно-методическим центром музееведения для естественнонаучных музеев Российской Федерации и отделов природы краеведческих музеев, согласно приказу Министерства культуры РФ от 12.05.1997 г., стал Государственный Дарвиновский музей (ГДМ). Ежегодно научно-методический отдел музея проводит семинары по повышению квалификации, где рассматриваются вопросы сбора, обработки, учета, условий хранения и реставрация предметов фондовых коллекций, в том числе демонстрируется расправление насекомых и их реставрация на примере

бабочек. Разбирается и вопрос защиты зоологических коллекций от биологических вредителей; в ГДМ широко применяется пиретроид «Raid: против тараканов и муравьев» [5, с. 238 – 240].

Литература

1. Андреева О. С., Евтушик Н. Г., Тивяков С. Д. Особо охраняемые природные территории Кемеровской области в системе ООПТ России: учеб. пос. для студ. КузГПА. Новокузнецк: РИО КузГПА, 2008. 100 с.

2. Белоусова Н. А. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета: опыт и перспективы // Музей и наука: материалы научно-практического семинара, посвященного 25-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово, апр. 2002. Кемерово: Изд-во Притомское, 2002. С. 13 – 17.

3. Белоусова Н. А. Музей университета как научно-образовательный центр региона // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы II Всероссийской научно-практ. конфер. (Новосиб., 29 сент. – 3 окт. 2014 г.) / отв. ред. В. А. Ламин, О. Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014. С. 17 – 21.

4. Боброва Л. Ю. Музей и школа – опыт создания единого музейного пространства в деле сохранения историко-культурного наследия // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета: мат. Междунар. науч. конфер. (10 – 12 нояб. 2011). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 103 – 107.

5. Васильев В. М. XVI научно-практический семинар по повышению квалификации сотрудников естественноисторических музеев на базе Государственного Дарвиновского музея (Москва): опыт участия // Музеи, исчезающее и воспроизведенное наследие, туризм: опыт и современные практики взаимодействия: Междунар. молодежная музеологическая школа / отв. ред. О. Э. Мишакова. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2013. С. 238 – 243.

6. Гагина Т. Н. Зоологическому отделу музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского университета 25 лет // Музей и наука: материалы научно-практ. семинара, посвящ. 25-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово: Изд-во Притомское, 2002. С. 9 – 12.

7. Гурьевский городской краеведческий музей. Режим доступа: http://gur-muzeum.kmr.muzkult.ru/scheme/ (дата обращения: 29.01.2016).

8. Еремеева Н. И. История энтомологических исследований в Кузнецко-Салаирской горной области // Энтомологические исследования в Кузнецко-Салаирской горной области. Труды Кемеровского отделения Русского энтомологического общества. Кемерово: Юнити, 2003. Вып. 1. С. 3 – 6.

9. Китова Л. Ю. К истории Кемеровского краеведческого музея // Разыскания: Историко-краеведческий альманах / сост. Л. Ф. Кузнецова. Кемерово, 2004. Вып. 6. С. 7 – 11.

10. Королев В. А., Мурзин В. С. История лепидоптерологических исследований в России. М., 2005. 105 с.

11. Крылов Г. В., Завалишин В. В., Козакова Н. Ф. Исследователи Кузбасса. Кемерово: Кн. изд-во, 1983. 166 с.

12. Легалов А. А. Новые данные о трибе Hyperini (Coleoptera, Curculionidae) Азии с описаниями новых видов // Амурский зоологический журнал. III (1), 2011. С. 35 – 45.

13. Мартынов А. И. Вузовский музей. Особенности и традиции // Музей и наука: материалы научно-практ. семинара, посвящ. 25-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово: Изд-во Притомское, 2002. С. 5 – 8.

14. Мартынов А. И. Современные задачи музейного строительства в Сибири // Проблемы изучения Сибири в научно-исслед. работе музеев (тезисы докл. науч.-практ. конфер.). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. С. 4.

15. Мельник Е. Ю. Особенности работы отдела природы музея-заповедника «Томская Писаница» // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. ст. / Музей-заповедник «Томская Писаница», Кемеровский государственный университет культуры и искусств. Кемерово, КемГУКИ, 2006. Вып. 1. С. 180 – 183.

16. Полевод В. А. Вклад российских энтомологов-любителей в формировании музейных коллекций с учетом проблем сбора энтомологического материала // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета: Материалы Международной науч. конфер. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 26 – 30.

17. Полевод В. А. Жесткокрылые (Coleoptera): коллекция 99 // Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Вып. 3. Кемерово: Скиф, 2008. С. 111 – 118.

18. Полевод В. А. Насекомые (Insecta): коллекция 98 // Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Вып. 3. Кемерово: Скиф, 2008. С. 105 – 111.

19. Полевод В. А. Новые экспозиции зоологического отдела музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ // Музей и наука: к 35-летию музея КемГУ: Материалы Междунар. науч. конфер. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 84 – 87.

20. Полевод В. А. Проблемы консервации энтомологических коллекций в музеях: традиции и инновации // Актуальные проблемы социокультурных исследований: Сб. науч. ст. по итогам Межрег. научно-практ. конфер. асп. и соиск. (17 – 21 февр. 2014). Кемерово: КемГУКИ, 2014. Вып. 10. С. 314 – 322.

21. Полевод В. А. Пяденицеобразные бабочки (Lepidoptera, Geometroidea): коллекция 101 // Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Кемерово, 2004. Вып. 1. С. 107 – 109.

22. Полевод В. А. Редкие виды бабочек-пядениц (Lepidoptera, Geometridae) Кемеровской области, хранящиеся в КМАЭЭ // Музей и наука: материалы научно-практ. семинара, посвящ. 25-летию музея КемГУ. Кемерово: Изд-во Притомское, 2002. С. 195 – 201.

23. Полевод В. А. Членистоногие (Arthropoda) дальнего зарубежья: коллекция 151 // Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Вып. 2. Кемерово: Скиф, 2006. С. 112 – 114.

24. Прокопьевский городской краеведческий музей. Режим доступа: http://www.museum.ru/M821 (дата обращения: 29.01.2016).

25. Скалон Н. В., Гагина Т. Н., Ильяшенко В. Б., Онищенко С. С. Зоологические исследования и зоологические коллекции Кемеровского государственного университета // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета: материалы Междунар. науч. конфер. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 30 – 34.

26. Скалон Н. В., Ефремова Г. В. Проблемы и перспективы развития эколого-зоологического отдела музея Кемеровского университета // Музей и наука: материалы научно-практ. семинара, посвящ. 25-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово: Изд-во Притомское, 2002. С. 192 – 194.

27. Сотникова С. И. Естественноисторическая музеология. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 304 с.

28. Труевцева О. Н. Музеи Сибири во второй половине XX века. Томск, 2000. 336 с.

29. Феоктистова Т. Н. К истории становления музеев в Хакасии. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006. 132 с.

30. Шелегина О. Н. Музеи Сибири. Очерки создания, развития, адаптации / отв. ред. В. А. Ламин, Н. М. Щербин. Новосибирск, 2010. 244 с.

31. Щербин Н. М. Музеи Западной Сибири в годы войны (1941 – 1945) // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета: материалы Междунар. науч. конфер. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 255 – 259.

32. Tshernyshev S. E. A new species of the genus Cephaloncus Westw. (Coleoptera, Malachiidae) from Turkmenistan // Reichenbachia. 2001. 34 (19). P. 155 – 160, 7 figs.

Информация об авторах:

Полевод Владимир Анатольевич – соискатель кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры, научный сотрудник музея КемГУ, polevod@mail.ru.

(**Научный руководитель: *Кимеева Татьяна Ивановна*** – кандидат культурологи, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры, tat-kimeeva@mail.ru).

Статья поступила в редколлегию 15.02.2016 г., принята к печати 27.04.2016 г.

THE HISTORY OF FORMATION OF ENTOMOLOGICAL COLLECTIONS IN THE MUSEUMS OF KEMEROVO REGION

Vladimir A. Polevod[1, 2, @]

[1] *Kemerovo State Institute of Culture*
[2] *Kemerovo State University*
[@] *polevod@mail.ru*

Collections of insects in the museums are a part of natural heritage. Their preservation presents complexity, but is relevant for scientific, educational and exposition tasks. The history of entomological researches in the territory of Kemerovo region is described, the problem of discrepancy of data in references on stories of collecting entomological material to the maintenance of museum entomological collections in the region is analyzed.

The generalizing research on existence and history of completing of entomological collections in the Region's museums was never carried out earlier. 6 museums with such materials, the collections of the Department of Zoology and Ecology of Kemerovo State University and a number of private collections were revealed. Also detailed description of large collections of Kemerovo State University (materials of the Museum, the Department of Zoology and Ecology) and the Kemerovo Regional Museum of Local Lore is provided for the first time. The example of particular collections allowed observing the general regularity of merge of private collections with museum funds. Unambiguous leadership of of Kemerovo State University collections in quantity of units of storage and their importance is established. They are actively used and involved in research, educational, exposition and exhibition life of the University and the Region (with active support of private collections).

Keywords: history of entomology, insect collection, natural history museums, biological pests.

For citation: Polevod V. A. Istoriia formirovaniia entomologicheskikh kollektsii v muzeiakh Kemerovskoi oblasti [The history of formation of entomological collections in the museums of Kemerovo region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 41 – 49.

References

1. Andreeva O. S., Evtushik N. G., Tiviakov S. D. *Osobo okhraniaemye prirodnye territorii Kemerovskoi oblasti v sisteme OOPT Rossii* [Especially protected natural territories of the Kemerovo region in the OOPT system of Russia]. Novokuznetsk: RIO KuzGPA, 2008, 100.

2. Belousova N. A. Muzei «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta: opyt i perspektivy [Museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the Kemerovo state uni-

versity: experience and prospects]. *Muzei i nauka: materialy nauchno-prakticheskogo seminara, posviashchennogo 25-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Kemerovo* [Museum and science: Proc. Sc.-Prac. Sem., devoted to the 25th anniversary of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the Kemerovo state university. Kemerovo, April 2002]. Kemerovo: Izd-vo Pritomskoe, 2002, 13 – 17.

3. Belousova N. A. Muzei universiteta kak nauchno-obrazovatel'nyi tsentr regiona [The museum of university as the scientific and educational center of the region]. *Sovremennye tendentsii v razvitii muzeev i muzeevedeniia: Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakt. konfer.* [Current trends in development of the museums and museology: Proc. II Russian Sc.-Prac. Conf. (Novosibirsk, 29 September – 3 October 2014)]. Ed. Lamin V. A., Shelegina O. N. Novosibirsk: Avtograf, 2014, 17 – 21.

4. Bobrova L. Iu. Muzei i shkola – opyt sozdaniia edinogo muzeinogo prostranstva v dele sokhraneniia istoriko-kul'turnogo naslediia [The museum and school – experience of creation of uniform museum space in preservation of historical and cultural heritage]. *Muzei i nauka: k 35-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibi-ri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta: mat. Mezhdunar. nauch. konfer.* [Museum and science: to the 35th anniversary of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the Kemerovo state university: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. (November 10 – 12 2011)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, 103 – 107.

5. Vasil'ev V. M. XVI nauchno-prakticheskii seminar po povysheniiu kvalifikatsii sotrudnikov estestvennoistoricheskikh muzeev na baze Gosudarstvennogo Darvinovskogo muzeia (Moskva): opyt uchastiia [XVI Sc.-Prac. Sem. on professional development of staff of the natural-historical museums on the basis of State Darwin Museum (Moscow): experience of participation]. *Muzei, ischezaiushchee i vosproizvedennoe nasledie, turizm: opyt i sovremennye praktiki vzaimodeistviia: Mezhdunar. molodezhnaia muzeologicheskaia shkola* [The Museums, the disappearing and reproduced heritage, tourism: experience and modern practicians of interaction: Intern. youth muzeological school]. Ed. Mishakova O. E. Ulan-Ude: VSGAKI, 2013, 238 – 243.

6. Gagina T. N. Zoologicheskomu otdelu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo universiteta 25 let [To zoological department of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the Kemerovo university of 25 years]. *Muzei i nauka: materialy nauchno-prakt. seminara, posviashch. 25-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Museum and science: Proc. Sc.-Prac. Sem., devoted to the 25th anniversary of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the Kemerovo state university]. Kemerovo: Izd-vo Pritomskoe, 2002, 9 – 12.

7. *Gur'evskii gorodskoi kraevedcheskii muzei* [Guryev city museum of local lore]. Available at: http://gur-muzeum.kmr.muzkult.ru/scheme/ (accessed 01.29.2016).

8. Eremeeva N. I. Istoriia entomologicheskikh issledovanii v Kuznetsko-Salairskoi gornoi oblasti [The History of entomological researches in Kuznetsk and Salairsky mountain area]. *Entomologicheskie issledovaniia v Kuznetsko-Salairskoi gornoi oblasti. Trudy Kemerovskogo otdeleniia Russkogo entomologicheskogo obshchestva* [Entomological researches in Kuznetsk and Salairsky mountain area. Works of the Kemerovo office of the Russian entomological society]. Kemerovo: Iuniti, no. 1 (2003): 3 – 6.

9. Kitova L. Iu. K istorii Kemerovskogo kraevedcheskogo muzeia [To history of the Kemerovo museum of local lore]. *Razyskaniia: Istoriko-kraevedcheskii al'manakh* [Investigation: Local history almanac]. Comp. Kuznetsova L. F. Kemerovo, no. 6 (2004): 7 – 11.

10. Korolev V. A., Murzin V. S. *Istoriia lepidopterologicheskikh issledovanii v Rossii* [The History the lepidopterological of researches in Russia]. Moscow, 2005, 105.

11. Krylov G. V., Zavalishin V. V., Kozakova N. F. *Issledovateli Kuzbassa* [Researchers of Kuzbass]. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1983, 166.

12. Legalov A. A. Novye dannye o tribe Hyperini (Coleoptera, Curculionidae) Azii s opisaniiami novykh vidov [New data on Hyperini triba (Coleoptera, Curculionidae) Asia with descriptions of new types]. *Amurskii zoologicheskii zhurnal – Amur zoological magazine*, no. III (1) (2011): 35 – 45.

13. Martynov A. I. Vuzovskii muzei. Osobennosti i traditsii [High school museum. Features and traditions]. *Muzei i nauka: materialy nauchno-prakticheskogo seminara, posviashchennogo 25-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Museum and science: Proc. Sc.-Prac. Sem., devoted to the 25th anniversary of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the Kemerovo state university]. Kemerovo: Izd-vo Pritomskoe, 2002, 5 – 8.

14. Martynov A. I. Sovremennye zadachi muzeinogo stroitel'stva v Sibiri [Modern problems of museum construction in Siberia]. *Problemy izucheniia Sibiri v nauchno-issled. rabote muzeev* (*tezisy dokl. nauch.-prakt. konfer.*) [Problems of studying of Siberia in a scientific issled. to work of the museums (Sc.-Prac. Conf.)]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1989, 4.

15. Mel'nik E. Iu. Osobennosti raboty otdela prirody muzeia-zapovednika «Tomskaia Pisanitsa» [Features of work of department of the nature of the memorial estate "Tomsk Pisanitsa"]. *Muzeevedenie i istoriko-kul'turnoe nasledie* [Museology and historical and cultural heritage]. Kemerovo, KemGUKI, no. 1 (2006): 180 – 183.

16. Polevod V. A. Vklad rossiiskikh entomologov-liubitelei v formirovanii muzeinykh kollektsii s uchetom problem sbora entomologicheskogo materiala [Russian amateur entomologists contribution to museum collections with the view of problems of entomological material collection]. *Muzei i nauka: k 35-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta: Materialy Mezhdunar. nauch. konfer.* [Museum and science: to the 35th anniversary of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the Kemerovo state university: Proc. Intern. Sc. Conf.]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, 26 – 30.

17. Polevod V. A. Zhestkokrylye (Coleoptera): kollektsiia 99 [Coleopterous (Coleoptera): collection 99]. *Katalog kollektsii muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» KemGU* [Catalogue of collections of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of KEMSU]. Kemerovo: Skif, no. 3 (2008): 111 – 118.

18. Polevod V. A. Nasekomye (Insecta): kollektsiia 98 [Insects (Insecta): collection 98]. *Katalog kollektsii muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» KemGU* [Catalogue of collections of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of KEMSU]. Kemerovo: Skif, no. 3 (2008): 105 – 111.

19. Polevod V. A. Novye ekspozitsii zoologicheskogo otdela muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» KemGU [New expositions in the zoological section of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the КемSU]. *Muzei i nauka: k 35-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta: Materialy Mezhdunar. nauch. konfer.* [Museum and science: to the 35th anniversary of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the Kemerovo state university: Proc. Intern. Sc. Conf.]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, 84 – 87.

20. Polevod V. A. Problemy konservatsii entomologicheskikh kollektsii v muzeiakh: traditsii i innovatsii [Problems of entomological collections preservation in museums: traditions and innovations]. *Aktual'nye problemy sotsiokul'turnykh issledovanii: Sb. nauch. st. po itogam Mezhreg. nauchno-prakt. konfer. asp. i soisk.* [Actual problems of social and cultural studies: Coll. Sc. Art. on the results of the Interreg. Sc.-Prac. Conf. (February 17 – 21 2014)]. Kemerovo: KemGUKI, no. 10 (2014): 314 – 322.

21. Polevod V. A. Piadenitseobraznye babochki (Lepidoptera, Geometroidea): kollektsiia 101 [Geometroids of a butterfly (Lepidoptera, Geometroidea): collection 101]. *Katalog kollektsii muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» KemGU* [Catalogue of collections of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of KEMSU]. Kemerovo: Skif, no. 1 (2004): 107 – 109.

22. Polevod V. A. Redkie vidy babochek-piadenits (Lepidoptera, Geometridae) Kemerovskoi oblasti, khraniashchiesia v KMAEE [The rare species of butterflies geometrids (Lepidoptera, Geometridae) the Kemerovo region which are stored in KMAEE]. *Muzei i nauka: materialy nauchno-prakticheskogo seminara, posviashchennogo 25-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Kemerovo* [Museum and science: Proc. Sc.-Prac. Sem., devoted to the 25th anniversary of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the Kemerovo state university]. Kemerovo: Izd-vo Pritomskoe, 2002, 195 – 201.

23. Polevod V. A. Chlenistonogie (Arthropoda) dal'nego zarubezh'ia: kollektsiia 151 [Arthropods (Arthropoda) of foreign countries: collection 151]. *Katalog kollektsii muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» KemGU* [Catalogue of collections of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of КемSU]. Kemerovo: Skif, no. 2 (2006): 112 – 114.

24. *Prokop'evskii gorodskoi kraevedcheskii muzei* [Prokopyevsk city museum of local lore]. Available at: http://www.museum.ru/M821 (accessed 29.01.2016).

25. Skalon N. V., Gagina T. N., Il'iashenko V. B., Onishchenko S. S. Zoologicheskie issledovaniia i zoologicheskie kollektsii Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Zoological researches and zoological collections of the Kemerovo state university]. *Muzei i nauka: k 35-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta: Materialy Mezhdunar. nauch. konfer.* [Museum and science: to the 35th anniversary of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the Kemerovo state university: Proc. Intern. Sc. Conf.]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, 30 – 34.

26. Skalon N. V., Efremova G. V. Problemy i perspektivy razvitiia ekologo-zoologicheskogo otdela muzeia Kemerovskogo universiteta [Problems and prospects of development of ekologo-zoological department of the museum of the Kemerovo university]. *Muzei i nauka: materialy nauchno-prakticheskogo seminara, posviashchennogo 25-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Museum and science: Proc. Sc.-Prac. Sem., devoted to the 25th anniversary of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the Kemerovo state university]. Kemerovo: Izd-vo Pritomskoe, 2002, 192 – 194.

27. Sotnikova S. I. *Estestvennoistoricheskaia muzeologiia* [Natural-historical muzeologiya]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011, 304.

28. Truevtseva O. N. *Muzei Sibiri vo vtoroi polovine XX veka* [The museums of Siberia in the second half of the XX century]. Tomsk, 2000, 336.

29. Feoktistova T. N. *K istorii stanovleniia muzeev v Khakasii* [To history of formation of the museums in Khakassia]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 2006, 132.

30. Shelegina O. N. *Muzei Sibiri. Ocherki sozdaniia, razvitiia, adaptatsii* [Museums of Siberia. Sketches of creation, development, adaptation]. Ed. Lamin V. A., Shcherbin N. M. Novosibirsk, 2010, 244.

31. Shcherbin N. M. Muzei Zapadnoi Sibiri v gody voiny (1941 – 1945) [The museums of Western Siberia in the years of war (1941 – 1945)]. *Muzei i nauka: k 35-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta: Materialy Mezhdunar. nauch. konfer.* [Museum and science: to the 35th anniversary of the museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the Kemerovo state university: Proc. Intern. Sc. Conf.]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, 255 – 259.

32. Tshernyshev S. E. A new species of the genus Cephaloncus Westw. (Coleoptera, Malachiidae) from Turkmenistan. *Reichenbachia*, no. 34(19) (2001): 155 – 160.

Received 15.02.2016, accepted 27.04.2016.

УДК 94 (470+571)

ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО СТРАХОВАНИЯ РАБОЧИХ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (конец 1917 – середина 1941 гг.)

***А. Д. Протасов*[1, @]**

[1] *Тюменский государственный университет*
[@] *prad1969@yandex.ru*

История социального страхования рабочих нашла отражение в литературе практически с первых дней существования страны Советов. В статье обосновывается вопрос подробной периодизации советской историографии дореволюционного социального страхования трудящихся. Автор обратился к наиболее сложному для ее изучения периоду – с момента Октябрьской революции до начала Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.), когда работа над проблемой практически прекратилась.

Анализ литературы и деятельности научно-исторических учреждений, занимавшихся изучением проблемы, позволил определить хронологические границы рассматриваемого периода. В результате исследования автор выделяет три этапа**,** на установление хронологических рамок которых оказали влияние такие факторы, как борьба в высших эшелонах власти, количество исследований и их политическая заданность, а также ограниченный круг вводимых в научный оборот источников.

Ключевые слова: периодизация, отечественная историография, социальное страхование, закон от 2 июня 1903 года о вознаграждении пострадавших от несчастных случаев рабочих, законы от 23 июня 1912 года о страховании рабочих, история страхования рабочих, дореволюционное страхование рабочих.

Для цитирования: Протасов А. Д. Опыт периодизации отечественной историографии дореволюционного страхования рабочих в первые десятилетия советской власти (конец 1917 – середина 1941 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 50 – 56.

В отечественной историографии истории страхования рабочих в России современные исследователи традиционно называют три периода – дореволюционный, советский и постсоветский. В общем плане они уже рассматривались в научных статьях, диссертационных работах и монографиях [1 – 3; 27, 30]. Самым продолжительным из них, более 70 лет, является советский. В его развитии историки выделяют несколько этапов: конец 1917 – конец 1920-х гг., начало 1930-х – конец 1950-х гг., начало 1960-х – конец 1980-х гг. Хронологические границы этих временных отрезков условны и у различных исследователей часто незначительно варьируются в ту или иную сторону. Первый этап представляется наиболее сложным и интересным для исследования. Это можно объяснить началом становления нового подхода к изучению истории страхования. Несмотря на довольно крупные тиражи, большинство публикаций в наши дни сложно обнаружить, за исключением разве что в наиболее крупных центральных библиотеках. Качество бумаги, краски и печати часто делают их тексты затруднительными для чтения.

Цель публикации – обосновать более подробную периодизацию традиционной отечественной историографии дореволюционного страхования рабочих с конца 1917 г. до начала 1940-х гг. В этот период можно выделить следующие стадии: первая – конец 1917 – начало 1920-х гг., вторая – первая половина – конец 1920-х гг., и третья – начало 1930-х – середина 1941-го гг.

Можно предположить, что первый этап был тесно связан со стремлением пришедших к власти большевиков привлечь на свою сторону как можно больше трудящихся. Необходимо учитывать, что другие политические силы, например, меньшевики, на тот момент еще имели значительное влияние в пролетарской среде, особенно в провинции. Этому могло способствовать разъяснение рабочим преимуществ заявленного новой властью полного социального обеспечения над буржуазными и меньшевистскими страховыми законами. Позиция большевиков в отношении истории социального страхования кратко и в доступной для широких масс форме распространялась посредством брошюр [8; 9; 13; 23; 39]. В них отражался сложившийся еще до победы Октября взгляд на социальное страхование рабочих (подробнее см.: [32]). В то же время такие источники можно считать первым выражением официальной позиции правительства по проблеме.

В начале 1920-х гг. создаются специализированные научно-исследовательские учреждения, такие как Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии (далее Истпарт), Комиссия по изучению истории профессионального движения при ВЦСПС (далее Истпроф) и др. В сферу их интересов входило исследование некоторых сторон истории страхования рабочих. Истпарт предполагал изучать деятельность большевиков в таких легальных организациях, как больничные кассы. Истпроф исследовал роль профессионального движения в борьбе за социальное обеспечение рабочих. Так, в сборнике Истпарта «Их эпохи «Звезды» и «Правды» была опубликована статья А. Н. Винокурова о рабочем страховом движении [7], а в изданной Ленинградским губернским советом профессиональных союзов книге В. В. Святловского классифицированы и подробно рассмотрены виды касс социальной помощи

трудящимся [37]. Документы, раскрывающие положение трудящихся, предполагалось публиковать в журнале «Архив истории труда», издаваемом Ученой комиссией по исследованию условий труда в России. Воспоминания участников страхового движения и другие материалы увидели свет в периодических изданиях «Вестник труда» и «Вопросы труда». Состояние дооктябрьского страхования освещали несколько статистических исследований, имевших практическое значение для строящегося советского института социального обеспечения [17; 28; 40]. Эти источники содержат обработанные данные окружных страховых товариществ и больничных касс, действовавших на основании законов от 23 июня 1912 г., о случаях заболевания и травматизма на производстве.

Второй этап характеризуется началом становления научного подхода к исследованию истории социального страхования. Можно предположить, что первыми такими изданиями стали вышедшие в 1922 г. в рамках серии «Теория и практика социального страхования» книги Н. А. Вигдорчика о страховании на случай болезни, а позднее и от несчастных случаев [5; 6]. В них доктор по образованию приходит к выводу о невозможности резкого отделения прошлого от современности и уделяет большое внимание развитию рабочего страхования в царской России. При этом он обращается не только к анализу законодательства, к статистике, но и практическим аспектам применения царских страховых законов. Необходимо отметить, что Н. А. Вигдорчик стоял на близкой к меньшевикам позиции постепенного введения полного социального страхования трудящихся, что шло вразрез с большевистской страховой программой. Несмотря на это, его работы на долгое время стали основой для других исследований по истории социального страхования.

Особое внимание привлекает труд А. И. Вишневецкого, посвященный развитию законодательства о социальном страховании в России [11]. В нем юрист рассматривает законы царского, Временного и советского правительств. Наибольший интерес представляет его переработанное и дополненное переиздание 1926 г., где автор анализирует состояние обеспечения рабочих при белых правительствах и в Дальневосточной республике [10]. В более поздней литературе эту проблему исследователи обходили стороной. Сложные условия труда и борьба пролетариата за социальное обеспечение описаны в работах Б. Г. Данского (псевд. К. А. Комаровского) и Б. Любимова (псевд. Б. А. Либермана) [14; 24]. В них кратко раскрывается история развития обеспечения пострадавших рабочих. При этом основное внимание уделено критике страховых законов от 23 июня 1912 г. с точки зрения их недостаточности для пролетариата.

Примечательным событием стал выход сборника дореволюционных статей участников большевистской страховой кампании под редакцией Б. Г. Данского [15; 16]. В него включили публикации из брошюр издательства «Прибой» – «Страхование рабочих» и «Страховая кампания», а также журнала «Просвещение» за 1912 – 1913 гг. Здесь помещены статьи депутата III Государственной думы А. И. Предкальна, участников большевистского «страхового ядра» Б. Г. Данского, Г. Гурского (псевд. С. С. Данилова), Ю. Ленского (псевд. Ю. М. Лещинского), И. Гладнева (псевд. С. М. Закса) и др. Помимо широко известной работы Предкальна, в которой рассматривается сложный путь обсуждения страховых законопроектов, остальные публикации раскрывают этапы борьбы большевиков за рабочую страховую программу. Анализ содержания литературы по изучаемому вопросу позволяет предположить, что именно переиздание этих источников во многом повлияло на выбор авторами таких сюжетов исследований, которые на долгие годы закрепись в отечественной историографии рабочего страхования. В то же время печатаются статьи в журналах «Вопросы страхования», «Красный архив», «Летопись революции», «Советское право» и др. Указатели литературы по социальному страхованию, включающие описания и по его истории, стали выходить в свет уже отдельными изданиями [4; 25]. Ранее они изредка в очень кратком виде помещались в конце книг. Издаются специальные пособия для специалистов в сфере страхования и кружков профдвижения и социального страхования [35]. Историческая часть в них составлена на основании вышеупомянутых трудов Н. А. Вигдорчика и Б. Г. Данского.

В 1925 г. казанский историк М. К. Корбут защитил исследование о рабочем законодательстве, в котором он рассматривал обсуждение страховых законопроектов в III Государственной думе [20]. Судьба ученого оказалась трагичной, однако за свою короткую жизнь его научные изыскания по проблеме были опубликованы более чем в десятке работ (подробнее см. [34]). В этом же году в серии «Учебники и учебные пособия для вуза» была выпущена претерпевшая два переиздания книга юриста уже советской формации, действительного члена Института советского права З. Р. Теттенборн [38]. В ней она признает необходимость изучения истории буржуазного страхования рабочих, но лишь с той целью, чтобы лучше оценить советское социально-страховое законодательство. Уже в эти годы автор критикует теоретические работы Вигдорчика, в том числе и за его точку зрения на страхование при старом режиме. Специалисты среднего и низшего страхового звена также не остались без учебных пособий. Для них были организованы специальные курсы, в том числе и без отрыва от работы, на которых учебный процесс обеспечивался соответствующей литературой [21] (подробнее см.: [31]).

Открытие при Истпрофе Комиссии по изучению истории социального страхования (далее Истсоцстрах) вывело на новый уровень исследование страхования рабочих. Отныне проработка этих вопросов выделяется из общей массы революционного, рабочего и профессионального движения, но в то же время остается тесно связана с ними. Это подчеркивает значимость страхового движения для революционной борьбы. Комиссия и создаваемая сеть ее филиалов должны были способствовать целенаправленному сбору архивных документов, дореволюционных публикаций и воспоминаний участников страховой кампании. Результатом этой деятельности стал выход в 1928 г. сборника Истсоцстраха, посвященного страхо-

ванию в период царского и Временного правительств и военного коммунизма [26]. Издание включает воспоминания и статьи Б. Г. Данского, М. К. Корбута, Г. И. Осипова, А. М. Пирейко, И. М. Стецовского и З. Р. Теттенборн. В этих работах рассматривается обсуждение царских страховых законопроектов, роль департамента полиции и участие большевиков в страховой кампании, их борьба с меньшевиками за рабочую страховую программу после Февральской революции и особенности страхования в период военного коммунизма. Помимо этого, здесь помещены различные документы по истории страхования рабочих, а завершает издание указатель книг. Это был первый советский опыт подобного рода литературы по проблеме. Сборник значительно обогатил источниковедческую базу и не потерял актуальность для исследователей в наши дни (подробнее см.: [33]).

Третий этап берет исток в начале 1930-х гг., времени чисток в Народном комиссариате труда (далее Наркомтруд), а также закрытия Истпрофа и Истсоцстраха (на тот момент уже Центристсоцстраха). Можно предположить, что ликвидация комиссий была связана с отстранением от должности председателя ВЦСПС М. П. Томского (псевд. М. П. Ефремова), стоявшего у истоков создания Истпрофа, и чисткой, организованной в рядах профсоюзов. С этого момента резко сократилось количество публикаций по истории страхования, а в выходящих работах заметно изменились подходы к исследованию. Особенно хорошо это прослеживается на примере уже упоминавшегося ранее историка Корбута. Его статья о борьбе большевиков с меньшевиками в страховой кампании как нельзя лучше отражает наступившие перемены [18]. В ней наряду с осторожно подаваемым историческим материалом присутствует большое количество обращений к трудам К. Маркса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, хотя еще встречаются упоминания Г. Е. Зиновьева. Автор нещадно критикует меньшевиков, попавших в немилость политических деятелей и писавших по истории социального страхования – Н. А. Вигдорчика, А. И. Вишневецкого, Б. Г. Данского и З. Теттенборн. После указанной публикации исследование истории рабочего страхования практически прекратилось. В этот период, пожалуй, можно выделить только статьи арестованного в 1933 г. Корбута и Данского [12; 19]. Но жирную точку в изучении досоветской истории социального страхования поставила работа бывшего меньшевика и «Бундовца» (*Всемирный еврейский союз в Литве, Польше и России – А. П.*), члена ВКП(б) с 1920 г. Б. А. Любимова [22]. Это одно из первых изданий, направленных на выявление меньшевистских и оппортунистических теорий в рамках рассматриваемого вопроса**.** Критике подверглись многие, с кем в свое время сотрудничал автор: от руководства Наркомтруда и ВЦСПС до преподавателей и исследователей становления системы социального страхования. Любое отступление от марксистско-ленинской идеологии в истории тут же разоблачалось, а «оступившемуся» приклеивался ярлык меньшевика или оппортуниста. Это было связано с обострением взаимоотношений в политической элите партии. Ученые в тот период очень чутко реагировали на изменения в политической конъюнктуре. Уже тогда ошибка могла стоить очень дорого, поэтому часто любая критика в адрес автора, увольнение руководителя с понижением или закрытие организации воспринималось как клеймо на всех сотрудников и результаты деятельности. С этого момента специализированные работы по вопросам развития социального страхования практически исчезают из сферы интересов ученых. Тема иногда затрагивается в трудах по истории партии, рабочего движения, истории фабрик и заводов, и упоминается лишь в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть тяжелое положение трудящихся и роль РСДРП(б) в борьбе с царским правительством и меньшевиками – «ликвидаторами». Автору удалось обнаружить лишь два исследования 1940 г., серьезно рассматривающие отдельные аспекты страхования рабочих. В первом Ф. Романов раскрывает деятельность большевиков в борьбе за лидерство в страховой кампании и конкретно в больничных кассах [36]. Вторая публикация увидела свет на украинском языке и принадлежит А. Е. Пашерстнику [29]. В нем анализируются царские законы об обеспечении и страховании пострадавших рабочих, и освещается роль партии большевиков в борьбе за трудовое законодательство с уже закрепившихся негативных позиций. Только после Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) исследователи всерьез возвращаются к изучению дореволюционного страхования, но лишь в рамках марксистско-ленинского подхода.

Анализ содержания рассмотренных источников позволяет прийти к выводу, что первый этап рассматриваемого периода характеризуется изданием брошюр, носивших агитационно-пропагандистскую направленность, воспоминаний участников большевистского страхового движения и статистических работ. Второй этап стал временем наиболее интенсивного изучения истории страхования рабочих. Создается специальный научно-исследовательский орган. Появляются труды как по истории страхования, так и по отдельным ее проблемам. К исследованию, хотя и выборочно, привлекаются архивные и другие источники. В разработке темы начинают принимать участие не только писавшие свои воспоминания профессиональные революционеры, но также историки, юристы, врачи и т. д. Третий этап представляет собой время, когда цитирование трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина начинает вытеснять из исследований анализ исторических событий.

На установление хронологических границ изучения истории страхования в значительной степени оказали влияние такие факторы, как борьба в высших эшелонах власти, количество и политическая заданность исследований, а также ограниченный круг вводимых в научный оборот источников. Работа над темой продолжается. Автор публикации не исключает, что новые труды по истории социального страхования, которые могут быть обнаружены в ходе исследования, изменят некоторые выводы о степени изученности проблемы и вопросах периодизации.

Литература

1. Ашмарина С. В. Историографический анализ проблемы страхования рабочих в дореволюционной России // Рабочий класс России в процессе модернизации: исторический опыт. М., 2001. С. 72 – 85.

2. Ашмарина С. В. Социальное страхование рабочих в России в конце XIX – начале XX вв.: на материалах горнозаводских предприятий Урала: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 239 с.

3. Белышев И. С. Страхование фабрично-заводских рабочих и служащих России: 1912 – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004. 231 с.

4. Вигдорчик Н. А. Библиография по социальному страхованию и обеспечению (на русском языке). М.: НКСО, 1922. 25 с.

5. Вигдорчик Н. А. Теория и практика социального страхования. Вып. 3. Страхование на случай болезни в России. Пг.: Книга, 1922. 156 с.

6. Вигдорчик Н. А. Теория и практика социального страхования. Вып. 5. Страхование от несчастных случаев и травматологическая экспертиза. Л.; М.: Книга, 1925. 183 с.

7. Винокуров А. Н. Рабочее страховое движение: (с конца 1912 г. до Октябрьской революции) // Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911 – 1914 гг.): в 3-х вып.: СПб.: Истпарта. Вып. 1. М., 1921. С. 165 – 181.

8. Винокуров А. Н. Социальное обеспечение трудящихся: исторический очерк. [М.]: НКСО, [1919]. 14 с.

9. Винокуров А. Н. Социальное обеспечение: (от капитализма к коммунизму). М.: Госиздат, 1921. 16 с.

10. Вишневецкий А. И. Развитие законодательства о социальном страховании в России. Законодательство царского, Временного и Советского правительства. 2-е изд., перераб. и доп. [М].: Вопросы труда, 1926. 234, [4] с.

11. Вишневецкий А. И. Развитие советского законодательства о социальном страховании. М.: Вопросы страхования, 1923. 116, [1] с.

12. Данский Б. Г. «Правда» и рабочая страховая кампания: (страничка из истории рабочей печати 1911 – 1914 гг.) // Пролетарская революция. 1930. № 7/8. С. 171 – 176.

13. Данский Б. Г. Советское социальное страхование. Царские, меньшевистские и советские законы. М.: НКСО, 1922. 24 с.

14. Данский Б. Г. Социальное страхование раньше и теперь. М.: Вопросы труда, 1926. 159 с.

15. Дореволюционная страховая кампания: сб. ст. / отв. ред. Б. Г. Данский. М.: Вопросы страхования, 1923. 124 с.

16. Дореволюционная страховая кампания: сб. ст. / отв. ред. Б. Г. Данский. М.: Вопросы труда, 1925. 179 с.

17. Зайцев В. Заболеваемость и смертность рабочих в России в 1913 – 1916 гг. // Вестник труда. 1921. № 3(12). С. 73 – 110.

18. Корбут М. К. Большевики в страховой кампании и борьба с меньшевиками. (К 20-летию страховой кампании в связи с законами 23 июня 1912 г.) // Красная летопись. 1932. № 3. С. 135 – 164; № 4. С. 55 – 77.

19. Корбут М. К. Рабочая политика 4-й Гос. [ударственной] думы // Красная летопись. 1931. № 5/6(44/45). С. 76 – 103.

20. Корбут М. К. Рабочее законодательство Третьей Государственной думы. Казань: Красный печатник, 1925. 23 с. Отт.

21. Любимов Б. Очерки по истории социального страхования в России и СССР. М.: Гострудиздат, 1930. 39 с.

22. Любимов Б. Против извращения основ советского соцстраха. М.: Профиздат, 1934. 133, [2] с.

23. Любимов Б. Социальное страхование в прошлом и настоящем. Харьков: Главполитпросвет УССР, 1923. 47, [1] с.

24. Любимов Б. Социальное страхование в прошлом и настоящем. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Вопросы труда, 1925. 127, 1 с.

25. Любимов Б. Социальное страхование: Указатель важнейших книг, брошюр и журнальных статей на русском языке. М.: Вопросы труда, 1924. 135 с.

26. Материалы по истории социального страхования / под ред. Б. Г. Данского и Б. Т. Милютина; общ. ред. Б. М. Файнгольда. М.: Вопросы труда, 1928. Сб. 1. 383 с.

27. Морозов А. В. Страхование рабочих от несчастных случаев в Казанской губернии. Конец XIX в. – 1919 г. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 328 с.

28. Несчастные случаи с рабочими. По данным Харьковского и Петроградского окружных страховых товариществ / сост. Л. Е. Каплан. Харьков; Кременчуг: Южбюро ВЦСПС, 1921. 19 с.

29. Пашерстник А. Е. Фабричне законодавство капиталистичной Росіі // Наукові записки юридичного факультету Киевского державного университитету ім Т. Г. Шевченка. Киев, 1940. Т. 1. С. 99 – 144

30. Протасов А. Д. Исследование проблемы дореволюционного страхования рабочих в первые десятилетия советской власти // Документ в оперативной и ретроспективной среде. Региональные исследования. Историк и власть. Сб. науч. ст. Вып. 3. Тюмень, 2013. С. 141 – 145.

31. Протасов А. Д. История социального страхования в программе обучения на центральных заочных курсах Наркомтруда СССР // Документ в контексте универсальных практик. Сб. ст. по мат-лам 4-й Всерос. науч.-практич. конф. (г. Тюмень, 23.05.2014). Тюмень, 2014. С. 148 – 152.

32. Протасов А. Д. Отображение истории отечественного дореволюционного страхования рабочих в брошюрах госучреждений в первое десятилетие Советской власти // Тюм. ист. сб. Вып. 16. Тюмень, 2014. С. 321 – 327.

33. Протасов А. Д. Судьба и материалы первого сборника Истсоцстраха 1928 г. // Ученые записки: электронный журн. Курского гос. ун-та. 2015. № 4(36). С. 40 – 46.

34. Протасов А. Д., Токмакова А. Ю. Михаил Ксаверьевич Корбут как исследователь рабочего страхования в дореволюционной России // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 94 – 97.

35. Пукке В. Сжатый очерк социального страхования в России и СССР: пособия для докладчиков отчетной кампании страхкасс и членов кружков профессионального движения и социального страхования на Д. В. [Дальнем Востоке]. Хабаровск: Типо-лит. «Амурская правда» А.О.О.П. в Благовещенске, [1927?]. 92 с.

36. Романов Ф**.** Больничные кассы в годы Первой мировой империалистической войны // Профсоюзы СССР. 1940. № 11/12. С. 61 – 76.

37. Святловский В. В. История профессионального движения в России: от возникновения рабочего класса до конца 1917 года. [Л].: Ленгубсовпроф, 1924. 345 с.

38. Теттенборн З. Советское социальное страхование. М.: Госиздат; Л.:, 1925. 136 с.

39. Теттенборн З. Страхование рабочих как результат классовой борьбы. М.: НКСО, 1923. [2], 16 с.

40. Черный Б. О. Материалы по рабочему вопросу и промышленности г. Киева и Киевской губ. (1914 – 1917 гг.). Киев: Культура и знание, 1919. [4], IV, 134, XXXVI с.

Информация об авторе:

Протасов Александр Димитриевич – аспирант кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Института истории и политических наук Тюменского государственного университета, г. Тюмень, prad1969@yandex.ru.

(**Научный руководитель:** ***Кондратьева Тамара Николаевна*** – доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Института истории и политических наук Тюменского государственного университета, кандидат исторических наук, ktamara1960@yandex.ru).

Статья поступила в редколлегию 23.12.2015 г., принята к печати 20.02.2016 г.

PERIODIZATION OF THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF PRE-REVOLUTIONARY WORKERS' INSURANCE IN THE FIRST DECADES OF THE SOVIET AUTHORITY (late 1917 – mid 1941)

Alexander D. Protasov[1, @]

[1] *Tyumen State University*
[@] *prad1969@yandex.ru*

The history of social insurance of workers found reflection in literature practically from the first days of existence of the USSR. The question of a detailed periodization of the Soviet historiography of pre-revolutionary social insurance of workers is addressed in the paper. The author focused on the period which is the most difficult for studying: from October Rprior up to the beginning of the Great Patriotic War, when work on this problem practically stopped.

The analysis of literature and activity of the scientific and historical institutions which were engaged in studying of the problem allowed defining the chronological framework of the considered period. As a result of research the author allocates three stages, though defining their chronological frameworks was hindered by such factors as struggle in the higher levels of the authorities, number of researches and their political orientation, and also a limited circle of the sources introduced into scientific circulation.

Keywords: periodization, Russian historiography, social insurance, June 2, 1903 Law on Remuneration of Workers – Victims of Accidents, June 23, 1912 Law on Workers' Insurance, history of workers' insurance, pre-revolutionary workers' insurance.

For citation: Protasov A. D. Opyt periodizatsii otechestvennoi istoriografii dorevoliutsionnogo strakhovaniia rabochikh v pervye desiatiletiia sovetskoi vlasti (konets 1917 – seredina 1941 gg.) [Periodization of the Russian historiography of pre-revolutionary workers' insurance in the first decades of the soviet authority (late 1917 – mid 1941)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 50 – 56.

References

1. Ashmarina S. V. Istoriograficheskii analiz problemy strakhovaniia rabochikh v dorevoliutsionnoi Rossii [Historiographical analysis of the problem of insurance of workers in pre-revolutionary Russia]. *Rabochii klass Rossii v protsesse modernizatsii: istoricheskii opyt* [Working class of Russia in the modernization process: historical experience]. Moscow, 2001, 72 – 85.

2. Ashmarina S. V. *Sotsial'noe strakhovanie rabochikh v Rossii v kontse XIX – nachale XKh vv.: na materialakh gornozavodskikh predpriiatii Urala.* Diss. kand. ist. nauk [Social security of workers in Russia in the late XIX – early XX centuries on materials Urals mining and metallurgical enterprises. Cand. hist. Sci. Diss.]. Moscow, 2002, 239.

3. Belyshev I. S. *Strakhovanie fabrichno-zavodskikh rabochikh i sluzhashchikh Rossii: 1912 – fevral' 1917 g.* Diss. kand. ist. nauk [Insurance factory workers and Russian employees: 1912 – February 1917. Cand. hist. Sci. Diss.]. Ivanovo, 2004, 231.

4. Vigdorchik N. A. *Bibliografija Bibliografiia po sotsial'nomu strakhovaniiu i obespecheniiu (na russkom iazyke)* [Bibliography on social insurance and welfare (in Russian)]. Moscow: NKSO, 1922, 25.

5. Vigdorchik N. A. *Teoriia i praktika sotsial'nogo strakhovaniia. Vyp. 3. Strakhovanie na sluchai bolezni v Rossii* [Theory and practice of social insurance. Issue 3. Health insurance in Russia]. Petrograd: Kniga, 1922, 156.

6. Vigdorchik N. A. *Teoriia i praktika sotsial'nogo strakhovaniia. Vyp. 5. Strakhovanie ot neschastnykh sluchaev i travmatologicheskaia ekspertiza* [Theory and practice of social insurance. Issue 5. Insurance against accidents and trauma expert]. Leningrad; Moscow: Kniga, 1925, 183.

7. Vinokurov A. N. Rabochee strakhovoe dvizhenie: (s kontsa 1912 g. do Oktiabr'skoi revoliutsii) [Working movement of insurance: (From the end of 1912 before the October Revolution)]. *Iz epokhi «Zvezdy» i «Pravdy» (1911 – 1914 gg.)* [From the era of "Zvezdy" and "*Pravdy*" (1911 – 1914 biennium)]. Moscow, Issue 1 (1921): 165 – 181.

8. Vinokurov A. N. *Sotsial'noe obespechenie trudiashchikhsia: istoricheskii ocherk* [Social security of workers: a historical sketch]. Moscow: NKSO, 1919, 14.

9. Vinokurov A. N. *Sotsial'noe obespechenie: (ot kapitalizma k kommunizmu)* [Social security: (from capitalism to communism)]. Moscow: Gosizdat, 1921, 16.

10. Vishnevetskii A. I. *Razvitie zakonodatel'stva o sotsial'nom strakhovanii v Rossii. Zakonodatel'stvo tsarskogo, Vremennogo i Sovetskogo pravitel'stva* [The development of social insurance in the Russian legislation. The law of the king, the Provisional Government and the Soviet]. 2nd ed. Moscow: Voprosy truda, 1926, 234, [4].

11. Vishnevetskii A. I. *Razvitie sovetskogo zakonodatel'stva o sotsial'nom strakhovanii* [The development of Soviet social insurance legislation]. Moscow: Voprosy strakhovaniia, 1923, 116, [1].

12. Danskii B. G. «Pravda» i rabochaia strakhovaia kampaniia: (stranichka iz istorii rabochei pechati 1911 – 1914 gg.) ["Pravda" and work the insurance company: (Page of the working history of printing 1911 – 1914)]. *Proletarskaia revoliutsiia – Proletarian revolution,* no. 7/8 (1930): 171 – 176.

13. Danskii B. G. *Sovetskoe sotsial'noe strakhovanie. Tsarskie, men'shevistskie i sovetskie zakony* [The Soviet social insurance. Royal, the Menshevik and Soviet laws]. Moscow: NKSO, 1922, 24.

14. Danskii B. G. *Sotsial'noe strakhovanie ran'she i teper'* [Social insurance before and now]. Moscow: Voprosy truda, 1926, 159.

15. *Dorevoliutsionnaia strakhovaia kampaniia* [Pre-revolutionary insurance company]. Ed. Danskii B. G. Moscow: Voprosy strahovaniia, 1923, 124.

16. *Dorevoliutsionnaia strakhovaia kampaniia* [Pre-revolutionary insurance company]. Ed. Danskii B. G. Moscow: Voprosy truda, 1925, 179.

17. Zaitsev V. Zabolevaemost' i smertnost' rabochikh v Rossii v 1913 – 1916 gg. [Morbidity and mortality of workers in Russia in 1913 – 1916]. *Vestnik truda – Labour Bulletin*, no. 3(12) (1921): 73 – 110.

18. Korbut M. K. Bol'sheviki v strakhovoi kampanii i bor'ba s men'shevikami. (K 20-letiiu strakhovoi kampanii v sviazi s zakonami 23 iiunia 1912 g.) [The Bolsheviks in the insurance campaigns and the struggle with the Mensheviks. (On the 20th anniversary of the insurance Campo Research Institute in connection with the laws of June 23, 1912)]. *Krasnaia letopis' – Red chronicle*, no. 3 (1932): 135 – 164; no. 4 (1932): 55 – 77.

19. Korbut M. K. Rabochaia politika 4-i Gos. [udarstvennoi] dumy [Working policy of the 4th State Duma]. *Krasnaia letopis' – Red chronicle,* no. 5/6(44/45) (1931): 76 – 103.

20. Korbut M. K. *Rabochee zakonodatel'stvo Tret'ei Gosudarstvennoi dumy* [Work legislation Third State Duma]. Kazan': Krasnyi pechatnik, 1925, 23.

21. Liubimov B. *Ocherki po istorii sotsial'nogo strakhovaniia v Rossii i SSSR* [Essays on the history of social security in Russia and the USSR]. Moscow: Gostrudizdat, 1930, 39.

22. Liubimov B. *Protiv izvrashcheniia osnov sovetskogo sotsstrakha* [Against the distortion of the foundations of the Soviet social insurance]. Moscow: Profizdat, 1934, 133, [2].

23. Liubimov B. *Sotsial'noe strakhovanie v proshlom i nastoiashchem* [Social insurance in the past and present]. Har'kov: Glavpolitprosvet USSR, 1923, 47, [1].

24. Liubimov B. *Sotsial'noe strakhovanie v proshlom i nastoiashchem* [Social insurance in the past and the present]. 3th ed. Moscow: Voprosy truda, 1925, 127, 1.

25. Liubimov B. *Sotsial'noe strakhovanie: Ukazatel' vazhneishikh knig, broshiur i zhurnal'nykh statei na russkom iazyke* [Social insurance: Index of the most important books, pamphlets and magazine articles in Russian]. Moscow: Voprosy truda, 1924, 135.

26. *Materialy po istorii sotsial'nogo strakhovaniia* [Materials on the history of social security]. Ed. Danskii B. G., Miliutin B. T., Faingol'd B. M. Moscow: Voprosy truda, coll. 1 (1928): 383.

27. Morozov A. V. *Strakhovanie rabochikh ot neschastnykh sluchaev v Kazanskoi gubernii. Konets XIX v. – 1919 g.* [Workers Accident Insurance in Kazan province. The end of the XIX century – 1919]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2003, 328.

28. *Neschastnye sluchai s rabochimi. Po dannym Khar'kovskogo i Petrogradskogo okruzhnykh strakhovykh tovarishchestv* [Accidents with the workers. According to Kharkov and Petrograd district insurance commodity-substances]. Comp. Kaplan L. E. Har'kov; Kremenchug: Iuzhbiuro VCSPS, 1921, 19.

29. Pasherstnik A. E. Fabrichne zakonodavstvo kapitalistichnoi Rosii [Factory legislation capitalist Russia] // *Naukovi zapiski iuridichnogo fakul'tetu Kievskogo derzhavnogo universtitetu im T. G. Shevchenka – Scientific notes of the Law Faculty of Kiev State University named after Taras Shevchenko*. Kiev, vol. 1 (1940): 99 – 144.

30. Protasov A. D. Issledovanie problemy dorevoliutsionnogo strakhovaniia rabochikh v pervye desiatiletiia sovetskoi vlasti [Study of the problem of pre-revolutionary workers' insurance in the first decades of Soviet power]. *Dokument v operativnoi i retrospektivnoi srede. Regional'nye issledovaniia. Istorik i vlast' – The document in the operational environment and retrospective. Regional studies. Historian and power*. Tiumen', Issue 3 (2013): 141 – 145.

31. Protasov A. D. Istoriia sotsial'nogo strakhovaniia v programme obucheniia na tsentral'nykh zaochnykh kursakh Narkomtruda SSSR [The history of social security in the training program in the central USSR People's Commissariat of correspondence courses]. *Dokument v kontekste universal'nykh praktik: sb. st. po mat-lam 4-i Vseros. nauch.-praktich. konf. Tjumen'* [The document in the context of universal practices: Proc. 4th Russian Sc.-Prac. Conf. (Tjumen', May 23 2014)]. Tiumen', 2014, 148 – 152.

32. Protasov A. D. Otobrazhenie istorii otechestvennogo dorevoliutsionnogo strakhovaniia rabochikh v broshiurakh gosuchrezhdenii v pervoe desiatiletie Sovetskoi vlasti [Displays the history of Russian pre-revolutionary workers' insurance in the brochures of state institutions in the first decade of Soviet power]. *Tiumenskii istoricheskii sbornik – Tyumen historical collection*. Tjumen', Issue 16 (2014): 321 – 327.

33. Protasov A. D. Sud'ba i materialy pervogo sbornika Istsotsstrakha 1928 g. [Fate and materials first collection of Istsocstraha 1928]. *Uchenye zapiski: elektronnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes: Electronic Journal of Kursk State University*, no. 4(36) (2015): 40 – 46.

34. Protasov A. D., Tokmakova A. Ju. Mikhail Ksaver'evich Korbut kak issledovatel' rabochego strakhovaniia v dorevoliutsionnoi Rossii [Mikhail Korbut Ksaverevich a security researcher working in pre-revolutionary Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanities in Siberia*, no. 1 (2014): 94 – 97.

35. Pukke V. *Szhatyi ocherk sotsial'nogo strakhovaniia v Rossii i SSSR: posobiia dlia dokladchikov otchetnoi kampanii strakhkass i chlenov kruzhkov professional'nogo dvizheniia i sotsial'nogo strakhovaniia na D. V. [Dal'nem Vostoke]* [Compressed social security essay in Russia and the Soviet Union: a manual for reporting campaign strahkass speakers and members of the trade union movement and social security circles in the DV [Far East]]. Habarovsk: Tipo-lithography «Amurskaia pravda» A.O.O.P. v Blagoveshchenske, [1927?], 92.

36. Romanov F. Bol'nichnye kassy v gody Pervoi mirovoi imperialisticheskoi voiny [Health insurance companies in the years of the First World War]. *Profsoiuzy SSSR – The trade unions of the USSR*, no. 11/12 (1940): 61 – 76.

37. Sviatlovskii V. V. *Istoriia professional'nogo dvizheniia v Rossii: ot vozniknoveniia rabochego klassa do kontsa 1917 goda* [The history of the trade union movement in Russia: from the appearance of the working class to the end of 1917] [Leningrad]: Lengubsovprof, 1924, 345.

38. Tettenborn Z. *Sovetskoe sotsial'noe strakhovanie* [The Soviet social insurance]. Moscow: Gosizdat; Leningrad, 1925, 136.

39. Tettenborn Z. *Strakhovanie rabochikh kak rezul'tat klassovoi bor'by* [Insurance as a result of working class struggle]. Moscow: NKSO, 1923, [2], 16.

40. Chernyi B. O. *Materialy po rabochemu voprosu i promyshlennosti g. Kieva i Kievskoi gub. (1914 – 1917 gg.)* [Materials on the labor question and industry in Kiev and the Kiev province. (1914 – 1917)]. Kiev: Kul'tura i znanie, 1919, [4], IV, 134, XXXVI.

Received 23.12.2015, accepted 20.02.2016.

УДК 930.2:329.14 (470.61) ″1914/1918″

ДОНСКИЕ МЕНЬШЕВИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ

Т. В. Щукина[1, @1], С. Г. Воскобойников[1, @2]

[1] Донской государственный технический университет
[@1] vuzprepod@mail.ru
[@2] voskoboinikof1968c@ya.ru

В статье представлен обзор источниковой базы как уже известных, так и новых документов и архивных материалов по истории донских меньшевистских организаций в условиях Первой мировой войны. Особое внимание уделено анализу партийной периодической печати, являющейся ценнейшим источником, дающим представление о численности меньшевистских организаций, их социальной базе, о формах и методах партийной борьбы и деятельности. Рассмотрены особенности архивных материалов фондов центральных и региональных архивов в контексте исследовательской темы. Авторы впервые в региональной историографии партии меньшевиков вводят в научный оборот ряд архивных документов, позволяющих изучить политическую тактику, динамику количественного и социального состава меньшевистских организаций в Донской области в условиях Первой мировой войны.

Ключевые слова: донские меньшевики, Первая мировая война, источники, архивные материалы.

Для цитирования: Щукина Т. В., Воскобойников С. Г. Донские меньшевистские организации в условиях Первой мировой войны: источниковедческий обзор материалов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 57 – 61.

Значительное число исторических явлений и событий зачастую находят свое отражение в ряде малоизученных источников. Однако и те источники, которые многократно упоминались и цитировались в исторических исследованиях, позволяют по-новому взглянуть на общероссийские процессы и события, отбросив «шелуху» идеологических стереотипов. В данном плане историография меньшевизма является ярким примером указанной тенденции. В отечественной общероссийской и региональной литературе о меньшевиках сказано не так уж мало. Вместе с тем историографический анализ показывает, что к малоизученным вопросам истории меньшевизма и в XXI в. относится характеристика провинциальных структур умеренных социал-демократов.

В формате данной публикации акцентируем наше внимание на анализе как опубликованных (включая периодику, мемуары, эпистолярное наследие), так и неопубликованных источников, которые позволяют заполнить «лакуны» в изучении истории политических структур (ячеек, групп и коллективов) меньшевиков Донской области в период глобального исторического катаклизма в виде мировой войны 1914 г. и революции 1917 г.

Выбор хронологических рамок связан со сложившимся состоянием региональной историографии, в которой отсутствие специальных исследований, посвященных характеристике деятельности донских меньшевистских структур, опирается на достаточную источниковую базу для проектирования более-менее полного ретроспективного изображения происходившего. Представляется, что можно выделить ряд основных групп доступных источников.

Естественно, что первой группой является литературно-историческое творчество меньшевистских идеологов и их главных оппонентов (работы Ю. О. Мартова [7], Г. В. Плеханова [10], И. Г. Церетели [17], В. И. Ленина [5] и др.). Сами меньшевики еще в дооктябрьский период осуществляли попытки дать всестороннее обоснование феномену меньшевизма. Лидер и идеолог меньшевизма Ю. О. Мартов представил историю РСДРП, доведенную до 1907 г., в форме очерков, вошедших затем в четырехтомник меньшевистского издания «Общественное движение в России в начале XX в.» [9]. Следует отметить, что очерки Ю. О. Мартова значимы для понимания сущности меньшевизма как общественно-политического течения. В них представлен своеобразный маркер меньшевизма – стремление к объективной и самокритичной оценке событий. Лидер большевиков, а позднее руководитель советского государства В. И. Ленин стал главным критиком меньшевиков. Его изречение о том, что меньшевики – худшие враги социализма, одевающиеся в «пролетарскую шкуру», которые за годы первой мировой войны переродились в представителей откровенно буржуазной рабочей партии [5, с. 14 – 15, 168], было закреплено и объявлено научно-методологической основой исторической науки.

Особенность этой группы источников – полемический характер выступлений меньшевиков и их политических оппонентов. Вместе с тем указанные работы представляются нам как источник и историографический факт одновременно. Предметом изучения в источниках этой группы является не только реальность, но и субъективная оценка происходящего его авторами.

Следующая группа источников – партийные документы. Например, материалы съездов и конференций, протоколы Организационного комитета меньшевиков, отчеты и доклады меньшевистской фракции РСДРП в IV Государственной думе, а также программные тексты, большой массив которых уже переработан в результате кропотливой работы рос-

сийских и зарубежных историков-архивистов, таких как В. В. Шелохаева [11], Л. Хеймсона, З. Галили, А. П. Ненарокова [12]. Протоколы общероссийских съездов (август 1917 г., ноябрь 1917 г.) и конференции (май 1917 г.) содержат важные сведения об отношении донских меньшевиков к актуальным вопросам войны и мира, политической стратегии руководящих меньшевистских органов. Динамику численности и организационного развития меньшевистских структур Области войска Донского позволяют проанализировать анкеты донских делегатов.

К третьей группе источников представляется возможным отнести документы личностного происхождения. Отличие мемуаров и воспоминаний от произведений политических деятелей заключается в том, что они позволили создать представление о меньшевиках не только как общественно-политических деятелях, но и как носителях поведенческих стереотипов и определенной культуры, отличной от большевистской культурной идеологии. При этом следует отметить, что важную роль играет тот факт, что документы личностного происхождения военных [1] и политических лидеров-либералов [8] содержат описание событий, непосредственными участниками которых и являлись их авторы.

В начале 20-х гг. советское руководство страны стремилось собрать как можно больше воспоминаний активистов революционных событий, чтобы доказать потомкам справедливость принятых решений и действий руководителей страны Советов. Так, в 1924 г. комиссия истории партии, работая на юге страны, не обошла своим вниманием и Донскую область *(Прим. авторов: в настоящее время в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) находится фонд № 12, в котором собраны эти записи).* Естественно, указанные работы были написаны с позиции большевизма и носили пропагандистский характер, но еще публиковались биографические произведения донских меньшевиков, в частности произведение С. И. Гурвича *(Прим. авторов: в настоящее время произведение находится в ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 299)* [4]. В определенной степени это уникальная биография, в которой нашли отражения события, характеризующие деятельность ростовских меньшевиков в период войны 1914 г. и представленные нам через призму интереснейшего аналитического действия. Полагаем, что указанную работу, как и ряд других произведений, таких как воспоминания А. С. Локерман [6], мемуары П. А. Гарви, написанные за границей [2], можно рассматривать как значимые источники, дающие начало историографической традиции.

Следующая группа – это периодические издания. В центральных изданиях меньшевиков, таких как «Наше дело», «Наша заря», «Рабочая газета», нашла отражение партийная борьба по насущным проблемам. Региональная периодическая печать насыщена фактическим материалом, позволяющим изучить характерные особенности деятельности донских меньшевиков в период с 1914 г. по февраль 1917 г. Печатный орган донских меньшевиков «Рабочее дело» является «носителем» ценнейшей информации о формах и методах партийной борьбы, примерах взаимодействия умеренных социал-демократов и работников промышленных предприятий Донской области *(Прим. авторов: фонд печатных изданий располагается в Государственном архиве Ростовской области).* Лидеры донских меньшевиков Б. С. Васильев, П. С. Петренко, С. И. Гурвич и др. на страницах газеты публиковали свои статьи и заметки. Так, в статье «Накануне выборов в Городскую думу» С. Гурвич представил основные положения избирательной платформы региональных меньшевиков, в которой подчеркивались чаяния социал-демократов на выборы в местные органы самоуправления, представляемые меньшевиками как определенную репетицию выборов в Учредительное собрание [14, л. 3]. Однако следует отметить, что текст в периодических изданиях меньшевиков отличался значительной размытостью в изложении ряда конкретных примеров. Так, список меньшевистских кандидатов на выборы в органы местного самоуправления в июле 1917 г. представлен в материалах печатных изданий социалистов-революционеров «Земля и воля» и «Голос Донской земли».

Материал о выборах представителей рабочих-меньшевиков в рабочие группы при военно-промышленных комитетах Донской области (ноябрь 1915 г. – февраль 1916 г.) содержится в местной либеральной прессе. В газете «Приазовский край» регулярно публиковались сводки главных политических событий страны и ее регионов. Следует отметить, что газетный материал – это источник, в котором преобладает выборочно-субъективный характер изложения событий, зависящий от партийной ориентации периодического издания.

Документы центральных [15] и региональных органов власти [13], представленные в виде тематических сборников, дополняют информацию, представленную на страницах периодики.

Архивные документы и материалы центральных и региональных архивов составляют основу документальной базы любого научного исследования. Архивная документация, позволившая определить личностные «маркеры» донских меньшевиков в партийных структурах исследуемого периода, располагается в фондах Донского областного жандармского управления (Ф. 829) и Донского охранного отделения (Ф. 826) Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО) [18]. Представляется возможным остановиться более подробно на характеристике указанных фондов.

Фонд № 829 был сформирован 18 января 1881 г., когда на основании мнения Государственного Совета и Области войска Донского (ОВД) было утверждено Донское областное жандармское управление (далее – ДОЖУ), ведению которого подлежали вошедшие в состав ОВД Ростовский и Таганрогский округа. ДОЖУ находилось в г. Новочеркасске. Основными задачами ДОЖУ являлись: борьба с революционным движением, усмирение волнений, поимка революционных деятелей, исполнение судебных приговоров. Другими словами, в состав фонда вошли такие архивные материалы, как циркуляры Донского областного жандармского управления, агентурные сведения о политической деятельности членов

РСДРП и других партий (1907 – 1914 гг.). Ценная информация о партийной и практической деятельности меньшевиков представлена в документах описи № 2. В первую очередь, это тексты дознаний о лицах, привлеченных к ответственности за деятельность революционных кружков, печатание и распространение нелегальной литературы. Материалы об участии меньшевиков с мая 1915 г. по октябрь 1916 г. в митингах на ст. Сулин, в Таганроге и Главных мастерских в Ростове-на-Дону, в демонстрациях и забастовках на на Сулинском и Таганрогском заводах и фабриках в г. Ростова, Нахичевани, Таганрога, ст. Константиновской, на рудниках Александровск-Грушевского, Багаевского районов позволяют проследить динамику роста численности состава меньшевистских структур до февраля 1917 г. Так, количество участников ростовской меньшевистской структуры в декабре 1915 г. составляло 200 человек, а к декабрю 1916 г. – более 450 человек, в то же время большевиков г. Ростова было около 170 человек [19, с. 58].

Исследовательский интерес представляют документы описи № 1, материалы которой позволили определить поименный и социальный состав меньшевистских активистов Ростова-на-Дону, в частности, из списка 210 членов «Ростовского-на-Дону Женского клуба» (Рабочий клуб), проходящих по материалам ДОЖУ в Ростовском округе, было выявлено 70 фамилий меньшевиков, таких как И. Г. Абрамов, С. Е. Демин, В. А. Крысин, Б. Г. Лифшиц, С. З. Шимшилевич и др. [3, л. 295 – 295 об., 363, 388, 512]. Протокольные материалы допросов позволили составить партийную биографию донских меньшевистских руководителей. На основании документов описи № 1 был выявлен пласт архивной информации, позволивший сделать вывод, что участие меньшевиков в деятельности рабочих групп при местных ВПК стало решающим фактором в деле привлечения рабочих масс в ряды умеренных социал-демократов в 1916 г. – начале 1917 г.

Дополнением к сведениям, извлеченным из документов Ф. 829, служат материалы дел фонда № 826. Указанный фонд Донского охранного отделения был образован в феврале 1903 г. Наиболее ценную информацию содержат документы описи № 2, которые включают: агентурные сведения, донесения, дневники наблюдателей о местных группах партий социал-демократов, социал-революционеров (1914 г. – 1915 г.); отчеты о политической обстановке в городах ОВД; дела о наблюдении за деятельностью революционных организаций и ликвидации Ростово-Нахичеванской группы социал-революционеров, меньшевистских групп по г. Новочеркассску, Ростову-на-Дону и Таганрогу (декабрь 1915 г. – январь 1916 г.). Необходимо подчеркнуть, что изученные документы вышеперечисленных фондов впервые введены в научный анализ.

Стоит отметить, что при работе с источниками полицейского сыска, датированными 1914 г. – февралем 1917 г., основной проблемой является идентификация собственно меньшевиков. В архивных документах этой группы источников фракционная принадлежность революционеров зачастую указывалась ошибочно *(Прим. авторов: принадлежность участника к РСДРП вообще).*

Подтверждение сведений о фракционной дифференциации донских революционеров представлено документами фонда № 12 Центра документации новейшей истории Ростовской области. В фонде находятся воспоминания радикальных социал-демократов, партийные документы и листовки большевиков. Несмотря на преднамеренное искажение фактов, воспоминания большевиков достаточно точно обрисовывали исторические события, локализованные в исследуемых временных границах. Основные направления деятельности меньшевиков можно определить по материалам описи № 5 *(Прим. авторов: копии агентурных донесений, партийной переписки, циркуляры департамента полиции о забастовках и различного рода массовых выступлениях)*, а также по воспоминаниям бывших меньшевиков, таких как И. Овчаров [16, л. 10 – 10 об.], находящихся в описи № 3. Список кандидатов в гласные от ростовских меньшевиков на выборах в Ростовскую городскую думу летом 1917 г. содержат материалы описи № 1.

Документы, содержащие информацию об участии меньшевиков в стачечном и забастовочном движении и их роли в экономических «завоеваниях» донских рабочих, отражены в фондах больничных касс: Сулинского металлургического (ГАРО. Ф. 678), Русско-Балтийского (ГАРО. Ф. 782) заводов. Материалы, необходимые для анализа процесса взаимодействия с различными политическими силами Дона хранятся в фондах городских управ и городских дум (ГАРО. ФФ. 90, 91, 694, 580), канцелярии Большого войскового круга (ГАРО. Ф. 861) и др.

Аналогичные по направленности документы находятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Центрального департамента полиции (Ф. 102). Дополнением к региональному материалу о деятельности рабочей группы при ЦВПК являются архивные материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (далее – РГАСПИ) в фонде № 451. Значимость данного источника заключается в возможности проследить на основании писем и циркуляров руководящего меньшевистского центра с местными партийными организациями. Хотелось бы подчеркнуть, что в РГАСПИ располагается 11 наиболее продуктивных фондов для исследования основных партийных компонент умеренной социал-демократии. Яркие примеры таких фондов – личные фонды Г. В. Плеханова (Ф. 264), Ю. О. Мартова (Ф. 362); ЦК меньшевиков (Ф. 275) и др.

Итак, можно отметить, что проанализированные материалы и документы зачастую представляют собой уникальные исторические источники, которые позволяют раскрыть «белые страницы» или по-новому интерпретировать уже «заполненные» главы региональной истории меньшевизма.

Литература

1. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001.
2. Гарви П. А. Воспоминания социал-демократа (1906 – 1921). Нью-Йорк, 1946.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 829. Оп. 1. Д. 423.
4. Гурвич С. И. Экономическое положение России. Ростов н/Д., 1919.
5. Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 11. С. 1 – 131.
6. Локерман А. С. 74 дня Советской власти в Ростове. (Из истории диктатуры большевиков в Ростове-на-Дону). Ростов н/Д, 1918.
7. Мартов Ю. О. История российской социал-демократии. Ч. 1. М.; Л., 1923.
8. Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
9. Общественное движение в России в начале XX века: в 4-х т. / под ред. Ю. О. Мартова, П. П. Маслова, А. Н. Потресова. СПб., 1909 – 1914.
10. Плеханов Г. В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917 – 1918 гг.: в 2-х т. Париж, 1921.
11. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX вв. Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 г. М., 1996.
12. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX вв. Меньшевики в 1917 г.: в 3-х т. М.: РОССПЭН, 1994 – 1996.
13. Постановления Донского Войскового Малого Круга 2 – 7 августа 1917 г. Новочеркасск, 1917.
14. Рабочее дело. 1917. № 29 (18 июня).
15. Февральская революция 1917 г.: сб. документов и материалов. М., 1996.
16. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 79.
17. Церетели И. Г. Речи И. Г. Церетели. Пг., 1917.
18. Щукина Т. В., Воскобойников С. Г. Характеристика партийной тактики донских меньшевиков в условиях Первой мировой войны: по материалам центральных и региональных архивов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Режим доступа: www.science-education.ru/121-18758 (дата обращения: 05.12.2015).
19. Щукина Т. В. Меньшевистские организации Области войска Донского: 1914 – декабрь 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2005. 233 с.

Информация об авторах:

Щукина Татьяна Владимировна **–** кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и языковой коммуникации Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону), vuzprepod@mail.ru.

Воскобойников Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону), voskoboinikof1968c@ya.ru.

Статья поступила в редколлегию 30.03.2016 г., принята к печати 04.05.2016 г.

THE DON MENSHEVIKS ORGANIZATIONS IN THE CONDITIONS OF WORLD WAR I: THE SOURCE STUDY REVIEW OF MATERIALS

Tatyana V. Schukina [1, @1]***, Sergey G. Voskoboynikov*** [1, @2]

[1] *Don State Technical University*
[@1] *vuzprepod@mail.ru*
[@2] *voskoboinikof1968c@ya.ru*

The paper provides the review of the known bases of sources and new documents and archival materials on the history of the Don Mensheviks organizations in the conditions of World War I. Special attention is given to the analysis of the party periodicals being the most valuable source, giving representation about the number of the Mensheviks organizations, their social base, the forms and methods of party struggle and activity. Features of the archival materials available in the central and regional archives in the context of the research topic are considered. For the first time in the regional historiography of the Mensheviks party, the authors introduce a numbers of archival documents, allowing to study the political tactics, the dynamics of quantitative and a social composition of the Mensheviks organizations in the Don area in the conditions of the World War I.

Keywords: the Don, Mensheviks, World War I, sources, archival materials.

For citation: Shchukina T. V., Voskoboynikov S. G. Donskie men'shevistskie organizatsii v usloviiakh Pervoi mirovoi voiny: istochnikovedcheskii obzor materialov [The Don Mensheviks organizations in the conditions of World War I: the source study review of materials]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 57 – 61.

References

1. Brusilov A. A. *Moi vospominaniia* [My memoirs]. Moscow: ROSSPEN, 2001.

2. Garvi P. A. *Vospominaniia sotsial-demokrata (1906 – 1921)* [The memoirs of a social democrat (1906 – 1921)]. New York, 1946.

3. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO)* [The State Archives of Rostov Area]. Found 829, List 1, File 423.

4. Gurvich S. I. *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii* [Economic condition of Russia]. Rostov-on-Don, 1919.

5. Lenin V. I. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Lenin V. I.]. Moscow, vol. 11 (1968): 1 – 131.

6. Lokerman A. S. *74 dnia Sovetskoi vlasti v Rostove. (Iz istorii diktatury bol'shevikov v Rostove-na-Donu)* [74 days of the Soviet authority in Rostov. (From a history of dictatorship of 61ensheviks in Rostov-on-Don)]. Rostov-on-Don, 1918.

7. Martov Iu. O. *Istoriia rossiiskoi sotsial-demokratii* [History of the Russian social democracy]. Part 1. Moscow – Leningrad, 1923.

8. Maklakov V. A. *Iz vospominanii* [From memoirs]. New York, 1954.

9. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka* [Social movement in Russia in the beginning of XX century]. Ed. Martov Iu. O., Maslov P. P., Potresov A. N., Saint-Petersburg, 1909 – 1914.

10. Plekhanov G. V. *God na Rodine. Polnoe sobranie statei I rechei 1917 – 1918 gg.* [One year on the Native land. Full assembly of articles and speeches 1917 – 1918]. Paris, 1921.

11. *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaia tret' XX vv. Men'sheviki. Dokumenty I materialy. 1903 – fevral' 1917 g.* [Political parties of Russia. The end of XIX – first third XX centuries. Mensheviks. Documents and materials. 1903 – February 1917]. Moscow, 1996.

12. *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaia tret' XX vv. Men'sheviki v 1917 g.* [Political parties of Russia. The end of XIX – first third XX centuries. Mensheviks in 1917]. Moscow: ROSSPEN, 1994 – 1996.

13. *Postanovleniia Donskogo Voiskovogo Malogo Kruga 2 – 7 avgusta 1917 g.* [Decisions of the Don Army Small Circle on August 2 – 7 1917]. Novocherkassk, 1917.

14. *Rabochee delo* [Working business], no. 29 (June 18) (1917).

15. *Fevral'skaia revoliutsiia 1917 g. Sb. dokumentov I materialov* [February revolution of 1917. The collection of the documents and materials]. Moscow, 1996.

16. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti (TsDNIRO)* [The center of the documentation of the newest history of Rostov area]. Found 12, List 3, File 79.

17. Tsereteli I. G. *Rechi I. G. Tsereteli* [Of Speech of I. G. Tsereteli]. Petersburg, 1917.

18. Shchukina T. V., Voskoboinikov S. G. Kharakteristika partiinoi taktiki donskikh men'shevikov v usloviiakh Pervoi mirovoi voiny: po materialam tsentral'nykh I regional'nykh arkhivov [The characteristic of party tactics Don 61ensheviks in conditions of the First world war: on materials of the central and regional archives]. *Sovremennye problemy nauki I obrazovaniia – Modern problems of a science and education.* no. 1 (2015). Available at: www.science-education.ru/121-18758 (accessed 05.12.2015).

19. Shchukina T. V. *Men'shevistskie organizatsii Oblasti voiska Donskogo: 1914 – dekabr' 1917 gg.* Diss. kand. ist. nauk [Menshevistsks organization of Area of Don's army: 1914 – December 1917. Cand. hist. Sci. Diss.]. Rostov State Univ., Rostov-on-Don, 2005, 233.

Received 30.03.2016, accepted 04.05.2016.

УДК 947+27-772 (571.56+571.66) ‘’185/186’’

ЯКУТИЯ В СОСТАВЕ КАМЧАТСКОЙ ЕПАРХИИ (1856 – 1869 гг.): ОСОБЕННОСТИ ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

***И. И. Юрганова*[1, @]**

[1] *Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук*
[@] *inna.yurganova@mail.ru*

Рассматривается Камчатский период истории православия в Якутии (1856 – 1869 гг.) как один из этапов деятельности Русской православной церкви на окраинных рубежах империи в контексте государственной политики, являвшийся в том числе и средством интеграции этносов региона в общероссийскую социально-экономическую структуру в процессе межцивилизационного взаимодействия, что обусловило обращение к цивилизационному методу исследования.

Определены роль и значение деятельности архиепископа Иннокентия (Вениаминова) в изменении структур РПЦ в Якутии, способствовавшие появлению церковно-административной автономии, выразившейся в создании викариатства и реформировании духовного правления, а также предоставленными возможностями получения духовенством Якутии ряда льгот и пособий, обусловленных спецификой проживания на Крайнем Севере: оплаты проездов, повышенных размеров жалования, пенсионного содержания, ружных выплат и др. Установлено, что в изучаемый период камчатскому архиерею было предоставлено право приема представителей местного населения в духовное сословие, позволившее в дальнейшем решать актуальную для Якутии проблему кадрового дефицита. Выявлено, что пребывание в составе Камчатской епархии создало предпосылки для учреждения самостоятельной Якутской и Вилюйской епархии.

Ключевые слова: Якутия, Камчатская епархия, архиепископ Иннокентий (Вениаминов), благочиние, духовенство, церковь, ружное содержание, причт.

Для цитирования: Юрганова И. И. Якутия в составе Камчатской епархии (1856 – 1869 гг.): особенности церковного управления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 62 – 67.

Изучение истории православия на окраинных территориях империи представляется актуальным и необходимым во взаимосвязи с процессом утверждения государственной власти в империи, так как в статусе государственной религии православие являлось одним из средств интеграции этносов регионов в общероссийскую социально-экономическую структуру в рамках процесса межцивилизационного взаимодействия. В церковно-административном отношении территория Якутии последовательно входила в состав Тобольской митрополии (сер. XVII – 1731 г.), и данный период характеризуется началом миссионерской деятельности, учреждением первой в Восточной Сибири монашеской обители, началом храмостроительства. Пребывание в подчинении Иркутских архиереев (1731 – 1856 гг.) отмечено упорядочением миссионерства, созданием крупного (в условиях Якутии) монастырского хозяйства, зарождением приходской деятельности, возникновением первых духовных школ. Распространение и укрепление Православия происходило в контексте государственной политики на окраинах империи, приоритетом которой являлось «бесперебойное поступление ясака в государеву казну», когда церковь выполняла общегосударственные задачи интеграции, но вместе с тем в связи с незначительной численностью духовенства, его бесконтрольностью, связанной с территориальной отдаленностью от епархиального центра, неупорядоченностью церковных структур роль православия в середине XVII – начале XIX вв. была специфичной.

К середине XIX в. в высшей инстанции церковного управления империи Св. Синоде возникли предположения о возможном переводе Якутского края под ведомство Камчатских архиереев. В империи действовало 50 православных епархий, в том числе и созданная в 1840 г. Камчатская, Курильская и Алеутская епархия, и были созданы предпосылки для начала масштабного распространения православия на Дальнем Востоке. Первым архиереем Камчатской, Курильской и Алеутской епархии более 20-ти лет являлся архиепископ Иннокентий (Вениаминов) (*прим. автора: Иннокентий (Вениаминов) (1797 – 1879 гг.), миссионер Сибири, Дальнего Востока и Аляски, член Синода, ученый-лингвист и этнолог, Почетный член Императорского Русского Географического общества. С 1840 г. – епископ (архиепископ) Камчатский, Курильский и Алеутский. В 1853 – 1860 гг. проживал в г. Якутске. В 1868 – 1979 гг. – митрополит Московский и Коломенский)*, личность которого в настоящее время стала предметом исследования различных направлений церковной и светской науки. Камчатский период истории православия в Якутии неразрывно связан с его деятельностью, что обуславливает специфику историографии заявленной темы, не имеющей отдельных трудов о Камчатском периоде, но представленной изданиями, посвященными деятельности архиепископа [1; 4; 12; 13].

Первоначально в состав Камчатской епархии были включены территории прибрежной полосы северо-восточной Азии – Удский край, Охотское побережье, Камчатка, Гижигинский округ с Чукоткой, а также

российские владения на северо-западном берегу Американского континента, всего 111,74 кв. км. В 1852 г. в состав епархии была включена территория Якутской области. В связи с отсутствием квалифицированных кадров и недостатком финансирования епархии по решению Синода на неопределенный срок было открытие духовной консистории и её функции были возложены сначала на Новоархангельское (Камчатское) духовное правление, не содержащееся за счет местного духовенства, затем с 1862 г. на духовное правление в Якутске. Кроме того, в связи с обширностью епархии действовало ещё Николаевское правление [5, с. 12 – 13].

Якутия входила в состав епархии в статусе одного из 11 благочиний. Выделение отдельной Камчатской епархии позволило архиепископу Иннокентию (Вениаминову) поставить вопрос о создании института викариатства. Викарии, выступавшие первыми помощниками епархиальных архиереев, должны были взять на себя часть административных обязанностей на местах. В письме на имя обер-прокурора Синода в 1859 г. Вениаминов аккумулирует необходимость введения викариатства в Якутской области, так как она «требует по своим особым обстоятельствам особого изучения и для сего времени не один год… как я вижу по опыту» [7, д. 7, л. 1].

Императорский указ о новом устройстве Камчатской епархии определял создание двух викариатств – в Новоархангельске и Якутске, устанавливал оклады содержания викариев, и если жалование Новоархангельского викария поступало из средств Североамериканской компании, то викарий Якутский получал отплату сначала из вспомогательных окладов духовенства с последующей передачей её на суммы Государственного казначейства. Штат якутского викария составлял 42 человека (вместе с монашествующими и штатом монастыря) с ежегодным финансированием в 1488 руб. 39 к. [7, д. 1997, л. 5]. Местопребыванием викарного епископа был определен Спасский монастырь [2, д. 753, л. 11]. Первым викарным епископом Якутии был назначен епископ Павел (Попов) (*Прим. автора*: *Павел (П. Л. Попов) (1813 – 1877) в 1860 г. был пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита и хиротонисан во епископа Якутского, первого викария Якутского викариатства Камчатской епархии. С ноября 1866 г. епископ Новоархангельский, викарий Камчатский, служил в Новоархангельске и Сан-Франциско)* [2, д. 7, л. 3]. В 1866 г. произошла смена якутского викария, им стал Петр (Екатерининский) (*прим. автора: Петр (Ф. А. Екатерининский) (1820 –1899 гг.) в 1858 г. посвящен в сан Новоархангельского епископа, викария Камчатской епархии. В 1866 г. – епископ Якутский)*, а затем в 1868 г. протоирей Д. В. Хитров *(Прим. автора: Дионисий (Д. В. Хитров) (1818 – 1896) с 1844 г. священник походной миссионерской церкви в Якутской области. Ученик и соратник архиепископа Иннокентия (Вениаминова). В 1868 – 1870 гг. – епископ Якутский, викарий Камчатской епархии, в 1870 – 1883 гг. – первый архиерей Якутской и Вилюйской епархии. Член Императорского географического общества, лингвист)*.

В 1853 – 1860 гг. в Якутском Спасском мужском монастыре проживал архиепископ Иннокентий (Вениаминов), в монастырь была перенесена архиепископская кафедра, и очевидно, что именно в эти годы происходит более детальное его знакомство с якутской паствой. Интересен установленный факт проведения в 1860 г. аттестации монашествующих, связанной, вероятно, с назначением наместником монастыря викарного епископа [6, д. 2307].

На основании инструкции, разработанной в 1860 г. архиепископом Иннокентием, якутский викарий имел право «управления, наставления и исправления вверенной ему паствы», должен был действовать в контакте с подчиненным ему духовным правлением, производить следствие и суд лиц духовного сословия и по бракоразводным процессам (с предоставлением протоколов и мнений епархиальному архиерею). Духовенство области находилось в подчинении у викария, который тем не менее ограничивался в передвижениях по вверенной ему территории: «без особенных причин не предпринимать путешествия для обозрения церквей». По вопросам назначения и увольнения членов Якутского духовного правления, благочинных, миссионеров, приема и увольнения в духовное звание, назначения окладов якутскому духовенству, утверждения протоколов и мнений о лишении священнического сана, переводам и перемещениям, открытии новых приходов и миссий, строительству и ремонту церквей викарий должен был получать благословление епархиального архиерея [6, д. 2216, л. 1 – 11].

Управляющим органом в Якутском викариатстве было духовное правление, располагавшееся на территории Спасского монастыря. В 1857 г. по предписанию архиепископа Иннокентия была проведена реорганизация делопроизводства правления по «консисторскому порядку», и на основании устава духовных консисторий правление готовило и предоставляло епархиальному архиерею различные формы отчетности, информирующие его о деятельности духовных структур (таблица) [6, д. 1700, д. 2271, л. 1 – 6].

Также правление должно было обеспечивать исполнение указов высшей духовной власти, Камчатского архиерея и консистории, различного характера, в том числе и светского, так как православная церковь являлась частью государственного аппарата.

Церковно-административное деление Якутской области, основываясь на административно-территориальном делении, состояло из благочиний. В 1865 г. действовало 6 благочиний [6, д. 2873, л. 2]. Сложность в условиях Крайнего Севера представляли объезды викария и благочинных приходских церквей. Подготовка к ним была основательной, так как большая часть времени проходила в пути и посещения отдаленных приходов растягивались на месяцы. Епископ Дионисий писал: «Новый 1869 г. встретил в пустыне.., встали мы с ночлега… и пустились в путь… от нашего ночлега до оной [*Ожогинской церкви – И. Ю.*] считается более 120 верст» – и отмечал, что «по прибытию на место ждал теплый прием и паства стремилась оказывать архиерею различные почести» [3, с. 11].

В «Отчете о состоянии Камчатской епархии за 1868 г.» указывается, что в епархии недостаточно православных храмов и есть церкви, численность прихожан которых составляла более 6000 человек. Всего действовало 104 церкви, в том числе 43 – в Якутской области и единственный монастырь – Якутский Спасский, в составе 156 причтов, из них 82 – в Якутской области, 36 – в Амурском крае, 11 – на Камчатке, 9 – по побережью Охотского моря и 9 – в Америке. Очевидно, что Якутия была самой территориально значительной частью Камчатской епархии [8, с. 153 – 155].

Таблица. **Сведения, предоставляемые якутским духовным правлением архиерею Камчатской епархии**
Table. **The data provided by Yakutsk church management to the archbishop of Kamchatka Diocese**

№	*Название документа*	*Сроки*
1.	Перечневые ведомости о движении дел духовного правления	в январе (за прошедший год)
2.	Именные ведомости о неисполненных делах	в январе (за прошедший год)
3.	Ведомость о состоянии архива	в январе (за прошедший год)
4.	Ведомости об исполнении высочайших повелений	ежемесячно
5.	Ведомости о получении указов Синода	ежемесячно
6.	Ведомости о неисполненных указах Синода	ежемесячно
7.	Ведомости об училищах при монастырях и приходских церквях	к 1 февраля
8.	Сведения о содержащихся при монастырях на покаянии	к 1 февраля
9.	Ведомости о присоединившихся к православию из раскола, сект и других вероучений	к 15 февраля
10.	Ведомости о кошельковых сборах по церквям	к февралю
11.	Ведомость о числе монастырей и монашествующих	к февралю
12.	Ведомость о количестве церквей и белого духовенства	к февралю
13.	Именная ведомость о членах духовного правления, благочинных и протоиереях	к февралю
14.	Ведомость о настоятелях монастыря	к февралю
15.	Сведения о православных бывших и не бывших на исповеди и у Св. Причастия	к марту
16.	Сведения о родившихся, бракосочетавшихся и умерших	к 15 марта
17.	Сведения о воспитанниках духовных учебных заведениях	к марту
18.	Сведения о деньгах, собранных от продажи церковных свеч	к 1 октября
19.	Именные списки всех чиновников и канцелярских служащих духовного ведомства	к 1 октября
20.	Сведения о колодниках или арестантах, содержащихся при духовном правлении	три раза в год
21.	Сведения о пожертвованиях в пользу церквей, монастыря и т. д.	три раза в год
22.	Сведения о числе браков между ссыльными	в декабре (по особым указам Синода)

Учитывая полукочевой и кочевой образ жизни местного населения, особое значение придавалось строительству часовен, которые могли быть «от простой составленной из облупленных от коры и нетесанных лесинок и обложенных землею – до рубленной в немецкий угол; а видом от похожей на простую юрту – до подобной церкви». В 1865 г. Св. Синод предоставил епархиальным архиереям право разрешать постройку часовен, но ещё в 1855 г. по предложению архиепископа Иннокентия для Камчатской епархии было сделано исключение и специальным Указом Синода разрешалось строительство часовен без ограничения их численности «с совершением всех таинств» [6, д. 1598, л. 1]. Востребованность строительства часовен на обширной территории Якутии несомненна, особенно в северных округах области. Так, к концу 1860-х гг. только в приходе Средне-Колымской церкви действовало шесть часовен, и епископ Дионисий отмечал, что как бы не был деятелен приходской священник, он не в состоянии «служа в одном конце своего прихода, в то же время успеть с христианской помощью прихожанам своим в другом, разъединенном с ними сотнями верст» [3, с. 14 – 153]. К 1862 г. в Якутской области действовало 88 часовен, и значительный рост количества церквей в епархии в первые десятилетия её существования происходил путем освящения в церковь бывших часовен.

Деятельность духовенства Якутии также имела особенности, характерные для условий проживания на севере, связанные как с объективными, так и с субъективными причинами. Реформы середины XIX в. привели к нарушению наследственности духовного звания, но в среде провинциального духовенства, в том числе и в Якутском крае, в большинстве случаев именно наследственная принадлежность к духовенству с учетом его малочисленности играла определяющую роль при назначении на служение. Численность православного духовенства Якутии была невелика, и на протяжении десятков лет оставались незаполненными вакантные места. Выпускники ду-

ховных семинарий не изъявляли желания провести свою жизнь в отдаленном и суровом краю. В «Росписании о суммах к отпуску» на содержание причтов Якутской области Камчатской епархии за первое полугодие 1856 г. удерживалось 1059 руб. 11 коп. (из выделенных 9011 руб. 53 коп.) в связи с «некомплектностью причтов», и каждая десятая должность была свободной.

Сложным было положение и с насельниками Спасского монастыря. Викарный епископ Дионисий отмечал: «монастырь существует более двухсот лет, а братией скуден. Монашествующих в нем два лица: настоятель и иеромонах» – и указывал, что приходских священников «обязывать служением» в монастыре в виду их занятости невозможно, просил направить в Якутск иеромонахов и иеродиаконов из других монастырей, что было реализовано в последующие годы. Тем не менее численность монашествующих всегда была недостаточной и желающих переезжать в суровую Якутию находилось немного [3, с. 31 – 32].

В мае 1855 г. благодаря настойчивым предложениям архиепископа Иннокентия был издан указ, разрешивший принимать в духовное звание «из туземцев, обитающих в Якутской области, а также из податного состояния причисленных к той же области, без разрешения Правительствующего Сената и по предварительному сношению с местным начальством». Желающий поступить в духовное звание должен был подать прошение на имя архиерея (а в его отсутствие – в духовное правление) с приложением согласия от сельского общества (родовой управы) с характеристикой (в том числе моральных качеств) и увольнение от своего общества. Предусматривалось проведение испытания «в познаниях и способностях» [6, д. 1588]. Данный указ положил начало династической преемственности духовенства из якутов и частично решил проблему дефицита духовных кадров.

Архиепископом были высказаны предложения о распространении на духовное ведомство епархии льгот, предоставленных гражданским чиновникам. В 1833 г. императором было утверждено Положение Сибирского Комитета «О прогонных деньгах по Якутской области и Охотскому краю», где указывалось, что священно- и церковнослужители наряду с чиновниками должны получать прогоны (оплату проезда) [9, с. 673 – 674]. В 1850 – 1860-х гг. духовенство епархии имело право на получение оплаты «двойных прогонов» на всех членов семьи, путевого содержания и годового оклада жалования «на подъём». Кроме того, после 10-летнего срока службы в Камчатской епархии представителям духовного сословия в двойном размере оплачивалась оплата проезда к новому месту службы.

В 1844 г. правительством было принято решение о постепенном введении постоянного жалования всему приходскому духовенству империи, но жалование, выплачиваемое из государственной казны, было различным даже в пределах одной епархии. Причты походных церквей получали большее жалование по сравнению с приходскими священниками, но и в приходах жалование разнилось. Так, амурские священники получали по 462 р./г., диаконы – 343 р./г., причетники – 119 р./г.; американский викарий по 150 долларов в месяц, протоиереи – 100 $, священники – от 60 до 70 $, причетники – от 10 до 25 $. В Якутской области жалование священников составляло от 200 до 360 р./г., диаконов – от 120 до 150 р./г., дьячков – от 90 до 150 р./г., пономарей – от 50 до 58 р./г. [8, с. 153 – 155]. Учитывая специфику служения в отдаленных областях империи, духовенству Камчатской епархии дважды за первую половину XIX в. повышали оклады жалования (в 1849 и 1856 гг.) [6, д. 1476, 1743]. В 1842 г. были утверждены правила о выдаче камчатским священникам единовременных пособий при назначении их к сельским церквям и переводе от одной церкви к другой, выплачиваемые за счет отчислений из окладов жалования (2 % с рубля) и остатков средств от некомплектности штатов [6, д. 1743].

После создания Якутского областного присутствия (комитета) по обеспечению быта духовенства под председательством губернатора, главной задачей которого являлось представление в епархиальные, синодальные и светские органы вопросов, связанных с повышением жизненного уровня духовенства, в 1865 г. присутствие обратилось к генерал-губернатору Восточной Сибири с предложением о выдаче пайкового довольствия причтам северных церквей (по примеру пайков, получаемых гражданскими чиновниками в Сибири, составлявшими 132430 фунтов ржаной муки и 135 пудов 1 фунт крупы в год с оплатой расходов на доставку продуктов за счет государства) [10, д. 665, 1010]. Предложение комитета было передано обер-прокурору Св. Синода, но было отклонено в связи с отсутствием средств.

В 1861 г. императором было утверждено положение Сибирского комитета о замене хлебной руги денежной. Для духовенства Камчатской епархии это положение имело принципиальное значение, так как местные условия не позволяли установить полноценное обеспечение хлебом в связи с его недостаточностью и небольшим количеством запасных магазинов. Размеры хлебного ружного содержания составляли от 200 до 250 пудов хлеба священникам, по 175 пудов диаконам, по 70 пудов пономарям; денежного – от 15 до 20 копеек с прихожанина (по разным округам области), и обязывали клир бесплатно исполнять требы и обучать грамоте детей прихожан. Сбором ружного содержания занимались окружные и областные гражданские власти, собранная руга поступала в Якутское Казначейство, после чего духовное правление могло получать эти суммы для выдачи их духовенству по особым расписаниям [14, с. 73 – 74].

Духовенство епархии обеспечивалось и государственным пенсионным содержанием, размер которого зависел от занимаемой должности и стажа. Право на получении пенсии также имели вдовы священнослужителей (в т. ч. и бездетные) и их несовершеннолетние дети.

К XIX в. законодательством Российской империи были установлены нормы приобретения и владения земельными участками для духовного ведомства. Сводом Законов Российской империи (изд. 1842 г.) в церковный удел отводилось не менее 33 десятин земли [11, с. 1833 – 1836, 1898 – 1906, 1960]. В 1863 г.

был подписан Императорский указ о приобретении домов для церквей Камчатской епархии без «испрашивания разрешения» Синода, что свидетельствует о ещё одном шаге к самостоятельности камчатского архиерея [6, д. 2679].

Данные о служении якутского духовенства содержатся, прежде всего, в отчетах благочинных, которые составлялись по единому образцу и содержали необходимые сведения о состоянии православия в благочинии: о благоустройстве церквей, ведении церковного делопроизводства, служении причта (отмечались особые заслуги), графике служения, проведении служб на якутском языке, отношениях причта и паствы, численности прихожан (отмечалось увеличение или уменьшение) и их социальный состав благотворительности (пожертвованиях на храм), наличии в приходах представителей сект и раскола. Источники свидетельствуют, что церковные службы проводились регулярно, в том числе и на якутском языке. По распоряжению архиепископа Иннокентия в градоякутских церквях в субботние дни были организованы поучения для детей [6, д. 2448, л. 11 – 12].

Камчатский период деятельности Православной церкви в Якутии стал последней ступенькой к учреждению самостоятельной Якутской епархии, образование которой также связано с именем архиепископа Иннокентия. Он первым счел необходимым выделение территории Якутской области в отдельную церковно-административную единицу и почти два десятилетия убеждал высшую церковную власть империи в необходимости создания епархии, указывая в качестве причин на обширность территории, сложность транспортной схемы, наличие населения со своим языком и необходимость введения на территории области духовного судопроизводства. В декабре 1869 г. был подписан императорский указ об образовании (с 1870 г.) Якутской епархии, утверждены штаты (штатное расписание) архиерейского дома, Свято-Троицкого кафедрального собора и духовной консистории и Якутская епархия стала 53-ей самостоятельной епархией Русской православной церкви [6, д. 3209, л. 1 – 4].

Таким образом, пребывание Якутии в составе Камчатской епархией, создание викариатства, наделение Якутского духовного правления функциями консистории, появившаяся возможность решения вопроса кадрового дефицита, обеспечение духовенства различными видами государственного и местного довольствия позволило укрепить самостоятельность Якутии в духовном ведомстве Русской православной церкви и вывести её историю на епархиальный уровень. Данные изменения связаны, прежде всего, с деятельностью архиепископа Иннокентия и его пребыванием на якутской земле, итогом которого стало понимание и внимание к особенностям проживания на Крайнем Севере и донесение этой специфики до сведения высшей церковной инстанции империи.

Литература

1. Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883.

2. Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 12.

3. Дионисий (Хитров), епископ. Стопами миссионера. Труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще. В 6 т. Т. 4: Отчеты о состоянии Якутской епархии за 1868 – 1872 гг. Тверь: Булат, 2013.

4. Журналы священника Иоанна Вениаминова / сост. О. Д. Якимов. Якутск, 2005.

5. Капранова Е. А. Развитие церковно-административного устройства и управления Русской православной церкви на Дальнем Востоке России (1840 – 1918 гг.). Благовещенск, 2003.

6. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 225и. Оп. 1.

7. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 227-и. Оп. 1.

8. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1869. № 13.

9. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе. Т. VIII. СПб., 1834. № 6583.

10. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442.

11. Свод Законов Российской Империи. Свод законов о состояниях. Т. 9. М., 1910.

12. Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири. Собрание сочинений и писем. В 7 т. Т. 4: Апостол Дальнего Востока и Севера (1852 – 1860). М., 2013.

13. Святитель Иннокентий (Вениаминов) – миссионер, исследователь, просветитель: материалы научно-практической конференции. Иркутск, 2014.

14. Юрганова И. И. История Якутской епархии. 1870 – 1919 гг. (деятельность духовной консистории). Якутск, 2007.

Информация об авторе:

Юрганова Инна Игоревна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук (ИГИ и ПМНС СО РАН), inna.yurganova@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 16.02.2016 г., принята к печати 15.03.2016 г.

YAKUTIA AS A PART OF THE KAMCHATKA DIOCESE (1856 – 1869): FEATURES OF CHURCH MANAGEMENT

Inna I. Yurganova[1, @]

[1] *Institute of Liberal Studies and Problems of the Small-Numbered Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Science*
[@] *inna.yurganova@mail.ru*

The paper addresses the Kamchatka period of the history of Orthodoxy in Yakutia (1856 – 1869) as one of the stages of activity of the Russian Orthodox Church on the edge of the Empire's borders in the context of the state policy which included the tool for integration of the ethnic group of the region in the all-Russian social and economic structure in the course of intercivilization interaction. The civilization method of research was used.

The role and importance of the activities of Archbishop Innokenty (Veniaminov) in changing the structures of the Russian Orthodox Church in Yakutia are defined, which contributed to the emergence of the Church's administrative autonomy, with the establishment of the Vicariate and the reform of the Spiritual Board, and also the clergy of Yakutia with the opportunities for a number of benefits associated with specific features of living in the Far North: the payment of travel, the increased size of the salary, pension content outer payment etc. It was discovered that during the studied period the Kamchatka Bishop was granted the right to admit representatives of the local population in the clergy, which allowed to further solve the problem of staff shortages, which is topical for the Republic of Yakutia. It is revealed that being a part of the Kamchatka Diocese created the preconditions for the establishment of an independent Yakutsk and Vilyuysk Diocese.

Keywords: Yakutia, Kamchatka Diocese, Archbishop Innokenty (Veniaminov), deanery, clergy, Church, outer content.

For citation: Yurganova I. I. Iakutiia v sostave Kamchatskoi eparkhii (1856 – 1869 gg.): osobennosti tserkovnogo upravleniia [Yakutia as a part of the Kamchatka diocese (1856 – 1869): features of church management]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 62 – 67.

References

1. Barsukov I. P. *Innokentii, mitropolit Moskovskii i Kolomenskii. Po ego sochineniiam, pis'mam i rasskazam sovremennikov* [Innocent, Metropolitan of Moscow and Kolomna. In his writings, letters and stories of contemporaries]. Moskow, 1883.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti* [State Archive of the Irkutsk region]. Fond 24, List 12.
3. Dionisii (Khitrov), episkop. *Stopami missionera. Trudy Dionisiia (Khitrova), episkopa Iakutskogo, a zatem Ufimskogo, na missionerskom poprishche. T. 4: Otchety o sostoianii Iakutskoi eparkhii za 1868 – 1872 gg.* [Feet missionary. Dionysius Proceedings (Khitrova), Bishop of Yakutsk, Ufa and then, on the mission field by Dionysius (Khitrov), Bishop. Vol. 4: Reports on the status of the Yakut diocese for 1868 – 1872]. Tver, Bulat, 2013.
4. *Zhurnaly sviashchennika Ioanna Veniaminova* [Magazines priest John Benjamin]. Iakutsk, 2005.
5. Kapranova E. A. *Razvitie tserkovno-administrativnogo ustroistva i upravleniia Russkoi pravoslavnoi tserkvi na Dal'nem Vostoke Rossii (1840 – 1918 gg.)* [The development of church-administrative structure and management of the Russian Orthodox Church in the Far East of Russia (1840 – 1918 gg.)]. Blagoveshchensk, 2003.
6. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Iakutiia)* [The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Fond 225i, List 1.
7. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Iakutiia)* [The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Fond 227-i, List 1.
8. *Pribavleniia k Irkutskim eparkhial'nym vedomostiam* [Additions to Irkutsk Diocesan Gazette], no. 13 (1869).
9. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi Imperii: Sobranie vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: 2nd collection]. Saint-Petersburg, vol. VIII (1834): no. 6583.
10. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archives]. Fond 796, List 442.
11. *Svod Zakonov Rossiiskoi Imperii. Svod zakonov o sostoianiiakh* [Code of Laws of the Russian Empire. Body of the state of the law]. Moskow, vol. 9 (1910).
12. Sviatitel' Innokentii Moskovskii, prosvetitel' Ameriki i Sibiri. *Sobranie sochinenii i pisem. T. 4: Apostol Dal'nego Vostoka i Severa (1852 – 1860)* [Collection of works and letters by St. Innocent of Moscow, enlightener of America and Siberia. Vol. 4: Apostle of the Far East and the North (1852 – 1860)]. Moskow, 2013.
13. *Sviatitel' Innokentii (Veniaminov) – missioner, issledovatel', prosvetitel': Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [St. Innocent (Benjamin) – missionary, explorer, educator: Proc. Sc.-Prac. Conf.]. Irkutsk, 2014.
14. Iurganova I. I. *Istoriia Iakutskoi eparkhii. 1870 – 1919 gg. (deiatel'nost' dukhovnoi konsistorii)* [History of the Yakut diocese. 1870 – 1919 years. (Activities Spiritual Consistory)]. Iakutsk, 2007.

Received 16.02.2016, accepted 15.03.2016.

ПСИХОЛОГИЯ | PSYCHOLOGY

УДК 159.9 + 316.6

ТИПОЛОГИЯ И МОТИВАЦИОННО-УСТАНОВОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВАХ С РАЗНОЙ КУЛЬТУРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТЬЮ

***О. О. Андронникова*[1, @1]**

[1] *Новосибирский государственный педагогический университет*
[@1] *andronnikova_69@mail.ru*

В данной статье представлен анализ существующих подходов к типологии сообществ для исследования процессов виктимизации, что является предметом исследования. В статье проведен сравнительный анализ широко используемых типологий в отечественной науке, позволяющих объяснить специфику развития социальной виктимности. С точки зрения возможности объяснения побуждающих причин виктимного поведения критически рассмотрены традиции исторического материализма, цивилизационная парадигма, концепция постиндустриального общества и т. д. Обозначено влияние процессов социальных изменений с точки зрения миросистемного подхода И. Валерстайна и геополитики. Осуществлен синтез позиций миросистемного подхода геополитической динамики Р. Коллинза, теорий социальных революций и положений ценностных оснований культур П. А. Сорокина, позволяющий решить поставленные в исследовании задачи выделения закономерностей возникновения и функционирования виктимизации существующих сообществ. Раскрыты основные положения типологии П. А. Сорокина в контексте анализа типов виктимного поведения сообществ. Выделены 12 типов мотивационно-установочных характеристик виктимного поведения сообществ с их содержательным описанием. Даны мотивационно-установочные характеристики виктимного поведения в сообществах с разной культурной ментальностью, позволяющие прогнозировать возможные социальные процессы и проявления.

Ключевые слова: виктимность, виктимное поведение, типология сообществ, типологий культур, Миросистемная теория, геополитика.

Для цитирования: Андронникова О. О. Типология и мотивационно-установочные характеристики виктимного поведения в обществах с разной культурной ментальностью // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 68 – 72.

Анализ современного состояния социально-политической и экономической ситуации развития общества в условиях высокой изменчивости, подвижности и информационной насыщенности приводит к необходимости учета социального влияния на виктимизацию человека как микро-, так и макрофакторов.

Рассмотрение процессов виктимизации на макроуровне приводит нас к необходимости анализа виктимных деформаций современных сообществ [3]. Данная задача обосновывает необходимость уточнения типологии самих обществ в современной науке и их возможности объяснения исследуемых закономерностей.

Существуют разные подходы к типологии сообществ. С нашей точки зрения, необходим выбор типологии, обладающей достаточно познавательным потенциалом для объяснения закономерностей развития человеческих сообществ, способный выступить основой для исследования процессов виктимизации. Сравнительный анализ широко используемых типологий в отечественной науке позволяет выделить несколько моментов, объясняющих, так или иначе, специфику развития виктимности. Значительным весом пользуются традиции исторического материализма, опирающиеся на понятие социально-экономической формации, возникающей вследствие противопоставления социалистического и капиталистического типа общества. В настоящий момент данный подход не используется для объяснения побуждающих причин виктимизации сообществ вследствие изменения международной системы мироустройства.

Широкое распространение получила цивилизационная парадигма (А. Тойнби, О. Шпенглер, Н. Я. Данилевский), выступившая антитезой историческому материализму [4]. Основой цивилизационной парадигмы обозначена идея равноценности мировых культур с опорой на содержание базовых ценностей. Рассмотрение типологии культуры через преломление их ценностей позволяет изучить процесс и побудительные причины виктимизации сообществ, однако исключает возможности оценки динамики ценностей, показывая процессы виктимизации как статичную существующую форму. Кроме того, эвристический потенциал цивилизационного подхода не достаточен для объяснения возникающих форм виктимности в ситуации конкуренции различных сообществ.

Сложности возникают при попытке использовать для объяснения процессов виктимизации сообществ концепции Д. Белла, А. Турена, Э. Тоффлера, опирающиеся на идеи постиндустриального общества [1]. Несмотря на сильное экономическое основание концепций, объяснение виктимных трансформаций становится затруднительным вследствие отсутствия потенциала для полного освещения социальных проявлений.

Таким образом, существующие основные типологии современных сообществ не способны описать модель социума, позволяющую проследить механизмы возникновения и функционирования виктимности как закономерного следствия внутренних процессов, приводящих к виктимизации и наблюдаемых в любом из существующих сообществ. Единственный путь,

адекватно решающий поставленные нами задачи, видится нам через синтез нескольких социальных теорий, имеющих под собой как экономическое, так и социальное основания. С этой точки зрения адекватным нам кажется синтез конструктивных положений миросистемного подхода (И. Валлерстайна, Дж. Арриги, А. Г. Франка, Дж. Модельски, Ч. Данна) и геополитической динамики Р. Коллинза, и теории социальных революций Т. Скочпол, проведенный А. А. Изгарской [5] с учетом базовых характеристик территории и пространства социальных отношений. Выделенная автором типология пространств социальных отношений может быть использована нами в качестве теоретического основания для исследования социальной виктимности. Исходя из поставленных нами задач обозначим основные положения выбранных подходов.

Опора Р. Коллинза на неовеберианскую парадигму [7] позволяет вслед за М. Вебером рассматривать государство как систему легитимного насилия, определяя тем самым операциональную возможность для исследования проблем виктимности. Анализ содержания его основных гипотез, касающихся преимуществ территории, ресурсов и ее расположения, обосновывающие специфику геополитического влияния, включая возникновение различных форм экспансии [6].

Первые три принципа геополитической динамики обозначают тенденцию к агрессивной политике у государств с преимуществом территорий и ресурсов по отношению к государствам с «центральной» геополитической характеристикой. В результате длительного доминирования со стороны государств, расширяющих свою территорию, формируется определенная виктимность сознания обществ с меньшими ресурсами, что приводит формированию способности в данных обществах к массовым жертвам.

Миросистемная теория, изучающая процесс конкуренции за капитал, рассматривает вопросы иерархии и ее влияния на виктимизацию сообществ с жесткой дифференциацией экономических возможностей [10]. Неравный обмен между «ядром» и «периферией», с выраженным обнищанием последних, формирует виктимность как массовое явление сознания. Именно данный процесс может характеризовать современное миросистемное положение России, по мнению А. А. Изгарской. Учитывая, что стратегия разрыва с «ядром» проходит через процессы насилия, подкрепленного идеологически, и часто реализованных социальных революций или гражданских войн, можно говорить о виктимизации общественного сознания.

Еще один важный теоретический концепт, заключенный в обеих исследуемых концепциях, касается вопросов социальной солидарности. Адекватным нам кажется рассмотрение идеи солидарности на основе работ Э. Дюркгейма, отраженной в его типологии социальных сообществ. Учет всех вышеперечисленных положений, преломленных сквозь идею ценностных оснований культуры, позволяет выделить соответствующие культурно-психологические императивы поведения, объясняющие и предсказывающие развитие соответствующих форм виктимности социальных сообществ.

Анализ типологий культур позволил нам выделить как максимально пригодную для решения задач типологию П. А. Сорокина, опирающегося на природу реальности, с учетом актуальных для удовлетворения потребностей и способа их удовлетворения [8]. На основе анализа трех основных параметров автор сформировал три типа культуры (идеациональная, чувственная, смешанная), два из которых являются идеальными обобщениями, не существующими в реальности. Важным при этом является, что разработанные культурные типы могут быть применимы на всех социетальных уровнях.

Преломляя типологию П. А. Сорокина в контексте анализа типов виктимного поведения сообществ, необходимо обозначить основные характеристики. Идеациональный тип культуры будет характеризоваться доминированием духовных ценностей, для достижения которых требуется минимизация реализации физических потребностей, вплоть до полного отказа от них. При этом данный параметр может рассматриваться сквозь понятие активности как важной характеристики виктимного поведения. В случае пассивного поведенческого паттерна будет формироваться аскетический идеационализм, направленный на спасение самого себя, тогда как при активной виктимной позиции формируется потребность спасать не только собственную душу, но и всех окружающих вплоть до агрессивных «принудительных» действий ради их блага.

Чувственный тип культуры связан с выдвижением на первый план физических и чувственных потребностей, ради достижения которых идет преобразование внешней реальности. Данный тип культурной ментальности разделен автором на три подвида: активная, пассивная, циничная. Активно-чувственная и пассивно-чувственная ментальность характеризуют различные периоды расцвета и упадка общества в привилегированных классах (не свойственно бедным). Циничная ментальность заключает в себе смену идеациональных масок, позволяющих индивиду или сообществу получить материальную выгоду. Смешанные типы культур являются эклектичными и внутренне непротиворечивыми. Принято выделять два подвида смешанной культурной ментальности (идеалистическую и псевдо-идеалистическую), различающихся по уровню активности. Идеалистическая культурная ментальность характеризуется господством духовного над материальными потребностями, для достижения которого используются способы, присущие чувственной ментальности, то есть и самосовершенствование, и преобразование окружающего мира. Псевдо-идеалистическая ментальность характеризуется превалированием физических потребностей, которые вследствие низких событийных или материальных возможностей оказываются не удовлетворены, приводя к состоянию пассивному перенесению «ударов судьбы». В соответствии с описанным подходом П. А. Сорокин выделяет установки, характерные для активной или пассивной позиции идеационального, смешанного и чувственного типа культурной ментальности (таблица 1).

Соединим выдвинутые нами ранее модели виктимного поведения [2] с типом ментальности культур П. А. Сорокина. Полученная типология позволит нам описать потребностные и поведенческие установки виктимных сообществ с разной культурной ментальностью.

Для построения типологии виктимного поведения, опираясь на идею четырехполюсной модели личности [9], в контексте которой возможно описание семантического пространства личности через выделе-

ние биполярных пар, обозначим подпараметры различных типов виктимного поведения через понимание активности/пассивности жертвы в зависимости от степени выраженности в дистриптивном параметре адаптивности и дезадаптивности. Данный подход, преломленный через понимание виктимности, в разрезе концепции личностных черт, позволяет как онтологическое основание обозначить наличие или отсутствие агрессии. Опираясь на выделенные основания, можно выделить деструктивный и аутодеструктивный типы виктимного поведения (при наличии высокой агрессивности) и пассивный и некритичный типы (при ее отсутствии). Преломление полученной типологии через параметры запреты/разрешения как характеристики окружающей среды и учёт социального контроля позволяет выделить восемь типов виктимного поведения, пять из которых активно описаны, как в отечественной, так и в зарубежной литературе криминалистического характера, а три представляют собой результат смещения в поле противоположного типа вследствие воздействия социальной среды.

Таблица 1. **Установки активно-пассивной ментальности культур**
Table 1. **Settings of the active-passive mentality of cultures**

	Идеациональный	***Смешанный***	***Чувственный***
Активный (направленность на общество)	Счастье нематериально. Задача заключается в спасении души каждого во имя божественной идеи.	Счастье нематериально. Задача заключается в построении идеального мира, в котором все будут счастливы.	Счастье материально. Основная задача связана с предоставлением возможности для удовлетворения окружающими их физических потребностей.
Пассивный (направленность на себя)	Счастье нематериально. Задача в спасении своей души через уединение и отрешение.	Счастье материально. Задача в принятии страдания от невозможности достижения материальных благ с гордостью.	Счастье материально. Задача в максимальном получении благ, которые могут закончиться.

При построении типологии виктимного поведения мы опирались на осевые линии распределения таких параметров, как агрессивный/мирный и активный/пассивный [2]. Используем те же параметры для описания специфики виктимного поведения в обществах с разной культурной ментальностью.

Описание выделенных типов виктимного поведения в обществах с различной культурной ментальностью является перспективной задачей, позволяющей предсказывать социальные изменения и прогнозировать возможные социальные явления.

Попробуем охарактеризовать возможные мотивационно-установочные характеристики массовых социальных тенденций в зависимости от типа культурной ментальности. Так тип, представленный в таблице 2 как «Идеациональный, агрессивный, активный», будет содержать такие социальные установки, как жертвенность ради благополучного будущего всего общества, вызывающая отказ от актуальных потребностей в пользу достижения универсума. Характерным для данного сообщества является применение агрессивных действий (например, крестовые походы) ради достижения общего блага.

Тип, представленный в таблице 2 как «Смешанный, агрессивный, активный», характерен для сообществ с коммунистическим типом идеологии. Включает в себя идею преобразования себя и окружающего мира ради достижения всеобщего блага любыми способами независимо от степени их гуманности.

Тип, представленный в таблице 2 как «Чувственный, агрессивный, активный», характеризует сообщество с более мягким, чем предыдущие, типами реформирования в ситуации социального согласия. Однако, в случае возникновения противодействия реформам в данном сообществе применяется техника активного давления, вплоть до полного уничтожения препятствия.

По-другому характеризуются сообщества агрессивного, пассивного типа. Тип сообщества «Идеациональный, агрессивный, пассивный» характеризуется склонностью к самоистязанию и жертвенности ради достижения некой абсолютной идеи, связанной чаще с божественным проявлением. К таким сообществам могут относиться старообрядцы, отшельники и т. д.

«Смешанный, агрессивный, пассивный» тип будет характеризовать сообщество с выраженной жертвенной позицией, демонстрирующее идеи о несправедливости судьбы по отношению к их нации и социальному устройству.

Иные характеристики присутствуют у сообществ с низким уровнем агрессии (мирные) в зависимости от активности или пассивности позиций. «Идеациональное, мирное, активное» сообщество демонстрирует выраженную идею спасения других через собственную жертву. В таком сообществе высоки идеи миссионерства с проявленной ценностью духовых явлений и процессов, не связанных с чувственным планом бытия. Тип сообщества, характеризуемого как «Чувственный, мирный, активный», направлен на удовлетворение потребности достижения радости жизни и ощущения её полноценности во всех аспектах. В данном сообществе удовлетворение чувственных потребностей каждого члена становится архиважным, вплоть до обретения статуса «национальной идеи».

Интересными характеристиками обладает тип сообщества, названный нами «Чувственный, мирный, пассивный». Мотивационные характеристики данного сообщества заключают в себе потребность в гедонизме вкупе с наличием рабской психологии. Внутренняя пассивность не позволяет членам данного сообщества достигать желаемых благ, вызывая тенденции подражания в низменном уровне проявления удовольствий. Подражание пороку (например, пьянство, как кумир или употребление наркотиков) становится основополагающим способом удовлетворения потребностей в чувственных удовольствиях без возможности осознания высоких целей или мотивов.

Таблица 2. **Типология и мотивационно-установочные характеристики виктимного поведения в обществах с разной культурной ментальностью**
Table 2. **Typology and motivation-setting characteristics of victim behavior in communities with different cultural mentality**

Характеристики виктимного поведения		***Типы ментальности культур по П. А. Сорокину***		
		идеациональный	***смешанный***	***чувственный***
Агрессивный	Активный	Идеациональный. Агрессивный. Активный.	Смешанный. Агрессивный. Активный.	Чувственный. Агрессивный. Активный.
		Готовность жертвовать всеми ради дальнейшего благополучия.	Коммунистическая идеология. Идея преобразования себя и мира для будущего всеобщего блага.	Общество реформ, опирающееся на реальность, с возможностью жесткого давления при сопротивлении.
	Пассивный	Идеациональный. Агрессивный. Пассивный.	Смешанный. Агрессивный. Пассивный.	Чувственный. Агрессивный. Пассивный.
		Способность к самоповреждению, самоистязанию и аутодеструкции ради идеи.	Устойчивая жертвенная позиция при наличии идеи о несправедливости судьбы.	Гедонистическая позиция с эгоцентричностью и стремлением ситуативно получить дополнительные блага.
Мирный	Активный	Идеациональный. Мирный. Активный.	Смешанный. Мирный. Активный.	Чувственный. Мирный. Активный.
		Идея спасения других через собственную жертву.	Просвещение и пропаганда ради достижения материального блага здесь и сейчас.	Идея преобразования материального мира для всех.
	Пассивный	Идеациональный. Мирный. Пассивный.	Смешанный. Мирный. Пассивный.	Чувственный. Мирный. Пассивный.
		Опасность в ситуации социальной и культурной агрессии игнорируется.	Психология рабства. Пассивное желание появления материальных благ.	Гедонизм с рабской психологией.

Таким образом, характеристика сообществ с различной виктимной ментальностью дает нам возможность учитывать влияние макрофакторов на виктимизацию отдельной личности. Перспективной задачей исследования выступает выявление влияния миросистемных и геополитических условий на развитие типа виктимной ментальности в различных социальных сообществах.

Описанные нами ценностные императивы необходимо учитывать как при проведении исследований процессов социальной виктимизации, так и при изучении виктимной дезадаптации отдельной личности. Планирование девиктимизационных процессов также невозможно без учета виктимной ментальности сообщества.

Литература

1. Аль-Ани Н. М. Философия техники: очерки истории и теории: учебное пособие. СПб., 2004. 184 с.
2. Андроникова О. О. Виктимное поведение подростков: факторы возникновения и профилактика: монография. Новосибирск: НГИ, 2005. 300 с.
3. Андронникова О. О. Безопасность образовательной среды в современных геополитических условиях // Философия образования. 2015. № 3. С. 14 – 22.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. и ком. А. В. Белова; отв. ред. О. А. Платонов. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
5. Изгарская А. А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Красноярск, 2015. 27 с.
6. Коллинз Р. Предсказание в маркосоциологии: случай Советского коллапса // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории и макросоциологии. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. С. 285 – 288.
7. Коллинз Р. Геополитические и экономические миросистемы основанных на родстве и аграрно-принудительных обществ // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. Вып. 2. Структуры истории. С. 462 – 476.
8. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ., коммент. и ст. В. В. Сапова. СПб., 2000. 1056 с.
9. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.
10. Wallerstein I. After Developmentalism and Globalization, What? // Social Forces. 2005. № 83(3). P. 321 – 336.

Информация об авторе:
Андронникова Ольга Олеговна – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, andronnikova_69@mail.ru, andronnikovaO@gmail.com.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2016 г. Принята к печати 15.04.2016 г.

TYPOLOGY AND MOTIVATION-SETTING CHARACTERISTICS OF VICTIM BEHAVIOR IN SOCIETIES WITH DIFFERENT CULTURAL MENTALITY

Olga O. Andronnikova[1, @1]

[1] *Novosibirsk State Pedagogical University*
[@1] *andronnikova_69@mail.ru*

The paper focuses on the analysis of the existing approaches to the typology of communities for study of victimization. The author presents the comparative analysis of the typologies commonly used in the Russian science to explain the specifics of the development of social victimization. The tradition of historical materialism, the civilizational paradigm, the concept of post-industrial society, etc. are critically reviewed to explain the reasons motivating victim behavior. The influence of social change processes is discussed within Wallerstein's conception of world-system change and geopolitics. The synthesis of R. Collins's world-system approach to geopolitical dynamics R. Collins, theory of social revolution and the provisions P. A. Sorokin's value foundations of cultures is performed. This allows solving the problem in the study of the origin and allocation patterns of victimization functioning of existing communities. The author outlines the main provisions of P. A. Sorokin's typology in the context of analyzing the types of victim behavior in communities. 12 types of motivation-setting characteristics of victim behavior in communities were allotted; their meaningful description is provided. The motivation-setting characteristics of victim behavior in communities with different cultural mentality is provided, which allows predicting the possible social processes and manifestations.

Keywords: victimization, victim behavior, typology of communities, typology of cultures, world-systems theory, geopolitics.

For citation: Andronnikova O. O. Tipologiia i motivatsionno-ustanovochnye kharakteristiki viktimnogo povedeniia v obshchestvakh s raznoi kul'turnoi mental'nost'iu [Typology and motivation-setting characteristics of victim behavior in societies with different cultural mentality]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 68 – 72.

References

1. Al'-Ani N. M. *Filosofiia tekhniki: ocherki istorii i teorii* [Philosophy of Technology: Essays on the history and theory]. Saint-Petersburg, 2004, 184.
2. Andronikova O. O. *Viktimnoe povedenie podrostkov: faktory vozniknoveniia i profilaktika* [Victim behavior of adolescents: factors for and prevention]. Novosibirsk: NGI, 2005, 300.
3. Andronnikova O. O. Bezopasnost' obrazovatel'noi sredy v sovremennykh geopoliticheskikh usloviiakh [Security of the educational environment in the current geopolitical conditions]. *Filosofiia obrazovaniia – Philosophy of Education*, no. 3 (2015): 14 – 22.
4. Danilevskii N. Ia. *Rossiia i Evropa* [Russia and Europe]. 2nd ed. Comp. and comm. Belov A. V. Ed. Platonov O. A. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, Blagoslovenie, 2011, 816.
5. Izgarskaia A. A. Prostranstvo sotsial'nykh otnoshenii v geopoliticheskom i mirosistemnom izmereniiakh. Avtoref. diss. doktora filos. nauk [The space of social relations in the geopolitical and world-system measurements. Dr. philos. Sci. Diss. Abstr.]. Krasnoiarsk, 2015, 27.
6. Kollinz R. Predskazanie v markosotsiologii: sluchai Sovetskogo kollapsa [Prediction in markosotsiologii: the case of the Soviet collapse]. *Vremia mira: al'manakh sovremennykh issledovanii po teoreticheskoi istorii i makrosotsiologii. Vyp. 1. Istoricheskaia makrosotsiologiia v XX veke – A time of peace: an anthology of modern research on theoretical history and macrosociology. Vol. 1. Historical macrosociology in the twentieth century*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2000, 285 – 288.
7. Kollinz R. Geopoliticheskie i ekonomicheskie mirosistemy osnovannykh na rodstve i agrarno-prinuditel'nykh obshchestv [Geopolitical and economic world system based on kinship and agro-enforcement of forced-world societies]. *Vremia mira: al'manakh sovremennykh issledovanii po teoreticheskoi istorii, makrosotsiologii, geopolitike, analizu mirovykh sistem i tsivilizatsii. Vyp. 2. Struktury istorii – World time: almanac for modern studies in theoretical history, macrosociology, geopolitics, analysis of world systems and civilizations. Vol. 2. Patterns of history*. Ed. Rozov N. S. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2000, 462 – 476.
8. Sorokin P. A. *Sotsial'naia i kul'turnaia dinamika: issledovanie izmenenii v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnoshenii* [Social and Cultural Dynamics: A study of changes in large systems temptation-tion, truth, ethics, law and public relations]. Transl. and comm. Sapova V. V. Saint-Petersburg, 2000, 1056.
9. Shmelev A. G. *Psikhodiagnostika lichnostnykh chert* [Psychodiagnostics personality traits]. Saint-Petersburg: Rech', 2002, 480.
10. Wallerstein I. After Developmentalism and Globalization, What? *Social Forces*, no. 83(3) (2005): 321 – 336.

Received 27.01.2016, accepted 15.04.2016.-

УДК 159.922.62; 159.9:35

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИНВАРИАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А. А. Бучек[1, @1], А. В. Ермоленко[1, @2]

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет
[@1] buchek@mail.ru
[@2] andrey.ermolenko.2014@mail.ru

В статье приведены результаты теоретического анализа проблемы личностно-профессионального развития руководителей образовательных организаций. В данной работе приводится описание и анализ особенностей акмеологических инвариант профессионализма как регуляторов успешного достижения профессионального развития. Авторами предлагается подход к изучению акмеологических инвариант через анализ подсистем профессионализма, обусловленных спецификой деятельности руководителей образовательных организаций.

Ключевые слова: акмеология, профессионализм, акмеологические инварианты профессионализма, подсистемы профессионализма, управленческая деятельность.

Для цитирования: Бучек А. А., Ермоленко А. В. Акмеологические инварианты профессионализма: к постановке проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 73 – 76.

Проблема становления профессионала на протяжении истории развития психологического знания занимала отдельное место среди многообразия изучаемых феноменов. В начале XX в., когда процесс исторического развития напрямую подошел к изменению понимания профессионализма в обществе, изучение развития профессионализма личности как психологического феномена приобрело новое звучание. Примером нового взгляда на профессионализм стало образование «Центрального Института Труда (ЦИТ)» в 20-х гг. прошлого столетия, одним из ведущих направлений которого стала концепция научной организации труда, разрабатываемая под руководством А. К. Гастева, И. Н. Шпильрейна и др. Проблема развития профессионализма, обозначив себя, заняла прочное место в изучении психологических дисциплин. Предтечей изучения профессионализма стало осмысление проблемы в рамках психологии труда, где непосредственно обозначились границы самого понимания феномена становления профессионала. В рамках психологии труда были выявлены и описаны основные особенности становления профессионализма, в частности, Е. А. Климов выделил стадии становления профессионала, начиная от этапа выбора профессии и заканчивая этапом наставничества, в ходе которого профессионал становится «ретранслятором» знаний, умений и норм своей профессии [5]. Особую роль в результатах осмысления психологии труда стоит отвести пониманию профессионализма как особой формы сознания субъекта труда, выступающей, по мнению Н. С. Пряжникова, критерием зрелости личности. Однако наиболее полное понимание феномена профессионализма было предложено в рамках акмеологического подхода, разрабатываемого с 20-х гг. прошлого века в работах Н. А. Рыбникова, Н. В. Кузьминой, А. А. Деркача и др.

Акмеология как наука о развитии и достижении оптимума развития в зрелом возрасте предложила свое понимание феномена профессионализма. В рамках акмеологии профессионализм приобретает более осмысленный и конкретизированный характер. Становление профессионала в акмеологии подразумевает образование особого сознания профессионала, преломленного через призму личности, в которой отражаются особенности деятельности. Исходя из этого, акмеология выдвигает свое понимание профессионализма через личностно-профессиональное развитие, в котором раскрываются особенности изменений, происходящих в человеке во время достижения профессионализма в деятельности. Иллюстрирует акмеологическую точку зрения позиция известного русского характеролога А. Ф. Лазурского, который подчеркивал, что главное в человеке – это «богатство личности», то есть разнообразие и сложность психических явлений и способностей. Лазурский под развитием личности понимал «максимум развития способностей и дарований, обогащения их», то есть акцентировал равноправие приобретенного и потенциального [цит. по: 2, с. 18]. Такое понимание легло в основу акмеологического развития личности, обозначенного в статье А. А. Деркачом и содержательно раскрытого в работах Е. В. Селезневой, которая определила его в двух возможных формах как процесс или как состояние [9].

Особую роль в акмеологическом подходе занимает концепция личностно-профессионального развития, которая в частности реализуется в законах акмеологии: личностно-профессионального развития и умножения личностного потенциала и самовыражения личности в профессии. Авторами концепции выделены две плоскости личностно-профессионального развития, а именно: содержательная, структурно-процессуальная.

Содержательно личностно-профессиональное развитие до уровня профессионала представлено качественным скачком в развитии субъекта труда. Этот факт подтверждается в работах А. А. Деркача, который, определяя развитие содержательной стороны, характеризует ее как общее расширение субъектного пространства личности, ее профессиональное и нравственное «обогащение», включающее повышение ответственности, чувства долга, совести и чести, отхода от неадекватных личностных установок и стандартов [1]. Данное определение стороны личностно-профессионального развития напрямую реализует принцип субъектности, что непосредственно позволяет наиболее полно проанализировать специфику личностно-профессионального развития.

Процессуальное развитие субъекта труда до уровня профессионала, согласно акмеологической концепции, следует рассматривать с системных позиций, а именно в связи с изменениями и развитием подсистем профессионализма личности и деятельности, нормативной регуляции, мотивации на саморазвитие и профессиональные достижения, рефлексивной самоорганизации и раскрытия творческого потенциала личности.

Таким образом, понимание феномена профессионализма прошло долгий путь, начиная с формализации и стандартизации деятельности профессионала в концепции научной организаций труда, заканчивая современным акмеологическим подходом к профессионализму, в котором делается акцент на личность профессионала, а также достижение вершин профессионального развития.

Своеобразным индикатором профессионализма в акмеологии выступают инварианты профессионализма, которые непосредственно обуславливают достижение профессионализма в деятельности, предопределяя успешность прохождения этого тернистого пути. Акмеологические инварианты профессионализма – это основные качества и умения профессионала, обеспечивающие высокую стабильную эффективность и надежность выполняемой деятельности, практически независимо от ее содержания и специфики [8]. Раскрытие проблемы амеологических инвариант в акмеологии определяет значительную степень понимания феномена личностно-профессионального развития. Изучение инвариант профессионализма обусловлено логикой развития самой акмеологии как самостоятельной дисциплины, так как именно детальное изучение феномена универсальных профессиональных качеств, обеспечивающих достижение АКМЕ человека как субъекта труда, позволяет расширить представление о сложных закономерностях взаимодействия различных ипостасей человека в процессе достижения оптимума развития. В акмеологии принято выделять следующие акмеологические инварианты: общие – независящие от какой-либо деятельности; специфические – характерные для определенной деятельности.

В зарубежной психологии и менеджменте существуют сходные исследовательские подходы к проблеме инвариант профессионализма. Так, к примеру, акмеологические инварианты профессионализма находят свое «подобие» в понятиях «Soft skills» и «Hard Skills»: Hard skills определяются как специализированные и технические навыки, различные для представителей разных профессий. Например, навык работы с кассовым оборудованием, программирование на «Perl», владение немецким языком и др. В свою очередь Soft skills – социальные и коммуникативные навыки – умение слушать и убеждать, умение мотивировать и обучать других [11]. Данные понятия используются в подборе и управлении персоналом, характеризуются выраженным прикладным характером. Выражая операциональную составляющую профессионализма, «Hard skills» и «Soft skills» в отечественной психологии могут соотноситься с выделенными В. Д. Шадриковым профессионально важными качествами [10].

Более того, в работе П. Д. Дерябина мы обнаруживаем, что выделенные в результате анализа профессионально важные качества руководителей представляют собой зарубежные Hard и Soft skills [3].

Поэтому можно сделать вывод, что понятия «soft» и «hard skills» могут быть составной частью инвариантов профессионализма и рассматриваться как профессионально важные качества, другой важной характеристикой данного понятия является его конкретно-прикладной характер. В то же время «мягкие» навыки могут соотноситься с общими акмеологическими инвариантами профессионализма, но только в узком смысле на уровне профессионализма деятельности, так как даже в плане коммуникативной компетентности они имеют узкий и конкретный характер и описываются в форме частных, точечных проявлений, а не как системное качество субъекта труда, что непосредственно подтверждается их разработанностью в рамках тренинговой работы и консалтинга [11]. Поэтому применительно к акмеологическому подходу данные навыки можно рассматривать как одну из форм амеологических технологий, направленных на развитие общих и частных акмеологических инвариант профессионализма.

Отсюда следует, что акмеологические инварианты профессионализма как основные качества и умения профессионала обеспечивают возможность достижения профессионального АКМЕ, непосредственно влияют на профессиональное развитие, они «вплетены» в структуру основных подсистем профессионализма и представляют собой одновременно фактор и критерий развития профессионализма, изучая который возможно проанализировать профессиональное развитие личности.

Особую остроту вопрос инвариант обретает в рамках образовательной системы государства, не стоит доказывать, какое значение имеет образование для государства и для его будущего развития, и то, что изучение управления и организации функционирования образовательной системы носит для психологической науки исключительный характер. Именно в управлении образовательной организацией происходит смешение двух уникальных форм деятельности личности, а именно: управленческой и педагогической, что обуславливает особые требования к профессионализму руководителя. Стоит также заметить, что сама по себе управленческая деятельность совмещает субъект-субъектную и субъект-объектную формы, в ней реализуется управление социотехнической системой [4]. В то же время в рамках образовательной организации руководитель включен и в педагогическую деятельность, данная включенность обеспечивает формирование особого пути личностно-профессионального развития руководителя образовательной организации, что в свою очередь предопределяет специфическую структуру подсистем профессионализма руководителей образовательных организаций.

Таким образом, проблема акмеологических инвариант профессионализма руководителей образовательных организаций обнаруживает высокую практическую и теоретическую значимость. Изучение особенностей акмеологических инвариант профессионализма руководителей образовательных организаций позволит осуществлять качественный отбор персона-

ла при замещении вакантных должностей в образовании, внедрить периодическую оценку личностно-профессиональной компетентности сотрудников, а также комплексно развивать профессиональный уровень руководителей. В то же время изучение инвариант профессионализма ведет к повышению потенциала личности руководителя, использованию скрытых ресурсов, которые, как пишет В. Н. Марков, остаются невостребованными в большинстве случаев [7].

В заключение можно сказать, что проблема профессионализма в психологии, несмотря на длительную историю развития, остается одной из наиболее значимых и актуальных сфер изучения. Это объясняется тем, что с момента перехода в постиндустриальную эпоху вектор социального развития сместился в сферу развития личности как субъекта труда, которое, на наш взгляд, наиболее полно и обоснованно раскрывается в русле акмеологического подхода к личностно-профессиональному развитию.

Литература

1. Деркач А. А. Психология развития профессионала. М.: РАГС, 2000. 124 с.
2. Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Акмеология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2003. 256 с.
3. Дерябин П. Д. Влияние профессионально важных качеств руководителя на социально-психологический климат в трудовом коллективе // Акмеология. 2011. № 4. С. 115 – 120.
4. Карпов А. В. Психология менеджмента. М.: Гардарики, 2005. 584 с.
5. Климов Е. А. Введение в психологию труда. М.: Academa, 2004. 350 с.
6. Кузьмина Н. В. Предмет акмеологии. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Политехника, 2002. 189 с.
7. Марков В. Н. Ресурсный подход к организации и оценке кадров управления // Акмеология. 2011. № 1. С. 25 – 31.
8. Основы общей и прикладной акмеологии / под ред. А. А. Бодалева, А. А. Деркача, П. В. Кузьминой и др. М.: РАГС; ВАД, 1994. 388 с.
9. Селезнева Е. В. Сущностная характеристика акмеологического // Акмеология. 2010. № 1. С. 20 – 27.
10. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека. М.: Логос, 1996. 320 с.
11. Sonmez J. Z. Soft Skills. The software developer's life manual. NY. Manning. 2015. 506 p.

Информация об авторах:

Бучек Альбина Александровна – доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной и социальной психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»), buchek@mail.ru.

Ермоленко Андрей Владимирович – аспирант кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»), andrey.ermolenko.2014@mail.ru.

(Научный руководитель – *А. А. Бучек*).

Статья поступила в редколлегию 29.01.2016 г., принята к печати 08.04.2016 г.

ACMEOLOGICAL INVARIANTS OF PROFESSIONALISM: STATEMENT OF THE PROBLEM

***Albina A. Buchek*[1, @1], *Andrey V. Ermolenko*[1, @2]**

[1] *Belgorod State National Research University*
[@1] *buchek@mail.ru*
[@2] *andrey.ermolenko.2014@mail.ru*

The paper contains the results of the theoretical analysis of the problem of personal and professional development of the heads of educational institutions. The authors of the work describe and analyze the features of acmeological invariants of professionalism as regulators of the successful achievement of professional development. The authors intend to do the study of acmeological invariants through the analysis of subsystems of professionalism conditioned by the specifics of activity of the heads of educational institutions.

Keywords: acmeology, professionalism, acmeological invariants of professionalism, management activity, subsystems of professionalism.

For citation: Buchek A. A., Ermolenko A. V. Akmeologicheskie invarianty professionalizma: k postanovke problemy [Acmeological invariants of professionalism: statement of the problem]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 73 – 76.

References

1. Derkach A. A. *Psikhologiia razvitiia professional* [Psychology of professional developmental]. Moscow: RAGS, 2000, 124.
2. Derkach A. A., Zazykin V. G. *Akmeologiia* [Acmeology]. Saint-Petersburg: Piter, 2003, 256.
3. Deriabin P. D. Vliianie professional'no vazhnykh kachestv rukovoditelia na sotsial'no-psikhologicheskii klimat v trudovom kollektive [The influence of professional and important qualities of director on the social and psychological climate of staff]. *Akmeologiia – Acmeology,* no. 4 (2011): 115 – 120.
4. Karpov A. V. *Psikhologiia menedzhmenta* [Management psychology]. Moscow: Gardariki, 2005, 584.
5. Klimov E. A. *Vvedenie v psikhologiiu truda* [Introduction to psychology of labor]. Moscow: Academa, 2004, 350.

6. Kuz'mina N. V. *Predmet akmeologii* [The object of acmeology]. 2nd ed. Saint-Petersburg: Politekhnika, 2002, 189.

7. Markov V. N. Resursnyi podkhod k organizatsii i otsenke kadrov upravleniia [The resource approach to valuation of management staff]. *Akmeologiia – Acmeology,* no. 1 (2011): 25 – 31.

8. *Osnovy obshchei i prikladnoi akmeologii* [The basic of general and practical acmeology]. Ed. Bodalev A. A., Derkach A. A., Kuz'mina P. V. Moscow: RAGS; VAD, 1994, 388.

9. Selezneva E. V. Sushchnostnaia kharakteristika akmeologicheskogo [Essential characteristic of acmeological development]. *Akmeologiia – Acmeology*, no. 1 (2010): 20 – 27.

10. Shadrikov V. D. *Psikhologiia deiatel'nosti i sposobnosti cheloveka* [Psychology of activity and capability of human being]. Moscow: Logos, 1996, 320.

11. Sonmez J. Z. *Soft Skills. The software developer's life manua*l. New York: Manning, 2015, 506.

Received 29.01.2016, accepted 08.04.2016.

УДК 159:37.015.3

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ САМОРЕГУЛЯЦИИ У ПЕДАГОГОВ

***Б. А. Гунзунова*[1, @]**

[1] *Бурятский государственный университет*
[@] *balzhimag@mail.ru*

В статье особое внимание уделяется вопросу профилактики и преодоления профессионального выгорания педагогов. Утверждается значимость участия педагогов в превентивных и реабилитационных программах, направленных на редукцию профессионального выгорания и формирование навыков саморегуляции. Основной целью работы являлась психокоррекция эмоционального выгорания и развитие навыков саморегуляции у педагогов г. Улан-Удэ. Установлено, что организация формирующего эксперимента, включающего две психокоррекционные программы: «Антивыгорание» и «Тренинг эмоциональной саморегуляции», способствует редукции эмоционального выгорания и развитию навыков психической саморегуляции в профессиональной деятельности педагогов.

Результаты исследования показали статистически значимое уменьшение показателей по всем компонентам эмоционального выгорания, отражающих снижение психоэмоционального истощения, деперсонализации и редукции профессиональных достижений в экспериментальной группе. Сравнительный анализ показал достоверное снижение уровня тревожности с одновременным повышением шкал саморегуляции педагогических работников. Сделаны выводы о том, что разработанная нами психокоррекционная программа в рамках Балинтовской группы, направленной на развитие эффективной профессиональной коммуникации и предупреждения профессионального выгорания у педагогов, и саморегуляцию и коррекцию эмоциональных состояний учителя в практических педагогических ситуациях, показала свою эффективность.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, саморегуляция, эмоциональные состояния, личностная тревожность, психокоррекция профессионального выгорания.

Для цитирования: Гунзунова Б. А. Психокоррекция эмоционального выгорания и развитие навыков саморегуляции у педагогов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 76 – 80.

Синдром выгорания характерен для всех социономических профессий. Как показывают данные многочисленных исследований, одной из наиболее уязвимых профессиональных групп выступают работники сферы образования: воспитатели детских садов, школьные учителя, преподаватели вузов, руководители учреждений образования. Очевидно, что подверженность педагогов синдрому выгорания оказывает негативное воздействие на процесс и результат педагогического труда. В этой связи, как отмечают Н. Е. Водопьянова и Е. С. Старченкова, «на острие актуальности» находится проблема практической работы с синдромом выгорания. В частности, предупреждение выгорания и оказание помощи лицам, переживающим симптомы выгорания и другие негативные последствия на работе [1]. Главным вектором как в индивидуальной, так и в групповой работе с «выгорающими» должна стать помощь в осознании и активизации своих ресурсов, реализации их жизненных ориентиров, способствующих личностному росту самореализации в профессиональной сфере и личной жизни [1].

Важным для нашей работы явилось участие педагогов в коррекционных и превентивных программах, направленных на редукцию профессионального выгорания и формирование навыков саморегуляции.

Далее нами осуществлялся формирующий эксперимент, состоящий из двух психокоррекционных программ: «Антивыгорание», ориентированная на редукцию эмоционального выгорания в профессиональной деятельности педагогов, и «Тренинг эмоциональной саморегуляции», направленная на обучение группы педагогов умениям психической саморегуляции, на развитие у них специальных навыков управления стрессом. Балинтовская группа использовалась нами в качестве модели эффективной групповой профессиональной супервизии [7].

Нами выделены из общей выборки педагогов г. Улан-Удэ 34 испытуемых, различающихся мерой

выраженности синдрома выгорания. Были составлены экспериментальная и контрольная группы, по 17 человек в каждой.

Программа формирующего эксперимента состояла из 4-х этапов. На первом этапе осуществлялась входная психодиагностика выраженности эмоционального выгорания, стилей саморегуляции, эмоциональных состояний у испытуемых в двух группах. Цель второго этапа – проведение превентивного курса «Тренинг эмоциональной саморегуляции» и психокоррекционной программы «Антивыгорание» в экспериментальной группе. На третьем этапе нами проведено повторное исследование данных показателей в экспериментальной и контрольной группах. На четвертом этапе оценивалась динамика выраженности показателей и эффективность разработанной нами психокоррекционной программы.

В методическом плане нами использовался следующий психодиагностический комплекс:

1) опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой [3; 5];

2) «Профессиональное выгорание» «MBI», разработанный Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой в рамках трехмерной модели синдрома выгорания К. Маслач и С. Джексон [2; 8];

3) интегративный тест тревожности (ИТТ) А. П. Бизюка, Л. И. Вассермана [3].

Психокоррекционная и тренинговая программы были апробированы в течение года, затем посредством расчета непараметрического критерия U Вилкоксона – Манна-Уитни был осуществлен попарный сравнительный анализ уровня сформированности показателей в двух группах. Сравнение результатов показывает достоверные различия в выраженности таких компонентов эмоционального выгорания, как эмоциональное истощение, деперсонализация и профессиональная редукция ($p < 0{,}001$), при более высоких средних показателях по данным проявлениям эмоционального выгорания в контрольной группе.

Результаты статистического анализа указывают на статистически значимое уменьшение показателей по всем компонентам эмоционального выгорания, отражающих снижение психоэмоционального истощения, деперсонализации и редукции профессиональных достижений в экспериментальной группе. Результаты измерений компонентов выгорания по критерию U Вилкоксона – Манна-Уитни представлены в таблице 1.

Таблица 1. **Компоненты эмоционального выгорания до и после психокоррекции**
Table 1. **Components of the emotional burnout before and after psychological correction**

Компоненты выгорания	***до психокоррекции***		***после психокоррекции***		***Mann-Whitney U***	***Wilcoxon W***	***Z***	***Sig.****
	Э*	***К****	***Э***	***К***	***Э***	***Э***	***Э***	***Э***
Эмоциональное истощение	24,03	25,71	10,97	25,12	33,50	186,50	-3,83	0,001
Деперсонализация	23,06	10,38	11,94	9,85	50,00	203,00	-3,27	0,001
Профессиональная редукция	12,47	12,38	22,53	14,62	59,00	212,00	-2,95	0,003

Примечание: Э – экспериментальная группа, К – контрольная группа, Sig. – уровень значимости

Сравнительный анализ результатов показал, что доля сдвигов в сторону уменьшения психоэмоционального истощения в экспериментальной группе достоверно выше, чем в контрольной. В частности, средний ранг в экспериментальной группе по шкале «Эмоциональное истощение» до психокоррекции составлял 24,03, после эксперимента – 10,97; $p < 0{,}001$. В контрольной группе показатели остаются без изменений (средний ранг до психокоррекции – 25,71, после – 25,12). Далее, нами выявлено в экспериментальной группе достоверно больше сдвигов в сторону уменьшения «Деперсонализации» по сравнению с контрольной [6] (средний ранг до эксперимента – 23,06, после психокоррекционного вмешательства составлял 11,94; $p < 0{,}001$). Доля сдвигов показателей в сторону увеличения шкалы «Профессиональная редукция», свидетельствующих об уменьшении выраженности редукции профессиональных достижений [6], также отражает наибольшую эффективность экспериментальной группы (средний ранг до эксперимента – 12,47; средний ранг после психокоррекции – 22,53; $p < 0{,}003$). В контрольной группе обнаружены незначительные изменения (средний ранг до эксперимента –12,38; средний ранг после психокоррекции – 14,62).

Таким образом, после проведения психокоррекционной программы «Антивыгорание» обнаружено статистически достоверное снижение выраженности профессионального выгорания по всем трем его составляющим. Динамика изменений показателей эмоционального выгорания у испытуемых контрольной группы статистически достоверных изменений не претерпела. Апробация разработанной нами психокоррекционной программы в рамках балинтовской группы, направленной на развитие эффективной профессиональной коммуникации и предупреждения профессионального выгорания у педагогов, показала свою эффективность.

Работа в балинтовских группах для педагогов не только позволяет лучше понять причины конфликтных ситуаций с воспитанником, его родителями и коллегами, «увидеть» благодаря работе группы свои «слепые пятна», но способствует уменьшению профессионального стресса, предлагая специалисту большую степень осознанности своего поведения во время работы и общения с клиентом, уверенности в своих действиях, свободы и спонтанности. Эти эффекты балинтовской группы делают возможной профилактику синдрома эмоционального выгорания, которому в достаточной степени подвержены представители коммуникативных профессий [6; 7].

Значительное место в психокоррекционной программе отводилось проведению превентивной про-

граммы «Тренинг эмоциональной саморегуляции» [3; 4]. Психокоррекционная программа состоит из теоретического курса, направленного на приобретение основных представлений о факторах, влияющих на эмоциональную устойчивость человека, механизмах ее формирования, и двух практических модулей тренингового характера. Важной идеей тренинга является идея презентации педагогам различных методов саморегуляции для определения собственного оптимального стиля и выбора направления для более глубокого освоения метода [3; 5]. Целью данной программы является создание условий для овладения специалистами средствами управления своим психоэмоциональным состоянием и поведением, активизации скрытых резервных возможностей, повышения эффективности и оптимизации профессиональной деятельности. По мнению С. В. Филиной (2008), для организации работы по профилактике и коррекции выгорания важно:

1) разобраться, какими естественными механизмами снятия напряжения и разрядки, повышения тонуса вы владеете;

2) осознать их;

3) перейти от спонтанного применения естественных способов регуляции к сознательному использованию в целях управления своим состоянием;

4) попробовать различные способы самовоздействия и сформировать из них свой «банк способов саморегуляции», которые наиболее эффективны именно для вас;

5) регулярно и целенаправленно использовать способы из своего «банка» для регуляции состояния и профилактики выгорания.

Такая работа и будет составлять суть профилактики выгорания посредством саморегуляции [10].

Для повышения адаптационных возможностей личности и обучения навыкам саморегуляции целесообразно использовать различные способы регуляции психофизиологического состояния, включающие упражнения (в том числе дыхательного, релаксационного типа или с элементами аутотренинга) на управление нервно-психической напряженностью, настроением, психическим состоянием с помощью переключения внимания, на самоконтроль внешнего состояния и проявления эмоций [9]. Определяющими эффективность психокоррекционной являются следующие компоненты:

– мотивирующий: предполагает создание у участников мотивации на самопознание, обретение новых знаний, умений, навыков (рефлексии, педагогической наблюдательности, саморегуляции и т. д.);

– диагностический: каждый участник получает возможность объективировать свои особенности как субъекта педагогического взаимодействия;

– тренировочный (или инструментальный): обеспечивает развитие у участников определенных навыков. Например, навыков саморегуляции, интерпретации поведения других и др.

Все компоненты присутствуют при выполнении конкретного упражнения, направленного на развитие эмоциональной саморегуляции. В результате саморегуляции могут возникнуть три основных эффекта: эффект успокоения (устранение эмоциональной напряженности), восстановление психических сил (ослабление проявлений утомления), эффект активации (повышение психофизиологической активности) [9].

Сопоставление в сравнительном анализе доэкспериментальных и послеэкспериментальных показателей саморегуляции эмоциональных состояний, измеренного с помощью опросника «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой и Интегративного теста тревожности (ИТТ) А. П. Бизюка, Л. И. Вассермана, показал достоверное снижение уровня тревожности с одновременным повышением шкал саморегуляции.

Анализируя данные, можно заключить, что участие педагогов в работе «Тренинга эмоциональной саморегуляции» способствовало отчетливому увеличению показателей саморегуляции. В таблице 2 представлены результаты измерений критерия U Вилкоксона – Манна-Уитни по шкалам опросника «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой и Интегративного теста тревожности (ИТТ) А. П. Бизюка, Л. И. Вассермана.

Таблица 2. **Показатели саморегуляции и уровня тревожности до и после психокоррекции**
Table 2. **Indicis of self-control and anxiety before and after psychological correction**

Шкалы	***до психокоррекции***		***после психокоррекции***		***Mann-Whitney U***	***Wilcoxon W***	***Z***	***Sig.****
	Э*	***К****	***Э***	***К***	***Э, К***	***Э, К***	***Э, К***	***Э, К***
Общий уровень саморегуляции	28,26	33,39	39,06	31,67	Э 366,000	961,000	-2,302	0,021
Планирование	33,60	27,63	33,39	37,08	К 360,500	856,500	-2,096	0,036
Моделирование	33,12	26,89	32,84	37,77	К 337,500	833,500	-2,452	0,014
Оценивание результатов	28,56	34,27	38,75	30,83	Э 376,000	971,000	-2,238	0,025
Самостоятельность	29,22	33,35	38,05	31,70	Э 398,500	993,500	-1,903	0,057
Общий показатель личностной тревожности	24,81	27,15	39,73	40,20	Э 273,000 К 328,000	769,000 923,000	-3,297 -2,829	0,001 0,005
Астенический компонент тревожности	25,10	36,13	42,42	29,09	Э 258,500	853,500	-3,708	0,001
Фобический компонент тревожности	27,60	31,60	39,77	33,35	Э 343,500	938,500	-2,617	0,009
Тревожная оценка перспективы	25,01	31,02	42,52	33,89	Э 255,500	850,500	-3,772	0,001

Примечание: Э – экспериментальная группа, К – контрольная группа, Sig. – уровень значимости.

Сравнительный анализ результатов показал, что доля сдвигов в сторону увеличения шкал саморегуляции в экспериментальной группе достоверно выше, чем в контрольной. В частности, по шкале «Общего уровня саморегуляции» средний ранг в экспериментальной группе после психокоррекции составлял 39,06,

$p < 0,021$; «Оценивание результатов» – 38,75, $p < 0,025$; «Самостоятельность» – 38,05, $p < 0,057$. В контрольной группе обнаружены различия по уровню выраженности таких шкал саморегуляции, как «Планирование», «Моделирование», после окончания эксперимента. Отсутствие динамики данных показателей в экспериментальной группе отражает минимальность психологического вмешательства. Объяснение такого результата мы видим в специфике педагогической деятельности, при высоких показателях по шкале «Планирование» у субъекта сформирована потребность в осознанном планировании деятельности, планы в этом случае реалистичны, детализированы, иерархичны, действенны и устойчивы, цели деятельности выдвигаются самостоятельно. Педагоги с высокими показателями по шкале «Моделирование» способны выделять значимые условия достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем, что проявляется в адекватности программ действий планам деятельности, соответствии получаемых результатов принятым целям. В условиях неожиданно меняющихся обстоятельств, при смене образа жизни, переходе на другую систему работы такие испытуемые способны гибко изменять модель значимых условий и, соответственно, программу действий [5].

Положительный эффект от тренинговой программы обучения навыкам саморегуляции отразился в результатах посттестирования шкал тревожности. В экспериментальной группе наибольшие позитивные изменения произошли по шкале «Общий показатель личностной тревожности», достоверно больше сдвигов в сторону уменьшения тревожности, беспокойства (средний ранг в экспериментальной группе – 39,73, $p < 0,001$). Доля сдвигов показателей в сторону уменьшения шкал «Астенический компонент тревожности» (средний ранг в экспериментальной группе после психокоррекции – 42,42, $p < 0,001$), «Фобический компонент тревожности» (средний ранг – 39,77 $p < 0,009$), «Тревожная оценка перспективы» (средний ранг – 42,52, $p < 0,001$) свидетельствует об уменьшении содержательного характера тревожных расстройств в экспериментальной группе.

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что методика проведения балинтовских групп эффективно снижает степень выраженности синдрома выгорания у педагогов, позитивно влияет на их эмоциональную сферу, гармонизирует структуру центральных личностных функций и значимо повышает уровень саморегуляции.

Литература

1. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Современные подходы к превенции синдрома выгорания // Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий: коллективная монография / под ред. В. В. Лукьянова, Н. Е. Водопьяновой, В. Е. Орла, С. А. Подсадного, Л. Н. Юрьевой, С. А. Игумнова. Курск: Курск. гос. ун-т, 2008. С. 235 – 249.

2. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005.

3. Гунзунова Б. А. Теоретико-методологические основы саморегуляции в профессиональной педагогической деятельности. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. 164 с.

4. Гунзунова Б. А. Детерминанты системной саморегуляции в профессиональной педагогической деятельности // Вестник Бурятского госуниверситета. 2015. № 1. С. 53 – 59.

5. Гунзунова Б. А. Стилевые особенности саморегуляции в профессиональной деятельности педагогов // Ученые записки ЗабГПУ. 2011. № 5(40). С. 195 – 198.

6. Корытова Г. С. Совладание с психологическим стрессом в профессиональной педагогической деятельности. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2009. 363 с.

7. Лукьянов В. В. Коррекция синдрома выгорания с использованием методики балинтовских групп // Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий: коллективная монография / под ред. В. В. Лукьянова, Н. Е. Водопьяновой, В. Е. Орла, С. А. Подсадного, Л. Н. Юрьевой, С. А. Игумнова. Курск: Курск. гос. ун-т, 2008. С. 266 – 285.

8. Маслач К. Профессиональное выгорание: как люди справляются. СПб.: Питер, 2001.

9. Слюсарева Е. С., Евмененко Е. В., Тинькова Е. Л. Антропологический подход в профилактике психосоматических расстройств: учебно-методическое пособие. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. 156 с.

10. Филина С. В. Коррекция и профилактика синдрома выгорания // Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий: коллективная монография / под ред. В. В. Лукьянова, Н. Е. Водопьяновой, В. Е. Орла, С. А. Подсадного, Л. Н. Юрьевой, С. А. Игумнова. Курск: Курск. гос. ун-т, 2008. С. 249 – 265.

Информация об авторе:

Гунзунова Бальжима Анатольевна – доцент кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия, balzhimag@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 28.01.2016 г., принята к печати 06.04.2016 г.

PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF THE EMOTIONAL BURNOUT AND DEVELOPING THE SKILLS OF SELF- REGULATION IN TEACHERS

Balzhima A. Gunzunova[1, @]

[1] *Buryat State University*
[@] *balzhimag@mail.ru*

The paper focuses on the issue of prevention and overcoming of emotional burnout in teachers. It argues the importance of teachers' participation in the prevention and rehabilitation programs aimed at reduction of burnout and developing self-control skills. The main aim is to perform psychological correction of burnout and develop the skills of self-control in teachers of Ulan-Ude. The author discovered that the organization of the formative experiment included two psychological programs «Anti-burnout» and «Training of emotional self-regulation», which was aimed at the reduction of burnout and mental self-development of skills in the professional work of teachers. The results showed a statistically significant decrease in all components of burnout, reflecting the decline in mental and emotional exhaustion, depersonalization and reduction of professional achievements in the experimental group. Comparative analysis showed a significant decrease in the level of anxiety while increasing the scale of the staff's self-teaching. The conclusion is that the program of psychological correction developed within the framework of Balint groups, aimed at developing effective professional communication and prevention of professional burnout in teachers and self-regulation and correction of teachers' emotional states in practical teaching situations showed its effectiveness.

Keywords: emotional burnout, self-control, emotional state, trait anxiety, psychological correction of burnout.

For citation: Gunzunova B. A. Psikhokorrektsiia emotsional'nogo vygoraniia i razvitie navykov samoreguliatsii u pedagogov [Psychological correction of the emotional burnout and developing the skills of self- regulation in teachers]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 76 – 80.

References

1. Vodop'ianova N. E., Starchenkova E. S. Sovremennye podhody k prevencii sindroma vygoraniia [Modern approaches to the prevention of burnout syndrome]. *Sovremennye problemy issledovaniia sindroma vygoranija u specialistov kommunikativnyh professii* [Modern problems of research of the syndrome of burnout among specialists communicative professions]. Ed. Luk'ianov V. V., Vodop'ianova N. E., Orel V. E., Podsadnoi S. A., Iur'eva L. N., Igumnov S. A. Kursk: Kursk. gos. un-t, 2008, 235 – 249.

2. Vodop'ianova N. E., Starchenkova E. S. *Sindrom vygoraniia: diagnostika i profilaktika* [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. Saint-Petersburg: Peter, 2005.

3. Gunzunova B. A. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy samoreguliacii v professional'noi pedagogicheskoi deiatel'nosti* [Theoretical and methodological basis of self-regulation in the professional pedagogical activity]. Ulan-Ude: BSU, 2012, 164.

4. Gunzunova B. A. Determinanty sistemnoi samoreguliacii v professional'noi pedagogicheskoi deiatel'nosti [Determinants of the system of self-regulation in the professional pedagogical activity]. *Vestnik Buriatskogo gosuniversiteta – Bulletin of the Buryat state University,* no. 1 (2015): 53 – 59.

5. Gunzunova B. A. Stilevye osobennosti samoreguliacii v professional'noi deiatel'nosti pedagogov [Stylistic features of self-regulation in the professional work of teachers]. *Uchenye zapiski ZabGPU – Scientific notes ZabGPU*, no. 5(40) (2011): 195 – 198.

6. Korytova G. S. *Sovladanie s psihologicheskim stressom v professional'noi pedagogicheskoi deiatel'nosti* [Coping with psychological stress in the professional pedagogical activity]. Irkutsk: IGPU, 2009, 363.

7. Luk'ianov V. V. Korrekciia sindroma vygoraniia s ispol'zovaniem metodiki balintovskih grupp [Correction burnout syndrome using the procedure Balint group]. *Sovremennye problemy issledovaniia sindroma vygoraniia u specialistov kommunikativnyh professii* [Modern problems of research of the syndrome of burnout among specialists communicative professions]. Ed. Luk'ianov V. V., Vodop'ianova N. E., Orel V. E., Podsadnoi S. A., Iur'eva L. N., Igumnov S. A. Kursk: Kursk. gos. un-t, 2008, 266 – 285.

8. Maslach K. *Professional'noe vygoranie: kak liudi spravliaiutsia* [Professional burnout: how people cope]. Saint-Petersburg: Peter, 2001.

9. Sliusareva E. S., Evmenenko E. V., Tin'kova E. L. *Antropologicheskii podhod v profilaktike psihoso-maticheskih rasstroistv* [Anthropological approach in the prevention of psychosomatic disorders]. Stavropol': SGPI, 2011, 156.

10. Filina S. V. Korrekciia i profilaktika sindroma vygoraniia [Correction and prevention of burnout syndrome]. *Sovremennye problemy issledovaniia sindroma vygoraniia u specialistov kommunikativnyh professii* [Modern problems of research of the syndrome of burnout among specialists communicative professions]. Ed. Luk'ianov V. V., Vodop'ianova N. E., Orel V. E., Podsadnoi S. A., Iur'eva L. N., Igumnov S. A. Kursk: Kursk. gos. un-t, 2008, 249 – 265.

Received 28.01.2016, accepted 06.04.2016.

УДК 159.99

ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ И СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОФОРИЕНТАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫХ И ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Н. Н. Загузина[1, @1], Б. П. Невзоров[2, @2], А. В. Боков[3]

[1] Невский институт управления и дизайна
[2] Кемеровский государственный университет
[3] Центр дистанционного образования детей-инвалидов Кемеровской области
[@1] ruussu@yandex
[@2] nevzorov@kemsu.ru

Рассмотрено применение информационно-компьютерных технологий в сопровождении и поддержке профориентации и профессионального самоопределения обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), определены формы и методы их применения, особенности взаимодействия субъектов психолого-педагогического процесса.

В основу психологического сопровождения детей с ОВЗ положены следующие дополнительные принципы, учитывающие психолого-педагогические особенности дистанционного образования:

а) приоритетность самостоятельной работы ученика;

б) индивидуальный подход к обучению;

в) поддержка мотивации как базового условия обучения;

г) связь обучения с жизненными проблемами ученика («живое знание»);

д) интенсификация процесса обучения (у каждого свой темп и ритм);

е) полимодальность – одновременная мобилизация различных способов восприятия (слухового, зрительного, осязательного);

ж) гибкость и инновационность;

з) экстренная психологическая помощь в ситуации острого психоэмоционального неблагополучия, и другие структурные и содержательные изменения учебной деятельности.

Эти же принципы заложены и в психолого-педагогическое сопровождение профориентации.

Показано, что профессиональное ориентирование детей с ОВЗ необходимо осуществлять комплексно, используя различные информационные ресурсы Интернет: сайты, образовательные порталы, ресурсы трудоустройства и тестирующие ресурсы.

Широкий и разнообразный спектр возможностей информационно-компьютерных и дистанционных технологий существенно может содействовать специалистам не только в области получения образования, но и в проведении профориентации и профессионального самоопределения детей, формированию личностной устойчивости обучающегося с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, психологическая поддержка, профориентация, профессиональное самоопределение, информационно-компьютерные технологии и дистанционные технологии в психологии и педагогике.

Для цитирования: Загузина Н. Н., Невзоров Б. П., Боков А. В. Возможности психолого-педагогической поддержки и сопровождения профориентации с использованием информационно-компьютерных и дистанционных технологий // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 81 – 88.

В современном мире XXI в. профориентация и профессиональное самоопределение учащихся, молодежи является одной из актуальнейших проблем, тем более для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

О психолого-педагогическом сопровождении профориентации и профессиональным самоопределении молодежи указывается в различных нормативно-правовых документах: «Основные направления развития государственной системы профессиональной ориентации и психологической поддержки населения в Российской Федерации» (Постановление Минтруда России от 29.08.1995 г. № 47) [9]; «Положение о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации» (постановление Минтрудсоцразвития России от 27.09.1996 г. № 1) [10]; письмо Минобрнауки РФ «О комплексе мер по проведению профессиональной ориентации учащихся образовательных учреждений общего образования» от 19 июля 2011 г. № МОН-П-1968, ФГОС [7]. В новом законе «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ ст. 42, п. 4) (в редакции от 11.01.2015 г.) [8] пишется о том, что должны оказывать помощь обучающимся в профориентации, получении профессии и социальной адаптации. Особенно важна профориентация и профессиональное самоопределение для тех, кто прикован к инвалидной коляске и домашнему режиму, поэтому именно для них нужно проводить профориентацию и профессиональное самоопределение средствами информационно-коммуникативных и дистанционных технологий. У данной категории людей появилась реальная возможность работать. Так как в трудовом кодексе РФ (ТК РФ) от 30.12.2001 № 197-ФЗ в главе 49 (в редакции от 25.11.2013 г.) [12] говорится о дистанционной работе и с 19 апреля 2013 г. вступила в

силу глава 49.1 Трудового Кодекса в РФ, в которой определены особенности регулирования труда дистанционных работников. Все это дает возможность молодым людям, имеющим инвалидность и ОВЗ, освоения профессий и дистанционного трудоустройства.

Ключевым подходом дистанционного психолого-педагогического сопровождения и поддержки профориентации обучающихся будет использование информационно-компьютерных технологий во взаимодействии с психолого-педагогическими технологиями, его формами и методами [1]. Основной подход выстраивается как гибкая система взаимодействия участников образовательного процесса, психолого-педагогического сопровождения и поддержки профориентации: дети, родители, педагоги, психологи, социальные работники, методисты и другие лица, выстраивающие телекоммуникации с помощью электронных, дистанционных технологий.

Дистанционное психолого-педагогическое сопровождение и поддержка профориентации детей-инвалидов представляет собой единое информационно-образовательное пространство, культурно-образовательную среду, позволяющие разрабатывать и реализовать индивидуальные программы сопровождения профориентации и профессионального сопровождения каждого ребёнка с ОВЗ.

Главными целями психолого-педагогического сопровождения обучения и профориентации при дистанционном обучении ребенка с ОВЗ в системе общего образования являются:

1. Организация системы социально-психолого-педагогических условий, благоприятных для реализации обучающимися индивидуальной образовательной траектории и профориентации в процессе дистанционного обучения;

2. Обеспечение психологической комфортности всех субъектов дистанционного обучения и профориентации.

Для достижения поставленных целей при организации психолого-педагогического сопровождения профориентации и профессионального самоопределения обучающихся в процессе дистанционного обучения необходимо решение следующих задач:

– оценка параметров и показателей психолого-педагогического статуса обучающегося с ОВЗ и особенностей межличностных отношений участников образовательного процесса, значимых для обеспечения эффективности дистанционного обучения и профессионального самоопределения;

– изучение условий коммуникативной среды, ее реальных психологических ресурсов и факторов риска в плане реализации дистанционного обучения и профессионального самоопределения;

– оказание комплексной помощи ребенку с ОВЗ в ситуациях образовательного взаимодействия и профориентации;

– содействие развитию самопознания, рефлексии, саморегуляции, самостоятельности и личностной автономии обучающихся в профессиональном самоопределении;

– содействие в формировании системы представлений обучающихся в вопросах культуры здорового образа жизни, психологической грамотности, профессионального самоопределения;

– создание наиболее благоприятных условий для развития необходимых качеств учащегося и педагога, полноценной адаптации конкретного ребенка с ОВЗ к условиям обучения и его позитивной социализации и выбору профессионального направления деятельности;

– содействие развитию психологической и здоровьесберегающей компетентности взрослых субъектов сопровождения [11].

В основу психологического сопровождения детей с ОВЗ положены следующие дополнительные принципы, учитывающие психолого-педагогические особенности дистанционного образования:

а) приоритетность самостоятельной работы ученика;

б) индивидуальный подход к обучению;

в) поддержка мотивации как базового условия обучения;

г) связь обучения с жизненными проблемами ученика («живое знание»);

д) интенсификация процесса обучения (у каждого свой темп и ритм);

е) полимодальность – одновременная мобилизация различных способов восприятия (слухового, зрительного, осязательного);

ж) гибкость и инновационность – структурные и содержательные изменения учебной деятельности (появление новых участников, видов и форм).

Эти же принципы мы закладываем и в психолого-педагогическое сопровождение профориентации.

Основное средство организации сопровождения и поддержки ребенка с ОВЗ в процессе дистанционного обучения и консультирования в профориентации: разработка и реализация индивидуальной программы комплексного сопровождения на основе адресного, индивидуально-дифференцированного и позитивного подходов [2].

Индивидуальная образовательная траектория подразумевает обучение образовательному минимуму, в то время как психолого-педагогическое сопровождение способствует повышению уровня психоэмоционального комфорта, социальной адаптации, стремлению к саморазвитию и автономии, развитию внутренней мотивации к обучению, профессиональному самоопределению.

Рассмотренные выше подходы к пониманию и построению дистанционного психолого-педагогического сопровождения с использованием информационно-компьютерных технологий дают возможность определять индивидуальную образовательную траекторию и психолого-педагогическую поддержку по всем направлениям, в том числе в профориентации, как соотношение двух взаимосвязанных частей.

Все предлагаемые формы и методы работы специалистов, работающих с ребенком с ОВЗ в условиях дистанционного образования и консультирования, не просто взаимосвязаны, а перетекают один в другой, не имея четких границ. Специалист, работающий в системе дистанционного образования и консультирования детей с ОВЗ, вынужден становиться «мастером на все руки». Кроме того, само разделение видов и форм работы также становится все более условным.

Еще один вызов обучения ребенка с ОВЗ, на который надо отвечать профессиональному сообществу – отработка схем взаимодействия команды специалистов, осуществляющих сопровождение как в дистанционной, так и в очной форме.

При этом формы психолого-педагогической консультации по профориентации в условиях дистанционного образования могут быть также как очными, подразумевающими непосредственный контакт с ребенком, так и дистанционными. Заметим, что, например, первичную диагностику и регулярный мониторинг состояния высших психических функций невозможно провести дистанционно, требуется встреча специалиста, проводящего диагностику, с ребенком и его родителями. В то же время большая часть работы по сопровождению учебного процесса, профориентации ребенка с ОВЗ может вестись дистанционно с помощью информационно-компьютерных технологий. Однако, родитель (опекун) должен находиться в пределах физической досягаемости ребенка, чтобы вовремя оказать ему необходимую техническую помощь. ***Специфика дистанционного сопровождения профориентации и консультирования при дистанционном образовании ребенка с ОВЗ состоит в том, что профессиональное самоопределение обучающегося происходило с учетом его физиологических и психических особенностей.*** При этом средствами практической реализации дистанционного психолого-педагогического сопровождения профориентации и профессионального самоопределения детей-инвалидов при дистанционном обучении с помощью информационно-компьютерных технологий могут быть: электронная почта, skape, onlain, oflain, chat, теле- и видеоконференции. Предполагается их использование для тестирования, анкетирования, бесед, наблюдения, тренингов, рекомендаций, опросов, консультирования, просмотра специализированных фильмов, телефона доверия и т. д. Позволит предотвращать возможные психологические трудности учащихся по освоению дистанционных образовательных технологий и освоения навыков саморегуляции, рефлексии, социальной адаптации, профессионального самоопределения, общения со взрослыми и сверстниками [5].

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение и поддержка профориентации детей-инвалидов с помощью дистанционных технологий рассматривается, с одной стороны, как часть общего психолого-педагогического сопровождения в существующем образовательном пространстве, а с другой – как самостоятельный инновационный компонент, направленный на создание целостной системы дистанционной психологической поддержки профориентации и профессионального самоопределения, объединяющей детей и их родителей, учителей, психологов, социальных педагогов, методистов, врачей, с применением новых информационных технологий [4].

Основанием для подбора технологий обучения и профориентации, адекватных образовательным потребностям ребенка с ОВЗ, могут послужить:

а) заключение областной или городской ПМПК;

б) распоряжение Бюро медико-социальной экспертизы (по городу), отраженное в индивидуальной программе развития ребенка;

в) рекомендации педагога-психолога или учителя-дефектолога в составе школьного ПМПк.

После специального исследования ресурсов школьника для самостоятельной учебной деятельности с использованием компьютерных технологий и программ дистанционной коммуникации с учителем, социальным работником, психологом, профориентологом и другими.

При проведении исследования, оказания помощи в области профориентации и профессионального самоопределения педагог-психолог, профориентатор или учитель-дефектолог оценивают, прежде всего:

1) самостоятельность мышления ребенка;

2) риски формирования компьютерной зависимости;

3) ресурсы семьи для помощи ребенку в организации обучения и профессионального самоопределения на основе дистанционных технологий с учетом особенностей здоровья ребенка.

В дистанционном и смешанном формате могут успешно вестись следующие основные виды взаимодействия и психолого-педагогического сопровождения профориентации и профессионального сопровождения:

1) индивидуальное психолого-педагогическое профконсультирование;

2) индивидуальная профориентация по профессиональному самоопределению, согласно указанных проблем со здоровьем;

3) поддержка учащегося и родителя – помощника тьютора, психолога, профориентатора;

4) психодиагностика (по выявлению особенностей и склонностей) с предоставлением автоматизированной обратной связи;

5) тестирование по различным направлениям, в том числе и по профессиональному самоопределению с предоставлением обратной связи;

6) неспецифическая развивающая работа по профориентации и профессиональному самоопределению с обучающимся.

Средства реализации дистанционных форм психолого-педагогического сопровождения профориентации: а) специальные средства обучения (программа, компьютер, электронная библиотека, мультимедийные учебники и пр.); б) портал образовательной организации, оказывающей услуги дистанционного образования и профориентации; в) электронная почта; г) Веб-связь; д) телефонная связь; е) социальные сети.

В дистанционном образовании в настоящее время выделяется несколько базовых информационно-технологических моделей [6], которые можно использовать и для сопровождения профориентации. Первая модель подразумевает дистанционное обучение на основе электронной почты и систем быстрого обмена сообщениями. Вторая является продолжением первой и включает дистанционное обучение на основе электронной почты и использования мультимедиа-средств обучения. Третья предполагает дистанционное обучение с использованием видеоконференций. Четвертая модель дистанционного обучения основана на использовании Web-технологий. Система пространственно-временного взаимодействия, дидактические особенности и характеристики среды обучения при каждой из перечисленных информационно-коммуни-

кационных технологий различаются. Соответственно различаются и технологии психолого-педагогического сопровождения и поддержки в рамках каждой из этих моделей. Эти же модели можно использовать и для профориентации и профессионального самоопределения.

Однако, на современном этапе наиболее актуальной является пятая модель, в которой совмещаются все предыдущие. Этот вариант наиболее актуален для дистанционного обучения и профориентации учащихся с ОВЗ, так как обеспечивает наиболее полное дидактическое и психолого-педагогическое сопровождение процесса обучения и профориентации детей со специальными образовательными потребностями и ограничениями по здоровью. Соответственно, все ранее перечисленные модели мы будем рассматривать как формы взаимодействия участников образовательного процесса в рамках гибкой комплексной модели дистанционного обучения и профориентации и его психолого-педагогического сопровождения [3]. Обратимся к специфике каждой из этих форм.

А. Дистанционное психолого-педагогическое сопровождение профориентации на базе электронной почты. Пересылаемая по электронной почте информация может быть представлена в текстовой, графической, визуальной и звуковой формах, а также в виде программного продукта учебного, профориентационного или развивающего назначения.

Электронная почта дает возможность обмениваться информацией в удобное для каждого пользователя время. Однако такая форма взаимодействия предполагает асинхронный характер коммуникации (режим офф-лайн) и практически исключает возможность диалога в реальном времени. Электронная почта дает возможность оперативно высылать/получать текстовые и иные материалы, содержащие рекомендации по работе с ними, а также рекомендации по реализации сопровождения для родителей. Кроме того, она может использоваться как система организации учебного процесса, профориентации, и по всем проводимым мероприятиям, как учебным, так и консультационным, на электронную почту обучающихся должны высылаться письма с напоминанием о дате и времени их проведения или просмотра какой-либо информации. При помощи электронной почты можно проводить опросы родителей, обучающихся, а также частично диагностику, анкетирование, тестирование и мониторинг процесса обучения и профориентации, опросы, необходимые для оценки менеджмента качества дистанционного образования и психолого-педагогического сопровождения профориентации. Для этих целей необходимо разработать типовые формы опросных листов в электронном формате (Word, Excel и т. д.).

Аналогичные ограничения (оффлайновость, асинхронность) имеют и все современные системы обмена сообщениями (SMS, SKYPE, ICQ, Twitter, социальные сети и др.), растягивающие процесс диалога во времени в силу необходимости набора сообщения с клавиатуры. Это не позволяет отнести их к интерактивным технологиям, хотя формально эта коммуникация может осуществляться и в режиме он-лайн. Эта форма коммуникации позволяет обмениваться информацией, задавать вопросы, но не позволяет, например, вести полноценную дискуссию в реальном времени. В подобном режиме психолог, профориентатор, учитель может задавать учащимся и их родителям срочные вопросы, требующие краткого пояснения или ответа. То же касается родителей и учащихся, которые могут использовать системы обмена сообщениями для того, чтобы задавать вопросы. В основном в такой форме могут решаться организационные вопросы в режиме «вопрос – ответ» и выдаваться комментарии к уже высланным по электронной почте инструкциям, материалам, слайдам, фильмам. Кроме того, они же могут использоваться самими учащимися для целей общения, в том числе по темам, связанным с выполнением учебных заданий или профориентации.

Плюс этих технологий в том, что это, фактически, электронные документы, к которым учителя и специалисты сопровождения, сам ребенок и его родители могут быстро вернуться в случае необходимости. Кроме того, эти формы взаимодействия могут быть использованы для экспресс-оценки текущих трудностей учащегося, так как представляют собой текстовые документы, которые могут стать материалом для анализа специалистами сопровождения.

Целесообразно в рамках организации процесса сопровождения профориентации и профессионального самоопределения создавать площадки для дистанционной коммуникации как для родителей, так и для учащихся с ОВЗ, либо в социальных сетях, либо на портале учреждения, реализующего дистанционное образование и проводящего профориентацию, чтобы, анализируя содержание сообщений и дискуссий, которые там ведутся, своевременно реагировать на возникающие вопросы и проблемы, так как они не всегда всплывают в непосредственном диалоге с преподавателями, администрацией. Аналогичную, но закрытую, площадку на портале учреждения дистанционного образования для обмена мнениями и дискуссий необходимо создавать и для учителей дистанционного образования, психологов, социальных работников, профориентаторов.

Б. Дистанционное психолого-педагогическое сопровождение профориентации и профессионального самоопределения на основе одновременного использования электронной почты и систем быстрых сообщений и мультимедиа-средств коммуникации предоставляет более широкие возможности для организации процесса сопровождения профориентации. В частности, с помощью этих средств можно предложить родителям обучающие видеоматериалы по сопровождению профориентации, создав мультимедиа-коллекцию учебных материалов на портале центра (или учреждения) дистанционного образования, с возможностью обсуждения этих материалов в режиме интернет-форума (или странички в соцсетях). Там же может вестись дискуссия, могут предоставляться ответы специалистов на возникающие типовые вопросы. Либо для тех же целей может использоваться электронная почта, если учащийся или его родители хотят получить индивидуальную консультацию специалиста. Кроме того, можно предложить самим учащимся материалы для самообразования и саморазвития, не входящие в основной учебный курс, и материалы, помогающие в выборе профессии, либо ссылки на полезные материалы в сети Интернет. Такие мультимедий-

ные средства могут быть предназначены для индивидуального или группового доступа, использоваться для целей автономного самообучения или обучения (просвещения), в т. ч. развивающей или профилактической направленности, в виртуальной группе.

В. Дистанционное психолого-педагогическое сопровождение профориентации и профессионального самоопределения с использованием видеосвязи (видеоконференций, вебинаров). Эта форма сопровождения чаще всего осуществляется в режиме реального времени, однако, запись таких мероприятий также должна быть доступна на портале образовательного учреждения как для тех, кто присутствовал, так и для тех, кто не мог присутствовать на виртуальном мероприятии. В такой форме могут проводиться встречи с интересными людьми для знакомства или выбора профессии, родительские собрания для родителей детей с ОВЗ, обучающие семинары и групповые консультации для родителей, психологические тренинги, классный час для дистанционных учащихся и многое другое. В этой форме снимаются многие ограничения дистанционного взаимодействия, хотя и не полностью, в частности, присутствуют компоненты невербального общения на основе того, что собеседники видят/слышат друг друга, могут общаться как голосом, так и в форме текстовых сообщений (вебинар) и взаимодействуют в реальном времени. Ограничения при этой форме дистанционного сопровождения могут быть вызваны лишь тем, что не у всех участников есть в наличии все необходимое оборудование: микрофон, наушники, web-камера и необходимые модификации компьютерных программ, обеспечивающие корректную передачу информации, а также – качеством канала связи и скоростью интернет-траффика. Видеоконференции как дополнительное средство психолого-педагогического сопровождения профориентации и профессионального самоопределения сочетаются с другими коммуникационными технологиями.

Г. Дистанционное психолого-педагогическое сопровождение профориентации и профессионального самоопределения на основе использования Web-технологий [6]. Для реализации web-технологий служит web-сервер. Эти технологии позволяют получать и передавать информацию в текстовой, видео, аудио, графической и комбинированных формах. Взаимодействие пользователя с сервером осуществляется с помощью специализированного программного обеспечения, называемого программой просмотра. Каждому пользователю устанавливается свой пароль доступа, на основании которого он может обращаться к разрешенным для него ресурсам сервера. Важнейшей особенностью web-сервера является наличие гипертекстовой среды и возможность организации интерактивного режима взаимодействия. Web-технологии дают возможность обеспечить учащимся и их родителям-тьюторам доступ к учебным и иным материалам в форме, недоступной при обычных, традиционных методах дистанционного обучения (например, быстрое обращение к разделам учебного материала, мультимедийное представление информации, встроенная в учебное средство связь с педагогом и консультантом и др.), использовать интерактивные обучающие и тестирующие программы. Эти задачи решаются путем web-приложений различного назначения. Специфика состоит в том, что учащиеся получают информацию не от учителя, психолога или профориентатора, а из специальной базы данных Центра учебных ресурсов, что позволяет существенно повысить степень автономности и самостоятельности обучения и выбора. Стандартные функции web-сервера не предполагают интерактивного взаимодействия пользователей, но оно может быть организовано в рамках функционирования web-сервера на основе специальных программ по профориентации или обеспечено комплексным применением других коммуникационных технологий. Речь идет, прежде всего, о самой программе дистанционного обучения, которая используется ЦДО, а также программах, обеспечивающих дистанционный процесс контроля знаний, психологической и психофизиологической диагностики и мониторинга. Они позволяют учащимся с ОВЗ в условиях удаленного доступа проходить процедуру тестирования и получать в обобщенном виде автоматическую (или составленную специалистом) обратную связь испытуемому (учащемуся), родителям и преподавателям, а также службе психолого-педагогического сопровождения (профориентолога) дистанционного образования.

Арсенал методов и площадок в сети Интернет, которые могут быть использованы в процессе дистанционного обучения и психолого-педагогического сопровождения профориентации и профессионального самоопределения, постоянно расширяется. По использованию каждого из перечисленных и вновь создаваемых ресурсов обучающимся с ОВЗ и их родителям необходим подробный инструктаж перед каждым мероприятием, который помог бы снять у участников (детей с ОВЗ) напряжение при использовании интернет-технологий. Аналогичный инструктаж необходимо проводить в ходе всего процесса обучения и сопровождения профориентации, на каждом уроке или мероприятии, мероприятии (или перед уроком и после него) или для каждой диагностической процедуры. В такой инструктаж должны входить подробные инструкции, например, по поиску на портале учебных материалов для самостоятельной работы или материалы по профориентации проработке конкретных изучаемых тем, по работе со специализированными программами, имеющимися на web-сервере организации и других. При этом необходимо учитывать рекомендованное в зависимости от возраста время непрерывной работы за компьютером и индивидуальные особенности учащихся с ОВЗ, обусловленные имеющимися у них ограничениями по здоровью (диагнозом и актуальным состоянием здоровья).

Дистанционное взаимодействие, консультирование подразумевает, что взаимодействие консультанта (психолога, социального педагога, профориентатора и обучающегося) осуществляется на расстоянии, вне досягаемости личного физического контакта, без учета скорости обмена информацией между ними. Оно доступно для каждого, у кого есть компьютер и средства связи. Консультируемым может быть как сам ребенок, подросток с ОВЗ и инвалидностью, так и его родитель (законный представитель).

Дистанционное консультирование по профориентации и профессиональному самоопределению может осуществляться через все названные выше телеком-

муникационные средства. Консультирование в дистанционном режиме может осуществляться посредством следующих технических способов коммуникации:

1. По электронной почте (в т. ч. специальная «Почта доверия»).

2. Онлайн консультация в сети, по ICQ (т. е. с использованием мгновенных текстовых сообщений).

3. Онлайн консультация с использованием видеосвязи (например, с использованием компьютерной программы Skype, позволяющей не только слышать, но и видеть собеседника).

4. Онлайн консультация с использованием только аудиосвязи (Skype, iChat и др.).

5. По стационарному или мобильному телефону.

Несмотря на явные минусы дистанционного взаимодействия-консультирования (скрадывается значимая информация об эмоциональном или физиологическом реагировании обучающегося, риск прерывания контакта из-за технических сбоев, возможность использования только вербальных техник, риск одностороннего разрыва контакта со стороны обучающегося), для психолого-педагогического сопровождения, в том числе и по профориентации детей с ОВЗ, оно часто является единственно возможным в связи с удаленностью или ограниченной мобильностью ребенка. Кроме того, что компьютер и телефон всегда под рукой, отметим лишь некоторые специфические «плюсы» различных форм дистанционного взаимодействия:

– для Телефона доверия – возможность получить экстренную психологическую помощь в ситуации острого психоэмоционального неблагополучия, анонимно обсудить волнующие ребенка или подростка с ОВЗ проблемы;

– для электронной Почты доверия – возможность взвесить сказанное, поправить формулировку, сохранять переписку для анализа динамики, при этом поддерживаются условия анонимности;

– для Он-лайн-консультации – использование мгновенных текстовых сообщений – возможность оперативно решить возникающие технические вопросы, информировать психолога о возникшем неблагополучии, уточнить время и форму проведения полноценной консультации с использованием других технических средств;

– для Он-лайн-консультации с использованием аудиосвязи – возможность получить экстренную помощь специалиста в условиях, максимально комфортных для ребенка с ОВЗ (дает определенную психологическую защищенность для неуверенного в себе ребенка или подростка);

– для Он-лайн-консультации с подключением видеосвязи – возможность максимально приближенного к реальному контакта с психологом. Более того, готовность ребенка с ОВЗ включить видеосвязь является дополнительным диагностическим критерием, свидетельствующем об уровне доверия к психологу и готовности ребенка к открытому взаимодействию со специалистом.

Информационно-компьютерные технологии и дистанционное взаимодействие дает обучающимся с физическими ограничениями возможность взаимодействовать с субъектами психолого-педагогического сопровождения, поддержки а области получения образования и профориентации не выходя из дома, в привычной для детей с ОВЗ и инвалидностью обстановке.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

1. Психолого-педагогическое сопровождение обучения, профориентации и профессионального самоопределения возможно с помощью информационно-компьютерных, дистанционных и Интернет технологий.

2. Профессиональное ориентирование детей с ОВЗ необходимо осуществлять комплексно, используя различные информационные ресурсы Интернет: сайты, образовательные порталы, ресурсы трудоустройства и тестирующие ресурсы.

3. Методический инструментарий интернет-технологий для проведения различных мероприятий, консультаций, тестирования по профориентации должен быть адаптирован к возможностям подростка с ОВЗ.

4. Необходимо на протяжении всего периода профориентации корректировать профессиональные планы подростков с ОВЗ в соответствии с их возможностями.

5. В рамках корректировки профессиональных планов целесообразно использовать ресурсы интернет-технологий, проводить психолого-педагогическую работу по воспитанию качеств, необходимых для овладения той или иной профессией.

6. Искать возможности применения интернет-ресурсов дистанционно проводить профориентацию и делиться методическими находками с коллегами.

7. Следить за развитием информационно-компьютерных технологий, за открытыми образовательными порталами в области профориентации и трудоустройства и применять их в работе.

Таким образом, видим, что возможности информационно-компьютерных и дистанционных технологий существенно могут помогать специалистам не только в области получения образования, но и в проведении профориентации и профессионального самоопределения детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, формированию их личной психологической устойчивости.

Литература

1. Бурмакина Н. В. Специальное психолого-педагогическое сопровождение детей-инвалидов в системе дистанционного образования // Теория и практика дистанционного обучения учащихся и молодежи с ограниченными возможностями здоровья: сборник материалов Всерос. заочной науч.-прак. конф. Кемерово, 2014. С. 69 – 72.

2. Загузина Н. Н. Проблемы использования сетевых ресурсов в профориентации детей с ОВЗ и инвалидов // Проблемы и перспективы образования XXI века. 2014. № 5. С. 100 – 105.

3. Загузина Н. Н., Боков А. В. Разработка экспериментальной модели дистанционного дополнительного образования, внеурочной и культурно-досуговой деятельности для обучающихся с ОВЗ и других категорий //

Теория и практика дистанционного обучения учащихся и молодежи с ограниченными возможностями здоровья: сборник материалов III-й Всерос. заочной науч.-прак. конф. Кемерово, 2016. С. 36 – 40.

4. Загузина Н. Н., Герлингер Е. В. Проблемы здоровьесбережения и психолого-педагогического сопровождения учащихся в Кемеровской области, в том числе с ОВЗ, с применением дистанционных технологий // Теория и практика дистанционного обучения учащихся и молодежи с ограниченными возможностями здоровья: сборник материалов Всерос. заочной науч.-прак. конф. Кемерово, 2014. С. 30 – 37.

5. Загузина Н. Н., Невзоров Б. П. Проблемы развития дистанционной педагогики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4. Т. 3. С. 64 – 66.

6. Зайченко Т. П. Основы дистанционного обучения: теоретико-практический базис. СПб.: Изд-во РГППУ им. Герцена, 2004.

7. О комплексе мер по проведению профессиональной ориентации учащихся образовательных учреждений общего образования. Письмо Минобрнауки РФ от 19 июля 2011 г. № МОН-П-1968.

8. Об образовании в Российской Федерации. № 273-ФЗ (в редакции от 11.01.2015 г.) // Российская газета. № 303. 31 декабря 2012.

9. Основные направления развития государственной системы профессиональной ориентации и психологической поддержки населения в Российской Федерации. Постановление Минтруда России от 29.08.1995 г. № 47.

10. Положение о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации. Постановление Минтрудсоцразвития России от 27.09.1996 г. № 1.

11. Применение дистанционных технологий в обучении детей с ограниченными возможностями здоровья: учебно-методическое пособие / сост. Н. Н. Загузина, Н. В. Бурмакина. Кемерово, 2013.

12. Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ.

Информация об авторах:

Загузина Нина Николаевна – кандидат педагогических наук, начальник отдела дистанционного обучения ЧОУ ВПО «Невский институт управления и дизайна» (г. Санкт-Петербург), ruussu@yandex.

Невзоров Борис Павлович – доктор педагогических наук, профессор кафедры генетики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово), nevzorov@kemsu.ru.

Боков Алексей Владимирович – директор Центра дистанционного образования детей-инвалидов Кемеровской области (г. Кемерово).

Статья поступила в редколлегию 22.04.2016 г., принята к печати 23.05.2016 г.

RESOURCES OF PSYCHOLOGICAL AND EDUCATIONAL SUPPORT AND CAREER COUNSELING BASED ON ICT AND DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES

Nina N. Zaguzina [1, @1]***, Boris P. Nevzorov*** [2, @2]***, Alexey V. Bokov*** [3]

[1] *Nevsky Institute of Management and Design (Saint-Petersburg)*
[2] *Kemerovo State University*
[3] *Kemerovo Regional Center for Distance Education for Children with Disabilities*
[@1] *ruussu@yandex*
[@2] *nevzorov@kemsu.ru*

The paper dwells upon the use of information and computer technologies in the maintenance and support of career guidance and professional self-determination for students with health disabilities; it determines the forms and methods of their application and peculiar features of the interaction of those involved in the psycho-pedagogical process.

The basis for physiological support of children with health disabilities is formed by the following principles, which take into consideration the psycho-pedagogical features of distance learning**: (**A) priority of the student's independent work; (B) individual approach to learning; (C) motivating as basic learning environment; (D) connection between the learning process and the student's life circumstances ("life knowledge"); (E) intensification of the training process (everyone has their own pace and rhythm); (F) polymodality, i. e. simultaneous mobilization of different ways of perception (auditory, visual, tactile); (G) flexibility and innovativeness; (H) emergency psychological help in acute situations of mental and emotional distress, and other structural and substantive changes of learning activities. The same principles are incorporated in the psycho-pedagogical support career guidance.

The paper shows that professional orientation of children with health disabilities should be implemented comprehensively, using a variety of information resources of the Internet: websites, educational portals, employment resources and test resources.

A wide and varied range of possibilities offered by ICT and distance learning technologies can be of significant assistance not only to specialists in the field of education, but also in such processes as vocational guidance and professional self-determination of children, formation of personal stability for students with learning disability, including permanent one.

Keywords: psychological and educational support, psychological support, career guidance, professional self-determination, information and computer technology and distance learning technologies in psychology and pedagogy.

For citation: Zaguzina N. N., Nevzorov B. P., Bokov A. V. Vozmozhnosti psikhologo-pedagogicheskoi podderzhki i soprovozhdeniia proforientatsii s ispol'zovaniem informatsionno-komp'iuternykh i distantsionnykh tekhnologii [Resources of psychological and educational support and career counseling based on ICT and distance learning technologies]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 81 – 88.

References

1. Burmakina N. V. Spetsial'noe psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie detei-invalidov v sisteme distantsionnogo obrazovaniia [Special psycho-pedagogical support of children with disabilities in distance education]. *Teoriia i praktika distantsionnogo obucheniia uchashchikhsia i molodezhi s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia: sbornik materialov Vseros. zaochnoi nauch.-prak. konf.* [Theory and practice of distance education students and youth with disabilities: Proc. Russia corresp. Sc.-Prac. Conf.]. Kemerovo, 2014, 69 – 72.

2. Zaguzina N. N. Problemy ispol'zovaniia setevykh resursov v proforientatsii detei s OVZ i invalidov [Problems of use of network resources in the career counseling of children with special needs and disabilities]. *Problemy i perspektivy obrazovaniia XXI veka – Problems and prospects of education in the XXI century*, no. 5 (2014): 100 – 105.

3. Zaguzina N. N., Bokov A. V. Razrabotka eksperimental'noi modeli distantsionnogo dopolnitel'nogo obrazovaniia, vneurochnoi i kul'turno-dosugovoi deiatel'nosti dlia obuchaiushchikhsia s OVZ i drugikh kategorii [Development of experimental models of remote supplementary education, and extracurricular leisure and cultural activities for students with disabilities and other categories]. *Teoriia i praktika distantsionnogo obucheniia uchashchikhsia i molodezhi s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia: sbornik materialov 3-i Vseros. zaochnoi nauch.-prak. konf.* [Theory and practice of distance education students and youth with disabilities: Proc. 3th Russia corresp. Sc.-Prac. Conf.]. Kemerovo, 2016, 36 – 40.

4. Zaguzina N. N., Gerlinger E. V. Problemy zdorov'esberezheniia i psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniia uchashchikhsia v Kemerovskoi oblasti, v tom chisle s OVZ, s primeneniem distantsionnykh tekhnologii [The problems of health care and psycho-pedagogical support of pupils in the Kemerovo region, including those with disabilities, with application of remote technologies]. *Teoriia i praktika distantsionnogo obucheniia uchashchikhsia i molodezhi s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia: sbornik materialov Vseros. zaochnoi nauch.-prak. konf.* [Theory and practice of distance education students and youth with disabilities: Proc. Russia corresp. Sc.-Prac. Conf.]. Kemerovo, 2014, 30 – 37.

5. Zaguzina N. N., Nevzorov B. P. Problemy razvitiia distantsionnoi pedagogiki [Problems of development of distance pedagogy]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 3, no. 4 (2014): 64 – 66.

6. Zaichenko T. P. *Osnovy distantsionnogo obucheniia* [The basics of distance learning]. Saint-Petersburg: izd-vo RGPPU im. Gertsena, 2004.

7. O *komplekse mer po provedeniiu professional'noi orientatsii uchashchikhsia obrazovatel'nykh uchrezhdenii obshchego obrazovaniia* [The set of measures for the professional orientation of students of educational institutions of General education]. Letter of the Ministry of education and science of the Russian Federation, July 19 2011, no. MON-P-1968.

8. Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii. № 273-FZ (v redaktsii ot 11.01.2015 g.) [On education in the Russian Federation. Federal law no. 273-FZ (11.01.2015 ed.)]. *Rossiiskaia gazeta – Russian newspaper*, no. 303 (December 31 2012).

9. *Osnovnye napravleniia razvitiia gosudarstvennoi sistemy professional'noi orientatsii i psikhologicheskoi podderzhki naseleniia v Rossiiskoi Federatsii* [The main directions of development of the state system of professional orientation and psychological support of the population in the Russian Federation]. The resolution of Ministry of labor of Russia, August 29. 1995, no. 47.

10. *Polozhenie o professional'noi orientatsii i psikhologicheskoi podderzhke naseleniia v Rossiiskoi Federatsii* [The regulation on professional orientation and psychological support of the population in the Russian Federation]. The resolution of Intrusivity Russia, September 27 1996, no. 1.

11. *Primenenie distantsionnykh tekhnologii v obuchenii detei s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia* [Application of distance learning technologies in teaching children with disabilities]. Comp. Zaguzina N. N., Burmakina N. V. Kemerovo, 2013.

12. *Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii* [The labour code of the Russian Federation]. December 30 2001, no. 197-FZ.

Received 22.04.2016, accepted 23.05.2016.

УДК 159.923:77.1

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

***А. Л. Задоенко*[1, @]**

[1] *Кемеровский государственный университет*
[@] *Zadoenkoanna@yandex.ru*

В статье рассматривается проблема формирования и развития толерантности, толерантного сознания будущих социальных работников в процессе получения высшего профессионального образования. Представлены факторы, препятствующие формированию толерантности. Выявлена ведущая роль образования при формировании толерантности. Обоснована необходимость формирования толерантности будущих социальных работников. Эмпирически выявлены различия в формировании толерантности как черты личности у студентов, обучающихся по специальности или направлению «Социальная работа», и студентов негуманитарного факультета (на примере физического факультета). Выявлено отсутствие положительной линейной динамики формирования толерантности как черты личности у будущих социальных работников в процессе обучения в вузе. Описывается специфика интернализованного формирования толерантности будущих социальных работников в процессе высшего профессионального образования.

Ключевые слова: толерантность, толерантное сознание, толерантность социальных работников, формирование толерантности, вуз.

Для цитирования: Задоенко А. Л. Динамика формирования толерантности будущих социальных работников в процессе высшего профессионального образования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 89 – 93.

Одной из важнейших целей современного образовательного процесса, в том числе в рамках системы высшего профессионального образования, выступает формирование и развитие толерантности, толерантного сознания в поликультурном пространстве. Формирование толерантности сегодня выступает одной из сложнейших проблем современного образования [5] Образовательная сфера, являясь частью общества, ответственна за формирование толерантности, толерантной личности, нацеленной на диалогичность восприятия окружающего мира [2]. Декларация принципов толерантности, провозглашенная ООН в 1995 г., признает приоритет в ее становлении именно за сферой образования. В связи с этим можно утверждать, что формирование толерантности – это важнейшая задача образования в XXI в.

Вместе с тем Л. Г. Лаптев и О. А. Нестерчук указывают на факторы, препятствующие формированию толерантности у молодежи.

1. Отсутствие в обществе устоявшихся моделей разнообразного проявления поведения.

2. Активная пропаганда собственной религии, национальности, особенно перед эмигрантами. Результат – экстремистские идеи, националистические настроения, ксенофобия, влияющие на молодежь, подростков, дошкольников.

3. Отсутствие желания понять и принять личность с учетом ее переживаний, личностных особенностей, отсутствие эмпатии.

4. Дифференциация на «своих» и «чужих» по различным признакам: статус, конфессия, национальность, гендер.

5. Отсутствие сурового наказания в российском законодательстве за проявление интолерантного поведения в обществе.

6. Постоянные манипуляции по внедрению образа врага посредством СМИ, интернета.

7. Влияние шоу-бизнеса на возникновение националистических и расовых предрассудков, стереотипов, взглядов [1].

Исходя из этого, государственная образовательная политика должна быть направлена на использование потенциала образования для консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства страны, преодоления коммуникационной напряженности и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности, равноправия национальных культур и различных конфессий, ограничения социального неравенства, в первую очередь, искореняя и влияя на перечисленные ранее факторы. Формирование толерантных установок имеет особое значение для будущего России, как демократического государства. Россия, как страна исключительно разнообразная по своему национальному, религиозному, социальному составу просто не сможет существовать как единое государство, если не добьется существенного повышения уровня толерантности в российском обществе [8].

Особенное внимание при формировании толерантности в процессе получения высшего профессионального образования необходимо уделить студентам, обучающимся по направлению «Социальная работа». Сложная, многоплановая, полифункциональная деятельность социальных работников постоянно выдвигает требование «быть с веком наравне», так как динамичность, нестабильность, неординарность социальных, нравственных явлений и ситуаций в современном обществе вызывает острейшую потребность в повышении профессиональной компетентности, усиливает значимость личностно-профессионального потенциала роста в своей деятельности [4].

Таким образом, будущие социальные работники в процессе обучения должны осознать свою социальную роль, выполняемую в обществе [6]. Понять цели и задачи, специфику их будущей профессии [7]. На этой базе в процессе непосредственного получения высшего профессионального образования при включении в образовательную среду вуза, происходит формирование социально-значимых качеств, черт личности, необходимых для продуктивной работы с социальной сфере: толерантность, эмпатия, гуманизм, сострадание, оптимизм, доброжелательность [3].

Толерантность, на наш взгляд, является принципиально важным феноменом для успешного взаимодействия социального работника с его различными участниками, обеспечивая эффективность и качество профессиональной деятельности. Мы считаем, что толерантность является важнейшей чертой социального работника, так как социальный работник – это посредник в развитии современного общества, способного к принятию всех людей с учетом их многообразия.

Исходя из этого, нами было проведено эмпирическое исследование. Цель исследования: исследовать динамику формирования толерантности будущих социальных работников на протяжении обучения в вузе.

Были выдвинуты следующие гипотезы исследования.

1. Существуют различия в формировании толерантности как черты личности у студентов, обучающихся по специальности или направлению «Социальная работа», и студентов негуманитарного факультета (на примере физического факультета).

2. Существует положительная линейная динамика формирования толерантности как черты личности у будущих социальных работников в процессе обучения в вузе.

В эмпирическом исследовании принимали участие студенты ФГБОУ ВПО «КемГУ» с 1 по 4 – 5 курсы направления и специальности подготовки «Социальная работа» (95 студентов) – «экспериментальная группа» и направления подготовки «Физика» (113 студентов) – «контрольная группа», в возрасте от 17 до 23 лет. Общее количество респондентов: 208 человек. Выборка была разделена на 9 групп (5 групп студентов направления и специальности «Социальная работа» с 1 по 5 курс, 4 группы направления «Физика» с 1 по 4 курс). Основными критериями при делении выборки на группы послужили направление подготовки в вузе и курс обучения.

С помощью двухфакторного дисперсионного анализа оценивалось влияние факторов пола, курса обучения и направления обучения на толерантность как черту личности (рис.).

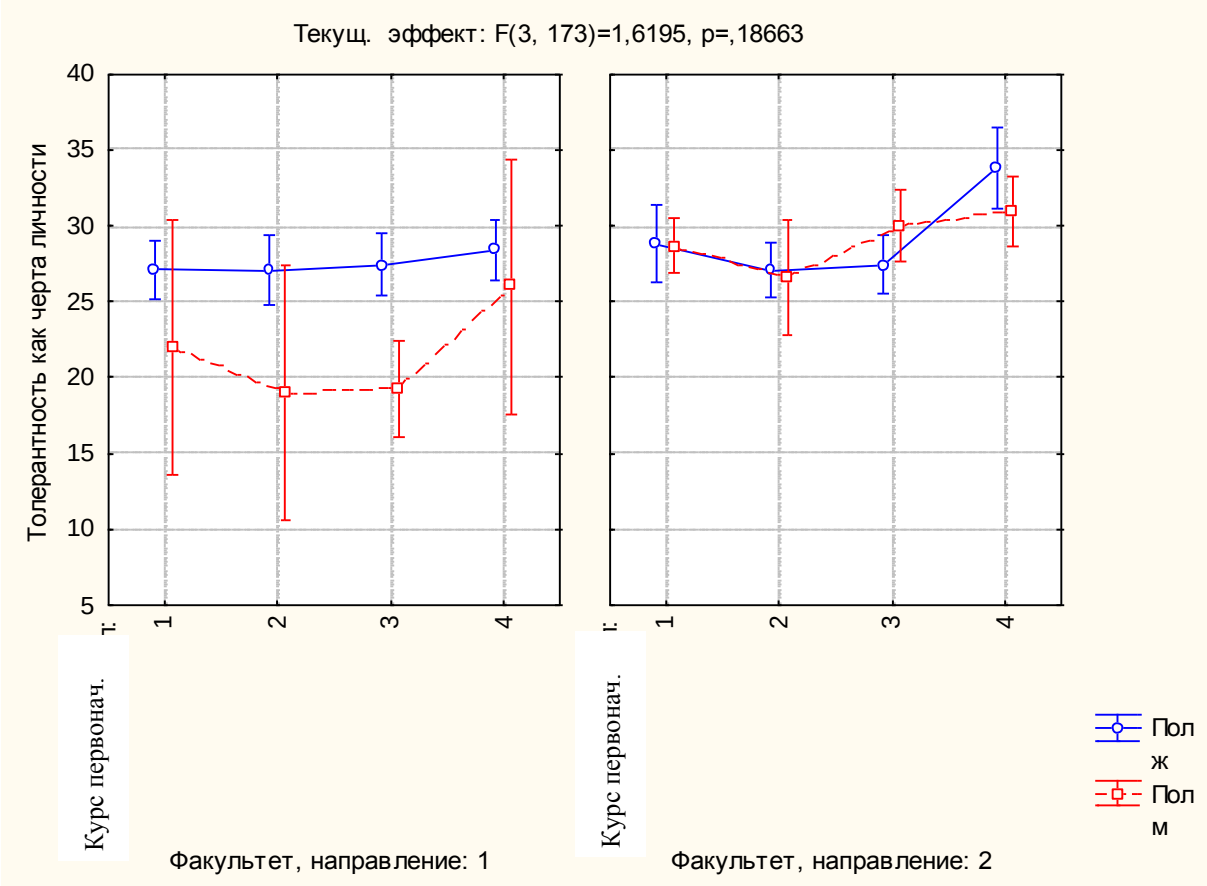


Рис. 1. ***Влияние пола, курса и направления обучения на сформированность толерантности как черты личности.***

Fig. 1. ***The influence of sex, year of studies and major on the formation of tolerance as a personality trait.***

Необходимо отметить, что на рисунке экспериментальная группа (будущие социальные работники) имеет название «Факультет, направление 1» располагается слева, контрольная группа (будущие физики) – «Факультет, направление 2» располагается справа.

Дисперсионный анализ показал, что на толерантность как черту личности влияют пол, курс и направление обучения. Самые низкие показатели толерантности как черты личности были зафиксированы у юношей второго курса, обучающихся на направлении «Социальная работа». Стоит обратить внимание, что на первом курсе юноши данного направления имели более высокие показатели толерантности как черты личности. Далее, на третьем курсе показатель возрастает, однако не достигает первоначального значения. Возможно, это объяснимо кризисом обучения, когда студент сомневается в правильности своего профессионального выбора. И только при обучении на 4 курсе показатель у юношей достигает высокого значения за весь период обучения. Толерантность как черта личности сформирована. Рассматривая формирование толерантности как черты личности у девушек, обучающихся на направлении «Социальная работа», следует отметить отсутствие резких спадов и подъемов. Формирование отличается плавностью, стабильностью, с повышением показателей на четвертом курсе обучения. Сравнивая показатели девушек и юношей социальных работников, стоит отметить, что юноши в процессе обучения претерпевают наибольшие изменения, однако на четвертом курсе юноши все равно не достигают уровня девушек. И в формировании толерантности у юношей и девушек социальных работников на всем процессе обучения видна динамика развития толерантности как черты личности, однако она не положительно линейная.

При рассмотрении результатов дисперсионного анализа на направлении «Физика» можно отметить, что наиболее низкий показатель толерантности как черты личности зафиксирован у юношей на втором курсе обучения. Хотя на первом курсе у юношей данный показатель выше. Такой же феномен резкого снижения толерантности был зафиксирован у социальных работников, обучающихся на втором курсе. На третьем курсе у юношей-физиков повышается показатель толерантности, на четвертом – достигает своего максимума развития. У девушек направления «Физика» также отмечается снижение показателя на втором курсе обучения, пик его развития – на четвертом курсе.

В целом при рассмотрении результатов контрольной и экспериментальной групп отмечается наиболее высокие показатели развития толерантности как черты личности у девушек физического факультета. Их показатель на четвертом курсе выше показателей юношей физического факультета и социальных работников, обучающихся на четвертом курсе. У юношей – социальных работников – самые низкие показатели и очень рознятся с показателями того же направления у девушек, в то время как у физиков показатели девушек и юношей находятся гораздо ближе друг к другу по значению. Однако, необходимо отметить, что и у социальных работников, и у физиков в процессе обучения отчетлива видна динамика формирования толерантности. Следовательно, было получено, что существуют различия в формировании толерантности как черты личности у студентов, обучающихся по специальности или направлению «Социальная работа», и студентов негуманитарного факультета. Таким образом, была подтверждена гипотеза исследования № 1.

После интерпретации дисперсионного анализа необходимо отметить, что на развитие толерантности как черты личности влияют пол, курс и направление обучения. Следовательно, толерантность как черта личности формируется в процессе обучения в вузе.

Анализ полученных результатов опровергает наличие положительной линейной динамики формирования толерантности будущих социальных работников в процессе обучения на каждом курсе. Следовательно, гипотеза исследования № 2 не подтверждена.

Итак, в ходе экспериментального исследования поставленные гипотезы подтвердились частично (подтверждена первая гипотеза, опровергнута вторая гипотеза). Однако студенты физического факультета без целенаправленного формирования толерантности имеют показатели выше, чем у студентов направления «Социальная работа», у которых весь образовательный процесс направлен на формирование толерантности. Возможно, это объясняется тем, что студенты экспериментальной группы имеют совершенно иное осознание феномена толерантности, для них толерантность – это не просто слово, а интернализованная позиция, нуждающаяся в тщательном формировании и внутреннем принятии. Толерантность будущего социального работника сформирована непосредственным опытом взаимодействия с обществом, его актуальными запросами. В процессе обучения на студентов помогающей профессии накладывается ряд обязательств, прописанных в законах государства, в нормативных документах и актах (права категорий клиентов и их ограничения), изучение деонтологических моделей поведения социальных работников. В своей профессиональной деятельности социальный работник лишен выбора объекта помощи, действует строго по запросу общества. Таким образом, студенты экспериментальной группы в отличие от студентов контрольной группы реально сталкиваются с клиентами, нуждающимися в проявлении толерантного отношения, поэтому, понимая свою профессиональную ответственность, они более критичны к себе. Следовательно, процесс обучения в вузе формирует толерантность как черту личности будущих социальных работников с помощью образовательных программ и целенаправленных приемов, однако видна необходимость введения инновационных методов, тренинговых программ для более эффективного восприятия толерантной позиции в системе «человек-человек», проявляющаяся через объединение толерантного сознания и толерантного поведения будущего специалиста социальной работы.

Литература

1. Лаптев Л. Г., Нестерчук О. А. Проблемы формирования толерантности личности в государственной образовательной политике России // Педагогическое образование и наука. 2009. № 4. С. 32 – 35.

2. Серый А. В. Становление компетентности практического психолога // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 63 – 66.

3. Смирнова А. Г. Формирование толерантной личности средствами культуры. Культурологический аспект // Проблемы современной науки. 2012. № 4. С. 25 – 46.

4. Старовойтова Л. И. Технологии профессионально-личностного развития социальных работников в системе переподготовки и повышения квалификации // Педагогическое образование и наука. 2009. № 4. С. 24 – 28.

5. Шкитина Л. Ю. Деятельность дома детского творчества «Преображенский» в контексте формирования толерантности у учащихся // Социосфера. 2012. № 4. С. 72 – 88.

6. Яницкий М. С. Основные психологические механизмы адаптации студентов на первом и втором курсах обучения в вузе // Вопросы общей и дифференциальной психологии. Кемерово, 1997. С. 60 – 68.

7. Яницкий М. С. Состояния психической дезадаптации у студентов и пути оптимизации адаптационного процесса в вузе // Вопросы общей и дифференциальной психологии. Кемерово, 1998. С. 58 – 67.

8. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012. 237 с.

Информация об авторе:

Задоенко Анна Леонидовна – аспирант кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета, Zadoenkoanna@yandex.ru.

(**Научный руководитель: *Яницкий Михаил Сергеевич*** – доктор психологических наук, профессор, декан социально-психологического факультета Кемеровского государственного университета, заведующий кафедрой социальной психологии и психосоциальных технологий, dekanspf@kemsu.ru).

Статья поступила в редколлегию 29.01.2016 г., принята к печати 10.05.2016 г.

DYNAMICS OF FORMING FUTURE SOCIAL WORKERS' TOLERANCE IN THE PROCESS OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

***Anna L. Zadoenko*[1, @]**

[1] *Kemerovo State University*
[@] *Zadoenkoanna@yandex.ru*

The paper discusses the problem of formation and development of future social workers' tolerance in the process of higher professional education. The author presents the factors that hinder the development of tolerance. The research revealed the leading role of education in the formation of tolerance and proved the necessity of developing tolerance in future social workers. Empirically the differences in the formation of tolerance as personality traits of students majoring in "Social Work" and students from non-humanitarian faculties (e.g. the Faculty of Physics) were revealed. The author identified the lack of positive linear dynamics of formation of tolerance as personality traits of future social workers in the learning process at the University. The paper describes the specifics of internalizing tolerance of future social workers in the process of higher education.

Keywords: tolerance, tolerant consciousness, tolerance of social workers, formation of tolerance, university.

For citation: Zadoenko A. L. Dinamika formirovaniia tolerantnosti budushchikh sotsial'nykh rabotnikov v protsesse vysshego professional'nogo obrazovaniia [Dynamics of forming future social workers' tolerance in the process of higher professional education]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 896 – 93.

References

1. Laptev L. G., Nesterchuk O. A. Problemy formirovaniia tolerantnosti lichnosti v gosudarstvennoi obrazovatel'noi politike Rossii [Issues of identity formation of tolerance in public education policy of Russia]. *Pedagogicheskoe obrazovanie I nauka – Teacher education and science*, no. 4 (2009): 32 – 35.

2. Seryy A. V. Stanovlenie kompetentnosti prakticheskogo psikhologa [Becoming a practical psychologist competence]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia*, no. 5 (2005): 63-66

3. Smirnova A. G. Formirovanie tolerantnoi lichnosti sredstvami kul'tury. Kul'turologicheskii aspect [Formation of the tolerant person by means of culture. Cultural aspect]. *Problemy sovremennoi nauki – The problems of modern science*, no. 4 (2012): 25 – 46.

4. Starovoitova L. I. Tekhnologii professional'no-lichnostnogo razvitiia sotsial'nykh rabotnikov v sisteme perepodgotovki I povysheniia kvalifikatsii [Technology professional and personal development of social workers in the system of retraining and advanced training]. *Pedagogicheskoe obrazovanie I nauka – Teacher education and science*, no. 4 (2009): 24 – 28.

5. Shkitina L. Yu. Deiatel'nost' doma detskogo tvorchestva «Preobrazhenskii» v kontekste formirovaniia tolerantnosti u uchashchikhsia [Activities Children's Art House "Transfiguration" in the context of formation of tolerance at pupils]. *Sotsiosfera – Sociosphere*, no. 4 (2012): 72 – 88.

6. Yanitskiy M. S. Osnovnye psikhologicheskie mekhanizmy adaptatsii studentov na pervom I vtorom kursakh obucheniia v vuze [The main psychological mechanisms of adaptation of students in the first and second year of university studies]. *Voprosy obshchei I differentsial'noi psikhologii* [Questions of general and differential psychology]. Kemerovo, 1997, 60 – 68.

7. Yanitskiy M. S. Sostoianiia psikhicheskoi dezadaptatsii u studentov I puti optimizatsii adaptatsionnogo protsessa v vuze [The states of mental maladjustment in students and ways to optimize the adaptation process in high school]. *Voprosy obshchei I differentsial'noi psikhologii* [Questions of general and differential psychology]. Kemerovo, 1998, 58 – 67.

8. Yanitskiy M. S. *Tsennostnoe izmerenie massovogo soznaniia* [Valuable measurement of the mass consciousness]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2012, 237.

Received 29.01.2016, accepted 10.05.2016.

УДК 159.923

ПСИХОДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК С ПОМОЩЬЮ МЕТОДИКИ К. ПИРСОН И Х. МАРР «12 АРХЕТИПОВ»

***Т. В. Капустина*[1, @]**

[1] *Тихоокеанский государственный медицинский университет*
[@] *12_archetypesplus@mail.ru*

Изучение архетипа личности опирается на культурологический анализ, а его психологическая составляющая редко подвергается эмпирическому исследованию, несмотря на то, что архетип является той психической структурой, которая играет роль предрасполагающего фактора развития психической жизни человека, способная направлять его поведение. В данной работе представлены результаты эмпирического исследования, целью которого явилось расширение методики К. Пирсон и Х. Марр «12 архетипов», которая определяет ведущий архетип личности, но интерпретация его особенностей по результатам теста является малоинформативной. Выборку представили 120 человек (60 юношей и 60 девушек в возрасте 20 – 25 лет), студенты Тихоокеанского государственного медицинского университета. В исследовании использовались методика 12 архетипов (К. Пирсон и Х. Марр), типологический опросник (И. Майерс, К. Бриггс), многофакторный личностный опросник (Р. Кеттелл, форма С) и вопросник для выявления доминирующего инстинкта (В. И. Гарбузов). Полученные результаты позволили расширить методику, наполнив ее описательными психологическими характеристиками по каждому архетипу системы К. Пирсон.

Ключевые слова: архетип личности, личностные характеристики, психодиагностика, диагностика архетипов, методика «12 архетипов».

Для цитирования: Капустина Т. В. Психодиагностика личностных характеристик с помощью методики К. Пирсон и Х. Марр «12 архетипов» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 93 – 101.

Актуальность изучения архетипов личности обусловлена тем, что в настоящее время все больше растет интерес к объяснению человеческого поведения [4]. А архетип, по мнению К. Г. Юнга, как раз и представляется той психической структурой, которая играет роль предрасполагающего фактора развития психической жизни человека, способная направлять его поведение [9]. Тенденции развития современного общества оказывают влияние на личность и вызывают потребность формировать, сохранять и изучать бессознательные основы психики, которые реализуют в поведении личности универсальные модели – архетипические элементы [1; 6]. Немаловажным является тот факт, что изучение архетипа личности в большей степени опирается на культурологический анализ, а его психологическая составляющая редко подвергалась эмпирическому исследованию, несмотря на то, что архетип является неким принципом, обеспечивающим психическую реальность специфическими психическими содержаниями [3]. Существуют методики для диагностики архетипов личности. Одной из таких методик является тест К. Пирсон и Х. Марр «12 архетипов», который позволяет определить ведущий архетип личности, то есть ту структуру личности, которая является актуальной для человека на данный момент времени. Однако интерпретация архетипа и его особенностей по результатам данного теста является малоинформативной. В связи с этим *цель исследования* – получение более подробных описательных характеристик по каждому из 12 архетипов системы К. Пирсон [5]. Полученные результаты могут явиться упрощением в интерпретации диагностических данных по этой методике и расширить психический статус понятия «архетип личности». Психолог, в свою очередь, используя данную методику, сможет получить более подробную информацию о своем клиенте. *Гипотезой исследования* является предположение о том, что методика К. Пирсон и Х. Марр «12 архетипов» позволяет определить личностные характеристики.

Методы исследования

В эмпирическом исследовании приняли участие 60 девушек и 60 юношей в возрасте 20 – 25 лет, обучающихся в Тихоокеанском государственном медицинском университете по специальностям «Клиническая психология» и «Педиатрия» на 3 – 6 курсах. В исследовании использовался следующий перечень методик. Во-первых, методика К. Пирсон и Х. Марр «12 Архетипов» [5], поскольку она является центральной в данном эмпирическом исследовании. Во-вторых, многофакторная личностная методика Р. Кеттела (форма С) [7]. Данный опросник определяет личностные характеристики в трёх сферах: в сфере межличностного взаимодействия, в эмоционально-волевой и интеллектуальной сферах. Таким образом, она позволяет диагностировать личность с разных сторон, что является ключевым для данного исследования. В-третьих, типологический опросник Майерс-Бриггс [8]. Данная методика ориентирована на определение личностных функций и психологического типа личности. Также следует отметить, что теоретическим основанием данной методики является концепция К. Г. Юнга о психологических типах личности [10]. Теоретической же основой методики К. Пирсон и Х. Марр является система «12 Архетипов», разработанная К. Пирсон, которая при её создании основывалась на теории К. Г. Юнга об архетипах личности [9]. Таким образом, две эти методики в теоретическом основании имеют концепции одного и того же автора, а следовательно, использование типологического опросника Майерс-Бриггс является целесообразным. В-четвёртых, вопросник для выявления доминирующего инстинкта В. И. Гарбузова [2]. По К. Г. Юнгу, архетип личности – это проявление коллективного бессознательного. А одним из составляющих коллективного бессознательного являются инстинкты [9]. Таким образом, можно определить, какие именно инстинкты будут преобладать или, наоборот, отвергаться у каждого архетипа. Для статистической обработки использовался коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена для выявления взаимосвязи между архетипами личности, предложенными К. Пирсон, и личностными характеристиками. Использовался пакет статистических программ STATISTICA 6.0. Таким образом, по каждому архетипу получились положительные и отрицательные корреляционные связи (таблицы 1 – 12). Следовательно, имеется взаимосвязь отдельных архетипов с различными личностными характеристиками, представленными Р. Кеттеллом, И. Майерс-К. Бриггс и В. И. Гарбузовым.

Результаты исследования

Так, для архетипа *Невинного* характерным является расслабленность, отсутствие сильных побуждений и желаний, леность. Вероятно, данный архетип обладает невозмутимостью, достаточно спокойно относится к своим удачам и неудачам. Можно предположить, что Невинный может быть удовлетворен любым положением дел и не стремится к достижениям и переменам. Ведущим инстинктом по В. И. Гарбузову можно отметить преобладание инстинкта самосохранения, который проявляется в виде эгоцентричности, готовности поступиться собственными потребностями ради собственной безопасности. Можно предположить, что у людей с преобладанием этого архетипа личности жизненным кредо является «безопасность и здоровье превыше всего», «жизнь одна и другой не будет». При этом отмечается отрицательная корреляционная связь с инстинктом доминирования, то есть Невинный не стремится к лидерству, не умеет проявлять волю для достижения своих целей, не проявляет ответственность, эмоциональную сдержанность, рискованность.

По К. Пирсон, Невинный – архетип ребенка, который стремится к простоте, оптимизму, сам по себе доверчив, предсказуем, добр, зациклен на себе, что в той или иной мере подтверждается полученными личностными характеристиками, но расширяет их.

Таблица 1. **Корреляционные связи архетипа Невинного со шкалами опросников Р. Кеттела, Майерс-Бриггс и В. И. Гарбузова**
Table 1. **Correletation between the archetype of the Innocent with the scales of R. Kettell's, Myers-Briggs' and V. I. Garbuzov's questionnaires**

Сравниваемые показатели	*Количество респондентов*	*Коэффициент корреляции Спирмена*	*Достоверность (односторонний критерий)*
Невинный & Q4	120	-0,16	0,04
Невинный & Самосохранения	120	0,16	0,04
Невинный & Доминирование	120	-0,18	0,02

Примечание: $\alpha < 0{,}05$.

Следующий архетип личности, который будет рассмотрен, это архетип *Воина*. Было получено множество корреляционных связей. Данный архетип можно характеризовать эмоционально устойчивым, сдержанным, способным достигать своих личных целей без особых трудностей. Можно предположить, что Воин не расстраивается из-за пустяков и не поддается случайным колебаниям настроения, не теряется при столкновении с неожиданными ситуациями, он ответственен, обязателен, мужественен, решителен, дисциплинирован, отличается практичностью, стойкостью, смелостью, в некоторых случаях хитростью, стремится к порядку и не может поступать иначе по своим убеждениям. Умеет контролировать свои чувства и поведение. Мыслит рационально, не склонен к фантазиям, действует по логике, прежде чем принять решение, с аналитичностью оценивает свои шансы. При этом Воин характеризуется дружелюбием, общительностью, отзывчивостью. Все вышеперечисленные характеристики подтверждается двумя методиками. Если говорить о доминирующем инстинкте, то их у Воина четыре – исследовательский, доминирования, свободы и сохра-

нения достоинства, что также соотносится с другими методиками. Вероятно, для Воина важно проявлять лидерство, стремиться во всем добраться до сути, при этом он не терпим к любым ограничениям, а его жизненное кредо – «Честь превыше всего».

Таблица 2. **Корреляционные связи архетипа Воина со шкалами опросников Р. Кеттела, Майерс-Бриггс и В. И. Гарбузова**
Table 2. **Correletation between the archetype of the Warrior with the scales of R. Kettell's, Myers-Briggs' and V. I. Garbuzov's questionnaires**

Сравниваемые показатели	*Количество респондентов*	*Коэффициент корреляции Спирмена*	*Достоверность (односторонний критерий)*
Воин & C	120	0,18	0,02
Воин & G	120	0,35	0,000
Воин & H	120	0,24	0,003
Воин & I (по Кеттелу)	120	-0,30	0,000
Воин & N (по Кеттелу)	120	0,20	0,02
Воин & Q3	120	0,22	0,007
Воин & I (MBTI)	120	-0,16	0,04
Воин & S	120	0,17	0,03
Воин & N (MBTI)	120	-0,20	0,01
Воин & T	120	0,18	0,03
Воин & Исследовательский	120	0,20	0,01
Воин & Доминирования	120	0,37	0,000
Воин & Свободы	120	0,17	0,03
Воин & Сохранение достоинства	120	0,33	0,000

Примечание: $\alpha < 0,05$

Архетип *Сироты (Славного Малого),* согласно исследованию, характеризуется тревожностью, эмоциональной неустойчивостью, неспособностью контролировать свои эмоциональные импульсы, чувствительностью к порицаниям и замечаниям, ранимостью, боязливостью, напряженностью. Люди с преобладанием данного архетипа, вероятно, будут легко подвергаться различным страхам и тяжело переживать жизненные неудачи.

Таблица 3. **Корреляционные связи архетипа Славного Малого со шкалами опросников Р. Кеттела, Майерс-Бриггс и В. И. Гарбузова**
Table 3. **Correletation between the archetype of the Orphan with the scales of R. Kettell's, Myers-Briggs' and V. I. Garbuzov's questionnaires**

Сравниваемые показатели	*Количество респондентов*	*Коэффициент корреляции Спирмена*	*Достоверность (односторонний критерий)*
Славный Малый & MD	120	-0,23	0,005
Славный Малый & C	120	-0,31	0,000
Славный Малый & O	120	0,37	0,000
Славный Малый & Q1	120	0,15	0,05
Славный Малый & Q4	120	0,25	0,003
Славный Малый & T	120	-0,16	0,04
Славный Малый & Самосохранения	120	-0,17	0,04
Славный Малый & Продолжения рода	120	-0,17	0,04

Примечание: $\alpha < 0,05$.

Славный Малый может легко менять свою точку зрения, никакие принципы не являются для него абсолютными. Доминирующего инстинкта выявить не удалось, однако имеется отрицательная корреляционная связь с инстинктом продолжения рода, что может говорить о его нестремлении фиксироваться на семье и семейных ценностях. Это можно подтвердить тем, что Славный Малый, по К. Пирсон, также отражает архетип ребенка, но немного другую его сторону, подвергшуюся влиянию раненого или осиротевшего ребенка, который очень мало ждет от жизни, но учит эмпатии и реализму. Следует отметить, что данный архетип получил низкие значения по фактору «MD», который выявляет случаи, когда испытуемые пытаются создать слишком благоприятное представление о себе. Отрицательная корреляционная связь указывает на то, что для данного архетипа свойственно понимание, что значение каждого именно в том, каков он есть, поэтому он правдив в оценке себя.

Таблица 4. **Корреляционные связи архетипа Служителя со шкалами опросников Р. Кеттела, Майерс-Бриггс и В. И. Гарбузова**
Table 4. **Correletation between the archetype of the Caregiver with the scales of R. Kettell's, Myers-Briggs' and V. I. Garbuzov's questionnaires**

Сравниваемые показатели	*Количество респондентов*	*Коэффициент корреляции Спирмена*	*Достоверность (односторонний критерий)*
Служитель & MD	120	-0,18	0,02
Служитель & A	120	0,16	0,04
Служитель & E (по Кеттелу)	120	-0,30	0,000
Служитель & H	120	-0,16	0,04
Служитель & I (по Кеттелу)	120	0,18	0,02
Служитель & O	120	0,25	0,003
Служитель & Q1	120	0,16	0,04
Служитель & S	120	-0,17	0,03
Служитель & N (MBTI)	120	0,15	0,05
Служитель & T	120	-0,26	0,002
Служитель & F	120	0,25	0,003
Служитель & Самосохранения	120	-0,16	0,04
Служитель & Альтруистический	120	0,16	0,04

Примечание: $\alpha < 0,05$.

Архетип *Служителя* также стремится к честности и правдивой оценке своей личности. Он общителен, открыт, доверчив к окружающим. Людей с преобладанием этого архетипа можно охарактеризовать как эмоциональных, лабильных, импульсивных, они скорее интуитивны, чем последовательны. Проявляют сочувствие, мягкосердечие, человечность, сентиментальность, могут предсказывать то, как изменения ситуации повлияют на поведение людей. Служитель конформный, послушный, зависимый, руководствуется мнением окружающих, что также подтверждается доминирующим инстинктом – альтруистическим – и отвергаемым – самосохранения. Служитель чувствителен к опасности, у него ограниченные интересы, которые, вероятно, проявляются в бескорыстности по отношению к людям, сопереживании, доброте, миролюбии, что соответствуют трактовке К. Пирсон данного архетипа как Заботливого родителя.

Следующий архетип, который будет рассмотрен, *Искатель*. Данный архетип характеризуется гибкостью, легкой сменой точки зрения, терпимостью к противоречиям.

Таблица 5. **Корреляционные связи архетипа Искателя со шкалами опросников Р. Кеттела, Майерс-Бриггс и В. И. Гарбузова**
Table 5. **Correletation between the archetype of the Seeker with the scales of R. Kettell's, Myers-Briggs' and V. I. Garbuzov's questionnaires**

Сравниваемые показатели	*Количество респондентов*	*Коэффициент корреляции Спирмена*	*Достоверность (односторонний критерий)*
Искатель & Q1	120	0,28	0,001
Искатель & Q4	120	0,22	0,02
Искатель & E (MBTI)	120	0,18	0,02
Искатель & I (MBTI)	120	-0,20	0,02
Искатель & S	120	-0,14	0,05
Искатель & Самосохранения	120	0,16	0,04
Искатель & Исследовательский	120	0,23	0,005
Искатель & Доминирования	120	0,31	0,000

Примечание: $\alpha < 0,05$.

Вероятно, при преобладании архетипа *Искателя* у человека можно наблюдать наличие большого количества потребностей, которые не нашли своего удовлетворения. Он склонен к взаимодействиям с окружающими, общителен, энергичен, активен, не любит задумываться, сначала делает, а потом думает. Согласно данным, у Искателя преобладают три инстинкта – доминирования, самосохранения и исследовательский. Это говорит о том, что для него характерно стремление к исследовательской деятельности, склонность к поиску нового, способность оставлять обжитое место для осуществления рискованных новых интересных дел и задач. Искатель стремится к доминированию, настойчив в достижении целей. При этом он эгоцентричен, мнителен и несколько тревожен.

Архетип *Разрушителя (Бунтаря)* также характеризуется откровенностью в оценке себя. Для него свойственна юношеская мятежность, он предпочитает разрушать устоявшиеся способы, действия и имеет сильное желание противостоять распространенным взглядам и привычкам. Люди с преобладанием архетипа Разрушителя обладают критичным мышлением, на веру никакую информацию не принимают, могут быстро менять свою точку зрения.

Таблица 6. **Корреляционные связи архетипа Разрушителя со шкалами опросников Р. Кеттела, Майерс-Бриггс и В. И. Гарбузова**
Table 6. **Correletation between the archetype of the Destroyer with the scales of R. Kettell's, Myers-Briggs' and V. I. Garbuzov's questionnaires**

Сравниваемые показатели	*Количество респондентов*	*Коэффициент корреляции Спирмена*	*Достоверность (односторонний критерий)*
Разрушитель & MD	120	0,35	0,000
Разрушитель & Q1	120	0,20	0,01
Разрушитель & Q3	120	-0,18	0,02
Разрушитель & Q4	120	0,21	0,01
Разрушитель & S	120	-0,22	0,01
Разрушитель & N (MBTI)	120	0,19	0,02
Разрушитель & J	120	-0,19	0,02
Разрушитель & Самосохранения	120	-0,16	0,04
Разрушитель & Продолжения рода	120	-0,26	0,002

Примечание: $\alpha < 0,05$.

Разрушитель гибкий, спонтанный, непредсказуемый, экспериментальный. Для данного архетипа характерен низкий самоконтроль поведения, импульсивность, эмоциональная неустойчивость, напряженность, раздражение по пустякам, нетерпимость к критике. Он скорее интуитивен, всюду ищет новые возможности и способы выполнения дел, любит обучаться новым навыкам. Ведущий инстинкт не был выявлен, но полученная отрицательная корреляционная связь указывает на отвержение инстинктов самосохранения и продолжения рода. Это может свидетельствовать о рискованности, отсутствии тревожности в отношении своего здоровья и благополучия, а также семейственности, что подтверждает и расширяет информацию о данном архетипе.

Архетип *Влюбленного* легок в общении, открыт, экспрессивен, жизнерадостен, разговорчив, импульсивен, заряжается энергией посредством общения, любит, чтобы вокруг его рабочего места были люди. Он ориентирован на чувства и эмоции, любит гармонию в отношениях, прилагает усилия для её достижения, может хорошо предсказывать то, как изменения ситуации повлияет на поведение людей. Можно предположить, что Влюбленный получает удовольствие от вечеринок, зрелищ, а также от работы, которая предполагает разнообразие, перемены и путешествия. Вероятно, данный архетип легко относится к жизни, верит в удачу, находчив, остроумен в разговорах, стремится все делать самостоятельно, нетерпелив при длинной и медленной работе. Наряду с некоторой беспечностью, Влюбленный может проявлять дисциплинированность, зрелость, добросовестность, обязательность, точность и аккуратность в делах. Ни положительной, ни отрицательной корреляционной связи с инстинктами выявить не удалось.

Таблица 7. **Корреляционные связи архетипа Влюбленного со шкалами опросников Р. Кеттела, Майерс-Бриггс и В. И. Гарбузова**
Table 7. **Correletation between the archetype of the Lover with the scales of R. Kettell's, Myers-Briggs' and V. I. Garbuzov's questionnaires**

Сравниваемые показатели	*Количество респондентов*	*Коэффициент корреляции Спирмена*	*Достоверность (односторонний критерий)*
Влюбленный & A	120	0,25	0,003
Влюбленный & F	120	0,22	0,01
Влюбленный & G	120	0,18	0,03
Влюбленный & E (MBTI)	120	0,27	0,001
Влюбленный & I (MBTI)	120	-0,26	0,002
Влюбленный & T	120	-0,28	0,001
Влюбленный & F	120	0,28	0,001

Примечание: $\alpha < 0,05$.

Архетип *Созидателя* также представляется общительным, открытым, дружелюбным, отзывчивым, доверчивым, его отличает богатство и яркость эмоциональных проявлений, не испытывает трудностей в общении. При этом он умеет держать себя в руках, постоянен в интересах, настойчив по необходимости. Вероятно, его интересы представлены эмоциональностью и художественностью. Созидатель имеет тягу к риску и острым ощущениям, не теряется при столкновении с неожиданными ситуациями и быстро забывает о неудачах. С другой стороны люди при преобладании данного архетипа мечтательны, оригинальны, поглощены идеями и фантазиями, слегка рассеянны, у них хорошее воображение, они гибкие. Созидатель может интересоваться искусством, теоретическими и абстрактными вопросами, мировоззренческими проблемами, на это также указывает один из преобладающим инстинктов – исследовательский.

Таблица 8. **Корреляционные связи архетипа Созидателя со шкалами опросников Р. Кеттела, Майерс-Бриггс и В. И. Гарбузова**
Table 8. **Correletation between the archetype of the Creator with the scales of R. Kettell's, Myers-Briggs' and V. I. Garbuzov's questionnaires**

Сравниваемые показатели	*Количество респондентов*	*Коэффициент корреляции Спирмена*	*Достоверность (односторонний критерий)*
Созидатель & A	120	0,20	0,02
Созидатель & C	120	0,20	0,02
Созидатель & H	120	0,21	0,01
Созидатель & M	120	0,15	0,05
Созидатель & N (по Кеттелу)	120	0,17	0,03
Созидатель & Q1	120	0,27	0,002
Созидатель & E (MBTI)	120	0,16	0,04
Созидатель & I (MBTI)	120	-0,20	0,02
Созидатель & J	120	-0,19	0,02
Созидатель & P	120	0,15	0,05
Созидатель & Исследовательский	120	0,32	0,000
Созидатель & Сохранения достоинства	120	0,25	0,003

Примечание: $\alpha < 0,05$.

Он склонен к созерцательной позиции, предпочитает оставаться открытым для нового опыта, доверяя своей способности адаптироваться к изменениям и испытывая удовольствие от перемен, он ориентирован скорее на процесс, чем на результат. Его волнует, чтобы он не был похож на других, в социальных ситуациях проницателен, умеет хитро и умело себя вести.

Наряду с исследовательским, был выявлен такой инстинкт, как сохранение достоинства. Это может говорить о том, что Созидатель нетерпим к любым формам унижения, готов поступиться своим благополучием и социальным статусом для сохранения собственного достоинства, что раскрывает новую грань этого архетипа.

Также интерес представляют результаты, полученные по архетипу *Мудреца*. Это единственный архетип, у которого имеется положительная корреляция с фактором «В», что говорит о высоких общих мыслительных способностях, широких интеллектуальных интересах, он быстро обучается, соображает, отличается образованностью, а наряду с положительной корреляцией с фактором «М» можно говорить о высоком творческом потенциале. Но в большинстве случаев действует по логике, является эмоционально зрелым, больше доверяет рассудку, чем чувствам. Он умеет хорошо контролировать и свои эмоции, и своё поведение, умеет планировать свою жизнь, сначала думает, а потом действует, ему не свойственно останавливаться перед трудностями. Мудрец, вероятно, скромный, тактичный, робкий, осторожный, несмотря на хорошие интеллектуальные способности, не всегда может отстоять свою точку зрения, следует за более сильным, может легко подавляться авторитетами. Доминирующего инстинкта не выявлено.

Таблица 9. **Корреляционные связи архетипа Мудреца со шкалами опросников Р. Кеттела, Майерс-Бриггс и В. И. Гарбузова**
Table 9. **Correletation between the archetype of the Sage with the scales of R. Kettell's, Myers-Briggs' and V. I. Garbuzov's questionnaires**

Сравниваемые показатели	*Количество респондентов*	*Коэффициент корреляции Спирмена*	*Достоверность (односторонний критерий)*
Мудрец & B	120	0,23	0,01
Мудрец & E (по Кеттелу)	120	-0,26	0,002
Мудрец & I (по Кеттелу)	120	-0,20	0,02
Мудрец & M	120	0,25	0,003
Мудрец & Q3	120	0,15	0,05

Примечание: $\alpha < 0,05$.

Архетип *Мага* при взаимодействии с окружающими эмоциональный, открытый, экспрессивный, лабильный, дружелюбный, любит быть на виду, умеет хитро и умело себя вести в обществе с другими людьми. При этом можно отметить недоверчивость, раздражительность, склонность к соперничеству, фиксированность на неудачах, подозрительность. Люди с преобладанием данного архетипа часто ищут тайну или подвох, могут считать своих друзей способными на нечестность, их беспокоит то, что люди говорят о них, могут критично относиться к радостям других, его настроение и поведение может зависеть от одобрения или неодобрения со стороны окружающих. Маг ориентируется на мнение группы, нуждается в поддержке и советах окружающих, что раскрывает не самые положительные стороны архетипа.

Маг ответственен, обязателен, настойчив, упорен, не нарушает правила, даже если они кажутся пустой формальностью, проницателен, честолюбив, становится нетерпеливым при медленной работе. Вероятно, у этого архетипа имеются разнообразные интеллектуальные интересы, он стремится быть хорошо информированным, отличается гибкостью. Ведущими инстинктами Мага являются исследовательский, доми-

нирования и свободы, что говорит о склонности к исследовательской, поисковой и творческой работе, лидерству (даже борьбе за лидерство), к решению сложных организационных задач, эгоцентризму, к тщательно просчитанному риску, при этом можно наблюдать предрасположенность к протесту, перемене мест, нетерпимость к любым формам ограничений и подавлению его Я.

Таблица 10. **Корреляционные связи архетипа Мага со шкалами опросников Р. Кеттела, Майерс-Бриггс и В. И. Гарбузова**
Table 10. **Correletation between the archetype of the Magician with the scales of R. Kettell's, Myers-Briggs' and V. I. Garbuzov's questionnaires**

Сравниваемые показатели	*Количество респондентов*	*Коэффициент корреляции Спирмена*	*Достоверность (односторонний критерий)*
Маг & A	120	0,18	0,03
Маг & G	120	0,27	0,002
Маг & H	120	0,23	0,005
Маг & L	120	0,19	0,02
Маг & N (по Кеттелу)	120	0,16	0,04
Маг & Q1	120	0,25	0,003
Маг & Q2	120	-0,20	0,02
Маг & E (MBTI)	120	0,29	0,001
Маг & I (MBTI)	120	-0,27	0,001
Маг & Исследовательский	120	0,18	0,02
Маг & Доминирования	120	0,29	0,001
Маг & Свободы	120	0,16	0,03

Примечание: $\alpha < 0,05$.

У *Шута* были получены очень высокие корреляционные связи с экстравертированностью. Данный архетип фокусируется на внешнем мире людей, «заряжается» энергией в процессе общения, у него обширный круг знакомств, общаясь с людьми, становится активнее и не устает от них, любит быть на виду. Шут беззаботен, эмоционален, импульсивен, экспрессивен, мятежен, безрассуден, тревожен, возбужден, сначала говорит и делает, а потом уже думает, имеет тягу к риску и острым ощущениям, не теряется при столкновении с неожиданными ситуациями и быстро забывает о неудачах, может легко менять свою точку зрения. Отличается гибкостью, низким самоконтролем над собственными желаниями и поведением, отсутствием осторожности и тревожности в отношениях всего нового и неизвестного, на это указывают отрицательные корреляционные связи по фактору «Q3» и инстинкту самосохранения. Интересным является то, что этому архетипу нравится доминировать, приказывать, контролировать людей, можно отметить склонность к самоутверждению, самостоятельности и независимости, ему нравится «принимать вызовы» и чувствовать превосходство над другими, на это также указывает высокая корреляционная связь с инстинктом доминирования.

Таблица 11. **Корреляционные связи архетипа Шута со шкалами опросников Р. Кеттела, Майерс-Бриггс и В. И. Гарбузова**
Table 11. **Correletation between the archetype of the Jester with the scales of R. Kettell's, Myers-Briggs' and V. I. Garbuzov's questionnaires**

Сравниваемые показатели	*Количество респондентов*	*Коэффициент корреляции Спирмена*	*Достоверность (односторонний критерий)*
Шут & A	120	0,20	0,02
Шут & E (по Кеттелу)	120	0,26	0,002
Шут & H	120	0,36	0,0000
Шут & Q1	120	0,25	0,003
Шут & Q3	120	-0,24	0,004
Шут &Q4	120	0,16	0,04
Шут & E (MBTI)	120	0,53	0,00000
Шут & I (MBTI)	120	-0,51	0,00000
Шут & S	120	-0,29	0,001
Шут & N (MBTI)	120	0,19	0,02
Шут & J	120	-0,48	0,00000
Шут & P	120	0,44	0,00000
Шут & Самосохранения	120	-0,15	0,05
Шут & Доминирования	120	0,30	0,000

Примечание: $\alpha < 0,05$.

Таблица 12. **Корреляционные связи архетипа Правителя со шкалами опросников Р. Кеттела, Майерс-Бриггс и В. И. Гарбузова**
Table 12. **Correletation between the archetype of the Ruler with the scales of R. Kettell's, Myers-Briggs' and V. I. Garbuzov's questionnaires**

Сравниваемые показатели	*Количество респондентов*	*Коэффициент корреляции Спирмена*	*Достоверность (односторонний критерий)*
Правитель & C	120	0,23	0,01
Правитель & H	120	0,26	0,002
Правитель & Q3	120	0,16	0,05
Правитель & E (MBTI)	120	0,20	0,02
Правитель & I (MBTI)	120	-0,16	0,05
Правитель & Доминирования	120	0,30	0,0000
Правитель & Сохранения достоинства	120	0,20	0,02

Примечание: $\alpha < 0,05$.

Архетип *Правителя* представлен эмоциональной зрелостью, приспособленностью к жизни, способностью достигать своих личных целей без особых трудностей. Правитель не скрывает от себя собственных недостатков, не расстраивается из-за пустяков и не поддается случайным колебаниям настроения. Является социально смелым, решительным (склонен быстро принимать решения), не теряется при столкновении с соперничеством, с трудностями, препятствиями.

Люди с преобладанием этого архетипа не испытывают трудностей в общении, легко вступают в контакты, общительны, не боятся публичных выступлений, имеют обширный круг знакомств, любят пробовать все делать самостоятельно, заботятся о своей репутации. Правитель организован, умеет хорошо контролировать свои эмоции и поведение, способен эффективно управлять своей энергией, хорошо планировать свою жизнь. Он сначала думает, потом действует, склонен доводить начатое дело до конца, не дает обещаний, которые не может выполнить. Ведущими инстинктами Правителя являются – доминирование и сохранение достоинства, характеризующие его мужественным, ответственным, способным к прогнозированию лидером, который не терпит любых форм унижения и ущемления прав человека.

Выводы

Таким образом, по каждому архетипу была получена описательная психологическая характеристика. А значит можно говорить, что методика К. Пирсон и Х. Марр «12 архетипов» диагностирует личностные характеристики, а полученные выше психологические портреты по каждому из архетипов системы К. Пирсон расширили её. Вероятно, систему К. Пирсон «12 архетипов» можно использовать как типологию личности.

Литература

1. Агавелян О. К., Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М. Вербально-визуальные характеристики архетипов в современных представлениях личности // Сибирский вестник специального образования. 2011. № 1(3). С. 17 – 27.

2. Гарбузов В. И. Практическая психотерапия, или как вернуть ребенку и подростку уверенность в себе, истинное достоинство и здоровье. М.: Сфера, 1994.

3. Зарубко Е. Ю. Архетипы в обыденном сознании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 10(27). С. 37 – 43.

4. Кравцова Н. А., Катасонова А. В., Довженко А. Ю., Денисова В. А., Рабовалюк Л. Н. Факторы и механизмы развития психосоматических расстройств // Тихоокеанский медицинский журнал. 2013. № 4. С. 48 – 55.

5. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005.

6. Перевозкина Ю. М., Дмитриева Н. В., Перевозкин С. Б., Рюмина Т. В., Ганпанцурова О. Б. Построение конструкта для изучения доминантного архетипа // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 3. С. 213 – 217.

7. Рукавишников А. А., Соколова В. М. Факторный личностный опросник Р. Кеттелла: методическое руководство. СПб.: ИМАТОН, 2001.

8. Шалаева Т. И. Использование типологического опросника Маейрс-Бриггс в практике работников службы занятости: методическое пособие. Саратов: ПМУЦ, 2002.

9. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

10. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001.

Информация об авторе:

Капустина Татьяна Викторовна – преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин Тихоокеанского государственного медицинского университета, г. Владивосток, 12_archetypesplus@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 29.01.2016 г., принята к печати 06.04.2016 г.

PSYCHOLOGICAL DIAGNOSTICS OF PERSONALITY CHARACTERISTICS USING K. PEARSON AND H. MARR'S "12 ARCHETYPES" TEST

***Tatiana V. Kapustina*[1, @]**

[1] *Pacific State Medical University*
[@] *12_archetypesplus@mail.ru*

The archetype of the personality is studied from the position of the culturological analysis, but its psychological component is not investigated. It should be noted that the archetype is capable to predetermine the behavior of the person; therefore, researching of an archetype of the personality is topical. The paper presents the results of the empirical research conducted with the help of "12 archetypes" test (K. Pearson and H. Marr). This test defines the dominating archetype of the personality, but its results are low-informative. 120 students of the Pacific State Medical University (60 young men and 60 girls at the age of 20 – 25 years) participated in the research. In the research "12 archetypes" test (K. Pearson and H. Marr), Myers-Briggs Type Indicator, R. Kettell's Sixteen Personality Factor Questionnaire (Form C) and V. I. Garbuzov's questionnaire for diagnostics of the dominating instinct were used. The results allowed expanding the test. Detailed descriptive characteristics of each archetype of Pearson's system were received.

Keywords: archetype, personality characteristics, psychological diagnostics, diagnostics of archetypes, "12 archetypes" tes.

For citation: Kapustina T. V. Psikhodiagnostika lichnostnykh kharakteristik s pomoshch'iu metodiki K. Pirson i Kh. Marr «12 arkhetipov» [Psychological diagnostics of personality characteristics using K. Pearson and H. Marr's "12 archetypes" test]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 93 – 101.

References

1. Agavelian O. K., Perevozkin S. B., Perevozkina Iu. M. Verbal'no-vizual'nye kharakteristiki arkhetipov v sovremennykh predstavleniiakh lichnosti [Verbally-visual characteristics of archetypes in modern representations of the person abstract]. *Sibirskii vestnik spetsial'nogo obrazovaniia – Siberian messenger of vocational education,* no. 1(3) (2011): 17 – 27.
2. Garbuzov V. I. *Prakticheskaia psikhoterapiia, ili kak vernut' rebenku i podrostku uverennost' v sebe, istinnoe dostoinstvo i zdorov'e* [Practical psychotherapy or how to return to the child and the teenager self-confidence, true advantage and health]. Moscow: Sphera, 1994.
3. Zarubko E. Iu. Arkhetipy v obydennom soznanii [The archetypes in the everyday awareness]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Messenger of the South Ural State University,* no. 10(27) (2010): 37 – 43.
4. Kravtsova N. A., Katasonova A. V., Dovzhenko A. Iu., Denisova V. A., Rabovaliuk L. N. Faktory i mekhanizmy razvitiia psikhosomaticheskikh rasstroistv [Factors and mechanisms of psychosomatic disorders]. *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal – Pacific medical magazine,* no. 4 (2013): 48 – 55.
5. Mark M., Pearson C. *Geroi i buntar'. Sozdanie brenda s pomoshch'iu arkhetipov* [The hero and the outlaw. Building extraordinary brands through the power of archetypes]. Saint-Petersburg: Piter, 2005.
6. Perevozkina Iu. M., Dmitrieva N. V., Perevozkin S. B., Riumina T. V., Ganpantsurova O. B. Postroenie konstrukta dlia izucheniia dominantnogo arkhetipa [Creation of construct for studying of the dominant archetype]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal – Siberian pedagogical magazine,* no. 3 (2013): 213 – 217.
7. Rukavishnikov A. A., Sokolova V. M. *Faktornyi lichnostnyi oprosnik R. Cattell*: metodicheskoe rukovodstvo [Factorial personal questionnaire of R. Cattell]. Saint-Petersburg: IMATON, 2001.
8. Shalaeva T. I. *Ispol'zovanie tipologicheskogo oprosnika Maeirs-Briggs v praktike rabotnikov sluzhby zaniatosti*: [Use of a typological questionnaire of Mayeyrs-Briggs in practice of workers of an employment service]. Saratov: PMUC, 2002.
9. Jung C. G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow: Renessans. 1991.
10. Jung C. G. *Psikhologicheskie tipy* [Psychological types]. Moscow: Azbuka. 2001.

Received 29.01.2016, accepted 06.04.2016.

УДК 159.9:331.101.3

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛОВ ОСОБЫХ УСЛОВИЙ ТРУДА (на примере сотрудников пограничной, полицейской и таможенной служб)

***Д. С. Люкшина*[1, @]**

[1] *Тихоокеанский государственный медицинский университет*
[@] *danyasergeevna@gmail.com*

Цель статьи – выявление и описание ценностных ориентаций у сотрудников пограничной, полицейской и таможенной служб. От умения данных специалистов решать профессиональные задачи по защите и охране государственных и экономических рубежей, правопорядка внутри государства в ситуациях повышенной ответственности зависит будущее страны на современном этапе нестабильного мирового развития. Выявлено, что у сотрудников полицейской, пограничной и таможенной служб в группе терминальных ценностей доминируют конкретные жизненные ценности и ценности личной жизни, в группе инструментальных ценностей – этические ценности, ценности общения и ценности дела. В наименее значимых терминальных ценностях находятся абстрактные терминальные ценности, в инструментальных – самоутверждения и индивидуалистические ценности. У представителей исследуемых групп отмечено сходство профилей рейтинга доминирующих и незначимых ценностных ориентаций. Группу общих для исследуемых групп доминирующих терминальных ценностей составили ценности: здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь. Группу доминирующих инструментальных ценностей составили воспитанность, честность, ответственность, образованность. Группа общих для трёх исследуемых групп незначимых терминальных ценностей: красота природы и искусства, развлечение, творчество. Группу незначимых инструментальных ценностей формируют ценности: высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других.

Ключевые слова: ценностные ориентации, терминальные ценности, инструментальные ценности, сотрудники пограничной службы, сотрудники полиции, сотрудники таможенной службы.

Для цитирования: Люкшина Д. С. Ценностные ориентации профессионалов особых условий труда (на примере сотрудников пограничной, полицейской и таможенной служб) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 102 – 108.

В современном мире Россия всё чаще сталкивается с многочисленными вызовами со стороны других стран и субъектов влияния. Необходимо отметить, что со времен второй мировой войны социально-политическая неустойчивость мирового пространства и господство отдельных государств так не угрожали нарушением государственных и экономических рубежей нашей страны и не влияли на правопорядок внутри государства. Изменение политической расстановки сил в мире, появление новых центров экономического роста и политического влияния, провоцирующих реальные угрозы не только региональной, но и всей мировой безопасности, делает актуальным интерес к изучению психологии специалистов особых условий труда, обеспечивающих экономическую и политическую безопасность нашей страны. Особенно актуальным представляется изучение ценностно-мотивационной сферы специалистов, занимающихся охраной государственных и экономических рубежей страны и правопорядка внутри государства. На сотрудников пограничной, полицейской и таможенной служб возлагаемые требования по защите рубежей нашей страны в мирное время снова возрастают. От умения этих специалистов решать профессиональные задачи в ситуациях повышенной ответственности зависит будущее нашей страны на современном этапе нестабильного мирового развития.

Ценностные ориентации изучаются уже давно специалистами различных областей наук, таких как философия, социология, психология, но прежде не было проведено исследований, посвященных изучению ценностных ориентации профессионалов особых условий труда.

Большой вклад в изучение ценностных ориентаций внесли: М. Рокич, Д. А. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Е. И. Головаха, А. Г. Здравомыслов, М. С. Яницкий, А. В. Серый и др. [6; 9; 10].

М. Рокич под ценностями понимает «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения, либо конечная цель существования» [9].

М. Рокич выделяет два класса ценностей на основе ценностей-целей и ценностей-средств:

– терминальные ценности – убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной или общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться;

– инструментальные ценности – убеждения в том, что какой-то образ действий является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях [9].

Д. А. Леонтьев представляет противоположные ценностные системы, объединенные в блоки по различным основаниям [5]. В терминальных ценностях он выделяет следующие дихотомии.

1. Конкретные жизненные ценности (здоровье, работа, друзья, семейная жизнь) – абстрактные ценности (познание, развитие, свобода, творчество).

2. Ценности профессиональной самореализации (интересная работа, продуктивная жизнь, творчество, активная деятельная жизнь) – ценности личной жизни (здоровье, любовь, наличие друзей, развлечения, семейная жизнь).

3. Индивидуальные ценности (здоровье, творчество, свобода, активная деятельная жизнь, развлечения, уверенность в себе, материально обеспеченная жизнь) – ценности межличностных отношений (наличие друзей, счастливая семейная жизнь, счастье других).

4. Активные ценности (свобода, активная деятельная жизнь, продуктивная жизнь, интересная работа) – пассивные ценности (красота природы и искусства, уверенность в себе, познание, жизненная мудрость).

В инструментальных ценностях Д. А. Леонтьев выделяет:

1. Этические ценности (честность, непримиримость к недостаткам) – ценности межличностного общения (воспитанность, жизнерадостность, чуткость) – ценности профессиональной самореализации (ответственность, эффективность в делах, твердая воля, исполнительность).

2. Индивидуалистические ценности (высокие запросы, независимость, твердая воля) – конформистские ценности (исполнительность, самоконтроль, ответственность) – альтруистические ценности (терпимость, чуткость, широта взглядов).

3. Ценности самоутверждения (высокие запросы, независимость, непримиримость, смелость, твердая воля) – ценности принятия других (терпимость, чуткость, широта взглядов).

4. Интеллектуальные ценности (образованность, рационализм, самоконтроль) – ценности непосредственно-эмоционального мироощущения (жизнерадостность, честность, чуткость).

М. С. Яницкий говорит, что ценностные ориентации – это особые психологические образования, составляющие иерархическую систему и существующие в структуре личности в качестве ее элементов. Невозможно представить ориентацию личности на ценность как некое изолированное образование, не учитывающее ее приоритетность, субъективную важность относительно других ценностей, не включенное в систему [9].

По мнению О. М. Краснорядцевой, ценностные ориентации «детерминируют профессиональное поведение, обеспечивая содержание и направленность деятельности и придавая смысл профессиональным действиям» [4, с. 28].

В. И. Султанбеков и А. И. Тимофеев считают, что «формирование устойчивой системы ценностных ориентаций у будущих офицеров, наряду с гражданственностью, патриотизмом, на сегодняшний день является одной из приоритетных задач военного образования» [8, с. 185 – 186].

По мнению Р. В. Кадырова и Е. Е. Заплетнюк, специфика деятельности сотрудников МВД проявляется в решении профессиональных задач в ситуациях, сопровождающихся высокой степенью личного риска и опасности для жизни; повышенной ответственности за свои действия; в интенсивной межличностной коммуникации с асоциальными и криминальными личностями; в отсутствии фиксированного рабочего времени; в перенесении длительного эмоционального напряжения, тревожного состояния, чувства страха, неопределенности; в постоянной интеллектуальной активности [1, с. 152].

Сотрудники таможенной службы Приморского края выполняют важные функции: занимаются обеспечением таможенно-тарифного регулирования, запретов и ограничений, установленных в соответствии с законодательством РФ о государственном регулировании внешней торговой деятельности, связанных с перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу, нелегальным ввозом и вывозом товаров на территорию РФ и с ее территории в Восточно-азиатские страны [2, с. 119]. Д. С. Корнилова, исследовав ценностные ориентации сотрудников таможенной службы в кризисных ситуациях профессиональной деятельности, выявила, что у них преобладают общечеловеческие ценности, а наименее значимы – ценности досуговой активности [3, с. 196].

Используя методику М. Рокича «Изучение ценностных ориентаций» мы провели исследование у сотрудников пограничной, полицейской и таможенной служб. Исходя из результатов исследования по методике на рис. 1 представлена частота встречаемости терминальных ценностей характерных для работников пограничной, полицейской и таможенной служб. На диаграмме максимальная амплитуда характеризует ценностные ориентации, поставленные респондентами на последнее место, а минимальные значения характеризуют предпочитаемые ценностные ориентации, поставленные респондентами на первые места.

К доминирующим терминальным ценностям, характерным для работников пограничной, полицейской и таможенной служб, были отнесены ценности, занявшие первые 5 мест в иерархии по частоте встречаемости. Как показано на рис. 1, доминирующими терминальными ценностями у работников пограничной службы являются: здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь, материально обеспеченная жизнь, наличие хороших, верных друзей. У полицейских доминируют такие ценности, как здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь. Доминирующие терминальные ценности у сотрудников таможенной службы: здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь, материально обеспеченная жизнь. У всех трех групп доминируют конкретные жизненные ценности и ценности личной жизни.

К незначимым терминальным ценностям были отнесены ценности, занявшие последние 5 мест в иерархии по частоте встречаемости. Как показано на рис. 1, меньше всего респонденты всех трех групп ценят абстрактные терминальные ценности: красоту природы и искусства, развлечения, творчество. Для сотрудников пограничной и таможенной служб менее значима абстрактная терминальная ценность – счастье других. Для сотрудников полицейской и таможенной служб менее значима конкретная жизненная ценность – общественное признание. Только для пограничников абстрактная терминальная ценность – свобода – попадает в группу не значимых терминальных ценностей.

Исходя из результатов исследования по методике на рис. 2 представлена частота встречаемости инструментальных ценностей, характерных для работников пограничной, полицейской и таможенной служб. На диаграмме максимальная амплитуда характеризует ценностные ориентации, поставленные респондентами на последнее место, а минимальные значения характеризуют предпочитаемые ценностные ориентации, которые респонденты ставят на первые места.

Рис. 1. ***Частота встречаемости терминальных ценностей, характерных для работников пограничной, полицейской и таможенной служб, по методике «Изучение ценностных ориентаций» М. Рокича. По шкале ординат обозначены места ценностей в системе ценностных ориентаций: от 1-ого самого значимого к 18-му месту, самому не значимому***

Fig. 1. ***Frequency of the terminal values typical for the employees of Border, Police and Customs Services revealed by M. Rokeach Value Orientations Method. The axis of ordinates reflects the ranks of the values in the value orientations system: from the 1st (the most valuable) to the 18th (the least valuable)***

К доминирующим инструментальным ценностям были отнесены ценности, занявшие первые 5 мест в иерархии по частоте встречаемости. Как показано на рис. 2, доминирующими инструментальными ценностями у работников пограничной, полицейской и таможенной служб являются: ценности общения – воспитанность, честность, этические ценности – ответственность, ценности дела – образованность. Доминирующие инструментальные ценности данных работников относятся к сфере трудовой деятельности. Только у сотрудников таможенной службы доминирующей инструментальной ценностью общения выступает жизнерадостность.

К незначимым инструментальным ценностям были отнесены ценности, занявшие последние 5 мест в иерархии по частоте встречаемости. Как показано на рис. 2, наименее значимыми инструментальными ценностями у работников пограничной, полицейской и таможенной служб являются ценности самоутверждения: высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других. Для сотрудников пограничной и полицейской служб наименее значимой индивидуалистической ценностью выступает рационализм.

Для определения достоверности различий в группах сотрудников пограничной, полицейской и таможенной служб с разным уровнем ценностей используем Н-критерий Крускала-Уоллиса [7, с. 56].

Н-критерий Крускала-Уоллиса показал наличие достоверных различий в исследуемых группах у сотрудников пограничной, полицейской и таможенной служб по следующим терминальным ценностям: интересная работа, красота природы и искусства, любовь, материально обеспеченная жизнь, наличие хороших, верных друзей, продуктивная жизнь, развитие, развлечения, свобода, счастливая семейная жизнь, счастье других, уверенность в себе. По инструментальным ценностям: аккуратность, жизнерадостность, исполнительность, независимость, непримиримость к недостаткам в себе и других, образованность, ответственность, рационализм, самоконтроль, смелость в отстаивании своего мнения, твердая воля, честность.

Так как Н-критерий Крускала-Уоллиса позволяет установить изменения в уровне признака, но не указывает их направление, мы используем U-критерий Манна-Уитни. Анализ результатов, проведённый с помощью Н-критерия Крускала-Уоллиса и U-критерия Манна-Уитни, позволяет говорить о значимой достоверности различий по следующим ценностям в группах сотрудников пограничной, полицейской и таможенной служб.

Рис. 2. ***Частота встречаемости инструментальных ценностей, характерных для работников пограничной, полицейской и таможенной служб, по методике «Изучение ценностных ориентаций» М. Рокича. По шкале ординат обозначены места ценностей в системе ценностных ориентаций: от 1-ого самого значимого к 18-му месту, самому не значимому***

Fig. 2. ***Frequency of the instrumental values typical for the employees of Border, Police and Customs Services revealed by M. Rokeach Value Orientations Method. The axis of ordinates reflects the ranks of the values in the value orientations system: from the 1st (the most valuable) to the 18th (the least valuable)***

Конкретные терминальные ценности: интересная работа, любовь, наличие хороших, верных друзей, продуктивная жизнь, развлечения – наиболее значимы для сотрудников пограничной службы, чем для полицейских и таможенных служащих. Пограничники большую часть своей жизни проводят защищая госграницу, и работа должна им нравиться, приносить удовольствие, позволять открывать что-то новое и самореализовываться. Семейный уклад, чувство привязанности, любви, радости, значимости, надежные и верные друзья, умеющие нести ответственность за совершаемые поступки, держать свое слово, на которых можно опереться и быть уверенным, что они смогут защитить и прикрыть спину друг другу. Пограничники постоянно находятся на службе, в экстремальных условиях, в строго режимном распорядке дня. Вероятно, компенсируя особые условия труда, они стремятся прожить жизнь насыщенно, интересно, успеть самореализоваться, получить новые положительные эмоции и впечатления за счет развлечений, во внеслужебное время или период отпусков.

Конкретная терминальная ценность *материально обеспеченная жизнь* наиболее значима для сотрудников пограничной службы, чем для сотрудников таможенной и полицейской службы. Вероятно, они считают, что определенный уровень достатка и стабильности полагается им за прилагаемые усилия и профессиональные риски в работе. Каждая работа должна быть оплачена по заслугам, а особенно постоянная работа по охране государственной границы от незаконных иностранных лиц и запрещенных товаров.

Абстрактные терминальные ценности: развитие и счастье других – наиболее значимы для сотрудников полицейской службы, чем для сотрудников таможенной и пограничной служб, вероятно, из-за особенностей профессиональной деятельности сотрудников полиции при необходимости различения плохого или хорошего, законного или незаконного поведения. А в законе не всегда прописаны все возможные ситуации и их трактовка. Поэтому неверное решение может стоить гражданам государства жизни, здоровья, свободы, в связи с чем полицейскому необходимо постоянно профессионально совершенствоваться.

Абстрактные терминальные ценности: красота природы и искусства, уверенность в себе – наиболее значимы для сотрудников таможенной службы, чем для полицейских и пограничников. Сотрудники таможенной службы постоянно взаимодействуют с иностранными гражданами, объясняют, показывают и доносят информацию для всех, не используя силу и не

проявляя агрессию. Компетентные специалисты со знанием таможенного кодекса могут профессионально справиться с данной задачей. Возможно, они тонко чувствующие натуры, умеющие выполнять работу по экономическому контролю государственной границы, и умеющие видеть и чувствовать красоту ввозимых и вывозимых товаров, особенно запрещенных, оберегая природу Дальневосточного региона.

Терминальная ценность *свобода* наиболее значима для сотрудников службы таможенной, чем для пограничников. Сотрудники таможенной службы имеют нормированный график и возможность высказывать свое мнение по рабочим вопросам. В принятии решения сотрудник таможенной службы несет личную ответственность, подкрепленную личной номерной печатью. Ни один сотрудник таможенных органов не позволит принимать решение за него, заверяя своей печатью чужие документы. По процессу организации профессиональной деятельности они свободны в принятии решений, основанных на регламентирующих документах, обеспечивающих обязательный правомочный алгоритм действий в соответствии с таможенным законодательством таможенного союза. А сотрудники пограничной службы в профессиональной деятельности находятся в непосредственном и постоянном подчинении вышестоящему руководству, не имеют права высказывать личного мнения и обязаны отвечать на поставленные вопросы четкими командами: Да, Так точно, Никак нет.

Терминальная ценность *счастливая семейная жизнь* наиболее значима для сотрудников пограничной службы, чем для таможенных служащих. Еще с курсантских времен пограничники знали, что надежный тыл – залог успеха любой военной операции. Уже на старших курсах обучения большинство курсантов старались выбрать себе жену для дальнейшего прохождения боевой службы на пограничных заставах. Не каждый военнослужащий сможет прожить жизнь один за «колючей проволокой». Таможенные служащие и во время обучения более свободны в выборе и поиске партнером, и при выполнении профессиональной деятельности. Для сотрудников пограничной службы их семьи – самый крепкий, надежный, значимый и защищенный тыл.

Инструментальная ценность *смелость в отстаивании своего мнения* наиболее значима для сотрудников таможенной службы, чем для полицейских и пограничников. Так как их профессиональная деятельность сопровождается постоянным подписанием документов, подкрепленных личной номерной печатью и правомочными действиями в соответствии с таможенным законодательством, они обязаны самостоятельно принимать и отстаивать решения, заверяя их своей печатью.

Индивидуалистические инструментальные ценности: независимость и честность – наиболее значимы для сотрудников пограничной службы, чем для полицейских и таможенных служащих. Сотрудники пограничной службы по специфике профессиональной деятельности обязаны беспрекословно соблюдать воинский устав и выполнять приказы командиров. Возможно, ценность *независимость* выступает для данных сотрудников желаемой, так как воплотить в профессиональной жизни они практически ее не могут, но, может быть, пытаются компенсировать в сфере личной жизни, занимая руководящую позицию в семье. Для пограничников характерен лозунг «Живи по уставу, завоюешь честь и славу». Они являются полномочными представителями российского государства на государственной границе. Пограничники – лицо нашего государства.

Инструментальные ценности общения, дела и этические ценности: жизнерадостность, образованность, ответственность – наиболее значимы для сотрудников пограничной службы, чем для сотрудников таможенной и полицейской службы. Жизнерадостность помогает справиться с ситуациями недопонимания, облегчает взаимодействие, помогает установлению дружеских контактов, позволяет компенсировать условия военной дисциплины и подчинения. У военнослужащего с высшим образованием всегда есть перспектива карьерного роста. Начиная с периода студенческих лет они часто слышали выражение: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом». И их стремление постоянно повышать уровень профессионализма, учитывая личностные качества и желание, определяет уровень дальнейшего материального достатка, свободы, ответственности, комфорта жизни. Чем выше звание офицера, тем более свободным и ответственным он становится. Ответственность для пограничника дело чести и дело жизни, его самого, его коллег, родных и близких. Если нарушитель проникнет на территорию государства, то значимые люди для пограничника могут подвергнуться опасности. Когда за плечами есть надежный и любимый тыл, более не нужна никакая мотивация для обеспечения охраны госграницы.

Инструментальные ценности самоутверждения: самоконтроль, твердая воля, непримиримость к недостаткам в себе и других – наиболее значимы для сотрудников полицейской службы, чем для сотрудников таможенной и пограничной служб. Вероятно, из-за особенностей профессиональной деятельности сотрудников полиции они пристрастно относятся к себе и своим коллегам, жестко контролируют себя и свои действия, постоянны и тверды в принятии решений, так как за нарушения законов им грозит увольнение из министерства внутренних дел. И общество пристально следит за поведением и особенно проступками сотрудников полиции. И если проступок совершается, его стараются обнародовать и распространить мнение на всю систему правоохранительных органов. Этот фактор также заставляет сотрудников полиции стараться быть образцами для подражания.

Инструментальная ценность дела *аккуратность* наиболее значима для сотрудников полицейской службы, чем для сотрудников пограничной и таможенной служб. За каждым решением сотрудника полиции стоят судьбы людей, за которые они несут ответственность. На основании принципа презумпции невиновности их главная задача – не допустить обвинения невиновного. Чем педантичнее, скрупулёзнее, тщательнее сотрудник полиции будет относиться к выполнению профессиональных обязанностей, тем больше вероятность найти истинную причину преступления, а не подвести человека под статью.

Инструментальные ценности: исполнительность и рационализм – наиболее значимы для сотрудников

таможенной службы, чем для пограничников и полицейских. Сотрудники таможни исполнительны, работают на основании таможенного кодекса, четко выполняя его предписания. Все, что не прописано в таможенном кодексе, не может пересекать границы нашего государства. Поэтому они рациональны, рассудительны, безэмоционально относятся к запрещенным грузам и товарам. Если товары запрещены к ввозу на территорию РФ, ограничены или это лицензионные товары и на них отсутствует лицензия, то на этапе прибытия товаров на таможенную территорию таможенного союза оформляется возврат. Если данные в таможенной декларации не достоверны и в результате таможенного контроля выявлено расхождение, то в отношении товаров применяется арест и изъятие, после чего производится экспертиза товара и возбуждается дело об административном или уголовном правонарушении. Далее решение в отношении товара принимает судебное делопроизводство.

Таким образом, у сотрудников полицейской, пограничной и таможенной служб в группе терминальных ценностей доминируют *конкретные жизненные ценности и ценности личной жизни*, а в инструментальных – *этические ценности, ценности общения и ценности дела*. В наименее значимых терминальных ценностях находятся *абстрактные терминальные ценности*, а в инструментальных – *самоутверждения и индивидуалистические ценности*.

У представителей всех трех исследуемых групп отмечено сходство профилей рейтинга доминирующих и не значимых ценностных ориентаций.

1. Из 5 доминирующих терминальных ценностей 3 совпали: *здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь*. Различий в ценности здоровье в исследуемых группах не выявлено. Терминальные ценности *любовь* и *счастливая семейная жизнь* наиболее значимы для сотрудников пограничной службы.

2. Из 5 доминирующих инструментальных ценностей 4 совпали: *воспитанность, честность, ответственность, образованность*. Различий в ценности *воспитанность* в исследуемых группах не выявлено. Инструментальные ценности: честность, ответственность и образованность – наиболее значимы для сотрудников пограничной службы.

3. Из 6 не значимых терминальных ценностей 3 совпали: *красота природы и искусства, развлечение, творчество.* Абстрактная терминальная ценность *красота природы и искусства* наиболее значима для сотрудников таможенной службы. Конкретная терминальная ценность *развлечение* наиболее значима для сотрудников пограничной службы. Различий в ценности *творчество* в исследуемых группах не выявлено.

4. Из 3 не значимых инструментальных ценностей 2 совпали: *высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других.* Различий в ценности *высокие запросы* в исследуемых группах не выявлено. Инструментальная ценность самоутверждения *непримиримость к недостаткам в себе и других* наиболее значима для сотрудников полицейской службы.

Подводя итоги нашего исследования, следует отметить, что, по нашему предположению, сотрудниками пограничной, полицейской и таможенной служб с преобладающими ценностями: здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь, воспитанность, честность, ответственность, образованность – профессиональные задачи в ситуациях повышенной ответственности по защите и охране государственных и экономических рубежей, правопорядка внутри страны будут решаться более эффективно.

Литература

1. Кадыров Р. В., Заплетнюк Е. Е. Психосоматические проявления в стрессовой ситуации у сотрудников МВД // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2012. № 2. С. 152 – 163.

2. Корнилова Д. С. Ценностные ориентации работников таможенной службы // Молодежь. Наука. Инновации: сборник докладов 60-й Международной молодежной научно-технической конференции (Гуманитарная часть). Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2013. Т. 2. С. 119 – 122.

3. Корнилова Д. С. Ценностные ориентации сотрудников таможенной службы в кризисных ситуациях профессиональной деятельности // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2013. № 3. С. 193 – 197.

4. Краснорядцева О. М. Ценностная детерминация профессионального поведения педагогов // Сибирский психологический журнал. 1998. № 7. С. 25 – 29.

5. Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992. 17 с.

6. Полетаева А. В., Серый А. В., Хакимова Н. Р. Смысловые характеристики психологических механизмов переживания травматического события работниками угледобывающего предприятия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4. С. 149 – 156.

7. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2003. 349 с.

8. Султанбеков В. И., Тимофеев А. И. Ценностные ориентации как элемент в структуре личности будущего офицера // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 3. С. 181 – 186.

9. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система: монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 98 с.

10. Яницкий М. С., Браун О. А. Этнокультурная специфика ценностной иерархии педагогов как агентов социализации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. Т. 3. С. 262 – 267.

Информация об авторе:

Люкшина Дарья Сергеевна – старший преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин Тихоокеанского государственного медицинского университета, г. Владивосток, danyasergeevna@gmail.com.

Статья поступила в редколлегию 29.01.2016 г., *принята к печати 11.03.2016 г.*

VALUE ORIENTATIONS OF THE PROFESSIONALS WORKING IN SPECIAL CONDITIONS (the example of Border, Police and Customs services staff)

***Daria S. Lyukshina*[1, @]**

[1] *Tichookeanskii State medical University*
[@] *danyasergeevna@gmail.com*

The study found that the group of dominating terminal values of the employees of Border, Police and Customs Services comprised the following values: health, happy family life, love. The group of dominating instrumental values included parenting, honesty, responsibility, education. The group of insignificant terminal values common for the three examined groups comprised the following values: the beauty of nature and art, entertainment, creation. The group of insignificant instrumental values was formed by the values of high demands and intolerance of shortcomings in themselves and others.

Keywords: value orientations, terminal values, instrumental values, employees of Border Service, employees of Police Service and employees of Customs Service.

For citation: Lyukshina D. S. Tsennostnye orientatsii professionalov osobykh uslovii truda (na primere sotrudnikov pogranichnoi, politseiskoi i tamozhennoi sluzhb) [Value orientations of the professionals working in special conditions (the example of Border, Police and Customs services staff)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 102 – 108.

References

1. Kadyrov R. V., Zapletniuk E. E. Psikhosomaticheskie proiavleniia v stressovoi situatsii u sotrudnikov MVD [Psychosomatic manifestations in a stressful situation at police officer]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviiakh i krizisnykh situatsiiakh zhiznedeiatel'nosti – Person in extreme conditions and crises of life*, no. 2 (2012): 152 – 163.

2. Kornilova D. S. Tsennostnye orientatsii rabotnikov tamozhennoi sluzhby [Value orientations of customs service employees]. *Molodezh'. Nauka. Innovatsii: sbornik dokladov 60-i Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii (Gumanitarnaia chast'). Vladivostok* [Youth. The science. Innovation: Proc. 60th Intern. Youth Sc.-Techn. Conf. (Humanitarian part)]. Vladivostok: Maritime State University, vol. 2 (2013): 119 – 122.

3. Kornilova D. S. Tsennostnye orientatsii sotrudnikov tamozhennoi sluzhby v krizisnykh situatsiiakh professional'noi deiatel'nosti [Value orientations of customs service employees in the crisis situations of professional activities]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviiakh i krizisnykh situatsiiakh zhiznedeiatel'nosti – Person in extreme conditions and crises of life*, no. 3 (2013): 193 – 197.

4. Krasnoriadtseva O. M. Tsennostnaia determinatsiia professional'nogo povedeniia pedagogov [Valuable determination of professional conduct of teachers]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal – Siberian psychological journal*, no. 7 (1998): 25 – 29.

5. Leontiev D. A. *Metodika izucheniia tsennostnykh orientatsii* [Methods of study of value orientations]. Moscow, 1992, 17.

6. Poletaeva A. V., Seryi A. V., Khakimova N. R. Smyslovye kharakteristiki psikhologicheskikh mekhanizmov perezhivaniia travmaticheskogo sobytiia rabotnikami ugledobyvaiushchego predpriiatiia [Semantic characteristics of the psychological mechanisms of experiencing traumatic events of workers of the coal enterprises]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2011): 149 – 156.

7. Sidorenko E. V. *Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii* [The methods of mathematical processing in psychology]. Saint-Petersburg: Rech', 2003, 349.

8. Sultanbekov V. I., Timofeev A. I. Tsennostnye orientatsii kak element v strukture lichnosti budushchego ofitsera [Value orientation as an element in the structure of the person of the future officer]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*, no. 3 (2010): 181 – 186.

9. Yanitskiy M. S. *Tsennostnye orientatsii lichnosti kak dinamicheskaia sistema* [Valuable orientations of the person as a dynamic system]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000, 98.

10. Yanitskiy M. S., Braun O. A. Etnokul'turnaia spetsifika tsennostnoi ierarkhii pedagogov kak agentov sotsializatsii [Ethnic and cultural specifics of valuable hierarchy of teachers as agents of socialization]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 3, no. 3 (2015): 262 – 267.

Received 29.01.2016, accepted 11.03.2016.

УДК 159.99

СКРИНИНГОВЫЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ РОССИИ

***О. Н. Мазеина*[1, @]**

[1] *Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России*
[@] *olly1309@yandex.ru*

Статья посвящена проведению скрининговых обследований в образовательных учреждениях федеральной службы исполнения наказаний России. Проведение специальных психофизиологических исследований в ведомственных учебных заведениях является наиболее эффективным методом защиты уголовно-исполнительной системы от приема на учебу лиц с корыстной мотивацией, склонных к аддиктивным формам поведения, еще на этапе профессионального отбора. В работе рассмотрены «факторы риска», препятствующие или могущие препятствовать кандидату на обучение, курсанту института – будущему сотруднику уголовно-исполнительной системы успешно выполнять свои служебные обязанности или порочащие его честь и достоинство.

В статье представлен анализ результатов скрининговых исследований кандидатов на обучение в Кузбасский институт ФСИН России, которые позволяют реализовать организационно-кадровые вопросы. Показана стойкая реакция у 15 % абитуриентов на такие значимые стимулы, как: употребление психоактивных и наркотических веществ в немедицинских целях; расстройство поведения, связанного с употреблением алкоголя; совершение противоправных проступков, за которые тестируемый не привлекался к ответственности; устойчивые формы агрессивного реагирования в конфликтных ситуациях; игровая зависимость.

Полученные в статье данные позволяют специалистам-полиграфологам более качественно осуществлять подход к процедуре психофизиологического обследования при помощи полиграфа, благодаря самой процедуре тестирования и учета возрастных особенностей респондентов, так как возраст обучающихся (кандидатов на обучение) приходится на юношеский период, который кроме положительных новообразований может отличаться различными формами отклоняющегося поведения.

Дальнейшее изучение рассматриваемого в статье материала направлено на повышение качества учебной и служебной деятельности обучающихся, профилактику совершения ими противоправных проступков, обеспечение кадровой безопасности уголовно-исполнительной системы в целом.

Ключевые слова: скрининг, скрининговая проверка, скрининговые обследования, специальные психофизиологические исследования, полиграфные технологии, «факторы риска».

Для цитирования: Мазеина О. Н. Скрининговые обследования в образовательных организациях федеральной службы исполнения наказаний России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 109 – 114.

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации актуализировано внимание вопросам кадрового обеспечения, психологического сопровождения сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

В положениях Концепции развития УИС России до 2020 г. предусматривается «...разработка и осуществление комплекса мер, направленных на предупреждение коррупции работниками уголовно-исполнительной системы; ротация руководящих кадров уголовно-исполнительной системы и др.» [5]. Это связано с тем, что на современном этапе подбор надежных и профессионально-компетентных работников для службы в правоохранительных органах различных ведомств является весьма актуальным направлением. Некачественное комплектование силовых структур приводит порой к серьезным последствиям. Зачастую рядом с глубоко порядочными сотрудниками, добросовестно выполняющими свои должностные обязанности, в соответствии с интересами службы и граждан, имеют место случаи поступления на работу лиц, имеющих низкие морально-нравственные качества, корыстные мотивы. Кроме того, сама специфика правоохранительной деятельности подвергает действующих сотрудников рискам воздействия криминального мира и профессиональной деформации. Любое отклонение в поведении сотрудников силовых структур от нормы – явление негативное, сильно дискредитирующее авторитет ведомства.

Существенный отпечаток на характер профессиональной деятельности откладывают индивидуально-психологические особенности и, как уже было отмечено, состояние морально-нравственной сферы сотрудника [11]. Это позволяет рассматривать профессиональную готовность в составе физического, профессионального, психологического и духовного компонентов [4, с. 316]. Если состояние здоровья сотрудника является предметом комплексной медицинской оценки, а уровень его профессиональной подготовленности может быть определен квалификационными испытаниями, то выявление индивидуально-психологических особенностей личности требует использования методов психодиагностики [2, с. 531]. Вместе с тем не всегда классические методы психодиагностики позволяют дать оценку состоянию морально-нравственной сферы личности, наличию дефектов мировоззрения, фактам совершения порочащих поступков в прошлом [3, с. 42]. Использование классического тестового материала и метода беседы не исключают возможности сотрудника представить себя в более

выгодном свете, давая социально желательные и приемлемые ответы.

Вопросы подбора и расстановки кадров могут быть успешно решены кадровой, психологической подразделениями и службой безопасности. Однако этого недостаточно, так как для успешной борьбы с правонарушениями и преступлениями на службе требуется внедрение новых достижений науки и техники. В этой связи комплексная проверка надежности и компетентности персонала правоохранительных органов, диагностика признаков лжи является одним из необходимых условий успешного решения служебных задач, которую можно решить с привлечением полиграфных технологий [7].

В настоящее время при приеме на обучение в высшие образовательные заведения федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) России осуществляется профессиональный отбор кандидатов, который включает в себя следующее: социально-правовое изучение, военно-врачебную экспертизу, экспертизу профессионально-психологической пригодности, индивидуальное поручительство сотрудников пенитенциарных учреждений и др. [1, с. 199]. Несмотря на комплексный, длительный по времени подход при проведении мероприятий профессионального отбора на обучение, проблема повышения его эффективности остается очень острой.

Все перечисленные условия не обеспечивают должной защиты УИС от приема на учебу лиц с корыстной мотивацией, склонных к аддиктивным формам поведения, поэтому на этапе профессионального отбора кандидатов (в будущем дипломированных специалистов УИС) наиболее эффективным сегодня является проведение специальных психофизиологических исследований (далее – СПФИ).

Внедрение в практику работы практических психологов образовательных учреждений СПФИ существенно повышает качество психологического обеспечения деятельности учебных заведений в выявлении признаков и профилактики отклоняющегося поведения курсантов: употребление алкоголя, наркотиков, психоактивных веществ в немедицинских целях; влечение к азартным играм; множественным финансовым обязательствам (займы, кредиты); совершение противоправных действий в отношении обучающихся в образовательном учреждении и гражданских лиц; разрешение конфликтных взаимоотношений силовыми методами как способами решения межличностных проблем и др.

Скрининг (от англ. screen – просеивать) представляет собой наиболее распространенный вариант исследования при помощи полиграфа с целью профессионального отбора [9, с. 122]. Этот метод реализуется путем задавания испытуемому определенного перечня вопросов по самым разным темам, и выявляется достоверность ответов по намеченным факторам риска. Одной из основных функций данного метода в образовательных организациях ФСИН России – обеспечение кадровой безопасности УИС. При скринингах проверяется ряд наиболее важных для пенитенциарной системы свойств кандидатов на обучение – будущих сотрудников УИС, что позволяет оперативно принимать наиболее эффективные решения, касающиеся подбора и управления персоналом.

Целью проведения скрининговых исследований в учебном заведении ФСИН России, как при поступлении в институт, так и дальнейшем сопровождении служебной, образовательной деятельности, является выявление некоторых деяний (свойств), которые могли или могут быть присущи абитуриенту (курсанту) и являются неприемлемыми в условиях данного исследования. Другими словами, выявляются «факторы риска», препятствующие или могущие препятствовать обучающемуся курсанту и в его лице будущему сотруднику успешно выполнять свои служебные обязанности или порочащие его честь и достоинство:

− искажение анкетных данных;

− выявление отрицательных мотивов поступления на службу или перемещения по службе;

− выявление расстройств поведения, связанных с употреблением алкоголя;

− устойчивые формы агрессивного реагирования в конфликтных ситуациях;

− участие в деятельности запрещенных общественных организаций;

− наличие недекларированных доходов, имущества и обязательств имущественного характера;

− наличие несвязанных с выполнением оперативно-служебных задач отношений с людьми, имеющими криминальное прошлое;

− наличие заболеваний (травм, препятствующих службе);

− факты употребления психоактивных и наркотических веществ в немедицинских целях;

− совершение правонарушений и дисциплинарных поступков, за которые обследуемый не привлекался к ответственности;

− игровая зависимость;

− хранение и использование огнестрельного оружия;

− наличие выраженного установочного поведения при психологическом обследовании (недостоверность результатов);

− иные «факторы риска», изучаемые по решению руководителя учреждения или органа УИС [10].

Задачи скрининга определяются в вопросах, подлежащих разрешению, исходя из предмета исследования и конкретной кадровой ситуации (обстоятельств). Поскольку задачи перед специалистом-полиграфологом формулируются в виде вопросов, то и предмет скрининга опосредованно выражается через комплекс вопросов.

Объектом скрининга (источниками информации) в образовательном учреждении может выступать лицо, которое либо поступает в учебное заведение ФСИН России; либо назначается на руководящую должность (заместитель командира взвода); либо курсант, в отношении которого осуществляется плановая или внеплановая скрининговая проверка с использованием полиграфа (при необходимости служебное разбирательство). Источниками информации при скрининге также могут быть любые сведения (в том числе материалы, представленные в устной или письменной форме, личные (учебные) дела, сведения, характеризующие личность, рапорты, докладные, объ-

яснительные записки и др.), с учётом которых определяются возможность и конкретная методика исследования, характер и последовательность использования тестов полиграфного исследования.

Одним из достоинств метода скрининговых исследований является возможность получения интересующей работодателя информации с минимальными временными, материальными и людскими затратами [8]. Кроме того, в образовательных организациях СПФИ выступают определенным методом психологического воздействия в отношении обучающихся. Подобные процедуры являются сдерживающим фактором при совершении антисоциальных, криминальных поступков обучающимися, то есть служат своеобразным стимулом к соблюдению ими служебной дисциплины, тем самым выполняют профилактические функции.

Несмотря на все достоинства многотемного скрининга, он не может использоваться как изолированная самодостаточная диагностическая процедура. В системе обеспечения кадровой безопасности УИС этот метод выполняет функцию первого этапа в комплексной системе диагностики. Выявление с помощью многотемного скрининга значимости для исследуемого лица той или иной проблемы, с точки зрения безопасности образовательного учреждения и УИС в целом, позволяет включить это лицо в «группу внимания» и провести в отношении него дополнительные мероприятия по изучению и выявлению причин, по которым выделенные темы являются значимыми.

Структура скрининговой проверки включает в себя 4 основных этапа или стадии [6]. В образовательном учреждении ФСИН России первым этапом является изучение материалов личного дела абитуриента (курсанта), материалов служебной карточки и психологической карты обучающегося; второй этап – это проведение предтестовой беседы, в завершение которой осуществляется корректировка вопросов тестов с учетом индивидуальных особенностей опрашиваемого; третьим этапом выступает анализ полиграмм и четвертым – интерпретация результатов тестов, подготовка заключения. Все указанные этапы строго обязательны для любого скринингового СПФИ, за исключением послетестовой беседы, которая при отсутствии факторов риска может специалистом полиграфологом не проводиться.

С целью реализации организационно-кадровых вопросов, в частности для изучения кандидатов, поступающих в Кузбасский институт ФСИН России, был проведен анализ 138 результатов скрининговых исследований. Перечень вопросов по «факторам риска», которые подлежали выяснению у абитуриентов в первую очередь, это: устойчивые формы агрессивного реагирования в конфликтных ситуациях; употребление психоактивных и наркотических веществ в немедицинских целях; игровая зависимость; расстройство поведения, связанного с употреблением алкоголя; наличие заболеваний (травм, препятствующих службе); совершение противоправных проступков, за которые тестируемый не привлекался к ответственности; искажение анкетных данных; выявление отрицательных мотивов поступления на учебу; участие в деятельности запрещенных общественных организаций.

Проведенные исследования показали следующие результаты: у 20 из 138 обследуемых были выявлены значимые реакции на вопросы специалиста-полиграфолога.

У 85 % обследуемых заявленных в запросе на СПФИ «факторов риска» не выявлено. И 15 % обнаружена стойкая реакция на значимые стимулы.

Из обозначенных 9 «факторов риска» зафиксировано 5 вопросов, на которые у обследуемых имеются выраженные реакции.

Для 20 респондентов значимыми оказались следующие «факторы риска»:

– употребление психоактивных и наркотических веществ в немедицинских целях – 12 человек;

– расстройство поведения, связанного с употреблением алкоголя, – 4 человека;

– совершение противоправных проступков, за которые тестируемый не привлекался к ответственности, – 2 человека;

– устойчивые формы агрессивного реагирования в конфликтных ситуациях – 1 человек;

– игровая зависимость – 1 человек.

Не выявлено ни одного факта по следующим «факторам риска»:

– наличие заболеваний (травм), препятствующих службе;

– искажение анкетных данных;

– выявление отрицательных мотивов поступления на учебу;

– участие в деятельности запрещенных общественных организаций.

У абитуриентов чаще всего находит отражение такой «фактор риска», как употребление психоактивных и наркотических веществ в немедицинских целях (60 %). У 20 % обследуемых имело место расстройство поведения, связанного с употреблением алкоголя (20 %). Для 10 % респондентов весьма значимым было совершение противоправных проступков, за которые тестируемые не привлекались к ответственности. 5 % имели случаи устойчивых форм агрессивного реагирования в конфликтных ситуациях и игровой зависимости.

Отсутствие выявленных фактов по таким «факторам риска», как: наличие заболеваний (травм), препятствующих службе; искажение анкетных данных; выявление отрицательных мотивов поступления на учебу; участие в деятельности запрещенных общественных организаций, не являются априорными для всех потенциальных обследуемых.

Полученные данные показывают, что в процессе проведения СПФИ специалисту-полиграфологу необходимо принимать во внимание не только заявленные «факторы риска», но и то, что возраст кандидатов, претендующих на обучение в высших образовательных учреждениях, приходится на юношеский период. Для данного возраста кроме положительных новообразований характерны: стремление к самоутверждению путем отрицательных форм поведения; любопытство к факторам, меняющим обычное состояние сознания; коммуникативные проблемы в виде застенчивости, которая в тесной взаимосвязи лимитирует

социальную активность личности и в некоторых случаях способствует развитию отклоняющегося поведения – алкоголизма. Все это требуют пристального внимания к таким «факторам риска», как употребление наркотических и психоактивных веществ в немедицинских целях (выявлены значимые реакции обследуемых), алкогольной продукции, различным формам девиантного поведения, играм на деньги.

Активную работу и расширение знаний полиграфолога нужно проводить с учетом специфических особенностей профессиональной деятельности сотрудников УИС, а также по всем возможным «факторам риска», которые могут быть присущи индивидуальным качествам личности, как кандидатов на обучение, так и самих обучающихся, а также их возрастным особенностям. Учет всех вышеперечисленных нюансов позволит специалисту в области исследования на полиграфе качественно интерпретировать полученные результаты, составить более точную информационную картину в отношении тестируемого лица.

Таким образом, скрининговые тестирования в образовательных учреждениях ФСИН России направлены на повышение качества учебной и служебной деятельности обучающихся, профилактику совершения ими противоправных проступков, обеспечение кадровой безопасности УИС в целом. Интерграция скрининговой полиграфной проверки в процессе психологического профессионального отбора позволяет в более высокой степени учитывать индивидуально-психологические свойства абитуриента (курсанта), что, несомненно, позволяет повысить точность полиграфного исследования.

Литература

1. Архипенкова Е. В. Актуальные проблемы организации и проведения исследований с использованием полиграфных устройств в органах внутренних дел при решении кадровых задач // Совершенствование психологической работы с личным составом в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности: актуальные вопросы и пути их решения: сборник научных статей научно-практической конференции МВД России 18 – 19 сентября 2013 г. М.: ДГСК МВД России, 2014. С. 197 – 201.

2. Беляева Л. И. Психологические особенности экстремальных ситуаций правоохранительной деятельности // Прикладная юридическая психология. 2001. № 2. С. 531 – 533.

3. Буданов А. В. Профилактика профессиональной деформации работников ИТУ как фактор, способствующий соблюдению и укреплению законности в деятельности исправительно-трудовых учреждений // Проблемы совершенствования деятельности психологической службы в ИТУ: сборник статей / под ред. А. В. Пилещко. Домодедово, 2006. № 2. С. 42 – 43.

4. Дебольский М. Г. Основные направления психологического обеспечения работы с кадрами // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 312 – 324.

5. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

6. Оглоблин С. Т., Молчанов А. Ю. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс. Ярославль: Нюанс, 2004. 464 с.

7. Приказ Минюста России от 25.05.2011 № 165 «Об организации психофизиологических исследований с применением полиграфа в уголовно-исполнительной системе». Документ опубликован не был.

8. Савельева Т. И. Применение психофизиологических исследований с использованием полиграфа при организации психологической работы с личным составом уголовно-исполнительной системы. Методические рекомендации. Рязань, 2012. 72 с.

9. Свободный Ф. К. Полиграф в деятельности правоохранительных органов: проблемы и перспективы применения // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 2(314). С. 119 – 124.

10. Указания ФСИН России от 18.07.2011 № 7-13191-01 с учетом требований методических рекомендаций «О порядке проведения психологического и психофизиологического исследований в уголовно-исполнительной системе». Документ опубликован не был.

11. Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Психология деятельности личности и коллектива сотрудников пенитенциарных учреждений: учебное пособие. Рязань, 1999. 198 с.

Информация об авторе:

Мазеина Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк), olly1309@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 14.03.2016 г., принята к печати 17.04.2016 г.

SCREENING INSPECTIONS IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE RUSSIAN FEDERAL PENITENTIARY SERVICE

***Olga N. Mazeina*[1, @]**

[1] *Kuzbass Institute of the Russian Federal Penitentiary Service (Novokuznetsk)*
[@] *olly1309@yandex.ru*

The paper is devoted conducting the screening inspections in educational establishments of the Federal Penitentiary Service of Russia. Conducting special psychophysiological researches in such educational institutions is the most effective method of preventing the criminal-executive system from admitting the students with mercenary motivation, promt to addictive forms of behavior as early as at the stage of professional selection. The paper considers the «risk factors» that could hinder future penitentiary system staff's successful execution of their official duties defame their honour and dignity.

The paper analyzes the results of the screening researches of the applicants of Kuzbass Institute of the FPS of Russia, which allowed implementing organizational and competence questions. 15 % of the entrants manifested the proof reaction to such meaningful stimuli, as: the use of psychoactive and narcotic substances is with non-medical aims; disorder of conduct, related to the use of alcohol; misconducts petty offences for which the applicant was not charged; steady forms of the aggressive reacting in conflict situations; addiction to games and gambling.

The results may allow the polygraph specialists to conduct the procedure of psychophysiological examination with a plygraph at a higher level both due to the procedure of testing and taking in the account the age-dependent features of the respondents.

The further study of the material examined in the paper should be directed on upgrading students' educational and official activity, preventing their commitment of offences, providing competent security of the penitentiary system in general.

Keywords: screening, screening verification, screening inspections, special psychophysiological researches, polygraph technologies, "risk factors".

For citation: Mazeina O. N. Skriningovye obsledovaniia v obrazovatel'nykh organizatsiiakh federal'noi sluzhby ispolneniia nakazanii Rossii [Screening inspections in educational organizations of the Russian Federal Penitentiary Service]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 109 – 114.

References

1. Arkhipenkova E. V. Aktual'nye problemy organizatsii i provedeniia issledovanii s ispol'zovaniem poligrafnykh ustroistv v organakh vnutrennikh del pri reshenii kadrovykh zadach [Actual problems of the organization and carrying out researches with use on-ligrafnykh devices in law-enforcement bodies at the solution of personnel tasks]. *Sovershenstvovanie psikhologicheskoi raboty s lichnym sostavom v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniia operativno-sluzhebnoi deiatel'nosti: aktual'nye voprosy i puti ikh resheniia: sbornik nauchnykh statei nauchno-prakticheskoi konferentsii MVD Rossii 18 – 19 sentiabria 2013 g.* [Improvement of psychological work with staff in system of moral and psychological ensuring operational and service activity: topical issues and ways of their decision: collection of scientific articles of Sc.-Prac. Conf. of the Ministry of Internal Affairs of Russia (September 18 – 19 2013)]. Moscow: DGSK Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014б: 197 – 201.

2. Beliaeva L. I. Psikhologicheskie osobennosti ekstremal'nykh situatsii pravookhranitel'noi deiatel'nosti [Psychological features of extreme situations of law-enforcement activity]. *Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiia – Applied legal psychology*, no. 2 (2001): 531 – 533.

3. Budanov A. V. Profilaktika professional'noi deformatsii rabotnikov ITU kak faktor, sposobstvu-iushchii sobliudeniiu i ukrepleniiu zakonnosti v deiatel'nosti ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii [Prevention of professional deformation of workers of ITU as the factor promoting observance and strengthening of legality in activity of correctional institutions]. *Problemy sovershenstvovaniia deiatel'nosti psikhologicheskoi sluzhby v ITU* [Problems of improvement of activity of psychological service in ITU]. Ed. Pileshchko A. V. Domodedovo, no. 2 (2006): 42 – 43.

4. Debol'skii M. G. Osnovnye napravleniia psikhologicheskogo obespecheniia raboty s kadrami [The main directions of psychological ensuring work with shots]. *Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiia – Applied legal psychology*, no. 3 (2011): 312 – 324.

5. *Sobr. zakonodatel'stva RF* [Works legislations of the Russian Federation], 2010, no. 43, art. 5544.

6. Ogloblin S. T., Molchanov A. Iu. *Instrumental'naia «detektsiia lzhi»: akademicheskii kurs* [Instrumentalnaya "detection of lie": academic course]. Yaroslavl: Nuance, 2004, 464.

7. *Ob organizatsii psikhofiziologicheskikh issledovanii s primeeniem poligrafa v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme* [About the organization of psychophysiological researches with application of a polygraph in criminal and executive system]. The order of the Ministry of Justice of the Russian Federation from 5.25.2011, no. 165.

8. Savel'eva T. I. Primenenie psikhofiziologicheskikh issledovanii s ispol'zovaniem poligrafa pri organizatsii psikhologicheskoi raboty s lichnym sostavom ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Application of psychophysiological

researches with use of a polygraph at the organization of psychological work with staff of criminal and executive system]. Ryazan, 2012, 72.

9. Svobodnyi F. K. Poligraf v deiatel'nosti pravookhranitel'nykh organov: problemy i perspektiv y primeneniia. [Poligraf in activity of law enforcement agencies: problems and prospects of application]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk state university*, no. 2(314) (2008): 119 – 124.

10. *O poriadke provedeniia psikhologicheskogo i psikhofiziologicheskogo issledovanii v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme* [About an order of carrying out psychological and psychophysiological researches in criminal and executive system]. Indications of FSIN of Russia from 7.18.2011, no. 7-13191-01.

11. Ushatikov A. I., Kazak B. B. *Psikhologiia deiatel'nosti lichnosti i kollektiva sotrudnikov penitentsi-arnykh uchrezhdenii* [Psikhologiya of activity of the personality and group of staff of penal institutions]. Ryazan, 1999, 198.

Received 14.03.2016, accepted 17.04.2016.

УДК 159.9.072.432

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛЮБВИ И КУЛЬТУРА: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

***О. В. Маслова*[1, @1], *И. А. Джидарьян*[2, @2]**

[1] *Российский университет дружбы народов*
[2] *Институт психологии Российской Академии наук*
[@1] *olgamas@list.ru*
[@2] *idzhidaryan@mail.ru*

Предметом изучения в представленном исследовании является ценностно-смысловой аспект любви в разных культурах. На примере жителей Центральной Африканской Республики (ЦАР) и России проверялась гипотеза о влиянии культуры на содержание представлений о любви. В исследовании приняли участие 50 представителей ЦАР и 50 россиян. Группы были уравнены по половому составу (в каждой было 25 женщин и 25 мужчин) и сопоставимы по возрасту. В качестве методик использовался авторский опросник «Представления о любви» и классический ассоциативный эксперимент. Сопоставительный анализ полученных данных показал, что представления о любви даже в столь далеких друг от друга культурах имеют заметно больше общего, чем различий. В представлениях о любви как россиян, так и жителей ЦАР превалирует идеализация данного чувства, рассмотрение его как созидательной и возвышающей человека силы, способной преодолевать разные трудности. Общим является также связь с самоотдачей и со смыслом жизни. Данные ассоциативного эксперимента подтверждают эту общность, поскольку в обеих группах любовь ассоциируется со страстью, дружбой и терпением. В то же время данные исследования показывают, что концепт любви у россиян в большей степени амбивалентен: любовь у них ассоциируется не только со светлыми, условно позитивными чувствами и отношениями, но и со страданием, самопожертвованием, они охотнее соглашаются с условно отрицательными высказываниями о любви. А представления о любви жителей ЦАР в большей степени связаны с религиозными чувствами и ее действенными составляющими.

Ключевые слова: представления о любви, ценностно-смысловой аспект любви, кросс-культурное исследование, россияне, центрафриканцы, страсть, дружба, терпение.

Для цитирования: Маслова О. В., Джидарьян И. А. Представления о любви и культура: результаты эмпирического исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 114 – 119.

Среди большого многообразия человеческих чувств и эмоций вряд ли можно назвать другое, более значимое для людей, чем любовь. Однако в психологии феномен любви долгие годы оставался за рамками исследовательской проблематики, лишь изредка оказываясь предметом специального внимания ученых. Наука уклонялась от его изучения, предоставив это мастерам искусства и литературы [3]. По образному выражению Я. Сутти, для психологов характерно «бегство от нежности», которое Г. Олпорт объясняет боязнью ученых показаться излишне эмоциональными, сентиментальными и личностно пристрастными [5, с. 116]. Любовь, безусловно, представляет большие трудности для эмпирических исследований. Тем не менее наука, как бы эта задача ни казалась трудноразрешимой и чуть ли не фантастической, не могла от нее полностью отказаться и рано или поздно должна была подойти к ее решению. Систематическое проведение эмпирических исследований любви началось в 80-е гг. прошлого столетия, которые сегодня прочно связываются с началом формирования в мировой психологической науке нового научного направления, получившего название позитивной психологии [2; 6; 7]. О. Ценг в обзоре работ, посвященных изучению любви, отмечает, что большинство исследований проведено в рамках различных теоретических концепций и для измерения различных состояний любви и близких отношений [9, с. 113]. Феномен любви в большинстве работ определяется в терминах межличностных отношений: привлекательности, симпатии, пре-

данности и пр., – и большинство исследований направлены преимущественно на изучение эмоционально-поведенческих и когнитивно-поведенческих аспектов любви.

Усиление межкультурного взаимодействия в современном мире, а также увеличение числа смешанных браков способствуют возрастанию актуальности кросс-культурных исследований любви.

В исследовании Buss (1988) были проанализированы факторы, обуславливающие возникновение влюбленности. На основе опроса 10 тысяч респондентов, представляющих 37 культур, было выявлено, что все исследованные мужчины выше, чем женщины, оценили значение физической привлекательности, также они предпочитали более молодых женщин. А женщины в 36 из 37 культур выше, чем мужчины, оценили финансовую состоятельность, амбиции и трудолюбие (29 из 36) и предпочитали мужчин более старшего возраста. Установленное сходство гендерных различий в выборе партнера у представителей разных культур автор связывает с эволюционным отбором. Этот же вопрос (качества, влияющие на выбор партнера) был рассмотрен в работе Hatfield & Sprecher (1995), где сравнивались студенты из США, России и Японии. Авторы подтвердили вывод Buss о большей значимости физической привлекательности для мужчин, также ими была показана специфика выбора в разных культурных группах. Так, американцы выше, чем русские, ценят экспрессивность, открытость, чувство юмора, а русские предпочитали эти качества больше, чем японцы. Японцы меньше других культур ценят доброту и понимание, способность быть хорошим собеседником, а также физическую привлекательность и статус. В ряде работ рассматривалось отношение к любви и романтическим связям и значение любви для брака. Simmons, von Kolke & Shimizu (1986), исследуя американцев, немцев и японцев, выявили, что романтическая любовь выше ценится в менее традиционных культурах, с менее выраженными родственными связями. Levine, Sato, Hashimoto & Verma (1995) на основе исследования студентов из 11 стран (Индии, Пакистана, Таиланда, Мексики, Бразилии, Японии, Гонконга, Филиппин, Австралии, Англии, США) выявили, что в индивидуалистических культурах любовь считается необходимым (а иногда и достаточным) условием для заключения брака, а ее исчезновение – достаточным основанием для развода. Не случайно в странах, где романтическая любовь ценится выше, более высокие показатели разводов и ниже рождаемость. Культурные различия в отношении к любви и браку зарегистрированы также в исследованиях Furnham (1984), Murstein, Merighi & Vyse (1991), Dion & Dion (1993), Ellis et al (1994). Представители разных культур поразному определяют любовь и романтические отношения и придают им разное значение [4].

Эти исследования, показавшие как сходства, так и различия в отношении к любви, свидетельствуют о том, что есть ядерный элемент страстной любви, заложенный в каждой культуре (возможно, он имеет эволюционную основу). Но то, как он проявится, зависит от культурного контекста [8]. Dion & Dion (1993) внимательно рассмотрели культурные различия и сделали вывод о том, что большинство культурных вариаций романтической любви можно объяснить индивидуализмом/коллективизмом культуры. Например, пары в коллективистических культурах должны пройти непростой путь отделения от семьи и сообщества, прежде чем они смогут стать близкими друг другу. Однако совсем не просто все многочисленные различия объяснить только вариабельностью культур [8].

Д. Мацумото на основе информации, собранной в кросс-культурных исследованиях, высказал сомнение в валидности популярных двухкомпонентной (Berscheid &Hatfield) и трехкомпонентной (Sternberg) теорий любви и выдвинул гипотезу о том, что концепты любви различаются в разных культурах [4].

Нам близка подобная точка зрения, и выдвинутая ученым гипотеза представляется убедительной. В соответствии с этой гипотезой мы попытались сравнить представления о любви в двух различающихся культурах и ответить на вопрос – одинаковы ли компоненты и психологическое значение любви в этих культурах?

В исследовании Э. Коянонго, проведенном под нашим руководством, приняли участие 100 человек: 50 представителей Центральной Африканской Республики (ЦАР) и 50 россиян. Группы были уравнены по половому составу (в каждой было 25 женщин и 25 мужчин) и сопоставимы по возрасту. Все респонденты – работающие в разных сферах люди. Был применен опросник «Представления о любви» [3], направленный на выявление ценностно-смыслового аспекта любви и включающий в себя 26 высказываний о любви, принадлежащих выдающимся представителям разных эпох и народов (У. Шекспир, Ж. Ж. Руссо, О. Бальзак, Вольтер, Л. Толстой и др.). Также был проведен ассоциативный эксперимент на слово «любовь», когда необходимость быстрого ответа обычно снижает уровень осознанности ответов. Обе методики предъявлялись на родном для респондентов языке. Для этого опросник был переведен на французский язык.

Далее мы последовательно сравним две исследованные группы по следующим основаниям:

– по шкалам опросника,

– по степени согласия с отдельными утверждениями опросника (по средним значениям и рангам),

– по структуре представлений о любви.

Для выделения структуры представлений – ядра и периферии – данные ассоциативного эксперимента были обработаны по схеме П. Вержеса [8].

В целом все испытуемые – как центрафриканцы, так и россияне – рассматривают любовь как возвышающую человека силу, как источник всего доброго и светлого, проявление уникального и лучшего в человеке. Они склонны идеализировать данное чувство, рассматривать его в соответствии с представлениями классической литературы как о неком романтическом идеале, созидательной силе, способной преодолевать различные трудности. Общим в представлениях и россиян, и центрафриканцев явля-

ется также ее связь с самоотдачей, служением и жизнью в другом, умением отдавать, а также со смыслом жизни (таблица 1). Однако применение статистического U-критерия Манна-Уитни показало, что значения по шкалам «Любовь – возвышающая человека сила» и «Любовь – самоотдача», отражающие степень согласия с ними респондентов, у центрафриканцев значимо выше, чем у россиян. Менее всего обе группы считают любовь помехой и неконструктивным чувством (таблица 1).

Наиболее приоритетными (высокоранговыми) для обеих групп оказались высказывания: «Любовь – творец всего доброго, возвышенного, сильного, теплого и светлого», «Любовь – желание сделать счастливым другого», «Где любовь – там и Бог». Наименьшую степень согласия в обеих группах получили утверждения: «Любовь – помеха в жизни», «Любовь – игра, в которой все плутуют», «Любовь – всего-навсего скверная шутка, которую природа шутит с людьми, чтобы добиться продолжения рода», а также «Любовь – это все дары – в костер, и всегда – задаром», они заняли самые последние ранги.

Таблица 1. **Результаты статистического сравнения двух групп по шкалам опросника «Представления о любви»**
Table 1. **The results of statistical comparison of the two groups within the scales of the questionnaire "Notions about Love"**

Шкала	***Ср. балл ЦАР***	***Ср. балл россиян***	***P – level***
«Любовь – помеха» (max = 32)	20,46	22,86	0,17
«Любовь – самоотдача» (max = 36)	32,78	28,04	0,000
«Любовь как возвышающая человека сила» (max = 36)	34,52	30,1	0,001

Данные исследования показывают также, что с наиболее позитивными и нравственно возвышенными высказываниями о любви представители ЦАР согласны в большей степени, чем россияне. Так, они в большей степени, чем россияне, согласны с такими высказывания о любви: *«Любить глубоко – это значит забыть о себе»* ($p < 0,05$), «*Любить – значит жить жизнью того, кого любишь»* ($p < 0,001$), «*Любовь – творец всего доброго, возвышенного, сильного, теплого и светлого»* ($p < 0,05$), «*Сострадание – высшая стадия любви, а возможно – и сама любовь»* ($p < 0,001$), «*Любовь долго терпит, надеется, всему верит, все переносит, не мыслит зла...»* ($p < 0,05$) и др. Респонденты из России, напротив, значимо сильнее, чем центрафриканцы, согласились с некоторыми условно отрицательными утверждениями о любви, такими как: *«Любовь – помеха в жизни»* ($p < 0,01$); «*Любовь – торжество воображения над разумом»* ($p < 0,001$); «*Любовь зла, полюбишь и козла»* ($p < 0,05$). Это свидетельствует о их меньшей романтизации значения любви (таблица 2).

Дальнейший анализ полученных данных – через сравнение рангов, которые получили пункты опросника в обеих исследованных группах, – позволил расширить и более объемно раскрыть межгрупповые различия.

Остановимся на сопоставлении наиболее принимаемых (самых высокоранговых по степени согласия) утверждениях о любви в исследованных группах (таблица 2). Самым разделяемым (наиболее высокоранговым) высказыванием для центрафриканцев является утверждение «*Где любовь – там и Бог*», в то время как для россиян наиболее приоритетным является «*Любовь – это желание сделать счастливым другого*». Одновременно центрафриканцы в большой степени, чем россияне, согласны с высказыванием *«Любить – значит жить жизнью того, кого любишь»,* в то время как россияне скорее не согласны с ним. Если у первых оно занимает 4 место, то у вторых – только 22-е. Также намного важнее для представителей ЦАР оказалось утверждение «*Любовь способна низкое прощать и в доблести пороки превращать…»*. Оно получило у них ранг 2,5, а у россиян только 10.

В свою очередь ряд пунктов опросника занимают более высокие места (ранги) в иерархии в группе россиян, чем в группе центрафриканцев. Это касается таких высказываний: *«Любовь – желание сделать счастливым другого»* (1-й ранг у россиян и 6-й – у ЦАР), *«Любовь – великий учитель»* (2,5 и 9 ранги соответственно), *«Любовь подобна всему на свете и ни на что не подходит»* (6 и 15 ранги). Россияне гораздо в большей степени согласны с тем, что «Любовь – торжество воображения над разумом», чем центрафриканцы (8 и 22 ранги соответственно).

Рассмотренные выше содержательно-смысловые различия, как и сходства россиян и центрафриканцев по данным опросника, были дополнены в нашем исследовании результатами ассоциативного эксперимента. Для обработки и анализа его данных был применен структурный подход Абрика и схема П. Вержеса, позволившая выявить «ядро» и «периферию» представлений о любви у респондентов рассматриваемых групп [8]. Результаты представлены в таблицах 3 и 4.

Таблица 2. **Сравнение принятия высказываний о любви центрафриканцами и россиянами**
Table 2. **The agreement with statements about love by the Russians and the people from CAR**

Высказывание	*ЦАР*		*Россияне*		*P - level*
	ср. знач.	*ср ранг*	*ср. знач.*	*ср ранг*	
Любовь – игра, в которой всегда плутуют.	2,52	23	2,90	20,5	0,097454
Любить глубоко – это значит забыть о себе.	3,40	16,5	2,90	20,5	**0,036643***
Любить – значит жить жизнью того, кого любишь.	4,12	4	2,78	22	**0,000000****
Любовь – творец всего доброго, возвышенного, сильного, теплого и светлого.	4,08	5	3,50	2,5	**0,012757***
Любовь – это не когда люди смотрят друг на друга, а когда они смотрят в одном направлении.	4,16	2,5	3,34	8	**0,000141****
Где любовь – там и Бог.	4,48	1	3,42	5	**0,0000****
Любовь – желание сделать счастливым другого.	4,02	6	3,64	1	0,067057
Любовь – помеха в жизни.	1,90	26	2,62	25	**0,0025****
В любви – вся жизнь моя и вера.	2,94	18	3,18	13	0,313977
Сострадание – высшая стадия любви, а возможно – и сама любовь.	3,72	10,5	2,94	18	**0,000547****
Любовь – всего-навсего скверная шутка, которую природа шутит с людьми, чтобы добиться продолжения рода.				23,5	**0,039234***
Любовь – самая сильная из всех страстей, потому что она одновременно завладевает головою, сердцем и телом.	3,98	7	3,48	4	**0,012506***
Любовь – мистический огонь.	3,48	14	3,08	15	**0,030250***
Любовь – великий учитель.	3,74	9	3,50	2,5	0,136027
Вся прелесть любви – в переменах.	3,40	16,5	3,06	16	0,147291
В любви самое интересное – это победа и разрыв; все остальное – канитель.	2,84	19	2,48	26	0,199471
Любовь – это единственный разумный и удовлетворительный ответ на вопрос о смысле человеческого существования.	3,66	12	2,92	19	**0,002808****
Для любящего человека вся вселенная слилась в любимом существе.	3,56	13	3,34	8	0,435613
Любовь – это умение приносить дары	2,74	20	3,22	12	0,053739
Любовь – торжество воображения над разумом.	2,56	22	3,34	8	**0,000465****
Всякое препятствие любви только усиливает её.	3,72	10,5	3,02	17	**0,002325****
Любовь способна низкое прощать и в доблести пороки превращать…	4,16	2,5	3,28	10	**0,000117****
Любовь подобна всему на свете и ни на что не подходит.	3,44	15	3,36	6	0,633279
Любовь долго терпит, надеется, всему верит, все переносит, не мыслит зла.	3,90	8	3,24	11	**0,011777***
Любовь зла, полюбишь и козла.	2,60	21	3,10	14	**0,039234***
Любовь – это все дары, все в костер, и все задаром.	2,44	24	2,68	23,5	0,269821

В «ядро» представлений о любви, характеризующее наиболее устойчивые и распространенные суждения о любви, у центрафриканцев вошли: *любовь, чувства, нежность, уважение* и *умение отдавать* (таблица 3), в то время как у россиян в области ядра оказались: *семья, доверие, надежда, страдание, страсть, самопожертвование* и *дружба* (таблица 4). Как видим, что у обеих групп любовь ассоциируется, прежде всего, с эмоциями и отношением к другому. Но сами эмоции – очень разные по тональности. У центрафриканцев – они более спокойные (*нежность, уважение*), чем у россиян (*страсть, страдание, самопожертвование*). Для россиян любовь связана с *семьей* и с серьезными отношениями (*доверие, дружба, надежда, самопожертвование)*. Т. е. «ядро» представлений о любви у россиян получилось более амбивалентным, чем у центрафриканцев.

Периферии представлений о любви также различаются в двух группах. У центрафриканцев гораздо больше понятий, характеризующих действенную составляющую любви: *служить другому, поддерживать другого, быть привязанным, отдаться полностью, пожениться, верить, прощать*. У россиян ядро представлений о любви, связанное с *семьей* и с *самопожертвованием*, в периферии конкретизируется в главном элементе семьи – *детях*, а также в понятиях, обозначающих важные в семейной жизни психологические качества и условия крепкой семьи – *терпение, понимание, ответственность, преданность, взаимность*. В периферии у центрафриканцев есть высказывание *«Бог – это любовь и любовь – это Бог»,* что связано с уже отмеченной выше их большей религиозностью. В периферии россиян содержится и «романтический» компонент представлений о любви: любовь – это *сказка.*

Таблица 3. **Результаты ассоциативного эксперимента к слову «любовь» в группе центрафриканцев**
Table 3. **The results of the associative experiment with the word-stimulus "LOVE" in the group of people from Central African Republic**

Ср. ранг / *Частота*	***≤ 1,84***	***> 1, 84***
> 5, 44	любовь (19; 1,68), чувства (8; 1,5), нежность (7; 1,71), уметь делиться (6;1,83), уважение (6; 1,66)	быть привязанным (7; 2,28), терпение (7; 2,14), прощение (7; 1,85)
≤ 5, 44	сердце (4; 1,75), поддерживать другого (2; 1,5), дружба (2; 1,5)	отдаться полностью (3; 2,66), служить другому (4; 2,5), Бог – это любовь и любовь – это Бог (4; 2,25), страсть (4; 2), верить (2; 2), верность (3; 2), пожениться (3; 2)

Таблица 4. **Результаты ассоциативного эксперимента к слову «любовь» в группе россиян**
Table 4. **The results of the associative experiment with the word-stimulus "LOVE" in the group of Russians**

Ср. ранг / *Частота*	***≤ 1,73***	***> 1, 73***
> 3, 75	доверие (9; 1,44), семья (7; 1,42), надежда (5; 1,4), страдание (5; 1), страсть (4; 1,5), самопожертвование (4; 1,5), дружба (4; 1)	
≤ 3, 75	понимание (3; 1,66), терпение (3; 1,33), преданность (3; 1), дети (3; 1)	взаимность (2; 4), любовь (2; 3), ответственность (2; 2), белое (2; 2), сказка (2; 2,5)

Показательно, что только 3 ассоциации являются общими для обеих групп. Это – *страсть, дружба* и *терпение***.** Невольно напрашивается аналогия с теорией Р. Стернберга, в которой выделяются 3 стороны любви – страсть, интимность (понимаемая как теплота, близость, откровенность, взаимопомощь) и преданность (т. е. намерение, несмотря на трудности, поддерживать отношения) [4, с. 532]. Общая для обеих исследованных групп ассоциация *дружба* предполагает интимность (в понимании Р. Стернберга), а *терпение* является ключевым условием преданности. Таким образом, результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента подтверждают справедливость трехкомпонентной модели любви Р. Стернберга.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что представления о любви в столь далеких друг от друга культурах во многом схожи. В целом все испытуемые – как центрафриканцы, так и россияне – рассматривают любовь как возвышающую человека силу, как источник всего доброго и светлого в человеке. Они склонны идеализировать данное чувство, рассматривать его как романтический идеал, созидательную силу, способную преодолевать различные трудности. Общим в представлениях и россиян, и центрафриканцев является ее связь с самоотдачей, а также со смыслом жизни. Обе группы респондентов связывают любовь со страстью, дружбой и терпением.

Однако выявлены и различия. Представления центрафриканцев о любви в большей степени связаны с религиозными чувствами и ее действенными составляющими. А представления о любви россиян в большей степени амбивалентны: любовь у них ассоциируется не только с условно положительными чувствами и отношениями, но и со страданием и самопожертвованием. Россияне значимо сильнее, чем центрафриканцы, согласились с некоторыми условно отрицательными утверждениями о любви (*«Любовь – помеха в жизни»*; «*Любовь – торжество воображения над разумом»*; «*Любовь зла, полюбишь и козла»*). Вероятно, это одно из проявлений «загадочной антиномичности» и «двойственности» русской души, о которой так ярко писал Н. Бердяев [1, с. 18].

Литература

1. Бердяев Н. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.

2. Джидарьян И. А. Оптимизм: проблемы теории и методов изучения // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 25 – 35.

3. Джидарьян И. А., Беловол Е. В.. Маслова О. В. Разработка методики изучения представлений о любви // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 111 – 119.

4. Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008.

5. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды. М.: Смысл, 2002.

6. Селигман М. Новая позитивная психология. М.: София, 2006.

7. Boniwell I. Positive Psychology in a Nutshell. A balanced introduction to the science of optimal functioning. London: PWBC, 2006.

8. Tomlinson J. M., Aron A. The Positive Psychology of Romantic Love // Positive Psychology of Love. Ed. Hajjat M., Cramer D. USA: Oxford university press, 2013. P. 3 – 12.

9. Tzeng O. C. S. Measurement of Love and Intimate Relations: Theories, Scales, and Applications for Love Development, Maintenance, and Dissolution. Westport, CT. 1993.

10. Vergès P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une representation // Bulletin de Psychologie. 1992. T. XLV. № 405. P. 203 – 209.

Информация об авторах:

Маслова Ольга Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (РУДН), olgamas@list.ru.

Джидарьян Инна Аршавировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института психологии Российской Академии наук, idzhidaryan@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2016 г., принята к печати 26.04.2016 г.

NOTIONS ABOUT LOVE AND CULTURE: RESULTS OF AN EMPIRICAL STUDY

Olga V. Maslova[1, @1], Inna A. Dzhidaryan[2, @2]

[1] Peoples' Friendship University of Russia
[2] Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences
[@1] olgamas@list.ru
[@2] idzhidaryan@mail.ru

This research focuses on the value-meaning aspect of love in different cultures. In this study, we looked at people from Central African Republic (CAR) and Russia, and tested the hypothesis on how much influence a culture has on the way love is viewed. 50 people from Central African Republic and 50 people from Russia took part in this research. Groups had equal gender representation (25 females and 25 males in each group) and comparable age. As a methodology, we used our questionnaire "Notions about love" and classical associative experiment. Comparative analysis of the data showed that notions of love even in such distant cultures have many more similarities than differences. In both groups (Russia and CAR), the idealization of this feeling (love) prevails. Love is seen as a power that helps people create, grow and overcome obstacles. Another similarity is that both groups associate love with dedication and the meaning of life. Data from the associative experiment confirms this commonality, because in both groups, love is associated with passion, friendship and patience. At the same time, the results of this experiment show that concept of love is ambivalent among the Russians: they associate love not only with positive feelings, but with suffering and self-sacrifice. Russians are more likely to agree with relatively negative statements about love. Notions about love among people from Central African Republic is mostly associated with religion and action-related components.

Keywords: notions of love, value-meaning aspect of love, cross-cultural study, Central African Republic, passion, friendship, patience.

For citation: Maslova O. V., Dzhidaryan I. A. Predstavleniia o liubvi i kul'tura: rezul'taty empiricheskogo issledovaniia [Concepts of love and culture: the results of an empirical study]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 114 – 119.

References

1. Berdiaev N. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Soviet writer, 1990, 346.

2. Dzhidaryan I. A. Optimizm: problemy teorii i metodov izucheniia [Optimism: problems of theory and methods of studying]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological journal*, 34, no. 1 (2013): 25 – 35.

3. Dzhidaryan I. A., Belovol E. V., Maslova O. V. Razrabotka metodiki izucheniia predstavlenii o liubvi [Elaboration of questionnaire for notions about love study]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological journal*, 35, no. 1 (2014): 111 – 119.

4. Matsumoto D. *Chelovek, kul'tura, psikhologiia. Udivitel'nye zagadki, issledovaniia i otkrytiia* [Culture and psychology. People Around the Word]. Saint-Petersburg: Praim-Evroznak, 2008, 668.

5. Allport G. *Stanovlenie lichnosti: izbrannye trudy* [Personality: selected works]. Moscow: Smysl, 2002, 461.

6. Seligman M. *Novaia pozitivnaia psikhologiia* [Authentic Happiness]. Moscow: Sofiia, 2006.

7. Boniwell I. *Positive Psychology in a Nutshell. A balanced introduction to the science of optimal functioning*. London: PWBC, 2006.

8. Tomlinson J. M., Aron A. The Positive Psychology of Romantic Love. *Positive Psychology of Love*. Ed. Hajjat M., Cramer D. USA: Oxford university press, 2013, 3 – 12.

9. Tzeng O. C. S. *Measurement of Love and Intimate Relations: Theories, Scales, and Applications for Love Development, Maintenance, and Dissolution*. Westport, CT, 1993.

10. Vergès P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation. *Bulletin de Psychologie*, XLV, no. 405 (1992): 203 – 209.

Received 08.02.2016, accepted 26.04.2016.

УДК 159.9

ДИНАМИКА СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОГО КОМПОНЕНТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

***И. С. Морозова*[1, @1], *Е. В. Воронова*[1, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет*
[@1] *ishmorozova@yandex.ru*
[@2] *elenavoronova27.06@mail.ru*

В данной статье рассматривается проблема изучения взаимосвязи содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности студентов к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в вузе. В работе представлены результаты лонгитюдного исследования взаимосвязи содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности студентов на различных этапах обучения в вузе. Результаты проведенного исследования показали, что содержательные характеристики: цель, процесс, результат, общий показатель смысложизненных ориентаций составляют основу ценностно-мотивационного компонента психологической готовности студентов к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в вузе. По результатам исследования определена ценностно-мотивационная составляющая психологической готовности студентов к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в вузе, которая у студентов-первокурсников включает в себя ориентацию на получение профессиональных знаний, умений. У студентов 2 года обучения составляет в возрастании ценности выбранной профессии, стремлении стать профессионалом. На 3 курсе у студентов ценностно-мотивационная составляющая представлена в переживании кризиса профессионального развития. На 4 году обучения у студентов есть изменения представлений о своем профессиональном будущем, ориентация на дальнейшее профессиональное развитие.

Ключевые слова: ценностно-мотивационный компонент психологической готовности, психологическая готовность к профессиональной деятельности, студент, вуз.

Для цитирования: Морозова И. С., Воронова Е. В. Динамика содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности студентов к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 120 – 125.

В настоящее время проблема готовности к профессиональной деятельности и выделение ее основных компонентов является одной из значимых в современной науке. Ряд исследователей: А. А. Деркач, М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович, В. А. Крутецкий, Л. В. Лежнина, Н. Д. Левитов, Л. С. Нерсесян, В. Ф. Сафин, А. Ц. Пуни, В. Н. Пушкин, Р. Д. Санжаева и др., изучая феномен «психологической готовности к профессиональной деятельности», включают в ее состав разнообразные компоненты, способствующие успешному осуществлению деятельности.

Данное исследование посвящено изучению ценностно-мотивационного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности. Следует отметить, что в научных исследованиях структуры психологической готовности к профессиональной деятельности чаще ученые рассматривают ценностный и мотивационный компонент в отдельности. Так, на основании проведенного сравнительного анализа компонентов, осуществленного В. Ф. Жуковой [1], можно увидеть, что основным из компонентов психологической готовности является мотивационный компонент, который включает профессионально значимые потребности, мотивы деятельности (К. М. Дурай-Новакова и др.), позитивное отношение к деятельности, интерес к ней и другие достаточно стойкие мотивы (М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович, Ш. А. Надирашвили, Д. М. Узнадзе и др.). К зарубежным исследователям, выделяющим мотивационный компонент в структуре психологической готовности к профессиональной деятельности, относится Е. Р. Хилгард [5].

Среди современных отечественных ученых, изучающих структуру психологической готовности к профессиональной деятельности и выделяющих мотивационный компонент психологической готовности, можно отметить Л. В. Лежнину, О. Л. Ливенцеву, Е. К. Лунегову, И. А. Калинину, Р. Д. Санжаеву и др.

Мотивационный компонент в исследовании Р. Д. Санжаевой [10] представляет собой ответственность за выполнение задач, чувство долга. О. Л. Ливенцева [5] рассматривает мотивационный компонент, как волевой компонент, в котором мотивация к деятельности непосредственно связана с волевым усилием предпринять то или иное действие. Мотивационный компонент в исследовании Е. К. Лунеговой [6] проявляется в потребности успешно выполнять поставленные задачи, в интересе к деятельности, вариантах ее осуществления, стремлении к успеху. Л. В. Лежнина [3, с. 16] описывает мотивационный компонент психологической готовности, содержание которого составляют профессионально значимые потребности, мотивы и ценности деятельности, формирующиеся на фоне устойчивого интереса и положительного отношения к профессии. И. А. Калинина [2] в своем исследовании в структуру психологической готовности к профессиональной деятельности студентов включает ценностно-мотивационный компонент.

По мнению И. А. Калининой, ценностно-мотивационная составляющая психологической готовности к профессиональной деятельности включает в себя осознание цели деятельности; отражение реальной картины психологической готовности к профессиональной деятельности как побуждения к совершению волевого действия, ценностно-значимое содержательное заполнение модели развития психологической готовности к профессиональной деятельности.

В нашем исследовании структуры психологической готовности студентов к профессиональной деятельности мы опираемся на точку зрения И. А. Калининой и рассматриваем в качестве компонента психологической готовности к профессиональной деятельности ценностно-мотивационный компонент. В нашем понимании ценностно-мотивационный компонент характеризует осмысленность жизни, осмысленность выбранной профессии, ответственность в принятии решений, в том числе и профессиональных. Ценностно-мотивационный компонент психологической готовности к профессиональной деятельности включает в себя мотивацию достижения, осознание целей учебной деятельности, отношение в целом к профессиональной деятельности, а также продуктивность и осмысленность жизни [7].

Цель нашего ***исследования*** состояла в изучении взаимосвязей содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности студентов на различных этапах обучения в вузе.

Лонгитюдное исследование осуществлялось с 2012 г. по 2015 г. В исследовании содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности использовался ***комплекс диагностических методов и методик,*** в том числе:

1. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. Крамбо и Л. Махолик, адаптированный Д. А. Леонтьевым [4]. Компонент составили следующие шкалы: «Цель», «Процесс», «Результат», «Общий показатель СЖО».

2. Методика диагностики мотивации к достижению успеха Т. Элерса [8]. В компонент вошла шкала «Мотивация достижения успеха».

3. Тест-опросник «Мотивация к избеганию неудач» Т. Элерса [8]. В ценностно-мотивационный компонент вошла шкала «Мотивация избегания неудач».

С целью обеспечения достоверности полученных результатов нами был использован корреляционный анализ для зависимых выборок. Корреляционный анализ позволяет выявить наличие взаимосвязей между двумя и более изучаемыми переменными [10]. Расчет данного критерия проводился с помощь компьютерной программы обработки статистических данных Statistica 6.0.

Выборку исследования составили 20 студентов социально-психологического факультета Кемеровского государственного университета, обучающиеся по направлению подготовки «Психология» с первого по четвертый курс.

Изложение и обсуждений результатов исследования

Рассмотрим выявленные значимые взаимосвязи содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности у студентов на 1 году обучения в вузе. Результаты исследования представлены на рис. 1.

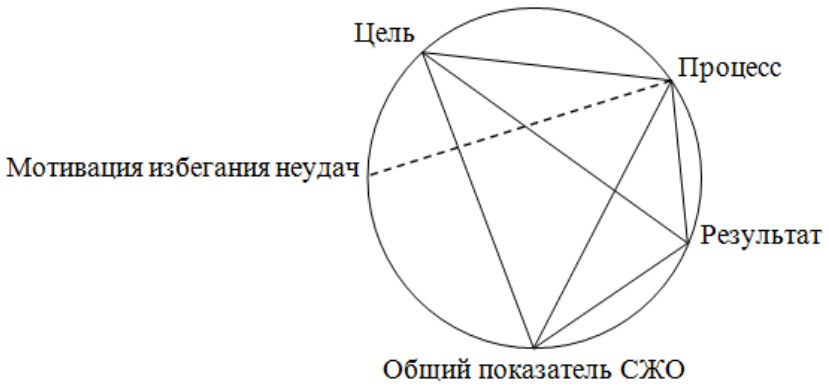


Рис. 1. ***Значимые корреляционные связи содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности студентов на 1 курсе обучения***
Fig. 1. ***Meaningful correlations of the substantive characteristics of the value-semantic component of 1st-year students' psychological readiness***

Анализируя данные, представленные на рис. 1, мы считаем возможным утверждать, что на 1 курсе показатель «цель» взаимосвязан с показателями «процесс» ($p \leq 0,05$, $r = 0,77$), «результат» ($p \leq 0,05$, $r = 0,63$), «общий показатель СЖО» ($p \leq 0,05$, $r = 0,91$). Показатель «процесс» взаимосвязан с показателями «цель» ($p \leq 0,05$, $r = 0,77$), «результат» ($p \leq 0,05$, $r = 0,76$), «общий показатель СЖО» ($p \leq 0,05$, $r = 0,89$), «мотивация избегания неудач» ($p \leq 0,05$, $r = -0,45$). Показатель «результат» коррелирует с показателями

«цель» ($p \leq 0,05$, $r = 0,63$), «процесс» ($p \leq 0,05$, $r = 0,76$), «общий показатель СЖО» ($p \leq 0,05$, $r = 0.74$). «Общий показатель СЖО» взаимосвязан с показателями «цель» ($p \leq 0,05$, $r = 0,91$), «процесс» ($p \leq 0,05$, $r = 0,89$), «результат» ($p \leq 0,05$, $r = 0,74$). Таким образом, выявленные взаимосвязи характеризуют студентов-первокурсников как целеустремленных, ориентированных на выполнение учебных задач. Процесс получения знаний, умений воспринимается студентами, как интересный, эмоционально насыщенный, наполненный смыслом.

Корреляционная взаимосвязь показателей «цель», «процесс», «результат» свидетельствует о том, что у студентов присутствует осмысленность и ценность выбранной профессии, удовлетворенность учебным процессом, понимание важности получения знаний, умений для успешного обучения на последующих курсах.

Отрицательная корреляционная взаимосвязь показателя «мотивация избегания неудач» и показателя «процесс» ($p \leq 0,05$, $r = -0,45$) может свидетельствовать о том, что в процессе получения профессиональных знаний, навыков у студентов присутствует мотивация избегания неудач. Для студентов-первокурсников процесс обучения воспринимается как достаточно длительный по времени период к получению профессии. Поэтому студенты первого года обучения не могут воспринимать себя успешными, компетентными специалистами в выбранной профессиональной деятельности. Преобладание мотивации избегания неудач у студентов может оказать негативное влияние на последующие курсы обучения в вузе. И как результат такого негативного влияния – присутствие неуверенности в собственных силах, профессиональных знаниях.

Перейдем к рассмотрению результатов корреляционного анализа содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности у студентов на 2 году обучения в вузе. Результаты исследования представлены на рис. 2.

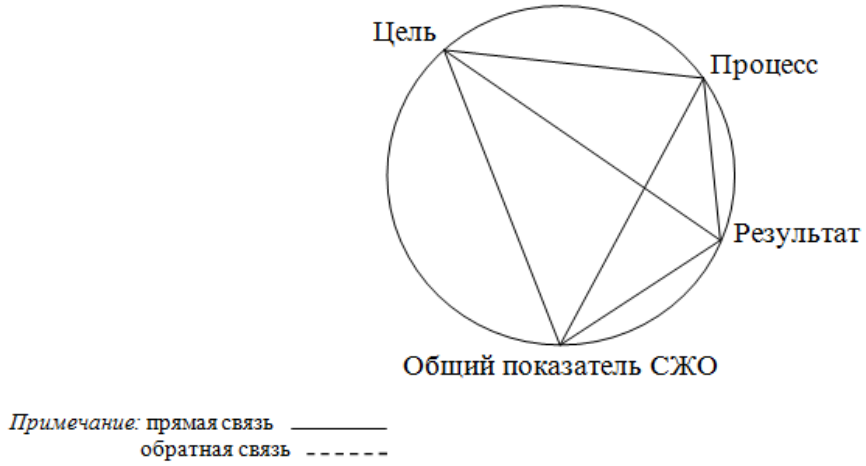


Рис. 2. ***Значимые корреляционные связи содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности студентов на 2 курсе обучения***
Fig. 2. ***Meaningful correlations of the substantive characteristics of the value-semantic component of 2nd-year students' psychological readiness***

На 2 курсе (рис. 2) выявлены следующие значимые взаимосвязи изучаемых параметров: показатель «цель» коррелирует с показателями «процесс» ($p \leq 0,05$, $r = 0,87$), «результат» ($p \leq 0,05$, $r = 0,76$), «общий показатель СЖО» ($p \leq 0,05$, $r = 0,60$). Показатель «процесс» взаимосвязан с показателями «цель» ($p \leq 0,05$, $r = 0,87$), «результат» ($p \leq 0,05$, $r = 0,82$), «общий показатель СЖО» ($p \leq 0,05$, $r = 0,69$). Показатель «результат» взаимосвязан с показателями «цель» ($p \leq 0,05$, $r = 0,76$), «процесс» ($p \leq 0,05$, $r = 0,82$), «общий показатель СЖО» ($p \leq 0,05$, $r = 0,51$). Общий показатель «СЖО» взаимосвязан с показателями «цель» ($p \leq 0,05$, $r = 0,60$), «процесс» ($p \leq 0,05$, $r = 0,69$), «результат» ($p \leq 0,05$, $r = 0,51$).

Следует отметить на 2 курсе сохранение устойчивой взаимосвязи следующих показателей: «цель», «процесс, «результат», «общий показатель СЖО», что определено на 1 курсе обучения. Выявленные взаимосвязи могут свидетельствовать о том, что студенты 2 года обучения удовлетворены результатами собственной учебной деятельности. Имеют положительные результаты в процессе приобретения профессиональных знаний. Студенты на 2 курсе осознают цели профессионального обучения, что обеспечивает осмысленность и удовлетворенность выбранной профессии.

Далее перейдем к обсуждению результатов корреляционного анализа содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности у студентов на 3 году обучения в вузе. Результаты исследования представлены на рис. 3.

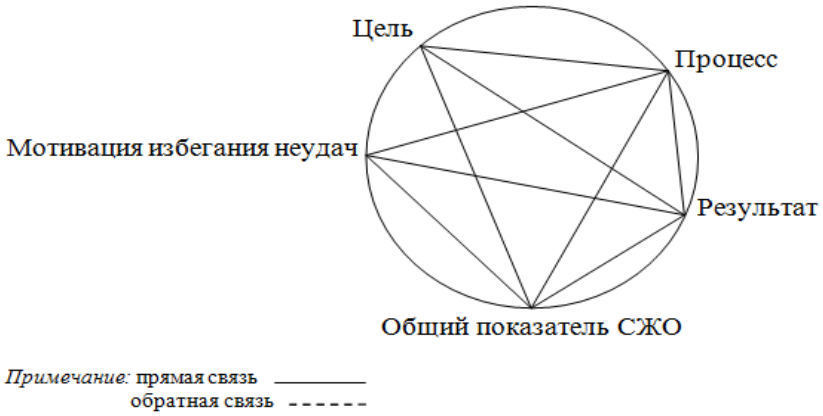


Рис. 3. ***Значимые корреляционные связи содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности студентов на 3 курсе обучения***
Fig. 3. ***Meaningful correlations of the substantive characteristics of the value-semantic component of 3rd-year students' psychological readiness***

Из рис. 3 видно, что на 3 курсе показатель «цель» взаимосвязан с показателями «процесс» ($p \le 0,05$, $r = 0,80$), «результат» ($p \le 0,05$, $r = 0,76$), «общий показатель СЖО» ($p \le 0,05$, $r = 0,94$). Показатель «процесс» коррелирует с показателями «цель» ($p \le 0,05$, $r = 0,80$), «результат» ($p \le 0,05$, $r = 0,83$), «общий показатель СЖО» ($p \le 0,05$, $r = 0,90$), «мотивация избегания неудач» ($p \le 0,05$, $r = 0,59$). Показатель «результат» взаимосвязан с показателями «цель» ($p \le 0,05$, $r = 0,75$), «процесс» ($p \le 0,05$, $r = 0,83$), «общий показатель СЖО» ($p \le 0,05$, $r = 0,86$), «мотивация избегания неудач» ($p \le 0,05$, $r = 0,59$). Общий показатель «СЖО» взаимосвязан с показателями «цель» ($p \le 0,05$, $r = 0,94$), «процесс» ($p \le 0,05$, $r = 0,90$), «результат» ($p \le 0,05$, $r = 0,86$), «мотивация избегания неудач» ($p \le 0,05$, $r = 0,58$).

На 3 курсе сохраняется тенденция положительной взаимосвязи показателей «цель», «процесс», «результат», «общий показатель СЖО», что определено на 1, 2 курсах обучения. Выявленная взаимосвязь изучаемых показателей может характеризовать студентов, как людей целеустремленных, ориентированных на достижение результатов.

При этом важно отметить, что на 3 курсе у студентов наблюдается положительная корреляционная связь показателя «мотивация избегания неудач» с такими показателями как: «процесс» ($p \le 0,05$, $r = 0,59$), «результат» ($p \le 0,05$, $r = 0,59$), «общий показатель СЖО» ($p \le 0,05$, $r = 0,58$). Таким образом, выявленные взаимосвязи могут свидетельствовать о том, что студенты на 3 курсе обучения переживают кризис профессионального развития, испытывают трудности в процессе построения будущего профессионального пути, профессиональной самореализации, планирования своей жизни в целом. На 3 курсе у студентов возникает неуверенность в себе, в своих профессиональных знаниях, умениях, присутствует неуверенность в выбранной профессии.

Перейдем к рассмотрению результатов корреляционного анализа содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности у студентов на 4 году обучения в вузе. Результаты исследования представлены на рис. 4.

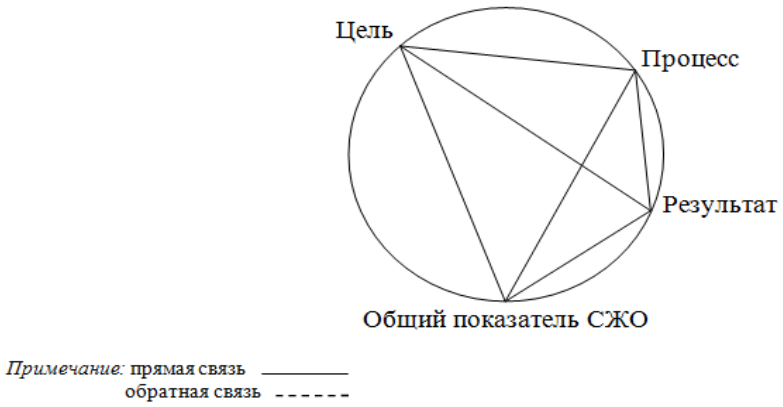


Рис. 4. ***Значимые корреляционные связи содержательных характеристикценностно-мотивационного компонента психологической готовности студентов на 4 курсе обучения***
Fig. 4. ***Meaningful correlations of the substantive characteristics of the value-semantic component of 4th-year students' psychological readiness***

На 4 курсе (рис. 4) показатель «цель» коррелирует с показателями «процесс» ($p \le 0,05$, $r = 0,79$), «результат» ($p \le 0,05$, $r = 0,70$), «общий показатель СЖО» ($p \le 0,05$, $r = 0,95$). Показатель «процесс» взаимосвязан с показателями «цель» ($p \le 0,05$, $r = 0,79$), «результат» ($p \le 0,05$, $r = 0,70$), «общий показатель СЖО» ($p \le 0,05$, $r = 0,87$). Показатель «результат» коррелирует с показателями «цель» ($p \le 0,05$, $r = 0,70$), «процесс» ($p \le 0,05$, $r = 0,70$), «общий показатель СЖО» ($p \le 0,05$, $r = 0,78$). Общий показатель «СЖО» взаимосвязан с показателями «цель» ($p \le 0,05$, $r = 0,95$), «процесс» ($p \le 0,05$, $r = 0,87$), «результат» ($p \le 0,05$, $r = 0,78$).

Следует отметить на 4 курсе сохранение устойчивой положительной взаимосвязи следующих показателей: «цель», «процесс», «результат», «общий показатель СЖО», что определено на 1, 2 и 3 курсах обучения. Выявленная тенденция может свидетельствовать, что основу ценностно-мотивационного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в вузе составляют значимые взаимосвязи таких показателей, как «цель», «процесс», «результат», «общий показатель СЖО».

На 4 курсе выявленные взаимосвязи могут свидетельствовать, о том, что у студентов сформированы цели дальнейшей профессиональной самореализации и пути ее реализации. Студенты имеют положительные результаты в процессе приобретения профессиональных знаний, представления о собственном жизненном и профессиональном пути. Студенты воспринимают пройденные этапы обучения как интересные, эмоционально насыщенные, наполненные смыслом.

Обобщим полученные результаты исследования. Ценностно-мотивационная составляющая психологической готовности к профессиональной деятельности у студентов-первокурсников включает в себя ориентацию на получение профессиональных знаний, умений. У студентов 2 года обучения составляет в возрастании ценности выбранной профессии, стремлении стать профессионалом. На 3 курсе у студентов ценностно-мотивационная составляющая представлена в переживании кризиса профессионального развития. На 4 году обучения у студентов есть изменения представлений о своем профессиональном будущем, ориентация на дальнейшее профессиональное развитие.

В заключении следует отметить, что основу ценностно-мотивационного компонента психологической готовности студентов к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в вузе составляют следующие содержательные характеристики: цель, процесс, результат и общий показатель смысложизненных ориентаций.

Литература

1. Жукова В. Ф. Психолого-педагогический анализ категории «психологическая готовность» // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 320. № 6. С. 117 – 121.

2. Калинина И. А. Психологическая готовность студентов к профессиональной деятельности и ее взаимосвязь с успешностью обучения: на примере экономического вуза: дис. … канд. психол. наук. М., 2007. 232 с.

3. Лежнина Л. В. Готовность психолога образования к профессиональной деятельности: этапы, механизмы, технологии формирования: дис. … д-ра психол. наук. М., 2010. 473 с.

4. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992. 16 с.

5. Ливенцева О. В. Психологическая готовность руководителей среднего звена к деятельности в неблагоприятных ситуациях (на примере аппарата управления Буровой компании): дис. … канд. психол. наук. М., 2002. 213 с.

6. Лунегова Е. К. Проблемы формирования у будущих специалистов социальной сферы психологической готовности к работе с детьми-инвалидами // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 4. С. 304 – 309.

7. Морозова И. С., Воронова Е. В. Динамика содержательных характеристик компонентов психологической готовности студентов-психологов к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в вузе // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 340 – 344.

8. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие / ред. и сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2001.

9. Санжаева Р. Д. Психологические механизмы формирования готовности человека к деятельности: дис. … д-ра психол. наук. Новосибирск, 1997. 354 с.

10. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2007. 350 с.

Информация об авторе:

Морозова Ирина Станиславовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии и психологии развития КемГУ, чл.-корр. САН ВШ, ishmorozova@yandex.ru/

Воронова Елена Валерьевна – аспирант по направлению «Педагогическая психология» КемГУ, elenavoronova27.06@mail.ru.

(Научный руководитель – *И. С. Морозова*).

Статья поступила в редколлегию 25.01.2016 г., принята к печати 10.04.2016 г.

THE DYNAMICS OF THE SUBSTANTIVE CHARACTERISTICS OF THE VALUE-MOTIVATIONAL COMPONENT OF STUDENTS' PSYCHOLOGICAL READINESS FOR PROFESSIONAL ACTIVITY AT VARIOUS STAGES OF STUDYING AT THE UNIVERSITY

Irina S. Morozova[1, @1], Elena V. Voronova[1, @2]

[1] Kemerovo State University
[@1] ishmorozova@yandex.ru
[@2] elenavoronova27.06@mail.ru

The paper discusses the problem of studying the relations of substantive characteristics of the value-semantic component of students' psychological readiness for professional activity at various stages of studying at the Universityand presents the results of a longitudinal study of this issue. The results of the study indicated that the content characteristics (objective, process, result, overall rate of life-meaning orientations) are the basis of the value-motivational component of students' psychological readiness for professional activity at various stages of studying at the University. According to the results of the study the axiological component of students' psychological readiness of for professional activity into which first-year students includes orientation to the professional knowledge, skills. Students have 2 years of training to increase the value of the chosen profession, the desire to become a professional. In the 3rd year students' value-motivational component is represented in the experience of the crisis of professional development. In their 4th year of study, students have changing views about their professional future, orientation to future professional development.

Keywords: value-motivational component of psychological readiness, psychological readiness for professional activities, student, University.

For citation: Morozova I. S., Voronova E. V. Dinamika soderzhatel'nykh kharakteristik tsennostno-motivatsionnogo komponenta psikhologicheskoi gotovnosti studentov k professional'noi deiatel'nosti na razlichnykh etapakh obucheniia v vuze [The dynamics of the substantive characteristics of the value-motivational component of students' psychological readiness for professional activity at various stages of studying at the university]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 120 – 125.

References

1. Zhukova V. F. Psikhologo-pedagogicheskii analiz kategorii "psikhologicheskaia gotovnost'" [Psychology and pedagogical analysis of the category "psychological readiness"]. *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – News of Tomsk polytechnical university*, 320, no. 6 (2012): 117 – 121.
2. Kalinina I. A. *Psikhologicheskaia gotovnost' studentov k professional'noi deiatel'nosti i ee vzaimo-sviaz' s uspeshnost'iu obucheniia: na primere ekonomicheskogo vuza.* Diss. kand. psikhol. nauk [Psychological readiness of students for professional activity and its interrelation with success of training: on the example of economic higher education institution. Cand. psych. Sci. Diss.]. Moscow, 2007, 232.
3. Lezhnina L. V. *Gotovnost' psikhologa obrazovaniia k professional'noi deiatel'nosti: etapy, mekhanizmy, tekhnologii formirovaniia.* Diss. doktora psikhol. nauk [Readiness of the psychologist of education for professional activity: stages, mechanisms, technologies of formation. Dr. psych. Sci. Diss.]. Moscow, 2010, 473.
4. Leontiev D. A. *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO)* [Test of smyslozhiznenny orientations]. Moscow: Smysl, 1992, 16.
5. Liventseva O. V. *Psikhologicheskaia gotovnost' rukovoditelei srednego zvena k deiatel'nosti v neblagopriiatnykh situatsiiakh (na primere apparata upravleniia Burovoi kompanii).* Diss. kand. psikhol. nauk [Psychological readiness of heads of an average link for activity in adverse situations (on the example of management personnel of the Drilling company). Cand. psych. Sci. Diss.]. Moscow, 2002, 213.
6. Lunegova E. K. Problemy formirovaniia u budushchikh spetsialistov sotsial'noi sfery psikhologicheskoi gotovnosti k rabote s det'mi-invalidami [Formation problems at future experts of the social sphere of psychological availability for service with disabled children]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta – Bulletin of the Kazan technological university*, no. 4 (2006): 304 – 309.
7. Morozova I. S., Voronova E. V. Dinamika soderzhatel'nykh kharakteristik komponentov psikhologicheskoi gotovnosti studentov-psikhologov k professional'noi deiatel'nosti na razlichnykh etapakh obucheniia v vuze [Dynamics of substantial characteristics of components of psychological readiness of students psychologists for professional activity at various grade levels in higher education institution]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia – Theory and practice of social development*, no. 18 (2015): 340 – 344.
8. *Prakticheskaia psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnostics. Techniques and tests]. Ed. and comp. Raigorodskii D. Ia. Samara: Bakhrakh-M, 2001, 667.
9. Sanzhaeva R. D. *Psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniia gotovnosti cheloveka k deiatel'nosti.* Diss. doktora psikhol. nauk [Psychological mechanisms of formation of readiness of the person for activity. Dr. psych. Sci. Diss.]. Novosibirsk, 1997, 354.
10. Sidorenko E. V. *Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. Saint-Petersburg: Rech', 2007, 350.

Received 25.01.2016, accepted 10.04.2016.

УДК 159.9:616.714.1-007.125-053.2:612.821.35

МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ МЕЛКОЙ МОТОРИКИ ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДАУНА

***О. П. Мурзина*[1, @1], *Г. Г. Вербина*[1, @2]**

[1] *Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова*
[@1] *murzinaolgap@mail.ru*
[@2] *verbina.galia@yandex.ru*

В статье приводятся исследования основных методов и методик для адаптации детей с синдромом Дауна. Показана возможность применения методики крупотерапии для развития мелкой моторики детей. Необходимость и применение методик позволяет детям с синдромом Дауна совершенствовать свои способности, что приводит к положительным результатам в их психическом и эмоциональном развитии. Развитие мелкой моторики детей положительно влияет на сенсорные процессы, что очень важно для развития психики детей с синдромом Дауна. Тактильная чувствительность детей с синдромом Дауна – мощный стимул развития у них восприятия, внимания, памяти, мышления и речи.

Ключевые слова: синдром Дауна, дети с синдромом Дауна, адаптация, мелкая моторика, крупотерапия.

Для цитирования: Мурзина О. П., Вербина Г. Г. Методы развития мелкой моторики детей с синдромом Дауна // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 126 – 130.

Цель исследования: изучить методы социально-психологической адаптации детей с синдромом Дауна.

Объект исследования – адаптация детей с синдромом Дауна.

Предмет исследования – методы социально-психологической адаптации детей с синдромом Дауна.

В ходе первого этапа исследования была поставлена задача – изучить методы для стимулирования мелкой моторики у детей с синдромом Дауна [2 – 6; 8 – 11].

Как считает Е. Е. Сасарина и авторский коллектив [12], выбор средств стимулирования мелкой моторики детей был связан с появлением в детском саду общеразвивающего типа ребенка с синдромом Дауна. Е. Е. Сасарина: «Анализируя литературу, нами были определены формы работы, использование которой с нашей точки зрения стимулирует развитие мелкой моторики детей» [1, с. 65].

Крупотерапия – это нетрадиционный вид работы с разными видами крупы, целью которой является нормализовать жизнедеятельность детей с синдромом Дауна. Использование крупотерапии в работе с ребенком-Дауном на сегодняшний день используется не только за рубежом, но и в России. Крупотерапия корректирует мелкую моторику пальцев рук, тем самым дает возможность стимулировать психическое развитие ребенка, улучшает общее его развитие. Применение и комплексные занятия крупотерапией дают возможность полноценного развития ребенка с синдромом Дауна. На благоприятное психическое и физическое развитие детей-Даунов оказывают также подвижные игры, так как они улучшают работу опорно-двигательного аппарата.

Ребенок с синдромом Дауна, работая с различными формами круп, концентрирует свое внимание на пальцах и кистях рук, в результате чего ребенок становиться более внимательным и сосредоточенным. Подобная гимнастика оказывает также положительное влияние на мышцы пальцев. Таким образом, для коррекции и успешной адаптации в детском коллективе используется пальчиковая гимнастика и различные упражнения на мелкую моторику.

Рис. 1. ***Аппликации с использованием групп детей-Даунов***
Fig. 1. ***Applique works performed by groups of children with the Down syndrome***

В нашем исследовании диагностика развития моторики детей с синдромом Дауна проводилась с помощью методики Г. А. Волковой. Исследование было проведено в ноябре 2015 г. и в январе 2016 г. В исследовании приняли участие дети с синдромом Дауна, воспитывающиеся в семьях и дети из детских домов. Выборка составила 30 испытуемых (дети-Дауны). Возраст: от 3,5 до 5 лет. Испытуемые были разделены на 2 группы: экспериментальную и контрольную.

Экспериментальная группа состояла из 15 детей с синдромом Дауна, воспитывающихся в семьях. Контрольная группа состояла из 15 детей, живущих в детских домах. В контрольную группу вошли дети с синдромом Дауна, которые не занимались по развивающей программе, в экспериментальную группу вошли дети, с которыми были проведены занятия с использованием круп, а также подвижные игры и пальчиковая гимнастика. Дети с синдромом Дауна, с которыми проводилась комплексная программа, сами смогли выполнить аппликации с использованием круп (рис. 1).

В результате проведения пальчиковой гимнастики и упражнений у детей с синдромом Дауна повысился иммунитет, дети хорошо выполняли задания и тем самым улучшили не только общее состояние организма, но и стали более внимательными.

Работа с использованием методик крупотерапии и пальчиковых игр продолжилась на втором этапе нашего исследования, в январе 2016 г. На данном этапе исследования применялась индивидуальная развивающая программа с каждым отдельно взятым ребенком. Программа была направлена на развитие моторики ребенка-Дауна. В результате проведения занятий в экспериментальной группе на контрольном этапе были получены следующие показатели: улучшилось общее состояние, дети стали более подвижны, а также произошли существенные изменения в развитии мелкой моторики.

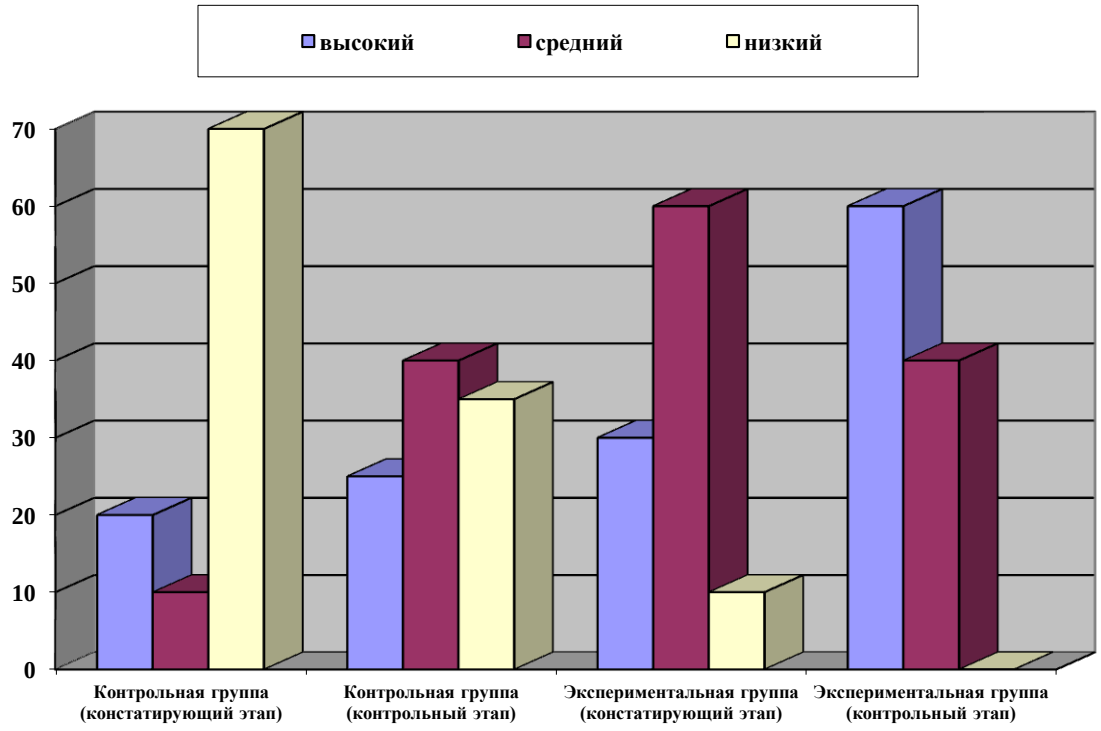


Рис. 2. ***Результаты уровня развития мелкой моторики у детей с синдромом Дауна в контрольной и экспериментальной группах***
Fig. 2. ***Results of the level of fine motor skills development in children having the Down syndrome (in the control group and the experimental group)***

Из рис. 2 видно, что на контрольном этапе в экспериментальной группе после проведения индивидуальной развивающей программы был достигнут высокий показатель у 60 % испытуемых, у 40 % детей-Даунов оказался средний показатель развития моторики, с низким показателем не было выявлено ни одного ребенка-Дауна.

Нами была продолжена работа по развитию мелкой моторики детей с синдромом Дауна и в 2016 г. В данном исследовании по индивидуальной развивающей программе была проведена работа с ребенком, который живет в семье и воспитывается обоими родителями. По уровню психического развития можно сказать, что ребенок гиперактивный, у него низкая концентрация внимания. Ребенок не может удерживать внимание более 1 минуты. Также отмечаются частые перепады настроения, упрямство, агрессивность.

Следует отметить, что речь у ребенка отстает от нормы развития, пассивный словарь шире активного, речь не сформирована. Мама ребенка хорошо идет на контакт, понимает его особенности, заинтересована в развитии и его адаптации.

В ходе работы были использованы методы для развития мелкой моторики с учетом потребностей и возможностей ребенка с синдромом Дауна. Занятия

проводились один раз в неделю. В ходе занятий были выделены два основных метода, которые применялись в работе с ребенком-Дауном.

1. Использование подвижных игр и игровых упражнений с мячом и пальчиковые игры. Главным средством развития моторики ребенка стали подвижные игры и игровые упражнения с мячом, которые положительно сказывались на настроении ребенка, улучшая его. В содержание занятий включались также пальчиковые игры.

2. Применение крупотерапии. Работа с крупой требовала от ребенка достаточно высокой концентрации внимания и напряжения мышц пальцев и кистей рук. Поэтому в содержание методов данного типа были включены пальчиковые игры, которые в начале занятия подготавливают руку к выполнению более сложных заданий с крупой, а в середине занятия позволяют расслабиться и отдохнуть, выступая в качестве физкультминутки.

В исследовании было проведено 8 занятий с ребенком-Дауном. Анализ проведенных занятий показал, что дети с синдромом Дауна могут быть не только ласковыми, привязчивыми, улыбчивыми, но у ребенка может появиться непостоянство в настроении, а иногда и эмоциональная неустойчивость, что в принципе наблюдается и у здоровых детей.

Одной из психологических характеристик детей с синдромом Дауна является способность к подражанию, которое, как считают исследователи, является основой обучения детей данной категории. Ребенок в нашем исследовании не мог выполнить некоторые движения, поскольку у него было слабо развито внимание.

Таким образом, проведя занятия с использованием крупотерапии и пальчиковых игр, была отмечена положительная динамика развития моторики у ребенка с синдромом Дауна, а также двигательной функции пальцев в результате использования индивидуальной программы развития моторики.

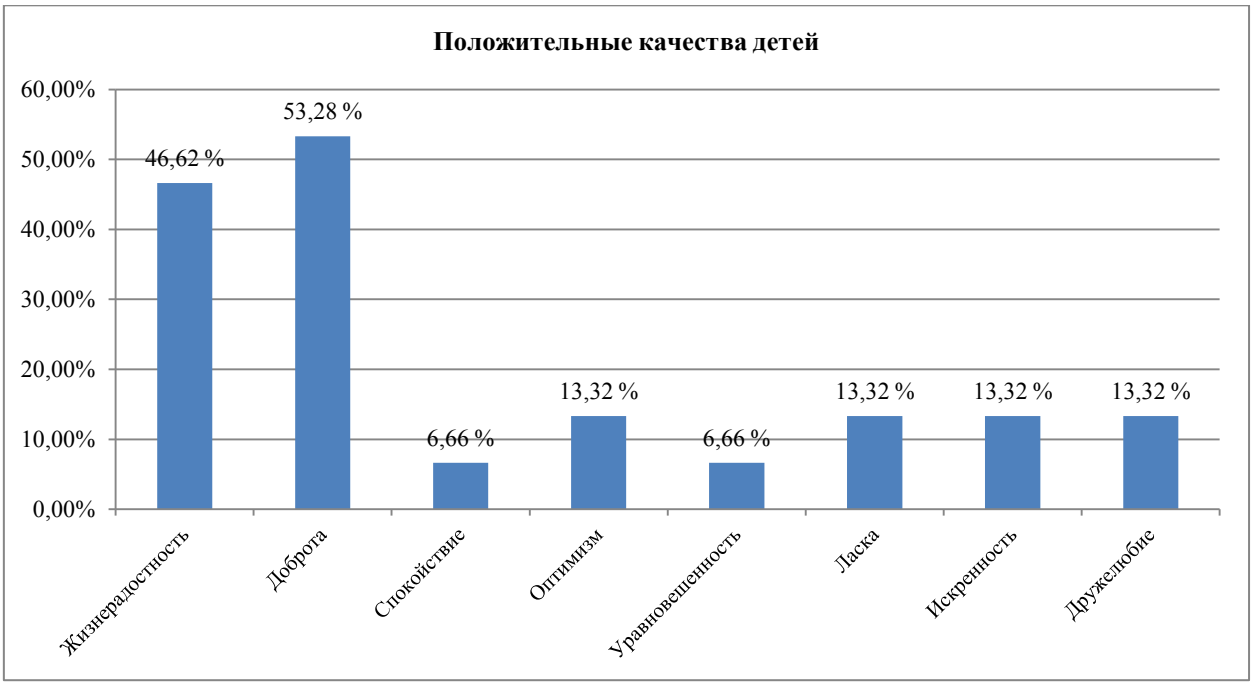


Рис. 3. ***Положительные качества, сформированные в результате проведения индивидуальной программы развития моторики ребенка с синдромом Дауна***
Fig. 3. ***Positive qualities formed as the result of implementing the individual program of developing the motor skills of children having the Down syndrome***

В настоящее время большую популярность получает новая модель психологического сопровождения семьи, где воспитывается ребенок с синдромом Дауна. Необходимо не только проводить коррекционную работу с родителями и ребенком с синдромом Дауна, но и вести беседы и консультации с родителями и, особенно с матерью ребенка с синдромом Дауна.

Необходимо показать родителям особенного ребенка, как следует ему взаимодействовать с другими людьми ребенка с синдромом Дауна в социуме. «Помимо предложенных методов для успешной адаптации ребенка с синдромом Дауна важно понимание самой матери комплексного развития ребенка, которое возможно при раннем вмешательстве и психологов и самих родителей» [7, с. 86].

Вторым важным подходом является помощь и учет индивидуальных особенностей семьи, а преимущественно позиции матери к своему ребенку. Мать ребенка должна создать свой микроклимат в семье, чтобы ребенку было комфортно и приятно находиться с любимыми родителями. «В ранней психологической помощи необходимо создать различные варианты организации, то есть для каждой семьи отдельно необходимо разработать и реализовать движение от специалиста к специалисту, что должно определяться не только уровнем развития ребенка с синдромом Дауна, но и ролью матери» [7, с. 85]. Важно и то, чтобы психологическая помощь семье была направлена на родителей для дальнейшего совершенствования моторики ребенка с синдромом Дауна.

Развитие содержания и методов психологического сопровождения семей, которые воспитывают ребенка с синдромом Дауна, повлекут за собой и изменения в социуме в целом.

Важность применения в сегодняшних условиях методов для успешной адаптации детей с синдромом Дауна находятся в прямой зависимости от психологической помощи отдельно взятого ребенка и отдельно взятой семьи. На примере эксперимента нами были сделаны основные ***выводы.***

1. Для полноценного вхождения детей с синдромом Дауна в детский коллектив и в целом в социум, необходимо заложить основы для развития мелкой моторики, а это возможно с применением крупотерапии и пальчиковой гимнастики.

2. Социально-психологическое сопровождение детей с синдромом Дауна должно основываться на принципе дифференциации к отдельно взятому ребенку, учитывая способности и уровень развития каждого ребенка, для того чтобы развить и более успешно адаптировать его к социальной жизни.

Литература

1. Боряева Л. Б., Гаврилушкина О. П., Зарин А. П., Соколова Н. Д. Программа воспитания и обучения дошкольников с интеллектуальной недостаточностью. СПб.: СОЮЗ, 2003. 320 с.

2. Блюмина М. Г. Нарушения слуха при болезни Дауна // Дефектология. 1987. № 2. С. 76 – 79.

3. Блюмина М. Г. Распространенность, этиология и некоторые особенности клинических проявлений сложных дефектов // Дефектология. 1989. № 3. С. 3 – 10

4. Блюмина М. Г., Деминцева В. С., Подугольникова О. А. Аномалии аутосом у детей с нарушениями психического и физического развития // Наследственные формы олигофрении и других аномалий развития детей. М., 2003. 219 с.

5. Богданова Т. Г., Корнилова Т. В. Диагностика познавательной сферы ребенка. М.: Роспедагентство, 1994. 67 с.

6. Вегнер Л. А. Диагностика умственного развития дошкольников. М.: Педагогика, 2011. 248 с.

7. Иневаткина С. Е. Изучение особенностей формирования взаимодействия между матерью и ребенком раннего возраста // Актуальные проблемы образования и педагогики: диалог истории и современности. К 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАО, доктора педагогических наук, профессора Е. Г. Осовского (1930 – 2004): материалы Всероссийской научно-практической конференции (11 – 12 октября 2005): в 4 ч. Саранск, 2005. С. 70 – 73.

8. Коробейников И. А., Слуцкий В. М. О некоторых особенностях формирования интеллекта детей в условиях психической депривации // Дефектология. 1990. № 3. С. 19 – 22.

9. Кетько С. М., Пакулина С. А., Поминов А. В. Единство рефлексии, мотивации и адаптации в сознании личности: коллективная монография. М.: Просвещение, 2005. 231 с.

10. Кисова В. В., Конева И. А. Практикум по специальной психологии. Методическое издание. Шкалы личностной тревожности. СПб.: Речь, 2006. 352 с.

11. Красовская Л. Г. Работа педагогического коллектива с семьями умственно отсталых учащихся // Дефектология. 1986. № 2. С. 32 – 35.

12. Сасарина Е. Е., Арсеньева А. С., Вохмянина С. В. Моторное развитие детей дошкольного возраста с синдромом Дауна // Студенческий научный форум: VI Международная студенческая электронная научная конференция. 15 февраля – 31 марта 2014 г. С. 65.

Информация об авторах:

Мурзина Ольга Петровна – аспирант Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, murzinaolgap@mail.ru.

(**Научный руководитель:** ***Вербина Галина Георгиевна*** – профессор кафедры социальной и клинической психологии Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, verbina.galia@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2016 г., принята к печати 09.04.2016 г.

METHODS OF DEVELOPING FINE MOTOR SKILLS IN CHILDREN WITH THE DOWN SYNDROME IN MODERN CONDITIONS

Olga P. Murzina[1, @1], Galina G. Verbina[1, @2]

[1] Chuvash State University named after I. N. Ulyanov
[@1] murzinaolgap@mail.ru
[@2] verbina.galia@yandex.ru

The paper researches the main methods and methodology set to define the degree of adaptation for children with the Down syndrome. The research shows the possibilities for using therapy engaging cereals to develop children's fine motor skills. The methodology set is necessary as it results in improving these children's skills and positive psychic and emotional development. Children's fine motor skills development has positive impact upon tactile processes; this is very important for the state of mind development if we speak about children having the Down syndrome. Tactile sensitivity of children having the Down syndrome is a powerful stimulus for development of their perception, attention, memory, thinking and speech.

Keywords: the Down syndrome, children having the Down syndrome, adaptation, fine motor skills, therapy engaging cereals.

For citation: Murzina O. P., Verbina G. G. Metody razvitiia melkoi motoriki detei s sindromom Dauna [Methods of developing fine motor skills in children with the Down syndrome in modern conditions]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 126 – 130.

References

1. Baraev L. B., Gavrilushkin O. P., Sarin A. P., Sokolova N. D. *Programma vospitaniia i obucheniia doshkol'nikov s intellektual'noi nedostatochnost'iu* [Programme of upbringing and education of preschool children with intellectual insufficiency]. Saint-Petersburg: SOIUZ, 2003, 320.

2. Blumina M. G. Narusheniia slukha pri bolezni Dauna [Hearing loss in down's syndrome]. *Defektologiia – Defectology*, no. 2 (1987): 76 – 79.

3. Blumina M. G. Rasprostranennost', etiologiia i nekotorye osobennosti klinicheskikh proiavlenii slozhnykh defektov [The Prevalence, etiology and some features of clinical manifestations of complex defects]. *Defektologiia – Defectology*, no. 3 (1989): 3 – 10.

4. Blumina M. G., Demintseva V. S., Podugolnikov O. A. Anomalii autosom u detei s narusheniiami psikhicheskogo i fizicheskogo razvitiia [Anomalies of autosomes in children with impaired mental and physical development]. *Nasledstvennye formy oligofrenii i drugikh anomalii razvitiia detei* [Hereditary forms of mental retardation and other anomalies development of children]. Moscow, 2003, 219.

5. Bogdanova T. G., Kornilova T. V. *Diagnostika poznavatel'noi sfery rebenka* [Diagnosis of cognitive sphere of the child]. Moscow: Rospedagentstvo, 1994, 67.

6. Wegner L. A. *Diagnostika umstvennogo razvitiia doshkol'nikov* [Diagnostics of mental development of preschool children]. Moscow: Pedagogika, 2011, 248.

7. Inevatkina S. E. Izuchenie osobennostei formirovaniia vzaimodeistviia mezhdu mater'iu i rebenkom rannego vozrasta [Studying peculiarities of forming interaction between a mother and an early age child]. *Aktual'nye problemy obrazovaniia i pedagogiki: dialog istorii i sovremennosti. K 75-letiiu so dnia rozhdeniia chlena-korrespondenta RAO, doktora pedagogicheskikh nauk, professora Osovskogo E. G. (1930 – 2004): materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (11 – 12 oktiabria 2005)* [Actual problems in the sphere of education and pedagogy: a history and contemporaneity dialogue. Devotion to the 75th birthday anniversary of Professor Osovsky E. G., a RAA corresponding member, a Doctor of Pedagogy (1930 – 2004): Proc. Russian Sc.-Prac. Conf. (October 11 – 12 2005)]. Saransk, part 4.4. (2005): 70 – 73.

8. Korobeinikov A. I., Slutsky V. M. O nekotorykh osobennostiakh formirovaniia intellekta detei v usloviiakh psikhicheskoi deprivatsii [On some peculiarities of formation of children's intelligence in terms of mental deprivation]. *Defektologiia – Defectology*, no. 3 (1990): 19 – 22.

9. Ket'ko S. M., Pakulina S. A., Pominov A. V. *Edinstvo refleksii, motivatsii i adaptatsii v soznanii lichnosti* [The Unity of reflection, motivation and adaptation in the consciousness of the personality]. Moscow: Prosveshchenie, 2005, 231.

10. Kisova V. V., Koneva I. A. *Praktikum po spetsial'noi psikhologii* [The special workshop on psychology]. Saint-Petersburg: Rech', 2006, 352.

11. Krasovskaia L. G. Rabota pedagogicheskogo kollektiva s sem'iami umstvenno otstalykh uchashchikhsia [The Work of the teaching staff with families of mentally retarded students]. *Defektologiia – Defectology,* no. 2 (1986): 32 – 35.

12. Sasarina E. E., Arsen'eva A. S., Vokhmianina S. V. Motornoe razvitie detei doshkol'nogo vozrasta s sindromom Dauna [Motor development of preschool children with down syndrome]. *Studencheskii nauchnyi forum: VI Mezhdunarodnaia studencheskaia elektronnaia nauchnaia konferentsiia. 15 fevralia – 31 marta 2014* [Student research forum: VI Intern. student Sc. E-Conf. 15 February – 31 March 2014].

Received 10.02.2016, accepted 09.04.2016.

УДК 159.9

АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКОВ МЧС СТАНДАРТИЗИРОВАННЫМ МНОГОФАКТОРНЫМ МЕТОДОМ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ (СМИЛ)

Н. А. Николовская[1, @1], Б. П. Невзоров[2, @2], Ю. А. Фадеев[3, @3]

[1] *Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России*
[2] *Кемеровский государственный университет*
[3] *Кузбасский государственный технический университет*
[@1] *ogpn_nata@mail.ru*
[@2] *nevzorov@kemsu.ru*
[@3] *uaf49@yandex.ru*

Статья содержит результаты исследования психологической устойчивости сотрудников МЧС в условиях стрессовой ситуации. Приведены статистические данные зависимости влияния различных факторов при чрезвычайных внешних воздействий на сотрудников МЧС в различных возрастных группах. Отмечено, что на эмоциональную лабильность сотрудника влияет опыт и знания в определенной области деятельности. Причём при достижении возраста 40 – 50 лет у сотрудников уровень эмоциональной лабильности может снижаться. Из полученных экспериментальных результатов и их всестороннего анализа следует, что у бойцов ВГСЧ, достигших 50-летнего возраста, могут происходить существенные психологические изменения, которые необходимо учитывать при постановке перед ними производственных заданий.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, адаптационные процессы, лабильность психики, депрессия.

Для цитирования: Николовская Н. А., Невзоров Б. П. , Фадеев Ю. А. Анализ психологической устойчивости сотрудников МЧС стандартизированным многофакторным методом исследования личности (СМИЛ) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 131 – 135.

Человек в современном обществе постоянно находится в атмосфере внешнего воздействия различных раздражающих факторов, которые могут относиться как к жизненно необходимым для индивидуума, так и к второстепенным, не представляющим угрозу для его здоровья. В этой связи изучение проблемы психологической устойчивости человека по отношению к различным вызовам со стороны внешней среды, чрезвычайно актуально из-за постоянной возрастающей психологической нагрузки. Говоря о психологической устойчивости, в первую очередь отмечаем такую составляющую, как сопротивляемость личности к внешним вызовам, способность быстро погасить стрессовое состояние, анализировать нестандартную ситуацию и принимать наиболее рациональное решение. Таким образом, в данной работе обсуждается нервно-психологическая устойчивость, как способность человека путем саморегуляции и самоуправления противостоять внешним негативным факторам [3]. В широком смысле слова нервно-психологическая устойчивость – это процесс сохранения оптимального режима работы человека в условиях постоянно изменяющихся обстоятельств и стрессового воздействия. Психологическая устойчивость обусловлена лабильностью психики. Человек в период своего взросления и обучения должен готовить себя и свою психику к преодолению различных стрессовых ситуаций, в частности, умению быстрого выхода из резонанса между своим эмоциональным состоянием и стрессовыми факторами со стороны окружения [4]. Психологическую устойчивость не следует воспринимать как некоторую застывшую форму, как неизменное во времени психологическое состояние человека. Устойчивость предполагает протекание различных адаптационных процессов. Отсутствие или слабое развитие этих свойств устойчивости может привести к ослаблению реакции на окружение и в крайней форме – к гибели индивидуума, поскольку он не способен поэтапно развиваться (или приспособляться) в соответствии с условиями окружения. В этом случае наступает противостояние между человеком и средой. Для исключения такой ситуации необходима психологическая подготовка человека, в том числе и в профессиональной деятельности.

Хорошо известно, что существует ряд областей трудовой деятельности, в которых требуется не только хорошая профессиональная подготовка работника, но и высокий уровень психологической устойчивости. В первую очередь сюда относятся такие области, в которых служебная деятельность связана либо с риском для жизни непосредственно исполнителей (летчик-испытатель, космонавт, спасатель и т. д.), либо с риском людей, зависящих от правильного решения самих исполнителей (хирурги, авиадиспетчеры, и т. д.).

Вместе с тем в ряде исследований [5], в том числе зарубежных [13], указывалось, что люди существенно различаются между собой по уровню психологической устойчивости. Среди них встречаются личности, обладающие разной степенью устойчивости в тех или иных ситуациях. Отмечаются индивидуальные различия в устойчивости к разным типам трудных ситуаций и возникающему под их воздействием стрессу, а также то, что психологическая устойчивость не является качеством, которое непосредственно связано с возрастными изменениями. Но в ряде исследований, например [6], не была выявлена зависимость выраженности эмоционального выгорания от индивиду-

ально-психологических особенностей сотрудников пожарных частей, однако было отмечено, что с возрастом снижается уровень стрессовой устойчивости и социальной адаптации.

У перечисленных выше категорий работников, в том числе сотрудников МЧС России, профессиональная деятельность часто протекает при воздействии неблагоприятных, а иногда и экстремальных средовых и климатических факторов, в условиях дефицита времени, неопределенности событий, сложной оперативной обстановки и сопровождается высокой степенью ответственности за жизнь других людей, осознаваемым чувством угрозы жизни и здоровью и т. д.

В работах Н. В. Самоукина [7] и А. Н. Блеер [2] отмечается, что «многочисленные и различные по длительности и интенсивности воздействующие факторы могут вызывать у спасателей различного рода изменения здоровья – в диапазоне от функциональных сдвигов (признаки физического и психоэмоционального переутомления – бессонница, раздражительность, тревожность), до пред- или патологических нарушений (психосоматические или соматические заболевания). В основе как тех, так и других изменений лежат нарушения адаптационно-приспособительной деятельности организма. Одним из проявлений этих нарушений является профессиональный стресс».

Для сотрудников органов МЧС проблема психологической устойчивости к стрессу является профессионально значимой, поскольку от нее зависит не только эффективность предупреждения и раскрытия преступлений, но и часто – жизнь пострадавших лиц и самих сотрудников [10]. Таким образом, выявление особенностей проявления адаптационно-приспособительной деятельности организма, а следовательно, и психологической устойчивости, у специалистов разных профессий и видов деятельности МЧС, является основанием для эффективного прогноза поведения, что является залогом успешности их деятельности в экстремальных условиях.

Стандартизованный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ) является одним из методов изучения личностных свойств и степени адаптированности обследуемого. Сама методика представляет собой модифицированный вариант теста MMPI, который впервые был разработан в 1942 – 1949 гг. американскими психологами Дж. Мак-Кинли и С. Хатэуэем [12] в целях профессионального отбора военных летчиков. Модификация методики к отечественным условиям была проведена Л. Н. Собчик [9]. Основными отличиями данного варианта методики от широко распространенного в нашей стране другого варианта опросника (Ф. Б. Березин и др.) [1] являются его выраженная психологическая, а не психопатологическая направленность. СМИЛ имеет также большую ценность при решении задач профориентации.

Уровень психологической устойчивости может быть неправильно оценен, если не принимается во внимание профессиональная подготовка испытуемого. В случае слабой профессиональной подготовки, работник может не учитывать степень опасности и последствия создавшейся критической ситуации. Крупные техногенные катастрофы последних лет во многом обусловлены «человеческим фактором», который отражает несовершенство проведения профессионального отбора сотрудников.

Эмоциональная лабильность зависит от состояния здоровья человека и характеризуется неустойчивостью настроения. Очевидно, что для того чтобы отстаивать свои интересы необходимо в первую очередь обладать хорошим физическим здоровьем. Сотрудники с ярко выраженной эмоциональной слабостью не выдерживают резкой критики в свой адрес и сильно переживают неудачи бытового и производственного характера, даже если они незначительны. С возрастом, когда значимость сотрудника, например в сфере производства снижается, любые замечания со стороны коллег воспринимаются индивидуумом эмоционально острее и работник может перейти в состояние длительной депрессии. В результате таким работникам нельзя доверять лидерство или возможность принимать ответственные решения в критических ситуациях. Возникает период безволия и паники. С другой стороны, нельзя отрицать, что на эмоциональную лабильность сотрудника влияет опыт и знания в определенной области деятельности. Поэтому при достижении 40 – 50 лет у сотрудников уровень эмоциональной лабильности может снижаться.

Чрезвычайные ситуации в различных регионах планеты возникают, как правило, внезапно и непредвиденно. Организация МЧС создавалась с учетом этих обстоятельств. «Специфический характер деятельности спасателя обусловлен высокой вероятностью влияния на специалистов ряда неблагоприятных факторов высокой интенсивности» [11]. Прежде всего негативными факторами являются: опасность для жизни, ответственность за результаты деятельности, повышенная физическая нагрузка, информационная неопределенность.

Для выполнения заданий по ликвидации катастроф природного и техногенного характера необходим подбор кадрового состава с учетом специфичности работы. Одним из методов по профессиональному отбору кадров является тестирование сотрудников и математическая обработка результатов [8].

Согласно приведенным на рис. 1 данным наблюдается возрастающий тренд баллов (Т) с увеличением возраста испытуемых, что свидетельствует о психосоматической предиспозиции и возрастании влияния эмоционального состояния на физическое. По мере старения сотрудника следует ожидать, что будут происходить следующие изменения: возрастет инертность в принятии решений, избегание серьезной ответственности, скупость эмоциональных проявлений, осторожность и осмотрительность. Для сотрудников пожилого возраста превалирует инертный стиль мышления, с опорой на существующие общепринятые точки зрения, лишенный свободы, независимости и раскованности. При достижении 50-летнего возраста сотрудников такие черты характера будут проявлятся наиболее отчетливо, т. к. прямая превышает критическую отметку в 70 баллов.

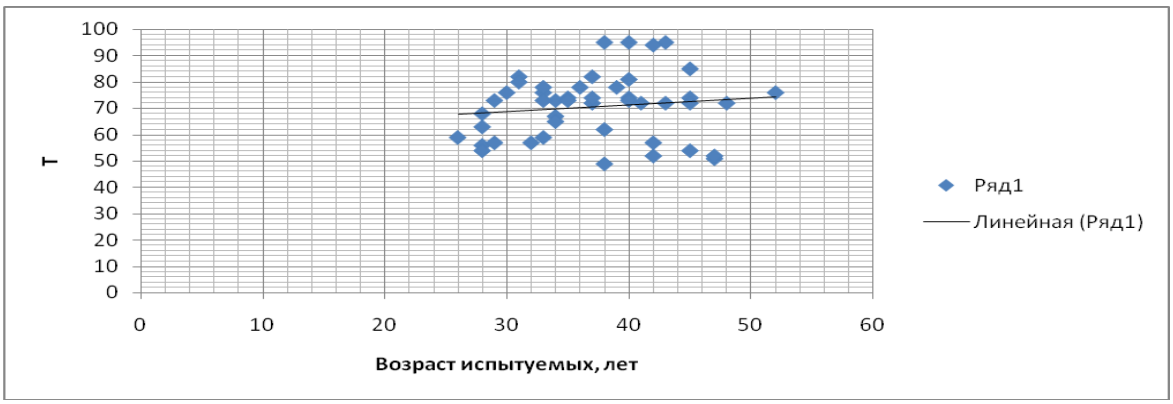


Рис. 1. ***Зависимость, отражающая мотивационную направленность личности***
Fig. 1. ***Graph reflecting the motivationl orientation of the participants of the study***

На рис. 2 приведены данные по степени воздействия среды на сотрудников, что характеризуется термином «тревожность». В этой зависимости отражается выраженная интуитивность, тревожно-мнительная черта характера, склонность к сомнениям, снижением порога толерантности к стрессу. Очевидно, что с возрастом у работников ВГСЧ появляется накопленный профессиональный опыт, который отражается в этой тенденции снижения уровня «тревожности». Тем не менее, этот уровень по-прежнему высок и незначительно зависит от возраста. Это говорит о том, что спасатели в период ликвидации катастроф практически одинаково реагируют на стресс независимо от возраста.

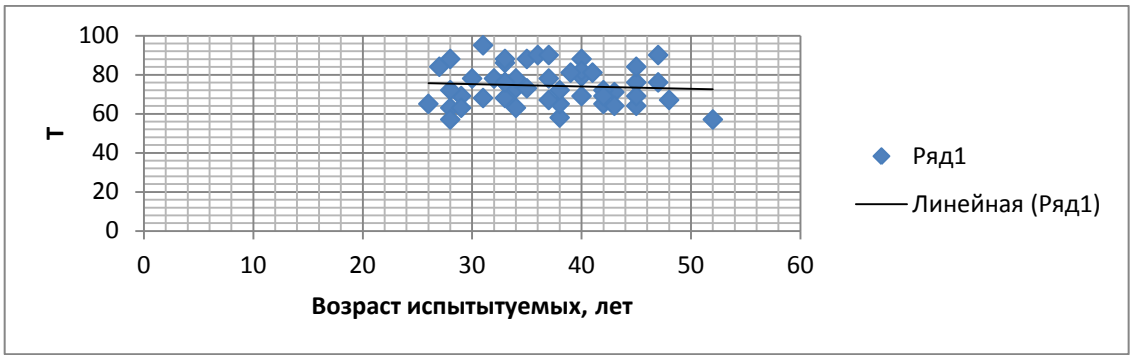


Рис. 2. ***Зависимость, отражающая «тревожность» испытуемых***
Fig. 2. ***Graph reflecting the “anxiety” of the participants of the study***

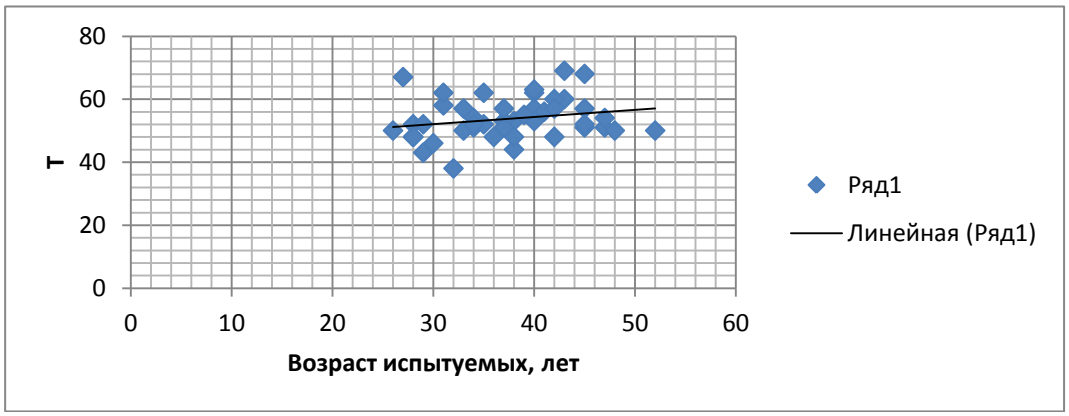


Рис. 3. ***Зависимость, отражающая «пессимистичность» испытуемых***
Fig. 3. ***Graph reflecting the “pessimistic attitude” of the participants of the study***

«Пессимистичность» испытуемых говорит о том, что для лиц данного типа свойственны высокий уровень осознания имеющихся проблем. Как правило, указанная черта характера превалирует у людей старшего возраста. В то же время у них наблюдается скептицизм, некоторая неуверенность в себе и инертность в принятии решений. Последнее перекликается с результатами, приведенными на рис. 1. В стрессе поведение таких людей отличается заторможенностью, они склонны к стоп-реакции и острому переживанию неудач.

Результаты по изучению эмоциональной лабильности представлены на рис. 4.

Согласно [3] под лабильностью (от лат. labilis – скользящий, неустойчивый) понимается максимальное число импульсов, которое нервная клетка или

функциональная структура может передать в единицу времени без искажений. В дифференциальной психологии лабильность – одно из основных свойств нервной системы, характеризующее скорость возникновения и прекращения нервных процессов. Это качество не зависит от наследственности, оно формируется воспитанием личности.

Таким образом, полученные данные говорят о том, что для бойцов ВГСЧ, достигших 50-летнего возраста, могут происходить существенные психологические изменения, которые необходимо учитывать при постановке перед ними производственных заданий.

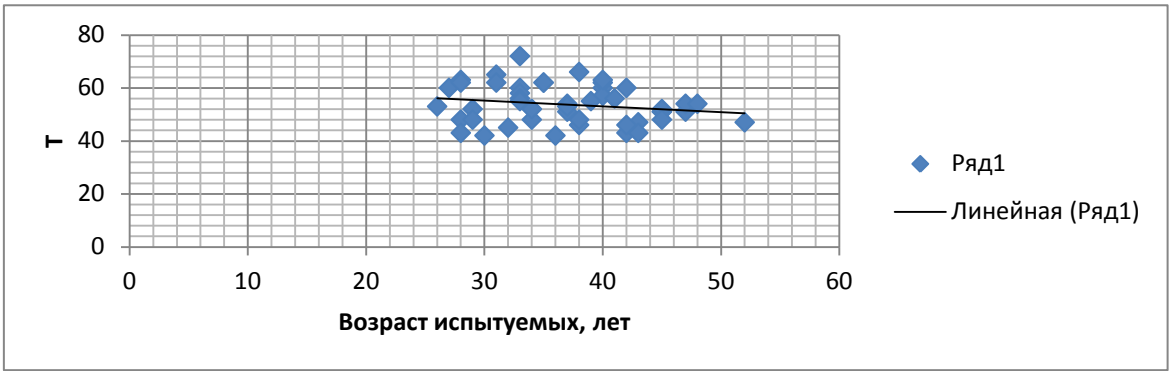


Рис. 4. ***Зависимость, отражающая эмоциональную лабильность испытуемых***
Fig. 4. ***Graph reflecting the emotional lability of the participants of the study***

Литература

1. Березин Ф. Б., Мирошников М. П., Соколова Е. Д. Методика многостороннего исследования личности (структура, основы интерпретации, некоторые области применения). 3-е изд. (исп. и доп.). М.: Консультант плюс – новые технологии, 2011. 320 с.

2. Блеер А. Н. Психология деятельности в экстремальных условиях. М.: Академия, 2012. 256 с.

3. Большой психологический словарь / под общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб., 2006. 440 с.

4. Иванова С. П. Психологическая устойчивость личности как фактор противодействия негативным влияниям социальной среды в ранней юности и молодости // Вестник Псковского государственного университета. (Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки). 2009. № 9. С. 99 – 108.

5. Кошкаров В. С. Факторы риска и модель формирования эмоционального выгорания сотрудников пожарных частей МЧС России: дис. … канд. психол. наук. СПб., 2014. 153 с.

6. Кошкаров В. С., Шнайдер Н. В. Влияние экстремальных ситуаций на индивидуально-личностные особенности сотрудников пожарной охраны // Вестник государственного университета управления. 2011. № 7. С. 55 – 59.

7. Самоукина Н. В. Психология и педагогика профессиональной деятельности. М., 2009. 213 с.

8. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2010. 350 с.

9. Собчик Л. Н. Стандартизованный многофакторный метод исследования личности СМИЛ. СПб.: Речь, 2002. 219 с.

10. Солдатов В. И. Особенности и прогнозирование стресс-преодолевающего поведения в деятельности оперуполномоченных криминальной милиции МВД России: дис. … канд. психол. наук. СПб., 2009. 204 с.

11. Шойгу Ю. С. Профессиональный психологический отбор курсантов вузов МЧС России – будущих спасателей (обоснование психодиагностического инструментария): дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2003. 168 с.

12. Hathaway S. R., McKinley J. C. A multiphasic personality schedule (Minnesota): III. The measurement of symptomatic depression // Journal of Psychology. 1942. № 14. P. 73 – 84.

13. Zilberg N. J., Weiss D. S., Horowitz M. J. Impact of event scale: A crossvalidation study and some empirical evidence supporting a conceptual model of stress syndromes. J. Couns. Clin. Psychol. 1982. Vol. 50.

Информация об авторах:

Николовская Наталья Анатольевна – адъюнкт Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, ogpn_nata@mail.ru.

(**Научный руководитель:** ***Стрельникова Юлия Юрьевна*** – кандидат психологических наук, доцент, докторант факультета подготовки кадров высшей квалификации СПбУ ГПС МЧС России, майор внутренней службы, ulich1969@yandex.ru).

Невзоров Борис Павлович – доктор педагогических наук, профессор кафедры генетики Кемеровского государственного университета, nevzorov@kemsu.ru.

Фадеев Юрий Александрович – доктор физико-математических наук, профессор кафедры математики Кузбасского технического университета, uaf49@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 23.03.2016 г., принята к печати 28.04.2016 г.

ANALYSIS OF THE EMERCOM STAFF'S PSYCHOLOGICAL STABILITY WITH STANDARDIZED MULTIFACTOR METHOD OF PERSONALITY RESEARCH (SMPR)

Natalya A. Nikolovskaya[1, @1], Boris P. Nevzorov[2, @2], Yury A. Fadeyev[3, @3]

[1] *Petersburg University of EMERCOM of Russia*
[2] *Kemerovo State University*
[3] *Kuzbass State technical University named after T. F. Gorbachev*
[@1] *ogpn_nata@mail.ru*
[@2] *nevzorov@kemsu.ru*
[@3] *uaf49@yandex.ru*

The paper demonstrates some results of researching the psychological stability of EMERCOM staff under stress. It features statistics on how different factors in emergency conditions influence EMERCOM staff of different age categories. It is noted that emotional lability depends on the experience and knowledge in a particular field and may decrease at the age of 40 – 50. Experimental data and multifaceted analysis have shown that mine rescue brigade 50-plusers can suffer serious psychological changes that have to be taken into consideration at job assignment.

Keywords: psychological stability, adaptation processes, psychological lability, depression.

For citation: Nikolovskaya N. A., Nevzorov B. P., Fadeyev Yu. A. Analiz psikhologicheskoi ustoichivosti sotrudnikov MChS standartizirovannym mnogofaktornym metodom issledovaniia lichnosti (SMIL) [Analysis of the EMERCOM staff's psychological stability with standardized multifactor method of personality research (SMPR)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 131 – 135.

References

1. Berezin F. B., Miroshnikov M. P., Sokolova E. D. *Metodika mnogostoronnego issledovaniia lichnosti (struktura, osnovy interpretatsii, nekotorye oblasti primeneniia)* [Methodology of multilateral personality study (structure, basics of interpretation, some applications)]. 3th ed. Moscow: Konsul'tant plius – novye tekhnologii, 2011, 320.

2. Bleer A. N. *Psikhologiia deiatel'nosti v ekstremal'nykh usloviiakh* [Psychology of activity in extreme conditions]. Moscow: Akademiia, 2012, 256.

3. *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [Great psychological dictionary]. Ed. Meshcheriakova B. G., Zinchenko V. P. Saint-Petersburg, 2006, 440.

4. Ivanova S. P. Psikhologicheskaia ustoichivost' lichnosti kak faktor protivodeistviia negativnym vliianiiam sotsial'noi sredy v rannei iunosti i molodosti [Psychological stability of personality as a factor counteracting the negative influences of the social environment in early adolescence and youth]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. (Seriia: Cotsial'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki) – Bulletin of the Pskov State University. (Series: Social, Humanitarian and Psycho-pedagogical Sciences)*, no. 9 (2009): 99 – 108.

5. Koshkarov V. S. *Faktory riska i model' formirovaniia emotsional'nogo vygoraniia sotrudnikov pozharnykh chastei MChS Rossii.* Diss. kand. psikhol. nauk [Risk factors and a model of formation of emotional burnout of employees of fire departments of EMERCOM of Russia. Cand. psych. Sci. Diss.]. Saint-Petersburg, 2014, 153.

6. Koshkarov V. S., Shnaider N. V. Vliianie ekstremal'nykh situatsii na individual'no-lichnostnye osobennosti sotrudnikov pozharnoi okhrany [The impact of extreme situations on personal features of employees of fire protection]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta upravleniia – Bulletin of the state University of Management*, no. 7 (2011): 55 – 59.

7. Samoukina N. V. *Psikhologiia i pedagogika professional'noi deiatel'nosti* [Psychology and pedagogy of professional activity]. Moscow, 2009, 213.

8. Sidorenko E. V. *Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. Saint-Petersburg: Rech', 2010, 350.

9. Sobchik L. N. *Standartizovannyi mnogofaktornyi metod issledovaniia lichnosti SMIL* [Standardized multi-factor method of personality research SMIL]. Saint-Petersburg: Rech', 2002, 219.

10. Soldatov V. I. *Osobennosti i prognozirovanie stress-preodolevaiushchego povedeniia v deiatel'nosti operupolnomochennykh kriminal'noi militsii MVD Rossii.* Diss. kand. psikhol. nauk [Characteristics and prediction of stress-coping behaviour in the activities of the security officers of the criminal police of the MIA of Russia. Cand. psych. Sci. Diss.]. Saint-Petersburg, 2009, 204.

11. Shoigu Iu. S. *Professional'nyi psikhologicheskii otbor kursantov vuzov MChS Rossii – budushchikh spa-satelei (obosnovanie psikhodiagnosticheskogo instrumentariia).* Diss. kand. psikhol. nauk [Professional psychological selection of students of universities of EMERCOM of Russia – the future of rescuers (justification of the diagnostic instruments). Cand. psych. Sci. Diss.]. Saint-Petersburg, 2003, 168.

12. Hathaway S. R., McKinley J. C. A multiphasic personality schedule (Minnesota): III. The measurement of symptomatic depression. *Journal of Psychology*, no. 14 (1942): 73 – 84.

13. Zilberg N. J., Weiss D. S., Horowitz M. J. Impact of event scale: A crossvalidation study and some empirical evidence supporting a conceptual model of stress syndromes. *J. Couns. Clin. Psychol*, vol. 50 (1982).

Received 23.03.2016, accepted 28.04.2016.

УДК 159.923

СУБЪЕКТНОСТЬ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОСТИ В ПЛАНЕ САМОРАЗВИТИЯ

***М. А. Фризен*[1, @]**

[1] *Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга*
[@] *frizenm@yandex.ru*

В статье рассматриваются подходы к пониманию сущности развития и саморазвития. Акцент делается на внутренней активности личности как факторе ее развития (самодетерминация). Рассматриваются ключевые условия развития и саморазвития, а именно осмысление индивидом необходимости развития/саморазвития и возможностей для их осуществления. Высказывается идея конструирования деятельностных контекстов, аккумулирующих субъектную активность формирующейся личности, направленную на собственное развитие. Обсуждается роль возрастных кризисов, вызывающих смещенность смысловой разметки мира, в активизации саморазвития. Проблематика субъектной активности подростков и юношей в плане саморазвития рассматривается в соотношении с принятием ими экзистенциальной ответственности за него.

Ключевые слова: развитие, субъектная активность, саморазвитие, субъектность личности в плане саморазвития, формирующаяся личность.

Для цитирования: Фризен М. А. Субъектность формирующейся личности в плане саморазвития // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 136 – 139.

В контексте современной психологической науки личность рассматривается как фактор собственного развития во взаимосвязи с биологическими и социальными факторами развития (Э. В. Галажинский [6], В. Е. Клочко [6], Д. А. Леонтьев [8] и др.). Само развитие описывается как сложный, нелинейный процесс, прогнозирование которого невозможно лишь с опорой на известные закономерности и в сопоставлении со среднестатистической нормой. Так, В. Г. Асеев описывает «диалектически сложный, нелинейный характер механизмов развития, включающих актуальные воздействия и потенциальные условия; сукцессивное и симультанное; фоновое поле детерминации и «фигуру» на нем (гештальтпсихология, психология установки); сферу детерминации и развертывающийся в ее пределах процесс развития; природные, мотивационные, функционально-динамические предпосылки и их реализацию в процессе» [1, с. 41].

Если классическая психология в целом связывает категорию развития с противоречием между наличными возможностями и новыми задачами, возникающими на очередном возрастном этапе, то в рамках постнеклассической психологии важно многомерно рассматривать контекст развития: это и возможности человека, и нацеленность на их применение в целях развития, и значимость самого процесса развития, его результатов для личности, и нацеленность субъекта на кардинальные преобразования в целях создания новых возможностей. Совершенно очевидно, что в каждом индивидуальном варианте развития будет некое сочетание всех указанных аспектов. В. Г. Асеев вслед за А. Н. Леонтьевым отмечает: «Противоречие между желательным и действительным состояниями личности является исходным, необходимым, но недостаточным для развертывания актуальной деятельности. Дело в том, что желательное может остаться на уровне эмоционального переживания, если отсутствуют объективные функциональные возможности деятельности, составляющей реальный процесс формирования. В свою очередь, одной функциональной возможности и даже потребности в развитии некоего качества опять-таки недостаточно для детерминации процесса развития или деятельности» [1, с. 40].

Субъектная активность формирующейся личности может быть интенсивной, но разнонаправленной, не сфокусированной на развитии или создании возможностей для него. Для концентрации активности на просоциальных целях, направлениях саморазвития, вероятно, нужно конструировать специальные деятельностные контексты, внутри которых формирующаяся личность могла бы приобретать опыт вкладывания ресурсов в собственное развитие с одновременным осознанием возможности определять направления и результаты саморазвития и необходимости нести ответственность за него. А. Н. Леонтьев полагал, что деятельность играет определяющую роль в развитии. Так, описывая ряд механизмов (например сдвиг мотива на цель), он указывал: именно в деятельности, отвечающей новым обстоятельствам, возникают новые элементы психического, становящиеся отправным пунктом формирования новообразований личности. Объясняется это тем, что «осуществленная деятельность богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание» [1, с. 42], именно через деятельность человек осуществляет контакт с многомерной действительностью. Существенный опыт работы с респондентами подросткового возраста посредством «Методики предельных смыслов» Д. А. Леонтьева показывает, что сама по себе ситуация интенсивной рефлексии внешней и внутренней действительности оказывается принципиально новой для подростка, такого рода деятельность воспринимается как интересная, захватывающая, респонденты высказывают желание продолжать такого рода работу. При том, что тенденция к самоуглублению свойственна подростку и такие возможности у него имеются, для него важен сам деятельностный контекст, погружение в работу, позволяющую осуществлять рефлексию.

Конструирование особых деятельностных контекстов позволяет аккумулировать «локальные всплески

субъектности», связанной с саморефлексией, саморазвитием, формируется устойчивая направленность личности на осознанное самоизменение (В. Г. Асеев [1] описывает подобную логику, называя это механизмом интеграции, ведущим к объединению серии актов микроразвития и формированию новообразования как факта макроразвития).

Таким образом, интенсифицируя идеи значимости развития и саморазвития, образования и самообразования в школе, семье и др., мы формируем когнитивный компонент готовности формирующейся личности к саморазвитию, которого явно недостаточно для активации данного процесса. Внутренне детерминированному процессу саморазвития должна предшествовать значимая для личности работа по рефлексии актуального и желаемого уровня развития, по поиску возможностей для этого, подкрепленному позитивным опытом саморазвития (хотя бы локального). При определенных условиях субъектная активность личности может быть направлена на преодоление «зазора» между актуальным и желаемым уровнями, в том числе в рамках саморазвития. Опыт саморазвития, самостроительства можно подкреплять; по мысли С. Л. Рубинштейна [10], можно делать «прививку» мотивов посредством их генерализации и стереотипизации в частности, погружая формирующуюся личность в разнообразные виды творческой, исследовательской, проектной деятельности, задействуя ресурсы тренинговой работы, содержания учебных предметов и др.

Аккумуляция субъектной активности, направленной на саморазвитие, может происходить не только путем накопления, но и, как указывает В. Г. Асеев [1], в виде «пик-переживаний» по К. Роджерсу или «педагогического взрыва» по А. С. Макаренко. Вместе с тем, чтобы подобный опыт был рефлексирован как опыт саморазвития и выступал его основой в дальнейшем, должна быть определенная ценностно-смысловая база у личности.

Если говорить об образовательном пространстве, то ведущей для него, на наш взгляд, до сих пор является тенденция «научить, как правильно» – решать задачи, выполнять анализ и др. Тем не менее саморазвитие – это творческая активность по отношению к себе. Для этого образовательная система как социальный институт должна наряду с эквифинальностью (тенденция приводить детей с разных стадий и уровней развития на некий общий уровень, фиксированный в так называемой «модели выпускника») обеспечить возможность формирующейся личности пройти индивидуальный путь становления.

Такую креативность по отношению к собственному развитию, инновационность в целом как стратегию жизни авторы связывают с разными психологическими параметрами человека: интеллект и нацеленность на новое знание, воображение и изобретательность, личная энергия и воля к действию, сочетание ума и интуиции, потребность в достижении цели, мотивация достижения, склонность к риску в ситуациях возрастания ценности результата, склонность к усложнению поведенческих задач в ситуациях риска, интернальность поведенческих реакций, способность к нестандартному решению эвристических задач в условиях дефицита времени, способность к оперативной альтернации рисковых ситуаций, стрессоустойчивость, креативность мышления, энергетические и волевые способности индивида, врожденные и приобретенные качества, побуждающие индивидов выбирать, часто вопреки здравому смыслу, венчурные модели самореализации (Э. В. Галажинский, В. Е. Клочко [6], В. И. Верховин, С. Б. Логинов [3]). При том, что в психологических исследованиях описаны личностные параметры, связанные с самоактуализацией, саморазвитием, на наш взгляд, создание образовательных условий для формирования и совершенствования субъектности в плане саморазвития должно опираться не на подгонку формирующейся личности под систему выделенных параметров, а на поддержание общей активности, деятельностно-продуктивного отношения к жизни; важно учить свободно ориентироваться в новых, плохо структурированных задачах, способствовать формированию всех компонентов психологической готовности к саморазвитию (когнитивного, аффективного, поведенческого), ответственности за него.

Для формирующейся личности кризис может выступать стимулом к саморазвитию. Так, кризис подросткового возраста, кризис 17 лет дестабилизируют личностную систему смыслов, активизируют поиск себя, автономность против конформности. Если существенное смещение смысловой разметки мира воспринимать как критическую ситуацию, важно осознавать, что такой кризис переосмысления содержит в себе потенциал для развития/саморазвития. М. С. Яницкий, С. В. Серый [11] в рамках теоретического анализа показывают, что в постнеклассической психологии критические изменения, приносимые экстремальной ситуацией, рассматриваются, скорее, в экзистенциальном ключе как открывающие возможность смыслостроительству, позитивным изменениям. Подобный подход, по словам авторов, М. Ш. Магомед-Эминов обозначает как «метапсихологический» или онтологический; в его рамках акцент делается на значении события в общем бытийном контексте человека. Положительные эффекты экстремальной ситуации авторы объединяют в следующие группы:

– «закаливание» личности в результате жизненных испытаний;

– «проверка себя», осознание своих актуальных возможностей, постановка и последующее воплощение новых требований к себе;

– получение и осмысление нового жизненного опыта, дающего толчок «смыслопорождению» и «смыслотворчеству».

С нашей точки зрения, данные эффекты можно соотнести с нормативно-ролевым экспериментированием, поиском себя формирующейся личностью, по крайней мере, в подростковом и юношеском возрастах. Смещение смысловой разметки мира в период возрастного кризиса может повышать готовность личности к саморазвитию. Вместе с тем такого рода смысловые подвижки могут запустить как решение «задач на смысл», так и психологические защиты – от ситуации смысловой неочевидности.

Ю. В. Клочко [7] исследует готовность человека к изменению образа жизни как некую интегральную

характеристику. Автор указывает, что в основе устойчивости человека как самоорганизующейся системы выступает ее подвижность, динамичность; важным параметром ее функционирования является индивидуальное сочетание ригидности-интернальности, обеспечивающее согласование осознаваемых человеком новых жизненных условий с неосознаваемыми или частично осознаваемыми жизненными стереотипами, поведенческими схемами. Показатель ригидности значим для понимания того, насколько трудно или легко могут эти стереотипы и схемы перестраиваться в соответствии с изменением жизненной ситуации, насколько эти перестройки адекватны ситуации. Показатель интернальности, по мнению автора, связан с долей осознания своей роли в данных изменениях системы, ответственности за собственную жизнь, ее качество.

По всей вероятности, к завершению периода довзрослости готовность к изменению, саморазвитию в целом складывается как внеситуативное интегральное свойство, включающее рефлексивность и интернальность, соотносящуюся с экзистенциальной ответственностью (требует эмпирической верификации).

И. В. Григорычева [4] в своем эмпирическом исследовании показывает, что мотивация достижения успеха может быть связана с ценностями как еще не реализованными мотивами и играть важную роль с системной детерминации самореализации личности. Ценностно-смысловая сфера становится чувствительной к поиску сред для самореализации и саморазвития: активизация такого поиска может выступать критерием личностной зрелости. Е. И. Белоус [2] формулирует принципы духовного саморазвития личности в процессе преодоления ею жизненного кризиса, связывая их с позитивным принятием кризиса как возможности саморазвития; принятием амбивалентности любого жизненного события, актуализацией генерализованных смыслов; осознанием реальности, в том числе внутренней, духовной как пространства разрешения кризиса; стремлением принять свою аутентичность; оценить объективно внутренние ресурсы.

Такого рода внутренняя работа способствует направлению субъектной активности на саморазвитие. В подростковом возрасте, в период ранней юности личность впервые делает экзистенциальный выбор: воспользоваться правом авторства в плане выстраивания жизненного пути или следовать некому руслу, предлагаемому социумом. Сформированность высших психических функций позволяет в данных возрастах осуществлять саморазвитие – выступать одновременно и субъектом самопреобразования, самосовершенствования, и его объектом (И. Б. Дерманова [5]). Такая двойственная позиция требует активной саморефлексии и способности конструировать перспективу собственного развития, отыскивая возможности для этого в окружающей действительности.

В качестве итога хотелось бы отметить, что в потенциале субъектность формирующейся личности в плане саморазвития является достаточной для его активизации в школьных возрастах, тем не менее необходимы деятельностные контексты, в рамках которых данная субъектная активность может быть аккумулирована, может получать определенные направления и сопровождаться рефлексивной работой личности для управления собственным развитием.

Литература

1. Асеев В. Г. Механизмы детерминации психического развития // Мир психологии. 2012. № 2. С. 38 – 45.

2. Белоус Е. И. Кризис и духовное саморазвитие личности // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2013. № 3. С. 13 – 19.

3. Верховин В. И., Логинов С. Б. Феномен предпринимательского поведения // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 62 – 68.

4. Григоричева И. В. Мотивация достижения у людей с разной субъективной оценкой успешности самореализации: дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2003. 210 с.

5. Дерманова И. Б. Отношение к себе в связи с характеристиками личностной зрелости подростка // Психологическая наука и образование. 2012. № 4. С. 50 – 60.

6. Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск: Том. гос. ун-т, 2009. 240 с.

7. Клочко Ю. В. Ригидность в структуре готовности человека к изменению образа жизни: автореф дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2002.

8. Леонтьев Д. А. Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 67 – 80.

9. Леонтьев Д. А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1. С. 15 – 25.

10. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Педагогика, 1957. 310 с.

11. Яницкий М. С., Серый А. В. Трансформация представлений об экстремальной ситуации в постнеклассической психологии // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2013. № 3. С. 120 – 124.

Информация об авторе:

Фризен Марина Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, frizenm@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 18.04.2016 г.

SUBJECTIVITY OF THE FORMED PERSONALITY IN RESPECT OF SELF-DEVELOPMENT

***Marina A. Frizen*[1, @]**

[1] *Kamchatka State University named after Vitus Bering*
[@] *frizenm@yandex.ru*

The approaches to the essence of development and self-development understanding are considered in the article. The emphasis is laid on the internal activity of the personality as a factor of its development (self-determination). The key conditions of development and self-development are considered, namely, apprehension by the individual of the necessity of development/self-development and opportunities for their implementation. The idea of designing of the activity contexts accumulating the subjective activity of the formed personality aimed at self-development is expressed. The role of the age crises causing a shift of a semantic marking of the world in self-development activation is discussed. The problematics of the subjective activity of teenagers and young men in respect of self-development is considered in the ratio with the acceptance of existential responsibility for it by them.

Keywords: development, subjective activity, self-development, subjectivity of the personality in respect of self-development, the formed personality.

For citation: Frizen M. A. Sub"ektnost' formiruiushcheisia lichnosti v plane samorazvitiia [Subjectivity of the formed personality in respect of self-development]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 136 – 139.

References

1. Aseev V. G. Mekhanizmy determinatsii psikhicheskogo razvitiia [Mechanisms of psychological development determination]. *Mir psikhologii – World of psychology*, no. 2 (2012): 38 – 45.
2. Belous E. I. Krizis i dukhovnoe samorazvitie lichnosti [Crisis and spiritual self-development of the personality]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviiakh i krizisnykh situatsiiakh zhiznedeiatel'nosti – Personality in extreme conditions and crisis situations of activity*, no. 3 (2013): 13 – 19.
3. Verhovin V. I., Loginov S. B. Fenomen predprinimatel'skogo povedeniia [Phenomenon of entrepreneur behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniia – Sociological research*, no. 8 (1995): 62 – 68.
4. Grigoricheva I. V. *Motivatsiia dostizheniia u liudei s raznoi sub"ektivnoi otsenkoi uspeshnosti samorealizatsii.* Diss. kand. psikhol. nauk [Motivation of achievement at people with different subjective value of self-realization and success. Cand. psych. Sci. Diss.]. Barnaul, 2003, 210.
5. Dermanova I. B. Otnoshenie k sebe v sviazi s kharakteristikami lichnostnoi zrelosti podrostka [Attitude to yourself in connection with characteristics of personal maturity of the teenager]. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie – Psychological science and education*, no. 4 (2012): 50 – 60.
6. Klochko V. E., Galazhinsky E. V. *Psikhologiia innovatsionnogo povedeniia* [Psychology of innovative behavior]. Tomsk: Tom. gos. un-t, 2009, 240.
7. Klochko Y. V. *Rigidnost' v strukture gotovnosti cheloveka k izmeneniiu obraza zhizni.* Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Rigidity in structure of person readiness to change a way of life. Cand. psych. Sci. Diss. Abstr.] Barnaul, 2002.
8. Leontiev D. A. Lichnostnoe izmerenie chelovecheskogo razvitiia [Personal measurement of personal development]. *Voprosy psikhologii – Issues of psychology*, no. 3 (2013): 67 – 80.
9. Leontiev D. A. Psikhologiia svobody: k postanovke problemy samodeterminatsii lichnosti [Psychology of freedom: to statement of self-determination problem of the personality]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological magazine*, 21, no. 1 (2000): 15 – 25.
10. Rubinshtein S. L. *Bytie i soznanie* [Existence and consciousness]. Moscow: Pedagogika, 1957, 310.
11. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Transformatsiia predstavlenii ob ekstremal'noi situatsii v postneklassicheskoi psikhologii [Transformation of ideas of an extreme situation in post-nonclassical psychology]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviiakh i krizisnykh situatsiiakh zhiznedeiatel'nosti – Personality in extreme conditions and crisis situations of activity*, no. 3 (2013): 120 – 124.

Received 01.02.2016, accepted 18.04.2016.

УДК 159.922

ДЕТЕРМИНАНТЫ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ В ПОЗДНЕМ ВОЗРАСТЕ

***Е. Л. Холодцева*[1, @1], *А. Г. Портнова*[2, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет*
[2] *Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова*
[@1] *xollen@yandex.ru*
[@2] *allport@yandex.ru*

Цель данной статьи проанализировать проблему личностной зрелости в пожилом возрасте в контексте активного старения и самореализации. Установлено существование взаимосвязи между активностью личности в пожилом возрасте и характеристиками ее зрелости. Описаны характеристики личностной зрелости у пожилых мужчин и женщин. Определено, что детерминантами личностной зрелости в позднем возрасте выступают как возрастно-половые характеристики, так и параметры личностной и социальной активности.

Ключевые слова: активность, самореализация, личностная зрелость, активное старение, поздний возраст, личность пожилого человека.

Для цитирования: Холодцева Е. Л., Портнова А. Г. Детерминанты личностной зрелости в позднем возрасте // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 140 – 145.

Среди множества аспектов проблемы позднего возраста наиболее актуальной для психологии выступают вопросы активного старения.

Когда современное российское общество переходит на инновационный путь развития, то естественно возникают высокие требования к личности, её активности, способности организовывать себя и свою деятельность. Проявление инициативы приветствуется, более того – реализация проектов может приносить дополнительный экономический эффект государству. Своевременное и адекватное условиям решение практических и теоретических задач в различных сферах жизни повышает качество жизни человека [15, с. 127]. Такой набор характеристик человека, готового с полной отдачей включаться в происходящие изменения общества – предполагает переосмысление условий, способствующих развитию личности в позднем возрасте.

Неизбежность повышения пенсионного возраста побуждает обращение к таким концепциям психического развития человека, в которых поздние этапы онтогенеза рассматриваются как периоды активной профессиональной, семейной и творческой жизни. Пропаганда и обеспечение «активного старения» становится как актуальной задачей для социальной сферы, здравоохранения, так и индивидуальной перспективой жизни каждого человека. Для долголетия пожилого человека значимы все виды активности: физическая, социальная, личностная, профессиональная, творческая. Они способствуют развитию его как субъекта жизнедеятельности с яркой индивидуальностью, продуктивной самореализацией, высокой самоорганизацией, сознательной саморегуляцией своего образа жизни [10; 13].

Способность пожилого человека изменять окружающую действительность в соответствии с собственными потребностями, взглядами, целями обеспечивает приобретение особого качества личности – субъектность [3; 9].

К. А. Абульханова-Славская (1991) отмечает, что посредством активности человек решает вопрос о согласовании, соизмерении объективных и субъективных факторов развития, мобилизуя активность в необходимых, а не в любых формах, в нужное, а не в любое удобное время, действуя по собственному побуждению, используя свои способности, ставя свои цели [1].

В. А. Петровский (1996), рассматривая активность личности как высшую форму развития, выделяет личность в качестве субъекта [11]. В процессе индивидуализации субъект становится автономным в том смысле, что постоянно приводит активность в соответствие с отношениями личности к жизни [15, с. 130].

Можно утверждать, что личностная активность является детерминантой развития и самореализации, необходимым условием личностного роста, формирования зрелой личности и важным фактором продуктивного старения. Активность в дальнейшей жизнедеятельности определяет качество жизни в пожилом и старческом возрасте.

Реализации себя принадлежит ведущая роль в развитии и динамике личности. В процессе самореализации зрелая личность объединяет тенденции освоения социального пространства, расширения сферы влияния и повышения независимости от среды – укрепляя определенную автономность. Эти тенденции могут быть как в конкурирующих отношениях, так и в синергических [6].

И. В. Костакова, отмечая процесс самореализации как сбалансированный и гармоничный путь развития различных аспектов личности, выделяет адекватные усилия, направленные на раскрытие потенциалов: генетических, индивидных и личностных [7]. Как отмечает Л. А. Коростылева, самореализация достигается только тогда, когда у человека имеется сильный побудительный мотив личностного роста. В комплексном подходе Б. Г. Ананьева под самореализацией понимается максимальное воплощение человеком себя как личности, возможность человека стать тем, кем он может стать. Самореализация – это процесс роста, становления, проявляющийся в наполнении и

раскрытии личности. В более общем виде – это осуществление в жизни и повседневной деятельности своего особого пути [6; 10; 14].

Зрелость личности в позднем возрасте предполагает реализацию себя и планирование, которые позволяют человеку представить свое будущее и упорядочить его, разбивая на последовательный ряд целей. Успешно протекающее самоопределение личности способствует более развернутой самореализации личности, удовлетворенной прожитой частью жизни и конструирующей наиболее адекватное жизненное пространство [9]. Благоприятным условием самореализации личности в старости является конструктивный диалог, умение общаться и контактировать друг с другом, восприятие себя во всей своей целостности.

Проблема личностной зрелости в старости является не только научно актуальной, но и жизненно значимой, поскольку на уровне социальных стереотипов старость воспринимается как возраст печали, потерь, тоски и одиночества. В то же время геронтопсихология рассматривает старость как возраст развития. Пожилой возраст выполняет особое предназначение, специфическую роль в системе жизненного цикла человека. Именно старость обеспечивает связь времен и поколений, очерчивает общую линию развития личности. Только с позиции старости можно глубоко понять, оценить и объяснить жизнь как целое, ее сущность и смысл. В связи с этим, одной из приоритетных задач психологии развития, является изучение психологических особенностей развития личности и проблемы самореализации в пожилом возрасте [2; 14]. Ограничение возможностей пожилых людей, как в личностном развитии, так и в самореализации личности, связаны не только с возрастными изменениями пожилого человека, но и с такой внешней причиной как социальные стереотипы старения, которые извне блокируют указанные процессы.

Люди в пожилом возрасте могут заниматься тем, на что раньше у них просто не было времени: самообразованием, отдыхом, развлечениями и т. п. Исследования подтверждают, что продолжающие работать и те, кто заняты хобби, также характеризуются хорошей социальной и психологической адаптацией, приспособляемостью, гибкостью, но их энергия, главным образом, направлена на себя. В любом случае, человек в позднем возрасте обнаруживает некое стремление (цель) к совершенствованию, т. е. одну из высших потребностей личности, направленную не только на реализацию человеком своих сил и способностей, но и на постоянный рост своих потенциалов, повышение качества своей деятельности, в основе которой лежат высшие общечеловеческие ценности [3; 4].

Важными детерминантами личностной зрелости в позднем возрасте, по нашему мнению, выступают как возрастно-половые характеристики, так и параметры личностной и социальной активности, которые могут проявляться в профессиональной и семейной сферах, а также в хобби.

В эмпирических исследованиях (Л. Н. Каганова, Е. Л. Холодцева), проводимых в группах работающих и неработающих, но имеющих хобби, мужчин и женщин пожилого и старческого возраста (60 – 77 лет), были обнаружены различия в показателях активности и личностной зрелости, измеряемых методиками: «Определение уровня притязаний личности» (В. К. Гербачевский) и «Самоактуализационный тест» САТ (Л. Я. Гозман и М. В. Кроз).

При исследовании притязаний личности как характеристики активности личности в поздний период жизни (по опроснику В. К. Гербачевского) нами были получены следующие результаты.

Испытуемые в позднем возрасте, в целом, демонстрируют средний уровень притязаний личности. Однако структура притязаний у работающих (52 человека) и неработающих (54 человека) пожилых и старых людей различная. Уровень мотивации, определяющий притязания группы работающих респондентов выше по «внутреннему мотиву», «познавательному мотиву» и «мотиву самоуважения». Тогда как неработающие респонденты в притязаниях склонны чаще прибегать к «мотиву избегания» в решении поставленных задач.

При достижении достаточно трудных целей не работающим испытуемым пожилого и старческого возраста важна «значимость результатов», а работающие испытуемые в позднем возрасте более ориентированы на «оценку уровня достигнутых результатов», «оценку своего потенциала» и осознания «приложенных волевых усилий», что характеризует работающих пенсионеров как проявляющих интерес к результатам своей деятельности и обладающих уровнем мобилизации усилий, необходимых для достижения целей. Работающие ощущают себя менее реализованными, и в большей степени ориентированы на достижение успеха.

В группах мужчин (39 человек) и женщин (67 человек) позднего возраста были обнаружены следующие различия по шкалам методики «Определение уровня притязаний личности» (Опросник В. К. Гербачевского).

Мужчины демонстрируют средний уровень притязаний личности. Высокие значения по шкалам относятся к «мотиву самоуважения» и «оценке своего потенциала». Женщины преклонного возраста также показали средний уровень притязаний. Однако по высоким значениям мотивов, направленных на достижение результата видно, что «внутренний мотив», «познавательный мотив», «состязательный мотив» и «мотив самоуважения» у женщин, в отличие от мужчин, преобладает. При достижении достаточно трудных целей женщины высоко оценивают свой потенциал, намечают уровень мобилизации усилий и, соответственно, ожидают закономерных результатов. Высокие результаты, показанные в группе женщин, отражают их интерес к результатам своей деятельности.

Мужчины, в отличие от женщин в меньшей степени выражают увлеченность заданием, меньше проявляют интерес к результатам своей деятельности. Они, в отличие от женщин проявляют «познавательный мотив», а женщины демонстрируют «мотив состязательности».

Женщинам выполнение задания кажется привлекательным, они не боятся показать низкий результат, у них присутствует дух состязания. Они, в сравнении с мужчинами, лучше осознают собственные возможности в достижении поставленных целей, проявляя инициативность и находчивость.

У женщин более выражено волевое усилие в ходе работы над заданием, но в то же время они ниже оценивают свой потенциал в сравнении с мужчинами, у которых ниже уровень мобилизации усилий, необходимых для достижения целей деятельности. Мужчины, в отличие от женщин ожидают высокий уровень результатов. У мужчин в позднем возрасте ярче выражен мотив к смене текущей деятельности (выполнение задания), повышены переживания в связи с прекращением работы. У них отмечена тенденция «ставить перед собой все более трудные цели».

Обратимся к описанию характеристик личностной зрелости испытуемых позднего возраста различных групп по шкалам «Самоактуализационного теста» (CAT).

В группе неработающих людей позднего возраста испытуемые имеют высокие значения по следующим шкалам CAT: «компетентность во времени» (9,04 ± 2,7), «ценностные ориентации» (11,29 ± 3,7), «гибкость поведения» (12,46 ± 3,7), «самоуважение» (9,50 ± 3,2), «самопринятие» (11,54 ± 1,8). По сравнению с нормативными, снижены показатели по шкалам: «поддержки» (44,71 ± 6,9), «сензитивности к себе» (4,86 ± 1,5), «спонтанности» (6,43 ± 1,7), «представлений о природе человека (4,21 ± 1,5), «синергии» (3,29 ± 1,3), «принятия агрессии» (5,86 ± 2,2), «контактности» (8,68 ± 2,7), «познавательных потребностей» (5,36 ± 2,1), «креативности» (5,71 ± 2,3).

В группе работающих высокие значения определяются по следующим шкалам: «ценностные ориентации» (10,06 ± 2,8), «синергия» (3,58 ± 1,15), «компетентность во времени» (8,03 ± 2,3). Сниженными показателями представлены шкалы: «поддержки» (42,68 ± 2,0), «гибкости поведения» (11,97 ± 3,1), «сензитивности к себе» (5,10 ± 1,97), «спонтанности» (5,90 ± 2,1), «самоуважения» (7,32 ± 2,6), «самопринятия» (10,10 ± 2,8), «представлений о природе человека» (3,90 ± 1,7), «принятия агрессии» (6,09 ± 2,4), «контактности» (8,74 ± 2,2); «познавательные потребности» (5,29 ± 1,9), «креативность» (5,74 ± 1,5).

В группе неработающих испытуемых позднего возраста отмечается повышенный уровень показателей личностной зрелости по шкалам «компетентность во времени», «ценностные ориентации», «гибкость поведения», «самоуважение», самопринятие», в отличие от группы работающих – у которых высокие показатели отмечены только в шкалах «синергия», «компетентность во времени», «ценностные ориентации». Возможно, это связано с тем, что работающие ощущают себя менее реализованными и чувствуют в себе силы продолжать предъявлять себя миру.

Таким образом, неработающие мужчины и женщины в позднем возрасте способны жить настоящим, то есть переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте, а не просто как фатальное следствие прошлого или подготовку к будущей «настоящей жизни», они ощущают неразрывность прошлого, настоящего и будущего, видят свою жизнь целостной. Они разделяют ценности самоактуализирующейся личности: более эффективное восприятие действительности и более комфортные взаимоотношения с ней; принятие себя, других и природы; спонтанность; сосредоточенность на проблеме; отстраненность (как потребность в уединении и самодостаточности); независимость от культуры и окружения; постоянная свежесть оценок; социальное чувство; глубокие, но избирательные социальные взаимоотношения; демократичный характер; нравственная убежденность; невраждебное чувство юмора; креативность [16]. Неработающие пожилые и старые люди способны гибко реализовывать свои ценности в поведении, взаимодействии с окружающими людьми, они быстро и адекватно реагируют на изменяющуюся ситуацию. Наблюдается способность ценить свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за них. Также, в группе неработающих отмечена высокая степень принятия себя «таким, как есть», вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков со стороны. Высокая адаптивность и гибкость в поведении у представителей данной группы обусловлена принятием своей социальной роли.

Мужчины в пожилом и старческом возрасте имеют высокие показатели по следующим шкалам CAT: «компетентность во времени» (8,89 баллов), «ценностные ориентации» (11,78), «гибкость поведения» (13,17), «самоуважение» (8,33), «самопринятие» (11,06). Шкалы в границах нормы: «поддержка» (45,0), «синергия» (3,50). Сниженные показатели отмечены по шкалам: «сензитивность к себе» (4,33), «спонтанность» (6,39), «представления о природе человека» (4,0), «принятие агрессии» (6,11), «контактность» (9,11), «познавательные потребности» (5,39), «креативность» (6,06).

Женщины в позднем возрасте имеют высокие результаты по шкалам: «компетентность во времени» (8,34), «ценностные ориентации» (10,15), «самоуважение» (8,37), «самопринятие» (10,66). Остальные значения имеют тенденцию к снижению относительно «нормы»: «поддержка» (43,05), «гибкость поведения» (11,78), «сензитивность к себе» (5,27), «спонтанность» (6,05), «представления о природе человека» (4,12), «синергия» (3,41), «принятие агрессии» (5,93), «контактность» (8,54), «познавательные потребности» (5,29), «креативность» (5,59).

Анализируя данные, можно сделать вывод о том, что мужчины, в отличие от женщин в этом возрасте, в меньшей степени понимают свои потребности и чувства, ощущая, они не рефлексируют их. Мужчины в позднем возрасте не склонны воспринимать природу человека в целом как положительную. Тогда как женщины более сензитивны к себе, они в большей степени отдают себе отчет в своих потребностях и чувствах, ощущают и рефлексируют их. Представительницы женского пола в целом воспринимают природу человека как положительную («люди в массе своей, скорее, добры»), хотя все остальные показатели у них достоверно ниже, чем в группе мужчин.

Мужчины, в отличие от женщин, проявляют гибкость в реализации своих ценностей в поведении, взаимодействии с окружающими людьми, способны быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию, относительно независимы в своих поступках, стремятся руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями, установками и принципами, что однако не означает враждебности к окружающим и конфронтации с групповыми нормами.

Они свободны в выборе, не подвержены внешнему влиянию, целостно воспринимают мир и людей, понимают и связывают противоположности. Они демонстрируют способность ценить свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за них. Высока степень принятия себя таким, как есть, вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков со стороны. Показатели мужской выборки, в большей степени, характеризуют личность как наделенную признаками зрелой.

Исследовать структуру взаимосвязей переменных позволил корреляционный анализ, который идентифицировал факторы как латентные переменные – причины взаимосвязи исходных переменных. Связи между элементами в системе имеют характер прямой и обратной зависимости (положительные и отрицательные). Корреляционный анализ исследуемых признаков показывает наличие разветвленной системы связей, характеризующих особенности зрелости и активности личности в преклонном возрасте. Представляя структуру отношений между показателями, характеризующими особенности личностной зрелости в позднем возрасте групп работающих и неработающих мужчин и женщин, а также мотивы и области их притязаний выявлено наибольшее количество связей (восемь) в системе признаков, которые образует показатель САТ «познавательные потребности». Чем чаще они проявляются, тем выше уровень проявления признаков: «состязательный мотив», «мотив самоуважения», «оценка уровня достигнутых результатов», «оценка своего потенциала», «намеченный уровень мобилизации усилий», «ожидаемый уровень результатов деятельности». Чем выше субъективное ощущение «приобретения» в жизни, тем чаще проявляются познавательные потребности и выше адаптационный потенциал, психологическая устойчивость.

Следующим по интегрированности в системе связей является показатель личностной зрелости – «сензитивность к себе». Чем он выше, тем реже проявляется «мотив избегания» в деятельности, чаще проявляется признак «состязательный мотив», «мотив самоуважения» в притязаниях личности в позднем возрасте. Можно предположить, что рефлексивность, восприимчивость к себе, полноценное функционирование личности связано с достижениями в деятельности, высокой оценкой своего потенциала. Чем выше «сензитивность к себе», тем выше «намеченный уровень мобилизации усилий» и «ожидаемый уровень результатов деятельности» у мужчин и женщин данного возраста. «Синергия», характеризуя возрастание эффективности в результате интеграции, слияния отдельных частей в целостную систему за счет вызываемого системного эффекта в процессе самореализации личности проявляется выше, чем ниже «мотивация на неудачу». Также «Синергия» выше, если «мотив самоуважения», «оценка уровня достигнутых результатов», «оценка своего потенциала», субъективное ощущение «приобретения» жизненных ресурсов отражающий адаптивные возможности и толерантность личности в пожилом возрасте по отношению к стрессам проявляются на значимо высоком уровне.

Показатель «Самоуважение» проявляется чаще с проявлением признаков: «состязательный мотив», «намеченный уровень мобилизации усилий в деятельности», «ожидаемый уровень результатов деятельности». Можно отметить, что чем выше шкала «компетентность во времени» у лиц преклонного возраста, тем реже испытуемые ориентированы на «результат в деятельности» и реже испытывают субъективное ощущение «потери в жизни».

Личность в поздний период своей жизни все еще ориентирована «на будущее», видит перспективы будущего самораскрытия и реализации, понимает ценность настоящего времени и тем более накопленного опыта в прошлом, демонстрирует самоуважение, самодостаточность. Для нее важен процесс деятельности, а не результат, поскольку трудовая деятельность в пожилом возрасте выступает детерминантой здоровья, социальной активности, востребованности и удовлетворенности жизнью в целом.

Выводы

Анализ исследований показал, что единого критерия развития зрелой личности и единственной сферы приложения активности для самореализации в старости не существует. Нами выявлены особенности личностной зрелости пожилых людей, работающих, ведущих активный образ жизни, принимающих участие в социальной жизни общества и неработающих, занимающихся семьей и имеющих хобби.

И женщины, и мужчины примерно в равной степени успешно адаптируются к своему новому возрасту и положению, но разными путями. Так, мужчины предпочитают различные виды активности (хобби, поддержание интересов, творчество), а женщины ориентированы на общение. Можно отметить, что работающие ощущают себя менее реализованными и чувствуют в себе силы продолжать предъявлять себя миру. Мужчины, в отличие от женщин в этом возрасте, характеризуются большим количеством признаков зрелой личности, но в меньшей степени отдают себе отчет в своих потребностях и чувствах, не ощущают и не рефлексируют их. Они не склонны воспринимать природу человека в целом как положительную. Тогда как женщины более сензитивны к себе, они в большей степени отдают себе отчет в своих потребностях и чувствах, ощущают и рефлексируют их. Они в целом воспринимают природу человека как положительную, хотя все остальные показатели у них значительно ниже, чем в группе мужчин. Они демонстрируют способность ценить свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя. Высока степень принятия себя таким как есть вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков со стороны.

Поведение и мироощущение большинства пожилых людей во многом зависят от социальных стереотипов отношения к старости. К сожалению, чаще всего они носят негативный характер. Особенность внутреннего мира людей в поздний период жизни заключается в том, что фактором стабилизации личности является положительное отношение к собственному старению. Только в этом случае у человека имеется согласие с самим собой, с внутренним миром, с естественным ходом событий и с неминуемым завершением собственной жизни. К особенностям внутреннего мира пожилых людей относят и острую необходи-

мость в удовлетворенности жизнью. На эту удовлетворенность влияют в первую очередь состояние здоровья, его экономическое положение и возможность реализовать потребность в самореализации в сфере семьи и хобби, которую раньше давала профессиональная деятельность.

Успешное старение предполагает активное приложение усилий к совладанию с ограничениями, присущими нормальному процессу старения. Кроме того, задачей развития в позднем возрасте выступает достижение зрелости личности (осмысленность жизни, личностный рост, личностная интеграция, созидание индивидуальности). В рамках решения этой задачи при психологическом консультировании лиц пожилого возраста ставится цель достижения «личностной зрелости», «личностной интеграции». Эта цель актуализируется в концепциях «активного старения».

Использование в практической деятельности психолога-консультанта таких показателей развития, как личностная зрелость, способно отражать обобщенную картину развития, однако при этом может нивелировать своеобразие отдельных адаптационных показателей личности и их индивидуальную конфигурацию. Перспективным, на наш взгляд, будет введение индивидуальной нормы развития в пожилом и старческом возрасте, индивидуального профиля психологической зрелости применительно к пожилым возрастам, это позволит на практике учесть высокую индивидуальную вариативность развития личности пожилого человека [12]. Психолог-консультант в своей повседневной работе, способен учитывать как возрастные «потери», так и «приобретения» человека в позднем возрасте, оценить его индивидуальные ресурсы личностного роста, ведущего к личностной зрелости на этапе старения.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Типология активности личности // Психологический журнал. 1985. № 5. Т. 6. С. 3 – 18.

2. Бетина Е. М. Самореализация личности в пожилом возрасте через преодоление возрастного кризиса: дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2007. 177 с.

3. Глуханюк Н. С, Гершкович Т. Б. Поздний возраст и стратегии его освоения. Изд. 2-е, доп. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. 112 с.

4. Елютина М. Э. Стратегии выживания пожилой семьи // Смирнова Т. В., Смолькин А. А., Темаев Т. В., Елютина М. Э., Тейн П., Санкова Л. В., Великий П. П., Трифонова И. В., Чеканова Э. Е., Штейнберг И. Е. Интегрированная старость: практики социального участия: колл. монография. Саратов: Наука, 2007. С. 175 – 185.

5. Зыскина М. А. Геронтообразование как фактор самореализации лиц пожилого возраста // Педагогическое образование в России. 2013. № 2. С. 36 – 40.

6. Коростылева Л. А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб.: Речь, 2005. 222 с.

7. Костакова И. В. Развитие общительности как фактор самореализации студентов – будущих психологов: дис. … канд. психол. наук. Тольятти, 2008. 236 с.

8. Краснова О. В., Лидерс А. Г. Социальная психология старения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 288 с.

9. Куликов Л. В. Психология настроения. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997.

10. Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996.

11. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов на/Д.: Феникс, 1996. 512 с.

12. Соловьева С. Л. Критерии нормы в клинической психологии // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2014. № 3(26). Режим доступа: http://mprj.ru (дата обращения: 01.10.2015).

13. Солодникова И. В. Социализация личности, сущность и особенности на разных этапах жизни // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 32 – 40.

14. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. СПб.: Питер, 2002. 256 с.

15. Холодцева Е. Л. Активность в системе компетентности выпускника высшего профессионального заведения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 3. С. 127 – 132.

16. Шаповаленко И. В. Возрастная психология: учебник. М.: Гардарики, 2005. 349 с. Режим доступа: http://Shapovalenko_Vozrast_psihol_2005.pdf&lang=ru&c=56fdde4c78ed (дата обращения: 15.06.2013).

Информация об авторах:

Холодцева Елена Лиунгарртовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета, xollen@yandex.ru.

Портнова Алла Георгиевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова, Санкт-Петербург, allport@yandex.ru, Alla.Portnova@szgmu.ru.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2016 г., принята к печати 21.04.2016 г.

DETERMINANTS OF PERSONAL MATURITY IN OLDER AGES

Elena L. Kholodtseva[1, @1], Alla G. Portnova[2, @2]

[1] Kemerovo State University
[2] North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov
[@1] xollen@yandex.ru
[@2] allport@yandex.ru

The purpose of the paper is to analyse the problem of personal maturity in old age in the context of active ageing and self-realization. The existence of the correlation between activity in old age and personality characteristics of maturity is proved. The authors describe the characteristics of personal maturity in older men and women. Determinants of personal maturity in later older are both age-sex characteristics and parameters of the personal and social activities.

Keywords: activity, self-realization, personal maturity, active ageing, older age, identity of the elderly person.

For citation: Kholodtseva E. L., Portnova A. G. Determinanty lichnostnoi zrelosti v pozdnem vozraste [Determinants of personal maturity in older ages]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 140 – 145.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Tipologiia aktivnosti lichnosti [Typology of activity of the personality]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological journal*, 6, no. 5 (1985): 3 – 18.
2. Betina E. M. *Samorealizatsiia lichnosti v pozhilom vozraste cherez preodolenie vozrastnogo krizisa*. Diss. kand. psikhol. nauk [Self-realization of the personality at advanced age through overcoming of age crisis. Cand. psych. Sci. Diss.]. Tambov, 2007, 177.
3. Glukhaniuk N. S, Gershkovich T. B. *Pozdnii vozrast i strategii ego osvoeniia* [Late age and strategy of its development]. 2nd ed. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2003, 112.
4. Elyutina M. E. Strategii vyzhivaniia pozhiloi sem'i [Strategy of a survival of an elderly family]. *Integrirovannaya starost': praktiki sotsial'nogo uchastiya* [Integrated old age: practice of social participation]. Saratov: Nauka, 2007, 175 – 185.
5. Zyskina M. A. Gerontoobrazovanie kak faktor samorealizatsii lits pozhilogo vozrasta [Geronto education as a factor of self-realization of elderly people]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical education in Russia,* no 2 (2013): 36 – 40.
6. Korostyleva L. A. *Psikhologiia samorealizatsii lichnosti: zatrudneniia v professional'noi sfere* [Psychology of self-realization of the personality: difficulties in the professional sphere]. Saint-Petersburg: Rech', 2005, 222.
7. Kostakova I. V. *Razvitie obshchitel'nosti kak faktor samorealizatsii studentov – budushchikh psikhologov*. Diss. kand. psikhol. nauk [Sociability development as a factor of self-realization of students – future psychologists. Cand. psych. Sci. Diss.]. Tol'iatti, 2008, 236.
8. Krasnova O. V., Liders A. G. *Sotsial'naia psikhologiia stareniia* [Social psychology of aging]. Moscow: Akademiia, 2002, 288.
9. Kulikov L. V. *Psikhologiia nastroeniia* [Mood psychology]. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 1997.
10. Markova A. K. *Psikhologiia professionalizma* [Professionalism psychology]. Moscow, 1996.
11. Petrovskii V. A. *Lichnost' v psikhologii: paradigma sub"ektnosti* [The personality in psychology: subjectivity paradigm]. Rostov-on-Don: Feniks, 1996, 512.
12. Solov'eva S. L. Kriterii normy v klinicheskoi psikhologii [Kriteria of norm in clinical psychology]. *Meditsinskaia psikhologiia v Rossii – Medical psychology in Russia*, no. 3(26) (2014). Available at: http://mprj.ru (accessed 01.10.2015).
13. Solodnikova I. V. Sotsializatsiia lichnosti sushchnost' i osobennosti na raznykh etapakh zhizni [Socialization of the personality essence and features at different stages of life]. *Sotsiologicheskie issledovaniia – Social researches*, no. 2 (2007): 32 – 40.
14. Stuart-Hamilton Ya. Психология старения [Aging psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2002, 256.
15. Kholodtseva E. L. Aktivnost' v sisteme kompetentnosti vypusknika vysshego professional'nogo zavedeniia [Activity in system of competence of the graduate of the highest professional institution]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2010): 127 – 132.
16. Shapovalenko I. V. *Vozrastnaia psikhologiia* [Age psychology]. Moscow: Gardariki, 2005, 349. Available at: http:// Shapovalenko_Vozrast_psihol_2005.pdf (accessed 15.06.2013).

Received 08.02.2016, accepted 21.04.2016.

УДК 316.6 + 316.33

ФЕНОМЕН ЛЮБВИ В МЕНТАЛЬНОМ ОТРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Л. В. Шабанов[1, @1], Л. В. Сметанкина[2], С. В. Лычагина[3]

[1] Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
[2] Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного (Санкт-Петербург)
[3] Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России
[@1] lev.shabanov@mail.ru

Целью представленной статьи стало рассмотрение современных концептов любви (в рамках социальной психологии отношений «Он и Она»), отражающих специфичность значимых подходов начала нового века. Авторы обращаются к феномену любви в жизни человека как к предметному исторически сложившемуся коллективному началу, которое трансформируется в новую архетипическую реальность через глобальные и социокультурные изменения обществ. Методом компаративного анализа, авторы попытались проследить динамику перемен ритма и образа жизни человека, отразившихся в рамках изменений социальных аспектов отношений к любви внутри коммуникативного пространства «мужского» и «женского» (обозначенного, как «Он и Она»), их сходства и различия. Результатом этого стал вывод о привнесении в архетипы, связанные с отношениями, новых тенденций, конверсирующих любовь как творчество и жертвенность, в консумацию внешних проявлений. Общая схема этого процесса выглядит как стремление к функциональной инфантилизации поколений, которая должна расширять временные borderlines (пограничные состояния) «рождение – смерть – возрождение» через архетипические темы «ребенок» и «герой», однако в результате индивидуации (нарциссизма) происходит *абъективация (потеря субъектности без перехода в состояние объекта)* и актуализация архетипической темы «героя-инвалида», компенсированного в образах «антилюбви».

Ключевые слова: любовь, индивидуация, социальная фасилитация, borderlines, абъективация, архетип.

Для цитирования: Шабанов Л. В., Сметанкина Л. В., Лычагина С. В. Феномен любви в ментальном отражении современного социального пространства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 146 – 150.

Одним из значимых феноменов человеческого, ценностным отношением человека к человеку и миру, является любовь как одна из значимых модальностей бытия. Вечная проблема любви в силу многоаспектности, сложности и важности для личности, равно как и проблема поиска смысла жизни, и самого бытия, входит не только в предметную область гуманитарной мысли современности, но является постоянной темой рефлексии многих ученых и литераторов.

В пространстве истории человека и современном «информационном обществе», тема любви как высшей точки межличностного общения, является не только центром философской мысли, но и центральным фактом, определяющим эстетику всей цивилизации.

Неопсихоаналитическая практика является персональным опытом отношений человека, хотя юнгианское понимание коллективного бессознательного позволяет нам улавливать и коллективные тенденции. Например юнговские размышления о четвертом (женском) начале, упущенном в христианстве, абсолютно точно предсказали наступление эры феминизма [8]. Высшая точка отношений, обозначенная неопсихоаналитиками XX в. как любовь, в различных её проявлениях влияет на всю жизнь человека (А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм).

Хотя вопросы, связанные с проблемой любви нашли отражение в трудах представителей различных исторических эпох, мы до сих пор не смогли вывести формулу любви или решить вопросы о соотношении духовного и телесного в отношениях. В числе великих работ, формирующих эстетическое множество любовных отношений можно выделить: «Пир» Платона, «О природе вещей» Т. Лукреция, «Об Эроте» Плутарха, «История моих бедствий» П. Абеляра, «Максимы и моральные размышления» Ф. Ларошфуко, «Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье» и «Этика» Б. Спинозы, Из письма Мальбранщу Г. В. Лейбница, «О духе законов» Ш. Монтескье, «Трактат о душе» и «Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье» Ж. О. Ламетри, «О многоженстве и разводах» Д. Юма, «Метафизика нравов» И. Канта, «Система учения о нравственности согласно принципам наукоучения» И. Г. Фихте, «Любовь» К. С. Льюиса, «Смысл любви» В. Соловьева, «О любви» И. А. Ильина, «Смысл творчества» Н. А. Бердяева, «Дар любви» С. Н. Булгакова [10].

Наличествующий значительный арсенал накопленных гуманитарных знаний о понимании любви (древнегреческая «четверица» «эрос», «филия», «агапе», «сторге» [7, с. 406]) и выделяемая Платоном, любовь-мания, где любовь – «соединяюща и объемлюща», есть отправная точка для вычленения из коллективного бессознательного локуса любви (возможно, архетипа). Средневековая христианская каритативная любовь – «благотворна и преображающа» и, наряду с ней, «куртуазная любовь» – этична, сдержанно-самоотверженна (сравним например поиск Данте «Божественной комедии» и «Роман о Розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мёна). Ренессанс привносит в культурное поле эгоистическую любовь («Декамерон» Боккаччо, «Шестиднев» Маргариты Наваррской, рассуждения о любви в контексте голода и пресыщенности у Ф. Рабле или в контексте потери себя и глупости у Эразма Роттердамского и С. Брандта) и одновременно – дает трактовку неоплатонической любви (в комментарии М. Фичино к «Пиру» Платона). На смену любви эпохи

Возрождения приходитаффективная любовь Нового времени (например у Р. Декарта и Б. Спинозы) – она субъективна и, в тоже время, социально чувствительна (Вольтер, Бомарше, Кувре); нравственная любовь немецкой классической философии; мистическая любовь романтизма, сменяемая «теорией родовой любви» и общим рационализмом (даже осуждением, например Теккерей, сестры Бронте, Дж. Остин). В конце XIX в. происходит слияние или подмена понятия «любовь» понятием «секс», а отношений – понятием «консумация».

Специализированные СМИ за 100 лет XX в. насчитали 9000 способов секса, но о любви в 1990-е гг. практически перестали упоминать (иногда всплывает некий намек об особом чувстве как самотерапии, но «само-» есть скорее нарциссизм, нежели полноценная любовь).

Общество с самых ранних лет приучает думать только о себе и никому не доверять, да и сам XX в., явил человечеству настолько странные, с точки зрения сообщества живых существ, образцы социальных структур, что, если бы не «молодежные революции» середины века, о столетии (1900 – 2000) можно было бы говорить, как о самом кровавом и пропитанным ненавистью и нетерпимостью времени во всей известной истории человечества. Впрочем, на протяжении XX в. научная мысль не только искала рецепты душевного спокойствия (психологические школы психодинамики), или возможности управления человеком (поведенческая психология), или пыталась оправдать его (гуманистические и экзистенциальные направления), но и рассматривала любовь как способ примирения человека со своим человеческим началом.

Чувственная и «земная» любовь, в XX в. отменившая все табу отношений человека и окружающего мира, свидетельствует о противоречивых представлениях и актуализирует необходимость осмысления феномена любви с учетом изменений, которые сегодня переживает технократическое общество и, соответственно, природа человека, в условиях явной девальвации былого значения этой, казалось бы, непреложной ценностной, аксиологической категории.

Начнем с имеющего место высокодуховного понимания любви, основанного на христианской парадигме мышления. Митрополит Антоний Сурожский в «Таинстве любви» отмечает, что «Любовь – удивительное чувство,… состояние всего существа. Любовь начинается в тот момент, когда я вижу перед собой человека и прозреваю его глубины, когда вдруг я вижу его сущность… [3, с. 5 – 6]. Сурожский выделяет три сопоставимые и взаимосвязанные стороны любви. Человек любящий – *дающий* (у Сурожского: «человек любящий дает, хочет давать»); человек *получающий* (у Сурожского: «в любви надо уметь получать») и человек *жертвующий* – третья сторона любви (у Сурожского: «жертвенность») [3, с. 32 – 33]. Иначе это не любовь, а очередное отражение культуры потребления и эгоизма. Любовь – это жизнь ради другого.

Занимаясь изучением межличностных отношений по роду своей деятельности, психотерапевт С. В. Петрушин уделяет проблеме любви особое внимание, считая, что отсутствие конвенциального понятия «любовь» порождает неясность, противоречивость и нереалистичность ожиданий между партнерами и, как следствие, кризисы семьи, увеличение уровня одиночества, невротизации, количества суицидальных попыток [5].

Через исследование приписываемого любви (мифы), Петрушин выявляет ее сущностные характеристики и определяет понятие «любовь» в узком смысле слова, как например симпатию, влюбленность, привязанность, увлеченность, невротические отношения. Ввиду широкого толкования понятия «любовь» он использует прижившееся как в отечественной, так и западной психологии понятие «аттракция» (от англ. attraction – притяжение, тяготение) – установка на другого человека [2].

В противовес этому, можно предложить видение сущности феномена любви Т. Смитом, отражающим концепцию романтической любви (чисто западный феномен) [12]. Романтическая любовь возможна при совместном желании влюбленных быть вместе, «пройти по жизни вместе …в манере, характерной для пар» [12, с. 69]. Знаковость в становлении романтической любви заключается именно в формировании *любящей пары*, так как есть пары никогда не любившие друг друга или не сохранившие любовь; влюбленные, но в силу обстоятельств не сформировавшие пары (как исторические Абеляр и Элоиза или литературные Ромео и Джульетта); любящие, чувства которых остались неразделенными (любовь Данте или Петрарки).

Отсекая сколь угодное количество необходимых и веских условий формирования романтической пары, Смит называет одно единственное условие – признание ближайшим окружением формы единства влюбленных, предполагающее полную свободу действий и в отношении друг друга (свобода вдвоем), и в самопроявлениях (собственная автономия), когда партнеры становятся объектом восхищения и подражания для окружающих. Никаких излишних обязательств, ничего, ведущего к ссорам, оскорблениям, и т. п. элементам давления, требуемых для достижения взаимного согласия или примирения. Любовь, по Смиту, берет свое начало с момента возникновения желания у обоих влюбленных стать «мы» и сохраняется, пока существует эта потребность взаимного единства.

Когда же речь идет о любви, речь – о состоянии «мы» как целостной, принудительной формы единства, подразумевающей стертость граней между личностями влюбленных (проникновенность), готовность решать возникающие проблемы вместе, жертвуя при этом благосостоянием, имиджем и значимыми чертами характера каждого из влюбленных (жертвенность), совместно реализовывать цели и задачи. Нет «мы», отвечающего критериям проникновения и жертвенности, – нет любви. Только обретение «мы», объединяющее личностные автономии, способно сохранить любящую пару перед лицом существующей реальности.

Возможно, общественная эстетика отстает от психологии социальных элементов общества, и любовь «взрослеет», оправдывая инфантилизм поколения 35 – 40-летних, которые например ещё 50 лет назад считались уже поколением зрелости и вершины карьеры. Сегодня эти рамки сдвинулись в сторону 45 – 50 летних, изменяя всю систему ценностей и факторы восприятия времени. – Тогда понятен пубертатный нарциссизм молодежи, давно сдвинувшей сроки тинейджерства (12 – 19 лет) как минимум к 30 годам.

Петрушин интерпретирует совпадение поведения другого человека с индивидуальной концепцией любви («миф о любви») как запуск механизма аттракции. Если представления людей о любви не совпадают, они ведут борьбу, отстаивая каждый свою концепцию любви как единственно верную, порождая «миф о любви», «вводя в рамки», «сажая в тюрьму», «существенно расширяя способность к любви», «постигая суть» [5, с. 112].

Проанализировав также ряд определений, данных В. Франклом (любовь – это принятие), И. Калинаускасом (любовь – снятие дистанции) и другими исследователями этого феномена, С. В. Петрушин делает вывод: «Любовь связана с верой. Когда говорят: «Я тебя люблю», не спрашивают: «Зачем?», а спрашивают: «Веришь?». Вера и любовь имеют много сходного.

Концепция любви сродни многовековому определению данному в Библии: «*Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносит себя, любовь не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает…*» [1]. Перед нами вновь восстает платонический мир, не нуждающейся в дополнениях, и не предполагающий их.

Однако Ф. Бэкон разделил «платонические» источники человека именно на источники вероятностных ошибок на пути правильного, объективного понимания объекта познания на четыре, тянущих костлявые руки из своих могил невежества, «призрака» (idola):

«*Призраки рода*», которые *лежат в самой природе человека*, его способностях к познанию и возможностях к понимаю.

«Хочется попробовать здесь, хочется попробовать там. Если чувствуешь, что спичка сгорела, любовь иссякла, меняй! Иначе это превратится в рутину, станет скучно, станет невероятно грустно ... От этого нужно избавляться»; «Если мы не можем переживать такие мощные эмоции, которые трудно не переживать, например, радость, то уже любовь, которая гораздо глубже, тоньше, до нее вообще очередь не доходит» [4].

«*Призраки пещеры*», которые суммируют *индивидуальные ошибки восприятия: и врожденные, и приобретённые*.

«Есть девушки, которые очень прекрасны, сами по себе, но когда они уже в быту, на земле, они превращаются в каких-то монстров… Мне хотелось бы каких-то таких отношений, которые не были бы завязаны на бытовой стороне жизни»; «Человеку свойственно пугаться одиночества, пугаться ненужности своей и человеку необходимо, чтобы он не чувствовал себя сиротой» [4].

«*Призраки площади (рынка)*», приобретенные вследствие общения и использования популярной моды, языка.

«Есть человек, который говорит: «Я тебя лю», и ему отвечают: «Я тебя не». «Очень суровая и жесткая реальность, к которой нужно приспособить вот это важное для человека чувство, чувство любови». «Плотный график. Съездить туда, работать здесь, вернуться, постоять в «пробках». На любовь остается мало времени»; «Работа становится на первое место, это интереснее, чем поиски девушки», «Держаться за руки не получается. Приходится жить на бегу, писать, хотя хотелось бы встретиться. Так получается нанолюбовь»; «Зашел на страницу, посмотрел какая музыка, фильмы, ролики, – так у вас есть общие интересы и уже не нужно тратить свой час или день для того, чтобы познать человека» [4].

«*Призраки театра*», предостерегающие человека от опасности стать «белой вороной», посмешищем.

«Если человек тебе нравится, то можно прислать ему валентинку, поцеловать его в щеку, можно купить ему велосипед, можно обнять его. У нас множество форматов для высказывания своего отношения. А в интернете только один лайк»; «Одна из особенностей сети – утрачивается разница между приватным и публичным. Человек так не устроен»; «Эмоции современного человека перегорели, он тихо тлеет. Современная культура не литературная, а визуальная. Вот эта визуальность пережигает эмоции. Мы больше переживаем по поводу сериала, чем по поводу близких людей» [4].

Получается, что библейская любовь, миф о любви и романтика не могут быть ни единой системой аттракции, ни встраиваться в систему социальной фасилитации, но при этом вполне имеют возможность сосуществовать в некоем архетипе, ибо, как говорил К. Г. Юнг, архетипов ровно столько, сколько типичных жизненных ситуаций [11, с. 76 – 77]. Происходит своеобразная конвергенция социальных объектов от нонконформизма к нарциссизму и дивергенция социальных объектов от хитрости (стремлению к выигрышу в отношениях) до молярного торжества поведения над сознанием (Толмен).

Поколение, воспитанное в условиях общества потребления с культом «пира во время чумы», являет нам образы архетипа «инвалида». Происходит *объективация*, в виде уже состоявшейся (возможно, не фатально) потери субъектности, но и незавершенного перехода в состояние объекта. «Инвалидность», в данном случае, не столько болезненное состояние, сколько гротескно искаженное нечто, что эпатирует и бросается в глаза как «не такое, как все».

Здесь, ввиду инфантилизации поколений, происходит смешение инвалида с архетипом ребенка. Хотя ребенок, подобно инвалиду, слаб и находится в подчиненном состоянии относительно взрослых, он, не имея сколько-нибудь значимых качеств, не обладает всеми правами и обязанностями взрослого, к которому стремится, как к неизбежной грядущей перспективе. Инвалид же ищет себя в другом – его идентификация связана со своеобразным «костылем», который способен в той или иной мере компенсировать врожденную или приобретенную неполноценность.

Казалось бы архетип инвалида предполагает, что неполноценность могла бы быть излечена другим существом, посредством любви, но архетип инвалида чаще всего имеет связующие нити с архетипом героя, идущего на сознательную жертву (Пиноккио должен стать настоящим мальчиком и умереть).

Иногда архетипические темы ребенок-герой-инвалид совпадают (преданный и расчлененный Осирис, лишенный гениталий, хитроумный коротконогий Одиссей, сын Гермеса и Афродиты Приап, не владеющий собой маг Мерлин, обезноженный богатырь Илья

Муромец), но с точки зрения любви, происходит явная ее утрата. Поэтому герой, бросая вызов судьбе, всегда знает, что он обречен: рано или поздно он либо вернется в физическое состояние инвалида (слепнет царь Эдип, остается без руки ас-воин Тюр, унижен и деинфляционен князь Игорь), либо погибнет (герой Трои Ахиллес, рыцарь Роланд, принц Гамлет, воин-монах Пересвет).

В последние годы в противовес «земных» архетипов, вместо титанического образа Прометея, Нарцисса, Сизифа, Эпиметея и Пандоры [9] окончательно формируется забытый в послевоенное десятилетие образ Аполлонического божества (Адам Кадмон, Ангел-Истребитель, Сверхчеловек Ницше).

Аполлон, с одной стороны, восходит к комплексу тинэйджера, здорового и красивого, полного сил и не знающего ущербности, поэтому и не чувствительного к боли окружающих. Он, который очень изменчив под ветрами моды, эпатажен, непредсказуем в своих поступках и поэтому не несущий ответственности за свою спонтанность. Аполлон, архетип нового уровня борьбы – борьбы Роя «многоликого», но действующего как одно единое целое постгуманистического трансперсонального обезличенного «общества обществ» против «общества людей».

Нынешнее поколение находится на стадии инициации в новое, возможно, не похожее относительно эстетики традиционности, общество. Происходит дифференциация себя от другого «детского» мира, это проход через легенду: Фэнтези – на Западе, СССР – в РФ, боги легенд на Востоке и в Латинской Америке, Растафари – в Африке. Страны и народы, целые цивилизации переживают borderline – пограничное состояние: «рождение – смерть – возрождение». Это движение сквозь сказку – волшебный мир фантазии и обыденного восприятия нереальности, которая описывает всю последующую жизнь, не просто не исключает путешествие по дороге индивидуации и конъюнкции, но подводит к «антилюбви» через столкновение с «Тенью».

Можно сказать, что в современном обществе, с его культом виртуальности, личность сталкивается с феноменом «Коллективной Тени» в виде появления новой социальной структуры в восприятии личности: Общество = Пространство ускользающих реальностей; Кибернический мир = виртуальность контактов и социального поведения.

Появляются новые стороны общения: боты, фирмы-зомби. – Силен охарактеризовал любовь как «субквантовую невероятность, что несет информацию от фотона к фотону…» [6]. Новая социальная топография: «мёртвые» пространства населённых пунктов, «другой мир» без «другого», другие поселенцы, которые при этом активны, актуальны и включены в коммуникацию («кликабельны»).

Из-за огромного количества сайтов знакомств и интернет-приложений люди перестают ценить другого человека как личность, легко заменяя одну симпатию на другую: «Она не первая и не последняя!» Нам кажется, что возможность выбирать – это здорово. Но, что касается онлайн-дейтингов, то это банальная игра, на которую стоит отметить, быстро подсаживаются даже умные и образованные люди.

Существует еще анекдот об осле, который бесконечно мучится, пытаясь сделать выбор, стоя перед двумя одинаковыми стогами сена. Теперь мы живем в мире с открытым доступом к множеству тех самых одинаковых стогов. Рынок, на котором продаются стога сена, расширяется, таким образом появляется необходимость проверять, нет ли на рынке нового лучшего товара.

Мало кто задумывается о том, что делая выбор, мы автоматически сами становимся объектами, из которых кто-то выбирает. Сайты знакомств нивелируют человеческую личность. Всего за пару-тройку минут ты можешь просмотреть сотни кандидатов, в реальной жизни тебе на это понадобилось бы как минимум год. С ума сойти... Хотя «…Любовь – часть Связующей Пропасти, можно сказать, истинная суть человечности» [6].

Литература

1. Послание к Коринфянам святого апостола Павла. Гл. 13. Стих: 4 – 7.
2. Кондаков И. М. Психология. Иллюстрированный словарь. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Прайм-Еврознак, 2003. 512 с.
3. Митрополит Антоний Сурожский. Таинство любви. Клин: Христианская жизнь, 2005. 129 с.
4. Нанолюбовь: документальный фильм Михаила Прибыловского. 2014. Режим доступа: http://mardoc.ru/-news/nanoljubov_2014/2014-07-10-880
5. Петрушин С. В. Любовь и другие человеческие отношения. Изд. 3-е, испр. СПб.: Речь, 2011. 144 с.
6. Симмонс Д. Эндимион. М.: АСТ, 1998. 608 с.
7. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Опыт православной феодицеи в 12 письмах. Париж: YMCA – PRESS, 1989. 490 с.
8. Хегай Л. Психоанализ и мистика в XXI в. // Расширение сознания: новые горизонты трансперсональной и юнгианской психологии: III Международная Конференция МААП с участием профессора Гарри Ханта (США), 2009. Режим доступа: http://www.maap.ru/library/book/182/
9. Шабанов Л. В. Трансспектива молодежного вопроса в России: опасные игры в круге Хомы // Изменения в обществе и классический университет: история и современность. Проблемы психологического сопровождения изменений в классическом университете. Томск, 2005. С. 272 – 289.
10. Шестаков В. П. Эрос и культура: философия любви и европейское искусство. М.: Республика, 1999. 464 с.
11. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. М.: Академический проспект, 1998.
12. Smith T. H. Romantic Love // Essays in Philosophy. 2011. Vol. 12. № 1. P. 68 – 92.

Информация об авторах:

Шабанов Лев Викторович – доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, lev.shabanov@mail.ru.

Сметанкина Людмила Васильевна – доктор философских наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного (Санкт-Петербург), lev.shabanov@mail.ru.

Лычагина Светлана Викторовна – кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры общей и прикладной психологии Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России, lev.shabanov@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 15.02.2016 г., принята к печати 06.04.2016 г.

THE PHENOMENON OF LOVE IN THE MENTAL REFLECTION OF THE CONTEMPORARY SOCIAL TOPICS

Lev V. Shabanov[1, @1], Lyudmila V. Smetankina[2], Svetlana V. Lychagina[3]

[1] St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions
[2] Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg)
[3] Petersburg Military Institute of the Internal Troops of the MIA of Russia
[@1] lev.shabanov@mail.ru

The purpose of the paper is to consider the modern concept of love (in the framework of the social psychology of the "Man and Woman" relations), reflecting the specificity of scientific approaches in our century. The authors refer to the phenomenon of love in the history of the humanity, which is transformed into a new archetypal reality through global and socio-cultural changes. By method of comparative analysis the authors attempted to trace the dynamics of changes of the rhythm and way of life, reflected in the framework of changes in social relations within the communication space of "male" and "female", the similarities and differences of this. The authors make a conclusion about the archetypes associated with the conversion of love in consummation of external manifestations. Schematically this process looks like the desire for functional infantilisation of generations that extends in the framework of "birth - death – rebirth" through the archetypal theme of "child" and "hero"; however, individuation (narcissism) leads to a loss of subjectity and the updated archetypal theme of "the disabled hero" is compensated in the image of "anti-love".

Keywords: love, individuation, social facilitation, borderlines, objectification, archetype.

For citation: Shabanov L. V., Smetankina L. V., Lychagina S. V. Fenomen liubvi v mental'nom otrazhenii sovremennogo sotsial'nogo prostranstva [The phenomenon of love in the mental reflection of the contemporary social topics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 146 – 150.

References

1. *Poslanie k Korinfianam sviatogo apostola Pavla* [Corinthians]. 13: 4 – 7.
2. Kondakov I. M. *Psikhologiia* [Psychology]. 2nd ed. Moscow: Praim-Evroznak, 2003, 512.
3. Mitropolit Antonii Surozhskii. *Tainstvo liubvi* [Sacrament of love]. Klin: Khristianskaia zhizn', 2005, 129.
4. *Nanoliubov'* [Nano-Love]. Screenplay by Mikhail Pribylovskii. 2014. Available at: http://mardoc.ru/-news/nanoljubov_2014/2014-07-10-880
5. Petrushin S. V. *Liubov' i drugie chelovecheskie otnosheniia* [Love and other human relationships]. 3th ed. Saint-Petersburg: Rech', 2011, 144.
6. Simmons D. *Endimion*. Moscow: AST, 1998, 608.
7. Florenskii P. *Stolp i utverzhdenie istiny. Opyt pravoslavnoi feoditsei v 12 pis'makh* [The pillar and ground of the truth. The experience of Orthodox theodicee 12 letters]. Parizh: YMCA – PRESS, 1989, 490.
8. Khegai L. Psikhoanaliz i mistika v XXI v. [Psychoanalysis and mysticism in the XXI century]. *Rasshirenie soznaniia: novye gorizonty transpersonal'noi i iungianskoi psikhologii: III Mezhdunarodnaia Konferentsiia MAAP s uchastiem professora Garri Khanta* (*SShA*) [Expansion of consciousness: new horizons transpersonal and Jungian psychology: third international Conference three presumed with the participation of Professor Harry Hunt (USA)]. 2009. Available at: http://www.maap.ru/library/book/182/ (accessed 18.01.2016).
9. Shabanov L. V. Transspektiva molodezhnogo voprosa v Rossii: opasnye igry v kruge Khomy [Transaction of the Youth in Russia: threat of the game in terms of Toma Brute]. *Izmeneniia v obshchestve i klassicheskii universitet: istoriia i sovremennost'. Problemy psikhologicheskogo soprovozhdeniia izmenenii v klassicheskom universitete* [Changes in society and classical University: history and modernity. Problems of psychological support of the changes in classical University]. Tomsk, 2005, 272 – 289.
10. Shestakov V. P. *Eros i kul'tura: filosofiia liubvi i evropeiskoe iskusstvo* [Eros and culture: philosophy of love and European art]. Moscow: Respublika, 1999, 464.
11. Jung K. G. *Soznanie i bessoznatel'noe* [Consciousness and the unconscious]. Moscow: Akademicheskii prospekt, 1998.
12. Smith T. H. Romantic Love. *Essays in Philosophy,* 12, no. 1 (2011): 68 – 92.

Received 15.02.2016, accepted 06.04.2016.

УДК 159.923.2:37.041

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ САМООРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА И ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ

***С. А. Юдин*[1, @]**

[1] *Кемеровский государственный университет*
[@] *Semen.Yudin@mail.ru*

В статье рассматриваются различные подходы к изучению самоорганизации учебной деятельности студентов, выдвигается предположение о взаимосвязи самоорганизации учебной деятельности и временной перспективы личности. Выявляется значимость самоорганизации учебной деятельности в современной системе образования вузов. Разбираются этапы формирования самоорганизации и возможные трудности, с которыми может столкнуться личность. Излагаются результаты поискового исследования временной перспективы и самоорганизации студентов вуза. Определена взаимосвязь между целеустремленностью и величиной времени; планомерностью, эмоциональной окраской времени, структурой времени и ощущением времени. Полученные результаты указывают возможные направления организации форм психологического сопровождения студентов вуза, имеющих проблемы самоорганизации времени в учебном процессе.

Ключевые слова: самоорганизация, ценности, временная перспектива личности, образование, психология.

Для цитирования: Юдин С. А. Взаимосвязь показателей самоорганизации учебной деятельности студентов вуза и временной перспективы личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 151 – 155.

На современном этапе развития системы высшего образования первостепенными задачами является всестороннее развитие личности студента в контексте формирование компетенций необходимых для дальнейшей профессиональной деятельности будущих специалистов. Вместе с тем решение данной задачи, невозможно без осуществления надлежащего уровня развития навыков самоорганизации будущего специалиста. Обучение в вузе нередко сопровождается трудовой деятельностью, а также участием в научных и студенческих сообществах. Такая активность требует высокого уровня развития способности распределять время, анализировать свои возможности и расставлять приоритеты.

Уровень самоорганизации современных студентов вызывает опасения у многих исследователей. Так, например А. В. Смирнов в своем исследовании выявил у студентов полное отсутствие «личного менеджмента», а также отсутствие умения рационально планировать свой день. При этом отмечается снижение показателей личной значимости планирования собственного времени, выражающиеся в недостаточном количестве личного времени, отводимого на самостоятельную учебную деятельность [9]. Такая тенденция уже сегодня представляет серьезную проблему для системы образования и имеет потенциально негативный сценарий развития в будущем, так как самоорганизация является фактором определяющем эффективность учебной деятельности студента. В этой связи актуальным является мнение А. В. Серого о том, что условия образовательного процесса в вузе должны опираться на внутреннюю, а не на внешнюю мотивацию учащегося, т. е. «направлены на личностный рост учащегося, стимулируя его стремление к самоактуализации» [11, с. 64.].

Несомненно, преподаватель организовывает учебную деятельность студентов на занятии, мотивируя и стимулируя их активность. Однако он не может оказывать влияние на учебный процесс вне занятий, когда студент должен заниматься самостоятельно, ставя цели, планируя свою активность тем самым самоорганизовывать свою учебную деятельность.

В современной педагогической психологии существует ряд подходов к определению сущности самоорганизации. Н. Н. Рыбакова справедливо отмечает, что различные подходы к пониманию данного феномена зависят от объекта самоорганизации, т. е. в одном случае самоорганизация понимается как умение или комплекс умений, входящих в структуру деятельности, в другом как свойство или комплекс личностных свойств. В. А. Смирнов в своих работах придерживается точки зрения, что самоорганизация представляет собой совокупность навыков и умений рационального распределения учебного и свободного времени, а также оценки результативности учебной деятельности [9]. Самоорганизация обеспечивает овладение умениями планировать, организовывать, варьировать способы выполнения учебных заданий в процессе учебной деятельности. Однако мы полагаем, что самоорганизация представлена не только совокупностью умений и навыков, но и личностными характеристиками такими, как ценностные ориентации и временная перспектива.

Необходимо согласиться с тезисом о том, что самоорганизация включает навыки рационального распределения личного времени для планирования учебной деятельности, но планирование всегда взаимосвязано с восприятием своего субъективного времени. Цели всегда находятся в обозримом будущем поэтому, для постановки цели человеку необходимо осознавать свое субъективное будущие и соотносить его с субъективным настоящим. Поскольку для самоорганизации учебной деятельности необходимо осознавать, формулировать и ставить цели, планировать пути их достижения, контролировать и оценивать результаты собственной деятельности, соотнося с целя-

ми, объективно оценивать физические и психические ресурсы организма, мы вслед за Н. Н. Рыбаковой, склонны понимать самоорганизацию как систему, состоящую из взаимосвязанных компонентов и обладающую интегративным свойством целого, не сводимого к сумме свойств отдельных её частей [8].

Исходя из указанных выше подходов к рассмотрению самоорганизации, мы в дальнейшем будем определять данный феномен, как многоуровневый процесс формирования субъектом своей активности, мобилизующий внутренние ресурсы организма для достижения поставленной цели, который воплощает в себе волевые, мотивационные, ценностно-смысловые компоненты, а также способность правильно воспринимать, оценивать и распределять время. Все компоненты данного процесса взаимосвязаны и взаимообусловлены. Невозможно представить самоорганизацию вне деятельности, поскольку это процесс, благодаря которому личность способна самостоятельно регулировать собственную деятельность, поэтому мы считаем, что самоорганизация имеет схожие с деятельностью этапы формирования, а именно: этап постановки цели и анализа; этап планирования; этап реализации и этап контроля и оценки.

Опираясь на выделенные С. Н. Костроминой и В. М. Латушкиной этапы процесса самоорганизации, мы полагаем, что реализация деятельности на каждом этапе может быть связана с рядом трудностей, обусловленных особенностями личности и препятствующих самоорганизации учебной деятельности [3].

– Этап постановки цели и анализа. На этом этапе происходит анализ ситуации, постановка и конкретизация целей, осуществляется проблематизация, формируется образ того, ради чего организуется активность субъекта. Основной проблемой на данном этапе является конфликт потребностей, проявляющейся в том случае, если целей несколько, и они приблизительно в равной степени находятся в ценностно смысловом поле субъекта.

– На этапе планирования происходит анализ условий и способов осуществления деятельности, определяются первостепенные и второстепенные задачи, задачи распределяются на субъективном отрезке времени, формулируется последовательность продвижения от цели к результату. На этом этапе выбираются оптимальные средства и рациональные способы достижения цели, происходит психологическая подготовка к работе, поэтому успешность этапа планирования напрямую зависит от особенностей временной перспективы личности, а также рефлексии которая позволяет правильно оценить свои силы.

– На этапе реализации субъект поэтапно осуществляет поставленные цели, следуя плану, сформулированному на предыдущем этапе. На этом этапе необходим контроль за ходом выполнения деятельности, однако, когда контроль ослабевает субъект переключается на деятельность, не связанную с поставленными целями. Такая утрата контроля может быть проявлением психологического механизма, позволяющего субъекту адаптироваться к новому виду деятельности и разрядить накопившейся стресс [13].

– На этапе контроля и оценки результат деятельности соотносится с поставленными целями. Оценивается качество выполненных задач на основе установленных субъектом требований. Если результат не удовлетворяет ожиданий, строится план и способы устранения ошибок, а также вырабатывается новая более эффективная стратегия поведения. Происходит осмысление ближайших зон развития. Однако возникающие на предыдущих этапах трудности в значительной степени замедляют процесс выполнения поставленных целей, и зачастую на этап контроля и оценки не хватает времени, так как крайние сроки подходят к концу. В итоге результаты деятельности не удовлетворяют ожиданий, и у субъекта возникает чувство фрустрации, которое будет перенесено на последующую трудовую или учебную деятельность.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что самоорганизация – это многоуровневый процесс, включающий в себя все этапы формирования деятельности, поэтому для решения проблем, возникающих на разных этапах самоорганизации необходимо подбирать решение охватывающие различные особенности личности.

Поскольку для построения плана собственной деятельности необходимо осознание собственного будущего, то немало важную роль в процессе самоорганизации должна отводиться временной перспективе личности, являющейся существенным компонентом образа «Я» человека и во многом определяющей его способность идентифицировать себя как субъекта деятельности [12].

Значимость и роль временной перспективы в процессе становления личности неоднократно подчеркивалась исследователями различных психологических школ и направлении. Так, Ж. Нюттен определял временную перспективу как последовательность событий с определенными интервалами между ними, представленными в сознании человека в конкретный момент времени. Согласно Ж. Нюттену, временная перспектива включает планы, задачи, намерения, а также иерархию целей. Все эти компоненты являются главными детерминантами, определяющими поведение человека [7]. К. Левин подчеркивал, что поведение и психическое состояние человека в большей степени зависит от его надежд и воспоминаний, чем от текущей ситуации «здесь и теперь». Он определял временную перспективу как целостное восприятие человеком своего психологического будущего и психологического прошлого. В пространственно-временной модели К. Левина зона ближайшего будущего включающая желания, мечты, планы надежды, страхи, определяя поведение человека в настоящем [5]. О. В. Лукьянов указывает, что главным фактором, определяющим характер временной перспективы личности в целом и отдельных ее отрезков, является осмысленность жизни. «Смысловая центрированность личности на том или ином временном отрезке с неизбежностью накладывает отпечаток на специфику восприятия ею всех элементов своего жизненного пути и своего «Я» в различных временных плоскостях. Синхронизация временных локусов смысла определяет сбалансированность временной перспективы личности» [4, с. 152].

По нашему мнению, основной причиной возникновения проблем на этапе планирования является особенность временной перспективы, поскольку в ней

как социокультурном феномене, обуславливающем целостный образ «Я» человека, синхронизируются личностные смыслы его субъективных «прошлого», «настоящего» и «будущего». Именно в ней выражается степень объективности воспринимаемого времени, величины времени, и насколько эмоциональны и насыщены события настоящего, прошлого или предполагаемого будущего [14].

Для проверки данного положения нами было проведено исследование поискового характера, в котором приняли участие 50 студентов первого курса Кемеровского государственного университета. В качестве стимульного материала нами были выбраны следующие методики: «диагностика особенностей самоорганизации» (ДОС) [2], «опросник семантического дифференциала времени» (СДВ) [1], «опросник самоорганизации деятельности» (ОСД) [6].

Исследование выявило положительные корреляции между показателями ОСД, и методикой СДВ (таблица). Из приведенной ниже таблицы следует, что планомерность напрямую зависит от удовлетворённости, ясности, упорядоченности и значимости воспринимаемого настоящего и будущего времени. Преобладание в структуре переживаний настоящего и будущего времени положительных эмоций, а также наличие эмоциональной вовлеченности и ощущение прогнозируемости событий напрямую влияет на планирование собственной деятельности. Способность планирования увеличивается пропорционально тому насколько адекватно, ясно и четко субъект воспринимает свое настоящие и будущие, и насколько сильно субъект удовлетворён своим настоящим и будущим субъективным временем.

Таблица. **Корреляции между показателями ОСД, и методикой СДВ**
Table. **Correlation between the indices of "Self-Organization of Activity" Questionnaire and "Semantic Time Differential" Questionnaire**

Показатели ОСД	***Показатели СДВ***				
	активность времени	***эмоциональная окраска времени***	***величина времени***	***структура времени***	***ощущение времени***
Планомерность	–	**0,44**	–	**0,56**	**0,50**
Целеустремленность	–	–	**0,40**	–	–
Ориентация на настоящие	**0,51**	–	–	–	–

Примечание: в таблице указаны только статистически значимые корреляции при $\rho < 0,05$.

Положительные корреляции между показателями активности времени и ориентацией на настоящее наглядно демонстрируют, что чем выше эмоциональная напряженность и чем ярче и насыщеннее наполненность психологического настоящего, тем большую ценность для личности будет приобретать момент «здесь и сейчас». Такая фиксация на настоящем моменте может негативно сказаться на самоорганизации, так как человек будет склонен откладывать запланированное и сконцентрирован на актуальной ситуации, т. е. характеризуя его как гедониста, живущего сегодняшним днем, не имеющего четких целей и неудовлетворенного своим прошлым. Поскольку личностные смыслы человека в данном случае носят респондентный, ситуативный и защитный характер, то и локус субъективного контроля будет носить скорее экстернальный характер (особенно в области неудач) [10].

Также положительные корреляции между показателями целеустремленности и величины времени свидетельствуют о том, что величина времени сопряжена с высоким мотивационным потенциалом, и повышение смысловой наполненности субъективного будущего повышает показатель целеустремленности, выражающейся в способности четко видеть свои цели и в стремлении прилагать усилия для их достижения.

Обобщая представленные результаты исследования можно сделать выводы о том, что эмоциональная окраска времени, структура времени и ощущение времени являются теми самыми детерминантами обуславливающие способность субъекта планировать собственную активность, что частично подтверждает наше предположение о взаимосвязи между временной перспективой и способностью планировать собственную деятельность. Способность человека планировать свою деятельность зависит от чёткости, ясности и адекватности восприятия своего психологического настоящего и будущего, а также от наличия в структуре времени положительных эмоций. Позитивная оценка своего психологического будущего наделяет его личными смыслами, наполняя его перспективами, надеждами и целями, стимулирует личность планировать свою деятельность и мобилизовать свои силы для достижения поставленных целей.

Полученные результаты указывают возможные направления организации форм психологического сопровождения студентов вуза, имеющих проблемы самоорганизации времени в учебном процессе.

Литература

1. Вассерман Л. И., Трифонова Е. А., Червинская К. Р. Семантический дифференциал времени как метод психологической диагностики личности при депрессивных расстройствах: пособие для психологов и врачей. СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2009. 43 с.

2. Ишков А. Д. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности: монография. М.: Издательство АСВ, 2004. 224 с.

3. Костромина С. Н., Латушкина В. М. Психологические особенности самоорганизации деятельности аспиранта // CREDO NEW. 2013. № 1.

4. Лукьянов О. В., Неяскина Ю. Ю. Смысловые детерминанты временной перспективы личности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 152 – 157.

5. Мандрикова Е. Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 54 – 65.

6. Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87 – 111.

7. Нюттен Ж. Мотивация, действия и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608 с.

8. Рыбакова Н. Н. Педагогическое управление развитием самоорганизации подростков в процессе обучения: автореф. дис. … канд. пед. наук. Омск, 2004.

9. Смирнов А. В. Учебная самоорганизация как фактор развития познавательной мотивации студентов технического вуза: дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2011. 175 с.

10. Серый А. В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов у студентов вуза в процессе обучения: дис. … д-ра психол. наук. Иркутск, 2005. 411 с.

11. Серый А. В. Становление компетентности практического психолога // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 63 – 66.

12. Серый А. В., Вечканова Е. М. Темпоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. Т. 3. С. 238 – 247.

13. Яницкий М. С. Основные психологические механизмы адаптации студентов на первом и втором курсах обучения в вузе // Вопросы общей и дифференциальной психологии: сб. науч. тр. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 60 – 69.

14. Яницкий М. С., Серый А. В., Проконич О. А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // Вестник КРАУНЦ. (Сер.: Гуманитарные науки). 2012. № 2(20). С. 175 – 180.

Информация об авторе:

Юдин Семен Анатольевич – аспирант кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета, Semen.Yudin@mail.ru

(**Научный руководитель:** ***Серый Андрей Викторович*** – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета, grey@kemsu.ru).

Статья поступила в редколлегию 21.01.2016 г., принята к печати 14.04.2016 г.

CORRELATION BETWEEN UNIVERSITY STUDENTS' SELF-EDUCATIONAL ACTIVITY AND THE TIME PERSPECTIVE OF THE INDIVIDUAL

Semen A. Yudin [1, @]

[1] *Kemerovo State University*
[@] *Semen.Yudin@mail.ru*

The paper considers various approaches to studying the self-organization of students' educational activity, the assumption about the interrelation of self-organization of educational activity and time perspective of the individual is made. The importance of self-organization of educational activity in the modern education system of higher education institutions comes to light. Stages of formation of self-organization and possible difficulties which a person can face are sorted out. Results of basic research of the time perspective and self-organization of university students are stated. The interrelation between commitment and alloted time is defined, as well as regularity, emotional coloring of time, structure of time and feeling of time. The received results specify the possible directions of the organization of forms of psychological support of university students having problems with self-organization of time in the educational process.

Keywords: self-organization, values, time perspective of the individual, education, psychology.

For citation: Yudin S. A. Vzaimosviaz' pokazatelei samoorganizatsii uchebnoi deiatel'nosti studentov vuza i vremennoi perspektivy lichnosti [Correlation between university students' self-educational activity and the time perspective of the individual]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 151 – 155.

References

1. Vasserman L. I., Trifonova E. A., Chervinskaia K. R. *Semanticheskii differentsial vremeni kak metod psikhologicheskoi diagnostiki lichnosti pri depressivnykh rasstroistvakh* [Semantic differential of time as a method of psychological diagnosis of personality with depressive disorders]. Saint-Petersburg: NIPNI im. Bekhtereva, 2009, 43.

2. Ishkov A. D. *Uchebnaia deiatel'nost' studenta: psikhologicheskie faktory uspeshnosti* [Academic activities: psychological factors of success]. Moscow: Izdatel'stvo ASV, 2004, 224.

3. Kostromina S. N., Latushkina V. M. Psikhologicheskie osobennosti samoorganizatsii deiatel'nosti aspirant [Psycho-logical features of self-organization of post-graduate activities]. *CREDO NEW*, no. 1 (2013).

4. Luk'ianov O. V., Neiaskina Iu. Iu. Smyslovye determinanty vremennoi perspektivy lichnosti [Semantic determinants of personality time perspective]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk state University*, no. 360 (2012): 152 – 157.

5. Mandrikova E. Iu. Sovremennye podkhody k izucheniiu vremennoi perspektivy lichnosti [Modern approaches to the study of the time perspective of the person]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological journal*, 29, no. 4 (2008): 54 – 65.

6. Mandrikova E. Iu. Razrabotka oprosnika samoorganizatsii deiatel'nosti (OSD) [The development of self-activity questionnaire (OSD)]. *Psikhologicheskaia diagnostika – Psychological diagnostics*, no. 2 (2010): 87 – 111.

7. Nuttin J. *Motivatsiia, deistviia i perspektiva budushchego* [Motivation, action and the prospect of future]. Moscow: Smysl, 2004, 608.

8. Rybakova N. N. *Pedagogicheskoe upravlenie razvitiem samoorganizatsii podrostkov v protsesse obucheniia*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Pedagogical management of development of self-organization of teenagers in the course of education. Cand. ped. Sci. Diss. Abstr.]. Omsk, 2004.

9. Smirnov A. V. *Uchebnaia samoorganizatsiia kak faktor razvitiia poznavatel'noi motivatsii studentov tekhnicheskogo vuza.* Diss. kand. psikhol. nauk [Learning self-organization as a factor in the development of cognitive motivation of technical college stu-dents. Cand. psych. Sci. Diss.]. Samara, 2011, 175.

10. Seryy A. V. *Psikhologicheskie mekhanizmy funktsionirovaniia sistemy lichnostnykh smyslov u studentov vuza v protsesse obucheniia.* Diss. doktora psikhol. nauk [Psychological mechanisms of functioning of the system of personal senses of the university stu-dents in the learning process. Dr. psych. Sci. Diss.]. Irkutsk, 2005, 411.

11. Seryy A. V. Stanovlenie kompetentnosti prakticheskogo psikhologa [Becoming a practical psychologist compe-tence]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia*, no. 5 (2005): 63 – 66.

12. Seryy A. V., Vechkanova E. M. Temporal'nye aspekty aktualizatsii smyslovykh granei sub"ektivnykh obrazov pe-rezhivaniia krizisa identichnosti v period iunosti [Temporal aspects of actualization of semantic facets of subjective experience of images of an identity crisis in the period of youth]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 3, no. 3 (2015): 238 – 247.

13. Yanitskiy M. S. Osnovnye psikhologicheskie mekhanizmy adaptatsii studentov na pervom i vtorom kursakh obuche-niia v vuze [The main psychological mechanisms of adaptation of students in the first and second year of university studies]. *Voprosy obshchei i differentsial'noi psikhologii* [Questions of General and differential psychology]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 60 – 69.

14. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Prokonich O. A. Osobennosti vremennoi perspektivy lichnosti predstavitelei razlichnykh tsennostnykh tipov massovogo soznaniia [Features time perspective of the individual representatives of various types of values of the mass consciousness]. *Vestnik KRAUNTs. (Seriia: Gumanitarnye nauki) – Bulletin of KRAUNTs. (Series: Humanitarian Sciences),* no. 2(20) (2012): 175 – 180.

Received 21.01.2016, accepted 14.04.2016.

ФИЛОЛОГИЯ | PHILOLOGY

УДК 811.161.1'36

ВЫБОР ГЛАГОЛА В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ МОДУСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ВИДОВ

***М. В. Воронец*[1, @]**

[1] *Алтайский государственный педагогический университет*
[@] *Voronets10.02.01@gmail.com*

В статье рассматривается проблема выбора глагола в условиях потенциальной конкуренции видов. Анализ самых распространённых интерпретаций инвариантных значений видов позволяет предположить, что несовершенный вид обозначает собственно действие, а совершенный – его предел. Если эта гипотеза верна, оппозиция действия и предела должна сохраняться в любых контекстах, даже при конкуренции модусных значений видов. Подобные контексты рассматриваются как сфера, в которой вид глагола передаёт какой-либо оттенок действия, более специфический, чем традиционно выделяемые частные значения вида. Однако в этом случае выбор глагола должен быть мотивирован инвариантными значениями видов так же, как и в любом другом контексте. Для проверки нашей гипотезы был проведён эксперимент, направленный на выявление закономерностей выбора глагола того или иного вида в условиях потенциальной конкуренции видов. Статья содержит результаты той части эксперимента, которая была посвящена модусным значениям. Результаты эксперимента доказали что, оппозиция действия и его предела актуальна для носителей языка даже в случае конкуренции модусных значений видов.

Ключевые слова: несовершенный вид, совершенный вид, действие, предел, конкуренция видов, модусные значения, эксперимент.

Для цитирования: Воронец М. В. Выбор глагола в условиях конкуренции модусных значений видов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 156 – 160.

Категория вида в русском языке позволяет говорящему выразить свой взгляд на ту или иную ситуацию, что прекрасно характеризуется самим словом «вид» или, в международной терминологии, «аспект». В связи с этим может возникнуть представление о том, что выбор глагола в условиях конкуренции видов является неосознанным или даже случайным. Однако выбор глагола должен быть чем-то мотивирован.

Проанализировав самые распространённые интерпретации видовых значений, можно прийти к выводу, что несовершенный вид обозначает собственно действие, а совершенный – его предел [1]. Традиционно выделяемые частные видовые значения не противоречат инвариантным, и выбор глагола всё равно можно объяснить через оппозицию действия и его предела, что подтвердил эксперимент [2]. Однако помимо частных значений виды в русском языке наделяются всевозможными оттенками значений, которые они приобретают в определённых контекстах, иностранные аспектологи даже называют вид «художественной категорией» [5, с. 28]. Носители языка также осознают художественный потенциал категории вида, что подтверждают например исследования С. А. Карпухина [7]. В этих случаях выбор глагола зачастую объясняется субъективными предпочтениями говорящего, его желанием выразить какой-либо оттенок, что и приводит к конкуренции модусных значений видов. А. А. Караванов писал: «*В этих контекстах различия между значениями СВ и НСВ оказываются чисто субъективными, поскольку разные формы вида отражают одну и ту же видовую ситуацию, одну и ту же «картину мира*»» [5, с. 5]. Особенно часто дополнительные значения возникают при конкуренции обобщённо-фактического значения несовершенного вида и конкретно-фактического значения совершенного вида. Можно ли и в этих случаях увидеть противопоставление действия и его предела, и актуально ли оно для носителей русского языка? Для того чтобы понять, насколько инвариантное значение видов сохраняется в разных типах контекста, был проведён вида в том или ином предложении, эксперимент, в ходе которого участникам предлагалось выбрать глагол несовершенного или совершенного.

Материалом для эксперимента послужили предложения, взятые из Национального корпуса русского языка, а также примеры из книг А. А. Караванова «Виды русского глагола: значение и употребление» и О. П. Рассудовой «Употребление видов глагола в современном русском языке». Всего было отобрано 60 предложений с потенциальной конкуренцией видов. Контексты были распределены по 4 вариантам анкеты. Участникам эксперимента предлагался вариант из 15 предложений типа «*Где вы покупали / купили зимнее пальто? Там ещё есть?*». Задание формулировались следующим образом»: «Выберите тот вариант, который вам кажется более естественным или уместным. Если оба варианта кажутся вам абсолютно равнозначными, выбирайте оба. Ориентируйтесь на то, какой глагол в этом контексте выбрали бы вы сами». На каждый из вариантов анкеты ответили 101 респондент.

Рассмотрим несколько контекстов, которые традиционно рассматриваются как область субъективных предпочтений говорящего.

Одну из самых распространённых областей относительно свободного выбора вида составляют предложения со сказуемым – не ремой (Кто? Где? Когда? Что?). В этих контекстах говорящего интересуют обстоятельства совершения действия, а виды глагола оказываются в условиях конкуренции. Действительно, желая узнать производителя действия, мы можем задать и вопрос: «*Кто строил этот мост?*», и вопрос «*Кто построил этот мост?*» в том случае, если мост был достроен [4, с. 51]. Таким образом, конкуренция видов возможна тогда, когда результат был достигнут, а говорящему не нужно подчеркивать значение процесса или разобщенности действия с моментом речи [10, с. 55]. Однако и в этом случае различия между совершенным и несовершенным видом не стираются совершенно. О. П. Рассудова писала: «*Обычно глагол НСВ употребляется тогда, когда говорящего интересует что-то связанное с процессом осуществления действия*» [10, с. 56]. Так, в предложении «*Вы не знаете, кто открывал окно? На подоконнике лежали мои бумаги, их куда-то переложили*» говорящего интересует не то, что окно в данный момент открыто, а то, что было связано с процессом открывания окна. О. П. Рассудова называет это мысленным возвращением к тому времени, когда осуществлялось действие [10, с. 57]. Напротив, в предложении: «*Кто открыл окно, ведь я просил этого не делать?*» говорящего не интересуют подробности осуществления процесса, он сосредоточен на возникшем нежелательном для него состоянии. Заметим, что во втором предложении возможно употребление несовершенного вида, если окно в данный момент закрыто (ещё одна особенность видового разграничения в русском языке). Приведённое разграничение видов можно считать закономерным следствием того, что несовершенный вид обозначает собственно действие, а совершенный – его предел, после которого наступает новое состояние. Рассмотрим примеры, взятые из книги А. А. Караванова:

В контексте «*Ты мыла пол? Тебе случайно не попалась моя пуговица?*» внимание говорящего сосредоточено на обстоятельствах совершения действия: не важно, что на момент разговора пол вымыт, не важно, хорошо ли он вымыт. Важно то, что во время мытья пола могла быть замечена пуговица. Действительно, 64 % участников эксперимента выбрали глагол несовершенного вида «мыла», 31 % – совершенного «помыла», и 5 % признали варианты равноправными.

В контексте «*Ты готовила салат? Ты можешь дать мне рецепт?*» говорящий, по мнению А. А. Караванова, также интересуется обстоятельствами совершения действия. Однако описываемое действие имеет конкретный результат: приготовленный салат, и если к потерянной пуговице вымытый пол как результат действия не имеет никакого отношения, то приготовленный салат явно оценен говорящим по достоинству и имеет непосредственное отношение к рецепту. В итоге 63 % опрошенных выбрали глагол совершенного вида «приготовила», 37 % – несовершенного «готовила».

По-видимому, из непосредственной связи несовершенного вида с действием вытекает следующее замечание О. П. Рассудовой: «*Употребление НСВ характерно для разговорной речи и часто сопровождается большим (по сравнению с глаголами СВ) интересом говорящего к лицу, производившему действие, к месту, объекту и т. д.*» [10, с. 58]. Так, вопрос «*Где вы покупали зимнее пальто?*» выражает большую заинтересованность, чем вопрос «*Где вы купили пальто?*», в большей степени, чем вопрос с глаголом совершенного вида, позволяет присоединить вопрос «*Там ещё есть?*». Сравним это замечание с наблюдением М. Н. Лебедевой: «*В ситуации, когда мы видим результат действия, но для нас он не имеет никакого значения, нам важно только кто, где или когда совершил это действие, русские обычно задают вопрос с глаголом в НСВ*» [8, с. 55]. Тем не менее 73 % опрошенных выбрали глагол совершенного вида «купил», 27 % – глагол несовершенного вида «покупал». Выбор вида обусловлен тем, что действие достигло своего предела (покупка состоялась), возможно, даже есть наглядный результат, и пальто сейчас перед глазами говорящего.

Таким образом, выбор совершенного и несовершенного вида в рассматриваемых контекстах можно считать следствием чёткого противопоставления носителями языка действия и его предела. При этом, если процесс имеет конкретный результат, который также важен для говорящего, выбор делается в пользу совершенного вида, то есть маркируется предел действия. Что касается интереса к собеседнику (действию), то это значение можно считать дополнительным оттенком инвариантного значения несовершенного вида, обусловленным его непосредственной связью с действием. К тому же, как показал эксперимент, данный оттенок не очень актуален для носителей языка.

А. А. Караванов выделил ещё один способ разграничения видов в определённых контекстах со сказуемым – не ремой с точки зрения целесообразности действия и качества его выполнения: «*СВ употребляется в том случае, когда речь идёт о целесообразности совершения действия, а НСВ – в случае, когда речь идёт о качестве его выполнения*» [5, с. 186]. Это «правило» кажется вполне логичным, так как с целью как предельной точкой действия, то есть тем, на что действие направлено, должен соотноситься именно совершенный вид, в то время как качество работы проявляется уже в процессе действия. С другой стороны, о том, насколько качественно выполнена работа, принято говорить, если она завершена, и есть наглядный результат. В качестве иллюстрации приведённого правила А. А. Караванов приводит контексты: 1) «*Кто приготовил пиццу? – Я – Спасибо это моё любимое блюдо*» и 2) «*Кто сегодня варил кофе? Он такой вкусный*». В первом примере качество выполнения действия не оценивается, и речь идёт о его целесообразности. Во втором актуализируется то, что действие выполнено хорошо. В обоих случаях результат действия налицо: в первом случае это готовая пицца, во втором – кофе. Таким образом, мы могли бы назвать это значение перфектным, если бы перфектное значение однозначно было бы возможно в вопросительных конструкциях со словом «кто», что уже ставилось под сомнение [6]. Тем не менее в первом контексте используется глагол совершенного вида, а во втором – несовершенного. Объяснить данное

употребление с помощью аспектуальных характеристик глагола нам не удалось. Однако действительно ли носители языка выбрали бы для данных конструкций именно эти формы? Это покажет наш эксперимент.

В контексте «*Кто приготовил пиццу? – Я. – Спасибо, это моё любимое блюдо*» 71 % опрошенных выбрали глагол совершенного вида, 28 % – несовершенного, и 1 % признали варианты равноправными, что косвенно подтверждает приведённое правило.

В контексте «*Кто сегодня варил кофе? Он такой вкусный!*» чаще выбирался несовершенный вид, что также соответствует правилу, однако вариативность была уже довольно высока: 57 % выбрали глагол несовершенного вида, 43 % – совершенного. Таким образом, и в этом случае вполне допустимо употребление совершенного вида для обозначения действия, имеющего конкретный результат, качество которого говорящий может оценить.

Рассмотрим ещё одну, противопоставленную А. А. Карабановым пару контекстов.

«*Кто принимал у вас экзамен? – Доцент Петухов. – Не понимаю, как он мог поставить вам пятёрку?!*» говорящего интересует качество выполнения действия. В его целесообразности сомневаться не приходиться, ситуация типичная: преподаватель принимает экзамен у студента. Результат (поставленная пятёрка) актуализирован в предложении, но говорящего интересует не сам факт, а то, как такое могло получиться, то есть процесс. 75 % участников эксперимента выбрали глагол несовершенного вида, 24 % – совершенного, 1 % – оба варианта.

«*Кто принял у вас экзамен? – Профессор Григорьев. – Но почему? Ведь вы должны были сдавать экзамен мне!*» говорящий интересуется не качеством выполнения действия, а его целесообразностью. Точнее говоря, его интересует, насколько названное действие соответствует правилам, то есть мог ли это действие совершить другой субъект. В связи с этим возникает вопрос о необходимости употребления совершенного вида. Очевидно, что в этом случае значение приближается к обобщённо-фактическому значению несовершенного вида, так как важно указание на действие, и совершенно не важна актуализация предела. Несовершенный вид мог бы актуализировать семантику процессности, достаточно свободно сочетающуюся с представлением действия как факта [9], в то время как процесс также не интересует говорящего. 72 % опрошенных выбрали глагол несовершенного вида, 26 % – совершенного, и 2 % – оба варианта.

Таким образом, и в этой паре чёткого противопоставления целесообразности действия и качества его выполнения не происходит. Очевидно, что эти значения могут входить в семантику видов как дополнительные оттенки, которые могут актуализироваться в том или ином контексте, но условия их актуализации до конца не ясны. Во всех приведённых примерах носители языка допускают использование несовершенного вида для обозначения действия. Предел действия может актуализироваться, если целесообразность ярко выражена в контексте, но может и уступить обозначению действия, если говорящий хочет выразить только то, что, каким бы действие ни было с точки зрения правильности его выполнения, важно только то, что оно имело место.

Другим распространённым критерием выбора глагола является ожидаемость действия. О. П. Рассудова писала: «*Употребляя СВ, говорящий предполагает, что действие должно было совершиться*» [10, с. 45]. М. Я. Гловинская отмечала, что данное значение не реализуется в утвердительных предложениях. Так, она писала о том, что в предложениях типа «*Я посмотрел этот фильм*» нет целеполагания, а, следовательно, нет и рассматриваемого добавочного значения [3, с. 122]. Однако значение целеполагания может создаваться более широким контекстом. В предложении «*Посмотрела фильм, должна сказать, ожидала немного большего, общая оценка твёрдая 4*» автор использовал глагол совершенного вида, и тому есть как минимум несколько причин. Во-первых, выставление оценки фильму само по себе предполагает некую результативность просмотра, а не только констатацию факта. Автор не просто посмотрел фильм, но и сделал определённые выводы – поставил фильму оценку. Во-вторых, в предложении актуализируется пресуппозиция ожидаемости, что вербализует замечание «*ожидала немного большего*». Сфера функционирования этого текста: электронная, нехудожественная коммуникация. Данная реплика встроена в обсуждение фильма, таким образом, автор не только высказывает свою точку зрения, но и вступает в полилог с уже посмотревшими фильм, что только усиливает пресуппозицию ожидаемости названного действия. Использование глагола несовершенного вида создало бы ощущение небрежного указания на то, что действие имело место. Подавляющее большинство респондентов (94 %) выбрали именно глагол «*посмотрела*», что подтверждает закономерность употребления в данном контексте глагола совершенного вида и косвенно доказывает важность пресуппозиции ожидаемости. 3 % опрошенных выбрали глагол несовершенного вида, и 3 % признали варианты равноправными. «*Катя спросила меня, написал ли я заявление на отчима. – Нет, не написал. Но Валька говорит, что его всё равно уже нету*» – в предложении употребляются сразу два глагола совершенного вида «*написать*». Контекст показывает, что речь, скорее всего, идёт об ожидаемом действии (более широкий контекст мог бы превратить это предположение в уверенность). Авторский вариант с двумя глаголами совершенного вида выбрали 56 % участников эксперимента, сочетание двух глаголов несовершенного вида предпочли 21 %, 3 % сочли возможным использование глагола совершенного вида в первом случае и несовершенного – во втором, ещё 1 %, напротив, в вопросе использовали глагол несовершенного вида, а в ответе – совершенного. Все варианты равноправными признали 18 % респондентов. Кроме того, появился вариант, в котором в вопросе глаголы признавались равноправными, а в ответе был выбран глагол несовершенного вида (1 %). Таким образом, ожидаемость действия влияет на выбор вида, при этом эффект ожидаемости является добавочным оттенком, логично присущим именно совершенному виду: смена состояния тем более для нас актуальна, чем больше мы её ждали.

Эксперимент доказал, что рассматриваемым контекстам субъективность свойственна ровно в той мере, какую предполагает осознанное использование языка, и в них также видна чёткая привязанность к инвариантным значениям видов, а именно к противопоставлению действия и его предела. Вне зависимости от возникающих добавочных значений совершенный вид используется, когда действие имеет конкретный результат, актуальный для говорящего. Если в центре внимания находится само действие, а, следовательно, любые обстоятельства его совершения, выбирается глагол несовершенного вида.

Литература

1. Воронец М. В. Выбор глагола в условиях конкуренции видов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 21 – 25.

2. Воронец М. В. Оппозиция несовершенного / совершенного вида как оппозиция действия и его предела // Филология и человек. 2015. № 4. С. 157 – 162.

3. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982. 154 с.

4. Гуревич В. В. Глагольный вид в русском языке: значение и употребление. М.: Флинта; Наука, 2008. 224 с.

5. Караванов А. А. Виды русского глагола: значение и употребление: учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык. М.: Феникс, 2013. 238 с.

6. Караванов А. А. Значение грамматической категории перфекта и перфектное значение глаголов совершенного вида (к вопросу об использовании термина «перфект» в преподавании РКИ) // Язык, сознание, коммуникация. М.: Макс Пресс, 1999. Вып. 9. Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_09_06karavanov.pdf (дата обращения: 23.11.2015).

7. Карпухин С. А. Семантика русского глагольного вида. Самара, 2011. Режим доступа: http://dosamara.ru/-docs/ofernio/diss-karpuhin.htm (дата обращения: 15.12.2015).

8. Лебедева М. Н. Вопросы русской грамматики: от смысла к форме. Характерные трудности. М.: Русский язык. Курсы. 2015. 176 с.

9. Петрухина Е. В. Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках // Вестник Московского университета. (Серия 9: Филология). 2013. № 4. С. 48 – 69.

10. Рассудова О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке. М.: Русский язык. 1982. 149 с.

Информация об авторе:

Воронец Мария Владимировна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул), Voronets10.02.01@gmail.com.

(Научный руководитель: *Бринев Константин Иванович* – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул)).

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 26.04.2016 г.

VERB CHOICE IN COMPETITION OF ASPECTUAL MODUS MEANINGS

***Maria V. Voronets*[1, @]**

[1] *Altai State Pedagogical University (Barnaul)*
[@] *Voronets10.02.01@gmail.com*

The paper deals with the problem of verb choice in potential aspectual competition. The analysis of the most popular interpretations of invariant aspectual meanings suggests that the Imperfective Aspect defines an action itself while the Perfective Aspect defines the action's limit. If this hypothesis is correct, the opposition of an action and the action's limit is supposed to stay relevant in any contexts even in case of competition of aspectual modus meanings. Such contexts are considered as a field where verb aspect conveys more distinctive nuance of the action compared to the traditional particular aspectual meanings. However, in such cases verb choice is to be motivated by invariant aspectual meanings as verb choice in any other context. To verify this hypothesis we have conducted an experiment that aimed to identify the rules of the verb choice in potential aspectual competition. The paper considers the results of the part of the experiment that was dedicated to modus meanings. Results of the experiment proved that the opposition of the action and the action's limit is relevant for Russian native speakers even in case of competition of aspectual modus meanings.

Keywords: Imperfective Aspect; Perfective Aspect; action; limit; aspectual competition, modus meanings, experiment.

For citation: Voronets M. V. Vybor glagola v usloviiakh konkurentsii modusnykh znachenii vidov [Verb choice in competition of aspectual modus meanings]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 156 – 160.

References

1. Voronets M. V. Vybor glagola v usloviiakh konkurentsii vidov [Verb choice in aspectual competition]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk state university journal,* no. 401 (2015): 21 – 25.
2. Voronets M. V. Oppozitsiia nesovershennogo / sovershennogo vida kak oppozitsiia deistviia i ego predela [The Imperfective – Perfective Opposition as the Opposition of an Action and its Limit]. *Filologiia i chelovek – Philology and Person*, no. 4 (2015): 157 – 162.
3. Glovinskaia M. Ia. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola* [Semantic types of aspectual oppositions of the Russian verb]. Moscow: Nauka, 1982, 154.
4. Gurevich V. V. *Glagol'nyi vid v russkom iazyke: znachenie i upotreblenie* [Verb aspect in the Russian language: the meaning and usage]. Moscow: Flinta; Nauka, 2008, 224.
5. Karavanov A. A. *Vidy russkogo glagola: znachenie i upotreblenie* [Aspects of Russian verbs: the meaning and usage]. Moscow: Feniks, 2013, 238.
6. Karavanov A. A. Znachenie grammaticheskoi kategorii perfekta i perfektnoe znachenie glagolov sovershennogo vida (k voprosu ob ispol'zovanii termina «perfekt» v prepodavanii RKI) [Meaning of category of perfect and perfective verb (on using term "perfect" in teaching Russian as a foreign language)]. *Iazyk, soznanie, kommu-nikatsiia* [Language, Mind, Communication]. Moscow: Maks Press, 1999, issue 9. Available at: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/-books/jsk_09_06karavanov.pdf (accessed 23.11.2015).
7. Karpukhin S. A. *Semantika russkogo glagol'nogo vida* [The semantic of the Russian verb aspect]. Samara, 2011. Available at: http://dosamara.ru/docs/ofernio/diss-karpuhin.htm (accessed 15.12.2015).
8. Lebedeva M. N. *Voprosy russkoi grammatiki: ot smysla k forme. Kharakternye trudnosti* [Problems of the Russian grammar: from the form to the meaning. Representative difficulties]. Moscow: Russkii iazyk. Kursy, 2015, 176.
9. Petrukhina E. V. Tipy protsessnoi semantiki nesovershennogo vida v russkom i cheshskom iazykakh [The Types of Processual Semantic of the Imperfective Aspect in Russian and Czech languages]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 9: Filologiia – Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology*, no. 4 (2013), 48 – 69.
10. Rassudova O. P. *Upotreblenie vidov glagola v sovremennom russkom iazyke* [The use of the verb forms in the modern Russian language]. Moscow: Russkii iazyk, 1982, 149.

Received 01.02.2016, accepted 26.04.2016.

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (на материале журнала «The Economist»)

***С. В. Губик*[1, @1], *Э. Р. Шакирова*[1, @2]**

[1] *Башкирский государственный университет*
[@1] *bashenyovs@mail.ru*
[@2] *elshakki@gmail.com*

Рассматривается понятие коммуникативной интенции, не имеющей однозначной интерпретации в современных лингвистических теориях. Предпринимается попытка соотнести многообразие подходов к интенции с целью определения границ интенции и выявления зависимости способов ее вербализации от специфики целевой аудитории экономического медиадискурса. Используется интенциональная модель О. Г. Почепцова, согласно которой выделяются исходная и конечная интенции в зависимости от этапа реализации, что позволяет провести анализ процесса экстериоризации интенции говорящего. На материале журнала «The Economist» рассматриваются особенности экономического медиадискурса. Особое внимание уделено описанию целевой аудитории журнала, склонной к критическому восприятию информации. Обосновывается предположение о том, что стратегической постакторечевой интенцией автора экономического медиатекста является убеждение адресата в своей правоте. Поэтому перед автором стоит задача представить свою точку зрения как объективную и непредвзятую. Эта задача может быть решена с помощью стратегий аргументации. Предлагается классификация способов представления знания и определяется частотность использования ее элементов авторами «The Economist».

Ключевые слова: массовая коммуникация, медиалингвистика, авторская интенция, интенциональная модель, экономический медиадискурс, целевая аудитория, стратегии аргументации.

Для цитирования: Губик С. В., Шакирова Э. Р. Особенности выражения авторской интенции в экономическом медиадискурсе (на материале журнала «The Economist») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 160 –166.

Экономический дискурс относят к одному из основных видов институционального дискурса, так как экономика пронизывает все стороны жизни современного человека. Однако он нечасто становится объектом детального лингвистического анализа. Как правило, исследователей больше интересуют закономерности функционирования политического дискурса. Целью данной статьи является выявление характеристик целевой аудитории экономического медиадискурса (на материале журнала «The Economist») и

влияния этих характеристик на реализацию авторской интенции.

Возникнув в рамках философии сознания, понятие интенциональности прочно вошло в понятийный аппарат современных лингвистических исследований. Ряд современных теорий анализа коммуникации: теория речевых актов [15], теории речевой деятельности [13; 17], теории речевого воздействия [10], теории массмедийного дискурса [9] широко используют понятие интенции в анализе основополагающих принципов человеческой коммуникации, что дает возможность отнести интенцию к базовым понятиям современной лингвистики. Однако упомянутые теории, имея один и тот же предмет исследования, сфокусированы на различных аспектах изучаемых феноменов и используют разные понятийные и терминологические аппараты для определения интенции говорящего. В силу этого принципы функционирования интенции получают различное толкование и ее анализ проводится на разных этапах формирования высказывания [12; 13]. В теории речевых актов интенция тождественна субъективному значению говорящего. В рамках теории высказывания исходят из понимания интенции как инференциального содержания высказывания, которое противопоставляется его эксплицированному содержанию. В теории речевой деятельности не проводится разграничения коммуникативного намерения и коммуникативной цели говорящего, интенцию понимают как «коммуникативное намерение субъекта речи и относят данное понятие к неотъемлемым составляющим речеповеденческих тактик говорящего» [20, с. 188]. Подобное определение используется в теории речевого воздействия, однако интенцию как коммуникативное намерение говорящего отделяют от коммуникативной цели.

Предлагаемая нами лингвистическая трактовка интенциональности позволяет обобщить имеющиеся описательные результаты в данной области исследования. В настоящей статье мы исходим из предлагаемого в теории речевых актов понимания интенции как субъективного значения высказывания. Используемая для анализа интенциональная модель О. Г. Почепцова имеет ряд преимуществ: она четко структурирована, позволяет выявить процесс экстериоризации интенции говорящего и коррелирует с современными исследованиями интенциональности. Согласно данной модели, в общей интенции говорящего выделяются исходная и конечная интенции в зависимости от этапа реализации. Частные интенции, в свою очередь, подразделяется на акторечевую и постакторечевую в зависимости от времени реализации в процессе речевого акта. При этом коммуникативное намерение как часть речеповеденческой тактики и коммуникативная цель как элемент стратегического планирования говорящим своих речевых действий включаются в данную модель на разных этапах вербализации интенции говорящего [19, с. 9 – 10].

Как упоминалось ранее, интенция также относится к ключевым понятиям медиалингвистики – одного из наиболее актуальных направлений лингвистических исследований, которое отличается высоким интегрирующим междисциплинарным потенциалом и поэтому находится в фокусе современных исследований дискурса. В данной статье дискурс понимается как текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, который объединяет все факторы, существенные для порождения данного текста, включая систему коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом» [11]. Медиалингвистика изучает речевую специфику массовой коммуникации, объектом изучения является медиатекст, который характеризуется совокупностью вербальных и медийных признаков [8, с. 11]. Среди многообразия специфических характеристик медиакоммуникации как особого канала общения важнейшими являются следующие:

– отправитель сообщений является представителем определенного института, основные задачи которого отличаются от собственно коммуникации;

– отправитель сообщений принимает во внимание присущие целевой аудитории общие характеристики;

– канал сообщения находится в зависимости от социокультурных норм, привычек и ожиданий целевой аудитории;

– сообщения имеют регулярно воспроизводимую сложную структуру [14, с. 10].

Для медиадискурса характерен особый вид целевой аудитории, которая характеризуется массовостью, географической рассредоточенностью, разнородностью, относительной анонимностью. С другой стороны, своеобразная массовость, коллективность составляет специфику отправителей информации в медиадискурсе. Особенно это свойственно качественным изданиям, освещающим вопросы экономической жизни. Собирательная природа медиадискурса, собирательность объекта, проблематики, массового «автора» и массового читателя [5, с. 4] находит свое отражение в собирательности его функций. Главнейшие из них – информационная и воздействующая – сочетаются с другими, например функцией социальной связи – то есть комментирование и интерпретация происходящего, формирование общественного согласия; функция обеспечения преемственности – распространение образцов доминирующей культуры, поддержание общности социальных ценностей [14, с. 15].

Однако для медиадискурса функция речевого воздействия представляется приоритетной, так как он понимается как персуазивный тип дискурса, и, следовательно, для него глобальной дискурсивной стратегией (конечной постакторечевой интенцией) является стратегия убеждения. При таком подходе особенности медиадискурса, который реализуется в форме текстов, определяются через коммуникативный блок адресант / адресат, и схему дискурсивного анализа можно представить в виде цепочки: адресант —> интенция —> текст + коммуникативная ситуация —> адресат —> декодирование —> воздействие (перлокутивный эффект). Очевидно, что именно интенциональные категории текста становятся текстообразующими категориями, предопределяют структуру конкретного текста и подчиняют себе все остальные лексико-семантические и стилистические ресурсы выразительности [11].

В данной схеме интенциональные категории текста в равной степени обусловлены институциональной и социокультурной принадлежностью как адре-

санта (автора статьи), так и адресата (целевой аудитории), которая определяет не только смысловое содержание, но и стилистическое оформление интенции автора. Важно то, что коммуникативное поведение подчинено обязательным для всех социальным нормам и обусловлено ожиданиями того, что коммуниканты будут соблюдать речевые нормы, свойственные их общественному статусу и определяемые характером взаимоотношений с собеседником [10]. Выбор автором языковых средств реализации его интенции обусловлен системой ролевых ожиданий и предписаний. С одной стороны, автор бессознательно транслирует свое представление о мире и о себе как исполнителе определенной социальной роли [18, с. 136 – 145]; а с другой стороны, он осознанно вырабатывает способ выражения своей интенции, принимая во внимание институциональные и социокультурные характеристики адресата.

Экономический медиадискурс является одним из видов «популярного» экономического дискурса, в который вовлечены не только специалисты, но и широкий круг неспециалистов, интересующихся экономическими аспектами жизни общества. По определению Е. Г. Петушинской, экономический медиадискурс представляет собой массмедийный дискурс, реализующийся как письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, рассматриваемый в событийном аспекте, представляющий собой когнитивный процесс речепроизводства, отражающий социокультурное взаимодействие и механизм познания коммуникантов [16].

Одним из наиболее престижных и авторитетных изданий, специализирующимся на «популярном» экономическом дискурсе, является журнал «The Economist». Целевая аудитория этого журнала состоит из представителей деловой элиты, людей, которые стремятся в нее попасть (или создать видимость принадлежности к ней), а также широкого круга читателей, которые интересуются новостями и аналитическими обзорами политической и экономической ситуации в мире. К числу концептов, отражающих базовые ценности целевой аудитории журнала относятся лидерство, успех, время, инновация, потенциал, карьера [4, с. 150]. С другой стороны, ключевыми для медиадискурса концептами являются новость (*newsworthiness – quality of being interesting enough to the public to be reported in news bulletins)* [22] и информация [6, с. 22]. Следует также упомянуть такие значимые для медиакоммуникации ценностные ориентиры, как уважение к фактам, ответственность за достоверность передаваемой информации, стремление завоевать и удержать доверие целевой аудитории [2, с. 35].

Присоединяясь к сообществу читателей «The Economist», человек начинает ощущать свою причастность к «тем, кто знает» – особому сообществу, некоторому элитарному клубу, объединению «тех, кто жаждет знаний, тех, кто стремится превзойти самого себя» [1]. Институциональный характер экономического медиадискурса предполагает наличие у его реципиентов интеллектуально-культурного уровня, который позволил бы воспринять предлагаемую экономическую информацию на основе параметров, ориентированных на адекватное восприятие данной информации его целевой аудиторией. В силу этого адекватная интерпретация текстов «The Economist» требует от читателя знания фундаментальных понятий классической экономики и профессиональной терминологии из сферы бизнеса и финансов, с одной стороны, и довольно высокого общекультурного уровня, с другой. Например общеэкономические термины типа *invisible hand, macroeconomics, demand curve* или *comparative advantage* не снабжаются дефинициями, так как являются основополагающими и должны быть понятны любому экономически образованному человеку. По подсчётам на 100 смысловых лексических единиц медиатекста в разделах “Business” и “Finance & economics” приходится 4 – 5 терминов, обозначающих профессиональные экономические понятия [7, с. 1216 – 1217]. Авторы часто используют цитаты на французском, древнегреческом и латинском языках без перевода, что также свидетельствует о существовании культурных и социальных фильтров, которые задействованы в данном типе медиадискурса. Таким образом, целевую аудиторию журнала можно определить как сообщество образованных людей, занятых в экономически значимых отраслях производства и финансовых институтов и причисляющих себя, либо стремящихся принадлежать к профессиональной элите в своей области деятельности.

Отличительной особенностью стиля «The Economist» является коллективность создателей медиатекстов: статьи не подписываются их авторами. Подобная коллегиальность способствует сохранению единого стиля общения с читателями, поддерживая тональность «клубного» общения, разговора «своих» со «своими». Так, например графики и таблицы, иллюстрирующие серьезные экономические выкладки авторов статей, часто имеют ироничные заголовки (*It's the government, stupid* – о самых больших препятствиях для ведения бизнеса в России; *Must be the Russian weather* – о цене строительства километра дороги в России). Обсуждая злободневные экономические проблемы, авторы используют такие разговорные выражения, как *hefty amount, eye-popping price, fat or juicy returns,* что придает общению оттенок неформальности, уместный в общении между «своими» – членами клуба «The Economist». Кроме того, коллективный характер производства текстов связан с установкой на объективность и непредвзятость освещения событий, с убеждённостью коллектива журнала в том, что содержание статей является большим приоритетом, чем авторство (*“it is a paper whose collective voice and personality matter more than the identities of individual journalists”* (цит. по: [7, с. 1216])). Установка на объективность и аргументированность высказываний закреплена в памятке для авторов «The Economist»: *“When you express opinions, do not simply make assertions. The aim is not just to tell readers what you think, but to persuade them; if you use arguments, reasoning and evidence, you may succeed”* [21]. Однако сама эта инструкция демонстрирует нам, в чем, собственно, заключается стратегическая цель любого медийного дискурса – определенное воздействие на адресата. Как известно, *persuade* означает *“induce (someone) to*

do something through reasoning; cause (someone) to believe something, especially after a sustained effort" [22], то есть склонить, понуждать к какому-либо действию или суждению, в данном случае «посредством аргументации и доказательств». Объективность медийного дискурса вообще и экономического дискурса в частности – это миф. «В некотором смысле нейтральное использование языка в принципе невозможно» [3, с. 5], тем более в медиатекстах, которые оказывают огромное влияние на общественное сознание и, следовательно, представляют собой в «высшей степени идеологизированный организм» [9, с. 17].

В процессе анализа было выявлено, что одним из наиболее частотных приемов представления авторской точки зрения как объективного отражения действительности в «The Economist» являются аргументирующие стратегии, поскольку целевая аудитория в силу своей институциональной принадлежности склонна к анализу и к критическому осмыслению получаемой информации. Стратегии аргументации представляют собой когнитивные процедуры обработки знания, которые реализуются вербально и направлены на изменение его онтологического статуса в модели мира адресата [3, с. 41]. Способ представления информации может служить критерием семантической классификации:

1) полное знание: *conventional wisdom is, it's common knowledge*;

2) достоверность: *the truth is that, apparently, obviously, justifiably, undoubtedly*;

3) неопределённость источника знания: *in some eyes, some acknowledge that, admittedly*, *presumably*;

4) известный (неизвестный) источник информации: *– as Treasury secretary once put it, according to economics textbooks*, *rumours abounded, some information leaked*;

5) акцентирование, привлечение внимания: *Listen to such voices, Just look at history, Just consider the mess;*

6) логическая обусловленность*: Start with the size of the problem, in turn, consequently, lastly, ultimately;*

7) экземплификация: *namely, in particular;* [7, с. 1218].

Анализ 20 статей (520 языковых единиц) в «The Economist» за 2012 – 2016 гг. позволил выявить следующие закономерности. Наиболее частотными средствами создания впечатления об объективности автора являются средства оценки сообщаемого с точки зрения неопределенности источника знания (27 %), ссылка на источник сообщения (23 %) и приемы экземплификации (22 %). Далее в порядке убывания частотности использования следуют средства создания логической обусловленности (11 %), акцентирование (9 %), средства указания на высокую степень достоверности информации (7 %) и средства, представляющие информацию как общеизвестный факт (1 %). Как видно из результатов, наименьшим успехом у авторов «The Economist» пользуются языковые средства декларативного характера, а наибольшим – средства, так или иначе указывающие на источник сообщения. Это, несомненно, повышает доверие целевой аудитории к содержанию статьи и к выражаемой автором точке зрения.

Например, в статье "*Lurching into the fast lane*", посвященной сомнительным перспективам развития промышленного потенциала России, глагол, который используется в заголовке, уже задает негативный тон всей статье: *to lurch – "make an abrupt, unsteady, uncontrolled movement or series of movements*" [23]. Далее при помощи многочисленных ссылок на различные источники информации автор статьи умело и последовательно представляет промышленное развитие России как крайне неровное и противоречивое явление. С одной стороны, в качестве доказательства индустриальных успехов приводится мнение российских промышленников. С другой стороны, их слова немедленно оспариваются мнением других экспертов.

1. *«Mr Mordashov says he bought Power Machines because it had kept its best staff. He adds that Russia's technical institutes are still doing a good job of training people. <u>But</u> Russia still suffers a brain drain. A study by the World Economic Forum (WEF) suggests that bright young Russians are flocking abroad even faster than they were in the early 2000s».*

2. «There are also some promising, independent firms that supply equipment to Russia's big state industries, and which could have a bigger future, says Nikita Melnikov of Aton, an investment bank. These include companies like HMS and Ozna, which make pumps, compressors and other gear for the oil industry; and makers of railway wagons and equipment, such as Transmashholding and Altayvagon. <u>However</u>, says Mr Melnikov, such firms are typically a lot smaller than their Western rivals, and unable to spread their research costs over a large base of sales».

Интересно, что наиболее жесткие высказывания подаются в качестве анонимного экспертного мнения: *"Everybody pays [bribes], even those who insist they are totally clean," <u>says an investment banker</u> in Moscow».*

Текст также изобилует названиями промышленных компаний, фамилиями различных экспертов, цифрами – все это создает впечатление высокой объективности и обоснованности авторских комментариев и оценок, включая те, что не подкреплены фактическим материалом: *«Many are fleeing the insecurity of <u>living in a mafia state</u>; Although <u>the president has failed miserably</u> to curb corruption and bureaucracy, he may be sincere in his wish to revive Russian industry»* [22].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что выбор способа репрезентации авторской интенции диктуется не только особенностями дискурса, но и напрямую зависит от характеристик целевой аудитории. Более того, авторы стремясь привлечь внимание адресата и учесть его интересы, используют такие языковые средства, которые не только понятны и очевидны для целевой аудитории, но также могут реализовать установку автора на убеждение читателя в правильности своего мнения. Выявление наиболее характерных способов вербализации авторской интенции имеет не только теоретическое, но и практическое значение при разработке курсов по проблемам медиадискурса и анализе других компонентов статьи с высоким воздействующим потенциалом (структуру текста, комплекс наиболее частотных метафор, прецедентных феноменов), которые также могут реализовать установку автора на убеждение читателя в правильности своего мнения.

Литература

1. Автор этой статьи никогда не читал «The Economist» // AdMe.ru: портал о творчестве. Режим доступа: http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/avtor-etoj-stati-nikogda-ne-chital-the-economist-21099/ (дата обращения: 15.01.2016).
2. Аникина Э. М. Лингво-культурная специфика реализации интертекстуальности в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы): дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2004. 220 с.
3. Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. 94 с.
4. Ваничкина А. С. Рекламный текст в когнитивно-прагматическом аспекте (на материале журнала «The Economist») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 614. С. 140 – 157.
5. Васильева А. Н. Газетно-публицистический стиль речи. М.: Русский язык, 1982. 198 с.
6. Губик С. В. Когнитивно-дискурсивное исследование английского экономического массмедийного дискурса (на материале журнала “The Economist”): автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2006. 26 с.
7. Губик С. В. Информационно-вещательный стиль журнала «The Economist» // Вестник Башкирского университета. 2010. № 4. Т. 15. С. 1216 – 1220.
8. Добросклонская Т. Г. Что такое медиалингвистика // Вестник МГУ. (Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация). 2004. № 2. С. 9 – 17.
9. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подходк изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2008. 264 с.
10. Карасик В. И. Социальный статус человека в лингвистическом аспекте // "Я", "субъект", "индивид" в парадигмах современного языкознания: сборник научно-аналитических обзоров. М., 1992. С. 47 – 85.
11. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000 – 2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.
12. Клюев Е. В. Речевая коммуникация. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.
13. Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл, 1997. 365 с.
14. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: УРСС, 1999. 240 с.
15. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. 504 с.
16. Петушинская Е. Г. Язык популярного экономического дискурса (на материале англоязычной публицистики): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2008.
17. Почепцов О. Г. Основы прагматического описания предложения. Киев: Высшая школа, 1986. 116 с.
18. Фомин А. Г., Певнева И. В. Дискурсивные исследования в психолингвистическом аспекте. Ч. 1: Речевое поведение как объект психолингвистики: опыт кросскультурных исследований / под ред. А. Г. Фомина. Кемерово, 2013. 181 с.
19. Шакирова Э. Р. Интенция говорящего и аспекты ее реализации: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2003. 26 с.
20. Шарипова В. А. Объективация в языке функционально-когнитивной сферы «речевая деятельность» (на материале русского и английского языков): дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2013. 256 с.
21. Style Guide // The Economist. Режим доступа: http://www.economist.com/styleguide/introduction (дата обращения: 23.12.2015).
22. Lurching into the Fast Lane // The Economist, July 14th, 2012. Режим доступа: http://www.economist.com/-node/21558588 (дата обращения: 12.03.2016).
23. Oxford English Dictionary. Режим доступа: http://oxforddictionaries.com (дата обращения: 13.01.2016).

Информация об авторах:

Губик Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, bashenyovs@mail.ru.

Шакирова Эльвира Рамиловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, elshakki@gmail.com.

Статья поступила в редколлегию 15.03.2016 г., принята к печати 27.04.2016 г.

THE AUTHOR'S COMMUNICATIVE INTENTION IN ECONOMIC MEDIA DISCOURSE (based on «The Economist» materials)

Svetlana V. Gubik[1, @1], Elvira R. Shakirov[1, @2]

[1] *Bashkir State University*
[@1] *bashenyovs@mail.ru*
[@2] *elshakki@gmail.com*

The paper deals with communicative intention which has no monosemantic interpretation in modern linguistic theories. An attempt is made to correlate the variety of approaches to communicative intention and find the common ground in order to define the notion borders and to reveal how certain features of the target audience influence the verbalization of intention within economic media discourse. The application of the intentional model by Potcheptsov is grounded. It singles out initial and final intentions each of which is divided into a speech-act intention and post-speech act intention according to time factor of its realization. This gives a successive overview of the intention exteriorization process. The texts of "The Economist" are used as the basis to consider the peculiarities of economic media discourse. The author's communicative intention along with the addressee are seen as text formation factors. Special attention is given to the journal's target group which is described as critically tuned information takers. Some arguments are given to support the assumption that strategic post speech-act intention of the economic text author is to convince the addressee to accept their viewpoint. Hence, the author's aim is to present their viewpoint as objective and unbiased by means of argumentation strategies. One possible criterion to create their semantic classification is the way of presenting information. The paper suggests a classification of argumentation strategies and offers some evaluation of popularity of different strategies with "The Economist" authors.

Keywords: mass communication, media linguistics, author's communicative intention, intentional model, economic media discourse, target audience, argumentation strategies.

For citation: Gubik S. V., Shakirova E. R. Osobennosti vyrazheniia avtorskoi intentsii v ekonomicheskom mediadiskurse (na materiale zhurnala «The Economist») [The author's communicative intention in economic media discourse (based on «The Economist» materials)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 160 –166.

References

1. *Avtor etoi stat'i nikogda ne chital «The Economist*» [The author of this article has never read «The Economist»]. Available at: http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/avtor-etoj-stati-nikogda-ne-chital-the-economist-21099/ (accessed 15.01.2016).

2. Anikina E. M. *Lingvo-kul'turnaia spetsifika realizatsii intertekstual'nosti v diskurse SMI (na materiale anglo-amerikanskoi pressy)*. Diss. kand. filol. nauk [Linguistic and cultural features of intertextuality in media discourse (based on materials of British and American press). Cand. filol. Sci. Diss.]. Ufa, 2004, 220.

3. Baranov A. N., Mikhailova O. V., Satarov G. A., Shipova E. A. *Politicheskii diskurs: metody analiza tematicheskoi struktury i metaforiki* [Political discourse: methods of analysis of topical structure and metaphoric models]. Moscow: Fond INDEM, 2004, 94.

4. Vanichkina A. S. Reklamnyi tekst v kognitivno-pragmaticheskom aspekte (na materiale zhurnala «The Economist») [Texts of advertisements from cognitive and pragmatic perspective (on materials of «The Economist»)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Bulletin of Moscow State Linguistic University*, no. 614 (2011): 140 – 157.

5. Vasil'eva A. N. *Gazetno-publitsisticheskii stil' rechi* [Newspaper and journalese style]. Moscow: Russkii iazyk, 1982, 198.

6. Gubik S. V. *Kognitivno-diskursivnoe issledovanie angliiskogo ekonomicheskogo massmediinogo dis-kursa (na materiale zhurnala "The Economist").* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Cognitive discursive study of English economic media discourse (on materials of «The Economist»). Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Ufa, 2006, 26.

7. Gubik S. V. Informatsionno-veshchatel'nyi stil' zhurnala «The Economist» [Media communication style of «The Economist»]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University,* 15, no. 4 (2010): 1216 – 1220.

8. Dobrosklonskaia T. G. Chto takoe medialingvistika [What is media linguistics]. *Vestnik MGU. Seriia 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia – Bulletin of Moscow State University. Series 19: Linguistics and intercultural communication,* no. 2 (2004): 9 – 17.

9. Dobrosklonskaia T. G. *Medialingvistika: sistemnyi podkhodk izucheniiu iazyka SMI: sovremennaia angliiskaia mediarech'* [Media linguistics: system approach to study of mass media: contemporary English media language]. Moscow: Flinta; Nauka, 2008, 264.

10. Karasik V. I. Sotsial'nyi status cheloveka v lingvisticheskom aspekte [Social status of a person: linguistic aspect]. *"Ia", "sub"ekt", "individ" v paradigmakh sovremennogo iazykoznaniia* ["I", "subject", "individual" in modern linguistic paradigms]. Moscow, 1992, 47 – 85.

11. Klushina N. I. *Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdanii 2000 – 2008 gg.).* Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Intention categories of a mass communication text (based on materials of printed mass media in 2000 – 2008). Dr. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2008.

12. Kliuev E. V. *Rechevaia kommunikatsiia* [Verbal communication]. Moscow: RIPOL KLASSIK, 2002, 320.

13. Leont'ev A. A. *Psikhologiia obshcheniia* [Psychology of communication]. Moscow: Smysl, 1997, 365.

14. Nazarov M. M. *Massovaia kommunikatsiia v sovremennom mire: metodologiia analiza i praktika issledovanii* [Mass communication in contemporary world: methodology of analysis and research practices]. Moscow: URSS, 1999, 240.

15. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 16: Lingvisticheskaia pragmatika* [What is new in international linguistics. Issue 16: Linguistic pragmatics]. Moscow: Progress, 1985, 504.

16. Petushinskaia E. G. *Iazyk populiarnogo ekonomicheskogo diskursa (na materiale angloiazychnoi publitsistiki)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The language of popular economic discourse (based on materials of English journalese). Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2008.

17. Pocheptsov O. G. *Osnovy pragmaticheskogo opisaniia predlozheniia* [Fundamentals of pragmatic description of a sentence]. Kiev: Vysshaia shkola, 1986, 116.

18. Fomin A. G., Pevneva I. V. *Diskursivnye issledovaniia v psikholingvisticheskom aspekte. Ch. 1: Rechevoe povedenie kak ob"ekt psikholingvistiki: opyt krosskul'turnykh issledovanii* [Discursive studies: psycholinduistic aspect. Part 1: Verbal behaviour as an object of psycholinguistics: experience of cross-cultural study]. Ed. Fomin A. G. Kemerovo, 2013, 181.

19. Shakirova E. R. *Intentsiia govoriashchego i aspekty ee realizatsii*. Avtoref. Diss. kand. filol. nauk [The intention of the speaker and aspects of its realization. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Ufa, 2003, 26.

20. Sharipova V. A. *Ob"ektivatsiia v iazyke funktsional'no-kognitivnoi sfery «rechevaia deiatel'nost'» (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov).* Diss. kand. filol. nauk [Language objectivation of functional cognitive sphere “speech activity”. Cand. filol. Sci. Diss.]. Ufa, 2013, 256.

21. Style Guide. *The Economist*. Available at: http://www.economist.com/styleguide/introduction (accessed 23.12.2015).

22. Lurching into the Fast Lane. *The Economist*, July 14th (2012). Available at: http://www.economist.com/-node/21558588 (accessed 12.03.2016).

23. *Oxford English Dictionary*. Available at: http://oxforddictionaries.com (accessed 13.01.2016).

Received 15.03.2016, accepted 27.04.2016.

УДК 811-16:81-373

РУССКИЕ И СЕРБСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

***В. Джонич*[1, @]**

[1] *Департамент русского языка Философского факультета Университета в Нише, Сербия*
[@] *violeta.dzonic@filfak.ni.ac.rs*

Настоящая статья посвящена выявлению специфических особенностей русских и сербских фразеологизмов. Фразеологизмы рассматриваются автором в структурно-сематическом аспекте. Особое внимание автор уделяет национально-культурному компонету значений исследуемых единиц, вызывающему наибольшие затруднения у иностранцев. Выявление данного компонента осуществляется путем лингвокультурного анализа компонентов фразеологически связанных сочетаний. Корпус исследования составили данные лексикографических словарей русского и сербского языков. В качестве отдельной группы в составе идиоматических выражений рассматриваются фразеологизмы-топонимы, являющиеся, по мнению автора, носителями богатой лингвострановедческой информации. Автор выделяет три основных источника образности данных единиц: особенности географического положения объекта; значимые историко-культурные события и выдающиеся личности, прославившие регион; образ жизни и ремесло местных жителей. Проведенный анализ позволил автору выявить специфические национально-культурные особенности ряда русских и сербских топонимов. Работа носит прикладной характер. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании русского языка как инославянского.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический оборот, культура, традиция, этимология, образное выражение.

Для цитирования: Джонич В. Русские и сербские фразеологизмы: опыт сопоставительного анализа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 166 – 170.

У каждого языка есть свой набор языковых единиц, функционирование которых подчиняется определённым правилам. В каждом языке имеются нормы словоупотребления, соблюдение которых необходимо для успешной коммуникации. Но у каждого языка есть и то, что выходит за рамки нормы, является специфичным и уникальным, то, что делает этот язык неповторимым, – это его фразеологизмы и фразеологические обороты.

В произведениях художественной литературы, газетных и журнальных статьях и даже в обычном разговоре на иностранном языке мы нередко встречаем слова, значение которых нам известно, но общий смысл высказывания остается непонятным, что-то логически не сходится. Мы говорим о фразеологизмах – особых образных выражениях, усиливающих выразительность и эмоциональность речи.

Рассмотрим особенности, присущие данным языковым единицам.

Фразеологизмы состоят из двух и более компонентов, например „*валять дурака*“ – „бездельничать“, „*кот наплакал*“ – „очень мало“, „*жить как кошка с собакой*“ – „ссориться, конфликтовать“, „*переливать из пустого в порожнее*“ – „заниматься пустыми, бесполезными разговорами“ [1, с. 7].

Фразеологизмы устойчиво воспроизводятся в речи и выполняют номинативную функцию. Как и слова, они называют предметы, действия, признаки и характеризуют их положительно или отрицательно. Главное отличие фразеологического оборота от слова заключается в особенностях его семантики. Слово в языке может иметь прямое и переносное значение. В отличие от слова значение фразеологизма всегда переносное, метафорическое, образное. Общий смысл фразеологических оборотов невозможно понять исходя из простой суммы значений составляющих его компонентов. Он идиоматичен, скрыт. Например фразеологизм „*собаку съел*“ означает, что „кто-то имеет мастерство, большой опыт в каком-либо деле“, фразеологизм „*полон рот*“ выражает значение „очень много (забот, хлопот)“, фразеологизм „*родиться в сорочке*“ – „быть удачливым, счастливым, везучим во всем“ и пр. Носители языка знают, понимают этот „скрытый“ смысл фразеологизмов, а для иностранцев он всегда представляет собой лингвистическую загадку.

Иногда фразеологизмы по составу, по форме сходны с простыми сочетаниями слов, которые употребляются в своем прямом, главном значении. И тогда только ситуативный контекст, а также знание синтаксических связей помогают понять, что перед нами – фразеологический оборот или обычное словосочетание. Например, в русском языке есть фразеологический оборот „*махнуть рукой*“ *на кого-либо, на что-либо*, который означает „перестать обращать внимание на что-либо, перестать заниматься чем-либо“. Пример: *Сын* ***махнул рукой*** *на учебу, пропускал лекции и не получил диплом.* Но глагольное словосочетание „*махнуть рукой*“ существует в русском языке и в прямом значении: „сделать определенное движение рукой вверх, сделать взмах рукой“. Пример: *Прохожий, который стоял на дороге,* ***махнул рукой****, и такси остановилось.* Таким образом, фразеологизм нужно отличать от простых сочетаний, употребляемых в прямом значении [1, с. 9].

Фразеологизмы, как и слова, нередко вступают в синонимические отношения. Приведем несколько примеров: „*у черта на куличках*“ = „*у черта на рогах*“ = „*медвежий угол*“, т. е. „очень далеко, в отдалённых глухих местах“ (ср. серб. „*Богу иза леђа (за леђима)*“ = „*где је Бог рекао лаку ноћ*“); „*валять дурака*“ = „*бить баклуши*“ = „*сидеть сложа руки*“, т. е. „бездельничать“ (ср. серб. „*турати се у аку*“ = „*беспослице терати*“ = „*капом ветар гонити*“ = „*хватати зјаке (зјала)* “ = „*продавати зјаке (зјала)* “ = „*Богу дане красти*“) и пр.

Фразеологизмы, имеющие сходные значения, объединяются в тематические группы:

1) обозначение расстояния и направления движения: „*на каждом шагу*“, „*вдоль и поперек*“, „*куда глаза глядят*“ и др.;

2) обозначение времени: „*как грибы после дождя*“, *битый час*“, „*в один миг*“, „*время от времени*“, „*бабье лето*“, „*медовый месяц*“ и т. д.;

3) обозначение количества: „*конца-краю не видно*“, „*полон рот*“ (о хлопотах, заботах), „*сколько душе угодно*“, „*в обрез*“ (о времени, деньгах, вещах, предметах), „*кот наплакал*“ и пр.;

4) обозначение качества и выражение оценки: „*цены нет*“, „*пальчики оближешь*“, „*язык проглотишь*“, „*как по маслу*“, „*гроша ломанного*“ и др.;

5) описание внешности и возраста человека: „*кровь с молоком*“, „*кожа да кости*“, „ *как две капли воды*“, „*как в воду опущенный*“, „*мокрая курица*“ и т. д.;

6) описание характера человека: „*душа нараспашку*“, „*не робкого десятка*“, „*семи пядей во лбу*“, „*за словом в карман не лезет/полезет*“, „*не лыком шит*“, „*темная лошадка*“ и пр.;

7) характеристика человека через его трудовую деятельность: „*не покладая рук*“, „*в поте лица*“, „*горит в руках*“, „*съел собаку*“, „*большая шишка*“ и др.;

8) обозначение человеческих взаимоотношений: „*носить на руках*“, „*ну как не порадеть родному человеку*“ и т. д.;

9) обозначение географических названий: „*Туманный Альбион*“, „*Северный сосед*“, „*Поднебесная*“, „*Остров свободы*“, „*Город оружейников*“, „*Третий Рим*“ и пр.

Примечательно, что в целом ряде фразеологизмов указанных тематических групп повторяется один и тот же главный компонент. Так, в группе фразеологизмов, характеризующих человека через его трудовую деятельность, в качестве главного компонента особенно часто используется „рука“: „*засучив рукава*“ (рукав – производное от корня *рук*-), „*горит в руках*“, „*золотые руки*“, „*мастер на все руки*“, „*рука об руку*“, „*сидеть сложа руки*“, „*не покладая рук*“, „*брать/взять себя в руки*“. В эту группу можно добавить и фразеологизм „*плечо к плечу*“, т. к. „плечо“ является частью руки. Фразеологические обороты типа „*под рукой*“, „*носить на руках*“ относятся к другим тематическим группам: к разряду „обозначение расстояния“ и „обозначение человеческих взаимоотношений“ соответственно.

Большинство слов, входящих в состав русских фразеологизмов, известны носителям и не носителям языка (т. е. лексика активного запаса), но иногда в них используется лексика, вышедшая из употребления (архаизмы и историзмы), нередко непонятная даже русским людям. Например, фразеологизм „*бить баклуши*“ означает „бездельничать“ – это знает каждый русский человек. Но что такое „баклуши“ и почему их „бьют“, может объяснить только лингвист, изучающий этимологию. Этот фразеологический оборот относится к собственно русским выражениям. Слово „баклуши“ означало „чурки, откалываемые от чурбана, из которых изготовляют деревянные поделки (ложки и др.)“. Когда-то в старину „раскалывание дерева на чурки, в отличие от изготовления изделия из них, считалось легким делом“ [13, с. 19]. В данном примере, как и во многих других, происходит, по словам В. В. Виноградова, „экспрессивное стирание предметных значений“ [2, с. 151], что актуализирует необходимость детального историко-этимологического анализа подобных выражений для изучающих русский язык как неродной.

По самому своему существу фразеология всегда самобытна и национальна, особенно в номинативно-содержательном отношении. Фразеологические оборо-

ты связаны с историей и культурой народа, с его обычаями и традициями. В одних случаях эта связь прослеживается более отчетливо (ср. рус. „*при царе Горохе*“ и чеш. „*za krola Cwieczka*“; рус. „*попался как кур в ощип*“ и серб. „*правео се као Јанко на Косову*“ и др.), в других – она менее заметна.

Наибольшее сходство фразеологических выражений обнаруживается в языках родственных, что обусловлено единством их происхождения и, как следствие, единством структурных моделей. Для славянских языков такой фразеологический фонд составляют общеславянские единицы.

Рассмотрим характер структурно-семантической близости фразеологизмов в русском и сербском языках.

В обоих языках обнаруживается значительное число фразеологизмов, имеющих сходную, а в ряде случаев и одинаковую структуру. Так, полное структурное и семантическое совпадение можно увидеть в следующих выражениях: рус. „*правая рука*“ – серб. „*десна рука*“, рус. „*счастливого пути*“ – серб. „*срећан пут*“, рус. „*на коне*“ – серб. „*на коњу*“, рус. „*под самым носом*“ – серб. „*под носом*“ и др. В других случаях сходные модели, выражающие одинаковые значения, различаются словарным составом: рус. „*ни рыба, ни мясо*“ – серб. „*нити смрди, нит мирише*“, рус. „*вот где собака зарыта*“ – серб. „*у том грму лежи зец*“, рус. „*скатертью дорога*“ – серб. „*широко ти поље*“ и т. п. При этом даже некоторые собственно русские по происхождению фразеологические обороты имеют аналогичные сербские параллели: рус. „*носить на руках*“ – серб. „*носити на рукама*“, рус. „*ни пяди не уступать*“ – серб. „*не одступати ни за длаку*“, рус. „*медвежья услуга*“ – серб. „*медвеђа услуга*“ и т. д.

Генетическое родство русского и сербского языков, проявляющееся в фонетическом, морфологическом и синтаксическом планах, поддерживается и сходством образов, положенных в основу многих фразеологических выражений. Ср. рус. „*поднять якорь*“ и серб. „*дићи сидро*“ („сидро“ – якорь), рус. „*пустить корни*“ и серб. „*пустити корење*“, рус. „*закрыть глаза*“, „*смежить очи*“ и серб. *склопити очи*“.

Наибольшее число фразеологизмов в обоих языках возникает с помощью метафор и сравнений. Например: рус. „*гол как сокол*“ и серб. „*го као прст*“, рус. „*когда рак на горе свиснет*“ или „*после дождичка в четверг*“ и серб. „*код на врби роди грожђе*“, рус. „*из огня да в полымя*“ и серб. (не менее характерная ситуация) „*терајући лисицу истерао вука*“ („гоня лисицу, выгнал волка“), рус. „*в тихом омуте черти водятся*“ и серб. „*тиха вода брег рони*“. Однако нередко образы, создающие фразеологические выражения, различаются в языках: ср. рус. „*здоров как бык*“ и серб. „*здрав као риба*“ („как рыба“), рус. „*два сапога – пара*“ и серб. „*два дедака оба једнака*“ („дедак“ – болван, идиот) и „*нашла вреча закрпу*“ („вреча“ – мешок, кулёк, „закрпа“ – заплата), рус. „*глухой как пень*“ и серб. „*глув као топ*“ („топ“ – пушка, орудие), рус. „*льет как из ведра*“ и серб. „*лије као из кабла*“ („кабао“ – ушат, кадочка).

Экспрессивность фразеологизмов усиливается благодаря языковой игре, неожиданным сравнениям, вызывающим противоречие между значением и внутренней формой выражений (в их основе часто лежит оксюморон, антитеза), например: серб. „*млад као роса у подне*“ (буквально: „молод, как роса в полдень“; о старом человеке), „*прав као уже у врећи*“ (буквально: „прям, как веревка в мешке“; о лживом, неблагородном человеке и его действиях); „*слагати се (бочити се) као рогови у врећи*“ („не иметь общности взглядов, мнений“); гиперболам, например: рус. „*делать из мухи слона*“ и серб. „*правити од комарца магарца*“ („комарац“ – комар, „магарац“ – осел); алогизмам и парадоксам: рус. „*носить дрова в лес*“ и серб. „*носити дрва у шуму*“ („шума“ – лес), рус. „*моря песком не засыплешь*“ и серб. „*сипати со* („соль“) */песак у море*“.

По нашим наблюдениям, в сербском языке фразеологизмов, построенных на абсурде и алогизмах, значительно больше, чем в русском языке: „*певати глувом*“ („глув“ – глухой; буквально: „петь глухому“); „*дати јарцу (кози) да чува купус*“ (буквально: „позволить козе охранять капусту“; „легкомысленно доверить что-либо ненадежному человеку“); „*дати бостанџији да продаје краставце*“ / „*бостанџији бостан (краставце) продавати*“ („*бостанџија*“ – бахчевник, продавец арбузов, „краставац“ – огурец; буквально: „дать продавцу арбузов продавать огурцы“; „объяснять что-либо тому, кто лучше знает, разбирается в предмете“ и пр. Такие выражения, как правило, не имеют русского эквивалента и могут быть переведены только описательно.

Значительную долю фразеологизмов в русском, сербском и других славянских языках составляют выражения, заимствованные из различных литературных источников и составляющие общий культурный фонд европейской цивилизации. Общий источник (книги Библии, произведения античных авторов, переводы и кальки с латинского, немецкого, французского и др. индоевропейских языков) обусловливает сходные, а нередко и тождественные средства их передачи. Ср. рус. „*строить воздушные замки*“ – серб. „*градити куле у ваздуху*“, рус. „*бить тревогу*“ – серб. „*звонити на узбуну*“, рус. „*пушечное мясо*“ – серб. „*топовско месо*“, рус. „*жить на широкую ногу*“ – серб. „*живети на великој нози*“, рус. „*куй железо пока горячо*“ – серб. „*гвожђе се кује док је вруће*“, рус. „*умывать руки*“ – серб. „*прати руке*“, рус. „*хранить (беречь) как зеницу ока*“ – серб. „*чувати (пазити) као очи у глави*“. Такие факты свидетельствуют о близости мышления народов.

Особое положение занимают фразеологизмы с ярко выраженной культурно-национальной экспрессией, которые не имеют аналогов в других языках и которые трудно перевести даже описательно, например „– *Ни пуха, ни пера! – К черту*!“ – „пожелание успеха, удачи“.

Особенно интересными с точки зрения национально-культурной специфики являются, на наш взгляд, фразеологизмы-топонимы. В каждом языке, в том числе в русском и сербском, кроме официально закрепленных названий стран, городов, континентов, используются их образные (метафорические) определения. Образность фразеологизмов-топонимов, как показывают наши наблюдения, имеет три источника:

1) характерные особенности географического положения топонима, специфика климата, флоры и фауны и т. п.;

2) культурно-исторические события, произошедшие в том или ином месте, и выдающиеся личности, причастные к ним;

3) ремесло и занятия местных жителей.

Характерные особенности географического положения лежат в основе образности следующих русских фразеологизмов-топонимов: „*Северный сосед*“ (Финляндия), „*Северная столица*“ и „*Северная Венеция*“ (Санкт-Петербург). Связь с культурно-историческими событиями прослеживается в именовании Москвы „*Третьим Римом*“, в идеоматических выражениях „*страны дальнего зарубежья*“ и „*страны ближнего зарубежья*“. Другой источник образности – занятие, ремесло, профессия людей, проживающих в определенной местности, – используется в метафорическом названии города Тула – „*Город оружейников*“. Тула с давних времен славилась мастерами по изготовлению оружия, самыми опытными в России оружейниками [1, с. 118].

В сербском языке также обнаруживаются подобные фразеологизмы-топонимы, например: „*Столица роштиля и город перца*“ (Лесковац), „*Город чивияшей*“ (Ягодина). Источником первого метафорического определения является ремесло жителей (изготовление мясной продукции), источников второго названия послужило историческое событие, а точнее легенда. Несмотря на то, что во многих сербских городах готовят такие национальные мясные блюда, как плескавицы, чевапчичи, ражничи, именно Лесковацу присвоено звание „столицы“. У лесковчан есть секретный рецепт их приготовления. Лесковацкие мясные изделия считаются самыми вкусными. Каждый год в конце лета в Лесковаце проходит праздник, посвященный этому ремеслу – „Роштилиада“. „Роштилиада“ – событие, известное всей Европе. На праздник съезжаются мастера по приготовлению мяса со всех городов Сербии, а также гости из разных стран. В этот день готовят самую большую плескавицу, размеры которой увеличиваются каждый год. Лесковацкие мастера даже попали в книгу рекордов Гиннеса.

Кроме того, в Лесковацкой котловине выращивается самое большое количество сортов перца в мире, а Лесковац, являясь центром этого производства, по праву носит название „*Город перца*“.

Метафорическое определение города Ягодина – „*Город чивияшей*“ имеет своим источником следующую легенду. Однажды сербский король Милан Обренович, проезжая по своим владениям, заехал в Ягодину на своей карете, чтобы немного отдохнуть. В то время, пока король почивал, жители Ягодины извлекли из колеса его кареты „чивию“. („Чивия“ – это металлическая часть механизма, напоминающая толстую иглу, которая вставляется в колесо. Без нее колесо не может двигаться вокруг своей оси.) Они сделали это для того, чтобы король остался у них в гостях, а они потом рассказывали бы всем об этом знаменательном событии. Королю действительно пришлось задержаться в Ягодине до тех пор, пока „чивияши“, или „знаменитые мастера“, как рассказывают о них местные жители, не наточили „чивию“, т. е. починили колесо.

Говоря о Белграде, сербы нередко используют выражение „*Столица на двух реках*“, источником которого является географическое положение города. Белград расположен в устье двух больших рек: Саввы – самой крупной сербской реки и „голубого“ Дуная – реки, связывающей Сербию с другими странами. Недалеко от места, в котором Савва впадает в Дунай, находится памятник „Победитель“ – защитный знак Белграда, а также знаменитая древняя крепость „Калемегдан“ – главная достопримечательность сербской столицы.

Отличительной особенностью многих фразеологизмов-топонимов является их интернациональный характер. Например всем известны следующие образные топонимические названия: „*Страна восходящего солнца*“ (Япония), „*Вечный город*“ (Рим), „*Страной кленового листа*“ (Канада), „*Туманный Альбион“* (Великобритания), „*Большое яблоко*“ (Нью-Йорк) и т. д. Данные фразеологизмы-топонимы представлены и в сербском языке: „Вечни град“ (Рим), „Земља излазећег сунца“ (Япония), „Земља јаворовог листа“ (Канада), „Велика јабука“ (Нью-йорк) и т. д. Широкую употребление данные выражения получили благодаря средствам массовой информации.

Таким образом, как показал анализ, в русском и сербском языке используется целый ряд сходных структурно-семантических моделей фразеологизмов, что, безусловно, является свидельством близкого родства языков. В обоих языках выделяется общий фразеологический фонд, который, с одной стороны, восходит к древней эпохе, а с другой – опирается на литературные и общекультурные модели.

Ярко выраженной самобытностью и национально-культурной экспрессией обладают выражения, не имеющие аналогов в других языках. Знание, понимание и уместное использование в речи данных фразеологизмов, а также оборотов, содержащих лексику, вышедшую из активного употребленя, представляет наибольшие трудности для иностранцев.

Особую группу в составе идиоматических выражений образуют фразеологизмы-топонимы, исследование которых позволяет выявить целый ряд национальных и культурных особенностей.

Литература

1. Баско Н. В. Русские фразеологизмы – легко и интересно. М.: Флинта; Наука, 2003.
2. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Лексикология и лексикография (избранные труды). М., 1977. С. 140 – 161.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978 – 1980.
4. Мршевић-Радовић Д. Фразеолошке глаголско-именичке синтагме (у савременом српскохрватском језику). Београд: Универзитет у Београду – Филолошки факултет, 1987.
5. Оташевић Ђ. Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад: Прометеј, 2012.
6. Речник српскохрвтског књижевног језика I – VI. Нови Сад: Матица Српска, 1971.
7. Руско-хрватски или српски фразеолошки рјечник I, II. Загреб, 1970, 1980.
8. Трофимкина О. И. Сербохорватско-русский фразеологический словарь. М.: Восток – Запад, 2005. 229 с.
9. Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы. Лингво-страноведческий словарь; под. ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М.: Русский язык, 1990.
10. Фразеологизмы в русской речи. Словарь-справочник / сост. Н. В. Баско. М.: Флинта, Наука, 2002.

11. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1967.
12. Шанский Н. М., Быстрова Е. А., Зимин В. И. Фразеологические обороты русского языка. М.: Русский язык, 1988.
13. Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Школьный фразеологический словарь русского языка: Значение и происхождение словосочетаний. М.: Дрофа, 2002.

Информация об авторе:
Джонич Виолета – доктор филологических наук, доцент Департамента русского языка Философского факультета Университета в Нише, Сербия, violeta.dzonic@filfak.ni.ac.rs.

Статья поступила в редколлегию 24.03.2016 г., принята к печати 25.04.2016 г.

RUSSIAN AND SERBIAN PHRASEOLOGICAL UNITS: EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

Violeta Dzonic [1, @]

[1] *Department of Russian Language and Literature, Philosophical Faculty, the University in Nis, Serbia*
[@] *violeta.dzonic@filfak.ni.ac.rs*

This paper is devoted to identification of specific characteristics of Russian and Serbian phraseological units. The author considers the phraseological units from structural and semantic aspect and pays special attention to the national and cultural component of the studied units, which cause the greatest difficulties for foreigners. Identification of the given component is carried out by linguocultural analysis of components of phraseologicaly related word combinations. The material of research was comprised based on data from lexicographical dictionaries of Russian and Serbian languages. The phraseological units – toponyms are reviewed as a separate group and are, in the author's opinion, bearers of rich linguoculturological information. The author identifies three main sources of imagery of these units: characteristics of the geographical position of the object; important historical and cultural events, as well as prominent historical figures, which brought fame to the region; lifestyle and crafts of local residents. The analysis allowed the author to identify specific national and cultural characteristics of a number of Russian and Serbian toponyms. This work is of an applied nature. Results of the study can be used in the teaching the Russian language as second Slavic language.

Keywords: phraseological unit, phraseological locution, culture, tradition, etymology, shaped expression.

For citation: Dzonic V. Russkie i serbskie frazeologizmy: opyt sopostavitel'nogo analiza [Russian and Serbian phraseological units: experience of comparative analysis]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 166 – 170.

References

1. Basko N. V. *Russkie frazeologizmy – legko i interesno* [Russian phraseologisms – easy and interesting.]. Moscow: Flinta, Nauka, 2003.
2. Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy, Leksikologiia i leksikografiia* [Selected works. Lexicology and lexicography by Vinogradov V. V.]. Moscow, 1977, 140 – 161.
3. Dal V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Interpretative dictionary of russian language]. Moskva: Russkii iazyk, 1978 – 1980.
4. Mrshevich-Radovich D. *Frazeoloshke glagolsko-imenichke sintagme (u savremenom srpskohrvatskom eziku)* [Phraseological verbal and noun phrases (in contemporary serbo-croatian language)]. Beograd: Univerzitet u Beogradu – Filoloshki fakultet, 1987.
5. Otashevich J. Frazeoloshki rechnik srpskog ezika [Phraseological dictionary of Serbian language]. Novi Sad: Prometei, 2012.
6. *Rechnik srpskohrvtskoga knizhevnog ezika* [Dictionary of serbocroatian literary language]. Novi Sad: Matica Srpska, 1971.
7. *Rusko-hrvatski ili srpski frazeoloshki rechnik* [Russian-Croatian or Serbian phraseological dictionary]. Zagreb, 1970, 1980.
8. Trofimkina O. I. *Serbokhorvatsko-russkii frazeologicheskii slovar'* [Serbo-croatian-Russian phraseological dictionary]. Moscow: Vostok – Zapad, 2005, 229.
9. Felitsyna V. P., Mokienko V. M. *Russkie frazeologizmy. Lingvo-stranovedcheskii slovar'* [Russian phraseologisms. Linguocultural dictionary]. Ed. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Moscow: Russkii iazyk, 1990.
10. *Frazeologizmy v russkoi rechi* [Phraseologisms in Russian speech]. Comp. Basko N. V. Moscow: Flinta, Nauka, 2002.
11. *Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Phraseological Dictionary of Russian language]. Ed. Molotkov A. I. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1967.
12. Shanskiy N. M., Bystrova E. A., Zimin V. I. *Frazeologicheskie oboroty russkogo iazyka* [Phraseological turnovers of Russian language]. Moscow: Russkii iazyk, 1988.
13. Shanskiy N. M., Zimin V. I., Filippov A. V. *Shkol'nyi frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka: Znachenie i proiskhozhdenie slovosochetanii* [School Phraseological Dictionary of Russian language. Meaning and origins of phrases]. Moscow: Drofa, 2002.

Received 24.03.2016, accepted 25.04.2016.

УДК 81:378.14

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В АСПЕКТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

***С. Я. Евтушенко*[1, @]**

[1] *Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет*
[@] *ms.klimentina15@mail.ru*

В предоставленной работе анализируется проблема обучения деловому общению на иностранном языке студентов нелингвистических специальностей. На сегодняшний день можно утверждать, что это очень актуально, т. к. повышается роль иноязычного общения в профессиональной занятости современных специалистов. Цель статьи – разработка методических рекомендаций для совершенствования учебного процесса при обучении деловому общению иностранцев. Основное внимание автор акцентирует на использовании современных учебных технологий, применяемых в своей практике. Выделяются и описываются методы и формы работы, способствующие эффективному формированию профессиональных компетенций в деловой сфере иностранных студентов (китайская аудитория) продвинутого этапа обучения в условиях языковой среды. Итогом работы является ряд существенных предложений по оптиматизации учебного процесса в иностранной аудитории.

Ключевые слова: деловое общение, профессиональное общение, языковые компетенции, формы работы, продвинутый этап обучения, речевая деятельность, компетенция, современный русский язык.

Для цитирования: Евтушенко С. Я. Особенности обучения деловому общению иностранных студентов в аспекте русского языка как иностранного // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 171 – 175.

Рыночные отношения вносят существенные коррективы не только в экономику страны, но и в другие сферы жизнедеятельности человека, в частности в деловую сферу. Общение как значимый элемент социума предполагает знание не только современного русского языка, но и основных принципов деловой этики, поскольку предпринимательство как профессиональное направление, позволяющее в настоящее время развернуть свои творческие способности и деловые качества, привлекает все больше молодых людей, и в частности иностранцев [11, с. 4]. Последние десятилетия русский язык используется в сфере международного бизнеса, что, несомненно, служит стимулом для иностранных студентов, изучающих РКИ. Главная задача интеграции русского языка как иностранного – формирование навыков устного общения в деловой сфере. Особо актуален данный вопрос при обучении иностранных студентов, изучающих язык с целью его дальнейшего применения в профессиональной сфере: лингвистов-переводчиков, лингвистов-преподавателей, специалистов по туризму и менеджменту, для которых владение русским языком делового общения является составляющей профессиональной компетенции [4, с. 83].

Иностранные студенты, занимающиеся в российских вузах, реализуют свою речевую деятельность в основном в научной и официально-деловой среде. Особенность обучения деловому общению на продвинутых этапах обучения заключается в том, что упор делается на выборе речевых средств, которые бы отвечали двум главным направлениям: цели обучения и обстановке обучения. Они опираются на уровневую концепцию понимания языка. А сама цель обучения предопределяет самое главное, чтобы иностранный студент достиг поставленного уровня коммуникативной компетенции. При этом изучение языка разбирается как одновременное достижение предыдущих уровней. Избираются стратегии и тактики речевой деятельности в деловом общении.

В данной работе мы рассмотрим, как формировать и улучшать речевые умения в чтении, говорении и письме в сфере делового общения, образцы заданий, которые были использованы нами на практике для продвинутого уровня владения русским языком как иностранным [1]. На продвинутом уровне владения русским языком делового общения возможности коммуникативных потребностей обусловливаются данным речевым, языковым материалом – региональным компонентом обучения, куда входят фирмы, рекламные агентства, выставки/ярмарки, гостиницы, театры, музеи, транспортные компании, аэропорты. Специальное внимание уделяется исследованию разных видов текстов.

Текстовый материал служит основой обучения чтению, письму, говорению. Основная цель чтения это освоение иностранными студентами различных уровней понимания текста: чтение основное, фрагментарное, глобальное, детальное. Преподаватель соответственно должен учитывать, что весь материал (лексика и грамматика) отвечал бы только деловой сфере общения. Целесообразно, чтобы каждый студент или группа студентов получили микротексты, сопровожденные предтекстовыми заданиями на снятие лексико-грамматических трудностей и расширение лексического запаса, притекстовые (заполнение таблицы, ориентированной на поиск главной социокультурной информации), и послетекстовые задания [13].

В силу специфики менталитета китайские студенты стремятся к более точному пониманию любых текстов, в том числе и научных. Поэтому в качестве приемов работы с текстом целесообразно предложить следующее:

– поиск информации (выписывание примеров, терминов);

– чтение текста дома с последующим чтением и проверкой понимания и обсуждения в классе;

– выполнение упражнений на формирование темы, идеи текста по заданному научному направлению; на задавание вопросов к тексту; на стилистическую трансформацию частей текстов; на поиск терминологических эквивалентов;

– языковые игры.

А для формирования основной профессиональной компетенции на уроках делового общения хорошо зарекомендовали себя такие виды заданий, как подготовка коммуникативных ситуаций, носящих профессиональную направленность.

Например:

1. Подготовьте деловое письмо партнеру, в котором обсуждаются перспективные вопросы сотрудничества между вами.

2. Проведите телефонные переговоры с иностранным партнером с обсуждением интересующего вас круга вопросов.

3. Выберите клише и выражения писем-запросов иностранному партнеру.

4. Напишите письменный отказ от предложенной работы, используя необходимые выражения.

5. Обсудите вопросы, связанные с подготовкой пакета документов для последующего подписания договора [2, с. 43; 12].

Рассматривая сферы и ситуации, актуальные для делового общения, следует заметить, что данное общение трансфункционально – оно не может быть применено в одной сфере общения. Следовательно, в неодинаковых сферах общения выделяются некоторые сегменты делового общения, которые отвечают таковым функционально-стилистическим подсистемам, как официально-деловой стиль, устная деловая речь и обиходно-деловая речь. Иностранные студенты обязаны понимать, что культура человека в деловой сфере оказывает влияние на благополучный исход его дела и формирует добавочные преимущества перед конкурентами в обществе.

Мы должны учитывать, что любое взаимодействие понимается как диалог, в котором иностранный студент предстает в качестве его активного участника в условиях непосредственного общения или общения по телефону. И здесь нам помогают ролевые игры. В игре можно добиться более высокого уровня общения, чем при стандартном обучении, так как ролевая игра должна выполнять функции определенной деятельности. Ролевая игра представляет собой коллективную деятельность, рассчитывающую на активное участие всей группы и каждого члена группы [5, с. 144]. Ролевая игра – это условно-коммуникативная игра с четко прописанным сценарием. Цель ролевой игры – детально провести беседу на основе того задания, которое предлагаем учащимся. Принимая участие в ролевой игре, студент должен продемонстрировать следующие компетенции:

– социолингвистическая компетенция (студент действует адекватно своей социальной роли в данной ситуации и показывает хорошее владение нормами речевого этикета);

– социокультурная (задается необходимое количество вопросов для принятия решения);

– языковая компетенция (студент должен правильно использовать все виды вопросительных предложений).

При выполнении заданий учащийся ставится в неравные условия, он всегда общается с носителем языка (это приводит к психологическим трудностям), тестор иногда выступает в роли подчиненного, а студенту приходится спорить, сообщать личную точку зрения и т. д. Как построить деловую беседу в форме ролевой игры? Мы предлагаем изучить *тактику тестируемого (студента).*

1. Приветствие. Представление.

2. Объяснение цели звонка.

3. Запрос информации.

4. Запрос разъяснения [1].

5. Резюмирующая часть. Выражение признательности. Прощание.

Тактику тестора.

1. Приветствие. Просьба перезвонить.

2. Готовность отвечать (да, пожалуйста).

3. Неконкретный ответ (уклонение от ответа).

4. Разъяснение.

5. Констатация правильности/неправильности вывода. Прощание.

В тренировочных заданиях проверяется умение провести деловой разговор, регулирующий конфликтную ситуацию, тематика должна быть актуальна для официально-деловой сферы общения. Задание может иметь «жесткие рамки»: деловая ситуация, (конфликтная); конфликт; деловые бумаги; большее количество участников игры. Такой вид ролевой игры – деловая беседа при личном контакте. Целесообразно ознакомиться с тактикой ведения беседы.

1. Вступительная часть разговора. Вам необходимо обозначить предмет разговора со всеми участниками встречи (беседы).

2. Выяснить причины (объективные и субъективные), которые привели к конфликту.

3. Вы должны высказать собственный взгляд на случившуюся ситуацию. Обоснуйте свою точку зрения.

4. Вам необходимо объявить о своем решении. Сообщить всем о принятии решения.

5. Резумирующая часть. Прощание.

Тактика тестора.

1. Приветствие. Прощание.

2. Активное слушание.

3. Объяснение (оправдание, признание).

4. Согласие (несогласие).

Деловая беседа представляет собой переговоры, спецификой которых является их местоположение в промежутке двумя полюсами отношений «сотрудничество – борьба». В ходе переговоров стороны проявляют стремление к сотрудничеству, но через борьбу мнений, интересов. Деловые переговоры – это балансирование между двумя указанными полюсами [2, с. 29]. Как отмечает Е. П. Ильин [9], наиболее рациональным способом общения между людьми в служебной обстановке являются непосредственные устные контакты и телефонные разговоры. Устные контакты особенно необходимы в том случае, когда требуется изменить точку зрения собеседника или скорректировать неправильную информацию, при знании методик и техники ведения деловых индивидуальных бесед

желаемого результата можно добиться в четырех-пяти случаях из десяти. Рассмотрим 3 этапа подготовки.

1. В ходе подготовки к беседе нужно расписать вместе с учащимися план беседы, в котором отражены следующие моменты:

– Какую основную цель я устанавливаю перед собой в беседе?

– Склонен ли обсудить данную тему собеседник?

– Убежден ли я в удачном для меня исходе разговора?

– Удостоверен ли в том же собеседник?

– Что я хочу осознать для себя?

– Те или другие вопросы я буду задавать?

– А что может задать собеседник?

– Как я могу повлиять в разговоре на собеседника?

– Какой результат благоприятен для меня?

2. Формулируйте свой вопрос так, чтобы он был кратким, увлекательным, но не спорным:

– Достигайте максимального лаконизма в изложении мыслей;

– Доказывайте свои взгляды.

Для поддержания разговора студенты обязаны понять, что лучше задать вопросы, чем говорить монологи, так как это обнаруживает, что он хочет участвовать в общении. А это сможет уверить собеседника в том, что он выражает к нему заинтересованность и желание установить с ним серьезные отношения.

3. Разбор беседы, в процессе которой нужно получить ответы на вытекающие вопросы:

– Синхронно ли вы вели основную тему в разговоре?

– Не навязали ли вы свои аргументы при формировании решения?

– Получилось ли у вас быть корректным на протяжении всей беседы?

– Смогли ли вы достигнуть максимума пользы для дела?

Так можно найти чувствительные, сложные места в разговоре. А это поможет провести следующую деловую беседу более удачно [7, с. 15]. При естественной подготовке деловой игры преподаватель устанавливает тип игры, состав участников, цели каждого коммуниканта, рассчитывает потенциальные пути их достижения, конкретизирует место общения [6]. При проведении деловой игры преподаватель играет роль «администратора»: сосредоточивает общение, формирует новейшие проблемы, модифицирует назначение игры через введение новейших участников и т. д. При этом исправляются только те ошибки, которые нарушают коммуникацию [10].

Такие условно-коммуникативные игры имеют четко прописанный сценарий. Например, вы прочитали объявление в газете «**Ролевая игра» 1. «Новости бизнеса».**

Задание. Новая компания приглашает на работу сотрудников. Вы должны иметь высшее образование, деловые качества, владеть иностранными языками, иметь опыт работы, уметь работать в команде. Подробная информация по телефону. 567-485.

Необходимо составить вместе со студентами структуру сценария.

1. Определить, что стало известно из объявления.

2. Определить, какой информации нет в объявлении.

Нет информации о фирме: адрес, вид деятельности фирмы, зарплата; медицинская страховка; режим работы, сколько сотрудников работает в фирме, отпуск, карьерный рост, какие документы необходимо подготовить (заявление, резюме, анкета).

3. Задать вопросы преподавателю.

В этом задании проверяется умение задавать различные типы вопросительных предложений. Это общие, частные, альтернативные вопрсы: (Как называется фирма?, Чем занимается фирма?, Фирма обслуживает частных клиентов или коллективы?, Уточните, сколько лет фирма на рынке?, Какой уровень зарплаты?, На каком транспорте можно доехать?, Сколько сотрудников работает в фирме? и т. д.) [3, с. 45].

Ролевая игра 2. «Звонок в туристическое агентство».

Задание. На саммит АТЭС во Владивосток прибывает делегация деловых партнеров из Даляня. Позвоните в туристическое агентство и закажите экскурсию по Владивостоку [2, с. 65].

Внимательно прочитайте рекламный материал

Туристическое агентство «Влад-тур»
приглашает на экскурсии по Владивостоку:
1. Исторический Владивосток.
2. Город в вечерних огнях.
3. Прогулки по акватории Золотого Рога.
4. Мосты Владивостока
Обращаться по телефону: (423)296-25-16

Вы должны позвонить по телефону и расспросить обо всем как можно детально. Помните, что во время вашего телефонного разговора могут возникнуть «помехи»: Вас просят подождать несколько минут; Вам сообщают, что Вы ошиблись номером; в разговор неожиданно «подключаются» другие участники игры: начальник отдела продаж, директор туристической компании, главный бухгалтер, секретарь и т. д. Вы должны сориентироваться и выбрать правильную тактику ведения разговора [3, с. 7].

Программа телефонного разговора.

1. Представьтесь (необязательно в русском речевом этикете, но может быть).
2. Объясните цель своего звонка.
3. Запросите информацию (основные вопросы по тексту объявления).
4. Запросите разъяснение (дополнительные вопросы).
5. Выразите благодарность.
6. Попрощайтесь.

Ролевая игра 3. «Собеседование при устройстве на работу».

Вы прочитали объявление «бегущей строкой» в программе по ПримТВ о вакансии маркетолога в новую компанию. Вас пригласили на собеседование. Вы пришли устраиваться на работу.

Программа прохождения собеседования.

1. Поздоровайтесь. Представьтесь.

2. Расскажите кратко о себе: образование, уровень владения иностранными языками, ПК.

3. Представьте рекомендации с предыдущего места работы.

4. Объясните, почему вы пришли в эту компанию.

5. Приготовьтесь ответить на вопросы и других сотрудников компании.

6. Если вас все устраивает и вам предлагают эту работу, соглашайтесь.

7. Если что-то не устраивает, тактично закончите разговор.

8. Поблагодарите сотрудников, попрощайтесь.

Задания этого уровня проверяют умения находить и поддерживать (завершать) контакт с партнером при личной беседе, реагировать на реплики собеседника, разъяснять причину своих действий, употреблять установленные нормы делового общения. Студент должен показать знания речевого этикета, делового стиля одежды на собеседовании [8; 7, с. 52].

Важным принципом деловой игры является формирование имитационной и игровой моделей, которые обязаны органически накладываться друг на друга, что и обусловливает структуру. Имитационная модель воспроизводит избранный фрагмент настоящей реальности, который можно назвать прообразом модели или предметом подражания, задавая предметный контекст профессиональной деятельности специалиста в учебном процессе [5, с. 92]. Используемая система методов дает возможность выполнить цели обучения иностранных учащихся деловому общению на продвинутом этапе обучения.

В этих условиях формирование у студентов иноязычной профессионально-коммуникативной культуры является необходимым условием их будущей профессиональной конкурентоспособности, мобильности, широкой востребованности, т. к. язык, языковое образование, а, следовательно, языковая культура выступают в качестве основного инструмента благополучной профессиональной деятельности человека [13]. В процессе такой работы моделируется социальная реальность, ведущая к трансформации поведения человека в новой языковой среде, студент учится владеть своими эмоциями, невербальными средствами общения, устанавливаются межличностные взаимоотношения в коллективе.

Литература

1. Аверьянова Г. Н., Беликова Л. Г., Ерофеева И. Н., Иванова Т. А., Нестерова Т. Е., Попова Т. И., Рогова К. А., Селиверстова Е. И., Химик В. В., Хорохордина О. В., Шутова Т. А., Юрков Е. Е. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение. М.; СПб: Златоуст, 1999. 112 с.

2. Батраева О. М. Профессиональный иностранный язык II: тексты по специальности: учебное пособие. Владивосток: Дальрыбвтуз, 2013. 237 с.

3. Батраева О. М. Язык делового общения: учебное пособие. Владивосток. Дальрыбвтуз, 2013. 113 с.

4. Володина Д. Н. Формирование социокультурной компетенции на уроках русского языка как иностранного (сфера делового общения) // Молодой ученый. 2011. № 7. Т. 2. С. 83 – 86.

5. Гуревич А. М. Ролевые игры и кейсы в бизнес-тренингах. СПб.: Речь 2004. 144 с.

6. Гольдштейн Я. В. Групповое взаимодействие как фактор успешности овладения иностранным языком // Психолого-педагогические аспекты интенсификации учебной деятельности / под ред. А. В. Петровского и Г. А. Китайгородской. М., 1983. С. 41 – 49.

7. Евтушенко С. Я. Говорим по-русски: легко, свободно, быстро: методическое пособие. Владивосток: Дальрыбвтуз, 2012. 93 с.

8. Евтушенко С. Я. Профессиональный иностранный язык 2: язык специальности в профессиональном аспекте (экономика): учебное пособие. Владивосток: Дальрыбвтуз, 2014. 260 с.

9. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009. 576 с.

10. Китайгородская Г. А., Шемякина Г. М. Мотивация учения в условиях интенсивного обучения иностранным языкам // Активизация учебной деятельности / под ред. Г. А. Китайгородской. М., 1982. Вып. 2.

11. Малкова И. Ю., Батраева О. М. Деловое общение. Владивосток: Дальрыбвтуз, 2013. 118 с.

12. Сагалаева И. В. Формирование иноязычной профессионально-коммуникативной культуры студентов: на материале экономических специальностей: дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2009. 179 с.

13. Шаимова Г. А. Формирование коммуникативной компетенции посредством метода «ролевая игра» // Молодой ученый. 2012. № 8. С. 382 – 383.

Информация об авторе:

Евтушенко Светлана Яковлевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Международного института Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета, ms.klimentina15@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 21.01.2016 г., принята к печати 23.03.2016 г.

FEATURES OF TRAINING FOREIGN STUDENTS IN BUSINESS COMMUNICATION IN THE ASPECT OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

***Svetlana Ya. Evtushenko*[1,@]**

[1] *Far Eastern State Technical Fisheries University*
[@] *ms.klimentina15@mail.ru*

The paper discusses the problem of teaching business communication to foreign students majoring in Linguistics. To date, it can be argued that it is very important, because it enhances the role of foreign language communication in the professional employment of modern professionals. The purpose of the paper is to develop guidelines for improving the educational process for teaching business communication to foreigners. The author focuses on the modern educational technologies used in their practice. The author allocates and describes the methods and forms of working to facilitate efficient formation of professional business competencies in foreign (Chinese) students at the advanced stage of training in the language environment. The research resulted in a number of significant proposals for optimatizing the educational process for foreign students.

Keywords: business communication, professional communication, language competencies, forms of work, advanced stage of training, speech activity, competence, modern Russian language.

For citation: Evtushenko S. Ya. Osobennosti obucheniia delovomu obshcheniiu inostrannykh studentov v aspekte russkogo iazyka kak inostrannogo [Features of training foreign students in business communication in the aspect of Russian as a foreign language]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 171 – 175.

References

1. Aver'ianova G. N., Belikova L. G., Erofeeva I. N., Ivanova T. A., Nesterova T. E., Popova T. I., Rogo-va K. A., Seliverstova E. I., Khimik V. V., Khorokhordina O. V., Shutova T. A., Iurkov E. E. *Tipovye testy po russkomu iazyku kak inostrannomu. Vtoroi sertifikatsionnyi uroven'. Obshchee vladenie* [Typical tests in Russian as a foreign language. Second certification level. Total ownership]. Moscow; Saint-Petersburg: Zlatoust, 1999, 112.

2. Batraeva O. M. *Professional'nyi inostrannyi iazyk II: teksty po spetsial'nosti* [Professional Foreign Language II: texts on a specialty]. Vladivostok: Dal'rybvtuz, 2013, 237.

3. Batraeva O. M. *Iazyk delovogo obshcheniia* [The language of business communication]. Vladivostok: Dal'rybvtuz, 2013, 113

4. Volodina D. N. Formirovanie sotsiokul'turnoi kompetentsii na urokakh russkogo iazyka kak inostrannogo (sfera delovogo obshcheniia) [Formation of social competence at the lessons of Russian as a foreign language (business communication)]. *Molodoi uchenyi – Young scientist*, 2, no. 7 (2011): 83 – 86.

5. Gurevich A. M. *Rolevye igry i keisy v biznes-treningakh* [Role playing and case studies in business training]. Saint-Petersburg: Rech', 2004, 144.

6. Goldstein Ia. V. Gruppovoe vzaimodeistvie kak faktor uspeshnosti ovladeniia inostrannym iazykom [Group interaction as a factor of successful mastering a foreign language]. *Psikhologo-pedagogicheskie aspekty intensifikatsii uchebnoi deiatel'nosti* [Psychological and pedagogical aspects of the intensification of educational activity]. Ed. Petrovskii A. V., Kitaigorodskaia G. A. Moscow, 1983, 41 – 49.

7. Evtushenko S. Ia. *Govorim po-russki: legko, svobodno, bystro* [We speak in Russian: easy, free, fast]. Vladivostok: Dal'rybvtuz, 2012, 93.

8. Evtushenko S. Ia. *Professional'nyi inostrannyi iazyk 2: iazyk spetsial'nosti v professional'nom aspekte (ekonomika)* [Professional Foreign Language 2: a language specialization in professional aspect (economy)]. Vladivostok: Dal'rybvtuz, 2014, 260.

9. Il'in E. P. *Psikhologiia obshcheniia i mezhlichnostnykh otnoshenii* [Psychology of communication and interpersonal relations]. Saint-Petersburg: Piter, 2009, 576.

10. Kitaigorodskaia G. A., Shemiakina G. M. *Motivatsiia ucheniia v usloviiakh intensivnogo obucheniia ino-strannym iazykam* [Motivation teachings in the conditions of intensive foreign language training]. *Aktivizatsiia uchebnoi deiatel'nosti – Activating learning activities*. Ed. Kitaigorodskaia G. A. Moscow, vol. 2 (1982).

11. Malkova I. Iu., Batraeva O. M. *Delovoe obshchenie* [Business conversation]. Vladivostok: Dal'rybvtuz, 2013, 118.

12. Sagalaeva I. V. *Formirovanie inoiazychnoi professional'no-kommunikativnoi kul'tury studentov: na materiale ekonomicheskikh spetsial'nostei*. Diss. kand. ped. nauk [Formation of foreign language professional-communicative culture of students: on a material of economic specialties. Cand. ped. Sci. Diss.]. Belgorod, 2009, 179.

13. Shaimova G. A. Formirovanie kommunikativnoi kompetentsii posredstvom metoda «rolevaia igra» [Formation of communicative competence through the method of "role-playing game"]. *Molodoi uchenyi – Young scientist*, no. 8 (2012): 382 – 383.

Received 21.01.2016, accepted 23.03.2016.

УДК 81-116.5

К ВОПРОСУ ЯЗЫКОВЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ МОРАЛЬНОГО ДИСКУРСА

***О. В. Звада*[1, @1], *Л. П. Позняк*[1, @2]**

[1] *Московский государственный лингвистический университет Евразийского лингвистического института в г. Иркутске*
[@1] *zoksana@inbox.ru*
[@2] *poz-ludmila@yandex.ru*

Статья представляет собой попытку анализа морали с позиций когнитивной лингвистики. Мораль является составной частью морального дискурса как способа представления социальной реальности. Целью данной статьи является выявление языковых репрезентаций морального дискурса в произведениях англоязычных писателей. По мнению авторов статьи, моральный дискурс может быть представлен целым рядом специфических характеристик и являться нормативным способом регуляции деятельности людей, связанных различными отношениями в обществе. В статье также упоминаются участники морального дискурса. Авторы не исключают возможности выделения разновидностей направления действий участников морального дискурса. На основании проведенного исследования делается вывод о существовании нескольких способов выражения морального дискурса. Авторы также выделяют базовые функции морального дискурса и считают, что этот вид дискурса может претендовать на статус автономной единицы.

Ключевые слова: мораль, дискурс, текст, концепт, знание, когнитивный, функции.

Для цитирования: Звада О. В., Позняк Л. П. К вопросу языковых репрезентаций морального дискурса // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 176 – 181.

Актуальность темы данного исследования определяется тем, что на современном этапе развития лингвистической науки особую роль играет изучение проблематики и специфики различных дискурсов как специфических способов репрезентации социальной реальности, которые опираются на определённые концепты. Наряду с другими универсальными концептами, концепт «мораль» занимает важное место в любом лингвокультурном сообществе.

Целью настоящего исследования является выявление языковых репрезентаций морального дискурса в произведениях англоязычных авторов. Достижение указанной цели предусматривает решение следующих задач.

1. Определение концептуальной области, представляющей мораль.
2. Определение терминов «дискурс», «моральный дискурс».
3. Определение способов выражения морального дискурса и его участников.
4. Выявление базовых функций морального дискурса.

Теоретико-методологической базой исследования стали труды таких известных лингвистов, как Н. Д. Арутюнова, Е. Г. Беляевская, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, В. З. Демьянков и др. Анализ эмпирического материала исследования осуществляется посредством применения комплексного метода лингвистического анализа. Используется методика компонентного, дефиниционного, описательного, сопоставительного анализов.

Не всякое явление реальной действительности служит базой для образования концепта, но лишь то, которое становится объектом оценки [2]. «Когнитивная модель является мыслительной сущностью. Она может быть определена как максимально обобщённое, схематизированное представление о концептуальном основании значения» [3]. Мы считаем, что знание о морали следует рассматривать концептуально, так как оно не ограничивается каким-то одним значением *морали.* Концептуальная область, представляющая мораль, является когнитивной структурой знания, опирающейся на различные участки значений, среди которых основными семантическими единицами являются *добро, зло, хорошо, плохо, долг, поведение, стандарты, принципы,* которые описывают понятийную область морали, включающую исторически сложившиеся идеалы и принципы поведения людей в обществе, характеризующие широкий спектр явлений духовного. Исследуя национально-культурную специфику речи, особый ментальный мир и особое ментальное пространство, мы анализируем уже не текст, а дискурс.

Существует много различных мнений относительно сходства и различия дискурса и текста. Лингвистика текста и анализ дискурса – это разные дисциплины, обладающие собственным предметом исследования, они не являются эквивалентами друг друга в разных национальных лингвистических школах. Различия между лингвистикой текста и анализом дискурса недостаточно чётко определены в современной лингвистической литературе.

Термин *дискурс*, в его лингвистическом аспекте, был впервые использован З. Харрисом более 40 лет назад. По Харрису, анализ дискурса – метод анализа связной речи или письма [5, с. 280 – 281].

В. З. Демьянков дал обобщающий эскиз того, что представляет собой “мир дискурса”. Дискурс – это произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создаёт общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпрета-

тора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса [12, с. 37 – 38].

Термин *дискурс* не противопоставляется тексту, высказыванию, речевому акту, он употребляется параллельно с ними для обозначения интенционального характера речи. Понятие дискурса позволяет подвергнуть анализу роль языковой личности в процессе создания и интерпретации связной речи.

Во многих работах соотношение текста и дискурса аналогично соотношению предложения и его произнесения. Особенность дискурса состоит в том, что восприятие текста включает стратегическое оперирование моделями, соотнося например текстовую информацию со структурами ментальных пространств этих моделей. Модели также включают соотношение между эпизодическим, личным знанием или событиями, с одной стороны, и общепринятыми социально-ориентированными принципами – с другой [1].

Таким образом, с позиций современных подходов, дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Дискурс – единица социальная (в отличие от текста как лингвистической единицы). «Текст может быть местом, где могут быть несколько противоположных или неравноправных дискурсов. Следовательно, именно в тексте, а не в дискурсе говорящие могут выступать как креативные личности, так как дискурсы относительно фиксированы» [19, с. 32].

Дискурс, как указывает А. А. Кибрик и его соавторы, – более широкое понятие, чем текст. Анализ дискурса состоит в том, чтобы определить, как же текст наполняется смыслом, и что делает его связным и понятным. Особенность дискурса состоит также в том, что восприятие текста включает стратегическое оперирование моделями, соотнося например текстовую информацию со структурами ментальных пространств этих моделей. Модели включают также соотношение между эпизодическим, личным знанием или событиями, с одной стороны, и общепринятыми социально-ориентированными принципами – с другой [8].

Ю. С. Степанов интерпретирует дискурс как «дом духа» и «дом бытия». В соответствии с этим дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. По мнению Ю. С. Степанова, особое использование языка для выражения особой ментальности, особая активизация некоторых черт языка и, в конечном счёте, особая грамматика и особые правила лексики, ведут к созданию особого «ментального мира», что и представляет собой дискурс [12, с. 44 – 45].

Согласно определению, которое даёт Н. Д. Арутюнова, «дискурс – это речь, «погруженная в жизнь», связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [10].

Перечисленные и рассмотренные интерпретации понятия дискурса не следует противопоставлять друг другу. Их следует рассматривать как взаимодополняющие теоретические подходы, исследующие с разных сторон одно и то же явление.

Относительно понятий *дискурс* и *текст*, мы придерживаемся мнения, согласно которому дискурс представляет собой социальную ипостась выражения коммуникации, а текст – языковую. Познать дискурс без текста невозможно, так как дискурс всегда опирается на какой-то текст (письменный или устный).

Если согласиться с тем, что язык – не столько форма выражения готовых мыслей, сколько способ представления содержательной организации и представления знаний, то знание о том, что такое хорошо и что такое плохо, следует признать относящимся к лингвистике. В этой связи представляет интерес вопрос о том, каким образом структурированы прагматические знания в языке, насколько различны по своему устройству виды модальных, оценочных и других значений.

Выше нами была изложена точка зрения о том, что существует определённая концептуальная область, объединяющая участки значений, составляющих *мораль*. Это даёт нам основание говорить о существовании в языке морального дискурса. Следует оговориться, что ещё в 70-х гг. Чарльзом Моррисом была опубликована статья “Types of discourse”, в которой среди 14 видов дискурса он выделил и моральный дискурс, но не дал ему характеристики. Вышеизложенное позволяет утверждать, что моральный дискурс представляет собой определённое ментальное пространство, которое строится согласно правилам языка морали. Моральный дискурс может быть представлен рядом таких специфических характеристик, как:

– корпус принципов, норм, идеалов с ориентацией на будущее;

– модальность долженствования;

– моральная оценка;

– волеизъявление, императивность;

– нравственное суждение, содержащее описательный и нормативный элементы.

Моральный дискурс выражает регулирование поведения человека во всех сферах общественной жизни.

М. Хэллидей выделил три составляющих контекста ситуации (дискурса): «1) поле дискурса – то, что происходит, его основная тема (социальное действие, то, в чём задействованы участники дискурса); 2) участники – те, кто принимает участие в ситуации, их статус и роли в ситуации (какие виды ролевых взаимоотношений существуют между участниками, включая постоянные и изменяющиеся взаимоотношения); 3) способ выражения дискурса (какую роль играет язык)» [18, с. 12]. Вслед за М. Хэллидеем, мы определяем поле морального дискурса, участников и способы выражения.

В результате проведённого исследования удалось установить, что поле или тема морального дискурса есть нормативный способ регуляции деятельности людей в обществе.

Участниками морального дискурса являются мораль, адресант (носитель нормы), адресат (исполнитель нормативно-должного).

Способ выражения морального дискурса состоит в употреблении речевых актов: “рассуждение” и(ли) “требование” (выступающее в виде заповедей, правил, запретов) с различной степенью модальной окраски.

Рассмотрим пример, где участниками дискурса являются мораль (к которой апеллирует адресант) и семья (адресат). Полем морального дискурса является нормативный способ регуляции отношений между членами семьи.

«Since your father died I've been somewhat in loco parentis (лат. – вместо отца) to you all, and the chief repository, I suppose, of such traditions as attach to our name. I wanted to say to you that our name goes back very far and very honourably. A certain inherited sense of duty is all that is left to old families now; what is sometimes excused to a young man is not excused to those of mature age and a certain position like your own. I'd be sorry to be leaving this life knowing that our name was likely to be taken in vain by the Press, or bandied about. Forgive me for intruding on your privacy, and let me now say good-bye to you all» [17, с. 21].

Моральный дискурс характеризуется различными способами выражения, для него характерны следующие особенности: *способ выражения в виде напоминания* (в форме повествовательного предложения) – высказывание адресанта, которое не сообщает адресату речи новую информацию, а актуализирует в его сознании, вообще говоря известное, но забытое или сознательно игнорируемое.

В моральном дискурсе способ выражения может представлять собой не только напоминание, но и *оценку с просьбой выполнения определённых действий* (сопровождаемую моралью и указанием на то, что жизнь адресата не соответствует этой морали):

«– Pray, Dorian, pray, he murmured.

– What is it that one was taught to say in one's boyhood?

– Lead us not into temptation. Forgive us our sins. Wash away our inquities. Let us say that together. The prayer of your pride has been answered. The prayer of your repentance will be answered also. I worshiped you too much. I am punished for it. You worshipped yourself too much. We are both punished.

Dorian Gray turned slowly around, and looked at him with tear-dimmed eyes.

– It's too late, Basil, he faltered.

– It's never too late, Dorian. Let us kneel down and try if we cannot remember a prayer. It isn't there a verse somewhere, Though your sins be as scarlet, yet I will make them as white as snow?» [23, с. 234].

Участниками рассматриваемой ситуации являются: адресант (носитель суждения о нормативно-должном) и адресат (исполнитель должного). Полем является нормативный способ регуляции поведения людей в обществе.

Следующим способом выражения морального дискурса является *перемена ролей между носителем (адресантом) и исполнителем (адресатом) должного,* ибо оба они в одинаковой степени подпадают под действие нормы:

1. «He talked to his congregation and in his talk said that it was a mistake for people to think of their minister as a man set aside and intended by nature to lead a blameless life» [15, с. 20].

2. «To preach, standing in the public pulpit before the people, was always a hardship for him and from Wednesday morning until Saturday evening he thought of nothing but the two sermons that must be preached on Sunday» [15, с. 14].

Адресант не отделяет себя от адресатов сообщения. Такое совпадение характерно для констатирующих высказываний. Полем является нормативный способ регуляции деятельности людей в обществе.

Нижеследующие примеры также подтверждают мысль о том, что норма относится в равной степени ко всем. Несмотря на то, что примеры имеют различное поле: в первом и третьем примере диалог происходит между друзьями, поэтому полем является нормативный способ регуляции действий людей, связанных дружескими отношениями в обществе, а во втором речь идёт о семье, поэтому полем дискурса является нормативный способ регуляции действий людей в семье.

1. «Don't talk like that about anyone you love, Dorian. Love is a more wonderful thing than Art» [23, с. 120].

2. «Mrs. C.: …Yes, because he's a man with a wife and children to support. This is just typical of you, Madge, call yourself a socialist and blame people for taking an interest in money, and then it turns out you're the most mercenary of us all» [22, с. 91].

3. «You talk of this sort of life and that. How do you think a man gets the best out of life? Why, I should have thought there could be no two answers to that. By doing his duty, by hard work, by meeting all the obligations of his state and station» [20, с. 64].

В моральном дискурсе такие способы выражения, как моральная оценка и суждение о нормативно-должном, возможны только по отношению к адресату (исполнителю должного) как к существу, наделенному свободой волеизъявления, поскольку в идеале мораль является достоянием субъектов (участников ситуаций, отражённых в дискурсе) как свободных и ответственных индивидов. Нельзя говорить о моральности и аморальности хищника, пожирающего свою жертву, ибо он лишен сознания и свободной воли. Ценности морали рождаются в мире свободных людей и норма как важнейший компонент нравственного дискурса возможна только при принятии этой посылки:

«I want him to do what's right. It shouldn't be necessary to persuade a man to do that".

– But there may be differences of opinion about what is right.

– If a man had a gangrenous foot would you have patience with anyone who hesitated to amputate it?

– Gangrene is a matter of fact.

– And evil?» [20, с. 84].

Целью воспитывающего воздействия становится социализация, или передача ценностной информации об устройстве общества, выработка ожидаемых моделей поведения, о чем свидетельствует содержание понятия *воспитывать* – «растить детей, воздействуя на их умственное и физическое развитие, формируя их моральный облик, прививая им необходимые правила поведения» [14].

«Ye oughtn't to say that if it isn't true, Aileen", – he said. "Ye oughtn't to lie. It is against your faith» [16, с. 129].

Воспитывающий исполняет ценностно-ориентированные действия по социализации, это лицо, обладающее высоким социальным статусом, властью, информацией, инициирующее коммуникацию воспитывающего типа и доминирующее в ней; воспитуемый

– лицо, подчиненное в социальной иерархии семьи и общества. Роль воспитывающего выполняют представители социального института (воспитатель), института семьи (родители, родственники) и гражданского общества (знакомые и незнакомые взрослые) [14].

Ещё одним способом выражения морального дискурса является *санкция относительно совершённых поступков*. Она должна нести на себе печать обоснованности, снятия субъективистских настроений и отказа от немотивированных эмоциональных реакций.

«It is not fair, Monsieur le directeur. You are asking me to betray my friend. I cannot, and I will not answer your questions» [21, с. 101].

В следующем примере демонстрируется то, как человек пытается простить тех, кто пытался убить его:

«– You must say it was an accident. No one's to blame. Promise me that.

– I'll done anything you like, – whispered Mackintosh.

– Good chap. One of the best. They're children. I'm their father. A father doesn't let his children get into trouble if he can help it» [21, с. 117].

Участниками являются адресанты (носители должного), которые говорят об адресантах (исполнителях) как о людях, совершивших плохой поступок, но которые не участвуют в диалоге непосредственно. Полем является нормативный способ регуляции действий людей в обществе (хотя адресант использует выражение: They're children. I'm their father, говоря о том, что туземцы являются его детьми, то есть предполагая нормативный способ регуляции действий людей в семье).

Носитель нормы для достижения своих целей активизирует определённые черты языка (адресант), излагая перед исполнителями (адресатами) необходимое, желательное положение дел в качестве реально выполнимого в будущем. Подразумевая проблемы настоящего, выдвигая требования, он заставляет адресатов пережить пребывание в «идеальном мире» будущего, создаваемого моральным дискурсом.

На основании анализа фактического материала можно говорить о том, что:

1. Поле дискурса представляет собой нормативный способ регуляции деятельности людей, связанных неформальными и официальными отношениями в обществе, нормативный способ регуляции деятельности людей в семье.

2. Участниками морального дискурса являются мораль, адресант и адресат. Адресант (носитель нормы) излагает перед адресатами (исполнителями нормативно-должного) положение дел как неудовлетворительное с точки зрения морали и пытается сориентировать своих партнёров по диалогу на желательное положение дел (в виде требования) в качестве реально достижимого в ближайшем будущем. Не исключается возможность выделения разновидностей направления действий участников морального дискурса: мораль – личность, мораль – общество, мораль – семья.

3. Способами выражения морального дискурса являются:

1) напоминание как высказывание, которое не сообщает адресату речи новую информацию, а актуализирует в его сознании, известное, но забытое или сознательно игнорируемое;

2) оценка с просьбой выполнения определённых действий;

3) перемена ролей между носителем и исполнителем должного, поскольку оба участника подпадают под действие нормы;

4) моральная санкция, которая должна нести на себе печать обоснованности, снятия субъективистских настроений и отказа от немотивированных эмоциональных реакций;

5) моральная оценка субъекта как свободного и ответственного существа [7].

Принимая во внимание вышеизложенное можно говорить о базовых функциях морального дискурса. По нашему мнению, ими являются:

1. *Директивная*. Моральный дискурс воздействует на адресата (массы, общество, отдельного человека), формируя его мировоззрение и оказывая давление на его действия. Данная функция выражена в том, чтобы убедить собеседника быть моральным.

2. *Оценочная*. Моральный дискурс формируется на базе различных ценностей.

3. *Контролирующая*. Моральный дискурс побуждает участников совершать или не совершать определённых действий, соответствующих или несоответствующих нормам, правилам, заповедям.

Суммируя все вышеозначенное, можно предполагать, что моральный дискурс мог бы претендовать на статус автономной единицы.

Моральные проблемы актуальны всегда в силу того, что мораль является общим регулятором духовного здоровья общества [11].

Моральный дискурс может быть контекстуальным достаточно длительное время, но рано или поздно он приобретает вполне явные и отчётливые формы своего выражения [9].

Распространенность дискурс-анализа, этики дискурса, а также рост числа диссертационных исследований, посвящённых научному дискурсу, подчёркивают перспективность изучения концепта «мораль» в данном типе дискурса [13].

Литература

1. Александрова О. В. Проблема дискурса в современной лингвистике // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Калининград: Калинингр. ун-т, 1999. С. 16 – 25.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа "Языки русской культуры", 1999. 896 с.

3. Беляевская Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах. Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова: дис. … д-ра филол. наук. М., 1992. 401 с.

4. Болотникова Е. Н. Мораль как дискурсивная формация: дис. … канд. филос. наук. Самара, 2006. 171 с.

5. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. С. 239 – 320.

6. Демина Л. А. Дискурс о морали: Кант – Хабермас // Конституционализм и правовая система России: материалы V Международной научно-практической конференции "Кутафинские чтения". М., 2014. С. 17 – 21. Режим доступа: http://kant-online.ru/?p=1348 (дата обращения: 20.12.2015).

7. Звада О. В. Фрейм “morality” и его объективация в языке (на материале английского языка): дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2003. 173 с.

8. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126 – 139.

9. Колмаков В. Ю. Формы теоретического осмысления современного морального дискурса // Современный моральный дискурс: коллективная монография / отв. ред. В. И. Иванов. (Серия: Библиотека актуальной философии). Вып. 14. Красноярск, 2015. С. 5 – 13.

10. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

11. Современный моральный дискурс: коллективная монография / отв. ред. В. И. Иванов. (Серия: Библиотека актуальной философии). Вып. 14. Красноярск, 2015. 230 с.

12. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. С. 35 – 73.

13. Хомутова Т. Н., Нохрин А. В. Научный дискурс: моральный аспект // Лингвистическая когнитология и лингвокультурология. 2014. № 1. Т. 11. С. 107 – 113.

14. Цинкерман Т. Н. Лингвопрагматическая специфика стилей общения в англоязычном воспитательном дискурсе: автореф. … канд. филол. наук. Волгоград, 2014.

15. Anderson Sh. The Strength of God // American Short Stories. The 20th century. M.: Raduga Publishers, 1989. P. 14 – 30.

16. Dreiser Th. The Financier. M.: Foreign languages publishing house, 1954. 666 p.

17. Galsworthy J. End of the Chapter. M.: Foreign languages publishing house, 1960. Book 1. 601 p.

18. Halliday M. A. K., Hasan R. Language Context and Text: Aspects of Language in a Social Semiotic Prospective. Oxford: Oxford University Press, 1991. 126 p.

19. Kress G. Ideological Structures in Discourse // Handbook of discourse analysis. 1985. Vol. 4. Chapter 3.

20. Maugham W. S. Rain and Other Stories. M.: Прогресс, 1977. 406 p.

21. Maugham W. S. Stories. Л.: Просвещение, 1976. 159 p.

22. Priestley J. B. Time and the Conways. M.: Менеджер, 1997. 208 p.

23. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. Printed in England by Clays Ltd, St Ives plc: Penguin popular classies, 1994. 255 p.

Информация об авторах:

Звада Оксана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного лингвистического университета Евразийского лингвистического института в г. Иркутске, zoksana@inbox.ru.

Позняк Людмила Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного лингвистического университета Евразийского лингвистического института в г. Иркутске, poz-ludmila@yandex.ru

Статья поступила в редколлегию 02.02.2016 г., принята к печати 16.04.2016 г.

ON THE QUESTION OF LANGUAGE REPRESENTATIONS OF MORAL DISCOURSE

Oksana V. Zvada[1, @1], Ludmila P. Poznyak[1, @2]

[1] Euro-Asian Linguistic Institute of Moscow State Linguistic University, Irkutsk
[@1] zoksana@inbox.ru
[@2] poz-ludmila@yandex.ru

The paper presents an attempt to analyze morality from the position of cognitive linguistics. Morality is an integral part of oral discourse viewed as a way of manifestation of social reality. The purpose of the paper is to identify linguistic representations of moral discourse in the literary works of English writers. According to the authors of this research, moral discourse can be represented by a number of specific characteristics and is a standard regulation method of the activities of people linked in various relationships in society. The paper also mentions the participants in moral discourse. The possibility of selection of actions varieties of the members of moral discourse is not excluded. On the basis of the conducted research work the conclusion about the existence of several ways of expressing moral discourse is made. The authors also distinguish the main functions of moral discourse and believe that this kind of discourse can claim to the status of an autonomous unit.

Keywords: morality, discourse, text, concept, knowledge, cognitive, functions.

For citation: Zvada O. V., Poznyak L. P. K voprosu iazykovykh reprezentatsii moral'nogo diskursa [On the question of language representations of moral discourse]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 176 – 181.

References

1. Aleksandrova O. V. Problema diskursa v sovremennoi lingvistike [The problem of discourse in modern linguistics]. *Kognitivno-pragmaticheskie aspekty lingvisticheskikh issledovanii* [Cognitive-pragmatic aspects of linguistic research]. Kaliningrad: Kaliningr. un-t, 1999, 16 – 25.
2. Aroutiunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka* [The language and the human world]. 2nd ed. Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury", 1999, 896.
3. Beliaevskaia E. G. *Semanticheskaia struktura slova v nominativnom i kommunikativnom aspektakh. Kognitivnye osnovaniia formirovaniia i funktsionirovaniia semanticheskoi struktury slova*. Diss. doktora filol. nauk [Semantic word structure in nominative and communicative aspects. Cognitive bases of formation and functioning of semantic structure of words. Dr. filol. Sci. Diss.]. Moscow, 1992, 401.
4. Bolotnikova E. N. *Moral' kak diskursivnaia formatsiia*. Diss. kand. filos. nauk [Morality as a discoursive formation. Cand. philos. Sci. Diss.]. Samara, 2006, 171.
5. Dem'iankov V. Z. Dominiruiushchie lingvisticheskie teorii v kontse XX veka [The dominant linguistic theory in the late twentieth century]. *Iazyk i nauka kontca XX veka* [Language and science of the late twentieth century]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1995, 239 – 320.
6. Demina L. A. Diskurs o morali: Kant – Habermas [The discourse of morality: Kant – Habermas]. *Konstitutsionalizm i pravovaia sistema Rossii: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Kutafinskie chteniia"*. *Moscow* [Constitutionalism and legal system of Russia: Proc. 5th Intern. Sc.-Prac. Conf. "Kutafin readings"]*:* Moscow, 2014, 17 – 21. Available at: http://kant-online.ru/?p=1348 (accessed 20.12.2015).
7. Zvada O. V. *Freim "morality" i ego ob"ektivatsiia v iazyke (na materiale angliiskogo iazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [Frame "morality" and its objectification in the language (on the material of the English language). Cand. filol. Sci. Diss.]. Irkutsk, 2003, 173.
8. Kibrik A. A. *Kognitivnye issledovaniia po diskursu* [Cognitive research on discourse]. *Voprosy iazykoznaniia – Questions of linguistics,* no. 5 (1994), 126 – 139.
9. Kolmakov V. Iu. Formy teoreticheskogo osmysleniia sovremennogo moral'nogo diskursa [Forms of a theoretical understanding of contemporary moral discourse]. *Sovremennyi moral'nyi diskurs* [Modern moral discourse]. Ed. Ivanov V. I. Krasnoiarsk, vol. 14 (2015): 5 – 13.
10. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Ed. Iartceva V. N. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1990, 685.
11. *Sovremennyi moral'nyi diskurs* [Modern moral discourse]. Ed. Ivanov V. I. Krasnoiarsk, vol. 14 (2015): 230.
12. Stepanov Iu. S. Al'ternativnyi mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative world, Discourse, Fact, and principle of Causality]. *Iazyk i nauka kontca XX veka* [Language and science of the late twentieth century]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1995, 35 – 73.
13. Homutova T. N., Nokhrin A. V. Nauchnyi diskurs: moral'nyi aspekt [Scientific discourse: moral aspect]. *Lingvisticheskaia kognitologiia i lingvokul'turologiia – Linguistic cognitology and cultural linguistics*, 11, no. 1 (2014): 107 – 113.
14. Tcinkerman T. N. *Lingvopragmaticheskaia spetsifika stilei obshcheniia v angloiazychnom vospitatel'nom diskurse.* Avtoref. Diss. kand. filol. nauk [Lingua-pragmatic specificity of the styles of communication in English educational discourse. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Volgograd, 2014.
15. Anderson Sh. The Strength of God. *American Short Stories. The 20th century*. Moscow: Raduga Publishers, 1989, 14 – 30.
16. Dreiser Th. *The Financier*. Moscow: Foreign languages publishing house, 1954, 666.
17. Galsworthy J. *End of the Chapter.* Moscow: Foreign languages publishing house, 1960, book 1, 601.
18. Halliday M. A. K., Hasan R. *Language Context and Text: Aspects of Language in a Social Semiotic Prospective*. Oxford: Oxford University Press, 1991, 126.
19. Kress G. Ideological Structures in Discourse. *Handbook of discourse analysis*, 3, vol. 4 (1985).
20. Maugham W. S. *Rain and Other Stories*. Moscow: Progress, 1977, 406.
21. Maugham W. S. *Stories.* Leningrad: Prosveshhenie, 1976, 159.
22. Priestley J. B. *Time and the Conways.* Moscow: Menedzher, 1997, 208.
23. Wilde O. *The Picture of Dorian Gray*. Printed in England by Clays Ltd, St Ives plc: Penguin popular classies, 1994, 255.

Received 02.02.2016, accepted 16.04.2016.

УДК 81’42

ГИПЕРЖАНР В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ СИБИРИ

***П. И. Костомаров*[1, @1], *А. В. Косенчук*[1, @2]**

[1] *Национальный исследовательский Томский политехнический университет*
[@1] *petrkost@yandex.ru*
[@2] *alina.kosenchuk@mail.ru*

В настоящей статье, выполненной в рамках исследования лингвоантропологической парадигмы, рассматривается актуализация различных гипержанровых аспектов текстовой продукции языковой личности. Целью исследования является изучение коммуникативного поведения представителя российских немцев Сибири и описание его различных структурных компонентов. В работе используются приемы интерпретации и обобщения как разновидностей описательного метода. Характеристика различных сторон гипержанра, отражающего палитру разнообразных тем, помогает выявить особенности текстовой организации народно-разговорного типа немецкого языка индивида.

Ключевые слова: гипержанр, языковая личность, дискурс, российские немцы.

Для цитирования: Костомаров П. И., Косенчук А. В. Гипержанр в речи представителя российских немцев Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 182 – 186.

Актуальность статьи определяется важной для современного направления науки о языке лингвоантропологической парадигмой, задачей которой является системное и многоаспектное исследование индивидуальной речевой деятельности человека. В рамках изучения языка индивида данная парадигма обуславливается также “возрастающей ролью коммуникативно-деятельностного подхода к языку, а также необходимостью осмысления новых речевых жанров, возникающих в границах определённых типов дискурсов” [5, с. 4].

Цель исследования – выявление специфики доминантных составных компонентов гипержанра “сообщение об интересах” в дискурсе представителя народно-разговорной формы немецкого языка Я. К. Дамма (далее – Я. К.), – российского немца, родившегося в поселке Шиллинг (Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья) и прожившего большую часть жизни в Сибири. *//Interezen have ich immer viel ..., vor allem als ich in Schillink und Zaratow gelevt have, ja, interezant war Garten tsu haven, in Schillink, war interezant, wie der Vaader Gurke, Tomaten, Kartoffel выращивал там, das gefiel mir zehr, war fir uns Garten als tswaites Haus, das Haus, alles war dort zehr schɛn, Muuder machte alles dort, und wir verzuchten auch tsu helfen, verzuchten tsu machen dort schɛn, wie ich das Leven schɛpfe, ich zorkte dafir, verzuchte, чтобы никаких сорняков там не было, чтобы все было чисто. Bruder hatte auch zaine Kulturen im Garten, wir Konkurrents haven, wer hat schneller, wer hat schmeckhaftes. Jettst haven wir auch Garten, dort steht klain Haus, zehr oft wir frire Take haven, oft im Zommer zehr kalt, nicht kennen wir dort oft haven, nain, das ist zehr schlecht, schlecht fir Garten, frier wir viele Gurken haven, Tomaten zokar, das ist interezant, wenn Ernte gut, viel haven, das ist zehr gut, der Zohn beschɛftikt jettst mit Garten zich, mit Garten hat er viele angebaut, Gurken auch, Kartoffel, viele Beere. Wir haven in Schillink zehr viel Tsait, ginken tsu angeln, zelvst machte удилища, das zind zolche grouze Stɛve, anfanks konnten wir dariver nichts machen, zelvst machen, Alden halfen uns, aver dann konnten wir zelvst grouze, ginken angeln, finken verschieden Fische, Karpfen, ginken zehr spɛt, fitterten morken, Fisch клевала так хорошо, gants Eimer brachten nach Hauze, brachten viel Fisch nach Hauze, zehr viel, 20 kg, oft kochten wir am Ufer Fischzuppe, dann braten am Faier, dann zazen und azen. In Alexandrowo angelte ich auch, gink mit Bauern auch tsu angeln, сделал себе там тоже большое удилище, mit vielen aus dem Dorf gink tsu angeln, zehr viele Fische haven wir, wollte auch zolch tsu haven, dann brachten zie mir zolches, я с ними тоже помногу был на рыбалке, Frau gezakt, du bist echter Fischer… Телевизор guck ich auch viel ... in der lettsten Tsait Intereze have, Fernzeher zehe ich viel, was tsu machen, kaine Zerie, Wintersport, das war die Winterolympiade, na, in Turin, dort haven unzere Wintersportler zehr gut gespielt, viele Medaille gekriekt, gewonnnen, Журову смотрел на коньках, die zitts jettst in Duma, Sport traive, in Zendunken zehe, часто, Eiskunstlauf gefiil mir zehr auch, zah auch Hockai, unzere haven zehr gut gespielt ...Fussball zehe ich auch, вот, когда наши с Германией играли, sah прямую трансляцию im Fernzehen, unzere haven verloren, gespielt haven wir gut, mit vergniken zah ich чемпионат Европы, dort schniden wir gut ab, wir haven Trainer aus Ausland, spielte Daitschland dort zehr gut, verloren Daitschland im Finale Spanien, Daitschland war vielmals Airopa- und Weltmaister, haven starke Mannschaft zie immer, starke Spieler, которые ... In Schillink haven wir auch zehr Fussball gespielt, wir haven zelvst Ball gemacht, wir mit ihm zehr lanke haven gespielt, viele Tore schoss ich, haven klaine Tore, nai machten, warn starke Mannschaft tswischen Kindr, konnten dort stundenlank spielen, konnten nichts machen, nur spielen//.*

Исследуемый материал показывает, что моделируя речевое поведение, анализируемая языковая личность оперирует не просто отдельным речевым жанром, выражающим единичный тип высказывания, а старается оформить свое языковое сознание при помощи гипержанра или палитры речевых жанров, под которыми понимается “совокупность высказываний, объединенных общей смысловой направленностью, типичных для речевого поведения говорящего, обладающих ярко выраженной ситуативной спецификой и иллюстрирующих поведение говорящего как активного участника коммуникативного процесса” [8, с. 117].

Сложный характер идентификации гипержанра поставил перед исследователями нелегкую задачу описания основных составных компонентов данной единицы. Так, освещая структурную модель гипержанра, Н. В. Денисова утверждает, что “гипержанр – комплекс сложных речевых жанров или сложных и простых речевых жанров, характеризующихся единством целеполагания и текстового пространства. Основная цель гипержанра реализуется как комбинация частных целей сложных и простых речевых жанров, т.е. каждый речевой жанр выполняет свою функцию в реализации общей цели гипержанра, при этом важную роль играет закрепленная последовательность жанров” [4, с. 13]. Мысль о сложной и многокомпонентной структуре гипержанров продолжает Б. Я. Шарифуллин, полагающий, что “речевые жанры в коммуникативном пространстве не существуют независимо, между ними выстраиваются довольно сложные отношения. Поэтому появляется возможность и необходимость говорить о формировании в различных дискурсах целых жанровых сообществ (конгломераций). Такие сообщества разных жанров (жанровые “кластеры”) обеспечивают в рамках одного дискурса цельность единого, но сверхсложного текста… Гипержанр, во-первых, в отличие от простых и сложных, комплексных речевых жанров, отражает не просто “сложное” реальное событие, но такое, которое членимо на различные компоненты или эпизоды, часто выстраиваемые в определенном порядке, по определенному сценарию” [11, с. 132 – 134]. Интересным представляется рассмотрение О. А. Казаковой критериев для анализа гипержанров в составе речевой продукции носителя народной культуры, в составе которых выделяются “коммуникативная цель, тип коммуникативной ситуации, репертуар простых и сложных жанров, тактики речевого поведения” [6, с. 144].

На наш взгляд, одним из важнейших условий функционирования появления любого гипержанра является образ его автора. Автором исследуемого гипержанра “сообщения об интересах” выступает анализируемая рядовая языковая личность, которая “создавая текст определенного жанра, выступает в прагматически обусловленной роли или ролях – таких, которых требует этот вид текста” [2, с. 31]. Индивидуальное авторское начало и задает тон в процессе порождения и развертывания создания текстов различной тематической приуроченности. Как отмечает М. М. Бахтин, образ автора рассматривается как доминирующий признак любого речевого жанра, как “изображающее начало” [1, с. 304]. Исследуемый материал показывает, что личность автора при моделировании коммуникативного процесса в контексте рассмотрения гипержанра отражает модель речевого взаимодействия, организующими звеньями которого выступают: а) логичное и связное построение сообщения, характеризующегося внутренней структурной соотнесенностью цепочки предложений, а также их целенаправленной синтаксической связью, необходимых для переплетения частей в цельное и завершенное речевое произведение; б) учет прагматической стороны, заключающейся в создании стратегий ведения коммуникативного взаимодействия и фокусирование траектории воздействия на адресат со стороны автора.

Обращение внимание на яркую и самобытную личность автора заставляет также детально подойти к идентификации роли адресата в рамках исследования гипрежанра, отражающегося в текстовой продукции Я. К. Ведь адресат, репрезентирующийся как важный участник коммуникативного процесса, является основополагающим носителем и отражателем языкового сознания говорящего через постулируемые тексты. Необходимо отметить, что при моделировании речевое поведение исследуемой языковой личности фокусируется на коммуникативный диалог с адресатом текста, который с позиций прагматики понимается как “устойчивая совокупность представлений и когнитивных структур, координирующих и регулирующих текстовое поведение автора текста” [7, с. 20]. Коммуникативный контакт говорящего и слушающего приобретает характер доверительный беседы, понимаемый как “специфический жанр, соединяющий в себе фатическую и информационную коммуникацию приблизительно в равной степени, поскольку непосредственная передача информации сочетается с приятным времяпрепровождением, получением удовольствия, а наличие компонента “информация” в семантике имени позволяет говорить о важности информационного начала в структуре данного жанра” [9, с. 106]. Тактика ведения беседы в контексте развертывания гипержанра “сообщение об интересах” нацелена на создание благоприятной атмосферы между автором и адресатом, которым является автор данной статьи. Образ адресата зачастую предстает как индивидуальность, которая, по мнению информанта, обладает сопоставимым социальным статусом с говорящим. Такой метод ведения коммуникации обеспечивает фактор сближения информанта как активного участника речепроизводства со слушающим, основная функция которого заключается в адекватном восприятии поступающей информации.

Безусловно, немаловажным критерием создания и “движения” определенного гипержанра “является его коммуникативная цель. Рассматривая гипержанр “сообщение об интересах” принципиальным является детерминирование коммуникативного намерения информанта, которое “является общим, интегративным началом для всех без исключения речевых жанров” [3, с. 6]. В рамках развертывания процесса разговора коммуникативная цель становится направляющим вектором, определяющим и регулирующим коммуникативное поведение участников общения. Подобная цепочка репрезентации гипержанра поднимает вопрос о формировании и использовании информантом тактики речевого поведения, рассматриваемой в единстве четырех важнейших компонентов “ситуация – автор – текст – адресат”. Коммуникативная тактика вбирает в себя заданный мотив, целевую направленность и замысел высказывания, посредством которого реализуется успешность завершения акта общения. Согласно Н. И. Формановской, “в отличие от желания, которое представляет собой влечение, стремление к осуществлению чего-нибудь, замысел истолковывается как задуманный план действий, поэтому представляется целесообразным связывать интенцию прежде всего с замыслом; речевая интенция – это намерение, замысел сделать нечто, выполнить действие с помощью такого инструмента, как язык – речь – высказывание, т. е. осуществить речевой акт” [10, с. 166 – 167].

Анализ текстовой продукции Я. К. иллюстрирует тот факт, что одним признаков гипержанра “сообщение об интересах” является отражение в нем диктумного содержания, передающего основные постулируемые микротемы в составе гипержанра. В рамках исследуемого гипержанра “сообщение об интересах” наблюдается экспликация трех микротем, образующих гипержанр. Это микротемы “огород”, “рыбалка”, а также “спорт”.

Микротема “огород”, касающаяся выращивания овощных культур и садоводство вообще понимается информантом как неотъемлемая, ментально значимая составляющая жизни представителя народной культуры, определенная часть жизни которого прошла в деревне. Повествование в контексте этой микротемы моделируется Я. К. за счет освещения целого ряда культур, которые высаживала мать говорящего (огурцы, помидоры, картофель). Важная составляющая рассказа о процессе выращивания культур – выделение в текстовой продукции категории “сада”, идентифицируемого Я. К. как “второго дома”, который играет важную объединяющую роль для сознания жителей деревни. Другими словами, в сознании Я. К. “сад” – сложный многоуровневый образ, имеющий исторические корни своего развития и важность для представителей деревенской культуры.

Микротема “рыбалка” также является одним из основных структурных элементов гипержанра “сообщение об интересах”. Исследуемый материал показывает, что рыбная ловля была излюбленным занятием крестьян в деревне Шиллинг, где данное ремесло объединяло представителей старшего и молодого поколения. Необходимо отметить, что постулирования гипержанра происходит с типичной для информанта конкретизацией особенностей рыбной ловли. Такой подход к детальному описанию данного процесса говорит о том, что рыбная ловля занимала важное место в контексте жизненного континуума представителей традиционной семьи российских немцев. Я. К. рисует картину, характеризующуюся сложностью производства удилища для успешной рыбалки, помощь в данном процессе взрослых, а также особенностями ловли различных видов рыбы и приготовления рыбного супа.

Актуализация в структуре гипержанра микротемы “спорт”, касающейся приобщенности информанта к просмотру спортивных программ и упоминание занятием спортом в детстве, говорит о достаточно значимой стороне данного вида деятельности, позиционирующей исследуемого говорящего индивида как активную языковую личность. Спортивная составляющая гипержанра разворачивается преимущественно на фоне подачи информации о зимних видах спорта (хоккей, фигурное катание) в контексте проведения Зимних Олимпийских Игр в Турине в 2006 г., а также освещения проблематики футбола, связанной с успешным выступление сборной России по футболу на чемпионате Европы в 2008 г. Дополнительная маркированность тематики футбола в жизни информанта происходит за счет фокусировании внимания на детских годах, во время которых Я. К. увлечено занимался вместе с другими детьми игрой с мячом.

Важную роль при выявлении особенностей гипержанра играет также фактор коммуникативного времени, понимаемый как временной промежуток между созданием текста и его восприятием. Рассмотрение коммуникативного времени эксплицируется в гипержанре за счет двух основных временных форм, характерных для данного жанра. К таковым относятся формы прошедшего и настоящего времени немецкого языка.

Глагольная форма настоящего времени типична для обозначения действий, совершающихся в данный момент времени. Ярким примером использования форм настоящего времени немецкого языка служит описание говорящим ситуации, связанной с работой в саду, в котором выращиваются сельскохозяйственные культуры. *//Jettst haven wir auch Garten, dort steht klain Haus, zehr oft wir frire Take haven, oft im Zommer zehr kalt, nicht kennen wir dort oft haven, nain, das ist zehr schlecht, schlecht fir Garten, frier wir viele Gurken haven, Tomaten zokar, das ist interezant, wenn Ernte gut, viel haven, das ist zehr gut//*. Говорящим, помимо указания на сельскохозяйственные культуры, постулируется также оценочное высказывание относительно удачного сбора урожая *//wenn Ernte gut, viel haven, das ist zehr gut//.* Интересным представляется анализ форм настоящего времени в контексте отражения информантом фактов, связанных с рыбной ловлей. Глаголы настоящего времени имеют особенность проявляться в тех случаях, когда информант хочет подчеркнуть значимость данного действия в общем постулировании микротемы “рыбалка”. Данная характеристика касается: 1) наименования своего родного поселка, где начиналось увлечение Я. К. рыбной ловлей *//Wir haven in Schillink zehr viel Tsait//*; 2) обращения внимания на способы приготовления рыбы *//braten am Faier//*; 3) упоминания орудия рыбной ловли *//das zind zolche grouze Stεve//*; 4) количества улова *//zehr viele Fische haven wir//*; 5) выявления положительных отзывов со стороны других лиц в овладении способностями рыбака *//du bist echter Fischer//*.

Темпоральная характеристика речи, эксплицируемая в формах настоящего времени, также реализуется в освещении говорящим микротемы “спорт” в составе гипержанра “сообщение об интересах”. С одной стороны, анализ данного гипержанра показывает, что настоящее время иллюстрирует частотность и личную заинтересованность говорящего в просмотре спортивных телепередач *//in der lettsten Tsait Intereze have, Fernzeher zehe ich viel//, in Zendunken zehe, часто//*, с другой стороны, обращает внимание слушающего на актуализацию в коммуникативном процессе фамилии российской спортсменки, в частности Светланы Журовой, занимающий в данный момент ответственный пост в Государственной Думе РФ *//die zitts jettst in Duma//*. В структуре микротемы “спорт” обнаруживается также футбольная проблематика, раскрывающаяся на фоне отражения настоящего времени в описании деятельности иностранного специалиста на посту главного тренера сборной России по футболу, с именем которого связан основной успех команды на чемпионате Европы *//wir haven Trainer aus Ausland//*. Информант также проявляет собственные воспоминания, в рамках которых Я. К. упоминаются проблемы, связанные с отсутствием в родном поселке Шиллинг необходимого оборудования для занятия этим видом спорта *//haven klaine Tore//*.

Для развертывания временной перспективы микротемы “огород”, в состав которой речевое поведение ведется с учетом использования глагольных форм прошедшего времени, характерно обращение информанта к выдвижению на передний план круга близких родственников, прежде всего матери и отца, которые отдали много сил и времени работе в саду *//vor allem als ich in Schillink und Zaratow gelevt have, ja, interezant war Garten tsu haven, in Schillink, war interezant, wie der Vaader Gurke, Tomaten, Kartoffel выращивал там, das gefiel mir zehr, war fir uns Garten als tswaites Haus, das Haus, alles war dort zehr schɛn, Muuder machte alles dort, und wir verzuchten auch tsu helfen, verzuchten tsu machen dort schɛn, wie ich das Leven schɛpfe//.* В числе близких родственников в дискурсе Я. К. упоминается также брат, который занимался высаживанием собственных культуры в саду *//Bruder hatte auch zaine Kulturen im Garten//.* Принципиальная сторона отражения микротемы “огород”, передаваемая формами прошедшего времени, – личность самого говорящего, который всегда откликался помочь матери в обустройстве и уходе за садом *//ich zorkte dafir, verzuchte, чтобы никаких сорняков там не было, чтобы все было чисто//.* Особенностью отражения своего вклада в “процветание” сада является акцентированная смена кода повествования, комбинирующая использование форм прошедшего времени как русского, так и немецкого языков. Следует подчеркнуть, что значимость перехода с одного языка на другой обусловлена индивидуальной позицией Я. К. при выявлении своей, ведущей для самого говорящего, роли относительно работы в саду.

Отличительной характеристикой прошедшего времени при раскрытии микротемы “рыбалка” в составе исследуемого гипержанра является не только детальное описание основательной подготовки к рыбной ловли *//anfanks konnten wir dariver nichts machen//, //ginken tsu angeln, zelvst machte удилища//, //ginken zehr spɛt, fitterten morken, Fisch клевала так хорошо//,* но и упоминание круга лиц, с которыми говорящий занимался рыбалкой *//Alden halfen uns//, //gink mit Bauern auch tsu angeln//, //mit vielen aus dem Dorf gink tsu angeln//, //я с ними тоже помногу был на рыбалке//,* комментариев по поводу количества выловленной рыбы *//gants Eimer brachten nach Hauze, brachten viel Fisch nach Hauze, zehr viel, 20 kg//*, а также и наименование блюда, которое приготовлялось из рыбы *//oft kochten wir am Ufer Fischzuppe//.* Представленные примеры текстовой продукции Я. К. при постулировании микротемы “рыбалка” отражают вкрапления русского языка. Думается, что в данном случае, значимость единиц русского языка связана с определенными проблемами со стороны информанта в подборе немецких наименований для обозначения аспектов рыбной ловли, а также желанием Я. К. “донести” до адресата понимание различных сторон этого процесса при помощи средств его родного языка.

Передача прошедшего времени в микротеме “спорт” заостряет внимание слушающего, прежде всего на Зимней Олимпиаде, которая состоялась в 2006 г. в итальянском городе Турин *//Wintersport, das war die Winterolympiade, na, in Turin//.* Информант дает комментарии по уровню выступления спортсменов сборной России по зимним видам спорта (хоккей, фигурное катание и коньки) и завоеванию медалей *//dort haven unzere Wintersportler zehr gut gespielt, viele Medaille gekriekt, gewonnnen//*, *//Eiskunstlauf gefiil mir zehr auch, zah auch Hockai, unzere haven zehr gut gespielt//.* Главная характерная черта отражения событий в контексте микротемы “спорт” при помощи прошедшего времени – фокусирование внимание говорящего на противостоянии сбороной России по футболу с футбольной сборной Германии *//когда наши с Германией играли, sah прямую трансляцию im Fernzehen, unzere haven verloren, gespielt haven wir gut, mit vergniken zah ich чемпионат Европы, dort schniden wir gut ab//.* Данное описание, с одной стороны, отражает неудачу сборной Германии в финале чемпионате Европы в 2008 году *//spielte Daitschland dort zehr gut, verloren Daitschland im Finale Spanien//*, а с другой стороны вычленяет многочисленные титулы этой страны, как на европейской, так и на мировой арене *//Daitschland war vielmals Airopa- und Weltmaister//.* Процесс экспликации футбольной проблематики проецируется также на саму личность Я. К., для которого футбол в детские годы являлся важным занятием, которое помимо его, объединяло других детей поселка Шиллинг *//In Schillink haven wir auch zehr Fussball gespielt, wir haven zelvst Ball gemacht, wir mit ihm zehr lanke haven gespielt, viele Tore schoss ich//, // nai machten, warn starke Mannschaft tswischen Kindr, konnten dort stundenlank spielen, konnten nichts machen, nur spielen//.*

Таким образом, проанализировав важнейшие составляющие компоненты в контексте текстовой продукции представителя народной культуры, можно констатировать, что гипержанр представляет собой многокомпонентное речевое произведение, обладающее целенаправленным политематическим характером отражения явлений действительности в языковом сознании говорящего индивида, обусловленное воздействием на адресата, а также имеющее в своем арсенале целый ряд доминантных характеристик, необходимых для отражения темпоральной и языковой архитектоники.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

2. Будагов Р. А. Человек и его язык. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 262 с.

3. Горелов И. Н. Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003. 320 с.

4. Денисова Н. В. Жанровая организация рекламного буклета вуза // Язык и культура. 2009. Вып. 1(5). С. 12 – 21.

5. Долгова Е. В. Дискурсивные и коммуникативные особенности речевого жанра “портрет делового человека” (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.

6. Казакова О. А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте: монография. Томск: Изд. Томск. политех. ун-та, 2007. 200 с.

7. Каминская Т. Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009. 46 с.

8. Костомаров П. И., Богословская З. М. Текст в индивидуальном варианте немецкой народно-разговорной речи Сибири. Томск: Изд. Томск. политех. ун-та, 2012. 182 с.

9. Лагута Н. В. Жанровое пространство одной беседы // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2009. Вып. 7. С. 105 – 110.

10. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения: учеб. пособ. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.

11. Шарифуллин Б. Я. Гипержанры и гипержанровые сценарии в вербальной и невербальной коммуникации // Гуманитарные и социальные науки. 2012. Вып. 6. С. 132 – 144.

Информация об авторах:

Костомаров Петр Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета, petrkost@yandex.ru.

Косенчук Алина Владимировна – студентка 1-го курса Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета, alina.kosenchuk@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 24.02.2016 г., принята к печати 12.04.2016 г.

HYPERGENRE IN THE SPEECH OF THE REPRESENTATIVE OF THE RUSSIAN GERMANS OF SIBERIA

Petr I. Kostomarov[1, @1], Alina V. Kosenchuk[1, @2]

[1] Tomsk Polytechnic University
[@1] petrkost@yandex.ru
[@2] alina.kosenchuk@mail.ru

The paper deals with the linguistic anthropological paradigm which is aimed at the study of various aspects of text production of the linguistic personality. The goal of the study is to investigate the communicative behavior of the Russian Germans in Siberia and describe its various structural components. The techniques of interpretation and synthesis as type of descriptive method are used. The characteristics of various sides of the hypergenre, reflecting its diverse palette, help to identify the peculiarities of text organization of folk spoken type of German of the individual.

Keywords: hypergenre, linguistic personality, discourse, Russian Germans.

For citation: Kostomarov P. I., Kosenchuk A. V. Giperzhanr v rechi predstavitelia rossiiskikh nemtsev Sibiri [Hypergenre in the speech of the representative of the Russian Germans of Siberia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 182 – 186.

References

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creation]. Moscow: Iskusstvo, 1979, 423.

2. Budagov R. A. *Chelovek i ego iazyk* [Man and his language]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1974, 262.

3. Gorelov I. N. *Izbrannye trudy po psikholingvistike* [Selected works on psycholinguistics]. Moscow: Labirint, 2003, 320.

4. Denisova N. V. Zhanrovaia organizatsiia reklamnogo bukleta vuza [Genre organization of university's booklets]. *Iazyk i kul'tura – Language and culture*, no. 1(5) (2009): 12 – 21.

5. Dolgova E. V. *Diskursivnye i kommunikativnye osobennosti rechevogo zhanra "portret delovogo cheloveka" (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov).* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Discursive and communicative features of speech genre "businessman's portrait" (based on the Russian and English languages). Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2010, 20.

6. Kazakova O. A. *Dialektnaia iazykovaia lichnost' v zhanrovom aspekte* [Dialectal linguistic personality in the genre aspect]. Tomsk: Izd. Tomsk. politekh. un-ta, 2007, 200.

7. Kaminskaia T. L. *Obraz adresata v tekstakh massovoi kommunikatsii: semantiko-pragmaticheskoe issledovanie*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [The image of the addressee in the texts of mass communication: semantic-pragmatic research. Dr. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2009, 46.

8. Kostomarov P. I., Bogoslovskaia Z. M. *Tekst v individual'nom variante nemetskoi narodno-razgovornoi rechi Sibiri* [Text in the individual variant of the German folk speech of Siberia]. Tomsk: Izd. Tomsk. politekh. un-ta, 2012, 182.

9. Laguta N. V. Zhanrovoe prostranstvo odnoj besedy [Genre space of one conversation]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh – Word: Folklore dialectological Almanac*, Blagoveshchensk, no. 7 (2009): 105 – 110.

10. Formanovskaia N. I. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinits obshcheniia* [Communicative and pragmatic aspects of communication units]. Moscow: In-t rus. iaz. im. A. S. Pushkina, 1998, 291.

11. Sharifullin B. J. Giperzhanry i giperzhanrovye stsenarii v verbal'noi i neverbal'noi kommunikatsii [Hypergenre and hypergenre scripts in verbal and nonverbal communication]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki –Humanities and social sciences*, no. 6 (2012): 132 – 144.

Received 24.02.2016, accepted 12.04.2016.

УДК 82-94

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА В МНЕМОНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

***С. Г. Кузьмина*[1, @]**

[1] *Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова*
[@] *llietuvis@list.ru*

Статья написана на материале мнемонических текстов, созданных представителями разных национальных культур (русской, польской, литовской), и преследует цель обосновать факт влияния национального менталитета на когнитивный процесс воспоминания. Данная цель достигается путем установления лингвистических средств выражения национального и инонационального компонентов в языковой картине мира автора мемуарного текста, а также фиксации особенностей обращения мнемонического повествователя к национально-культурным реалиям. Для решения поставленных задач используются методы дескриптивного и контекстологического анализа, а также метод количественного подсчета. Результаты исследования предлагаются в дискурсивной проекции, продолжают разработку понятий «мнемонический дискурс» и «когнитивно-речевой субъект» применительно к автору мнемонического текста. Данная научная работа доказывает, что особенности менталитета вспоминающего «Я», которые включают как национальную самоидентификацию, так и опыт межнациональных взаимоотношений, не только оказывают прямое влияние на процесс ментальной реконструкции прошлого, но и способствуют созданию национально-культурного контекста в мнемоническом дискурсе.

Ключевые слова: национальный менталитет, национально-языковая картина мира, мнемонический повествователь, мнемонический дискурс.

Для цитирования: Кузьмина С. Г. Формирование национально-культурного контекста в мнемоническом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 187 – 192.

Память как ментальная реконструкция прошлого является одним из когнитивных факторов, влияющих на создание текста в мнемоническом (ретроспективном) дискурсе. Воспоминания человека тесно связаны с гносеологическим понятием «образ мира» или «картина мира», формирующимся в результате усвоения социальных и исторических знаний, которые генерируются культурой и охватывают не только универсальные, но и национальные понятия, явления определенного ареала и определенного времени. Вербализация опыта национальной культуры происходит через номинацию, отражающую национальную культуру этноса [3, с. 419].

Система вербальных знаков, отражающих социально-историческое, духовно-культурное восприятие действительности национальным союзом людей, рассматривается как национально-языковая картина мира [7, с. 439]. Языковая картина мира коррелирует с понятием структуры языковой личности Ю. Н. Караулова. Носителем национального начала в этой структуре выступает относительно устойчивая во времени ее часть, которая является продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта [2, с. 42].

Языковая личность автора мнемонического текста является одним из аспектов его творческой личности как «когнитивно-речевого субъекта» наряду с личностью познающей, коммуникативной и дискурсивной [5, с. 11]. Национально-культурная составляющая структуры языковой личности мнемонического автора проявляется в использовании языковых единиц, характеризующих национальные представления жизненного устройства человека, а также текстов речевой субкультуры, представляющей область коллективного народного творчества [8, с. 246]. Они формируют национально-культурный контекст, анализ которого позволяет доказать, что национально-культурные концепты в языковой картине мира автора являются неотъемлемой частью когнитивной базы, на которой строится воспоминание.

Рассмотрим средства формирования национально-культурного контекста в мнемоническом дискурсе на примере личных писем и мемуаров, авторы которых представляют разные национальные культуры: русскую, литовскую, польскую.

Анализ фронтовых писем летчика-истребителя Александра Хватова говорит о свободном владении автора русской идиоматикой, сведениями из русской истории и литературы, о знании текстовых образцов народного творчества и речевой субкультуры довоенного периода нашей страны. В первую очередь следует назвать русские пословицы, которыми автор писем периодически подкрепляет свои мысли: *Ты будешь неизмеримо выше меня по образованию и можешь сказать: «Гусь свинье не товарищ»* [6, с. 310]; *Клянусь, я никогда не отступлю перед врагом. «Или голова в кустах, или грудь в крестах» – верно?* [6, с. 320]; *Но ведь без труда не выловишь и рыбку из пруда, как говорится* [6, с. 321]; *Как говорится, гора с горой не сходится, а человек с человеком – всегда* [6, с. 323]; *И сказали бы люди – «ни богу свечка, ни черту кочерга»* [6, с. 325]; *Убьют, тогда, как говорят, на нет и суда нет* [6, с. 332]; *Ну, думаю, на безрыбье и рак рыба* [6, с. 335].

Специфическое восприятие мира носителями каждого конкретного языка отражают фразеологиические единицы. Устойчивые обороты, входящие в русскую национально-языковую картину мира, свободно встраиваются в тексты писем. Некоторые из них подвергаются варьированию путем изменения лексического

состава при сохранении общего значения фразеологизма: *и это будет не первый снег на голову* [6, с. 310]; *опротивела эта жизнь школьная хуже горькой редьки* [6, с. 317]; *все, что происходит сейчас, – цветочки, а ягодки, зимние ягодки, будут еще впереди* [6, с. 320]; *а теперь вообще море по колено. Правда, иногда бывает лужа по уши, но ведь не без этого* [6, с. 332].

Национально-культурный контекст анализируемых писем формируется и путем использования прецедентных феноменов, вызывающих прогнозируемые ассоциации, которые одинаковы для представителей одного лингвокультурного сообщества. Среди национально маркированных прецедентных феноменов встречаются:

– прецедентные имена, т. е. имена известных в национальной среде лиц, литературных героев, природных объектов, историко-культурных памятников: *Этот год должен принести нам победу, как он принес ее семьсот лет тому назад Александру Невскому, разгромившему на льду Чудского озера немецких псов-рыцарей* [6, с. 321]; *Он стал похож на толстовского иностранного принца, того самого, о котором Вронский говорил Анне* [6, с. 315];

– прецедентные тексты, в частности тексты песен, выражающих коллективное мироощущение нации в период Великой Отечественной войны: *Если я останусь жив, то после того как пройдет товарищ все бои и войны, не зная сна, не зная тишины, любимый город другу улыбнется, знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд* [6, с. 314].

Человек воспринимает мир сквозь призму принятых в этнокультурной общности ценностных установок. Одной из наиболее значимых общечеловеческих ценностей является мирная жизнь и ненависть к тем, кто на нее посягает. Поэтому воспоминания А. Хватова о довоенной жизни связаны с понятием-признаком «золотой»: *С грустью гляжу на золотые поля и думаю: осень была для нас с тобой золотым временем года* [6, с. 314]; *Вспоминаются школьные весенние месяцы. Да, это было золотое времечко!* [6, с. 322].

Ассоциативно-образной связью обусловлено использование имен представителей животного мира, которые в русской национально-языковой картине мира символизируют зло и смерть: *фашистские стервятники, фашистские черные вороны.* Другие обозначения жестокого врага имеют в письмах также отрицательные коннотации: *фашистская сволочь, гады, звероподобные фашисты, озверелый фашизм.*

В русском национальном менталитете понятие «воюющий и защищающий» связано с понятием-признаком «кровавый», так как русскому человеку невозможно представить отечественную историю без кровопролитных войн за сохранение своего права на жизнь: *Мы не подготовили бы себя к разгрому германского фашизма, в кровавом угаре задумавшего сделать нас рабами* [6, с. 320].

Следует отметить, что особое место в структуре национально-языковой картины мира занимают знания о межкультурном и межнациональном взаимодействии людей. Поскольку во все времена человек в большей или меньшей степени сталкивается с проблемой этнокультурных различий, интерес к представителям других национальных групп и к системе их ценностей никогда не пропадает. Эти знания проявляются в различных формах актуализации национального самосознания и отношения автора мемуарного текста к другим народам и этносам. Примером может служить отрывок из мемуаров Б. Сруоги «Dievų miškas», в котором рассказывается о вербовке литовской молодежи в ряды СС: *Jaunimas bausmių nenusigąsta. Jaunimas į SS neina. Jaunimas traukia: «Tu girele, tu žalioji…». Jaunimas traukia į žaliąją girelę* [12, с. 13] *(Молодежь не боится наказания. Молодежь не идет в СС. Молодежь запевает: «Ты дремучий, ты зеленый…» Молодежь уходит в дремучий зеленый (здесь и далее пер. С. Г. Кузьминой))*.

Слова песни и эвфемизм *Jaunimas traukia į žaliąją girelę* имплицирует стремление молодых людей вступать в нацистскую организацию «Лесные братья». Непрямая передача конкретной информации доказывает факт закрепления в подсознании автора норм и ценностей того социума, в котором произошло становление его личности. К ним относятся осторожность и скрытность, присущие литовскому менталитету, а также осознание возможной ответственности за оценку деятельности преступной организации.

Такие особенности польского менталитета как харáктерность и патриотизм раскрываются в описании родственного лица автора мемуаров И. Хмелевской: *Starający się, późniejszy wujek Olek, przychodził z wizytą, ciotka* ***kazała mówić, że jej nie ma w domu, wyśmiewała go i lżyła wszelkimi siłami, ręki odmawiała****, po czym, kiedy zabrali go żandarmi, dostała szału i jak prawdziwa* ***Polka – patriotka*** *popędziła za nim* [10, с. 13] *(Когда следующим пришел свататься дядя Олек, тетка просила говорить, что ее нет дома, высмеивала его и унижала всякими способами, отказывалась выходить за него замуж. А когда его забрали жандармы, она достала шаль и, как настоящая полька-патриотка, поехала за ним)*.

В текстах мнемонического дискурса используются разнообразные виды визуального и интеллектуального освоения информации: семантического, фонематического, зрительного и других [1, с. 352]. Широкое употребление в мнемоническом повествовании антропонимов, топонимов и разных форм датирования служит не только для обозначения личностных и пространственно-временных координат изображаемой действительности, но и является сигналом субъективно отмеченного фокусирования событий, важных для самораскрытия и развития вспоминающего «Я» [4, с. 50].

Рассмотрим пример описания Б. Сруогой концлагеря Штутгоф – места событий, которым посвящена его автобиографическая повесть: *Liūnai, kemsynai, kalneliai. Ant kalnelių, kažkieno galios supiltų iš balto smėlelio, – pušaitės, aukštos ir lieknos it senoviško ješiboto auklėtinės. Pakalnėlėse – berželiai, tokie paliegę, tokie nuskurdę, tarytum saulaitės malonės užmiršti našlaičiai našlaitėliai <...> Iki 1939 metų tai buvo mažai kam žinomas užkemsys. Šalia jos merdėjo mažas miestukas, beveik kaimas, Štuthofas, kokių Vokietijoje buvo tūkstančiai* [12, с. 1 – 2] *(Болота, кочки, пригорки. На пригорках, каким-то образом заметенных белым*

песком, стоят сосны, высокие и стройные, как выпускницы старомодного ешибота. На склоне горы растут березы, такие хилые, такие убогие, словно сироты-сиротинушки, обделенные солнечным теплом <...> До 1939-го это было мало кому известное болото. Рядом с ним умирал маленький городок, почти деревня, Штутгоф, каких в Германии было тысячи).

Автор традиционно начинает с описания места действия. Безрадостная атмосфера и запущенность местности вокруг городка Штутгоф выражается семантикой лексем *liūnai, kemsynai, paliegę, nuskurdę, užmiršti, našlaitėliai, užkemsys, merdėjo,* в которых превалируют отрицательные коннотации. На наш взгляд, отрицательные ассоциации, связанные в сознании автора с описываемой местностью, стали следствием негативного опыта, полученного им во время пребывания в концлагере. Следует обратить внимание на то, что использованное в описываемом тексте сравнение *it senoviško ješiboto auklėtinės* имеет национально-культурную окраску и связано с традициями еврейского народа. Это свидетельствует о закрепленности данной инонациональной реалии в картине мира вспоминающего «я», что нашло отражение в продуцируемом им тексте. Возможны две интерпретации того подтекста, который возникает в связи с использованием данного сравнительного оборота:

1) он имеет положительную коннотацию, поскольку в его лексическом окружении есть слова с позитивным оценочным значением *aukštas* и *lieknas*, которые контрастируют с общей отрицательной атмосферой описываемой местности;

2) он имеет отрицательную коннотацию, поскольку сравнительный оборот употребляется в описании угнетающей атмосферы, которую поддерживает семантика лексемы *senoviškas* (‘старомодный’ [11, с. 723]) с негативным оттенком.

Дальнейшее описание Штутгофа представляет собой характеристику его населения, в которой выражается авторское представление о чужом народе. Национально-культурный контекст формируется путем перечисления традиционных для местных жителей действий и желаний, которые в сознании автора сложились в картину нравов и обычаев этого народа: *Ir gyveno čionai patys nuobodžiausi žmonės Europoje – Prūsų vokiečiai, paskendę šiokiadienėje dvasios menkystoje, garbinę policininką ir virtuvę, laukuję tvarką ir alų, galėję ištisą savaitę duonos nevalgyti, kad tiktai šventadieniais jiems būtų leista karingu žingsniu iškilmingai gatvėmis pradūlinti ir didžiulį būgną pabambinti* [12, с. 3] *(И жили там самые скучные люди в Европе – прусские немцы, которые каждый день тонули в духовном убожестве, поклонялись полицейским и кухне, жаждали порядка и пива, могли не есть хлеба целую неделю, чтобы только по праздникам им позволили торжественно пройтись по улицам военным шагом и постучать в огромный барабан).*

Приведенный отрывок содержит номинацию народа (*Prūsų vokiečiai*) и авторскую негативную оценку, которая проявляется в семантике словосочетаний *nuobodžiausi žmonės Europoje* и *paskendę dvasios menkystoje*, а также в употреблении зевгмы *garbinę policininką ir virtuvę* и *laukuję tvarką ir alų.*

Для подтверждения принадлежности описываемых земель в былые времена своему народу, Б. Сруога акцентирует внимание на литовской мифологии, которая возникла на данной территории и теперь передается устами местных жителей: *Dievų miškas! – taip ši vietelė žmonėse iš senų senovės vadinosi. Kadaise, labai seniai, šiame miške dievai gyvenę. Savotiški dievai**. Ne germaniškos kilmės. Ne Votanas, ne Toras.** Gyvenę tenai **lietuviškųjų dievų palikuonys.** Gdansko apylinkės vietovės iš viso gana turtingos senovės padavimais ir legendomis, kuriose nuostabiu būdu veikia **lietuviškos kilmės ir lietuviškais vardais personažai. Perkūnas, Jūratė, Laumė, Patrimpas – nuolatiniai** Gdansko srities jūros **pakrančių**, ežerų ir miškų gyventojai, **nors tuos padavimus ir pasakoja Prūsijos piliečiai**, besivadiną vokiečiais* [12, с. 4] *(Лес богов! – так это место называли люди в старые времена. Когда-то очень давно в этом лесу жили боги. Своеобразные боги. Не германского происхождения. Не Вотан, не Тор. Жили там потомки литовских богов. Окрестности Гданьска вообще богаты старинными легендами и сказаниями, в которых совершают удивительные подвиги герои литовского происхождения, носящие литовские имена. Пяркунас, Юрате, Лауме, Патримпас – постоянные жители морского побережья у Гданьска, тамошних озер и лесов, хотя о них рассказывают прусские жители, называющие себя немцами).*

Чтобы выразить негодование по поводу исторической несправедливости и полную убежденность в том, что на описываемой территории жил литовский народ или, по крайней мере, родственное балтийское племя пруссов (*Prūsijos piliečiai*), автор использует:

1) многократный повтор наименования своего этноса: *lietuviškas*;

2) перечисление имен литовских языческих богов (*Perkūnas, Jūratė, Laumė, Patrimpas*) в противопоставлении именам германских богов с отрицательной частицей: *ne Votanas, ne Toras*;

3) причастный оборот *besivadiną vokiečiais*, в котором имплицитно присутствует сожаление автора о том, что современные пруссы относят себя к германцам и к немецкой культуре.

Противопоставляя красоту мифологического прошлого трагической странице в истории изображаемой местности, на которой развернут фашистский концлагерь, автор использует антитезу dievai – velnius для обозначения тех, кто жил здесь раньше и кто пришел сюда сейчас: *Šiaip buvo čionai tuščia ir nyku. 1939 metais Dievų miškas staiga atgijo, suirzo, suknibždėjo, lyg **senlaikių dievai** būtų į jį sugrįžę...*

*Ne, – jokie dievai tenai negrįžo: apsigyveno jame piliečiai, panašūs į **velnius*** [12, с. 5] *(Вообще, там было пусто и негостеприимно. В 1939 году лес богов вдруг ожил, зашевелился, встрепенулся, будто вернулись в него стародавние боги… Нет, никакие боги туда не вернулись: там поселились люди, похожие на чертей).*

Анализ примеров из автобиографической повести Б. Сруоги подтверждает, на наш взгляд, факт влияния национального самосознания автора и его отношения к другому этносу на формирование изображаемого мира в его воспоминаниях.

Исследуемый материал показывает, что мнемонический автор нередко обращается к национальной стороне своего происхождения. Так, И. Хмелевская определенную часть воспоминаний посвящает национальной принадлежности своих предков, которая актуализируется именами собственными: географическими именами *Ukraina, Tończa, Mazowsze, Warszawa, Niemcy* и личными именами *Wojtyra, Bandera, Szpitalewski, Becker, Koch, Szwarc, Borkowskie, Luzińskie, Michaliki: Podobno ktoś się wywodził z* ***Ukrainy****, ale nie udało mi się dotychczas stwierdzić, kto, prababcia czy pradziadek. Może obydwoje, ale to chyba niemożliwe, bo pradziadek rzeczywiście miał po przodkach posiadłość w* ***Tończy****, raczej od* ***Ukrainy*** *odległej, więc może prababcia <...> Z drugiej znów strony pradziadek nazywał się* ***Wojtyra****,* ***Banderę*** *to jakoby nieco przypomina, zaznaczam, że wyłącznie brzmieniem, więc już w końcu sama nie wiem.* ***Szpitalewski na Ukrainie****, a* ***Wojtyra na Mazowszu****…? Coś mi nie gra <...> Zesłanie trwało krótko, po dwóch latach mogli już chyba wrócić, bo druga córka babci, Lucyna, urodziła się w* ***Warszawie*** *<...> Przez całe lata słyszałam gadanie, jak to pradziadek przybył z* ***Niemiec*** *i nie umiał po polsku i gryzłam się tą niemieckością, potwierdzoną panieńskimi nazwiskami babek i prababek.* ***Becker, Koch, Szwarc*** *mówiły same za siebie. Na szczęście mój stryj zadał sobie trud sprawdzenia, co się w tej rodzinie działo, i wyszło na jaw, iż na tych trzech niemieckość się wyczerpała, reszta to już były* ***Borkowskie, Luzińskie i Michaliki*** [10, с. 10 – 11] *(Якобы кто-то из них был родом с Украины, однако мне до сих пор не удалось узнать, кто: прабабка или прадед. Может быть, оба, но это невозможно, потому что предки деда точно жили в Тончи, а это довольно далеко от Украины. Так что, скорее всего, прабабка <...> Опять же, с другой стороны, прадеда звали Войтыра. Напоминает Бандеру, но отмечу, что это только звуковое сходство. Короче, сама не знаю. Шпиталевский на Украине, а Войтыра на Мазовше…? Что-то тут не сходится <...> Ссылка длилась недолго, и через два года они уже могли вернуться, потому что вторая дочь бабушки, Лючина, родилась в Варшаве <...> Много лет мне говорили, что мой прадед был из Германии и не знал польского. Я мучилась этой (немецкостью), вдобавок подтвержденной фамилиями бабок и прабабок. Беккер, Кох, Шварц говорили сами за себя. К счастью, мой дядя задался целью выяснить, что творилось в нашем роду, и оказалось, что на тех трех немчура себя исчерпала, остальные уж были Борковские, Лужинские и Михалики).*

Из приведенного отрывка видно, что национальное происхождение играет для автора немаловажную роль. Мнемонический повествователь досконально вспоминает место рождения и судьбу каждого родственника, особо останавливаясь на непольском происхождении своих предков. У И. Хмелевской вызывают сомнение украинские корни своих прадедов, и она пытается доказать польское происхождение одного из них с помощью польских имен: топонима *Tończa* и антропонима *Szpitalewski,* однако украинские антропонимы *Wojtyra* и *Bandera* заставляют автора оставить свои попытки, что актуализируется в устойчивом выражении *Coś mi nie gra*. Что касается немецкого происхождения своих предков, то автор воспоминаний выражает негативное отношение к данному факту, что выражается в семантике лексем *gryzłam się* и *na szczęście*.

В акцентировании внимания на национальном происхождении и доскональном знании истории предков проявляются, на наш взгляд, особенности менталитета этноса, к которому относит себя вспоминающее «я» И. Хмелевской, а именно такие его отличительные черты, как ревностное соблюдение национальной чистоты и негативное отношение к немцам.

Национальное самосознание мнемонического автора может проявляться в сравнении или противопоставлении поведенческих реакций представителей разных национальностей в одной ситуации. Так, в воспоминаниях узника концлагеря Штутгоф Б. Сруоги обращается внимание на неодинаковое отношение литовцев, поляков и немцев к одной и той же категории заключенных: ***Lietuviškoji lagerio kolona*** *išdavikų atžvilgiu laikėsi* ***santūriai, nesimušdavo****. Bet vos tik* ***lenkai*** *ar* ***vokiečiai*** *sužinodavo, kad išdavikas atėjo, jie jam* ***atlygindavo savo iniciatyva – ir su dideliu pasitenkinimu*** [12, с. 71] *(Литовские заключенные к предателям относились спокойно, не били их. А полякам и немцам только стоило узнать, что в лагерь прибыли предатели, они брались за них с особой инициативой и с большим удовольствием).*

Позиционирование себя с положительной стороны на фоне негативной характеристики отдельных представителей других национальностей дает основание полагать, что автор хотел обратить внимание читателя на определенные черты национального менталитета. Так, при описании литовского населения концлагеря (*Lietuviškoji lagerio kolona)* Б. Сруога использует лексему с положительной в данном случае оценкой *santūriai* и отрицание в сочетании с лексемой со значением ‘бить’ *mušti*. По контексту высказывания ясно, что автор имеет интенцию дать полякам и немцам (*lenkai, vokiečiai*) отрицательную характеристику, но он в силу собственных причин (боязнь последствий за высказанное мнение или желание придать смыслу высказывания бóльшую экспрессивность) не делает этого открыто, а имплицирует свои позиции с помощью устойчивого выражения *atlyginduoti iniciatyvą* и словосочетания *didelis pasitenkinimis*, которые вне контекста несут в себе положительную семантику, однако в сочетании с предыдущим высказыванием получают прямо противоположное значение.

Актуализация личностных особенностей персонажей, фигурирующих в текстах мнемонического дискурса, возможна также через воспроизведение их речи. Так, использование бранной лексики на языке народа, которому принадлежит субъект речи, помогает автору дать отрицательную характеристику говорящим лицам:

Lagerio viršininkas rėkia į tai: ***“Sauhund! Scheisse!”*** [12, с. 85] (*Начальник лагеря кричал на это: «Собака! Дерьмо!»).*

*Kur buvo tavo Ukraina, **psiakrew**, prieš karą?* [12, с. 93] *(Где была твоя Украина до войны, собачья ты кровь?)*.

*Jūs, lietuviai, **psiakrew**, pagrobėt iš **mūsų Vilnių**!* [12, с. 67] *(Вы, литовцы, кровь собачья, из нашей Вильны взялись!)*.

Однако следует помнить, что негативное отношение к отдельным представителям той или иной национальности не означает, что оно распространяется на данный народ вообще.

Следует отметить, что степень вовлеченности представителей разных народов в изображаемый мир воспоминающего «я» зависит от концептуально-тематической стратегии автора мнемонического текста. Так, в мемуарах польского писателя М. Бялошевского «Pamiętnik z powstania warszawskiego», где автор вспоминает о своем участии в Варшавском восстании 1944-го года, в центре внимания находится собственный народ, проявление польского менталитета в сложный период его истории. Для реализации своей концептуально-тематической стратегии мнемонический автор обращается к религиозным мотивам. В тексте мемуаров регулярно появляются фрагменты пяти молитв и молитвенных песен. Интертекстуальные включения в виде, например трехкратного повтора строк молитвенной песни «Pod Twoją Obronę» [9, с. 63 – 65, с. 137, с. 155] свидетельствуют, во-первых, о глубокой религиозности польского народа, во-вторых, о сильных душевных переживаниях варшавских повстанцев, в-третьих, о состоянии их крайней безысходности, поскольку, как известно, особо активное обращение человека к религии провоцируется его напряженным эмоциональным состоянием. Подтверждением этому служат следующие строки М. Бялошевского:

*Aż doszło do tego, że **w całej Warszawie we wszystkich piwnicach modlili się** na głos chórami i śpiewami **wszędzie, bez przerwy i wszyscy.** Więc co? – Od tej pory, od tego wejścia tam zaczęła się nowa, potwornie **długa historia wspólnego życia na tle możlowości śmierci*** [9, с. 24] *(Уже дошло до того, что по всей Варшаве во всех пивнушках молились в голос и пели, не переставая, все без исключения. И что? – В то САмое время, на том самом месте началась новая, чудовищная, бесконечная история жизни на грани смерти)*.

Таким образом, в мнемоническом дискурсе всегда находит отражение принадлежность автора той национально-культурной среде, в которой сформировалась его личность, но может создаваться и образ другого народа, о котором в памяти автора сохранились определенные впечатления. Анализ текстов, авторами которых являются представители разных национальных культур, показывает, что формирование национально-культурного контекста в мнемоническом дискурсе неразрывно связано с особенностями менталитета вспоминающего «Я», включающего национальное самосознание и опыт межнациональных взаимоотношений.

Литература

1. Величковский Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания: учебное пособие для студентов вузов по направлению и спец. психологии: в 2 т. М., 2006. Т. 1. 448 с.

2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2014. 264 с.

3. Нюбина Л. М. Воспоминание и текст: монография. Смоленск, 2000. 161 с.

4. Нюбина Л. М. Поэтика и прагматика мнемонического повествования: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Смоленск, 2000. 36 с.

5. Пелевина Н. Н. Субъектно-речевая структура научного и художественного текстов: сходства и различия. Абакан, 2007. 210 с.

6. Письма летчика-истребителя Александра Хватова (1941 – 1943 гг.) // Язык. Человек. Культура. Смоленск: СГПУ, 2005. С. 308 – 337.

7. Помыкалова Т. Е. Русская фразеологическая признаковая семантика и национально-языковая картина мира // Реальность, язык и сознание: международный межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Тамбов, 2005. С. 439 – 444.

8. Прожилов А. В. Лингвоконцепты и этностереотипы: к вопросу о неогомбульдианстве в современной лингвоконцептологии // Иностранные языки и межкультурная коммуникация: роль и место в современном образовании: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. И. П. Амзаракова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2011. С. 246 – 255.

9. Białoszewski M. Pamiętnik z powstania warszawskiego. Warszawa, 2011. 242 s.

10. Chmielewska I. Autobiografia. Tom I. Warszawa, 1993. 280 s.

11. Lyberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Vilnius, 2005. 949 p.

12. Sruoga B. Dievų miškas: memuarai. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 2005. 445 p.

Информация об авторе:

Кузьмина Светлана Геннадьевна – аспирант Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, llietuvis@list.ru.

(**Научный руководитель: *Пелевина Надежда Николаевна*** – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, nikolai99@mail.ru).

Статья поступила в редколлегию 28.01.2016 г., принята к печати 23.03.2016 г.

FORMATION OF THE NATIONAL AND CULTURAL CONTEXTS IN THE MNEMONIC DISCOURSE

***Svetlana G. Kuzmina*[1, @]**

[1] *Khakass State University named after N. F. Katanov*
[@] *llietuvis@list.ru*

The paper is based on the material of mnemonic texts created by representatives of Russian, Polish and Lithuanian national cultures. The aim of the paper is to justify the influence of the national mentality on the cognitive process of memory by fixing the linguistic means of actualization of national and international components in the mnemonic author's linguistic picture of the world, and fixing the features of their appeal to national and cultural realities. The main methods of the research are the descriptive analysis, the analysis of the context, and the method of quantification. Results of the research are made through the discourse projection, continuing the development of the concepts "mnemonic discourse" and "cognitive and speech subject" in relation to the mnemonic narrator. The paper proves the fact of influence of the features of the mnemonic narrator's mentality (which includes both the national self-identification, and the experience of international relations) on the cognitive process of reminiscence, and demonstrates the process of creation of national and cultural contexts in the mnemonic discourse.

Keywords: national mentality, national and cultural components of the linguistic picture of the world, mnemonic narrator, mnemonic discourse.

For citation: Kuzmina S. G. Formirovanie natsional'no-kul'turnogo konteksta v mnemonicheskom diskurse [Formation of the national and cultural contexts in the mnemonic discourse]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 187 – 192.

References

1. Velichkovskii B. M. *Kognitivnaia nauka: osnovy psikhologii poznaniia* [Cognitive science: the fundament of psychology of knowledge]. Moscow, vol. 1, 2006, 448.

2. Karaulov Iu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [The Russian language and the language personality]. Moscow, 2014, 264.

3. Niubina L. M. *Vospominanie i tekst* [Tne memory and the text]. Smolensk, 2000, 161.

4. Niubina L. M. *Poetika i pragmatika mnemonicheskogo povestvovaniia.* Avtoref. diss. doctora filol. nauk [The poetics and pragmatics of the mnemonic narration. Dr. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Smolensk, 2000, 36.

5. Pelevina N. N. *Sub"ektno-rechevaia struktura nauchnogo i khudozhestvennogo tekstov: skhodstva i razli-chiia* [Subject and speech structures of scientific texts and fiction: similarities and differences]. Abakan, 2007, 210.

6. Pis'ma letchika-istrebitelia Aleksandra Khvatova (1941 – 1943 gg.) [The letters of fighter pilot Alexander Chwatow (1941 – 1943)]. *Iazyk. Chelovek. Kul'tura* [Language. Human. Culture]. Smolensk: SGPU, 2005, 308 – 337.

7. Pomykalova T. E. Russkaia frazeologicheskaia priznakovaia semantika i natsional'no-iazykovaia kartina mira [Russian phraseological sign semantics and national and language pictures of the world]. *Real'nost', iazyk i soznanie: mezhdunarodnyi mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov – Reality, language and cognition: the international interuniversity collection of scientific works,* Tambov, issue 3 (2005): 439 – 444.

8. Prozhilov A. V. Lingvokontsepty i etnostereotipy: k voprosu o neogombul'dianstve v sovremennoi lingvokontseptologii [Linguistic concepts and ethnostereotypes: to the question of the new theory of W. Humboldt in the modern linguistic conceptology]. *Inostrannye iazyki i mezhkul'turnaia kommunikatsiia: rol' i mesto v sovremennom ob-razovanii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Foreign languages and intercultural communication: the influence on the modern education: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Ed. Amzarakova I. P. Abakan: Izd-vo KhGU im. N. F. Katanova, 2011, 246 – 255.

9. Bialoszewski M. *Pamentnik z powstanja warshawskego* [The diaries of Warsaw revolt]. Warsaw, 2011, 242.

10. Chmielewska I. *Autobiografia* [The autobiography]. Warshawa, 1993, vol. I, 280.

11. Lyberis A. *Lietuviuu-rusuu kalbuu zxodynas* [Lithuaian-Russian dictionary]. Vilnius, 2005, 949.

12. Sruoga B. *Dievuu misxkas: memuarai* [The forest of Gods: memoirs]. Vilnius: Lietuvos rasxytojuu saajungos leidykla, 2005, 445.

Received 28.01.2016, accepted 23.03.2016.

УДК 821.161.1

СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕЙЗАЖНОГО ДИСКУРСА ЛИРИКИ ОЛЕГА ЧУХОНЦЕВА

***Н. Е. Левицкая*[1, @]**

[1] *Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского*
[@] *nellya7@mail.ru*

В статье исследована лирика О. Чухонцева 1990-х – начала 2000-х гг. В качестве предмета исследования избран пейзажный дискурс лирики, категория картины мира автора использована в концептуальном и функциональном аспекте как методологический аппарат исследования. Организация субъектной сферы пейзажного дискурса свидетельствует о преобладании лирических субъект-субъектных отношений авторско-геройного плана.

***Ключевые слова*:** поэзия, лирика, картина мира, пейзажный дискурс, субъектная сфера, субъект-субъектные отношения.

Для цитирования: Левицкая Н. Е. Субъектная организация пейзажного дискурса лирики Олега Чухонцева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 193 – 199.

Олег Чухонцев принадлежит к числу русских поэтов, вошедших в литературу в середине прошлого века и до сегодняшнего дня активно пребывающих в творческом состоянии. Но эта характеристика, пожалуй, единственная, сближающая его с собратьями по перу. Далее следует череда отличительных черт и творческой биографии, и поэтики. Начнем с того, что хронологически вхождение в литературу у О. Чухонцева совпадает с расцветом эстрадной поэзии. Но в ранних стихах автора мы не найдем ни декларативности, ни риторичности, ни плакатной общественно-политической тематики, присущих шестидесятникам, хотя обнаружим интерес поэта к вопросам отечественной истории («Осажденный. 1238», «Так мстят разоблаченные кумиры») и социальному быту частного человека («У нас живут на огороды…», «В воскресный день в начале сентября…»). В то же время в конце 1960-х в поэзии автора появляются темы, которые станут ведущими у представителей так называемой тихой лирики, в частности тема природы («Еще темны леса, еще тенисты кроны…»), дома («Этот город деревянный на реке…»), ответственности человека перед окружающим миром («Илья», «Сказка», «В тот день, когда бомбили Хелабруннер»). Но и с тихой лирикой с ее интравертностью у О. Чухонцева полного совпадения нет. Отметим хотя бы его откровенную сатиру-аллегорию «На ташкентской бойне заперты ворота…», пророческое стихотворение «Репетиция парада», ну и текст, который официальная власть не просила поэту – «Повествование о Курбском», что надолго закрыло ему выход к широкому читателю.

Напомним, первая книга («Из трех тетрадей») появилась в печати в 1976 г., затем вышло еще две – «Слуховое окно» (1983) и «Ветром и пеплом» (1987). Конец 1980-х и 1990-е гг. отличаются тем, что автор пишет мало, за автором закрепилась характеристика – «поэт молчания». В 1989 г. вышел сборник под названием «Стихотворения», куда вошли тексты из предыдущих книг и несколько новых, то же можно сказать и о «Пробегающем пейзаже» (1997). Ярким событием в поэтической жизни России стала книга О. Чухонцева «Фифиа» («2003»), небольшая по объему, но значимая по содержанию, которая засвидетельствовала творческий рост автора, его мощный художественный потенциал. Книга получила широкий резонанс в критике, о О. Чухонцеве в литературных кругах заговорили больше, чем когда бы то ни было, его интенсивно печатают толстые журналы, в 2005 г. выходит книга избранного «Из сих пределов», а в 2007 г. автор становится лауреатом премии «Поэт». В 2013 – 2014 гг. вышло еще три книги автора: «37», «21 случай повествовательной прозы», «Речь молчания».

Что касается литературно-критической [1; 2; 4; 5; 10; 11] и литературоведческой [6; 7; 12; 13] рецепции творчества О. Чухонцева, то явный перевес на стороне первой. Особенно интенсивно критика откликнулась на книгу «Фифиа», притом состав ее особый: практически все рецензенты являются профессиональными поэтами, следовательно, усилен филологический аспект анализа произведений. Вслед за критическими работами появились и литературоведческие исследования, среди которых в первую очередь обратим внимание на работы В. Козлова [6; 7] и А. Скворцова [12]. Кроме отдельных научных статей, поэзия О. Чухонцева стала предметом изучения в докторской диссертации А. Скворцова – исследована поэтика автора на ритмико-верификационном, стилистическом, жанровом уровне, его творчество введено в широкий контекст мировой поэзии [13].

Полагаем, пришло время сосредоточить внимание и на отдельных аспектах поэтики О. Чухонцева. В частности, в его поэзии представляются интересными отношения человека с миром природы. Эта проблема уже рассмотрена на материале русской лирики 1960 – 1980-х гг. в контексте экспликации картины мира автора в пейзажном дискурсе [9]. Творчество О. Чухонцева хронологически совпадает с изученным пластом поэзии, но в материал исследования не вошло. А между тем тексты автора и указанного периода, и более поздние могут вызвать научный интерес в данном ракурсе. Более того, функционирование пейзажного дискурса в русской поэзии 1990-х представляется отдельной актуальной литературоведческой проблемой, которая стала предметом научного изучения в наших собственных работах [8]. В отношении О. Чухонцева имеет смысл сопоставить пейзажный дискурс его ли-

рики 1960 – 1980-х гг. и 1990-х – начала 2000-х. В качестве материала исследования будем ориентироваться на сборник «Из сих пределов» (2008) [14], где тексты выстроены хронологически самим автором.

Пейзажный дискурс, по утверждению И. В. Остапенко, эксплицирует картину мира автора, которая в тексте определяется на субъектном, хронотопном, образном и сюжетном уровнях. Пейзажный дискурс как диалог человека и природы «включает номинации природных реалий: в роли маркеров природного мира, очерчивающих пространственно-временные координаты художественного мира лирического субъекта; в качестве самостоятельных художественных образов или их элементов; формирующие и оформляющие лирический сюжет» [9]. По мнению исследовательницы, он может выполнять как номинативно-описательную, так и изобразительно-выразительную, а также сюжетообразующую функции.

Поскольку нас интересует не собственно пейзажная лирика, а пейзажный дискурс, то мы будем обращаться ко всем лирическим текстам О. Чухонцева, и лишь при выявлении сюжетообразующей функции пейзажного дискурса и определении отношений авторского сознания и субъектной сферы внимание будет сосредоточено на репрезентативных в этом отношении текстах. Подчеркнем, пейзажный дискурс интересен тем, что он, эксплицируя картину мира автора, выявляет отношение человека к миру природы, которая, как известно, является субстанциально близкой человеку, определяет один из аспектов его дуальной сущности. Концептуальным смыслом пейзажного дискурса русской лирики 1960 – 1980-х гг., по мнению И. В. Остапенко, является «утверждение единства мира посредством экспликации неосинкретической связи человеческого (биологически-духовного) и природного (одухотворенного человеком) миров» [9, с. 469].

В данной работе проанализированы 188 текстов сборника «Из сих пределов», за пределами исследования остались поэмы, а стихотворения, состоящие из нескольких частей, рассматривались как отдельные тексты («Superego» (2), «Из одной жизни Пробуждение»(4), «Три наброска» (3)).

Начнем с обращения к субъектной организации поэзии О. Чухонцева. Это поможет выявить родовую природу его текстов, поскольку и сам автор, и литературные критики неоднократно подчеркивали высокий уровень прозаизации его поэтической речи. Нас интересует в первую очередь отношения авторского сознания и его субъектной сферы, поскольку именно они определяют лиричность или эпичность эстетического объекта. Кроме того, для пейзажного дискурса первостепенное значение имеет то, выполняют ли природные номинации субъектную функцию, находятся ли они с авторским сознанием в субъект-субъектных, или в субъект-объектных отношениях.

Внутритекстовый уровень в субъектном плане презентован лирическими формами «я», «другой», «я-другой». Последняя характерна для неклассической поэтики эпохи модальности и свидетельствует об установлении отношений дополнительности между авторским сознанием и геройной сферой, что позволяет говорить о реализации принципа неосинкретизма в современной лирике. Данные утверждения сформированы на основе бахтинской теории автора и концепции «другого» в работах С. Н. Бройтмана, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпы, посвященных изучению русской лирики, и обобщены в исследовании И. В. Остапенко [9].

Лирическое «я» может быть выражено перволичным местоимением в начальной форме и в косвенных падежных формах, перволичными глагольными формами, а также внеличной субъектной формой – субъектом речи, презентующим авторское сознание, то есть, неэксплицированным субъектом речи. Для поэзии О. Чухонцева дифференциация личных и внеличных субъектных форм представляется существенным аспектом субъектной организации текста, поэтому обратим на них особое внимание.

Поскольку в данной работе одной из задач является сравнение пейзажного дискурса О. Чухонцева в поэзии 1960 – 1980-х и 1990-х – начала 2000-х гг., прибегнем к количественным подсчетам различных субъектных форм в разные периоды творчества. На первый период приходится 145 текстов, на второй – 43. Количественное соотношение обусловлено и длительностью периодов, и творческой активностью автора. На внутритекстовом уровне представлены все три субъектные формы. Притом и в целом в поэзии, и в пейзажном дискурсе в частности, наблюдается примерно одинаковое соотношение между ними. Так, перволичная субъектная форма фигурирует соответственно периодам в 87/25 текстах, внеличная форма – в 44/15, форма «я-другой» – в 42/14, «другой» – в 89/25 текстах. Репрезентативными относительно пейзажного дискурса на первом этапе можно считать 59 текстов, на втором этапе – 19. В них перволичная форма появляется соответственно в 45/10 текстах, внеличная форма организует 10/8 текстов, форма «я-другой» представлена в 20/5, а «другой» – в 35/13 текстах.

Количественные показатели свидетельствуют о том, что в целом в лирике соотношение между субъектными формами на разных этапах творчества остается почти неизменным, колебания наблюдаются в пределах 2 – 3 %. Лишь внеличная субъектная форма появляется чаще в текстах девяностых годов (увеличивается на 9 %). При этом следует учесть, что речь идет о стихотворениях, где внеличная форма является организующей («Так мстят разоблаенные кумиры» [14, с. 45], «Не растекаться мыслию» [14, с. 97], «Слова все сказаны споры разрешены» [14, с. 268]). Кроме того, она еще может предварять появление в тексте перволичной формы, которая впоследствии станет ведущей и завершит эстетическое целое («Не холодно, а дует» [14, с. 67], «Двойник» [14, с. 126], «Векзаложник, каинова печать» [14, с. 286]).

В стихотворениях, презентующих пейзажный дискурс, картина несколько иная. Перволичная субъектная форма и «я-другой» в стихотворениях девяностых годов выявляют тенденцию к уменьшению частотности (на 24 % и 7 % соответственно), а внеличная форма и «другой» – к увеличению (на 26 % и 9 % соответственно). Кроме того, в первом исследуемом пе-

риоде большинство стихотворений с перволичной субъектной формой демонстрируют синкретизм различных субъектных форм («В нашем городе тишь да гладь» [14, с. 52], «Пасха на Клязьме» [14, с. 61], «На ночной, на заснеженной улице» [14, с. 213]), а на втором анализируемом этапе преобладают тексты с четко дифференцированным включением либо перволичной, либо внеличной субъектной формы («Под тутовым деревом в горном саду» [14, с. 276], «И не то чтобы тайна сия велика» [14, с. 301], «Три наброска» [14, с. 283 – 284], «Без хозяина сад заглох» [14, с. 290]). Значимым также представляется уменьшение количества формы «я-другой» («Еще помидорной рассаде» [14, с. 124], «Заплачет иволга и зацветет жасмин» [14, с. 134]; «Закрытие сезона» [14, с. 270], «Все лес, да бес, а что до Бога» [14, с. 293]) и увеличение численности формы «другой» («А злоколючий пух чертополоха» [14, с. 119], «Когда в поселке свет потух» [14, с. 93]; «По гиблому насту, по талой воде» [14, с. 255], «И не то чтобы тайна сия велика» [14, с. 301]) в поэзии О. Чухонцева 1990-х – начала 2000-х гг.

Для характеристики пейзажного дискурса в первую очередь важно выявить, выполняют ли номинации природных реалий субъектную функцию. В работе И. В. Остапенко утверждается, что в русской лирике 1960 – 1980-х гг. природные номинации выступают в роли субъектной формы «другой» и находятся с авторским планом в субъект-субъектных отношениях. Более того, лирический субъект становится соединяющим звеном «божественного» и «земного» аспектов, утверждая единство и целостность мира. Абсолютное соответствие данной трактовке находим в ранних текстах О. Чухонцева: «Где ваш дом? У чужого предела / запрокинется в ров голова. / И лежит безымянное тело. / И в зенит прорастает трава» [14, с. 49]; «грустно / свербит октябрь, и потому – / яснее даль, темнее русло, / а выйду – в листьях потону. // О шелест осени прощальный, / не я в лесу, а лес во мне – / и плеск речной, и плес песчаный, / и камни на песчаном дне» [14, с. 22] – олицетворения переводят природные реалии в субъектные формы, а перволичный лирический субъект обнаруживает не столько единение, сколько свое собственное расширение до пределов мира и вбирание его в себя. Далее наблюдаем провозглашение субстанциального родства с миром природы: «Гори, лесной огонь, багровый, рыжий, алый, / свисти в свое дупло тоской берестяной. / Не надо ничего – ни денег мне, ни славы, / покуда ты горишь передо мной. // У нас одна душа в сквозном и скудном мире, / и дом у нас один – ни крыши, ни угла. / Гори, лесной огонь, лети на все четыре / и падай на спаленные крыла!» [14, с. 33]. Приведенные примеры взяты из ранних текстов О. Чухонцева, написанных в так называемую эпоху «оттепели», для которой вообще декларативность была отличительной чертой поэтики. У автора она реализуется не в гражданской лирике, а в текстах, презентующих пейзажный дискурс. Кроме того, декларативность у поэта зачастую граничит с ироничностью, подвергая сомнению высокие интенции.

Позже на смену риторическим заявлениям приходят углубленные рефлексии над отношениями человека с миром природы и над собственной сущностью: «И я, ослепленный доверьем, / не ведал, что мне на роду, / но пристально слушал деревья, / уставив глаза в темноту...» [14, с. 34]; «Что смерть? Мне выход не заказан. / Когда черед придет за мною, / перед живыми я обязан / лежать в земле и стать землею. // Она опять придаст мне силы, / я вскину ствол наизготовье, / ветлою встану из могилы / у собственного изголовья» [14, с. 46]. От онтологических восторгов лирический субъект возвращается к реальному земному миру, и, осознавая его драматизм, принимает общность судьбы, в отличие от своего предшественника («Выхожу один я на дорогу…» М. Лермонтова): «Никого... Я один на один / с прозябаньем в осенней природе, / в частоколе берез и осин, / словно пугало на огороде. // Мы срослись. Как река к берегам / примерзает гусиною кожей, / так земля примерзает к ногам / и душа – к пустырям бездорожий» [14, с. 56]. А далее в созвучии с эпохой переплетает свою судьбу с поэтическим братством: «Фазиль, Булат, Камил, / к чему молоться вздору, / кто из какой земли, – / у вас один замес! / Вас бог степей рубил / по сосенке да с бору, / а вы лозой пошли, / как шел Бирнамский лес. // А вы лозой пошли. / А вы ветвями стали. / Шумите же смелей / колючею листвой, / чтоб из иной дали / навстречу вышли дали, листву иных ветвей неся над головой. // Машите же, друзья, / и пусть вам радость машет! / Мы все одна семья, / и я вам хвойный брат» [14, с. 88].

Несмотря на заявленную слитность лирического субъекта с миром природы, все его сентенции остаются на уровне деклараций, адресованных читателю, воспитанному эпохой «оттепели». О непростых отношениях лирического субъекта с природой расскажут иные уровни его художественного мира, о чем мы скажем в других работах. Здесь же укажем, что к концу 1980-х гг. лирический субъект уже не в силах поддерживать голые декларации и вынужден в этом сознаться: «Не знаю, время или возраст, / Но слышу я не лес, а хворост, / Не славий щелк, а хруст сухой» [14, с. 152]. Одним из еще актуализируемых приемов остается аллегория, при помощи которой решаются не пейзажные проблемы, номинации природных реалий используются авторским сознанием в качестве субъектной формы-маски «другого»: «Мы сосны, но мы, как люди, / стеною встаем живой, / суками – руками – грудью – / порукою круговой, / и если нас точит стужа пилою и топором, / мы тянем струну все туже, / нас валят – а мы поем» [14, с. 197].

Как видим, пейзажный дискурс поэзии О. Чухонцева 1960 – 1980-х гг. на субъектном уровне номинативно совпадает с общей тенденцией современной автору русской поэзии – неосинкретизма лирического субъекта, соединившего в себе земной и небесный аспекты мира. Но связь эта выявляет свою искусственность уже к концу 1980-х, а поэзия 1990-х – начала 2000-х гг. демонстрирует совсем иную тенденцию. Начнем с того, что текстов, презентующих пейзажный дискурс в целом в этот период больше, хоть и незначительно, нежели в первом. Но выполня-

ет он совсем иные функции, о чем будет сказано дополнительно. Здесь же отметим, что субъектную функцию номинации природных реалий выполняют крайне редко, а если и выполняют, то через минус-прием: «Без хозяина сад заглох» [14, с. 290].

В качестве едва ли ни единственного текста, где прослеживается синкретизм перволичного субъекта и «другого» из мира природы, можно назвать стихотворение «Две старых сосны обнялись и скрипят» [14, с. 292]. Отметим, что «две сосны» как художественный образ имеют реальный прототип: две сосны растут на дачном участке в Переделкино, где живет О. Чухонцев, что подтверждает И. Шайтанов: «Две тонкие, вытянувшиеся, но так и не набравшие стати сосны остались в стихах с переплетенными верхушками («лесбийские сестры»), хотя буря расплела их, разлучила уже после того, как стихи были написаны» [15, с. 62].

Лирический «другой» – «две старых сосны» – вводится в поэтический текст субъектом речи, презентованный внеличной субъектной формой, дающей им характеристики через олицетворение, таким образом наделяя их субъектной сущностью: «Две старых сосны обнялись и скрипят». Определены и их пространственные координаты, вводящие образ в библейский контекст и задающие метафизическое измерение всему тексту: «жилички высот», «Одна упадет и другая за ней, / но твердь не дает»; а также в литературно-поэтический – «лесбийские сестры, почти без ветвей», обусловливающий «одиночество» поэта в мире, но и его «единственность» при выполнении сакральной функции.

Лирическое «я» появляется в третьей строфе и через прием параллелизма (напомним, это первый художественный язык, свойственный эпохе синкретизма, где авторско-геройный план выстроен на отношениях тождества) фиксируется близость «я» и «другого»: «Я ночью не сплю, и они меж собой / о чем-то не спят. / Проснусь, а они уже наперебой – / ну как? – говорят». Так, через параллелизм подается и деятельностная сфера субъектов: «сосны обнялись и скрипят», это их труд для обеспечения жизни – «И дождь их стегает, и гнет снегопад, / но жизнь – это труд». Таким же трудом является и поэтическая деятельность – поэт «скрипит» пером. Но чухонцевский синкретизм отличен от архаического. Лирический субъект нового времени способен не только на ощущение тождества, но и на рефлексию в свете евангельской традиции ответственности человека за мир в целом, и природный, в частности. Поэтому он молитвенно обращается к Богу с просьбой о защите своих «сородичей» – «Щади их, ненастье, храни их в жару / и в стужу, Творец», а сам перед лицом Высшего Абсолюта признается в собственной гордыне: «О, скоро и я напрямик разберу / их речь наконец». Только теперь, уйдя от искусственных деклараций, поэт выражает надежду на приобщение к тайне мира природного, сотворенного не человеком.

Но когда лирический субъект из другого текста («…а если при клонировании…» [14, с. 294]) обнаруживает, что тайну творения пытаются насильственно взломать, а не причаститься ей, он включает культурологические коды, чтобы заблокировать замок, вернуть человека к его первичной, истинной сущности и не дать миру исчезнуть: «…гони машину селифан / назад куда подальше к самоедам / к древлянам к кроманьонцам где Адам / под деревом лежал к праколлективу / к молекуле к ядру хотя бы там / найти первоисточник душу живу» [14, с. 295].

Таким образом, субъектный уровень пейзажного дискурса поэзии 1990-х – 2000-х гг. задает новый вектор движения отношениям человека и мира – к их истокам. Как он будет реализован, ответит сюжетный уровень картины мира автора, эксплицированной в пейзажном дискурсе.

Рассмотрим некоторые частные, наиболее интересные случаи субъектной организации в текстах разных периодов, проследим их корреляцию. Проиллюстрируем синкретизм субъектных форм на первом интересующем нас этапе творчества автора на примере стихотворения «В нашем городе тишь да гладь» [14, с. 52]. Правомочность отнесения текста к пейзажному дискурсу объясняется тем, что «город» у О. Чухонцева является местом не столько урбанизированного пространства, сколько природного. Как правило, речь идет о Павловом Посаде, родине поэта, провинции, где преобладают природные реалии, о чем в тексте есть прямое указание: «душа / глохнет в провинциальном мире». Относительно субъектной организации обратим внимание на посвящение, предваряющее текст – «Ю. Ряшенцеву», что изначально задает ему диалогичность и объясняет риторические вопросы, обращенные то ли к незримому собеседнику, то ли собственно лирического субъекта к самому себе. Отметим, Юрий Ряшенцев – современный поэт, прозаик, сценарист, родился в Ленинграде, а далее всю жизнь прожил в Москве.

Высказывание в первой строфе принадлежит неэксплицированному лирическому субъекту, презентованному внеличной формой, и представляет собой описание открытого природного пространства («тишь да гладь», «листья падают на репейник») и отграниченного пространства дома («в оголенном окне видать»), причем ракурс видения позволяет лирическому субъекту охватить дальнюю перспективу и увидеть близкие детали («тишь да гладь» и «неслышно пыхтит кофейник», а в следующей строфе – «Ходят ходики, не спеша, / поворачиваясь на гире»). Причем лирический субъект воспринимает мир визуально и аудиально. Лирический характер субъекту, выраженному внеличной формой, придает притяжательное местоимение, определяющее «город», – «в нашем городе». Косвенное «мы» вбирает в себя «другого», заявленного в посвящении, и лирического субъекта текста.

В следующей строфе появляется «душа», которая презентует субъектную форму «я-другой», вводя в текст метафизическое измерение, но тут же профанируя его – «душа / глохнет в провинциальном мире», что далее будет усилено формой «он» «мой» «слух», актуализирующей одновременно и лирическое «я», и «я-другого» в их нераздельности-неслиянности, где «слух» атрибутирован как «мертвый». Оксюморонные сочетания «глухой» «души» и «мертвого» «слуха»

фиксируют наличие онтологической проблемы, решаемой в тексте, общей для лирического «я» и «другого» (эксплицированного в посвящении. Напомним, у эмпирических поэтов «свои» «города» – разные: Павлов Посад и Москва. Поэтому «провинциальный» «город» текста – исключительно художественное пространство).

Кроме того, «тишь да гладь» – не столько описание открытого пространства, сколько усеченная поговорка – «тишь да гладь, да Божья благодать», где вторая часть, которая могла бы коррелировать с «душой», отсутствует, что отчасти объясняет и ее профанацию в тексте. Употребление этой же части пословицы, но в измененном виде – «тишь да крышь» - актуализирует каламбурность фразы: не спокойствие и беззаботность жизни, а ее тупик – «крышка» в просторечии. Эксплицитное «мы» обнажает и онтологическую проблему: «что мы знаем – не знаем сами». Авторское сознание прибегает еще к одной попытке решения проблемы введением формы «я-другой», выраженной неопределенно-личными глаголами, – «но за что ни возьмись – глядишь, / не сойдутся концы с концами».

Отсылка ко времени года, зафиксированная в описании открытого пространства падающими листьями в первой строфе, также решает эстетическую задачу. Отчетливо это проявится в пятой строфе: «на осень нашла пруруха». Замена в поговорке субъектной формы «старуха» номинацией календарного времени позволяет считать «осень» также субъектной формой «другого», поскольку она к тому же находится в активной позиции: «просвистелась она – и нас / оглушила на оба уха». Действия «осени», как видим, субъективированы, кроме того, просторечно метафоризированы. Апелляция к природной фазе завершения цикла, сбора урожая на символическом уровне обозначает подведение итогов, осмысление пройденного пути для лирического субъекта. В данном случае рефлексии лирического субъекта, выраженного внеличной формой, приводят к неутешительному результату.

Активность «осени» – «Оголила сады насквозь» – задает движение и ее продуциентам: «летят, разлетаясь врозь, / лист осины и лист березы...». Иносказание, актуализированное каламбуром, подчеркнутая художественность «города», символичность «осени» требуют символического прочтения и последних двух номинаций – «осины» и «березы» как предательства и преданности. Притом, если фокус видения в первой строфе представлен извне от дальнего к ближнему, то в последней – изнутри: «дала разглядеть сквозь слезы». «Осень» как номинация природной реалии в символическом значении стала здесь не только активной субъектной формой, но и для «нераздельно-неслиянных» «я» и «я-другого» задала различные векторы движения. Расчленение художественной субъектной формулы, апробированное в раннем творчестве, найдет дальнейшую реализацию в более поздних текстах на субъектном уровне, что было показано на примере стихотворении «Две старых сосны обнялись и скрипят», где «другой» является ориентиром для движения лирического «я» – его «первоисточником».

Особенность субъектной организации пейзажного дискурса 1990-х – 2000-х гг. рассмотрим на примере стихотворения «– Кыё! Кыё!» [14, с. 303]. Отнесение его к пейзажному дискурсу обусловлено пространственными координатами лирического субъекта, где ведущим параметром картины мира является номинации реки в ее эмпирическом и символическом значениях. Текст состоит из девяти фрагментов, в каждом из которых представлено разное взаимоотношение субъектных форм. Первый представляет диалогическую реплику, принадлежащую «другому» как субъекту речи, что выделено графически. Второй фрагмент является высказыванием неэксплицированного лирического субъекта. Использование внеличной субъектной формы, повествование от имени субъекта речи, находящегося за пределами изображенного события, о «другом», не названном по имени, но обретающим своеобразный голос в конце фрагмента, отстраненная описательность действий и окружающего пространства-времени «другого» позволяет дефинировать такую субъектную организацию как эпическую, где авторский план с геройным находятся в субъект-объектных отношениях.

Третий фрагмент представлен интровертной риторической вопросительной фразой, что возвращает субъектные отношения в лирический дискурс. Четвертый фрагмент снова выводит внеличного субъекта речи за пределы изображенного события, назовем его повествователем, по терминологии эпического дискурса, зато кроме уже знакомого «бормочуще-мычащего» «другого», или героя, вводит иных «других», или персонажей, – «старух» и «мужиков», которые становятся самостоятельными субъектами речи, дающими и оценку действиям героя, и имя – «Кыё-Кыё». Самостоятельные действия персонажей, введение метафизического персонажа «Ильи Пророка», диалогическая форма речи позволяет допустить наличие и драматических отношений авторско-геройной сферы, где слово становится и поступком, и рефлексией, разыгранными автором для разрешения катастрофической ситуации героя катарсисом зрителя-читателя.

Пятый фрагмент актуализирует и лирический (медитация на тему «Зачем человек явился?»), и эпический дискурсы – наряду с внеличной субъектной формой (или речью повествователя), появляется перволичный лирический субъект, скорее выступающий в роли рассказчика – просторечный стиль дистанцирует геройный план от авторского: «я видел сам <…> Пришел незнамо откуда». Шестой фрагмент вводит еще одного персонажа – «мать» через прямую речь, что могло бы свидетельствовать в пользу эпических субъектных отношений, но художественный текст актуализирует биографиический контекст эмпирического автора, а экспрессивность тона речи повествователя позволяется говорить о его лиризме.

В седьмом фрагменте субъектом высказывания предстает перволичный субъект, лиризирующий опиисание «дома», с которым оказываются соотносимы и сам субъект речи, и герой, то есть намечается сближение двух субъектных форм, что характерно для лирического дискурса. В восьмом фрагменте наблюдаем фольклорную стилизацию речи субъекта высказыва-

ния, кроме того, в нее введены культурологические коды: сакральный («в небесах летит», «багровея знаками тайн»), социально-бытовой и современный поэтический («на оглушительной тачке своей»; этот образ является автоцитаций из «Закрытия сезона»), индустриальный («инверсионный след») для описания действий лирического «другого», или героя.

Девятый фрагмент актуализирует лирического перволичного субъекта, аллюзивно отсылающего к Данте («Что он хотел сказать, / думаю я, просыпаясь, и на рассвете / через полвека»). «Другой» назван не известным ранее именем «Кые-Кыё», а универсалией «человек», в роли «другого» также выступают номинации природной реалии «реки» «Вохны» (река в родном городе поэта) с глубокой общекультурной и религиозной символикой – «Иордан, Флегетон и Лета» / или Вохна у ног…». Сфера перволичного субъекта расширяется, появляется лирическое «мы» – «Ах ты катанье наше, мытье», а фраза, принадлежащая ранее «другому», произнесенная лирическим «я» – «Кыё. Кыё», завершающая текст, позволяет говорить о сближении субъектных форм перволичного «я» и «другого».

Таким образом, осуществленное исследование позволяет сделать следующие выводы. Для выявления особенностей пейзажного дискурса лирики О. Чухонцева 1990-х – начала 2000-х гг. мы сравнили его функционирование на более раннем этапе творчества поэта – 1960 – 1980-х гг. Актуализация пейзажного дискурса присуща авторскому сознанию на обоих этапах творчества, притом в девяностые годы наблюдается незначительное повышение частотности текстов с элементами пейзажного дискурса. Анализ субъектной сферы пейзажного дискурса показал, что тексты первого этапа организованы преимущественно перволичным субъектом, а на втором этапе преобладает внеличная субъектная форма, кроме того, наблюдается сокращение количества формы «я-другой» и увеличение численности формы «другой». Это должно было бы свидетельствовать об ослаблении субъект-субъектных отношений в поэзии, постепенной объективации геройной сферы, но такое впечатление складывается лишь при первом прочтении текста. Исследование организации субъектной сферы показывает, что для завершения художественного целого автор использует потенциал и лирики, и эпики. И если традиционно форма «я-другой» в неклассический период эпохи модальности обеспечивала синкретизм субъектных форм, то лирический субъект О. Чухонцева отношения «я» и «другой» выводит на уровень синкретических. Номинации природных реалий крайне редко выполняют субъектную функцию в лирике О. Чухонцева. Но если такие случаи и встречаются, то они как раз и поддерживают субъект-субъектные отношения авторского-геройного плана.

Литература

1. Амелин М. Поверх молчания и говорения. Чухонцев как продолжатель «умного делания» древнерусских исихастов // НГ Ex libris. 04.03.2004. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2004-03-04/4_chuhontsev.html

2. Богдашко А. Олег Чухонцев в современном литературном процессе // Литературно-публицистический портал ЛИТИС. 31 июля 2012 г. Режим доступа: http://www.litis.org/kritika/ludi/oleg-chuhontsev-v-sovremennom-literaturnom-protsesse.html

3. Бройтман С. Н. Историческая поэтика: учебное пособие. М.: РГГУ, 2001. 320 с.

4. Иванова Н. Олег Чухонцев. Пробегающий пейзаж. *Русский европеец* // Знамя. № 5. 1998.

5. Кенжеев Б. Частный человек Олег Чухонцев // Арион. 1996. № 1.

6. Козлов В. Внутренние пейзажи Олега Чухонцева // Новый мир. 2008. № 3. С. 158 – 173.

7. Козлов В., Мирошниченко О. Жанровое самообретение Олега Чухонцева // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 89 – 117.

8. Левицкая Н. Е. Метапейзажный дискурс как экспликация картины мира автора в лирике Е. Рейна // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 4. Т. 1. Филология. С. 54 – 67.

9. Остапенко И. В. Природа в русской лирике 1960 – 1980-х гг.: от пейзажа к картине мира: монография. Симферополь: АРИАЛ, 2012. 432 с.

10. Полищук Д. На ветру трансцендентном // Новый мир. 2004. № 6.

11. Роднянская И. Горит Чухонцева эпоха // Новый мир. 2004. № 6.

12. Скворцов А. Апология сумасшедшего Кыё-Кыё: выбранные места из философической переписки с классикой. Опыт прочтения одного стихотворения Олега Чухонцева // Знамя. 2009. № 8. С. 176 – 186.

13. Скворцов А. Э. Рецепция и трансформация поэтической традиции в творчестве О. Чухонцева, А. Цветкова и С. Гандлевского: дис. … д-ра филол. наук. Казань, 2011. 542 с.

14. Чухонцев О. Г. Из сих пределов. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 320 с.

15. Чухонцев О., Шайтанов И. Спорить о стихах? // Арион. 2004. № 4. С. 61 – 75.

Информация об авторе:

Левицкая Нелля Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, nellya7@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2016 г., принята к печати 20.04.2016 г.

SUBJECTIVE ORGANIZATION OF THE LANDSCAPE DISCOURSE IN OLEG CHUKHONTSEV'S LYRICS

***Nelly E. Levitskaya*[1, @]**

[1] *Crimean Federal University named after A. I. Vernadsky*
[@] *nellya7@mail.ru*

The paper studies O. Chukhontsev's lyrics of the 1990s – early 2000s. The study focuses on the landscape lyric discourse, the category of the author's world view is used in the conceptual and functional aspects as a methodological tool of the study. The organization of the subjective sphere of landscape discourse indicates the predominance of the lyrical subject-subject relations in the author – character scope.

Keywords: poetry, lyrics, world view, landscape discourse, subjective sphere of subject-subject relations.

For citation: Levitskaya N. E. Sub"ektnaia organizatsiia peizazhnogo diskursa liriki Olega Chukhontseva [Subjective organization of the landscape discourse in Oleg Chukhontsev's lyrics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 193 – 199.

References

1. Amelin M. Poverkh molchaniia i govoreniia. Chukhontsev kak prodolzhatel' «umnogo delaniia» drevnerusskikh isikhastov [On top of silence and speaking. Chukhontsev as the successor of "smart doing" of ancient Hesychasts]. *NG Ex libris – Independent Newspaper Ex libris,* March 04 2004. Available at: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2004-03-04/4_chuhontsev.html (accessed 17.04.2016).
2. Bogdashko A. Oleg Chukhontsev v sovremennom literaturnom protsesse [Chukhontsev in modern literary process]. *Literaturno-publitsisticheskii portal LITIS – Literary and journalistic portal LITIS,* July 31 2012. Available at: http://www.litis.org/kritika/ludi/oleg-chuhontsev-v-sovremennom-literaturnom-protsesse.html (accessed 17.04.2016).
3. Broitman S. N. *Istoricheskaia poetika* [Historical Poetics]. Moscow: RGGU, 2001, 320.
4. Ivanova N. Oleg Chukhontsev. Probegaiushchii peizazh. Russkii evropeets [Running landscape. The Russian European]. *Znamia – Banner*, no. 5 (1998).
5. Kenzheev B. Chastnyi chelovek Oleg Chukhontsev [Private person Oleg Chukhontsev]. *Arion – Arion,* no. 1 (1996).
6. Kozlov V. Vnutrennie peizazhi Olega Chukhontseva [Inner landscapes of Oleg Chukhontsev]. *Novyi mir – New World*, no. 3 (2008): 158 – 173.
7. Kozlov V., Miroshnichenko O. Zhanrovoe samoobretenie Olega Chukhontseva [Genre self-finding of Oleg Chukhontsev]. *Voprosy literatury – Problems of Literature*, no. 5 (2015): 89 – 117.
8. Levitskaia N. E. Metapeizazhnyi diskurs kak eksplikatsiia kartiny mira avtora v lirike E. Reina [Metalandscape discourse as an explication of the author' picture of the world in the lyrics of E. Rein]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina – Bulletin of Leningrad State A. S. Pushkin University*, 1, no. 4 (2015): 54 – 67.
9. Ostapenko I. V. *Priroda v russkoi lirike 1960 – 1980-kh gg.: ot peizazha k kartine mira* [Nature in Russian lyrics of 1960 – 1980: from the landscape to the picture of the world]. Simferopol: ARIAL, 2012, 432.
10. Polishchuk D. Na vetru transtsendentnom [In the transcendental wind]. *Novyi mir – New World*, no. 6 (2004).
11. Rodnianskaia I. Gorit Chukhontseva epokha [Chukhontsev era is on fire]. *Novyi mir – New World*, no. 6 (2004).
12. Skvortsov A. Apologiia sumasshedshego Kye-Kye: vybrannye mesta iz filosoficheskoi perepiski s klassikoi. Opyt prochteniia odnogo stikhotvoreniia Olega Chukhontseva [Apology of crazy Kye-Kye: Selected passages from the philosophical correspondence with classics. The experience of reading a poem of Oleg Chukhontsev]. *Znamia – Banner,* no. 8 (2009): 176 – 186.
13. Skvortsov A. E. *Retseptsiia i transformatsiia poeticheskoi traditsii v tvorchestve O. Chukhontseva, A. Tsvetkova i S. Gandlevskogo*. Diss. doctorara filol. nauk. [Reception and transformation of the poetic tradition in the works of O. Chukhontsev, A. Tsvetkov and S. Gandlevsky. Dr. filol. Sci. Diss.]. Kazan, 2011, 542.
14. Chukhontsev O. G. *Iz sikh predelov* [From these limits]. 2nd ed. Moscow: OGI, 2008, 320.
15. Chukhontsev O., Shaitanov I. Sporit' o stikhakh? [Argue about poetry?]. *Arion – Arion*, no. 4 (2004): 61 – 75.

Received 08.02.2016, accepted 20.04.2016.

УДК 80:378.016:811.

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ БИЗНЕСА

***Т. Ю. Осадчая*[1, @]**

[1] *Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
[@] *osadchaya_ta@mail.ru*

В статье рассматривается важность межкультурной компетентности будущих специалистов в международном бизнесе. Указанная компетентность становится сегодня все более популярной, поскольку в условиях интеграции и глобализации от нее зависит успешность деятельности специалиста. В статье рассмотрены сущность и содержание феномена межкультурной компетентности специалиста сферы экономики и бизнеса, определена роль и значение изучения особенностей бизнес культур разных стран мира для успешного межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная компетенция, межкультурные переговоры, профессиональное общение, бизнес культура, методика преподавания.

Для цитирования: Осадчая Т. Ю. Роль межкультурной коммуникативной компетентности в профессиональной подготовке специалистов сферы бизнеса // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 200 – 205.

Общеизвестно, что главной тенденцией современного мирового сообщества является глобализация. Данный процесс означает всемирную интеграцию и унификацию в различных сферах человеческой жизни, то есть массовое разрушение существующих границ и барьеров между национальными государствами. Закономерным следствием такого мощного процесса является взаимопроникновение культур, что заставляет человека пересмотреть свое отношение к изучению иностранных языков: если раньше достаточным считалось знание языка и культуры другой страны, то сейчас речь идет о формировании межкультурной компетентности специалиста. Причина подобного изменения становится понятной, если вспомнить, что глобализация предполагает, в том числе формирование всемирного рынка труда, где востребованы специалисты, способные эффективно общаться с представителями других культур в любой ситуации профессионального взаимодействия. Сложность этого общения заключается в многочисленных культурных барьерах, способных привести не только к непониманию, но и к разочарованию в оппоненте (партнере по переговорам), и даже к развитию конфликта. Это объясняется тем, что речевое поведение собеседника может восприниматься и оцениваться по-разному представителями разных национальных культур, что напрямую зависит от их мировоззрения и мировосприятия.

Ярким примером межкультурного взаимодействия как следствия глобализации, является положение в сфере бизнеса, когда любой руководитель компании ставит перед собой цель выйти на международный рынок. Именно этим обусловлена необходимость изучения не только языка международного общения (английский), но и культуры потенциальных партнеров, ведь без преодоления культурного барьера успех любой компании выглядит менее реальным.

Особым видом профессиональной деятельности специалиста любой сферы является профессиональное общение. Профессиональное общение является необходимым условием выполнения профессиональных обязанностей, обеспечивая тем самым конкурентоспособность специалиста. По мнению А. А. Стеблецовой, существуют следующие особенности профессионального общения: партнер в профессиональном общении априори выступает личностью, имеющей большое значение для субъекта; партнеры, как правило, имеют цель достичь взаимопонимания; главной задачей профессионального общения выступает достижение индивидуальных результатов, продуктивного сотрудничества [11].

Таким образом, формирование межкультурной компетентности будущих специалистов в области экономики и бизнеса является одной из важнейших задач их профессиональной подготовки.

Актуальность вопроса изучения взаимодействия культур в сфере международного сотрудничества, особенностей национальных бизнес культур, природы возникающих при этом культурных барьеров, а также коммуникации в сфере профессиональной деятельности подтверждается большим количеством исследований и публикаций по данной теме как зарубежных, так и отечественных авторов. Значительный вклад в изучении проблем межкультурной коммуникации сделали следующие ученые: Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарс, Р. Льюис, Дж. Холл, Э. Холл, Х. Триандис, Д. Ягер, Н. П. Романова, А. А. Стеблецова, Н. Д. Гальскова, Н. А. Баранова, Н. М. Губина, М. А. Литаева, а также многие другие.

Исследованию коммуникации в сфере профессиональной деятельности посвятили свои работы отечественные и зарубежные лингвисты: Е. И. Шейгал, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, А. В. Олянич, В. В. Жура, Л. Бейлинсон, D. V. Bell, D. Boden, P. Drew, J. Herritage, J. Gibbons, A. Firth, N. Fairclough, R. Scollon и др.

Исследование межкультурной коммуникативной компетенции получило освещение в трудах российских и зарубежных ученых: В. В. Сафонова, Е. И. Пассов, И. А. Зимняя, С. В. Муреева, И. С. Соловьева, И. Л. Плужник, Г. Хофстеде (G. Hofstede). Вопросами

формирования межкультурной коммуникативной компетенции занимались такие ученые, как О. Р. Бондаренко, И. А. Голованова, В. А. Брылева, И. П. Плужник, М. Г. Корочкина, К. В. Голубина, В. В. Громова, Т. В. Кожевникова, Л. Г. Ковтун, Т. А. Плесцова, И. А. Гусейнова и др. Однако не все вопросы нашли достаточное освещение в научно-методической литературе. Так, остаются открытыми вопросы о создании различных форм межкультурного обучения; о выявлении критериев успешного и неуспешного межкультурного поведения; о создании эффективной методики (и соответствующих приемов) формирования межкультурной компетентности.

Таким образом, в данной статье ставится цель определить содержательную сущность межкультурной компетентности, которая является одним из профессиональных требований к специалистам в сфере бизнеса, а также предложить фрагмент методики формирования межкультурной компетентности будущих специалистов сферы бизнеса.

Межкультурная компетентность формируется и развивается в процессе обучения. Исходя из того, что взаимопроникновение культур проявляется прежде всего в общении, то логично, что межкультурная компетенция становится прежде всего составляющей иноязычной коммуникативной компетентности, т. е. неотъемлемой частью процесса овладения иностранным языком [6]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров считают, что межкультурная коммуникация предполагает «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [3, с. 26].

Существует несколько понятий, касающихся межкультурной компетентности личности, а именно: «межкультурное понимание», «межкультурные (фоновые) знания», «межкультурная осведомленность», «межкультурная чувствительность». Поскольку все они близки по содержанию, но не идентичны, возникает необходимость рассмотреть каждое из них в отдельности.

Межкультурное понимание основывается на способности человека понимать, верно интерпретировать и правильно реагировать на поведение людей или ситуации, в основе которых заложены предпосылки для недоразумений за культурных различий. Изучение характерных особенностей национальных культур на занятиях по иностранному языку в вузе должно давать студентам соответствующие знания и умения, с помощью которых можно достичь понимания в межкультурном общении.

Межкультурное понимание включает в себя следующие элементы: межкультурные знания, межкультурную осведомленность, межкультурную чувствительность и межкультурную компетентность.

Межкультурные знания играют решающую роль в межкультурном понимании. Более того, без них вообще невозможно его существование. Межкультурные знания обеспечивают ознакомление студентов с общими культурными особенностями, ценностями, убеждениями и поведением представителей определенной национальной культуры.

Межкультурная осведомленность развивается на основе межкультурных знаний, по ходу того как студент начинает осознавать и оценивать иностранную культуру на личностном уровне. Этот процесс сопровождается изменениями в социальном поведении учащегося, проявляется в большей степени в его открытости, приспособленности к общению.

Межкультурная чувствительность – это способность своеобразного «чтения» ситуаций, поведения представителей других культур, а также умение правильно реагировать на них. Адекватная реакция возможна в том случае, если человек перестает интерпретировать события только на основе собственного культурно-детерминированного восприятия, то есть, например, определять явление как хорошее или плохое, правильное или неправильное, опираясь на нормы и правила своей собственной национальной культуры.

Межкультурная компетентность означает способность индивида к продуктивному сотрудничеству с представителями других культур; это понятие шире, чем понятие «межкультурные знания», «межкультурная осведомленность», «межкультурная чувствительность».

Таким образом, именно умение «успешно общаться с представителями других культур» в современной литературе принято называть межкультурной компетентностью.

По словам Н. М. Губиной, межкультурная компетенция – это способность воспринимать, понимать, интерпретировать феномены иной культуры и умение сравнивать, находить различия и общность с ценностным складом родной ментальности и национальными традициями, критически их осмысливать и встраивать в собственную картину мира. При этом нужна не только общая готовность к коммуникации и взаимодействию, но и особое культурное самосознание, реалистичная самооценка, эмпатия инокультурного индивида, толерантность, эмоциональная стабильность, уверенность в себе, умение преодолевать противоречивость и избегать конфликтов [5, с. 53].

Как отмечает И. Л. Плужник, иной ракурс понимания и интерпретации межкультурной компетенции обусловлен необходимостью ее рассмотрения с позиций профессиональной деятельности специалистов. Согласно этому взгляду на сущность явления, понятие межкультурная компетенция «представляет собой функциональные умения понимать взгляды и мнения представителей другой культуры, корректировать свое поведение, преодолевать конфликты в процессе коммуникации, признавать право на существование различных ценностей, норм поведения, становится максимально востребованным для современного специалиста. Она создает основу для профессиональной мобильности, подготовки к быстро меняющимся условиям жизни, приобщает специалиста к стандартам мировых достижений, увеличивает возможности профессиональной самореализации на основе коммуникативности и толерантности» [10, с. 4 – 5].

Межкультурное профессиональное взаимодействие предполагает высокий уровень владения, как

комплексом профессиональных знаний, так и иностранным языком. Оно также подразумевает умение адекватно интерпретировать и принимать социокультурные особенности партнеров по коммуникации при решении практических профессиональных задач. Для достижения такого результата требуется интегрированное обучение языку и особенностям культурной среды его носителей.

Различные культуры и культурные традиции весьма разнообразны, поэтому в общении возникают барьеры, препятствия и трудности. Взаимные культурные различия проявляются в разных областях, таких как поведение, этикет, нормы, ценности, устойчивые выражения и невербальная коммуникация.

В сфере бизнеса взаимные культурные различия возникают в таких областях, как стиль управления, корпоративная культура, маркетинг, межкультурные переговоры. Взгляды и ценности резко отличаются от культуры к культуре, и чтобы достичь успеха, необходимо знать правила ведения переговоров на международном уровне. То есть любой вид международных бизнес отношений подразумевает межкультурное общение и понимание культуры страны, с которой заключается сделка или просто ведутся переговоры. Соблюдение правил таких переговоров приводит к желаемому конечному результату и сильно влияет на успех сделки.

В связи со всем вышеизложенным, создание методики сравнения бизнес культур разных стран по определенному алгоритму приобретает особую важность.

Итак, рассмотрим алгоритм сравнения двух бизнес культур на примере сравнения культур России и Великобритании по определенным критериям. Студенты проводят подобное сравнение бизнес культур на английском языке.

Общие замечания

В Великобритании для успешного межкультурного общения вы должны относиться ко всем людям с уважением и почтением и не тратить впустую чьелибо время. Необходимо помнить, что британцы склонны к сарказму. Менеджеры часто принимают решения коллегиально, привлекая нижестоящих коллег. То есть стиль общения внутри компаний имеет черты демократического.

В России характерной особенностью является то, что основной деловой стиль в компаниях – официальный. Другими словами, в бизнесе лучше использовать формальный подход и иметь в виду, что в межкультурном общении россияне обращают внимание на иерархию и статус человека в компании.

Роль менеджера

Межкультурное общение с представителями Великобритании будет более эффективным, если вы будете помнить, что менеджеры ценят специальные знания сотрудников. Сотрудники, в свою очередь, рассчитывают на участие в принятии решений, особенно тех, которые затрагивают их интересы и благо организации в целом.

Роль менеджера в российских компаниях пока можно описать как авторитарную с тенденцией к становлению демократического управления.

Подход к изменениям

Для бизнес культуры Великобритании характерна средняя терпимость к изменениям и риску. Новшества должны быть тщательно обоснованы с точки зрения получения максимальной выгоды для компании.

Для бизнес культуры России также характерна средняя терпимость к изменениям и риску. Поэтому представителям этих двух стран будут несложно найти общий язык в отношении возможного риска, связанного со сделкой или контрактом.

Подход ко времени и приоритетам

Для бизнес культуры Великобритании очень важной чертой является пунктуальность. Так как британцы строго соблюдают план работы и конечные сроки выполнения заданий, менеджеры считают, что сотрудники компании должны работать сверхурочно, чтобы выполнить работу в срок.

В Великобритании работники не считают приемлемым ситуацию, когда руководители принимают участие в их личных делах. Это расценивается как вторжение в личную жизнь [9, с. 276].

Россия – культура, характеризующаяся умеренным отношением к времени и, как правило, может быть допустима некоторая гибкость в отношении к графикам работы и крайним срокам выполнения заданий.

Принятие решений

Некоторые американцы, девизом жизни которых является лозунг "время – деньги", считают, что на переговоры с англичанами уходит слишком много времени, но другие бизнес культуры считают, что это нормально [4, с. 220]. Британцы полагают, что лучшие идеи и решения, часто появляются в том случае, если для обсуждения проблемы встречается много заинтересованных людей.

Большинство фирм в России сохраняет иерархическую структуру, где сотрудники должны подчиниться любому решению руководства. Россияне испытывают большое уважение к возрасту и статусу, который обозначен положением или богатством.

Работа в команде

В Соединенном Королевстве сотрудники в команду выбираются на основании их квалификации и знаний. Им рекомендуется генерировать новые идеи, которые в будущем могут быть реализованы в новом проекте.

Для российской бизнес культуры также характерна работа в команде. Однако среди молодого поколения есть такие менеджеры, которые стремятся воспользоваться представленными возможностями для карьерного роста, ставя свои цели выше целей коллектива (команды).

Стили общения и ведения переговоров

Британский стиль делового общения – прямой и сдержанный. В качестве итога переговоров британцы могут предпочесть написание делового письма своим партнерам. Считается также, что добродушный юмор и хорошая шутка всегда помогут наладить человеческие отношения с партнером. А поскольку бизнес строится на взаимном уважении доверии и взаимопонимании, юмор часто рассматривается как

кратчайший путь к налаживанию дружественных контактов и успешному ведению бизнеса [8, с. 21]. Многие англичане считают, что, пока есть юмор, не может быть полной безысходности [7, с. 248].

Россияне предпочитают иметь дело с теми, кому они доверяют, поэтому тратят много времени на развитие отношений. Также следует помнить, что совместное решение проблем – это главная функция переговоров. Реализация данной функции зависит от степени заинтересованности участников в поиске взаимоприемлемого решения [2, с. 21].

Более сложной является методика анализа общения на иностранном языке, записанного на аудио или видео носитель. Подобные примеры общения должны демонстрировать как взаимодействие представителей иностранной культуры между собой, так и взаимодействие представителей разных культур [14]. В целом это дает студентам дополнительную информационную базу сразу в нескольких направлениях.

Во-первых, общение как неотъемлемая часть жизни людей характеризует всю культуру, то есть, такие примеры станут для студентов важным источником социально-культурных знаний. Во-вторых, этот метод поможет студентам создать в их сознании своеобразные шаблоны поведения той или иной культуры, которые в дальнейшем смогут перерасти в поведенческие реакции. В-третьих, тематически подобранные видео- и аудиоматериалы могут способствовать расширению знаний студентов о характерных чертах ведения бизнеса в разных странах. Таким образом, изучая содержание примеров профессионального общения, студенты получают дополнительную информацию, которая охватывает такие сферы деловой коммуникации, как диапазон обсуждаемых тем, стандартные конструкции поведения, варианты различного толкования тех или иных выражений, способы избегания и устранения конфликтов. По окончании работы студенты могут продемонстрировать полученные ими знания в виде письменного отчета или в ходе коллективного обсуждения.

Еще одной методикой сравнения бизнес культур на занятиях по иностранному языку в вузе является методика веб квестов. Она представляет собой целенаправленное изучение материала, предоставленного в Интернете.

Структура вебквеста включает в себя шесть этапов: вступление преподавателя, призванное заинтересовать учащихся; дает базовые сведения о теме; постановка преподавателем задачи, которая должна быть осуществимой и интересной; ознакомление студентов с источниками информации, которые необходимы для выполнения конкретной задачи; описание преподавателем направлений, по которым студенты должны работать, чтобы выполнить поставленную задачу, а также некоторые рекомендации преподавателя по оформлению полученной информации; ознакомление студентов с набором критериев оценки задания; формулировка студентами вывода, который должен систематизировать полученные ими знания.

Вебквест призван дать возможность студентам играть активную роль при получении знаний. Данный метод подразумевает не только развитие умений искать информацию, но и способности учащихся критически осмысливать, анализировать и синтезировать информацию, решать с ее помощью поставленные в задании проблемы [13].

Методика создания студентами портфолио является одной из наиболее эффективных с точки зрения возможности оценить знания, умения и уровень компетентности студентов, с одной стороны, и с точки зрения создания условий для самостоятельной творческой работы студентов, с другой. Существуют специальные программы для создания электронных портфолио студентов (например Mahara), которые позволяют студентам не только создавать отдельные документы, редактировать их, но и самостоятельно оценивать их соответствие современным стандартам и требованиям. То есть студенты могут не только готовить задания к университетским занятиям, но и самостоятельно оценивать степень собственной готовности к работе в какой-либо компании, а также уровень собственной конкурентоспособности на рынке труда [12].

Таким образом, можно сделать вывод, что современный специалист должен обладать межкультурной коммуникативной компетентностью, которая представляет собой умение личности понимать взгляды и мнения представителей другой культуры, корректировать свое поведение, преодолевать конфликты в процессе коммуникации, признавать право на существование различных ценностей, норм поведения.

Предложенные методики сравнения бизнес культур разных стран мира по определенному алгоритму и анализа общения на иностранном языке могут быть использованы на практических занятиях по иностранному языку и деловому иностранному языку в вузе.

Дальнейшее исследование предполагает создание методик формирования межкультурной компетентности студентов на занятиях по иностранному языку.

Литература

1. Баранова Н. А. Основы формирования дискурсивной компетенции менеджеров в процессе обучения профессионально-ориентированному общению // Нифанова Т. С., Мельничук О. А., Мерзлякова А. Х., Утехина А. Н., Чупрына О. Г., Щирова И. А., Яковлева А. Н., Баранова Н. А., Булыгина Е. Г., Верещагина Е. Ю., Мартюшова Е. В., Миронова И. А., Сабурова Н. В., Чалова Л. В. Язык в проблемном поле гуманитаристики: монография. Архангельск: Поморский университет, 2010. С. 260 – 276.

2. Бродовская Е. В. Переговоры: стратегии, тактики, техники: учебное пособие. Тула: Изд-во ТулГУ, 2008. 150 с.

3. Верещагин Е. М. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

4. Гестеланд Р. Кросс-культурное поведение в бизнесе. Маркетинговые исследования, ведение переговоров, менеджмент в различных культурах. 3-е изд. Днепропетровск: Баланс-Клуб, 2003. 189 с.

5. Губина Н. М. Формирование межкультурной компетенции студентов при обучении деловому английскому языку в элективном спецкурсе (продвинутый уровень, специальность «Мировая экономика»). М., 2004. 226 с.

6. Лытаева М. А., Ульянова У. С. Межкультурная компетенция будущего специалиста и содержание обучения иностранным языкам // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 4. С.111 – 114.

7. Льюис Р. Д. Деловые культуры *в* международном бизнесе. От столкновения *к* взаимопониманию. М.: Дело, 1999. 439 с.

8. Мясоедов С. П. Основы кросскультурного менеджмента: Как вести бизнес с представителями других стран и культур: учебное пособие. М.: Дело, 2003. 256 с.

9. Пивоваров С. Э. Сравнительный менеджмент. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 480 с.

10. Плужник И. Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки. Тюмень, 2003. 326 с.

11. Стеблецова О. А. Дискурсивное взаимодействие на работе: лингвокультурная специфика деловой коммуникации // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 141 – 153.

12. Chiper S. Intercultural communication in business schools: what we can teach and how we can evaluate // Procedia Economics and Finance. 2015. V. 20. P. 119 – 124.

13. Falasca M., Altstaedter L. L. Using WebQuests to Develop Intercultural Competence in the Foreign Language Classroom // The NECTFL Review. 2011. № 67. P. 15 – 30.

14. Hall J. K. A prosaics of interaction // Culture in Second Language Teaching and Learning. Cambrige: Cambrige University Press, 2003. P. 137 – 151.

Информация об авторе:

Осадчая Татьяна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в г. Ялте, г. Ялта, osadchaya_ta@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 30.03.2016 г., принята к печати 04.05.2016 г.

THE ROLE OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE BUSINESS SPECIALISTS' PROFESSIONAL TRAINING

Tatiana Yu. Osadchaya [1, @]

[1] *Academy (branch) of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky*
[@] *osadchaya_ta@mail.ru*

The paper discusses the importance of intercultural competence for future international business professionals. This competence becomes increasingly popular today because in terms of integration and globalization, it affects the person's professional performance in the modern business environment. The paper explores the nature and content of the phenomenon of intercultural competence of a specialist in the field of Economics and Business, defines the role and importance of studying the main characteristics of the world business cultures for efficient intercultural interaction.

Keywords: intercultural communicative competence, cross cultural negotiations, professional communication, business culture, teaching methods.

For citation: Osadchaya T. Yu. Rol' mezhkul'turnoi kommunikativnoi kompetentnosti v professional'noi podgotovke spetsialistov sfery biznesa [The role of cross-cultural communicative competence in the Business specialists' professional training]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 200 – 205.

References

1. Baranova N. A. Osnovy formirovaniia diskursivnoi kompetentsii menedzherov v protsesse obucheniia professional'no-orientirovannomu obshcheniiu [The basics of future managers' communicative competence developing in the profession-oriented communication course*]. Iazyk v problemnom pole gumanitaristiki* [The study of the language within Humanities: monograph]. Arkhangel'sk: Promorskii universitet, 2010, 260 – 276.

2. Brodovskaia E. V. *Peregovory: strategii, taktiki, tekhniki* [The negotiations: strategies, tactics, and techniques]. Tula: Izd-vo TulGU, 2008, 150.

3. Vereshchagin E. M. *Iazyk i kul'tura* [The language and culture]. Moscow: Russkii iazyk, 1990, 246.

4. Gesteland R. *Kross-kul'turnoe povedenie v biznese. Marketingovye issledovaniia, vedenie peregovorov, menedzhment v razlichnykh kul'turakh* [Cross-cultural business behaviour. A guide to global management]. 3rd ed. Dnepropetrovsk: OOO "Balans-Klub", 2003, 189.

5. Gubina N. M. *Formirovanie mezhkul'turnoi kompetentsii studentov pri obuchenii delovomu angliiskomu iazyku v elektivnom spetskurse (prodvinutyi uroven', spetsial'nost' «Mirovaia ekonomika»)* [The students' cross-cultural competence developing in the elective course of Business English (advanced level, The World Economics specialty)]. Moscow, 2004, 226.

6. Lytaeva M. A., Ul'ianova U. S. Mezhkul'turnaia kompetentsiia budushchego spetsialista i soderzhanie obucheniia inostrannym iazykam [The future specialist's cross-cultural competence and foreign language university course]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. The theory and practice*, no. 4 (2011): 111 – 114.

7. Lewis R. D. *Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknoveniia k vzaimoponimaniiu* [When Cultures Collide. Managing successfully across cultures]. Moscow: Delo, 1999, 439.

8. Miasoedov S. P. Osnovy krosskul'turnogo menedzhmenta: Kak vesti biznes s predstaviteliami drugikh stran i kul'tur [The basics of cross-cultural management: how to do business across countries and cultures]. Moscow: Delo, 2003, 256.

9. Pivovarov S. E. *Sravnitel'nyi menedzhment* [Comparative management]. 2nd ed. Saint Petersburg: Piter, 2008, 480.

10. Pluzhnik I. L. *Formirovanie mezhkul'turnoi kommunikativnoi kompetentsii studentov gumanitarnogo profilia v protsesse professional'noi podgotovki* [The Humanities students' cross-cultural communicative competence developing within their university training course]. Tiumen', 2003, 326.

11. Stebletsova O. A. Diskursivnoe vzaimodeistvie na rabote: lingvokul'turnaia spetsifika delovoi kommunikatsii [The discursive interaction at work: linguistic and cultural features of business communication]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Humanities and Social Studies,* no. 2 (2011): 141 – 153.

12. Chiper S. Intercultural communication in business schools: what we can teach and how we can evaluate. *Procedia Economics and Finance,* V. 20 (2015): 119 – 124.

13. Falasca M., Altstaedter L. L. Using WebQuests to Develop Intercultural Competence in the Foreign Language Classroom. *The NECTFL Review*, no. 67 (2011): 15 – 30.

14. Hall J. K. A prosaics of interaction. *Culture in Second Language Teaching and Learning*. Cambrige: Cambrige University Press, 2003, 137 – 151.

Received 30.03.2016, accepted 04.05.2016.

УДК 82-14

СТИХОТВОРЕНИЯ «СТРИЖ» И «СОНЕТ» ИЗ ПИСЕМ Л. И. АВЕРЬЯНОВОЙ К А. И. КОРСУНУ

***О. В. Родикова*[1, @]**

[1] *Московский государственный университет путей сообщения*
[@] *ov.rodikowa@yandex.ru*

В статье рассмотрены стихотворения «Стриж» и «Сонет» Л. И. Аверьяновой в литературном и историко-культурном контексте. Дан анализ лексических особенностей и метроритмической организации поэтических текстов. Автор выявил, что произведения объединены темой любви и описанием городского пейзажа. Однако в «Сонете» природа изображается как неотделимая часть города-мифа, а в «Стриже» люди и мегаполис противопоставлены миру природы. В результате исследования стихотворения из переписки Аверьяновой и А. И. Корсуна отнесены к модернистским текстам о городе.

Ключевые слова: стихотворение, городской текст, петербургский текст, рифма, лексическое значение, метафора.

Для цитирования: Родикова О. В. Стихотворения «Стриж» и «Сонет» из писем Л. И. Аверьяновой к А. И. Корсуну // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 205 – 209.

В 1928 г. Л. И. Аверьянова знакомится со студентом Словесного отделения Института истории искусств А. И. Корсуном – поэтом и переводчиком скальдических стихов для книг «Исландские саги» и «Старшая Эдда». Андрей Иванович привлек внимание писательницы своей неземной красотой, «идолоподобием» [5, с. 101]. В воспоминаниях М. С. Глинки можно найти следующее описание Корсуна: «Двухметровый, с иконописным лицом <…>. Говорил он всегда и со всеми безукоризненно вежливо и сдержанно-приветливо» [4]. Бурно развивающийся роман Аверьяновой с Корсуном породил слухи в литературных кругах, а также вызвал опасения у Е. Данько и А. Ахматовой: «<…> одаренная и богатая душой женщина – себя продешевит, измотается, исстрадается из-за человека, который на большие отношения не способен» [9, л. 10 об. – 11.]. Однако, увлеченная новым чувством, Лидия Ивановна, не обращая внимания на предостережения подруг-писательниц, в короткое время создает лирический цикл-послание, посвященный Корсуну и составивший книгу стихотворений «Опрокинутый Шеврон». А уже «через год после со-

бытий, вызвавших к жизни творческий всплеск, Аверьянова оставила мужа <Ф. Ф. Дидерихса> и соединила свою судьбу с Корсуном» [1, с. 258 – 259].

О тягостях быта писательницы, голоде, болезни, безденежье 1934 – 1939-х гг. свидетельствуют ее письма к мужу, так как семейная жизнь Аверьяновой и Корсуна была отягощена разлуками, обусловленными отъездами Андрея Ивановича под Кисловодск к родителям и поездками Лидии Ивановны – переводчицы Всесоюзного Общества культурной связи с заграницей (ВОКС) по городам СССР. В их переписке редко затрагивалась тема творчества Аверьяновой: только в письме от 16 сентября 1938 г. Лидия Ивановна послала супругу стихотворения «Стриж» («В косом полете, прям, отважен…») и «Сонет» («Прекрасны камни Царского Села…»).

Стихотворение «Стриж», посвященное А. И. Корсуну, написано четырехстопным ямбом, что неслучайно. Согласно исследованиям К. Тарановского и М. Л. Гаспарова [11; 3, с. 283] существует семантический ореол метра. При этом «установить прямую зависимость размера от семантики стихотворения невозможно. Но вполне возможно описать жанровые и смысловые тяготения, традицию использования того или иного размера в национальных поэтических культурах» [6, с. 15]. Так, четырехстопный ямб определяет гармоничное использование языковых единиц, упорядоченность элементов поэтической формы, обуславливает певучесть стихотворения, заглавие которого олицетворяет любовь, добро. Однако во второй строфе наблюдается нарушение размера: «Ворвался грудью в пейзаж / <…> / Заснул, кляня свой вояж» [1, с. 168]. Это сигнализирует о наличии «ритмического и смыслового курсива, о стремлении поэта почему-либо именно на этой строке (или строфе) сосредоточить внимание читателя» [8, с. 111]. Таким образом, Аверьянова акцентирует внимание на том, что стриж – вольная птица, несущая любовь и счастье, внезапно прилетает к людям: *влетел, ворвался, наскоро проверил* – и только на время находит пристанище «в чьих-то руках», в чьей-то жизни: «Вдруг полетел легко и плавно / С твоей руки к его руке» [1, с. 168]. На кратковременность счастья указывает и употребленный писательницей глагол «заснул»: сон – временное состояние покоя или отдыха, при котором прекращается работа сознания [10, с. 194].

Следовательно, счастье притаилось, уснуло, нашло временный приют в руках А. И. Корсуна. На это указывает посвящение стихотворения, использование писательницей личного местоимения «твоей», а также имен собственных, соотносимых не только с городом Санкт-Петербургом, где проживал Андрей Иванович, но и с местом его трудовой занятости; так как с 1934 по 1941-е гг. он работал библиотекарем в Эрмитаже: «В большие залы Эрмитажа / <…> / И с Александровской колонны» [1, с. 168].

Разговорная частица «прям» («В косом полете, прям, отважен» [1, с. 168]) и устаревшее, шутливое существительное «вояж», использованные Аверьяновой в стихотворении, вносят дополнительные эмоциональные оттенки в предложение: так писательница иронизирует по поводу отважности косого полета стрижа, возможно, указывая на чуждость отваги и храбрости при искривленной траектории полета. У птицы любви, по мнению Аверьяновой, к каждому конкретному человеку свой путь и он редко бывает прямым, однако окрыленное чувство, «кляня» свое путешествие, гордо и храбро несет «бремя» земного счастья.

Примечательно, что птица, залетевшая в Зимний дворец Петра I, нашла временный приют в зале, в котором расположена выставка картин французского художника-классициста XVII в. Никола Пуссена (1594 – 1665): «Ворвался грудью в пейзаж / И, по знакомству, у Пуссэна / Заснул <…>» [1, с. 168]. При этом Аверьянова не уточняет, около какой именно картины птица «заснула», тогда как в собрании Государственного Эрмитажа хранится 11 полотен художника. Однако стриж, летавший в помещении, мог найти временный приют только рядом с тем, что ему было знакомо, и, возможно, это был мир природы, изображенный мастером на картине «Пейзаж с Полифемом». В этом полотне Пуссена заключена идея величия, красоты и мощи природы в ее связи с человеком. А стриж – часть идеального мира природы попытался ворваться в жизнь людей с целью привнести в нее немного небесного счастья и, тем самым, укрепить связь между небом, человеком и природой.

Необходимо указать, что именно в этой картине присутствует элемент, связующий на расстоянии сердца влюбленных: Полифем, тоскующий по нимфе Галатеи, вкладывает свое чувство в мелодию, наигрываемую на свирели. Музыка, создавая романтический ореол вокруг циклопа, передает состояние играющего и, возможно, отдельными звуками доносится до возлюбленной. Так, переписка между Корсуном и писательницей, словно музыка соединяет двух людей, вынужденных подолгу жить на расстоянии.

При этом птица, влетевшая в жизнь людей, принесла и ряд неудобств, связанных с ее изгнанием: «Его ловили неуклонно, / Стремянкой бороздили пол» [1, с. 168]. Наречие *неуклонно*, использованное в стихотворении, указывает на напористое, настойчивое желание не только изгнать стрижа из помещения, но и истребить любое проявление чувства в сердце.

Тогда как, употребив разговорную лексему *куксился* («Но стриж, что куксился забавно» [1, с. 168]), писательница сблизила стрижа с собирательным образом ребенка: птица хмурится и капризничает как забавное дитя, привлекая к себе внимание окружающих людей. Так, Аверьянова указала на то, что любовь как чувство, посланное небом в радость людям, невинна, непостоянна в своих «увлечениях» и капризна в выборе объектов влияния. А с точки зрения православия, у каждого ребенка есть собственный ангел-хранитель, поэтому и у стрижа он есть: «И с Александровской колонны / Его хранитель не сошел…» [1, с. 168]. Именно ангел Александрийского столпа, левой рукой держащий крест, а правой рукой взывающий к небу, охраняет любовь и счастье, витающее в городе.

Таким образом, в лирическом произведении «Стриж» Л. И. Аверьяновой птица олицетворяет не только чувство любви, дарованное А. И. Корсуну к

писательнице, но и счастье каждого жителя города, оберегаемое ангелом Александровской колонны. При этом стихотворение, состоящее из четырех строф и написанное четырехстопным ямбом с женской и мужской рифмой (AbAb), можно логически разделить на две части: первые две строфы – прилет стрижа, а две последние строфы – изгнание птицы, указывающее на нежелание людей впускать в свою жизнь нечто несоответствующее их пониманию быта; из этого следует отстранение человека от мира природы, от жизненных радостей и любви.

Стихотворение «Сонет» из письма Аверьяновой к Корсуну не имеет посвящения. Однако произведения «Сонет» и «Стриж» объединены темой любви: только в «Стриже» – прочитываемая в подтексте любовь между людьми, а в «Сонете» – явно выраженная тема любви к малой Родине. Поэтому в «Сонете» нет жесткой привязанности топографии к Эрмитажу и его ближайшим окрестностям, как в поэтическом тексте «Стриж»: лирическая героиня любуется архитектурой и пейзажем не только Санкт-Петербурга, но и городов Ленинградской области («Прекрасны камни Царского Села: / <…> многократная Нева. / И Павловска эпическую медь / <…> и Петергоф тяжелый» [1, с. 169]).

В духе акмеизма лирическая героиня погружена в мир своих чувств, эмоций, которые не раскрываются непосредственно перед читателем, а передаются душевными движениями («Но если б вновь родиться я могла, / Я родилась бы снова в Петербурге» [1, с. 169]); перечислением предметов внешнего мира («Его оград чугунная трава, / Гранитные перевивая чурки» [1, с. 169]), психологических деталей, что обуславливает конкретность и индивидуальность переживания.

В стихотворении присутствует автобиографическое начало: писательница вкладывает в уста лирической героини свое видение Петербурга и его окрестностей; а также убеждения в том, что она сможет попрощаться с Родиной, с любимыми пейзажами, великолепными архитектурными ансамблями («Переживу, и Петергоф тяжелый» [1, с. 169]) несмотря на то, что они «вросли» ей в сердце и душу («Вросла мне в сердце, голубе шкурки / Песца та многократная Нева» [1, с. 169]). Так, «еще в начале 1920-х гг. Л. Аверьянова хотела эмигрировать. <…>. Впоследствии, вероятно, под сильным, хотя и непродолжительным обаянием Второй Москвы <поэтическая книга Аверьяновой>, тема отъезда и вообще отодвинулась на задний план и не беспокоила поэтессу вплоть до 1930-х гг.» [1, с. 273]. А в 1930-х гг. голод, отсутствие постоянного заработка, отказ в издании книги «Вторая Москва», полученный от П. Н. Медведева, заведовавшего литературным отделом Государственного издательства – все это привело к настойчивому желанию писательницы эмигрировать.

Внутренне готовясь к эмиграции и убеждая себя в том, что она этот жизненный этап переживет, хоть и болезненно, писательница все же думает о Родине и как о «пристанище» ее бренного тела после смерти: «Но в Гатчине хочу я умереть» [1, с. 169]. Однако «прорыв из внутренней эмиграции на свободу Аверьяновой не удался, но стал возможным для ее стихов» [1, с. 273].

Следовательно, в стихотворении Аверьяновой, проявилось русское национальное начало, характерное для поэзии акмеистов [7]: в непосредственном ощущении родной природы («Где воды свежи и где зреет жолудь <сохранена авторская орфография>» [1, с. 169]), в чувстве исторической памяти («В сих раковинах – славы отзвук гулкий» [1, с. 169]) и в ориентации на нравственные ценности народа.

Урбанистические мотивы, присутствующие в поэтическом произведении, создают персональную картину мира человека, рожденного в Санкт-Петербурге. Так, мир лирической героини замыкается вокруг Ленинградской области, которая воспринимается ею как райское место на бренной земле: тут *воды свежи*, *прекрасны камни*, *зреет жолудь*. Что обусловлено остротой восприятия места рождения в минуты понимания необходимости переезда. Особую для сердца привлекательность мегаполиса передают эпитеты, употребленные Аверьяновой: *многократная Нева, тяжелый Петергоф, прогнившая балюстрада*. Тогда как инверсия использована писательницей с целью ритмико-мелодической организации текста («Переживу, и Петергоф тяжелый» [1, с. 169]); а в первых стихах первой строфы – для создания эффекта архаизации («В сих раковинах – славы отзвук гулкий» [1, с. 169]), который усилен устаревшим местоимением *сих* («тех»), что придает поэтической строке торжественно-патетическое звучание.

Писательница, играя с прямыми и переносными значениями слов, мастерски использует разные виды полисемии: метафору («Его оград чугунная трава» [1, с. 169]) и метонимию («И Павловска эпическую медь» [1, с. 169]). Вследствие чего происходит реконструкция первоначальной образности слов: Аверьянова с новой для читателя стороны раскрывает знакомые образы. Так, она обнаружила сходство остроконечных кованых пик поверх полотна Чугунных (Николаевских) ворот, построенных в 1826 г. и являющихся воротами в Павловск по дороге из Царского Села, с травой. А ряд памятников, находящихся в парке Мариенталь назвала *эпической медью*, опираясь на существующую смежность между материалом и изделием из него.

Мегаполис предстает как «“генератор культуры”, противостоящий времени и хранящий память о прошлом» [14]. Город – модель культуры воспринимается в неразрывной связи с природой, составляя единую семиотическую сферу – «петербургский текст». Причем Петербург в сонете не только конкретное реальное пространство, не только герой, не только художественный образ – «вечный образ» культуры и главный, сквозной образ поэзии акмеистов, но и текст – пространство культуры, система «вечных образов» [2].

Минорная тональность «городского текста», изображение достопримечательностей города, видение красоты даже в ущербности и разрушении под натиском времени архитектурных сооружений («Ораниенбаум с прогнившей балюстрадой» [1, с. 169]) – все это определяет жанр произведения как «ностальгическую

полуэлегию-полуоду городу», описанный Р. Д. Тименчиком в своих исследованиях литературы XX в. [12; 13]. Тогда как писательницей не только названо произведение «Сонетом», но и соблюдена поэтическая форма сонета: 14 строк, состоящих из двух катренов и двух терцетов с французской рифмовкой – abab abab ccd eed.

При этом стихотворение о Санкт-Петербурге от лица петербурженки приобретает характер некоего дневника воспоминай и желаний, происходит «документализация» лирического повествования, которая «осуществляется анкетно мотивированной топонимикой, локально привязанными реалиями» [12]. Лидия Ивановна воссоздает опознаваемый город посредством сменяющихся «картинок», как бы записывая их в дневник памяти, который вдали от дома будет ей напоминать о красотах Родины. Таким образом, в аверьяновской мнемопоэтике изображение «картинок» сводится в некий каталог, в котором перечисляется всё, что близко сердцу писательницы.

Стихотворения «Стриж» и «Сонет» Л. И. Аверьяновой семантически сложные, насыщенные топонимами и культурными образами Санкт-Петербурга; в то же время отличаются стройностью композиции, метафоричностью языка, афористичностью поэтической речи. А метроритмическая организация текстов соотносится с их содержанием: так, ритмы «Сонета», придают переживанию лирической героини экспрессивную напряженность и драматизм; а стихотворный размер произведения «Стриж» передает спокойное созерцание происходящего сторонним наблюдателем. Тогда как мегаполис в поэтических текстах воспринимается в связи («Сонет») и оппозиции с природой («Стриж»), которая в первом случае выступает элементом утопического города-рая; а во втором случае, олицетворяя добро и любовь, она противопоставлена городской цивилизации. Разные поэтические видения города в «Стриже» и «Сонете» входят в сложное семиотическое единство, объединяющие «городские тексты» творчества модернистов.

Литература

1. Аверьянова Л. И. Vox Humana: Собрание стихотворений. М.: Водолей, 2011. 416 с.

2. Бурдина С. В. Архитектурный пейзаж Петербурга в зеркалах «Поэмы без героя» А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2(8). С. 136 – 139.

3. Гаспаров М. Л. Семантический ореол метра: к семантике русского трехстопного ямба // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 282 – 308.

4. Глинка М. С. В. М. Глинка: Воспоминания. Архивы. Письма. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, изд-во АРС, 2006. С. 135 – 136.

5. Кузмин М. Дневник 1934 года / под ред. Г. Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998. 416 с.

6. Магомедова Д. М. Филологический анализ лирического стихотворения: учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 192 с.

7. Озеров Ю. А. Введение в литературоведение: учебник для вузов. М.: Оникс, 2007. 256 с.

8. Руднев П. А. Из истории ритмического репертуара русских поэтов XIX – начала XX в. (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Брюсов, Блок) // Теория стиха. Л., 1968.

9. Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 355. Ед. хр. 18. [Les temps sont durs (фр.) – Тяжелые времена].

10. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. Т. 4. 797 с.

11. Тарановский К. О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 372 – 403.

12. Тименчик Р. Д. Петербург в поэзии русской эмиграции // Звезда. 2003. № 10. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/10/tim.html (дата обращения: 26.01.2016).

13. Тименчик Р. Д. «Поэтика Санкт-Петербурга» эпохи символизма / постсимволизма // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. С. 117 – 124.

14. Шмидт Н. В. «Городской текст» в поэзии русского модернизма: дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 199 с.

Информация об авторе:

Родикова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Гуманитарного института Московского государственного университета путей сообщения, ov.rodikowa@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 26.04.2016 г.

THE POEMS «SWIFT» AND «SONNET» FROM L. I. AVERIANOVA'S LETTERS TO A. I. KORSUN

Olga V. Rodikova [1, @]

[1] *Moscow State Transport University*
[@] *ov.rodikowa@yandex.ru*

The paper describes the poems «Swift» and «Sonnet» by L. I. Averyanova in literary, historical and cultural contexts. The analyses of lexical features and metre-rythmical organization of the poetical texts are introduced in the paper The author revealed that the poems are assembled by the theme of love and description of the city scenery. However, the nature in the «Sonnet» is portrayed as an integral part of the city-myth, while people and the megalopolis in the «Sonnet» are opposed to the natural world. As a result of the study the poems from the correspondence between Averyanova and Korsun are attributed to the modernist texts about the city.

Keywords: poem, city text, the text of St. Petersburg, rhyme, lexical meaning, metaphor.

For citation: Rodikova O. V. Stikhotvoreniia «Strizh» i «Sonet» iz pisem L. I. Aver'ianovoi k A. I. Korsunu [The poems «Swift» and «Sonnet» from L. I. Averianova's letters то A. I. Korsun]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 205 – 209.

References

1. Aver'ianova L. I. *Vox Humana: Sobranie stikhotvorenii* [Collected works by Aver'ianova L. I.]. Moscow: Vodolei, 2011, 416.

2. Burdina S. V. Arkhitekturnyi peizazh Peterburga v zerkalakh «Poemy bez geroia» A. Akhmatovoi [Architectural landscape of St. Petersburg in mirrors of the «Poem without a hero» by A. Akhmatova]. *Vestnik Permskogo universiteta – The Reporter of Perm's University,* no. 2(8) (2010): 136 – 139.

3. Gasparov M. L. Semanticheskii oreol metra: k semantike russkogo trekhstopnogo iamba [Semantic halo of metre: to the semantic of the Russian iambic trimeter]. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. Moscow, 1979, 282 – 308.

4. Glinka M. S. *V. M. Glinka: Vospominaniia. Arkhivy. Pis'ma* [V. M. Glinka: Flashbacks. Archives. Letters]. Saint-Petersburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, izd-vo ARS, 2006, 135 – 136.

5. Kuzmin M. *Dnevnik 1934 goda* [The diary of 1943]. Ed. Morev G. Saint-Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha, 1998, 416.

6. Magomedova D. M. *Filologicheskii analiz liricheskogo stikhotvoreniia* [Philological interpretation of a lyric]. Moscow: Akademiia, 2004, 192.

7. Ozerov Iu. A. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies]. Moscow: Oniks, 2007, 256.

8. Rudnev P. A. Iz istorii ritmicheskogo repertuara russkikh poetov XIX – nachala XX v. (Pushkin, Lermontov, Nekrasov, Tiutchev, Fet, Briusov, Blok) [From the history of rhythmic repertory of the Russian poets (Pushkin, Lermontov, Nekrasov, Tiutchev, Fet, Briusov, Blok)]. *Teoriia stikha* [Poem's theory]. Leningrad, 1968.

9. Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (RO IRLI) [The Department of manuscripts of the Institute of Russian literature]. Fund 355, File 18.

10. *Slovar' russkogo iazyka* [The dictionary of the Russian Language]. Ed. Evgen'eva A. P. Moscow: Russkii iazyk, 1988, vol. 4, 797.

11. Taranovskii K. *O poezii i poetike* [About poetry and poetics]. Moscow, 2000, 372 – 403.

12. Timenchik R. D. Peterburg v poezii russkoi emigratsii [Petersburg in Russian emigration's poetry]. *Zvezda – The Star*, no. 10 (2003). Available at: http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/10/tim.html (accessed 26.01.2016).

13. Timenchik R. D. «Poetika Sankt-Peterburga» epokhi simvolizma / post-simvolizma [«Poetics of St. Petersburg» of the symbolism/postsymbolism epoch]. *Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam XVIII* [Sighifics of the city and city culture. Petersburg. Works on sign systems XVIII]. Tartu, 1984, 117 – 124.

14. Shmidt N. V. *«Gorodskoi tekst» v poezii russkogo modernizma* [«City text» in poetry of the Russian modernism]. Moscow, 2007, 199.

Received 01.02.2016, accepted 26.04.2016.

УДК 82-1:808-1

«ВОЕННЫЕ» БАЛЛАДЫ В ПОЭЗИИ Р. РОЖДЕСТВЕНСКОГО И В. ВЫСОЦКОГО (сравнительная поэтика стилей поэтов) В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 1970-Х ГГ.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

***Н. Я. Сипкина*[1, @]**

[1] *Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова*
[@] *sipkina.nina@yandex.ru*

Цель статьи – рассмотреть поэтику художественных стилей поэтов-«романтиков» Р. Рождественского и В. Высоцкого в контексте поэтически-стилевых тенденций литературного процесса 1970-х гг., на примере их балладного творчества, объединённого военной тематикой. Выделенный аспект исследования в творчестве художников является актуальным в современном литературоведении, и ранее научному изучению не подвергался. Методологическую основу исследования составили труды учёных-филологов А. Н. Веселовского, В. А. Зайцева, А. А. Потебни и др. Автор статьи приходит к выводу, что «синтез» поэтических тенденций и, питающих их, традиций помогли поэтам ярче раскрыть индивидуальные возможности и внести своими «военными» балладами новое слово в эволюцию стиля русского стиха.

Ключевые слова: поэтика, художественный стиль, поэтически-стилевые тенденции, балладное творчество, жанр.

Для цитирования: Сипкина Н. Я. «Военные» баллады в поэзии Р. Рождественского и В. Высоцкого (сравнительная поэтика стилей поэтов) в контексте литературного процесса 1970-х гг.: основные тенденции развития // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 210 – 215.

В современном литературоведении остаётся актуальным вопрос о выявлении тенденций и закономерностей развития современной поэзии и их взаимосвязей с опытом стилевых традиций отечественной поэзии [5, с. 299 – 320; 9, с. 374 – 391; 10, с. 521 – 666; 11, с. 153 - 156; 12; 18, с. 446 – 473; 19; 20, с. 344 – 350]. В поэтическом процессе 1970-х гг. условно выделяются два стилевых направления: «реалистический и романтический» [4, с. 28]. По мнению учёного-филолога данный период характеризуется творческим «всплеском» поэтов «реалистов» А. Твардовского, С. Маршака, А. Яшина, С. Наровчатова, А. Межирова, Б. Слуцкого, Е. Винокурова, Е. Евтушенко, А. Жигулина и др. и поэтов-«романтиков», к числу которых В. А. Зайцев отнёс: Н. Асеева, В. Луговского, А. Прокофьева, М. Светлова, Р. Рождественского, Р. Казаковой, Н. Матвеевой и др.

Ю. И. Минералов добавляет к выделенным стилевым направлениям – модернистский. По утверждению учёного процесс обновления стиля закономерен и естественен с появлением каждого «новоиспечённого» творческого «импульса», т. е. талантливого поэта со своим мировыражением, мироощущением. В то же время ранее неизвестное новообразующее стилевое направление с выявлением «значимого» имени, как правило, интуитивно, на подсознательном уровне возвращается «к праисториическим, вошедшим в плоть и кровь данного народа воззрениям на природу, сущность человеческого бытия…» [11, с. 156], т. е. к источникам, питающих вдохновение поэтов.

Сопоставленное соотношение объективного и субъективного в методе и стиле выделенных поэтических направлений условно определено в их многоступенчатую классификацию. Реалистические стили «разделены» на объективные и субъективные. Субъективные – на лирические и условные, а те – на конструктивные и экспрессивные, на стыке которых возникает «эксцентрический» стиль. Романтические стили, в свою очередь, также были «подразделены» на объективно-романтические, лирико-романтические, экспрессивно-романтические и т. д.

Ученые обнаружили поэтические стилевые тенденции в лирике 1970-х гг. «к романтическому обобщению и аналитичности», к «интеллектуально-философской напряжённости стиха», «насыщению смелыми ассоциациями и фантастикой», «экспрессии и метафоризации», «народно-мифологической образности и символике». Но в то же время утверждается, что «поэтическая индивидуальность не может исчерпать себя в одной какой-либо тенденции. Отсюда поиски обогащения изобразительных и выразительных средств, характерное для нашего времени стремление к художественному синтезу» [4, с. 176; 5, с. 314 – 315; 12, с. 156].

Подробно анализируя отечественный поэтический процесс, В. А. Зайцев выделяет и основные черты поэзии 1970-х гг.: «органично впитанный опыт традиций классической поэзии Золотого и Серебряного веков, фольклорные истоки, и, в то же самое время, смелое и оригинальное их продолжение и обновление» [3, с. 283]. В поэзии «послевоенного», «младшего» поколения (Р. Рождественский, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава, В. Высоцкий, Ю. Кузнецов и др.), по мнению учёного, было основным то, что, «осмысливая пути новаторства и отношения к традициям, они искали формально и содержательно оптимальные возможности художественного отражения современного мира» [3, с. 229].

Рассмотрим поэтику художественных стилей поэтов-«романтиков» Р. Рождественского и В. Высоцкого в контексте выше указанных поэтически-стилевых тенденций 1970-х гг., на примере их «военных» баллад.

Под поэтикой индивидуального стиля, вслед за Ю. И. Минераловым, мы будем подразумевать творческий принцип создания «военных» баллад Р. Рождественского и В. Высоцкого в сравнительном аспекте, где стиль – это «регулятор и организатор; он управляет созданием субстанции (текста произведения)…» [12, с. 351].

Как известно, «БАЛЛАДА (от народно-латинского «ballare» – «плясать»)» – жанровое обозначение лироэпических поэтических произведений «романтического» содержания, «представляющие определенные стадии исторического развития» [6, с. 422] общественного сознания.

Специфика творчества В. Высоцкого – авторское исполнение своих стихов-песен, позволила ввести в сферу наших научных интересов термин «ЗОНГ (от нем. der Song – эстрадная песня) – вид баллады, иногда близкой к джазовому ритму, часто пародийного, гротескного характера, содержащей едкую сатиру и критику общества)» [8, с. 257]. Сам поэт ясно обозначил влияние Б. Окуджавы на его творческие искания: «…когда я услышал песни Булата Окуджавы, я увидел, что можно свои стихи усилить ещё музыкой, мелодией, ритмом. Вот я и стал сочинять музыку к своим стихам» [3, с. 284].

В русской литературе XX в. можно отметить продолжение развития мировых традиций поэтического жанра баллады с её стремлением формального обновления: от *классического* варианта (А. Ахматова «Новогодняя баллада»; Н. Гумилев «Баллада» («*Влюбленные, чья грусть...*»); В. Брюсов «Баллада о любви и смерти», В. Ходасевич «Баллада», Я. Смеляков «Английская баллада» и др.) до *вольного изложения* поэтической мысли, более схожей с поэмой, и которую можно условно сформулировать, как «*баллада-поэма*» (Б. Пастернак «Баллада» («*Дрожат гаражи автобазы…*», М. Цветаева «Баллада о проходимце», Э. Асадов «Баллада о друге», А. Кочетков «Баллада о прокуренном вагоне» и др.).

Баллады XX в. отличаются разнообразием и в тематическом отношении. Можно выделить также «*классические*» баллады романтично-исторического содержания, отражающие легенды, мифы, исторические события античности, Средневековья, XIIIV – XX вв. (Б. Пастернак «Баллада» («*Бывает курьером борзом…*»), Э. Багрицкий «Баллада о Виттингтоне», Л. Мартынов «Баллада о Николае Рерихе», В. Фёдоров «Баллада о звенящем солнце», С. Есенин «Баллада о двадцати шести», М. Анчаров «Баллада о танке «Т-34», Р. Рождественский «Байкальская баллада», В. Высоцкий «Баллада о вольных стрелках» и др.), и баллады, имеющие «*автобиографические черты», отличающиеся лиризмом* (Н. Тихонов «Баллада о пустыне», А. Вознесенский «Баллада 41-го года», Я. Смеляков «Баллада Волховстроя», М. Анчаров «Баллада об относительности возраста», Н. Глазков «Баллада о тракторе и ритуальном камне», С. Гудзенко «Баллада о дружбе» и др.).

Данное жанровое движение отразилось и в балладном творчестве Р. Рождественского и В. Высоцкого. В поэтическом «репертуаре» художников можно насчитать десятки стихотворений, которые мы отнесли к жанру баллады, и к выявленной тенденции плавного «преобразования» их в «баллады-поэмы», с разнообразными тематическими наполнениями: от романтично-исторического до автобиографического содержания, отразившие волнующие моменты духовного развития поэтов. Например, у Р. Рождественского к лироэпическим стихотворениям мы отнесли «Письмо из бухты Н…», «Убили парня», «Огромное небо»: «Детская игра», «Третье музыкальное», «Баллада о том, как инки начали поклоняться солнцу», «Баллада о спасённом знамени», «Признание кинодублёра» и др. У В. Высоцкого в перечень баллад-«зонгов» можно отнести практически всё его песенно-поэтическое творчество, так как, по мнению Р. Рождественского, «он создавал песни-роли, органически вживаясь в образы персонажей – героев стихотворения» [3, с. 284]. Среди прочих можно выделить специально обозначенные, как «Баллада о любви», «Баллада о борьбе», «Баллада о гипсе», «Баллада о бане» и др. и необозначенные, в число которых мы
включили следующие поэтические произведения: «Расстрел горного эха», «Высота», «Аисты», «Письмо», «Моя «Цыганская», «Охота на волков», «Две судьбы» и др., что не помешает последние отнести к исследуемому жанру баллады, так как они отличаются специфическим балладным лирико-повествовательно-историческим содержанием.

Из-за невозможности в рамках научной статьи проанализировать всё «богатство» данного жанрового наследия поэтов, нами выделены баллады военной тематики, в которых, по нашему мнению, в большей мере отразились нравственно-эстетические принципы художников слова и стилевые тенденции отечественного поэтического процесса 1970-х гг.

Уместны слова А. Н. Веселовского: «Всякое искусство и поэзия в высшей степени, отражают жизнь. Всякое произведение искусства носит в себе печать своего времени, своего общества» [1, с. 388]. Например, чертами мифологизма отличается «Баллада о спасённом знамени» Р. Рождественского, в которой традиционно используется балладный «трагический» мотив: повествуется о гибели в «неравном бою» русских воинов с «вражеским» полком: «*Сколько полегло парней в том бою – / не знаю. /Засыхало – / без корней – / полковое знамя …*» [16, с. 397].

«Балладу о спасённом знамени» отличает «типология» поэтических «образов-символов, мотивов, оборотов, параллелей и сравнений» [1, с. 498]. Для анализируемой баллады свойственен сказочно-фантастический сюжет: «волшебное оживление» погибшего солдата, узнаваемо описание путей-дорог «сказочного» героя: «*Полз / пустым березняком. / Шёл / лесным овражком…*»; и использование художественного приёма – гиперболизации: «*Он себя / считал полком / в окруженье вражьем!*» [16, с. 397]. «Баллада о спасённом знамени» по своему содержанию обладает признаками былинного эпоса, отражая и характерный для этого вида жанра мотив «бессмертия»: «*Спал он в поле, и его / знамя / согревало… / Шли дожди. / Кружилась мгла. / Задыхалась буря. / Парня / пуля / не брала – / сплющивалась / пуля!*» [16, с. 398].

Полковое знамя в балладе Рождественского становится образом-символом победы над силой «неправедной» и «организовывает» сюжет баллады – «борца за правое дело»: «*Шёл он долго, / нелегко. / Шёл / по пояс в росах, / Опираясь на древко/ как на вещий / посох*» [16, с. 398].

Основной мотив «Баллады о бессмертии» Р. Рождественского подсказывает само название баллады. События, происходящие в стихотворении, можно условно отнести к истории гражданской войны (1920-х гг.), в которые вплетаются «реалии» современной действительности, что мы наблюдаем во «вступле-

нии» баллады: «*Я расскажу теперь… / как наш товарищ пел / в двадцатом. / Перед смертью*» [16, с. 416].

Трагизм ситуации усиливается используемой саркастической репликой одного из «карателей», которые после жестокого избиения лирического героя, заставили его рыть для себя могилу: *«А может, ты споёшь?..» / смеясь, / спросил хорунжий*…» [16, с. 416].

Баллада Р. Рождественского спорит и с известной пословицей: «Один в поле – не воин», у поэта «один в поле – воин», если у «воина» помощник – слово, которое «страшнее пистолета». Каскад эпитетов-сравнений напоминает невидимую психологическую битву: «бой» слова с «мучителями»: «*Луна* ***ползла, / как тиф. / Безжизненно. / Сурово****… / И* ***вздыбился*** */ мотив! / И прозвучало слово…*» [16, с. 416].

Слова лирического героя, поющего «Интернационал», вводят в панику дюжину «молодцов», учиняющих казнь комиссара. Паническое состояние недругов выделяется и в поэтическом слоге. Этому служат эпитеты, метафоры-сравнения для которых характерен «физиологический синкретизм ассоциаций чувственных восприятий…» [1, с. 78 – 79] и разрядка слова «продолжалась»: «***Литые фразы / жгли****, / с зарёй* ***перемежаясь****… / Хорунжий крикнул: / «Пли!» / А песня / про-дол-жа-лась. / Была грозе сродни, светилась и трубила!../ В руках у солдатни / плясали / карабины. / Дрожали молодцы – / ни стати / и ни прыти…*» [16, с. 417 – 418].

В поэтике стихотворного стиля анализируемой баллады можно найти художественный приём – «психологический параллелизм», также характерный для народнопоэтического стиля, в котором сопоставленные мотивы «бессмертия» и «сила слова» «точно сплетающиеся вариации одной и той же музыкальной темы, взаимно суггестивные…» [1, с. 144]. В финале баллады утверждается «бессмертный» подвиг комиссара, который становится нравственным критерием для современников поэта: «*Великие певцы, / пожалуйста, / замрите!.. / Пусть видит комиссар, / как в озаренье алом / встаёт / высокий зал / с «Интернационалом»! / И солнечно в судьбе. / И ощущаешь гордость / и веришь, что в тебе – тот / комиссарский голос!*» [16, с. 418].

По идейному и тематическому содержанию баллада – «зонг» «Расстрел горного эха» В. Высоцкого сходно с «Балладой о бессмертии» Р. Рождественского. «Расстрел горного эха» имеет также аллегорический характер и разоблачает «жестокость» нравов «человечества» XX в. А лирическим героем баллады-песни становится, парадокс, но это – «звуковой эффект», который имеет, в отличие от человека – «звериноподобного», «человеческие чувства»: «*В тиши перевала, где скалы ветрам не помеха, / На кручах таких, на какие никто не проник, / Жило-поживало весёлое горное эхо, / Оно отзывалось на крик – человеческий крик*» [2, т. 4, с. 223].

Баллада имеет автобиографические черты. Песенно-стихотворное творчество В. Высоцкого в Советском Союзе при жизни поэта официально не признавали, несмотря на то, что оно стало «классиком» «магнитофониздата» ещё, когда его стихи не печатались в журналах и книгах, а его имя упоминалось официальной прессой исключительно в бранном контексте. «Само понятие о свободной поэзии под гитару, записанной на магнитофонные бобины, возникает в культурном быту СССР 1960-х, а затем 1970-х и 1980-х г., именно поэтому В. Высоцкий оказался самым популярным поэтом 1970-х гг.» [10, с. 139]. «Расстрел горного эха» отличается «гротеско-пародийными» стилевыми особенностями: «*Должно быть,* ***не люди, напившись дурмана и зелья****, / Чтоб не был услышан никем* ***громкий топот и храп, / Пришли умертвить, обеззвучить живое ущелье*** *– / И эхо связали, и в рот ему всунули кляп. / Всю ночь продолжалась* ***кровавая злая потеха****, / И эхо* ***топтали****, но звука никто не слыхал…*» [2, т. 4, с. 223].

Финал баллады имеет «вещий» характер: соответствует «финалу» жизненного пути В. Высоцкого. В стиле поэтического текста используются «красноречивые», образные сравнения: «*К утру* ***расстреляли притихшее горное эхо*** *– / И* ***брызнули слезы, как камни, из раненых скал...***» [2, т. 4, с. 223].

«Военные» баллады («Баллада о зенитчицах», «Баллада о молчании», «Баллада о красках») Р. Рождественского так же отражают героические поступки «персонажей» поэтических произведений. Выделенный круг баллад отличается эпичностью – это «маленькие поэмы-рассказы в стихах: со своей завязкой, развитием действия, кульминацией, развязкой» [14, с. 199].

Художественными стилевыми находками отличается баллада-песня «Высота» В. Высоцкого. Лирический герой «повествует» о взятии «безымянной» высоты советскими солдатами. Экспрессивные слова-просторечья «*вцепились*», «*лезли*» помогают образно представить «сверхнапряжение» боя: «*Вцепились они в высоту, как в свое. / Огонь минометный, шквальный... / А мы все лезли толпой на нее,/ Как на буфет вокзальный*» [2, т. 1, с. 160].

Образ «смерти»: «*И крики "ура" застывали во рту, / Когда мы пули глотали*», и образная «магия» символического числа семь: «*Семь раз занимали мы ту высоту / Семь раз мы её оставляли*» становятся «эмоционально и содержательно» ёмкими «за счёт несоответствия, несоразмерности» двух планов – плана выражения, т. е. того о чём говорится, и плана содержания, т. е. того, что подразумевается» [20, с. 16] под поэтическими фразами баллады.

Неудачные попытки взятия высоты вызывают у товарищей лирического героя контрастные чувства. В поэтических фразах баллады используются художественные тропы, в которых «реализуется процесс поэтического мышления» [13, с. 17] читателя. В данном случае – это сравнение и метафора: «*И снова в атаку не хочется всем, /* ***Земля – как горелая каша...*** */ В восьмой раз возьмем мы её насовсем – / Своё возьмем,* ***кровное****, наше!*» [2, т. 1, с. 160].

Следующее четверостишье песни-баллады написано в «народнопоэтическом» стиле, с характерным использованием риторического вопроса-восклицания, и слов «мифологического» народного представления о человеческой жизни, в которых литературоведы видят «установление аналогии между словами и мифом» [13, с. 13]. Так по народному представлению судьбу человека, определяют некие «мифические существа», которых никому из живущих нельзя избежать: «*А может её стороной обойти,–* ***/ И что мы к ней прицепились?!*** */ Но, видно, уж точно – все* ***судьбы-пути*** */ На этой высотке* ***скрестились***» [2, т. 1, с. 160].

В «Балладе о красках» Р. Рождественского стилевым изображением становятся символы «цвета» и художественный приём психологического параллелизма, также характерные для народнопоэтической лирики. Например, по народной символике эпитет «белый» имели «все предметы, достойные хвалы, чести, уважения, любви: белые дни – счастливые дни». «Белому» подобен и «золотой» цвет, «который относится не к цвету или материальному качеству предметов, а выражает вообще идею ценности». «Зелёный цвет – символ надежды и радости; свежего, юного, сильного, ясного…». «Серый» и «чёрный» цвет символизируют «злобу и другие отрицательные впечатления» [1, с. 83].

Данная особенность становится сюжетно образующей в «рассказе» о двух братьях с «рыжими» и «черными» волосами, ушедших на войну, в «Балладе о красках» Р. Рождественского. Этим «цветом» отличалась и война: «***рыжий*** *бешенный огонь и* ***чёрный*** *дым*». Характерные цвета войны становятся – «*злая* ***зелень*** *застоявшихся полей», «****серый*** *цвет прифронтовых госпиталей*» [16, с. 518]. В «Балладе о красках», «используя различную цветовую гамму, поэт сумел передать образные картины войны: разрушенные дома, несобранный урожай, смерть людей. «*Золотистые*» ордена, «*зеленое*» вино, «*смертельная белизна*» становятся «цветом» – символом победы» [14, с. 200].

Чертами русской народной былины отличается так же и песня-баллада «Аисты» В. Высоцкого, в которой повествуется о «последствиях» военной «бойни» для всего «сущего». Высоцкий сумел найти слова – «поэзы» (И. Северянин), которые передают «жуткие» образы военных действий. В исследуемой балладе мы наблюдаем ещё и метафоризацию: «*Небо этого дня* ***ясное****, / Но теперь в нем* ***броня лязгает****. / А по нашей земле* ***гул стоит, / Дым и пепел встают, как кресты***» [2, т. 2, с. 49].

В «Аистах» В. Высоцкого для стилевого изображения, как и в «военных» балладах Р. Рождественского, характерно использование художественного приёма – параллелизма, который «покоится на сопоставлении субъекта и объекта по категории движения, действия, как признака волевой жизнедеятельности» [1, с. 37]. Так, «признаком» войны в содержании баллады становится исчезновение «птичьего пения», «птичьих гнёзд», и, наоборот, появление воронов, как следствие наступившей беды. Повторяющиеся поэтические фразы, с небольшими изменениями, располагающиеся в последней строчке каждого шестистишия, выполняют функцию рефрена баллады, являясь при этом специфической «приметой» данного жанрового образования, и говорят об утрате «радости» на «полях» войны:

1. «*Гнезд по крышам не вьют аисты*».
2. «*Певчих птиц больше нет – вороны*».
3. «*Гнезд по крышам не вьют аисты*».
4. «*Певчих птиц больше нет, нет аистов*».
5. «*И над крышами нет аистов*». А использование отрицательной частицы «*нет*» привносит в содержание баллады еще большее «отчаяние».

Как и в «Балладе о красках» Р. Рождественского, в «Аистах» В. Высоцкий использует символику «цвета», но и здесь «золотой», «янтарный» – цвет жизни и плодородия – претерпевает трансформацию и превращается в цвет «несчастья», «стихии», вызванной «бедой-войной»: «*Что ж там цветом в янтарь светится?/ Это в поле пожар мечется…*» [2, т. 2, с. 49]

В тексте баллады поэт использует множество художественных «изобретений»: «автоприметы», иронию над «песенным» оптимизмом, приём контрастного сочетания абстрактных понятий, выражающих человеческие чувства, которые помогают представить образ войны-«лютой»: «***И деревья в пыли – к осени****, / Те, что* ***песни могли****, – **бросили**. / И **любовь** не для нас. Верно ведь? / Что нужнее сейчас?* ***Ненависть. / Дым и пепел встают, как кресты***» [2, т. 2, с. 49 – 50].

В балладе Высоцкого образ войны-«лиходейки» передаётся ещё с помощью звуковых представлений: «*Лес шумит, как всегда, кронами, / А земля и вода – стонами*» [2, т. 2, с. 50]. А повторяющаяся несколько раз поэтическая фраза «*Побрели все от бед на Восток»*, образно передаёт многомиллионное движение людского «потока», спасающегося от смерти.

«Военные» баллады Р. Рождественского и В. Высоцкого, как в зеркале, отражают автобиографические моменты. Поэты, как их балладные лирические герои – «павшие» воины, «сгоревшие» в творческой «войне», сумевшие выразить боль «народную», доказавшие, что «одни в поле – воины». Например, официальное признание к В. Высоцкому пришло только после смерти. Сначала это были отдельные шаги: в 1981 г. усилиями Р. Рождественского, был опубликован первый крупный сборник произведений В. Высоцкого – «Нерв», и вышла первая полноценная («диск-гигант») советская пластинка, как и положено большому поэту. В 1987 г. ему была посмертно присуждена Государственная премия СССР, «*за исполнение роли капитана Жеглова в фильме «Место встречи изменить нельзя»* и «*авторское исполнение песен*» (премию получал отец – С. В. Высоцкий).

Песню-балладу «Он не вернулся из боя» о настоящей фронтовой дружбе Р. Рождественский считал «одной из главных в творчестве» [15, с. 6] В. Высоцкого. Для лирического героя баллады-«зонга» смерть товарища оборачивается «вселенской» трагедией: «*Нам и места в землянке хватало вполне, / Нам и время текло для обоих... / Все теперь одному, только кажется мне, / Это я не вернулся из боя*» [2, т. 2, с. 202].

Таким образом, 1970-е гг. в развитии отечественной литературы отмечены активными поэтическими, художественно-стилевыми исканиями, в ходе которых выявились определённые тенденции в различных формах художественного обобщения: «реалистически-конкретных», «романтических», «сложно-ассоциативных» и др. Это определило характерные черты основных стилевых течений, преемственно связанных с предшествующими периодами развития поэзии. В их широких рамках получили развитие стилевые тенденции, особенно отчётливо выразившиеся в «военных» балладах Р. Рождественского и В. Высоцкого, которое мы условно отнести к стилевой тенденции – «романтического гротеска» с признаками «остранения», «социальной маски», «обращения к субъективной образности» и др.

Для «военных» баллад творчества Р. Рождественского и В. Высоцкого характерны черты романтического «двоемирия». «Специфические стилевые диссонансы обнажают несовместимость двух миров, вынужденно сосуществующих в одном времени и про-

странстве и вступающих в гротескные комбинации мира духа, поэзии, красоты, человечности …уродства, хамства, убогости» [10, с. 140]. Выделенные особенности отличают «Балладу о бессмертии» Р. Рождественского и «Расстрел горного эха» В. Высоцкого.

«Военные» баллады Р. Рождественского и В. Высоцкого добавили в отечественную поэзию лирико-патетическую интонацию, экспрессивность, яркость и контрастность образности, песенно-приподнятую, эмоционально-лирическую, смягчённую иронией интонацию и образность, соединение романтической патетики и бытового разговора, лирико-романтическое звучание, сюрреалистические образные комбинации. В поэтически-стилевую отечественную «копилку» Р. Рождественский и В. Высоцкий внесли: создание «мифов» нового времени, совмещение временных дистанций, антиномические споры, аллегорически-пародийное изображение современной для поэтов действительности, автоприметы и др. В то же время «военное» балладное творчество поэтов-«романтиков» впитало в себя и традиции русской поэзии предшествующих веков: народнопоэтической, романтической, реалистической, модернистской в использовании типологии сюжетов, синкретизма в описании чувств и ощущений лирических героев, образной суггестивности, мифических представлений, символики «цвета» и др.

Литература

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 648 с.

2. Высоцкий В. Собрание сочинений: в 7 т. VENDA Publisching Co.,Velton. Vertag CmbH. BBE CmbH. 1994.

3. Герасименко А. П., Зайцев В. А. История русской литературы второй половины XX века: учебное пособие. М.: Академия, 2008. 455 с.

4. Зайцев В. А. Русская советская поэзия. 1960 – 1970-е годы (Стилевые поиски и тенденции). М.: Издательство Московского университета, 1984. 176 с.

5. Казаркин А. П. Русская литературная критика XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 350 с.

6. Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 1. 1087 с.

7. Кременцов Л. П., Алексеева Л. Ф., Малыгина Н. М. Русская литература XX века: учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2: 1940 – 1990-е годы. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2003. 464 с.

8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 1998. 848 с.

9. Лейдерман Н. Л., Липовецкий Н. М. Русская литература XX в.: 1950 – 1990-е годы: в 2 т.: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. Т. 2. 1968 – 1990. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2008. 688 с.

10. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы: учебное пособие. М.: Academia, 2003. 416 с.

11. Минералов Ю. И. История русской литературы: 90-е годы XX века: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2002. 224 с.

12. Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность): учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 1999. 360 с.

13. Потебня А. А. Теоретическая поэтика: учебное пособие для студ. филол. фак. dысш. учеб. заведений / сост., вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратова. 2-е изд. исправ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2003. 384 с.

14. Прищепа В. П., Сипкина Н. Я. Орфей великой эпохи: Биография поэта. Творчество Р. И. Рождественского: 1940-е – первая половина 1960-х годов: монография. Иркутск, 2012. 440 с.

15. Рождественский Р. От составителя / В. Высоцкий. Нерв. М., 1981. 102 с.

16. Рождественский Р. И. Собрание стихотворений, песен в одном томе. М.: Эксмо, 2014. 1088 с.

17. Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы: учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. 2-е изд., испр. М.: Академия, 2007. 512 с.

18. Тимина С. И., Васильев В. Е., Воронина О. Ю., Выгон М. С., Звягина М. Ю., Иванова Н. Б., Каплан В. М., Катаев В. Б., Кобринский А. А., Кякшто Н. Н., Левченко М. А., Мартьянова И. А., Полищук В. Б., Черняк В. Д., Черняк М. А. Современная русская литература (1990-е – начало XXI в.): учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. 3-е изд. стер. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2013. 352 с.

19. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд. исправ. и доп. М.: Академия, 2009. 432 с.

20. Хрящева Н. П. Теория литературы: история русского и зарубежного литературоведения: хрестоматия / сост. Н. П. Хрящева. М.: ФЛИНТА; Наука, 2011. 456 с.

Информация об авторе:

Сипкина Нина Яковлевна – кандидат филологических наук, сотрудник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, sipkina.nina@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 09.03.2016 г., принята к печати 26.04.2016 г.

WAR BALLADS GENRE IN THE POETRY OF R. ROZHDESTVENSKY AND V. VISOTSKY (comparative poetics of the poets' styles) IN THE CONTEXT OF THE LITERARY PROCESS OF 1970S: BASIC TRENDS OF DEVELOPMENT

***Nina Ya. Sipkina*[1, @]**

[1] *Khakass State University named after N. F. Katanov (Abakan, Russia)*
[@] *sipkina.nina@yandex.ru*

The paper considers the poetics of the artistic styles of romantic poets R. Rozhdestvensky and Vladimir Vysotsky in the context of poetic-style trends of the second half of the 20th century, with the example of their ballad works. This aspect of the research is topical in the modern literary criticism. The author concludes that the unity of the poetic trends and feeding their traditions have helped artists to reveal their talents more brightly and make a new word in the evolution of the style of the Russian verse.

Keywords: poetics, artistic style, poetic and stylistic trends, ballad works, genre.

For citation: Sipkina N. Ya. «Voennye» ballady v poezii R. Rozhdestvenskogo i V. Vysotskogo (sravnitel'naia poetika stilei poetov) v kontekste literaturnogo protsessa 1970-kh gg.: osnovnye tendentsii razvitiia [War ballads genre in the poetry of R. Rozhdestvensky and V. Visotsky (comparative poetics of the poets' styles) in the context of the literary process of 1970s: basic trends of development]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 210 – 215.

References

1. Veselovskii A. N. *Istoricheskaia poetika* [Historical poetics]. Ed. Jirmunskii V. M. 3th ed. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2008, 648.

2. Vysocky V. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Vysotsky V.]. VENDA Publisching Co., Velton. Vertag CmbH. BBE CmbH, 1994.

3. Gerasimenko A. P., Zaitsev V. A. *Istoriia russkoi literatury vtoroi poloviny XX veka* [The History of Russian literature of the second half of the twentieth century]. Moscow: Akademiia, 2008, 455.

4. Zaitsev V. A. *Russkaia sovetskaia poeziia. 1960 – 1970-e gody (Stilevie poiski i tendencii)* [Russian and Soviet poetry. 1960 – 1970 (Style searches and trends)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984, 176.

5. Kazarkin A. P. *Russkaia literaturnaia kritika XX veka* [Russian literary criticism of the twentieth century]. Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta, 2004, 350.

6. *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia* [Brief literary encyclopedia]. Ed. Surkov A. A. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1962, vol. 1, 1087.

7. Krementsov L. P., Alekseeva L. F., Malygina N. M. *Russkaia literatura XX veka. T. 2: 1940 – 1990-e gody* [Russian literature of the twentieth century. Vol. 2: 1940 – 1990]. 2nd ed. Moscow: Akademiia, 2003, 464.

8. Krysin L. P. *Tolkovyi slovar' inoyazichnyh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow: Rus. yaz., 1998, 848.

9. Leiderman N. L., Lipovetskii N. M. *Russkaia literatura XX v.: 1950 – 1990-e gody. T. 2. 1968 – 1990* [Russian literature of the twentieth century: 1950s – 1990s years. Vol. 2: 1968 – 1990]. 3th ed. Moscow: Akademiia, 2008, 688.

10. Leiderman N. L., Lipovetskii M. N. *Sovremennaia russkaia literature: 1950 – 1990-e gody* [Modern Russian literature: 1950s – 1990s years]. Moscow: Akademiia, 2003, 416.

11. Mineralov Yu. I. *Istoriia russkoi literatury: 90-e gody XX veka* [History of Russian literature: the 90 years of the twentieth century]. Moscow: VLADOS, 2002, 224.

12. Mineralov Yu. I. *Teoriia hudozhestvennoi slovesnosti (poetika i individualnost')* [Theory of the art of literature (poetics and personality)]. Moscow: VLADOS, 1999, 360.

13. Potebnia A. A. *Teoreticheskaia poetika* [Theoretical poetics]. Comp. and comm. Muratov A. B. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakultet SPbGU; Moscow: Akademiia, 2003, 384.

14. Prishchepa V. P., Sipkina N. Ya. *Orfei velikoi epohi: Biografiia poeta. Tvorchestvo R. I. Rozhdestvenskogo: 1940-e – pervaia polovina 1960-kh godov* [Orpheus great age: a biography of the poet. The work of Rozhdestvenski R. I.: the 1940s – first half of 1960s]. Irkutsk, 2012, 440.

15. *Vysocky V. Nerv* [Nerve]. Comp. Rozhdestvenskiy R. Moscow, 1981, 102.

16. Rozhdestvenskiy R. I. *Sobranie stihotvorenii, pesen v odnom tome* [Collection of poems and songs in one volume]. Moscow: Eksmo, 2014, 1088.

17. Tamarchenko N. D., Tiupa V. I., Broitman S. N. *Teoriia literatury. T. 1. Teoriia hudojestvennogo diskursa. Teoreticheskaia poetika* [Theory of literature. Vol. 1. The theory of literary discourse. Theoretical poetics]. Ed. Tamarchenko N. D. 2nd ed. Moscow: Akademiia, 2007, 512.

18. Timina S. I., Vasil'ev V. E., Voronina O. Iu., Vygon M. S., Zviagina M. Iu., Ivanova N. B., Ka-plan V. M., Kataev V. B., Kobrinskii A. A., Kiakshto N. N., Levchenko M. A., Mart'ianova I. A., Polishchuk V. B., Cherniak V. D., Cherniak M. A. *Sovremennaia russkaia literatura (1990-e – nachalo XXI v.)* [Modern Russian literature (1990s – beginning of XXI century)]. 2nd ed. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakultet SPbGU; Moscow: Akademiia, 2013, 352.

19. Khalizev V. E. *Teoriia literatury* [Theory of literature]. 5th ed. Moscow: Akademiia, 2009, 432.

20. Khriashcheva N. P. *Teoriia literatury: istoriia russkogo i zarubezhnogo literaturovedeniia* [Theory of literature: the history of Russian and foreign literary criticism]. Moscow: FLINTA; Nauka, 2011, 456.

Received 09.03.2016, accepted 26.04.2016.

УДК 81-139

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕРОГАТИВНО МАРКИРОВАННЫХ ЭТНОНИМОВ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

***Т. А. Цебровская*[1, @]**

[1] *Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
[@] *tatyana.tsebrovskaya@gmail.com*

В статье рассмотрены методы, применяемые для структурно-семантического и этнолингвистического анализа дерогативно-маркированных этнонимов современного английского языка. Предложенная методология исследования базируется на социокультурном, структурно-семантическом и этнолингвистическом аспектах изучения языковых единиц на основании анализа теоретических трудов отечественных и зарубежных ученых, а также лексикографических источников.

Ключевые слова: дерогативно маркированный этноним, методология, современный английский язык, этническая идентичность, валентностный анализ, семантический треугольник Огдена-Ричардса, языковая картина мира.

Для цитирования: Цебровская Т. А. Методология исследования дерогативно маркированных этнонимов современного английского языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 216 – 222.

Объектом представленного исследования выбраны дерогативно маркированные этнонимы (далее ДМЭ) современного английского языка. ДМЭ входят в состав более обширной категории этнонимов, включающей как нейтральные, так и экспрессивно-оценочные единицы. В случае с отрицательно маркированными этнонимами, этнос выступает реципиентом резко негативных эмоций и чувств – от насмешки до ненависти. Соответственно, в ядре дерогативного этнонима – противодействие этносу-реципиенту.

Изучение указанных лексических единиц требует применения метода территориально-стратифицированной и этнически стратифицированной выборки на основании четко обозначенных критериев, а именно:

– этнической принадлежности (для классификации с группированием этноминаций на основании этнической принадлежности);

– региона проживания (при определении структурно-семантических и этнолингвистических особенностей этнонимов, функционирующих на данной территории). Например, ДМЭ *Yid-lid, Yiddiot* и *ZOG* обозначают американских евреев. Этноним *Yid-lid* образован словосложением с конечным усечением первого компонента: *YIDdish* («идиш») + *lid* (от английского *lid* – «крышка» через язык идиш *yarmulke* – «ермолка» – традиционный еврейский мужской головной убор) [32]. ДМЭ *Yiddiot* образован словосложением с конечным усечением первого компонента: *YIDdish* («идиш») + *idiot* («дурак») [32]. ДМЭ *ZOG* образован при помощи акронимизации от *Zionist Occupied Government* – «правительство, оккупированное сионистами» [32];

– общих структурно-семантических черт (для классификации по словообразовательному и семантическому признаку). Например, отантропонимические ДМЭ *Goldberg* и *Lewinsky*, номинирующие американских евреев. ДМЭ *Goldberg* образован от распространенной еврейской фамилии [32]. ДМЭ *Lewinsky* образован от фамилии М. Левински (*Lewinsky*); номинация получила широкое распространение после скандала Клинтона-Левински [32].

Подбор анализируемых единиц произведен из таких лексикографических источников, как онлайн-словарь разговорной лексики Urban Dictionary [39], онлайн-словари Oxford English Dictionary [36], Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus [34], ABBYY Lingvo [27], The Free Dictionary [37], Dictionary.com [31], электронных баз данных The Racial Slur Database [38] и Hatebase [32], списков оскорбительных этнонимов на сайтах canadaka.com [30], fact-index.com [33] и других источников фактического материала.

Подбор ДМЭ осуществлен по принципу наличия стилистических помет “(ethnic / racial) slur” и “derogatory”, которые обозначают принадлежность к оскорбительным этнономинациям, в сочетании с указанием на этнические группы, проживающие на территории Великобритании, США, Канады, Австралии или Новой Зеландии. Для описания функционально-стилистического компонента значения в рамках семного анализа использованы пометы “informal”, “colloquial” и “derogatory”.

Исследование ДМЭ строится на детальном этнолингвистическом анализе на основании их этимологии, причин и способов распространения, словообразовательном анализе, основанном на определении способа образования лексемы, а также применении метода семного анализа, то есть анализа структурных компонентов значения слова, цель которого – «описание значения как совокупности сем, через понятие семы» [20, с. 5].

Одним из способов выделения компонентов слова в рамках семного анализа языковых единиц является метод исследования словарных дефиниций, который позволяет проследить этимологию, зафиксировать изменения значения, происходившие в ходе развития языка, а также определить способ словообразования анализируемых лексем. Так, существует методика компонентного анализа слов авторства И. В. Арнольд, опирающаяся в большинстве своем на изучение словарных дефиниций [2], что вносит значительный вклад в исследование межкультурного взаимодействия [2, с. 8]. Например, ДМЭ *Taffy* – «Таффи» – образован от названия водной артерии Уэльса – реки Тафф

с помощью суффиксации (*Taff + y*) [38] или как искажение популярного валлийского произнесения мужского имени *David / Davy* (по-валлийски *Dafydd*) [36]. Народное происхождение этнонима подтверждается также связью с популярным в конце XVIII-начале XIX века детским анти-валлийским стихотворением, которое начинается словами "*Taffy was a Welshman, Taffy was a thief*..." [38] («Таффи был валлийцем, Таффи был вором»).

Наличие словарного толкования позволяет исследователю провести компонентный анализ этнонимов, необходимость использования которого обусловлена отсутствием четких определений некоторых ДМЭ современного английского языка. Как результат, в словарях могут быть представлены сразу несколько определений одной единицы, каждое из которых требует детального анализа, ибо, по словам Ф. Боаса, ("the full analysis must necessarily include the phases that led to its present form") [28, с. 264] *(Прим. автора: «полный анализ должен обязательно включать фазы, которые привели то или иное явление к текущему состоянию).* Так, в британском варианте английского языка, *BBC* – ДМЭ, образованный аббревиацией слов *British Born Chinese* указывает на детей эмигрантов из Китая, выросших среди европейских культурных ценностей и полностью либо частично утративших связь с историческим наследием своей страны [29]. Отметим, что семантическая и стилистическая наполняемость рассматриваемого этнонима варьируется в разных странах. В американском варианте английского языка, *BBC* – ДМЭ для обозначения африканца, аббревиация слов *Big Black Cock* («большой черный петух») [39].

Компонентный анализ проводится в несколько этапов: 1) выделение группы этнонимов; 2) определение общего компонента значения, например, вычленение компонента значения «представитель флоры и фауны»; 3) выделение дифференциальных сем – конститутивных элементов, отличающих значение одной лексемы от другой; 4) подведение итогов анализа.

А.-Ж. Греймас склоняется к идее о наличии двух компонентов в значении слова – видимого семантического и глубинного семиологического или символического [10]. Символическое значение словесных знаков усматривается «поверх» непосредственно обозначаемых ими понятий, объектов, явлений [14, с. 37].

Э. Сепир в труде «Язык и среда» предлагает рассматривать язык как набор символов, которые отражают явления среды, в которую помещена данная группа людей [17, с. 271]. Позиции наличия символического компонента значения придерживаются также И. Л. Андриевич [1], Е. И. Аюпова [3], Д. Б. Гудков [11], В. Т. Клоков и Е. А. Алексеева [14] и Д. А. Тараканова [21; 22].

В частности, Е. И. Аюпова называет символический компонент семантики слова «со-значением» [3, с. 44], а Д. А. Тараканова определяет символическую составляющую как «систему представлений народа о явлениях мироустройства, в условных и абстрактных формах, принадлежащих коллективному сознанию и являющихся общеизвестными для всех носителей языка» [21, с. 4]. Например, ДМЭ *Lamington* [38] (от популярного австралийского десерта, компонентами которого выступают бисквит, шоколадная крошка и кокосовая стружка) – представители коренных австралийских племен. Шоколад символизирует пренебрежение личной гигиеной, а кокосовая стружка означает перхоть.

Ряд исследователей склоняются к концепции, указывающей на тройственную природу языкового знака: символ-референция-референт. Это направление получило распространение в отечественном языкознании в переработанном виде (В. А. Звегинцев [12, с. 193], К. Д. Скрипник [18], А. В. Соколов [19], Т. В. Яшина [26]) после выхода в свет труда Ч. К. Огдена и А. А. Ричардса "The Meaning of Meaning: a Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism" *(Прим. автора: Значение значения: исследование влияния символизма как научного течения и языка на мышление).* В данной совместной работе была впервые представлена модель так называемого «семантического (семиотического) треугольника Огдена-Ричардса» [35, с. 11] (рис.).

Рис. ***Семантический треугольник Огдена-Ричардса***
Fig. ***Ogden-Richards' semantic triangle***

Данная модель «объединяет в себе подходы к пониманию знака де Соссюра и Фреге и может считаться своеобразной синтетической моделью знака» [8, с. 157]. Ч. К. Огден и А. А. Ричардс взяли за основу своего семантического треугольника концепцию языкового знака Ф. де Соссюра, где:

– план выражения – это правая боковая грань «Референт / Обозначаемый объект»;

– план содержания – вершина фигуры «Референция / Означаемое / Интерпретанта»;

– символический компонент значения – левая боковая грань «Символ / Репрезентамен».

Как отмечает У. Эко, семантический треугольник представляет собой «символ, или репрезентамен, соотнесенный с обозначаемым объектом, в вершине же треугольника находится интерпретанта, которую многие склонны отождествлять с означаемым, или референцией. […] Интерпретанта – это то, благодаря чему знак значит даже в отсутствие интерпретатора» [25, с. 67]. Таким образом, символ имеет непосредственную связь с языковым знаком, соответственно, семантический анализ этнономинаций может быть представлен в форме каузальных связей языкового знака и его символа, что позволяет определить «фундамент», на основе которого формировалось современное значение этнонима.

В противовес изысканиям, связанным с символами в языке, основатель этнолингвистики Ф. Боас отрицал символическую концепцию, поскольку «результаты символической интерпретации прямо зависят от субъективной установки исследователя» [5, с. 527].

Вслед за Ю. М. Лотманом и другими учеными, который указывают, что символическое значение выступает средством перевода плана выражения в план содержания [15, с. 191], в данной работе мы придерживаемся концепции символического компонента значения слова.

Одна из первостепенных задач исследования ДМЭ определяется как изучение стереотипных этнических установок, вербализирующих агрессию через ДМЭ в рамках бинарной оппозиции «Свой-Чужой». На основании предложенных Е. И. Шлягиной методологических приемов изучения этнического поведения, нами выбраны:

1) квазипсихологический или социально-психологический подход, предполагающий изучение внешних проявлений этнической терпимости в обществе, в данном случае на уровне вербализации агрессии через стилистически маркированные этнонимы;

2) интрапсихологический или глубинный подход анализирует смысловые установки, функционирующие в социуме и определяющие этническое поведение на бессознательном уровне; в случае с ДМЭ – стереотипные этнические установки, ответственные за разделение этносов на «Свой-Чужой» и формирующие неприятие целых этнических групп на глубинном уровне [24, с. 83 – 84]. Этнорасовое неприятие обусловлено стереотипными установками общества, а социум есть его представители, как справедливо отмечал Ф. Боас [28, с. 260], поэтому глубинный подход к изучению этносов представителей культуры анализируемых англоязычных стран помогает проникнуть в мотивы, определяющие возникновение и ареальную дистрибуцию дерогативных этнонимов.

Одно из ранних теоретических обоснований бинарной оппозиции «Свой-Чужой» было дано в 1940 г. в работе Ф. Боаса «Некоторые проблемы методологии в общественных науках», которая включена в его обширный труд «Раса, язык и культура». Ученый указывает на субъективно-обусловленную природу межэтнических отношений, понимая под этим “attitudes that arise gradually by giving values and meanings to activities, as good or bad, right or wrong, beautiful or ugly, purposive or casually determined” [28, с. 261] *(Прим. автора: «положения, которые являются результатом оценки и определения действий как хороших или плохих, правильных или неверных, прекрасных или безобразных, намеренных или случайно обусловленных»).* Аксиологический подход к межэтническим отношениям априори является субъективным, детерминируя положительное или отрицательное отношение к представителям этнических групп на основе социально-культурных установок в обществе, определяемых предыдущими контактами с ними.

В данном исследовании придерживаемся утверждения Ф. Боаса о том, что место проживания этноса определяет не только контакты с представителями иных культур, но и оказывает значительное влияние на развитие собственной культуры через межкультурное взаимодействие [28, с. 266].

Современное состояние науки характеризуется сближением дисциплин и исследованиями на стыке наук, поэтому представленная работа выполнена в рамках междисциплинарного подхода. Это позволяет взглянуть на изучаемую проблему по-иному, расширить горизонты изысканий и получить «принципиально новые результаты» исследования [2, с. 7]. Междисциплинарный подход определил необходимость комплексного анализа места этнонимов в языковой картине мира на базе синтеза лингвистики, этносоциологии и лингвокультурологии как общественно-гуманитарных наук, изучающих роль языковой личности в обществе и культуре.

Социокультурный подход объединяет социально-философские, социологические и антропологические аспекты познания, предлагая как познавательные, так и методологические возможности [16, с. 305].

В исследовании, тесно связанном с культурой, необходимо задействовать генетический метод, поскольку «благодаря последовательности логических операций, связанных с осмыслением и выявлением генетических истоков того или иного явления, этот метод постепенно формирует и наполняет содержанием суждения и умозаключения относительно природы и сущности изучаемого объекта» [23, с. 63]. Культурно-историческое изучение этнонимов позволяет проследить изменения, происходящие в языке через призму этнорасовых отношений, спрогнозировать дальнейший вектор их развития (например, в виде кодифицированных этнономинаций в изучаемых англоязычных странах из-за жестких ограничений, связанных с политической корректностью).

В представленной работе мы руководствуемся методологической классификацией Ю. М. Резника, в рамках которой выделяются три ступени функционирования социокультурного подхода [16, с. 305 – 307]:

1) общетеоретический уровень дает социально-философское обоснование всей совокупности разнообразия феноменов социального мира. Поскольку феномен этнонимизации находит непосредственное вербальное воплощение в языке, к общетеоретическому уровню социокультурного подхода помимо явлений социального мира, примыкают также лингвистический и этнолингвистический аспекты;

2) социально-научный аспект заключается в рассмотрении формализованных структур социума, в которых культура выступает условием их возникновения, и предполагает институционный анализ (поиск цели объединения индивидов в социальный институт и изучение особенностей их поведения в конкретных условиях), а также внеинституционных образований, в которых личность – главное условие их существования.

Рассмотрение внеинституционных образований предполагает антропологический анализ [4, с. 48], ученые, изучающие социальную антропологию, занимаются этнографической практикой [9, с. 11]. Таким образом, достигается цель социокультурной парадигмы современной лингвистики – рассмотрение не только языка, но и его носителей через язык [4, с. 48];

3) конкретно-эмпирический уровень практических оснований результатов исследования, подкрепленных фактами действительности.

Этносоциологический подход предполагает, что каждый этнос как социальная единица аккумулирует уникальный исторический и этнокультурный опыт, являясь, таким образом, источником для понимания социальных процессов в контексте взаимоотношений этнических групп. В соответствии с данным подходом в работе рассматриваются проблемы межэтнического взаимодействия в условиях полиэтнического пространства.

Руководствуясь высказыванием И. А. Бодуэна де Куртенэ о том, что «нужно чаще применять в языкознании количественное, математическое мышление и таким образом приблизить его всё более и более к наукам точным» [6, с. 17], мы дополнили приведенные выше методы исследования квантитативным и квалитативным анализом. Утверждение квантитативного метода в языкознании связано с развитием структурной лингвистики, актуализирующей количественные критерии в структуре языка [7, с. 145]. Квалитативный метод предполагает подробный анализ эмпирического материала, или «насыщенное описание» [9, с. 11], в которое вовлечены этнографический и этнолингвистический аспекты, и которое предполагает поиск глубинного смысла «социального кода» [9, с. 11]. Указанные методы позволяют получить ценные сведения о количественном и качественном составе дерогативных этнонимов современного английского языка, симбиоз объективных математических данных и расшифровку символической составляющей семантики слова.

В рамках междисциплинарного подхода, опираемся на метод этнологии, предложенный Ф. Боасом в 1920 г. в статье «Методы этнологии», который «зиждется на изучении динамических изменений в обществе, доступном наблюдению в данное время» [5, с. 523].

Ф. Боас подчеркивает, что большинство людей не знакомы с законами развития языка, однако именно лингвистические категории позволяют формировать определенное мировосприятие на основе понятийной системы, воспринимаемой как «объективно данная» и влияющей на способ мышления [5, с. 526 – 527]. Таким образом, изучение ДМЭ в рамках структурной семантики и этнолингвистики эксплицирует особенности мировосприятия этносов и национальных общностей в ракурсе языковой картины мира.

Поставленная перед исследователем цель научной работы предполагает также использование метода научного описания – классификацию и анализ дерогативных этнонимов современного английского языка, а также описание результатов, полученных в процессе исследования. Перед использованием данного метода требуются предварительные наблюдения и сбор фактического материала.

Применяя метод дифференциального (оппозиционного) анализа как средство научного познания, ставим целью определить сходства и различия между этнонимами, функционирующими на территориях исследуемых стран на основе бинарной оппозиции «Свой-Чужой». Используя данный метод в научной работе, руководствуемся тезисом Ф. де Соссюра, представленным в работе И. В. Арнольд «Основы научных исследований в лингвистике», о том, что «лингвистический механизм вращается вокруг тождеств и различий, причем эти последние только обратная сторона первых» [2, с. 37]. Так, ДМЭ *Kiwi* можно рассматривать как бинарный этноним, имеющий как положительное, так и пейоративное значение в рамках дихотомии «Свой-Чужой». Интернет-ресурс дерогативных этнонимов *The Racial slur Database* указывает на амбивалентность данной лексемы, то есть рассматривается как с позиции «Свой», так и «Чужой», и имеет помету *"not necessarily a slur"* («не всегда оскорбление») [38]. *Urban Dictionary* определяет лишь положительное значение данного этнонима с позиции «Свой»: *"slang for a person born in New Zealand. Synonymous with hard-working individuals, talented artists and relaxed easy-going people" (Прим. автора: «сленговое понятие для описания человека, родившегося в Новой Зеландии; подразумевает трудолюбивых, общительных людей и талантливых художников»)* [39].

Понятие оппозиции было сформулировано представителями Пражской лингвистической школы в 1930-е гг., в частности, положения учения об оппозициях Н. С. Трубецкого и дихотомической теории Р. О. Якобсона выкристаллизовали общую концепцию. В противовес понятию парадигмы, предполагающей соотнесенность анализируемых единиц и неограниченное число ее членов, бинарная дихотомия требует противопоставления лишь двух единиц. Оппозиция при анализе этнонимов получила противопоставительные признаки на основании родственности-чуждости как противоположных понятий, формирующих этнорасовую предвзятость в языковой картине мира.

Валентностный анализ, который применяется при работе с ДМЭ, основан на исследовании лексической валентности. Разработкой понятия лингвистической валентности и методики ее анализа занимались С. Д. Кацнельсон [13, с. 20 – 32], Б. М. Лейкин, О. Н. Селиверстова, М. Д. Степанова и В. И. Шаховский.

В. И. Шаховский впервые использовал методику валентностного анализа для объяснения связи денотативного и эмотивного компонента значения, понимая под валентностью «способность лингвистической единицы вступать в эмотивные связи с другими единицами на основе содержащихся в них явных или скрытых (импликационных) эмосем и таким образом осуществлять свою эмотивную функцию» [2, с. 45].

Метод анализа лексической валентности используется для изучения эксплицитных или имплицитных эмосем на основе шкалы, определяющей эмотивные связи ДМЭ с другими лексическими единицами.

Исходя из вышесказанного, предложенная методология исследования ДМЭ базируется на социокультурном, структурно-семантическом и этнолингвистическом аспектах изучения представленных языковых единиц на основании анализа соответствующих лексикографических источников.

Литература

1. Андриевич И. Л. Коннотация как способ представления культуры в лексике семейных обрядов русских старожилов Иркутской области // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. Вып. 10. С. 107 – 110.

2. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Либроком, 2011. 144 с.

3. Аюпова Е. И. О символическом компоненте значения слова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4 – 6 октября 2004 г.): труды и материалы; под общ. ред. К. Р. Галиуллина. Казань: Издательство Казанского университета, 2004. С. 44 – 46.

4. Бакалінський М. Л. Розвиток і функціонування лексикону організованих злочинних угруповань в США: дис. … канд. филол. наук. Запоріжжя, 2011. 243 с.

5. Боас Ф. Методы этнологии [пер. Ю. С. Терентьева] // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1. С. 519 – 527.

6. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Издательство АН СССР, 1963. Т. 2. 392 с.

7. Верхозин С. С. О статусе количественных методов в лингвистике // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3(24). С. 145 – 150.

8. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации. СПб.: Питер, 2011. 285 с.

9. Гирц К. Интерпретация культур [пер. с англ.]. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 560 с.

10. Греймас А.-Ж. Структурная семантика. Поиск метода [пер. с фр. Л. Зиминой]. М.: Академический проект, 2004. 368 с.

11. Гудков Д. Б. Коннотации и символические значения единиц вербальных культурных кодов // Русский язык: исторические судьбы и современность: сборник тезисов II Международного конгресса исследователей русского языка. М., 2004. С. 2 – 4.

12. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Издательство Московского университета, 1976. 306 с.

13. Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 20 – 32.

14. Клоков В. Т., Алексеева Е. А. Символический компонент значения в семантике языковых единиц // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 34 – 39.

15. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 191 – 199.

16. Резник Ю. М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. С. 305 – 328.

17. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

18. Скрипник К. Д. Семиотика: глоссарий ключевых терминов. Ростов н/Д.: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2010. 250 с.

19. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие. СПб.: Издательство Михайлова В. А., 2002. 461 с.

20. Стернин И. А., Соломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.

21. Тараканова Д. А. Символический компонент значения диалектного слова (на материале говоров Среднего Приобья): автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2012. 23 с.

22. Тараканова Д. А. Символическое значение лексических единиц, обозначающих части дома (на материале говоров Среднего Приобья) // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 9. Режим доступа: http://web.snauka.ru/issues/2013/09/26607 (дата обращения: 24.08.2014).

23. Теория культуры: учебное пособие / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. СПб.: Питер, 2008. 592 с.

24. Шлягина Е. И., Ениколопов С. Н. Исследования этнической толерантности личности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 80 – 89.

25. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Simposium, 2004. 544 с.

26. Яшина Т. В. Вариативность семантического треугольника в аспекте изучения терминологических единиц // Огарёв-online: Электронное периодическое издание для студентов и аспирантов. Филологические науки. Вып. 04. Иностранные языки «Nulla dies sine linea». Режим доступа: http://journal.mrsu.ru/arts/variativnost-semanticheskogo-treugolnika-v-aspekte-izucheniya-terminologicheskikh-edinic (дата обращения: 24.08.2014).

27. ABBYY Lingvo. Режим доступа: http://www.lingvo.ru (дата обращения: 05.08.2014).

28. Boas F. Some problems of methodology in the social sciences // Race, language and culture. New York: Free Press, 1940. P. 260 – 269.

29. British Born Chinese: We are NOT Chinese // Roots: Exploring Identities. Режим доступа: http://root-sidentities.co.uk/Issue2/Features/British_born_Chinese.html (дата обращения: 5.08.2013).

30. Canadian Racial Slurs // Canadaka. Режим доступа: http://www.canadaka.net/content/page/137-canadian-racial-slurs (дата обращения: 28.08.2013).

31. Dictionary.com. Режим доступа: http://dictionary.reference.com (дата обращения: 05.08.2013).

32. Hatebase. Режим доступа: http://www.hatebase.org (дата обращения: 05.08.2013).

33. List of Ethnic Slurs. Режим доступа: http://www.fact-index.com/l/li/list_of_ethnic_slurs.html (дата обращения: 5.08.2013).

34. Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus. Режим доступа: http://www.merriam-webster.com (дата обращения: 5.08.2013).
35. Ogden C. K., Richards I. A. The Meaning of Meaning: a Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism. London – New York: Routledge, 2001. 386 p.
36. Oxford Dictionaries. Режим доступа: http://oxforddictionaries.com (дата обращения: 05.08.2013).
37. The Free Dictionary. Режим доступа: http://www.thefreedictionary.com (дата обращения: 05.08.2013).
38. The Racial Slur Database. Режим доступа: http://www.rsdb.org/ (дата обращения: 05.08.2013).
39. Urban Dictionary. Режим доступа: http://www.urbandictionary.com/ (дата обращения: 05.08.2013).

Информация об авторе:
Цебровская Татьяна Александровна – преподаватель кафедры иностранных языков № 3 Института иностранной филологии (структурное подразделение) Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, tatyana.tsebrovskaya@gmail.com.

Статья поступила в редколлегию 02.02.2016 г., принята к печати 21.04.2016 г.

THE METHODOLOGY OF RESEARCH OF THE DEROGATORY-MARKED ETHNONYMS IN MODERN ENGLISH

Tatyana A. Tsebrovskaya [1, @]

[1] *Taurida Academy of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky*
[@] *tatyana.tsebrovskaya@gmail.com*

The paper describes the methods used for the structural-semantic and ethnolinguistic analysis of the derogatory-marked ethnonyms of modern English, particularly American, British, Canadian, Australian and New Zealand English. The proposed research methodology is based on the socio-cultural, structural-semantic and ethnolinguistic aspects of the study of language units based on the analysis of theoretical works of Russian and foreign scientists, as well as lexicographical sources.

Keywords: derogatory-marked ethnonym, methodology, modern English, ethnic identity, valency analysis, Ogden-Richards' semantic triangle, linguistic picture of the world.

For citation: Tsebrovskaya T. A. Metodologiia issledovaniia derogativno markirovannykh etnonimov sovremennogo angliiskogo iazyka [The methodology of research of the derogatory-marked ethnonyms in modern English]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 216 – 222.

References

1. Andrievich I. L. Konnotatsiia kak sposob predstavleniia kul'tury v leksike semeinykh obriadov russkikh starozhilov Irkutskoi oblasti [Connotation as a means of representation of culture in lexis of family ceremonies of old-time residents of Irkutsk region]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Buryat State University*, issue 10 (2010): 107 – 110.
2. Arnol'd I. V. *Osnovy nauchnykh issledovanii v lingvistike* [Basics of scientific research in linguistics]. Moscow: Librokom, 2011, 144.
3. Aiupova E. I. O simvolicheskom komponente znacheniia slova [On symbolic component of word meaning]. *Russkaia i sopostavitel'naia filologiia: sostoianie i perspektivy: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 200-letiiu Kazanskogo universiteta (Kazan', 4 – 6 oktiabria 2004 g.): trudy i materialy* [Russian and comparative philology: state and prospect: Intern. Sci. Conf. devoted to the 200 anniversary of Kazan University (Kazan, October 4 – 6 2004): Proc. and materials]. Ed. Galiullin K. R. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2004, 44 – 46.
4. Bakalins'kii M. L. *Rozvitok i funktsionuvannia leksikonu organizovanikh zlochinnikh ugrupovan' v SShA*. Diss. kand. filol. nauk [Development and functioning of lexicon of organized criminal groups in the U.S.A. Cand. filol. Sci. Diss.]. Zaporizhzhia, 2011, 243.
5. Boas F. Metody etnologii [Ethnology techniques]. Transl. Terent'eva Y. S. *Antologiia issledovanii kul'tury – Anthology of culture research*. Saint-Petersburg: Universitetskaia kniga, vol. 1 (1997): 519 – 527.
6. Boduen de Kurtene I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniiu* [Selected works on general linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963, vol. 2, 392.
7. Verkhozin S. S. O statuse kolichestvennykh metodov v lingvistike [On status of quatitative techniques in linguistics]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Bulletin of Irkutsk State University,* no. 3(24) (2013): 145 – 150.
8. Gavra D. P. *Osnovy teorii kommunikatsii* [Basics of theory of communication]. Saint-Petersburg: Piter, 2011, 285.
9. Geertz C. *Interpretatsiia kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, 2004, 560.

10. Greimas A.-J. *Strukturnaia semantika. Poisk metoda* [Structural semantics. In search of technique]. Transl. Zimina L.]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2004, 368.

11. Gudkov D. B. Konnotatsii i simvolicheskie znacheniia edinits verbal'nykh kul'turnykh kodov [Connotations and symbolic meaning of items of verbal cultural codes]. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': sbornik tezisov II Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelei russkogo iazyka* [The Russian language: historical destiny and modernity: collection of abstracts 2nd Int. Congress of researchers of the Russian language]. Moscow, 2004, 2 – 4.

12. Zvegintsev V. A. *Predlozhenie i ego otnoshenie k iazyku i rechi* [Sentence and its relation to language and speach]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976, 306.

13. Katsnel'son S. D. K poniatiiu tipov valentnosti [On the notion of valency types]. *Voprosy iazykoznaniia – Problems of linguistics*, no. 3 (1987): 20 – 32.

14. Klokov V. T., Alekseeva E. A. Simvolicheskii komponent znacheniia v semantike iazykovykh edinits [Symbolic component of meaning in semantics of language unit]. *Iazyk, kommunikatsiia i sotsial'naia sreda – Language, communication and social surrounding*, issue 1 (2001): 34 – 39.

15. Lotman Iu. M. *Izbrannye stat'i [Selected articles]*. Tallinn, vol. 1 (1992): 191 – 199.

16. Reznik Iu. M. Sotsiokul'turnyi podkhod kak metodologiia issledovanii [Sociocultural approach as research methodology]. *Voprosy sotsial'noi teorii – Problems of social theory*, vol. 2 (2008): 305 – 328.

17. Sapir E. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu i kul'turologii* [Selected works on linguistics an culturology]. Moscow: Progress, 1993, 656.

18. Skripnik K. D. *Semiotika: glossarii kliuchevykh terminov* [Semiotics: glossary of key terms]. Rostov-on-Don: Rossiiskaia tamozhennaia akademiia, Rostovskii filial, 2010, 250.

19. Sokolov A. V. *Obshchaia teoriia sotsial'noi kommunikatsii* [General theory of social communication]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Mikhailova V. A., 2002, 461.

20. Sternin I. A., Solomatina M. S. *Semanticheskii analiz slova v kontekste* [Semantic analysis of a word in context]. Voronezh: Istoki, 2011, 150.

21. Tarakanova D. A. *Simvolicheskii komponent znacheniia dialektnogo slova (na materiale govorov Srednego Priob'ia)*. Avtoref. Diss. kand. filol. nauk [Symbolic component of meaning of a dialectic word (based on dialect of Middle of Priob'ye.) Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Tomsk, 2012, 23.

22. Tarakanova D. A. Simvolicheskoe znachenie leksicheskikh edinits, oboznachaiushchikh chasti doma (na materiale govorov Srednego Priob'ia) [Symbolic meaning of legical units that mean parts of a house (based on dialect of Middle Priob'ye]. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovatsii – Modern scientific researches and innovations*, no. 9 (2013). Available at: http://web.snauka.ru/issues/2013/09/26607 (accessed 24.08.2014).

23. *Teoriia kul'tury* [Theory of culture]. Ed. Ikonnikova S. N., Bol'shakov V. P. Saint-Petersburg: Piter, 2008, 592.

24. Shliagina E. I., Enikolopov S. N. Issledovaniia etnicheskoi tolerantnosti lichnosti [Researches of ethnical tolerance of personality]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal – National psychological journal*, no. 2 (2011): 80 – 89.

25. Eco U. *Otsutstvuiushchaia struktura. Vvedenie v semiologiiu* [Absent structure. Introduction to semiology]. Saint-Petersburg: Simposium, 2004, 544.

26. Iashina T. V. Variativnost' semanticheskogo treugol'nika v aspekte izucheniia terminologicheskikh edinits [Variebility of semantic triangle in aspect of studying terminology units]. *Ogarev-online: Elektronnoe periodicheskoe izdanie dlia studentov i aspirantov. Filologicheskie nauki. Vyp. 04. Inostrannye iazyki «Nulla dies sine linea» – Ogarev-online: Electronic periodical edition for students and post-graduate students. Philological sciences. Issue 04. Foreign languages "Nulla dies sine linea"*. Available at: http://journal.mrsu.ru/arts/variativnost-semanticheskogo-treugolnika-v-aspekte-izucheniya-terminologicheskikh-edinic (accessed 24.08.2014).

27. *ABBYY Lingvo*. Available at: http://www.lingvo.ru (accessed 05.08.2014).

28. Boas F. Some problems of methodology in the social sciences. *Race, language and culture*. New York: Free Press, 1940, 260 – 269.

29. British Born Chinese: We are NOT Chinese. *Roots: Exploring Identities.* Available at: http://root-sidentities.co.uk/Issue2/Features/British_born_Chinese.html (accessed 05.08.2013).

30. Canadian Racial Slurs. *Canadaka*. Available at: http://www.canadaka.net/content/page/137-canadian-racial-slurs (accessed 28.08.2013).

31. *Dictionary.com.* Available at: http://dictionary.reference.com (accessed 05.08.2013).

32. *Hatebase*. Available at: http://www.hatebase.org (accessed 05.08.2013).

33. *List of Ethnic Slurs.* Available at: http://www.fact-index.com/l/li/list_of_ethnic_slurs.html (accessed 05.08.2013).

34. *Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus.* Available at: http://www.merriam-webster.com (accessed 05.08.2013).

35. Ogden C. K., Richards I. A. *The Meaning of Meaning: a Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*. London – New York: Routledge, 2001, 386.

36. *Oxford Dictionaries*. Available at: http://oxforddictionaries.com (accessed 05.08.2013).

37. *The Free Dictionary*. Available at: http://www.thefreedictionary.com (accessed 05.08.2013).

38. *The Racial Slur Database*. Available at: http://www.rsdb.org/ (accessed 05.08.2013).

39. *Urban Dictionary*. Available at: http://www.urbandictionary.com/ (accessed 05.08.2013).

Received 02.02.2016, accepted 21.04.2016.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе, соответствующие тематике журнала, и ранее не опубликованные ни в каких других изданиях. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Порядок предоставления материала в редакцию

1. Текст статьи представляется в редакцию в виде файла с расширением .doc, построенного средствами Microsoft Word 97-2007 через систему электронной редакции на сайте издания, или по электронной почте vestnik@kemsu.ru.
2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.
3. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.
4. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Все поступившие в редакцию статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат», представленные материалы должны быть оригинальными – с уникальностью текста не менее 75 %.
5. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.
6. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.
7. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.
8. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.
9. Статьи обучающихся (аспиранты, магистранты, студенты) вузов и научных организаций России, а также сотрудников КемГУ, работающих над диссертационными исследованиями, темы которых утверждены ученым советом университета, публикуются при наличии рекомендации научного руководителя (научного консультанта) и (или) решения кафедры. Статьи студентов при этом принимаются для публикации по рекомендации кафедры только в соавторстве с научным руководителем или учеными, являющимися специалистами в соответствующей области науки.
10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала. Статьи публикуются в порядке очередности: прием к публикации не предполагает опубликования в ближайшем номере журнала.
11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Структура статьи

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; контактные данные (телефон, адрес электронной почты).

Требования к оформлению статей

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
4. Статья должна быть снабжена аннотацией на русском и английском языках. Аннотация к статье должна быть: информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное со-

держание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи: предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.

5. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 –7).

6. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров.

7. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.

8. Таблицы нумеруются, если их число более одной.

9. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках.

10. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература». Под одним номером допустимо указывать только один источник.

11. Список литературы в транслитерации предваряется словом "References", приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. Примеры описания цитируемых публикаций приведены на сайте издания.

12. Для перевода описания источников в латиницу следует использовать Систему транслитерации Библиотеки Конгресса США (LC), в основе описания источников выбран стиль Chicago style citation.

13. На последней странице статьи указываются сведения об авторах на русском и английском языках: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

14. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

15. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.
Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).
Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала
приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

http://vestnik.kemsu.ru

Редакторы выпуска:
Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих
Компьютерная верстка – В. А. Шерина

Подписано к печати 25.05.2016 г. Формат А 4.
Дата выхода в свет 30.06.2016 г.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 28,25. Уч.- изд. л. – 26,73.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.

Отпечатано